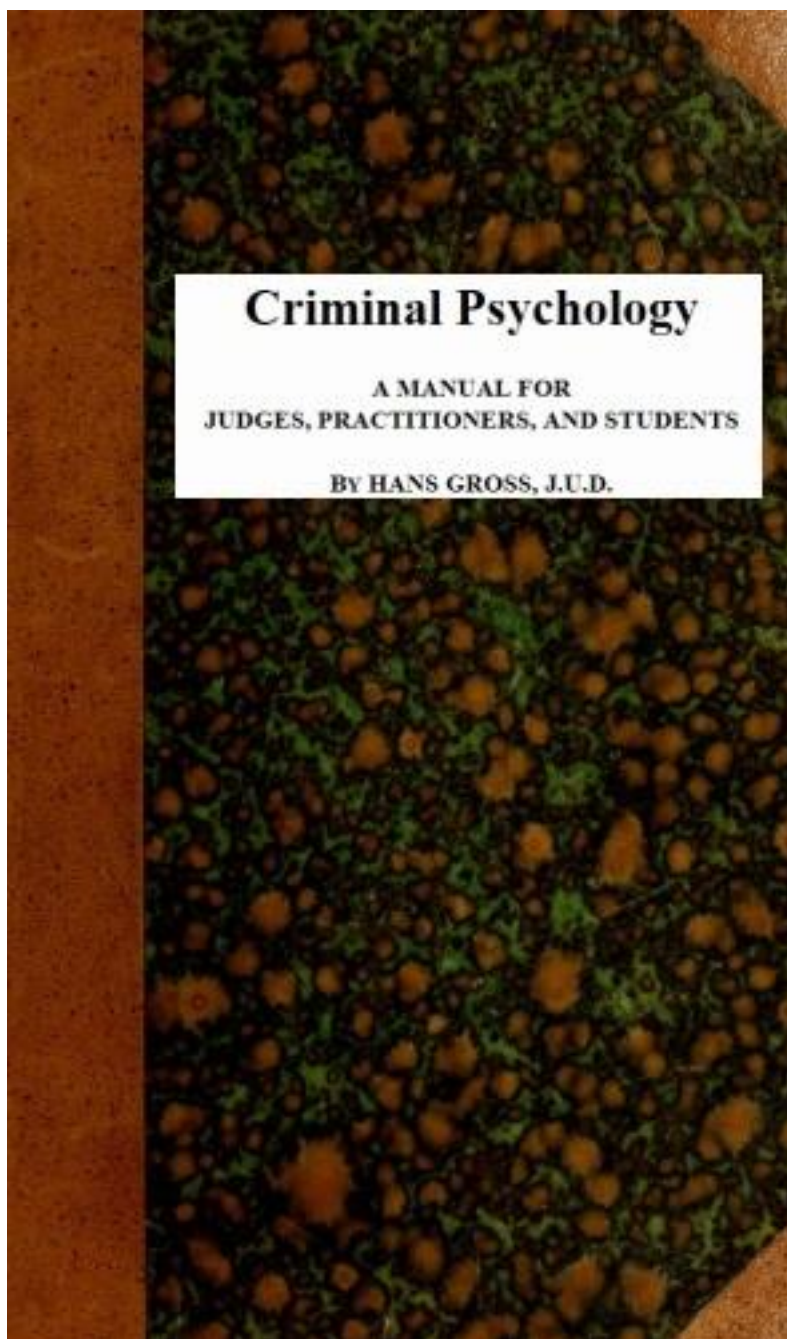

Криминальная психология. Руководство для судей, практиков и студентов

Ганс Гросс

The Project Gutenberg eBook of Criminal Psychology: A Manual for Judges, Practitioners, and Students

Эта электронная книга предназначена для использования любым человеком в любой точке Соединенных Штатов и большинстве других частей света без каких-либо затрат и почти без ограничений. Вы можете копировать ее, дарить или повторно использовать на условиях Лицензии проекта "Гутенберг", прилагаемой к этой электронной книге или размещенной на сайте www.gutenberg.org. Если вы находитесь не в Соединенных Штатах, то перед использованием этой электронной книги вам придется ознакомиться с законодательством страны, в которой вы находитесь.

Название: Criminal Psychology: Пособие для судей, практиков и студентов

Автор: Ганс Гросс

Автор введения и т.д.: Джозеф Джастроу

Переводчик: Хорас Мейер Каллен

Дата выхода: 1 мая 1998 года [eBook #1320]

Последнее обновление: 29 октября 2024 г.

Язык: Английский

Кредиты: Подготовлено Чаком Грейфом и командой Online Distributed Proofreading Team на <http://www.pgdp.net> (Этот файл был создан на основе изображений, доступных в Интернет-архиве)
Спасибо Чарльзу Келлеру за оригинальное сканирование

*** НАЧАЛО ПРОЕКТА GUTENBERG EBOOK CRIMINAL PSYCHOLOGY: A MANUAL FOR JUDGES, PRACTITIONERS, AND STUDENTS ***

Сделана попытка воспроизвести оригинал в печатном виде.

Некоторые опечатки были исправлены; [список приводится после текста](#). Немецкое и французское написание не изменено по сравнению с оригиналом.

[Содержание.](#)

[Указатель: A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, V, W, Z](#)

[Сноски](#)

(примечание транскриптора электронного текста)

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ

СЕРИЯ "СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНАЛИСТИКА

Издается под эгидой Американского института уголовного права и криминологии

1. Современные теории преступности. К. Бернальдо де Кирос, Мадрид. Переведено со второго испанского издания доктором Альфонсо де Сальвио, доцентом кафедры романских

языков Северо-Западного университета. С американским предисловием автора и предисловием У. У. Смитерса, адвоката из Филадельфии.

2. Криминальная психология. Ганс Гросс, профессор уголовного права в университете Граца, Австрия, редактор "Архивов криминальной антропологии и криминалистики" и др. Переведено с четвертого немецкого издания д-ром Хорасом М. Калленом, профессором философии Висконсинского университета. С американским предисловием автора и введением Джозефа Джастроу, профессора психологии Висконсинского университета.

3. Преступность, ее причины и способы лечения. Чезаре Ломброзо, покойный профессор психиатрии и юридической медицины в Туринском университете, автор книги "Преступный человек", основатель и редактор "Архива психиатрии и уголовных наук". Переведено с французского и немецкого изданий преподобным Генри П. Хортоном, магистром философии, из Итаки, штат Нью-Йорк. С предисловием Мориса Пармели, доцента социологии в университете Миссури.

4. Индивидуализация наказания. Раймон Салий, профессор сравнительного права Парижского университета. Переведено со второго французского издания миссис Рэйчел Сзолд Джастроу из Мэдисона, штат Висконсин. С предисловием Роско Паунда, профессора права Гарвардского университета.

5. Философия наказания. Габриэль Тарде, бывший магистрат в Пикардии, профессор современной философии в Колледже Франции и лектор Парижской школы политических наук. Переведено с четвертого французского издания Рапелем Хауэллом, адвокатом из Нью-Йорка. С редакционным предисловием Эдварда Линдсея, члена коллегии адвокатов Уоррена, штат Пенсильвания, и введением Роберта Х. Голта, доцента психологии в Северо-Западном университете.

6. Преступность и ее подавление. Густав Ашаффенбург, профессор психиатрии в Академии практической медицины в Кельне, редактор "Ежемесячного журнала криминальной психологии и реформы уголовного права". Переведено со второго немецкого издания Адальбертом Альбрехтом. С редакционным предисловием Мориса Пармели, доцента социологии в Университете Миссури, и предисловием Артура К. Трейна, бывшего помощника окружного прокурора округа Нью-Йорк.

7. Криминология. Раффаэле Гарофало, бывший председатель Апелляционного суда Неаполя. Переведено с первого итальянского и пятого французского издания Робертом В. Милларом, эсквайром из Чикаго, профессором юридического факультета Северо-Западного университета. С предисловием Э. Рэя Стивенса, судьи окружного суда, Мэдисон, штат Висконсин.

8. Преступность и экономические условия. В. А. Бонгер, доктор права Амстердамского университета. Перевод с французского Генри П. Хортон, магистра права, Итака, штат Нью-Йорк. С американским предисловием автора, редакционным предисловием Эдварда Линдсея, адвоката из Уоррена, штат Пенсильвания, и введением Фрэнка Х. Норкрасса, судьи Верховного суда штата Невада.

9. Криминальная социология. Энрико Ферри, член римской коллегии адвокатов, профессор уголовного права и процесса в Римском университете, редактор "Архивов психиатрии и уголовных наук", "Позитивистской школы в теории и практике уголовного права" и др. Переведено с четвертого итальянского и второго французского издания Джозефом И. Келли, в прошлом преподавателем римского права в Северо-Западном университете и деканом

юридического факультета в Университете Луизианы, и Джоном Лайзлом, в прошлом членом коллегии адвокатов Филадельфии. С американским предисловием автора, редакционным предисловием Уильяма В. Смитерса, члена коллегии адвокатов Филадельфии, и введениями Чарльза А. Эллвуда, профессора социологии в университете Миссури, и Куинси А. Майерса, бывшего председателя Верховного суда штата Индиана.

СЕРИЯ "СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНАЛИСТИКА

Издается под эгидой

АМЕРИКАНСКОГО ИНСТИТУТА УГОЛОВНОГО ПРАВА И КРИМИНОЛОГИИ

Криминальная психология

ПОСОБИЕ ДЛЯ СУДЕЙ, ПРАКТИКОВ И СТУДЕНТОВ

Ганс ГРОСС, доктор юридических наук.

Профессор уголовного права в Университете Граца, Австрия. Бывший мировой судья уголовного суда в Черновице, Австрия.

Перевод с четвертого немецкого издания Горация М. Каллена, доктора философии.

Ассистент и преподаватель философии в Гарвардском университете

С ПРЕДИСЛОВИЕМ ДЖОЗЕФА ДЖАСТРОУ, ДОКТОРА ФИЛОСОФИИ.

Профессор психологии в Висконсинском университете

БОСТОН

ЛИТЛ, БРАУН И КОМПАНИЯ

1918

Авторское право, 1911 год,

Литтл, Браун и компания.

Все права защищены

ОБЩЕЕ ВВЕДЕНИЕ В СЕРИЮ "СОВРЕМЕННАЯ КРИМИНОЛОГИЯ".

На Национальной конференции по уголовному праву и криминологии, состоявшейся в Чикаго, в Северо-Западном университете, в июне 1909 года, был организован Американский

институт уголовного права и криминологии, и в рамках его работы была принята следующая резолюция:

"Принимая во внимание, что крайне желательно, чтобы важные трактаты по криминологии на иностранных языках были легко доступны на английском языке, постановлено, чтобы президент назначил комитет из пяти человек, уполномоченный выбирать такие трактаты, которые, по их мнению, должны быть переведены, и организовывать их публикацию".

Комитет, назначенный в соответствии с этой резолюцией, тщательно изучил литературу по данному вопросу и провел частые консультации. Он выбрал несколько работ из массы материалов. Он договорился с издателем, с авторами и с переводчиками, чтобы немедленно приступить к работе и быстро выполнить поставленную задачу. Он осознает необходимость просвещения специалистов и общественности путем широкого распространения информации по этому вопросу. Здесь он желает объяснить соображения, которыми он руководствовался, стремясь выбрать трактаты, наиболее подходящие для этой цели.

Для общества в целом важно признать, что уголовная наука - это нечто большее, чем уголовное право. Профессия юриста, в частности, обязана ознакомиться с принципами этой науки как единственного средства разумного и систематического совершенствования уголовного права.

Два века назад, когда современная медицинская наука была еще молода, практикующие врачи исходили из двух общих предположений: одно - о причине болезни, другое - о ее лечении. Что касается причины болезни, то она была послана непостижимой волей Бога. Ни один человек не мог постичь ни этой воли, ни ее произвольного действия. Что касается лечения болезней, то считалось, что существует несколько средств, обладающих универсальной эффективностью. Каломель и кровопускание, например, были двумя основными из них. Большая или меньшая доза каломели, большее или меньшее количество кровопусканий - этот слепо безразборчивый способ лечения считался ортодоксальным для всех распространенных видов недугов. И поэтому врач повсюду носил с собой таблетку каломели и ланцет для кровопускания.

Сегодня в медицине все это в прошлом. Что касается причин болезней, то мы знаем, что они являются фактами природы, - разнообразными, но различимыми с помощью диагностики и исследований, и в большей или меньшей степени поддающимися профилактике, контролю или противодействию. Что касается лечения, то теперь мы знаем, что существуют различные специфические методы лечения для конкретных причин или симптомов, и что лечение должно быть адаптировано к причине. Короче говоря, индивидуализация болезни, как причины, так и лечения, является доминирующей истиной современной медицинской науки.

Та же истина теперь известна и о преступности, но ее понимание и применение только открываются перед нами. Старая и до сих пор господствующая мысль заключается в том, что причиной преступления является непостижимая моральная свободная воля человека, который совершает или не совершает преступление, как ему заблагорассудится; он абсолютно свободен заранее, в любой момент времени, выбрать или не выбрать преступное деяние, и поэтому сам по себе является единственной и окончательной причиной преступления. Что касается лечения, то до сих пор существуют лишь две традиционные меры, применяемые в разных дозах ко всем видам преступлений и ко всем видам лиц, - тюрьма или штраф (смерть теперь применяется лишь в редких случаях). Но современная наука, как и медицина, признает, что преступление, как и болезнь, имеет естественные причины. Не стоит ни на минуту утверждать, что преступность - это болезнь. Но у нее есть естественные причины, то есть обстоятельства, которые приводят к ее возникновению в

конкретном случае. А что касается лечения, то современная наука признает, что уголовное или исправительное лечение не может быть неизбирательным и машинным, а должно быть адаптировано к причинам и к человеку, на которого эти причины влияют. Здравый смысл и логика неизбежно требуют, чтобы в тот момент, когда мы указываем на конкретную причину нежелательного эффекта, лечение должно быть специально адаптировано к этой причине.

Таким образом, великая истина настоящего и будущего для криминалистики заключается в индивидуализации уголовного лечения - для данного человека и для причины его преступления.

Теперь эта истина открывает огромное поле для переосмысления. Это означает, что мы должны изучить все возможные данные, которые могут быть причинами преступлений, - наследственность человека, его физические и моральные задатки, его эмоциональный темперамент, окружение его юности, его нынешний дом и другие условия, - все влияющие обстоятельства. А это значит, что эффект различных методов лечения, старых или новых, для разных типов людей и причин, должен изучаться, экспериментировать и сравниваться. Только таким образом можно достичь точного знания и принять новые эффективные меры.

Все это происходит в Европе уже сорок лет, а в нашей стране - в ограниченных масштабах. Работали все отрасли науки, которые могут помочь, - антропология, медицина, психология, экономика, социология, филантропия, пенология. И только юриспруденция воздерживается. Юридическая наука - та, которой все это должно быть выгодно. Но общество в целом и юридическая профессия в частности остаются либо невежественными в отношении всего предмета, либо равнодушными ко всему научному движению. И это невежество или равнодушие преграждает путь к прогрессу в управлении.

Поэтому Институт берет на себя одну из своих целей - прививать изучение современной криминалистики, как насущную обязанность для представителей юридической профессии и для вдумчивого общества в целом. Одним из основных способов стимулирования и содействия этому изучению является издание на английском языке наиболее полезных трактатов, существующих в настоящее время на континентальных языках. Наша страна начала поздно. Нам предстоит многое наверстать в результатах, достигнутых в других странах. Мы, несомненно, извлечем пользу из долгого периода споров, теоретизирования и экспериментов, через который прошли европейские мыслители и работники. Но чтобы извлечь эту пользу, результаты их опыта должны быть доступны на английском языке.

При выборе этой серии переводов мы стремились отобрать те работы, которые наилучшим образом представляют различные школы мысли в криминалистике, общие достигнутые результаты, точки соприкосновения или споры, контрасты методов - всегда имея в виду тот класс работ, которые имеют более чем местное значение и могут быть лучше всего полезны для криминалистики в нашей стране. Поскольку эта наука имеет различные аспекты и акценты - антропологические, психологические, социологические, юридические, статистические, экономические, патологические - при отборе должно было быть уделено представлению всех этих аспектов. И поскольку несколько континентальных стран внесли различный вклад в эти различные аспекты, - Франция, Германия, Италия, наиболее обильно, но и другие страны внесли свою долю, - были предприняты усилия, чтобы также признать различные вклады, насколько это возможно.

Таким образом, выбор, сделанный Комитетом, представляет собой его оценку работ, которые наиболее полезны и наиболее поучительны для целей перевода. Комитет убежден, что эта

серия, когда она будет завершена, обеспечит американскому студенту, изучающему криминалистику, систематическое и достаточное знакомство с основными доктринами и методами, которые в настоящее время занимают ведущие позиции в континентальной Европе. Какие из различных принципов и методов окажутся наиболее подходящими для решения наших проблем, можно будет сказать только после того, как наши студенты и работники проверят их на собственном опыте. Но несомненно, что сначала мы должны ознакомиться с этими результатами работы целого поколения европейской мысли.

В заключение Комитет считает желательным направить членов Института для дальнейшего изучения литературы к "Предварительной библиографии современного уголовного права и криминологии" (Бюллетень № 1 Юридической библиотеки Гэри Северо-Западного университета), уже выданной членам Конференции. Комитет считает, что некоторые из англо-американских работ, перечисленных в ней, будут полезны.

Комитет по переводам.

Председатель,

Вм. В. Смитерс,

Секретарь Бюро сравнительного права Американской ассоциации юристов, Филадельфия, штат Пенсильвания.

Эрнст Фройнд,

Профессор права Чикагского университета.

Морис Пармели,

Профессор социологии в Университете штата Канзас.

Роско Паунд,

Профессор права в Чикагском университете.

Роберт Б. Скотт,

Профессор политологии в Университете штата Исконсин.

Джон Х. Вигмор,

Профессор права Северо-Западного университета в Чикаго.

ВВЕДЕНИЕ К АНГЛИЙСКОЙ ВЕРСИИ.

То, что профессор Гросс представляет в этом томе, есть не что иное, как прикладная психология судебных процессов, - критический обзор процедур, связанных с отправлением правосудия, с должным признанием их внутренне психологического характера, но при этом с пронизательностью, которую дает ответственный опыт работы с работающей системой. В истории институтов нет ничего более значимого, чем их тенденция мешать достижению тех самых целей, для которых они были придуманы. Поклонение мерам, похоже, является неискоренимой человеческой чертой. Пророки и реформаторы постоянно настаивают на ценности идеалов и целей - духовных смыслах вещей, - в то время как люди столь же естественно склоняются к поклонению культам и церемониям, и таким образом получают более поверхностное удовлетворение, теряя при этом более глубокое удовлетворение от выполненного долга. Формальная жесткость примитивных культур настолько сковывает человека, что его разум с трудом движется в рамках их принудительной орбиты. В сложных обществах консерватизм, который одновременно и выгодно консервативен, и ненужно мешает, принимает более замысловатую, более уклончивую и более увлекательную форму. В эпоху, когда техника оказывает столь героическую услугу, зависимость от механических

устройств приобретает совершенно беспрецедентные размеры. Она совместима с умственной ленью, а то и провоцирует ее, - внимание к деталям, достаточное для управления машиной, но нежелание задумываться о принципах и целях ее работы. Нет такого комплекса человеческих отношений, в котором бы более отчетливо проявлялись эти нежелательные тенденции, чем те, которые регулирует процесс права. Мы полностью утратили древнее чувство святой преданности закону, созданному человеком; мы не страдаем от непреклонности медяков и персов. Мы производим законы так же легко, как паровые катки, и меняем их модели в соответствии с дорогами, которые нам приходится строить. Но с выгодой для нашей адаптивности мы рискуем потерять основополагающее чувство цели, которое вдохновляет и продолжает оправдывать меры, а также утратить некое интимное общение с проблемами теории и философии, которое является одним из требований к профессиональному оборудованию и которое нигде не ценится лучше, чем в странах, верных тевтонским идеалам культуры. Настоящий том обещает оказать заметную услугу английским читателям, сделав доступным восхитительный обзор данных и принципов, относящихся к практике правосудия в их непосредственной связи с психологическими особенностями людей.

Существенным фактом в отношении процедур правосудия является то, что они осуществляются людьми, от людей и для людей. Любая попытка чрезмерно устранить человеческий элемент или оценить систему в отрыве от ее адаптации к психологии человеческих черт, поскольку они служат целям правосудия, скорее всего, приведет к машинному правосудию и механическому управлению. В качестве средства, способствующего пластичности закона, наполняющего его большой человеческой жизненной силой - движения большого масштаба, в котором достойно сотрудничают религия и этика, экономика и социология, - вполне можно рассматривать психологию стороны первой и стороны второй. Психология судьи также влияет на рассмотрение, как и психология преступника. Стоит подчеркнуть многогранность проблем, объединенных таким образом в общее приложение. Существует проблема доказательств: способность свидетеля наблюдать и рассказывать о происшествии, а также искажения, которым подвержен такой отчет из-за ошибок чувства, путаницы умозаключений с наблюдениями, слабости суждений, предвзятости, эмоционального интереса, возбуждения или ненормального психического состояния. По мнению автора, судья должен понимать эти отношения не только в их узком практическом аспекте, но и в их более широком и теоретическом аспекте, который устанавливает изучение психологии как всеобъемлющей науки. Существует смежная проблема свидетельства и убеждения, которая касается специфически судебных качеств. Чтобы облегчить переход от идей к их выражению, оценить мотивы и намерения, узнать и оценить по достоинству логические слабости и личные недостатки всех видов и состояний преступников и свидетелей, - чтобы сделать это в соответствии с высокими стандартами, необходимо оценивать как людей, так и доказательства. Наряду с этой проблемой, обращающейся к широкому спектру психологических доктрин, существует еще одна, которая обращается к еще более широкому и запутанному спектру, - это проблема человеческого характера и состояния. Преступления - это настолько сложные вопросы, что требуют систематической диагностики преступника. Наследственность и среда, ассоциации и нормы, инициатива и внушаемость - все это может быть как потворствующими, так иотягчающими факторами того, что становится "делом". Своеобразные соблазны различных периодов жизни, озадачивающее вторжение тонких отклонений, особенно сексуального типа, привели к тому, что психолог расширил свои лабораторные процедуры, включив в них изучение таких отклонений; и таким образом, общий набор результатов имеет одинаково актуальный, хотя и различный интерес для теоретического студента, изучающего отношения, и практикующего врача. Существуют также некоторые особые психологические

условия, которые могут окрасить и полностью изменить интерпретацию ситуации или свидетельства. Отличить истерический обман от лжи, суеверного верующего в реальность переживаний от жертвы галлюцинаций, определить, является ли состояние эмоционального возбуждения или отчаяния причиной или следствием, - это не менее психологическая проблема, чем более популярный вопрос о принуждении к признанию вины путем анализа лабораторных реакций. Вполне возможно, что судьи, юристы и ученые будут и дальше расходиться в оценке той помощи, которую может оказать практическим занятиям знание отношений, как их представляет психолог в нетехническом, но все же систематическом анализе. Профессор Гросс глубоко убежден в ее важности, и те, кто прочтет его книгу, получат более четкое представление о методах и проблемах, которые придают характер этой заметной главе в прикладной психологии.

Автор тома - выдающийся представитель современного научного направления криминологии, или "криминалистики", как он предпочитает ее называть. Он родился 26 декабря 1847 года в Граце (земля Штайермарк), Австрия, получил университетское образование в Вене и Граце, а в 1869 году получил квалификацию юриста. Он служил в качестве "Untersuchungsrichter" (экзаменационного судьи) и в других должностях, а свое первое научное назначение получил в качестве профессора уголовного права в Университете Церновика. Позже он был прикреплен к Немецкому университету в Праге, а в настоящее время является профессором Университета Граца. Он является автором целого ряда работ, посвященных вопросам применения уголовного права и теоретическим основам науки криминологии. В 1893 году он выпустил свой "Handbuch für Untersuchungsrichter, als System der Kriminalistik", труд, который достиг своего пятого издания в 1908 году и был переведен на восемь иностранных языков. С 1898 года он является редактором "Archiv für Kriminalanthropologie und Kriminalistik", из которого вышло около двадцати томов. Он часто сотрудничает с этим журналом, который является замечательным представителем эффективной технической помощи в распространении интереса в важной и сложной области. Стоит также упомянуть, что в университете Граца он основал Музей криминологии, а его сын, Отто Гросс, хорошо известен как специалист по нервным и психическим расстройствам и как автор работ по психологическим аспектам своей специальности. Представленный здесь том был издан в 1897 году; перевод сделан со второго, дополненного издания 1905 года. Книга может быть принята как авторитетное изложение лидера в своей области и тем более приемлема для целей перевода, что широта интересов автора и его сочувственное отношение к материалу придают ее страницам необычайную читабельность.

Джозеф Джастроу.

Мэдисон, Висконсин,
Декабрь, 1910.

ПРЕДИСЛОВИЕ АВТОРА К АМЕРИКАНСКОМУ ИЗДАНИЮ.

Настоящая работа - первая действительно объективная криминальная психология, в которой рассматриваются психические состояния судей, экспертов, присяжных, свидетелей и т. д., а также психические состояния преступников. И изучение первых так же необходимо, как и изучение вторых. К счастью, с тех пор эта необходимость была осознана, и несколько

исследований специальных тем, рассматриваемых в этой книге, например, показания свидетелей, восприятие, патоформная ложь, суеверие, вероятность, сенсорные иллюзии, умозаключения, половые различия и т. д., стали предметом обширной литературы, о которой говорится в нашем втором издании.

Я с большим удовольствием согласился на предложение Американского института уголовного права и криминологии перевести эту книгу. Я горжусь возможностью обратиться к американцам и англичанам на их языке. Мы, представители немецких стран, признаем интеллектуальные достижения Америки и прекрасно понимаем, как многому американцы могут нас научить.

Я могу только надеяться, что перевод оправдает себя своей полезностью для юридической профессии.

Ганс Гросс.

ПРИМЕЧАНИЕ ПЕРЕВОДЧИКА.

Настоящая версия книги Гросса "Криминальная психология" отличается от оригинала тем, что многие ссылки, не представляющие общего психологического или криминологического интереса или малодоступные для английского читателя, были исключены, а в некоторых случаях были вставлены более доступные. Эрудиция профессора Гросса настолько потрясающая, что он проникает далеко в тексты, где ни один обычный читатель не сможет или не захочет следовать за ним, и книга ничуть не страдает от этого исключения. В других местах пришлось опустить или сократить отрывки. Везде, где это было сделано, внимание обращается на это в примечаниях. Главным опущением является часть раздела о диалектах. В остальном перевод практически дословный. Приложена дополнительная библиография психологических и криминологических работ, которые могут оказаться полезными.

СОДЕРЖАНИЕ.

	PAGE
Общее введение в серию "Современная криминология"	v
Введение в английскую версию	ix
Предисловие автора к американскому изданию	xiii
Примечание переводчика	xiv
Введение	1
ЧАСТЬ I. СУБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ (УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ)	7
Раздел А. Условия получения доказательств	7
Тема 1. МЕТОД	7
§ 1 (a) Общие соображения	7
§ 2 (b) Метод естественных наук	9

Тема 2. УРОКИ ПСИХОЛОГИИ	14
§ 3 (a) Общие соображения	14
§ 4 (b) Честность свидетелей	16
§ 5 (c) Правильность свидетельских показаний	18
§ 6 (d) Предпосылки получения доказательств	20
§ 7 (e) Эгоизм	25
§ 8 (f) Секреты	28
§ 9 (g) Интерес	37
Тема 3. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: внешнее выражение психических состояний	41
§ 10	41
§ 11 (a) Общие внешние условия	42
§ 12 (b) Общие признаки характера	53
§ 13 (c) Особые признаки характера	61
(d) Соматические единицы характера	69
§ 14 (1) Общие соображения	69
§ 15 (2) Причины раздражения	71
§ 16 (3) Жестокость	76
§ 17 (4) Ностальгия	77
§ 18 (5) Рефлекторные движения	78
§ 19 (6) Одежда	82
§ 20 (7) Физиогномика и смежные предметы	83
§ 21 (8) Рука	100
Раздел В. Условия для определения теорий	105
Тема 1. УМОЗАКЛЮЧЕНИЯ	105
§ 22	105
§ 23 (a) Доказательство	106
§ 24 (b) Причина	117
§ 25 (c) Скептицизм	129
§ 26 (d) Эмпирический метод в исследовании случаев	136
§ 27 (e) Аналогия	144
§ 28 (f) Вероятность	147
§ 29 (g) Шанс	159
§ 30 (h) Убеждение и объяснение	161
§ 31 (i) Умозаключение и суждение	165
§ 32 (j) Ошибочные умозаключения	176
§ 33 (k) Статистика моральной ситуации	179
Тема 2. ЗНАНИЯ	183
§ 34	183
ЧАСТЬ II. ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ (ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ОБСЛЕДУЕМОГО)	187

Раздел А. Общие условия	187
Тема 1. ЧУВСТВЕННОЕ ВОСПРИЯТИЕ	187
§ 35	187
§ 36 (а) Общие соображения	187
(b) Чувство зрения	196
§ 37 (1) Общие соображения	196
§ 38 (2) Цветовое зрение	204
§ 39 (3) Слепое пятно	207
§ 40 (с) Чувство слуха	208
§ 41 (d) Чувство вкуса	212
§ 42 (е) Обоняние	213
§ 43 (f) Чувство осязания	215
Тема 2. ВОСПРИЯТИЕ И ПРЕДСТАВЛЕНИЕ	221
§ 44	221
Тема 3. ИМАГИНАЦИЯ	232
§ 45	232
Тема 4. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ	238
§ 46 (а) Общие соображения	238
§ 47 (b) Механизм мышления	243
§ 48 (с) Подсознание	245
§ 49 (d) Субъективные состояния	248
Тема 5. АССОЦИАЦИЯ ИДЕЙ	254
§ 50	254
Тема 6. ВОСПОМИНАНИЯ И ПАМЯТЬ	258
§ 51	258
§ 52 (а) Сущность памяти	259
§ 53 (b) Формы воспроизведения	263
§ 54 (с) Особенности воспроизведения	268
§ 55 (d) Иллюзии памяти	275
§ 56 (е) Мнемотехника	279
Тема 7. ВОЛЯ	281
§ 57	281
Тема 8. ЭМОЦИИ	283
§ 58	283
Тема 9. ФОРМЫ ДАЧИ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ	287
§ 59	287
§ 60 (а) Общее изучение разнообразия форм выражения	288
§ 61 (b) Диалектные формы	293
§ 62 (с) Неправильные формы	296

Раздел В. Различия в условиях дачи свидетельских показаний	300
Тема 1. ОБЩИЕ РАЗЛИЧИЯ	300
(а) Женщина	300
§ 63 1. Общие соображения	300
§ 64 2. Различие между мужчиной и женщиной	307
3. Сексуальные особенности	311
§ 65 (а) Общие положения	311
§ 66 (b) Менструация	311
§ 67 (с) Беременность	317
§ 68 (d) Эротика	319
§ 69 (е) Погруженные сексуальные факторы	322
4. Особые женские качества	332
§ 70 (а) Интеллект	332
§ 71 1. Зачатие	333
§ 72 2. Суждение	335
§ 73 3. Ссоры с женщинами	337
§ 74 (b) Честность	340
§ 75 (в) Любовь, ненависть и дружба	350
§ 76 (d) Эмоциональная предрасположенность и смежные темы	359
§ 77 (е) Слабость	361
§ 78 (b) Дети	364
§ 79 1. Общие соображения	364
§ 80 2. Дети как свидетели	365
§ 81 3. Делинквентность несовершеннолетних	369
§ 82 (с) Дряхлость	372
§ 83 (d) Различия в зачатии	375
§ 84 (е) Природа и воспитание	384
§ 85 1. Влияние воспитания	385
§ 86 2. Взгляды необразованных людей	388
§ 87 3. Одностороннее образование	391
§ 88 4. Склонность	393
§ 89 5. Другие различия	395
§ 90 6. Интеллект и глупость	398
Тема 2. ИЗОЛИРОВАННЫЕ ВЛИЯНИЯ	406
§ 91 (а) Привычки	406
§ 92 (b) Наследственность	410
§ 93 (с) Предрасположенность	412
§ 94 (d) Подражание и толпа	415
§ 95 (е) Страсть и эмоции	416

§ 96 (f) Честь	421
§ 97 (g) Суеверие	422
Тема 3. ОШИБКИ	422
(a) Ошибки чувств	422
§ 98 (1) Общие соображения	422
§ 99 (2) Оптические иллюзии	427
§ 100 (3) Слуховые иллюзии	443
§ 101 (4) Иллюзии осязания	449
§ 102 (5) Иллюзии вкусовых ощущений	452
§ 103 (6) Иллюзии обоняния	453
§ 104 (b) Галлюцинации и иллюзии	454
§ 105 (в) Воображаемые идеи	459
(d) Заблуждения	467
§ 106 1. Вербальные недоразумения	467
§ 107 2. Другие недоразумения	470
(e) Ложь	474
§ 108 1. Общие соображения	474
§ 109 2. Патоформная ложь	479
Тема 4. ИЗОЛИРОВАННЫЕ СПЕЦИАЛЬНЫЕ УСЛОВИЯ	480
§ 110 (a) Сон и сновидения	480
§ 111 (b) Опьянение	484
§ 112 (c) Внушение	491
Приложение А. Библиография, включающая тексты, более доступные английским читателям	493
Приложение Б. Работы по психологии, представляющие общий интерес	500
Индекс: A, B, C, D, E, F, G, H, I, J, K, L, M, N, O, P, Q, R, S, T, U, V, W, Z	503

КРИМИНАЛЬНАЯ ПСИХОЛОГИЯ.

ВВЕДЕНИЕ.

Из всех дисциплин, необходимых для уголовного правосудия в дополнение к знанию права, наиболее важными являются те, которые заимствованы из психологии. Ибо такие науки позволяют узнать тип человека, с которым ему приходится иметь дело. Сейчас психологические науки предстают в различных формах. Существует врожденная психология, острота зрения, которая дается в процессе опыта немногим счастливицам, которые видят правильно, не изучая законов, определяющих ход событий, или даже не осознавая их. Эта врожденная психологическая сила проявляется у многих людей, но лишь немногие обладают ею в той мере, в какой это необходимо криминалистам.

В колледжах и предпрофессиональных школах мы, юристы, можем получить немного научной психологии в качестве "философской пропедевтики", но мы все знаем, насколько она недостаточна и как мало ее остается в жизненном деле. И лучше не считать тех криминалистов, которые, видя эту недостаточность, занимаются серьезными психологическими исследованиями.

Одна из специальных психологических дисциплин, которая, по-видимому, была создана ради нас, - это психология права, о развитии которой в Германии рассказывает Фолькмар[1]. Впоследствии эта наука развилась, благодаря инструментарию Метцгера[2] и Плейнера[3] как криминальная психология. С медицинской точки зрения особенно ценен сборник "Вопросы" последнего, составленный Шуланом. Криминальную психологию развивали Хоффбауэр,[4] Громанн,[5] Хайнрот,[6] Шауманн,[7] Мюнх,[8] Экартсхаузен,[9] и другие. Во времена Канта эта тема была предметом разногласий между факультетами, причем Кант представлял в споре философский, а Метцгер, Хоффбауэр и Фрис,[10] - медицинский факультеты. Позже юридическая психология была просто поглощена психиатрией и тем самым полностью ушла в медицинские дисциплины, несмотря на то, что Регно,[11] еще позже, попытался вернуть ее в философию, на что указывает известный учебник Фридрейха[12] (см. также учебник В. Вильбранда[13]). В настоящее время криминальная психология в лице Крауса,[14] Крафт-Эбинга,[15] Модсли,[16] Хольцендорфа,[17] Ломброзо,[18] и других стала отраслью криминальной антропологии. Она оценивается как учение о мотивах преступлений, или, по словам Листа, как исследование психофизического состояния преступника. Таким образом, она является лишь частью предмета, обозначенного ее названием.[19] О том, насколько полно криминальная психология вошла в криминальную антропологию, свидетельствуют работы Näcke,[20] Kurella,[21] Bleuler,[22] Dallemagne,[23] Marro,[24] Ellis,[25] Baer,[26] Koch,[27] Maschka,[28] Thomson,[29] Ferri,[30] Bonfigli,[31] Corre,[32] etc.

Буквально, криминальная психология должна быть *той формой психологии, которая используется в работе с преступностью*; а не просто психопатологией преступников, естественной историей преступного ума. Но даже если воспринимать это буквально, это не вся психология, необходимая криминалисту. Несомненно, преступление - вещь объективная. Каин действительно зарезал бы Авеля, даже если бы в тот момент Адам и Ева были уже мертвы. Но для нас каждое преступление существует только в том виде, в каком мы его воспринимаем, - в том, в каком мы узнаем его через все те средства, которые установлены для нас в уголовном процессе. Но эти средства основаны на чувственном восприятии, на восприятии судьи и его помощников, то есть свидетелей, обвиняемых и экспертов. Такое восприятие должно быть психологически обосновано. Знание принципов такого обоснования снова требует специальной кафедры общей психологии - даже такой *прагматичной прикладной психологии, которая будет заниматься всеми состояниями сознания, которые могут быть вовлечены в установление и осуждение преступления*. Цель этой книги - представить такую психологию. "Если бы мы были богами, - пишет Платон в "Симпозиуме", - не было бы никакой философии, и если бы наши чувства были более верными, а наше восприятие более острым, нам не нужна была бы психология. Как бы то ни было, мы должны прилагать все усилия, чтобы точно определить, как мы видим и думаем; мы должны понимать эти процессы в соответствии с действительными законами, организованными в систему, - иначе мы останемся челноками чувства, непонимания и случайности. Мы должны знать, как все мы - мы сами, свидетели, эксперты и обвиняемые - наблюдаем и воспринимаем; мы должны знать, как они думают и как они демонстрируют; мы должны учитывать, как по-разному люди делают выводы и воспринимают, какие ошибки и иллюзии могут возникнуть; как люди вспоминают и запоминают; как все меняется в

зависимости от возраста, пола, характера и культуры. Мы также должны ясно представлять себе, какой ряд влияний может преобладать, чтобы изменить все те вещи, которые при нормальных условиях были бы другими. Действительно, самое большое место в этой книге будет отведено свидетелю и самому судье, так как мы с самого начала хотим иметь в виду создание материала для нашего обучения; но психология преступника также должна быть рассмотрена там, где речь идет не о его так называемых психозах, а о подтверждении доказательств.

Наш метод будет основополагающим для всех психологических исследований и может быть разделен на три части:[33]

1. Подготовка обзора психологических явлений.
2. Изучение причинно-следственных связей.
3. Установление принципов психической деятельности.

Предмет исследования будет почерпнут, с одной стороны, из того, что уже представлено психологической наукой, но будет рассматриваться везде с точки зрения уголовного судьи и подготовлен для его целей. С другой стороны, материал будет взят из наблюдений, которые может сделать только криминолог в работе, и на это будут наложены принципы психологии.

Мы не будем придерживаться ни пиетизма, ни скептицизма, ни критицизма. Мы просто должны рассмотреть отдельные явления, поскольку они могут касаться криминалиста; изучить их и установить, какую ценность может иметь для него материал; какие части могут быть полезны ему в интересах открытия истины; и где могут таиться опасности, угрожающие ему. И подобно тому, как мы осознаем, что понимание фундаментальных понятий точных наук не может быть получено из их методологии, так и мы должны четко помнить, что истина, которую мы, криминалисты, должны достичь, не может быть построена из *формальной* правильности представленного нам содержания. Мы обязаны сделать его *материально* правильным. А этого можно достичь только в том случае, если мы знакомы с принципами психологии и знаем, как заставить их служить нашим целям. Для нашей проблемы часто цитируемая эпиграмма Бейли "Изучение физиологии так же противно психологу, как акустика композитору" больше не подходит. Мы не поэты, мы исследователи. Если мы хотим делать свою работу правильно, мы должны полностью опираться на современные психофизические основы. Тот, кто рассчитывает без посторонней помощи найти нужную вещь в нужный момент, оказывается в положении человека, который не знал, умеет ли он играть на скрипке, потому что еще не пробовал. Мы должны накапливать мудрость, пока нам не нужно ее использовать; когда наступает время использования, время сбора урожая уже прошло.

Пусть это будет нашим основополагающим принципом: *мы, криминалисты, получаем от нашего главного источника, свидетелей, гораздо больше умозаключений, чем наблюдений*, и именно этот факт лежит в основе стольких ошибок в нашей работе. Снова и снова нас учат, что при даче показаний следует представлять только факты в виде простых чувственных восприятий; что умозаключения - это дело судьи. Но мы лишь внешне подчиняемся этому принципу; на самом деле большая часть того, что мы отмечаем как факты и ощущения, есть не что иное, как более или менее обоснованное суждение, которое, хотя и представлено в самом искреннем убеждении, все же не предлагает никакой положительной истины. "Amicus Plato, sed magis amica Veritas".

Нет сомнений, что существует растущий, а для нас, юристов, немаловажный спрос на изучение психологии в ее отношении к нашей профессии. Но он должен быть удовлетворен. Энергичный аббат де Баец на встрече криминалистов в Брюсселе сказал, что *современная тенденция развития науки уголовного права требует наблюдения за фактами повседневной жизни*. В этом наблюдении заключается альфа и омега нашей работы; мы можем выполнять ее только с потоком чувственных проявлений, а закон, который определяет этот поток и в соответствии с которым происходят проявления, - это закон причинности. Но нигде мы так не пренебрегаем причинностью, как в поступках человечества. Знание этой области может дать нам только психология. Следовательно, знакомство с психологическими принципами - очевидный долг той добросовестности, которая должна занимать первое место среди сил, сохраняющих государство. Фактом является то, что в этом вопросе было много нарушений и много пренебрежения. Если же мы вынуждены терпеть из-за этого горечь, то пусть помнят, что она всегда была направлена на то, что мы настаивали на изучении наших статуты и их комментариев, с ужасом исключая все другие дисциплины, которые могли бы помочь нам и привнести жизненную силу в нашу профессию. Именно Гнейст[34] жаловался: "Современный низкий уровень юридического образования объясняется, как и многое другое, той исторической преимуществом, которая играет главную роль в отправлении правосудия". Менгер[35] не упоминает "историческую преимуществом" так прямо, но он достаточно сурово указывает на юридические науки как на самые отсталые из всех дисциплин, соприкасающихся с современными тенденциями. То, что эти обвинения обоснованы, мы должны признать, если вспомним, что требует Штёльцель[36] и гениальный создатель современного гражданского учения: "Следует признать, что юриспруденция в действительности есть не что иное, как тезис о здоровом человеческом понимании в вопросах права". Но что требует "здоровый человеческий разум", мы уже не можем узнать только из параграфов нашего устава. Как нам не стыдно, когда Гольдшмидт[37] откровенно рассказывает о том, как один известный ученый воскликнул студенту в своей лаборатории: "Что вам здесь нужно? Вы ничего не знаете, ничего не понимаете, ничего не делаете, - лучше бы вы стали юристом. "

А теперь давайте хоть раз откровенно признаемся, за что нас так позорно упрекают. Согласимся, что мы не изучали и не занимались юриспруденцией как наукой, никогда не рассматривали ее как эмпирическую дисциплину; что априорная и классическая традиция держала это понимание на расстоянии, и что там, где нет исследования и усилий к признанию истинного, там нет всего, что имеет хоть малейшее научное значение. Чтобы быть научно легитимными, мы должны, прежде всего, установить дисциплины исследования, которые должны иметь непосредственное отношение к нашей задаче. Только таким путем мы можем достичь той духовной независимости посредством духовной свободы, которую Гольдшмидт определяет как дело высших учебных заведений и которая является также идеалом нашего собственного дела в жизни. И эта задача не так уж велика. "Жизнь - это движение", - воскликнул Алоис фон Бринц, [38], в своей великолепной инаугурационной речи. "Жизнь - это не мысль, а мышление, которое приходит в полноте действия".

Можно с радостью и удовлетворением констатировать, что со времени выхода в свет первого издания этой книги и в связи с ним появилось богатое собрание удачных работ, в которых собран ценный материал. О показаниях свидетелей, их природе и ценности, о памяти и видах воспроизведения в настоящее время существует значительная литература. Повсюду поднимаются трудолюбивые руки - руки психологов, врачей и юристов, готовых принять участие в этой работе. Если они продолжают работу, мы, возможно, исправим несчастные ошибки, допущенные нашими предками из-за глупого невежества и пагубного использования некритически собранного материала.

Часть I.

СУБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ ДОКАЗЫВАНИЯ: УМСТВЕННАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ СУДЬИ.

Раздел А. Условия получения доказательств.

Тема I. Метод.

Раздел 1. а) Общие соображения.

СОКРАТ, рассматривая в "Мено" вопрос о научаемости добродетели, посылает за одним из рабов Мено, чтобы тот доказал возможность абсолютно определенного априорного знания. Раб должен определить длину прямоугольника, содержащее которого в два раза больше, чем у прямоугольника размером в два фута; но он не должен иметь никаких предварительных знаний по этому вопросу, и Сократ не должен его непосредственно обучать. Он должен сам найти ответ. На самом деле раб сначала дает неверный ответ. Он отвечает, что длина прямоугольника, площадь которого в два раза больше площади упомянутого, равна четырем футам, полагая, что длина удваивается вместе с площадью. После этого Сократ с триумфом указывает Мено на то, что раб на самом деле еще не совсем знает рассматриваемую истину, но думает, что знает ее; и затем Сократ в своей сократовской манере подводит раба к правильному решению. Эту значимую процедуру философа Гуггенхайм^[39] приводит в качестве иллюстрации сущности априорного знания, и если мы правильно рассмотрим, что нам приходится делать со свидетелем, который должен рассказать о каком-либо факте, мы можем увидеть в сократовском методе простейший пример нашей задачи. Мы никогда не должны забывать, что большинство людей, имеющих дело с любым предметом, всегда верят, что они знают и повторяют истину, и даже когда они с сомнением произносят: "Я верю. Мне кажется", - в этой неуверенности кроется больше смысла, чем кажется на первый взгляд. Когда кто-то говорит: "Я верю, что...", это означает, что он просто намерен застраховать себя от того, что его опровергнут более осведомленные люди; но он, конечно, не сомнение, на которое указывает его выражение. Однако когда речь идет о сообщении какого-то голого факта ("Шел дождь", "Было 9 часов", "Его борода была коричневой" или "Было 8 часов"), это не имеет значения для рассказчика, и если он сообщает *такие* факты с предисловием "Я полагаю", значит, он действительно не уверен. Вопрос становится важным только тогда, когда речь идет о частично скрытых наблюдениях, выводах и суждениях. В таких случаях в дело вступает еще один фактор - убежденность; в том, что утверждает свидетель, он уверен только потому, что утверждает это, а все "я полагаю", "возможно" и "кажется" - всего лишь страховка от всех случайностей.

Как правило, заявления делаются без подобных оговорок и, даже если в вопросе не все давно определено, с полной уверенностью. То, что характерно для повседневной жизни, характерно и для свидетелей в суде, особенно в решающих вопросах. Любой опытный в их поведении человек приходит к полной уверенности, что свидетели не знают того, что знают. Ряд утверждений делается с полной уверенностью. Но когда они последовательно подвергаются более тщательному изучению, проверяются на предмет их основания и источника, лишь очень небольшая часть остается неизменной. Конечно, здесь можно переборщить. Часто случается, что даже в рутине повседневной жизни человека можно заставить пошатнуться в его самых абсолютных убеждениях с помощью энергичной атаки и дотошных вопросов. Особенно легко подвергаются таким сомнениям совестливые и сангвинические люди. Кто-то рассказывает о каком-то событии; начинаются расспросы о неопровержимости факта, об исключении возможного обмана; рассказчик начинает

сомневаться, вспоминает, что благодаря живому воображению он уже верил, что видел все иначе, чем было на самом деле, и в конце концов признает, что дело, вероятно, могло обстоять иначе. Во время судебных процессов это происходит еще чаще. Обстоятельство присутствия в суде само по себе возбуждает большинство людей; сознание того, что показания человека имеют или могут иметь большое значение, усиливает это возбуждение; а авторитет официального лица заставляет очень многих людей подчинить свое мнение его мнению. Что же удивительного в том, что, как бы ни был убежден человек в правильности своих доказательств, перед лицом сомневающегося судьи он все же не может знать ничего определенного?

Теперь одна из самых сложных задач криминалиста состоит в том, чтобы в подобных случаях добиться правды; не принимать показания слепо и некритично; не заставлять свидетеля, который в остальном говорит правду, колебаться и сомневаться. Но еще труднее подвести свидетеля, который не намеренно фальсифицирует, а просто неверно наблюдает или делает ложные выводы, к изложению истины, как Сократ подводит раба в "Мено". Утверждать, что это не дело судьи, так же современно, как и удобно, что свидетель должен давать показания, его доказательства должны быть приняты, а судья должен судить. И все же предполагается, что прежде всего суд обязан установить материальную истину, а формальной истины недостаточно. Более того, если мы замечаем ложные замечания и пропускаем их мимо ушей, то при определенных обстоятельствах мы лишаемся одного важного доказательства "за" и "против", и все дело может быть перевернуто с ног на голову. Как минимум, таким образом исключается основа для развития в представлении доказательств. Тогда мы будем действовать по сократовской схеме. Но поскольку мы не занимаемся математикой и, следовательно, находимся в более затруднительном положении в вопросе доказательства, нам придется действовать более осторожно и с меньшей уверенностью, чем в случае, когда речь идет просто о площади квадрата. С одной стороны, только в самых редких случаях мы знаем, что сами не заблуждаемся, и поэтому не должны, не имея ничего другого, заставлять другого согласиться с нами; с другой стороны, мы должны остерегаться извратить свидетеля от его, возможно, здравого мнения. Говорить о внушении в этом случае нежелательно, поскольку, если я считаю, что другой человек знает дело лучше меня, и соглашаюсь с его мнением, то никакого внушения еще нет. И эта чистая форма изменения мнения и открытости к убеждению наиболее распространена среди нас. Тот, кто способен исправить явно ложные представления свидетеля и заставить его по собственной воле обнаружить свою ошибку, а затем сказать правду, - тот, кто может это сделать и при этом не заходит слишком далеко, не выводя из фактов ничего, что не следовало бы на самом деле, - тот человек является мастером среди нас.

Раздел 2. (b) Метод естественных наук.[40]

Если теперь мы спросим, как мы должны планировать свою работу, какому методу мы должны следовать, мы должны согласиться, что для научного обоснования принципов нашей дисциплины одного лишь метода недостаточно. Если мы хотим добиться прогресса, повседневная рутина также должна быть научно обоснована. Каждый приговор, каждое расследование, каждый официальный акт должны отвечать тем же требованиям, которые предъявляются ко всей юридической науке. Только так мы сможем подняться над обыденным миром ручного труда, с его оупляющим чувством отвращения, утомительной монотонностью и страшной угрозой закону и справедливости. Если юристы просто изучали язык мертвых законов, неустанно излагая их и, можно пожаловаться, излагая еще больше, мы, должно быть, отчаялись когда-либо стать научными. И все потому, что право как наука мучительно искало обоснования в дедукции из давно устаревших норм и в объяснении

текстов. Юриспруденции оставалась лишь пустая оболочка, и такой человек, как Иеринг[41], говорил о "цирке для диалектико-акробатических трюков".

И все же научное качество находится под рукой. Нужно только взять в руки метод, который на протяжении почти столетия показывал себя наиболее полезным. С тех пор как Варнкёниг (1819)[42] сказал нам: "Юриспруденция должна стать естественной наукой", под этот боевой клич сменялись люди (см. Шпитцер[43]). И даже если, будучи неправильно понятой, она вела в некоторых направлениях неверно, кажется, что нашим доктринам и их применению может быть придано подлинно научное направление. Мы прекрасно понимаем, что нам нельзя торопиться. Там, где люди медлили с установлением правильного пути, а затем внезапно пытались его достичь, они заходили в своей поспешности слишком далеко. Это видно не только в жизненных ситуациях; это видно и в совсем недавних поспешных выводах ломброзистов, в их очень хороших, но неадекватных наблюдениях, необоснованных и натянутых умозаключениях. Мы не должны выводиться из них научный метод.[44] Мы должны собирать факты и изучать их. Делать выводы мы можем оставить нашим более удачливым преемникам. Но в повседневной рутине мы можем немного разнообразить эту процедуру. Мы делаем *конкретные* выводы из правильных и простых наблюдений. "От фактов к идеям", - говорит Эттинген.[45] "На протяжении нескольких тысячелетий мир пытался подчинить материю предрассудкам, и ему это не удалось. Теперь процедура изменилась на противоположную". "От фактов к идеям" - вот наш путь, давайте хоть раз понаблюдаем за фактами жизни без предрассудков, без максим, построенных на предубеждениях; давайте установим их, лишим их всего чуждого. И тогда, наконец, когда мы не найдем больше ничего сомнительного, мы сможем теоретизировать о них и делать выводы, скромно и осторожно.

Любое фундаментальное исследование должно прежде всего установить природу своего предмета. Такова максима книги "Über die Dummheit"[46] (1886), одной из самых мудрых, когда-либо написанных. Это же аксиоматическое положение должно доминировать в каждой юридической задаче, но особенно в каждой задаче уголовного права. Можно прочесть тысячи и тысячи свидетельств и снова сделать это одинаковое, утомительное, противоположное наблюдение: Двое, свидетель и судья, не определили природу этого предмета; они не определили, чего они хотят друг от друга. Один говорил об одном, другой - о другом; но что это за предмет, который должен был быть установлен, один не знал, а другой ему не сказал. Но вина за эту неполноценную формулировку лежит не на свидетеле - формулировка была делом другого человека.

Когда реальный вопрос определен, начинается современное и научное расследование. Эббингауз,[47], как мне кажется, лучше всего определил его для нашей цели. Оно заключается в попытке сохранить постоянным комплекс условий, которые, как было показано, необходимы для реализации определенного эффекта. Он состоит в том, чтобы варьировать эти условия, изолировать одно от другого в численно определяемом порядке, и, наконец, установить сопутствующие изменения в отношении эффекта в количественном или счетном порядке.

Я не могу здесь ничего сказать, чтобы показать, что это единственно правильный метод установления необходимых принципов нашей науки. Цель состоит лишь в том, чтобы проверить практичность этого метода в рутине уголовного дела и выяснить, не является ли он, действительно, единственным, с помощью которого можно достичь полных и неопровержимых результатов. Если это так, то он должен *быть полезен* не только в ходе всего процесса - не только при проверке собранных доказательств, но и при проверке каждой отдельной их части, проанализированной на составляющие элементы.

Давайте сначала рассмотрим весь процесс.

Следствием здесь является доказательство вины А. Комплекс условий для его установления - это коллективный инструмент получения доказательств; индивидуальные условия должны быть установлены с помощью отдельных источников доказательств - показаний свидетелей, осмотра помещения, похищения, протокола и т. д.

Константизация условий теперь заключается в стандартизации данного случая, таким образом: При наличии сходных обстоятельств, т.е. при наличии одних и тех же средств доказывания, доказательства вины устанавливаются. Теперь необходимо проверить сопутствующие изменения в отношении эффекта, т.е.: доказательство вины через доказательства, поэтому необходимо установить индивидуальные условия, т.е.: индивидуальные источники доказательств, определить и *варьировать* их значения. Наконец, необходимо проверить сопутствующее изменение эффекта (убеждение с помощью доказательств). Последняя процедура требует обсуждения, остальное очевидно. В нашем деле выделение сравнительно легко, поскольку любое отдельное высказывание, любое визуальное впечатление, любой эффект и т. д. могут быть без труда абстрагированы. Гораздо сложнее определить его ценность. Если, однако, мы четко осознаем, что необходимо выразить точную ценность каждого конкретного источника доказательств и что задача состоит лишь в определении сравнительной оценки, то следует признать возможность такого определения, по крайней мере, с достаточно близкой степенью уверенности. Оценка должна производиться по двум параметрам: (1) *достоверности* (субъективной и относительной); (2) *значимости* (объективной и абсолютной). С одной стороны, ценность самого доказательства должна быть проверена в соответствии с оценкой лица, которое его представляет, и условий, при которых оно важно; с другой стороны, влияние, которое доказательство, принятое как достоверное, может оказать на *эффект*, рассматривается само по себе. Таким образом, при рассмотрении свидетельских показаний необходимо сначала определить, мог ли свидетель и хотел ли он говорить правду, и далее, каково значение этих показаний с точки зрения изменений, которые они могут вызвать в *организации* дела.

Наибольшую важность и сложность представляет изменение условий и установление вызванных этим изменений с точки зрения *эффекта*, то есть критической интерпретации имеющегося материала. Применительно к конкретному случаю проблема предстает в таком виде: Я рассматриваю каждую деталь доказательства саму по себе, очищенную от всех других, и варьирую ее так часто, как это объективно возможно. Таким образом, я допускаю, что каждое заявление свидетеля может быть ложью, полностью или частично; это может быть неверное наблюдение, ложное умозаключение и т. д., - и затем я спрашиваю себя: Остается ли теперь справедливым доказательство вины, установление особого суда? Если нет, то справедливо ли оно при других и смежных возможных обстоятельствах? Владею ли я этими обстоятельствами? Если теперь степень кажущейся истины настолько проверена, что могут возникнуть эти отклонения, а обвинение все еще остается справедливым, то подсудимый осужден: но только при этих обстоятельствах.

Та же процедура, которая требуется для проведения полного судебного разбирательства, должна соблюдаться и в миниатюре при представлении отдельных доказательств. Давайте снова рассмотрим пример. Теперь *следствием* является установление объективной правильности какого-то конкретного момента (сделанных показаний свидетелей, внешнего вида и т. д.). *Комплекс условий* заключается в совокупности тех воздействий, которые могут поставить под сомнение правильность - нечестность свидетелей, некачественное исследование местности, ненадежность объекта, неосведомленность экспертов и т. д.

Необходимо четко знать, какие из этих влияний и в какой степени могут оказаться сильными в данном случае. *Стандартизация* заключается, в том числе и на этот раз, в сравнении условий данного случая с условиями других случаев. *Варьирование*, опять же, заключается в абстрагировании от показаний тех деталей, которые могут быть неверными, таким образом, корректируя их с различных точек зрения, и, наконец, в наблюдении за *эффектом*, как он проявляется при таком разнообразии формулировок.

Такая процедура, применяемая при подготовке и оценке каждого нового доказательства, исключает ошибку настолько, насколько это возможно с помощью наших средств. Необходимо еще только одно - узкое и детальное исследование того порядка последовательности, который имеет непререкаемое значение в каждой естественной науке. "Из всех истин, касающихся природных явлений, те, что относятся к порядку преемственности, являются для нас самыми важными. На знании их основывается всякое разумное предвидение будущего" (Дж. С. Милль).^[48] Незнание этой доктрины - самая большая причина наших неудач. При определении доказательств мы должны придерживаться ее. Всякий раз, когда поднимается вопрос о влиянии на "*эффект*", проблема порядка неизменно оказывается самой важной. Ошибки и невозможности обнаруживаются в основном только после изучения порядка следования.

Короче говоря: мы достаточно долго ограничивались простым изучением наших юридических канонов. Теперь мы приступаем к точному рассмотрению их материала. Для этого, очевидно, необходимо вернуться к исходной точке и начать с того, что мы должны были сделать давным-давно; но естественные науки, на которые мы ориентируемся, должны были сделать то же самое и теперь делают это открыто и честно. Древняя медицина искала прежде всего универсальную панацею и варила териак; современная медицина препарирует, использует микроскоп и экспериментирует, не признает панацеи, принимает лишь некоторые особенности. Современная медицина увидела ошибку. Но мы, юристы, и в наши дни кипятим териак и высокомерно относимся к самому важному исследованию - изучению реальности.

Тема II. УРОКИ ПСИХОЛОГИИ.

Раздел 3. а) Общие соображения.

Из всех задач криминалиста наиболее важными являются те, которые связаны с его отношениями с другими людьми, определяющими его работу, со свидетелями, обвиняемыми, присяжными, коллегами и т. д. Это самые беременные последствия. В каждом случае его успех зависит от его мастерства, такта, знания человеческой природы, терпения и правильности манеры поведения. Любой, кто возьмет на себя труд, может быстро заметить огромную разницу в эффективности между теми, кто обладает такими качествами, и теми, кто ими не обладает. То, что они важны для свидетелей и обвиняемых, не вызывает сомнений. Но эта важность очевидна и для других. Взаимодействие между различными судьями и экспертами - предмет ежедневного наблюдения. Один судья ставит вопрос в соответствии с законом и ожидает, что его будут уважать. Он не дает понять, насколько безразлично ему все это дело, но эксперты имеют достаточно возможностей, чтобы принять этот факт к сведению. Другой рассказывает дело, объясняет экспертам его различные конкретные возможности, выясняет, требуют ли они дополнительных разъяснений и каких именно, возможно, интересуется предполагаемым способом и методом экспертного решения проблемы, информирует себя о деле их средствами и проявляет особый интерес к трудной и слишком часто игнорируемой работе экспертов. Можно сказать, что последние сделают свою работу в одном случае так же, как и в другом, с тем же результатом. Это было бы верно, если бы, к сожалению, эксперты не были наделены теми же недостатками, что и другие смертные, а

значит, тоже заражены интересом или безразличием. Представьте себе, что кроме эксперта-судьи большого высшего суда, все судьи и, кроме того, все начальники и чиновники проявляют одинаковое равнодушие! Тогда даже самые преданные эксперты остыли бы и делали только то, что от них требовалось. Но если все члены одного и того же суда руководствуются одним и тем же интересом и ведут себя так, как описано выше, то как изменится дело! Невозможно, чтобы даже равнодушные и, возможно, наименее трудолюбивые эксперты не были увлечены общим интересом, не осознали в конце концов важность своего положения и не сделали все возможное.

То же самое можно сказать о председателе, присяжных и их коллегах-судьях. Замечено, что то тут, то там председательствующему судье удается наскучить всем заинтересованным лицам в ходе даже уголовных дел, интересных самих по себе; инцидент затягивается, и люди заинтересованы лишь в том, чтобы в конце концов увидеть, чем дело закончится. Другие председательствующие судьи, которых, к счастью, большинство, понимают, как придать кажущуюся важность даже самому простому делу. Какую бы должность ни занимал человек, он и его товарищи посвящены в общее дело, и если дело выносится на суд, каждый делает все, что в его силах. Разница здесь не в темпераментной свежести или утомительности; результат зависит только от правильной или неправильной психологической обработки участников. В каждом отдельном случае их необходимо заново направлять и обучать заинтересованности, добросовестности и сотрудничеству. В этой необходимости заключается воспитательная возможность судьи по уголовным делам. Возникает ли она в отношении обвиняемого, свидетеля, помощника судьи или эксперта - все едино; она неизменно одна и та же.

То, что знание человеческой природы является для криминалиста наиболее важным, так же мало оспаривается, как и то обстоятельство, что эти знания нельзя получить из книг. Любопытно, что на эту тему существует не так уж мало книг, но я подозреваю, что тот, кто изучит или запомнит их (такие книги, как Поккель, Герц, Мейстер, Энгель, Яссойкс и другие, перечисленные Фолькмаром), получит мало полезного. Знание человеческой природы приобретается только (если, конечно, не иметь к этому определенного таланта) путем настойчивого наблюдения, сравнения, обобщения и дальнейшего сравнения. Приобретенное таким образом, оно выдвигает его обладателя на первый план и делает его независимым от массы информации, с помощью которой другие вынуждены восполнять свое невежество в отношении человечества. Это можно наблюдать в бесчисленных случаях в нашей профессии. Тот, кому приходилось иметь дело с определенного рода мошенниками, лживыми торговцами лошадьми, антикварами, престижитаторами, вскоре приходит к поразительному выводу, что из всего этого класса именно те, кто наиболее преуспевает в своей профессии и действительно богатеет, меньше всего понимают свое дело. Торговец лошадьми не разбирается в лошадях, антиктвар не может определить ни ценность, ни возраст, ни совершенство предметов старины, карточный шулер знает несколько глупых трюков, с помощью которых, как можно подумать, он может обмануть только самых невинных людей. Тем не менее все они имеют неплохой доход, и только потому, что знают своих собратьев и применяют эти знания на практике.

Я, разумеется, не утверждаю, что нам, криминалистам, не нужны научные знания в области права и что мы должны полностью полагаться на знание людей. Нам нужно ровно столько знаний, сколько нужно, поскольку наша задача превышает задачу торговца лошадьми, но мы не можем обойтись без знания человечества. Огромная обременительность должности судьи заключается как раз в том, что ему нужно гораздо больше, чем просто юридические знания. Он должен быть прежде всего юристом, а не просто криминалистом; он должен в

полной мере владеть не только знаниями, приобретенными в академии, но и самым последним современным состоянием всей своей науки. Если он пренебрегает чисто теоретическими вопросами, он превращается в простого чернорабочего. Он обязан не только ознакомиться с сотнями вещей, уметь общаться со всевозможными ремеслами и профессиями, но и, наконец, сформировать из материала, поставляемого ему законом, столько, сколько под силу человеку.

Раздел 4. (b) Честность свидетелей.

Одно из самых грубых нарушений судьей по уголовным делам своих обязанностей состоит в том, что он просто бросает свидетелю вопрос и позволяет ему говорить все, что ему заблагорассудится. Если он довольствуется этим, то он оставляет на совести свидетеля возможность сказать правду, и всю правду; свидетель в таком случае, конечно, несет ответственность за одну часть неправды и умолчаний, но ответственность за другую, более значительную часть, лежит на судье, который не сделал всего возможного, чтобы выявить максимальную ценность доказательств, безразлично, за или против заключенного. Для этого предназначена работа по воспитанию, но не для того, чтобы, как можно было бы предположить, воспитать из всего населения хороших свидетелей, а для того, чтобы сделать из отдельного человека хорошего, надежного свидетеля, который призван давать показания в первый, а возможно, и в последний раз в своей жизни. Эта подготовка в каждом случае должна идти в двух направлениях: она должна заставить его *хотеть* говорить правду; она должна сделать его *способным* говорить правду. Первое требование касается не только лжи, но и развития полной совестливости. Как противостоять самой лжи, нельзя определить с помощью тренировок, но добросовестные ответы на вопросы экзамена, безусловно, можно приобрести. Мы не рассматриваем здесь людей, которым истина совершенно чужда, которые по своей сути лжецы и само существование которых является клеветой на человечество. Мы рассматриваем только тех людей, которые не привыкли говорить полную и неприукрашенную правду, которые всю жизнь довольствовались "приблизительно" и никогда не имели возможности узнать, что такое правдивость. Можно сказать, что тревожно большое количество людей склонны к блужданию в разговоре и воспроизведению прошлого. Они не идут прямо, быстро и открыто к цели, они бродят по направлению к ней - "Если я не дойду до нее пчелиным шагом, то смогу пробраться окольными путями, если не сегодня, то завтра; а если я действительно не дойду до нее совсем, то дойду в другом месте". У таких людей не дома, а трактиры - если их нет в одном месте, подойдет другое.

Этих людей отличает то, что всякий раз, когда кто-то видит их безделье и с праведным гневом ставит перед ними вопрос, они либо пугаются, либо небрежно говорят: "О, я думал, это не так точно". Этот голод совести, это безразличие к истине наносят далеко идущий ущерб нашей профессии. Я утверждаю, что оно наносит гораздо больший вред, чем явная ложь, потому что, действительно, неприкрытую ложь гораздо легче обнаружить, чем вероятную правду, которая все равно остается неправдой. Кроме того, ложь обычно исходит от людей, к которым по тем или иным причинам человек уже относится с осторожностью, в то время как эти инсинуативные приближения совершаются людьми, к которым вообще нет никакого недоверия.^[49]

Недостаток совестливости характерен для всех возрастов, обоих полов, всех видов и состояний людей. Но наиболее характерно часто и резко выражено оно у людей, не имеющих настоящего дела в жизни. Тот, кто романтизирует в повседневной жизни, романтизирует и тогда, когда должен быть абсолютно правдив. Самые опасные из этого

класса - те, кто зарабатывает на жизнь показухой и демонстрацией. Они бессовестны не потому, что не делают ничего стоящего; они не делают ничего стоящего потому, что бессовестны. К этому классу относятся разносчики, уличные торговцы, трактирщики, некоторые владельцы магазинов, извозчики, художники и т. д., и особенно проститутки (см. Ломброзо и т. д., и т. д.). Все эти люди следуют призванию, возможно, очень беспокойному, но они не выполняют никакой реальной работы и выбрали свою профессию, чтобы избежать регулярной, реальной работы. У них много незанятого времени, а когда они работают, то часть работы состоит из сплетен, часть - из безделья, или из использования рук, которые мало чем занимаются. Короче говоря, поскольку они бездельничают и извлекают из этого выгоду, неудивительно, что, давая показания, они также бездельничают и доносят лишь приблизительную правду. Нетрудно также указать на аналогичные личности в высших слоях общества.

Самые ненавистные и самые опасные из них - врожденные бродяги, люди, которым не пришлось работать и которые честно добивались возможности ничего не делать. Тот, кто не признает, что в мире нет места бездельникам и что жизнь на Божьей земле должна быть заработана трудом, не имеет совести. От таких людей не стоит ожидать свидетельства совести. Среди немногих правил без исключений, которые в ходе долгого опыта криминалист может выработать, есть одно: *настоящие бродяги обоих полов и всех слоев общества никогда не будут давать добросовестных показаний*; -*hic niger est, hunc Tu, Romane, caveto.*

Раздел 5. (с) Правильность свидетельских показаний.

Воспитание у свидетеля *способности* говорить правду должно быть основано, (1) на знании судьей всех условий, которые отрицательно влияют на правильные наблюдения и воспроизведение; (2) на том, чтобы он четко определил для себя, действуют ли эти условия в данном случае и какие именно; и (3) на том, чтобы он стремился устранить это отрицательное влияние со стороны свидетеля. Последнее во многих случаях трудно, но не невозможно. То, что были допущены ошибки, обычно быстро замечается, но тогда "быть вызванным и быть выбранным" - две вещи; и точно так же выявление *того, что* является правильным, и замена существенных замечаний на мнения - всегда самая трудная из задач судьи.

Когда свидетель одновременно не желает говорить правду и не может этого сделать, к делу подготовки можно подойти с нескольких общих точек зрения. Терпение по отношению к свидетелю - это, пожалуй, самый важный ключ к успеху. Несомненно, трудно быть терпеливым там, где нет времени, а при нашей современной сверхзадаче времени нет. Но все должно измениться. Справедливость должна иметь силу, чтобы труд каждого был пропорционален его задаче. Нация, представители которой не выделяют достаточно денег на эти цели, не должна рассчитывать на удовлетворительное состояние судов - "*no checkee no washee*"; *no money no justice*. Люди, у которых есть время, приобретают терпение.

Терпение необходимо прежде всего при получении показаний. Очень многие свидетели привыкли говорить много и излишне, и, опять же, большинство уголовных судей привыкли пытаться отгородиться от них и требовать кратких показаний. Это глупо. Если свидетель блуждает намеренно, как это делают многие заключенные по определенным собственным причинам, он еще больше расплывется, когда поймет, что это не нравится его экзаменатору. Быть неприятным - вот его цель. Нетерпение никогда не выводит его за пределы своего представления, и часть доказательств теряется, потому что почти каждый обвиняемый, который говорит неразборчиво специально, говорит слишком много в ходе своей речи и доводит до сведения то, что никакими усилиями не было бы достигнуто в противном случае.

Кроме того, тот, кто дает нарочито длинные показания, не хочет сказать ничего лишнего, а если и говорит, то не осознает этого. И даже когда он знает, что говорит слишком много (чаще всего он понимает это по нетерпеливым взглядам слушателей), он никогда не может сказать, что именно превысило меру. Если же его просят сократить речь, он остается невозмутимым или, самое большее, начинает с самого начала, а если и снисходит, то опускает важные, возможно, даже крайне важные вещи. Не следует также забывать, что, по крайней мере, значительная часть таких людей, которые предстают перед судом, уже подготовили свою историю или, возможно, изложили ее в черновом варианте. Если им не разрешить следовать своим планам, они запутаются, и ничего связного или полусвязного не получится. И, как правило, те, кто говорит больше всех, уже продумали свои показания. Те, кому на суде приходится говорить не больше, чем "да" и "нет", не сводят то небольшое, что собираются сказать, к какому-то большому порядку; это делают только те, кому есть что рассказать. Как только поток разговоров вырвался на свободу, ему лучше всего позволить течь дальше, и только потом прерывать его уместными вопросами, когда он грозит стать утомительным. Помощь в борьбе с излишней болтовней можно найти в одном направлении. Но ее нужно использовать до того, как начнется зло, и в любом случае она пригодится только при описании длинной цепи событий, например, большой драки. Там, если человек полностью владеет всей правдой через одного или нескольких свидетелей, следующему свидетелю можно сказать: "Начните с того места, где Х вошел в комнату". Если этого не сделать, то можно быть вынужденным выслушать все, что делал свидетель за день до драки, и как эти вводные, сами по себе безразличные, привели к событию. Но если вы зададите тему, свидетель просто откажется от первой части возможно изученных показаний, не потеряв тем самым связности. Процедура может быть точно описана: Свидетелю говорят: "Начните с того или иного момента". За этим выступлением обычно следует пауза, во время которой он, очевидно, просматривает и откладывает в сторону часть своей подготовленной речи, посвященную событиям, предшествовавшим требуемым моментам. Если, однако, определение точки отсчета не срабатывает и свидетель говорит, что должен начать с более раннего этапа, пусть так и сделает. В противном случае он так старается начать в соответствии с просьбой, что, не имея возможности идти своим путем, все путает.

Терпение, необходимое для получения свидетельских показаний, требуется и при перекрестном допросе. Не только дети и тугодумы, но и умные люди часто отвечают только "да" и "нет",^[50] и эти голые ответы требуют терпения, которое необходимо именно при этой голом ответе, если ответы будут продолжаться некоторое время и последовательно. Опасность нетерпения тем очевиднее, что каждый более или менее ясно осознает, что он может задавать сдержанному свидетелю наводящие вопросы и таким образом узнать то, чего свидетель никогда бы не сказал. Не все, конечно, кто дает в суде односложные ответы, обладают таким характером, но в конечном итоге эта общая черта проявляется, и эти лаконичные люди действительно не способны связно излагать свои мысли в длинных речах. Если же свидетель произносит только самые короткие реплики и из них составляется связный, хорошо скомпонованный рассказ, то, когда ему зачитывают его показания, он часто не замечает неправды, которая может в них содержаться. Он настолько мало привык к собственным пространственным рассуждениям, что в большинстве случаев удивляется своей великолепной речи, не замечая даже грубой фальши. Если же, вопреки ожиданиям, он все же замечает их, то слишком осторожен в выражениях, чтобы обратить на них внимание, соглашается и радуется, что пытка подошла к концу. Поэтому ничто, кроме бесконечного терпения, не поможет заставить лаконичного свидетеля говорить хотя бы столько, чтобы его информация была связной, пусть даже краткой. В таком виде она может быть представлена для протокола.

Раздел 6. (d) Предпосылки получения доказательств.

Одно из важнейших правил сбора доказательств - не предполагать, что практически любой свидетель владеет навыками изложения того, что он помнит. Даже о детском обучении Фрёбель[51] говорит: "Мужчин надо вытягивать, а не выпытывать". И это тем более справедливо в юриспруденции, и тем более трудно, что у юристов есть максимум столько же часов работы с человеком, сколько лет у учителя. Однако мы должны стремиться вывести свидетеля на чистую воду, и если с первого раза это не получится, не стоит отчаиваться в успехе.

Главное - определить уровень свидетеля, а затем встретиться с ним на этом уровне. Мы, конечно, не сможем за короткое время, отпущенное нам, поднять его на свой уровень. "Цель обучения, - говорит Ланге[52], - наделить ученика большей апперцептивной способностью, т. е. сделать его интеллектуально свободным. Поэтому необходимо обнаружить его "накопившиеся мысли" и остерегаться слишком многого излагать". В этом нет ни капли правды. Развитие апперцептивных способностей не так уж сложно для нас, поскольку наша задача состоит не в том, чтобы подготовить нашего подопечного к жизни, а в том, чтобы сделать это для одной текущей цели. Если мы хотим, с этой целью, сделать человека более интеллектуально свободным, мы должны только заставить его независимо рассматривать вопрос, которым мы занимаемся, держать его свободным от всех посторонних предложений и умозаключений, и заставить его видеть дело так, как если бы никакие влияния, личные или косвенные, не действовали на него. Этот результат требует не просто отмены особых влияний, не просто отмены всего того, что другие говорили ему по обсуждаемому вопросу, не просто разъяснения влияния страха,[53] гнева, всех подобных состояний ума, которые могли здесь действовать, - он требует установления его беспристрастного видения предмета с периода, предшествовавшего этим вышеупомянутым влияниям. Мнения, оценки, предрассудки, суеверия и т. д. могут быть здесь в значительной степени факторами беспокойства и путаницы. Только когда весь этот авгиевый хлев выметен, можно предположить, что человек способен к восприятию, что то, что он должен нам рассказать, доведено до его сведения и ему позволено воспроизвести это.

Эта необходимая предварительная подготовка не так уж трудна, если соблюдать второе из вышеупомянутых правил и изучать "собранные мысли" свидетеля. Можно сказать, что, пока два человека общаются, не зная о "фундированной мысли" друг друга, они говорят на разных языках. Некоторые из самых поразительных недоразумений происходят именно по этой причине. Дело не только в различии словесных значений, приводящих к несовместимым умозаключениям; на самом деле здесь задействован весь разум человека. Обычно считается, что достаточно знать значение слов, необходимых для рассказа истории. Но такое знание приводит лишь к внешнему и очень поверхностному пониманию; настоящей ясности можно достичь, только зная образ мыслей свидетеля в отношении всех обстоятельств дела. Я хорошо помню дело об убийстве на почве ревности, в котором самым важным свидетелем был брат жертвы, честный, простой дровосек, воспитанный в глуши и во всех отношениях далекий от идиотизма. Его показания были краткими, решительными и умными. Когда речь зашла о мотиве убийства, в данном случае самом важном, он пожал плечами и ответил на мой вопрос, не было ли оно совершено из-за девушки, словами: "Да, так говорят". При дальнейшем рассмотрении я пришел к поразительному открытию, что не только слово "ревность", но и само понятие и понимание ее были совершенно чужды этому человеку. Единственная девушка, о которой он в свое время думал, была отвоєована у него без ссор, никто никогда не говорил ему о страстях и страстишках других людей, у него не было случая рассмотреть теоретическую возможность такого, и поэтому "ревность"

оставалась для него совершенно чуждой. Очевидно, что теперь его слух принял совсем другой оборот. Все, что, как мне казалось, я от него слышал, было по сути неверно; его "фундированная мысль" относительно очень важного, в данном случае регулятивного понятия, была слишком бедна.

Обнаружить "фундированную мысль", безусловно, непросто. Но ее объективная возможность у свидетеля и обвиняемого - это, по крайней мере, факт. Исключается она только там, где она наиболее очевидно необходима - в случае с присяжными, и невозможность в этом случае превращает институт суда присяжных в утопическую мечту. Председательствующий в суде присяжных в лучших случаях знаком с несколькими присяжными, но никогда - настолько, чтобы быть в курсе их "накопившихся мыслей". Время от времени, когда кто-то из присяжных задает вопрос, он получает представление об этом, а когда прокурор и адвокат защиты произносят свои речи, он улавливает что-то из выражений присяжных; но потом, как правило, бывает уже слишком поздно. Даже если это обнаруживается раньше, сделать с этим ничего нельзя. Определенный успех возможен в случае с отдельными людьми, но определить умственные привычки двенадцати мужчин, с которыми у человека нет никаких особых отношений, просто невозможно.

Третья часть фрёбелевского правила - "Предполагать как можно меньше" - должна соблюдаться неукоснительно. Я говорю это не пессимистично, а просто потому, что мы, юристы, благодаря бесконечной практике, гораздо легче организуем вопрос, лучше представляем себе его историю и знаем, что исключить, а что, с определенной степенью уверенности, оставить. В результате мы часто забываем о своих способностях и представляем неквалифицированным мирянам, даже образованным людям, слишком много материала. Затем следует учесть, что большинство свидетелей необразованны, что мы не можем фактически спуститься на их уровень, и их несчастье под потоком странного материала мы можем понять лишь с трудом. Не зная точки зрения свидетеля, мы требуем от него слишком многого, а значит, не достигаем своей цели. А если в каком-то исключительном случае в качестве свидетеля выступает образованный человек, мы снова терпим неудачу, поскольку, имея привычку иметь дело с необразованными людьми, полагаем, что этот человек знает наши собственные специальности, поскольку у него есть небольшое образование. Опыт не развеивает эту иллюзию. То ли фактическая подготовка в другом направлении притупляет естественный и свободный взгляд, который мы желаем видеть в свидетеле, то ли в нашей профессии образование предполагает слишком идеальные тенденции, - какими бы ни были причины, факт остается фактом: труднее всего нам обычно приходится с самыми высокообразованными свидетелями. Однажды мне пришлось составлять протокол на основе показаний известного ученого, который был свидетелем в одном небольшом деле. Работа шла медленно. То ли ему не нравились условия, как я их диктовал, то ли он сомневался в полной достоверности того или иного утверждения. Не говоря уже о том, что я потратил час или два впустую, протокол, хоть и переписанный, был полон исправлений и подчисток. А в конце вообще получилась полная ерунда. Начало противоречило заключению, оно было невразумительным и, что еще хуже, неправдивым. Как выяснилось позже, благодаря неопровержимым показаниям многих свидетелей, ученый был настолько добросовестен, осторожен и аккуратен, что просто не знал, что видел. Его свидетельство ничего не стоило. У меня неоднократно был подобный опыт, и другие люди признавались в этом. На вопрос: Где не следует предполагать слишком многого? ответ таков: везде. Прежде всего, мало что следует предполагать относительно способностей людей к наблюдению. Они утверждают, что слышали, видели или чувствовали то-то и то-то, а на самом деле они этого не видели, не слышали и не чувствовали, или видели совсем другое. Они энергично утверждают, что схватили, потрогали, посчитали или

рассмотрели что-то, а при ближайшем рассмотрении оказывается, что они бросили на это лишь мимолетный взгляд. И еще хуже, когда речь идет о чем-то большем, чем обычное восприятие, когда требуются исключительно острые чувства или информация. Люди доверяют общепринятому, а когда требуется тщательное наблюдение, часто не обладают знаниями, соответствующими их статусу. Таким образом, предполагая наличие у данного свидетеля особых профессиональных знаний, совершаются большие ошибки. Как правило, у него нет таких знаний, или он не использовал их особым образом.

Точно так же часто предполагается слишком много внимания и интереса, что впоследствии приводит к поразительному открытию того, как мало внимания люди на самом деле уделяют своим собственным делам. Еще меньше, следовательно, следует предполагать знание менее личных вещей, ибо в вопросе реального понимания невежество людей намного превосходит все предположения. Большинство людей знают, как выглядят всевозможные вещи, и думают, что знают их сущность, а когда их спрашивают, неизменно утверждают это, вполне добросовестно. Но если полагаться такие знания, возникают плохие результаты, которые тем более опасны, что впоследствии редко удается осознать их пагубность.

Как только со свидетелем обсуждается какой-либо новый вопрос, необходимо прежде всего выяснить его общее представление о нем, что он считает таковым и какие идеи связывает с ним. Если вы решите, что он ничего об этом не знает, и соответственно оцените его вопросы и выводы, вы, по крайней мере, не ошибетесь в этом вопросе и в целом быстрее достигнете своей цели.

В то же время необходимо действовать как можно медленнее. Именно Карус[54] указывает на то, что ученому не следует показывать какой-либо предмет, пока он сам не сможет обнаружить его или его подобие. Каждая способность должна быть развита, прежде чем ее можно будет использовать. Как бы ни была трудна эта процедура, она необходима при обучении детей и приносит успех. Это одна из форм обучения на примерах. Ребенка учат ассимилировать с его прошлым опытом новый факт, например: в сравнении какого-то острого страдания ребенка с тем, что оно заставило страдать животное. Такие параллели редко бывают неудачными, как при обучении детей, так и при обучении свидетелей. Длинное описание события, в котором, например, кто-то подвергается рукоприкладству, может стать совершенно иным, если свидетеля попросить вспомнить его собственный опыт. Сначала он говорит об этом событии как о "великолепной шутке", но как только его заставят рассказать о похожей ситуации, и эти две истории окажутся рядом, его описание изменится. Этот пример можно варьировать в разных направлениях, и он всегда полезен. Она применима даже к обвиняемым, поскольку сам исполнитель начинает понимать свой поступок, когда он может быть привязан к его полностью знакомой внутренней жизни.

Наибольшее мастерство в этом вопросе может быть проявлено при рассмотрении дела присяжными. Соедините новые факты с похожими, уже известными им, и таким образом сделайте дело понятным для них. Трудность здесь опять же заключается в том, что присяжные состоят из незнакомых людей, а их двенадцать человек. Найти случаи, знакомые им всем, и знакомые настолько, чтобы они могли легко связать их с рассматриваемым делом, - редкое событие. Если же такое случается, то успех и значителен, и счастлив.

Однако недостаточно просто найти знакомый случай, аналогичный рассматриваемому. Аналогия должна быть найдена для каждого события, каждого мотива, каждого мнения, каждой реакции, каждого появления, если мы хотим, чтобы люди понимали и следовали этому делу. Идеи, как и люди, имеют свою родословную, и знание предков ведет к открытию двоюродных братьев.

Раздел 7. (е) Эгоизм.

Вполне возможно, что внутренний характер эгоизма окажется столь же мощным в юридических вопросах, как и в повседневной жизни. Гете испытал его действие с беспримерной остротой. "Позвольте мне сказать вам кое-что, - пишет он (Беседы с Эккерманом. Том 1). "Все периоды, считающиеся регрессивными или переходными, субъективны. И наоборот, все прогрессивные периоды смотрят вовне. Вся современная цивилизация реакционна, потому что субъективна..... Везде важен индивид, который пытается показать свое превосходство. Нигде не найти ни одного достойного упоминания усилия, которое подчиняло бы себя любви к целому".

В этих безошибочных словах содержится "открытие", которое применимо к нашим дням даже лучше, чем к временам Гете. *Для нашего времени характерно то, что каждый человек проявляет преувеличенный интерес к самому себе.* Следовательно, его волнует только он сам или его ближайшее окружение, он понимает только то, что уже знает и чувствует, и работает только там, где может получить какую-то личную выгоду. Отсюда следует вывод, что мы можем действовать с уверенностью только тогда, когда рассчитываем на этот преувеличенный эгоизм и используем его как основной фактор. Об этом свидетельствуют самые незначительные мелочи. Человек, получивший печатный справочник, смотрит на свое имя, хотя знает, что оно там есть, и с удовольствием созерцает его; то же самое он делает с фотографией группы, в которой увековечен его достойный "я". Если обсуждаются личные качества, он счастлив, когда может сказать: "Теперь я от природы такой". Если обсуждаются чужие города, он рассказывает о своем родном городе или о городах, которые он посетил, и о вещах, которые могут заинтересовать только того, кто там побывал. Каждый старается привнести что-то из своего личного статуса - либо условия своей жизни, либо вопросы, касающиеся только его. Если кто-то заявляет, что хорошо провел время, это означает, что у него была возможность очень сильно выдвинуть свое "я" на передний план, без исключения, абсолютно без исключения.

Лазарь[55] справедливо придал этому человеческому качеству историческое значение: "Значительной частью своего политического диктаторства Перикл был обязан тому обстоятельству, что знал практически всех афинских граждан по имени. Ганнибал, Валленштейн, Наполеон I заражали свои армии, благодаря честлюбию, большей храбростью, чем могла бы дать глубочайшая любовь к оружию, стране и свободе, только благодаря тому, что знали и называли по имени отдельных солдат."

Ежедневно мы получаем маленькие примеры этого эгоизма. Самый отвратительный и скучный свидетель, который, возможно, злится на то, что его так далеко оттащили от работы, может стать ценным и полезным благодаря первоначальному проявлению небольшого *личного* интереса, некоторого понимания его дел и учета, по возможности, его взглядов и эффективности. Более того, люди судят о своих коллегах по их пониманию их собственных профессий. История о том, как крестьянин насмехается над врачом: "Да что он может знать, если он даже не умеет сеять овес?" - это не просто история, и она относится не только к неграмотным хамам. Такое отношение встречается очень часто, особенно среди людей увлекательных профессий, требующих много времени, - например, среди солдат, всадников, моряков, охотников и т. д. Если невозможно понять эту человеческую суету и относиться к этим людям как к представителям своего ремесла, то разумно хотя бы предложить такое понимание, проявить интерес к их делам и дать им понять, что вы действительно считаете необходимым, чтобы каждый умел правильно седлать лошадь или на тысячу шагов отличать немецкую птицу-собаку от английского сеттера. Целью является не личное уважение к судье, а уважение к функции судьи, которую свидетель отождествляет с личностью судьи. Если он

испытывает такое уважение, то сочтет за труд помочь нам, тщательно подумать и помочь в трудном завершении дела. Существует поразительная разница между вкладом угрюмого и противоречивого свидетеля и того, кто заинтересовался делом и получил от него удовольствие. В последнем случае не только количество, но и истинность и надежность показаний значительно выше.

Кроме того, предшествующее самолюбие заходит так далеко, что может оказаться очень важным при допросе обвиняемого. Не в том смысле, что для него должна быть расставлена ловушка; просто, поскольку наше дело - докопаться до истины, мы должны действовать с отрицающим обвиняемым так, чтобы выявить факты, которые при других тщательных манипуляциях не всплыли бы. Как часто анонимные или псевдонимные преступники выдавали себя во время допроса только потому, что рассказывали об обстоятельствах, связанных с их капиталом /, и говорили так ясно, что, когда разгадка была найдена, проследить за ней уже не составляло труда. В экспертизе известных преступников таких случаев десятки - факт не новый, но его нужно использовать.

Аналогичный мотив лежит в основе низших форм эгоизма - упрямства человека, которого противоречия могут довести до отчаяния, но который при правильном обращении становится ценным. Этому я научился главным образом у своего старого дворецкого, великолепного честного солдата, фигуры из комедии, но наделенного неумолимым упрямством, против которого мое умение долгое время ничего не давало. Как только я предлагал что-нибудь в отношении какой-нибудь задуманной работы или переделки, я получал один и тот же ответ: "Так не пойдет, сэр". Наконец я взял в руки список и разработал свой план: "Саймон, теперь это будет сделано так, как Саймон недавно сказал, что это должно быть сделано, а именно". При этом он смотрел на меня, пытался вспомнить, когда он говорил это, и шел и делал. И несмотря на частое применение, этот список не подводил ни разу за несколько лет. Самое лучшее в нем то, что он будет служить *mutatis mutandis* и преступникам. Как только замечена реальная ложность, необходимо избегать малейшей видимости противоречия, так как это увеличивает трудности. Не нужно лгать или прибегать к хитрости. Только избегайте прямого противоречия, уходите от темы, о которой идет речь, и возвращайтесь к ней косвенно, когда увидите, что упрямец осознает свою ошибку. Тогда вам, возможно, удастся построить для него золотой мост или хотя бы едва заметную боковую дверь, по которой он сможет незаметно отступить. В этом случае даже самый трудный из упрямцев больше не будет повторять старую историю. Он будет повторять, только если на него надавят, и это несмотря на то, что его неоднократно возвращали к сути дела. Если же вопрос однажды решен, остерегайтесь возвращаться к нему без какой-либо другой причины, кроме как для того, чтобы окончательно подтвердить решенное дело, - это значит лишь разбудить спящего, чтобы дать ему снотворное.

Если говорить в общем, то главное правило заключается в следующем: *Эгоизм, лень и тщеславие - единственные человеческие мотивы, на которые можно безоговорочно положиться*. Любовь, верность, честность, религия и патриотизм, хотя и тверды, как скала, но могут разрушаться и падать. На одно из этих качеств можно было рассчитывать десять раз, а на одиннадцатый оно может рухнуть, как картонный домик. Рассчитывайте на эгоизм и лень сто или тысячу раз, и они будут непоколебимы, как никогда. Проще говоря, рассчитывайте на эгоизм - ведь лень и тщеславие являются лишь модификациями эгоизма. И только последний должен быть единственным человеческим мотивом, который следует иметь в виду при общении с людьми. Достаточно случаев, когда все колеса приходят в движение после подсказки истины, то есть когда есть опасность, что человек, находящийся под подозрением, невиновен; призывы к чести, совести, гуманности и религии терпят

неудачу; но запустите всю гамму самолюбия, и вся правда прозвучит ясно. Эгоизм - лучший критерий наличия правдивости. Предположим, что связное объяснение было построено с большим трудом. Очевидно, что правильность построения изучается с учетом заданного мотива. Теперь, если звенья цепи легко возвращаются к мотиву, есть, по крайней мере, вероятность, что цепь не содержит ошибок. Что же тогда с мотивом? Если он благороден - дружба, любовь, человечность, преданность, милосердие, - то выстроенная цепочка может быть правильной, и, к счастью, так бывает чаще, чем принято считать; но она *не обязательно должна* быть правильной. Если же конструкция опирается на эгоизм, в любой из его бесчисленных форм, и если она логически обоснована, то все дело объясняется абсолютно и надежно. Конструкция несомненно верна.

Раздел 8. (f) Тайны.

Установление истины в судебном порядке удавалось бы гораздо реже, чем это происходит, если бы не тот факт, что людям очень трудно хранить секреты. Это, в сущности, примечательное и не совсем понятное обстоятельство широко известно. Пословицы всех народов посвящены ему и указывают в основном на то, что хранить секреты особенно трудно женщинам. Итальянцы говорят, что женщина, которая не может говорить, рискует лопнуть; немцы - что бремя тайны сказывается на ее здоровье и преждевременно старит ее; англичане говорят о том же еще более грубо. Классические пословицы посвящены этому вопросу; множество сказок, рассказов, романов и стихов изображают трудность молчания, а один очень хороший современный роман ("Последний из Швайгенов" Фердинанда Кюрнбергера) выбрал этот факт в качестве основного мотива. Всеобщая трудность молчания выражена Лотце[56] в изречении, что выражению мы учимся очень рано, а молчанию - очень поздно. Этот факт полезен криминалисту не только в отношении преступников, но и в отношении свидетелей, которые по тем или иным причинам хотят что-то утаить. Последний случай является источником большой опасности, поскольку свидетель вынужден говорить и кружит вокруг тайны, не касаясь ее, пока не укажет на нее и не раскроет ее наполовину. Если он останавливается на этом, вопрос требует рассмотрения, поскольку "полуправда хуже, чем полная ложь". Последняя раскрывает предмет и намерения и позволяет защищаться, в то время как полуправда может, в силу ассоциаций и косвенных ограничений, вызвать досадные ошибки как в отношении личности полуобвиняемого, так и в отношении обстоятельств, с которыми он таким образом связан. По этой причине криминалист должен тщательно подходить к вопросу о тайне.

Что касается его собственного молчания, то оно должно рассматриваться в двух направлениях. То, что он не должен разглашать служебные тайны, настолько очевидно, что об этом не стоит и говорить. Подобная болтовня настолько небрежна и бесчестна, что мы должны считать ее по сути невозможной. Однако нередко случается, что из уголовного судьи, как правило, из числа более молодых и энергичных людей, вырываются или убеждаются некоторые показания. Они упоминают только само событие, не называя ни имени, ни места, ни времени, ни каких-то еще более интимных вещей - казалось бы, никакого вреда. И все же самые важные моменты часто пробалтываются именно таким образом. И что хуже всего, именно потому, что говорящий не знал ни имени, ни чего-либо еще конкретного, вопрос может быть уведен в сторону и втянут в него какой-нибудь невинный человек. Стоит учесть, что вышеупомянутые усилия предпринимаются только в самых интересных случаях, что преступления особенно вызывают у людей отвратительный интерес, в силу того, что существует более разнообразный подход к синтезу дела, когда одна и та же история повторяется несколько раз или разными свидетелями. Ведь таким образом

становятся возможными экстраполяции и комбинации материала. В качестве предупреждения позвольте мне напомнить вам один древний и часто цитируемый анекдот, который впервые был приведен Боккаччо: Молодого и горячо любимого аббата подкалывали многочисленные дамы, чтобы он рассказал, что произошло во время первой исповеди, которую он пережил. После долгих колебаний молодой человек решил, что не будет грехом рассказать об исповеданном грехе, если он умолчит имя исповедника, и сказал дамам, что его первая исповедь была в неверности. Через несколько минут появилась пара запоздалых гостей - маркиз и его очаровательная жена. Оба упрекали молодого священника за его редкие визиты в их дом. Маркиза воскликнула так, что все услышали: "Нехорошо с вашей стороны пренебрегать мной, вашей первой исповедницей". Этот сквиб очень важен для нашей профессии, ведь хорошо известно, как "голые факты", как и "совершенно безопасные", переносятся дальше. Слушателю не нужно их объединять; факты сами объединяются с другими, полученными иным путем, и в итоге самые важные официальные дела, от сокрытия которых, возможно, многое зависело, становятся общеизвестными. Служебная тайна имеет общее значение и поэтому должна охраняться во всех пунктах, а не только в деталях.

Второе направление, в котором уголовное правосудие должно соблюдать молчание, касается свидетелей и обвиняемых. Если в первом случае причиной излишней общительности была чрезмерная склонность к разговорам, то в данном случае ее причиной является определенное самомнение, которое подталкивает человека к разговору. Хочет ли судья показать обвиняемому, как много он уже знает, или как правильно он сделал свои выводы; хочет ли он произвести впечатление на свидетеля своей откровенностью - в одном случае он может причинить столько же вреда, сколько и в другом. Успех становится особенно невозможным, если судья слишком торопился и с самого начала пытался показать себя полностью осведомленным, но вместо этого выявил какую-то ошибку. Обвиняемый, естественно, уходит от него со своими ложными предположениями, они наводят на мысль свидетеля, и то, что за этим последует, можно легко рассмотреть. Правильная процедура в таких обстоятельствах сложна. Никогда не раскрывать то, что уже известно, значит лишить себя одного из важнейших средств экспертизы; поэтому не следует использовать его с опозданием. Но гораздо хуже быть преждевременным или болтливым. По собственному опыту, я ни разу не пожалел, что промолчал, особенно если уже что-то сказал. Единственное правило в этом вопросе сравнительно самоочевидно. Никогда не переходите к некорректности и не создавайте видимость того, что вы знаете больше, чем есть на самом деле. Если не принимать во внимание нечестность такой процедуры, то опасность болезненного разоблачения в подобных вопросах очень велика.

Есть еще одна большая опасность, которой следует остерегаться, *optima fide*, - опасность знать что-то неправдивое. Этой опасности больше всего подвержены самые талантливые и самые смелые из нас, потому что они лучше всех владеют синтезом, умозаключением и определением возможностей и считают неопровержимыми и не подлежащими опровержению вещи, которые в лучшем случае являются просто возможностями. Для исхода дела безразлично, была ли ложь сказана намеренно или это был просто честный взрыв чрезмерно сангвинического темперамента. Поэтому нет необходимости указывать на повод для осторожности. Достаточно лишь предположить, что у людей, которые слишком много говорят, можно чему-то научиться. Чрезмерная общительность соседа быстро бросается в глаза, и если внимательно изучить, почему и насколько это так, то нетрудно провести значительную аналогию с собственным случаем. Что касается секретов других людей, то, очевидно, в первую очередь необходимо установить, что на самом деле является секретом; что следует скрывать, чтобы не навредить себе или другому. Когда тайна признана,

необходимо рассмотреть, какой ущерб будет нанесен в большей степени - сохранением или раскрытием тайны. Если это еще возможно, то лучше оставить тайну - всегда есть вред, и, как правило, немалый, когда ее выпытывают у свидетеля. Если же человек искренне убежден, что тайна должна быть раскрыта - например, когда под угрозой находится невинный человек, - следует приложить все усилия и все умение для ее раскрытия. Поскольку здесь невозможен даже малейший отголосок недобросовестности, работа никогда не бывает легкой.

Главное правило - не усердствовать в получении желаемой тайны. Чем важнее она, тем меньше следует о ней говорить. Лучше всего не искать его напрямую. Он появится сам собой, особенно если он важен. Многие факты, которым обладатель не придавал особого значения, превратились в тщательно охраняемую тайну благодаря тому, что их с усердием искали. В случае необходимости, когда все другие средства не помогают, не лишним будет, конечно, осторожно рассказать свидетелю о преступлении больше, чем могло бы показаться. Затем следует тщательно отследить те эпизоды, в которых кроется желаемая тайна и из которых вытекает ее важность. Если свидетель поймет, что, выдав свой секрет, он представляет нечто действительно важное, это приведет к удивительным последствиям.

Относительно самой важной тайной является тайна собственной вины, а связанное с ней наиболее суггестивное установление - признание - представляет собой весьма необычную психологическую проблему.^[57] Во многих случаях причины признания очень очевидны. Преступник видит, что улики настолько полны, что его скоро осудят, и добивается смягчения приговора признанием, либо надеется с помощью более честного рассказа о преступлении свалить значительную часть вины на другого. Кроме того, в признаниях прослеживается тщеславие - например, молодые крестьяне признаются, что участвовали в краже со взломом больше, чем на самом деле (это легко обнаружить по пышному описанию своего преступления). Есть также признания, сделанные ради заботы и зимнего жилья: признание, вытекающее из "твердой убежденности" (как у политических преступников и других). Есть даже признания из благородства, из желания спасти близкого человека, признания, направленные на обман, и такие, которые случаются особенно в конспирации и делаются для выигрыша времени (либо для бегства настоящего преступника, либо для уничтожения компрометирующих предметов). Как правило, в последнем случае вина признается только до тех пор, пока план, ради которого оно было сделано, не удался; тогда судья удивляется обоснованному, регулярному и успешному установлению алиби. Нередко признания в мелких преступлениях делаются для того, чтобы создать алиби для более крупного преступления. И наконец, есть признания, которые католики^[58] обязаны делать в исповедальне, и признания на смертном одре. Первые отличаются тем, что делаются свободно и что исповедующийся не пытается смягчить свое преступление, но стремится исправиться, даже если ему это трудно, и желает даже определенного покаяния. Признания на смертном одре действительно могут иметь религиозные основания или желание предотвратить наказание или дальнейшее наказание невинного человека.

Хотя этот список объяснимых типов признаний велик, он ни в коем случае не является исчерпывающим. Это лишь малая часть всех признаний, которые мы получаем; из них большая часть остается более или менее необъяснимой. Миттермайер^[59] уже остро рассматривал эти вопросы и приводил примеры, а также сравнительно хорошо изученную старую литературу по этому вопросу. Ряд случаев, возможно, объясняется давлением совести, особенно если речь идет об истеричных или нервных людях, которых мучают мстительные образы, в которых появляется призрак их жертвы, или в ушах которых не прекращается невыносимый звон украденных денег и т. д. Если исповедующийся только

намеревается освободиться от этих тревожных образов и вытекающего из них наказания посредством исповеди, то мы имеем дело не с тем, что правильно называется совестью, а с болезнью, с ненормально возбужденным воображением.^[60] Но там, где подобные галлюцинации отсутствуют, религиозное влияние отсутствует, а признание делается свободно, в ответ на простое давление, мы имеем дело с совестью,^[61] - еще один из тех терминов, которые требуют объяснения. Я не знаю аналогии во внутренней природе человека, когда любой человек с открытыми глазами причиняет себе исключительный вред без какой-либо условной пользы, как это происходит в данном случае исповеди. Объяснение таких случаев всегда сопряжено со значительными трудностями. Один из способов объяснить их - сказать, что их источником является простая глупость и импульсивность, или просто отрицать их возникновение. Но теория глупости не привлекает практиков, ведь даже если мы согласимся с тем, что человек по глупости делает признание и впоследствии, осознав свою ошибку, горько сожалеет о том, что рассказал его, мы все равно найдем множество признаний, о которых не жалеют и авторов которых ни в коем случае нельзя обвинить в дефектах интеллекта. Отрицать существование таких признаний удобно, но неправильно, потому что каждый из нас знает множество случаев, когда никакие усилия не могли выявить мотив признания. Признание было сделано потому, что исповедующийся хотел его сделать, и в этом вся история.

По мнению неспециалистов, на признании дело заканчивается, но на самом деле с него начинается работа судьи. В качестве предостережения следует отметить, что все статуты одобряют признание в качестве доказательства только тогда, когда оно полностью согласуется с другими доказательствами. Признание - это средство доказывания, а не доказательство. Необходима какая-то объективная, доказательно сопряженная поддержка и подтверждение признания. Но в соответствии с тем же требованием закона ценность сопутствующего доказательства должна зависеть от того, насколько независимо оно было получено и установлено. Наличие признания содержит мощное внушающее воздействие на судью, свидетеля, эксперта, на всех участников дела. Если признание сделано, все, что воспринимается в деле, может рассматриваться в его свете, и опыт хорошо учит, как это меняет ситуацию. Существует настолько сильная склонность подгонять все воспринятое к какому-то объяснению, что после этого объяснение напрягается, а факты сжимаются и обрезаются до тех пор, пока они не станут легко укладываться в рамки. Замечательный феномен, подтвержденный всеми наблюдателями, заключается в том, что все наши восприятия сначала мягкие и пластичные и легко принимают форму, соответствующую форме их предшественников. Они становятся жесткими и негибкими только после того, как мы проработали с ними некоторое время и позволили им прийти в равновесие. Если же наблюдения проводятся в соответствии с определенными представлениями, то пластичный материал легко поддается формовке, наросты и неровности выдавливаются, лакуны заполняются, и, если это вообще возможно, адаптация легко завершается. Затем, если в нас возникает новое, совершенно иное представление, изменение наблюдаемого материала происходит так же легко, и только спустя долгое время, когда наблюдение затвердевает, новые изменения не удаются. Это повседневный опыт, как в профессиональных, так и в обычных делах. Мы слышим о каком-то преступлении и рассматриваем самые ранние данные. По той или иной причине мы начинаем подозревать А в совершении преступления. Результат осмотра помещения в каждой детали применяется к этому предложению. Оно подходит. Как и вскрытие, как и показания свидетелей. Все сходится. Действительно, были трудности, но они были отброшены, их приписали неточному наблюдению и тому подобному, - суть в том, что улики против А. Теперь предположим, что вскоре после этого Б признается в преступлении; это событие настолько значимо, что сразу отбрасывает все прежние причины подозревать А, и теория преступления включает Б. Естественно, весь материал теперь

должен быть применен к Б, и, несмотря на то, что сначала он подходил А, теперь он подходит Б. Здесь снова возникают трудности, но они должны быть отброшены, как и раньше.

Если это возможно с доказательствами, написанными и тем самым неизменными, то насколько легче это сделать с показаниями, которые должны быть взяты, и которые могут быть легко окрашены уже представленным признанием. В условиях воспитания теперь участвуют судья и его помощники, с одной стороны, и свидетели - с другой.

Что касается его самого, то судья должен постоянно помнить, что его дело не в том, чтобы подгонять все показания под уже представленное признание, позволяя этим показаниям служить лишь украшением последнего, а в том, что его дело - доказать свою правоту с помощью признания и других доказательств, *независимо друг от друга*. Законодатели современной цивилизации исходили из правильного предположения, что бывают и ложные признания, - а кто из нас не слышал таких признаний? Признания, сделанные по какой бы то ни было причине, - потому что исповедующийся хочет умереть, потому что он болен,^[62] потому что он хочет освободить настоящего преступника, - могут быть признаны ложными только путем доказательства их противоречия с другими доказательствами. Если, однако, судья ограничивается тем, что подгоняет улики, он отказывается от этого средства получения истины. Не следует также считать, что ложные признания имеют место только в случае убийства. Наиболее часто они встречаются в важных делах, где замешано несколько человек. Бывает, что схватывают только одного или двух, и они берут на себя всю вину, например, в случаях краж, драк, беспорядков и т. д. Повторяю: внушающая сила признания велика, и поэтому действительно нелегко исключить его влияние и рассмотреть баланс доказательств по существу, но это необходимо сделать, чтобы не обманывать самого себя.

Работа со свидетелями еще более щекотлива, поскольку к трудностям с ними добавляются трудности с самим собой. Проще всего было бы отрицать существование признания и таким образом заставить свидетеля говорить без предубеждения. Но помимо того, что это невозможно как ложь, каждый допрос свидетеля должен быть комедией, а это во многих случаях невозможно, так как свидетель может уже знать, что обвиняемый признался. Единственное, что можно сделать, особенно если это допустимо по другим причинам, - это сказать свидетелю, что признание существует, и обратить его внимание на то, что оно еще не является доказательством, и, наконец, прежде всего, держать себя в руках и не дать свидетелю представить свои показания с точки зрения уже установленного. В этой связи нельзя не отметить, что окраска подлинного векселя исходит гораздо меньше от свидетеля, чем от судьи. Самый возбужденный свидетель может быть приведен судьей к трезвой и полезной точке зрения, и, наоборот, самый спокойный свидетель может дать самые неверные показания, если судья хоть в чем-то отступит от надежного dna неопровержимо установленного факта.

С очень умными свидетелями (а они не ограничиваются образованными слоями населения) можно поступить конструктивно и после их показаний сказать, что дело будет рассматриваться так, как если бы признания не было. Существует поразительное количество людей - особенно среди крестьян - которые поддаются подобным соображениям и охотно идут за ними, если их уверенно ведут вперед. В таком случае необходимо проанализировать показания на составляющие их элементы. Этот анализ очень труден и важен, так как необходимо определить, что само по себе является элементом, причем материальным, а не формальным, а что только кажется единицей. Предположим, что во время сильной драки человек был зарезан и что А признался в нанесении ножевого ранения. Свидетель показал, что А сначала произнес угрозу, затем вскочил в драку, пошарил в сумке и вышел из толпы, и что в промежутке между тем, как А вошел и вышел, произошло ножевое ранение. В этом

простом случае необходимо оценить различные инциденты, и каждый из них должен рассматриваться сам по себе. Итак, рассмотрим: если бы А не признался, что бы значила его угроза? Может быть, она не предназначалась для нападавших на раненого? Не может ли его ощущение в сумке быть истолковано по-другому? Должен ли он был нащупать только нож? Было ли достаточно времени, чтобы открыть ее и нанести удар? Не мог ли мужчина к тому времени быть уже ранен? Тогда мы можем заключить, что все свидетельства об А не содержат ничего против него, но если мы соотнесем их с признанием, то эти свидетельства будут почти равны прямым доказательствам преступления А.

Но если к выводам примешиваются индивидуальные ощущения и приходится учитывать другие эквивалентные восприятия, которые, возможно, имели место у других людей, то анализ становится не таким уж простым, но его необходимо провести.

В общении с менее умными людьми, с которыми такое построение невозможно, приходится довольствоваться общими правилами. Требуя полной точности и настаивая, во всяком случае, на *ratio sciendi*, можно, как правило, добиться того, что восприятие, неопределенное в отношении любого человека, станет достоверным в отношении исповедующегося. Неправдивые признания обнаруживаются сравнительно редко, но если это все же случается, и при этом предпринимается попытка подвергнуть данные свидетельства критическому сравнению, то легко обнаруживается способ приспособления свидетельств к признанию. Свидетели совершенно не хотели говорить неправду, а судья в равной степени стремился установить истину, тем не менее вопрос должен был быть значительно извращен, чтобы свалить вину на исповедника. Подобные допросы настолько поучительны, что возможность их проведения никогда не следует упускать. Все свидетельские показания представляют собой типичную картину. Улики согласуются с теорией, что настоящий исповедник был виновен, но они также согласуются с теорией, что настоящий преступник был виновен, но некоторые детали должны быть изменены, часто очень многие. Если есть возможность выслушать тех же свидетелей еще раз, процедура становится еще более поучительной. Свидетели (при условии, что они искренне хотят говорить правду), естественно, подтверждают показания, указывающие на второго, более реального преступника, а если их попросить объяснить, какие показания указывают на "исповедника", то из ответов становится очевидным, что их неправильность возникла без умысла; то обстоятельство, что признание было сделано, действовало как внушение.[63]

Условия, сходные с исповедальными, возникают, когда собираются другие виды убедительных доказательств, обладающие таким же впечатляющим воздействием, как и признания. В таких случаях задача судьи проще, чем задача свидетеля, поскольку ему не нужно рассказывать об уже имеющихся доказательствах. Насколько сильно люди позволяют себе поддаваться влиянию предшествующих оснований для подозрений, можно наблюдать ежедневно. Достаточно одного примера. На интеллигентного человека ночью напали и ранили. На основании его описания был задержан человек. На следующий день подозреваемый был доставлен к мужчине для опознания. Он уверенно опознал человека, но поскольку его описание не совсем совпадало с описанием подозреваемого, его спросили о причине такой уверенности. "О, вы бы не привели его сюда, если бы он не был тем самым человеком", - последовал удивительный ответ. Просто потому, что подозреваемого арестовали по рассказу раненого и привели к нему в тюремной одежде, последний решил, что видит такое подтверждение своих данных, которое делает опознание уверенным - чистое *устерон протерон*, которое совсем не пришло ему в голову в связи с ярким впечатлением от увиденного. Я полагаю, что ограничиться только тем, что криминалист знает о деле, относится к самым трудным его задачам.

Раздел 9. (g) Интерес.

Каждый, кто хочет работать честно, должен стремиться пробуждать и поддерживать интерес своих сотрудников. Долг судьи - представлять своим помощникам материал, хорошо организованный, систематизированный, исчерпывающий, но не избыточный, и самому быть хорошо и подробно информированным о деле. Тот, кто так поступает, даже в самых обычных и простых делах может быть уверен в заинтересованности своих коллег, а значит, и в их внимании, и, как следствие, в том, что они сделают все возможное. Это, по сути, самоочевидные постулаты. Однако в некоторых ситуациях от экспертов требуется больше. Эксперт, будь то очень скромный работник или очень известный ученый, должен в первую очередь убедиться в том, что судья полностью заинтересован в его работе; что судья способен оценить усилия и знания, которые она требует; что он не задает вопросов и не слушает только потому, что этого требует закон, и, наконец, что судья наделен, насколько это возможно, определенным пониманием задачи эксперта.

Как бы добросовестно и интенсивно эксперт ни занимался своей проблемой, он не сможет работать над ней с настоящим интересом, если не найдет ни сотрудничества, ни интереса, ни понимания среди тех, для кого он, хотя бы формально, работает. Мы можем быть уверены, что недостаточное уважение, которое мы получаем от научных представителей других дисциплин (давайте будем честными - так оно и есть), происходит, в частности, от тех отношений, в которых мы находимся с ними как эксперты, отношений, в которых они считают нас такими неинтеллигентными и такими безразличными к важным вопросам. Если эксперты отзываются о нас с малым уважением, и это отношение распространяется и становится общим, мы получаем только свою полную заслугу. Никто не может требовать от судьи по уголовным делам глубокого знания всех других дисциплин, кроме своей собственной - это обеспечивают эксперты, - но судья, безусловно, должен иметь некоторое представление о них в той мере, в какой они влияют на его собственную работу, если он не хочет встретить эксперта неинтеллигентным и неразборчивым и если он хочет сотрудничать с экспертом и успешно оценивать его работу. Аналогичным образом от судьи может потребоваться заинтересованность в результатах работы экспертов. Если судья принимает их отчет и придерживается устава, если он никогда не показывает, что его беспокоит их вердикт, а просто рассматривает его как цифру, неудивительно, что в конце концов эксперт также рассматривает свою работу как просто цифру и теряет интерес. Никому не интересна вещь, если ее не сделать интересной, и эксперт - не исключение. Естественно, никто не скажет, что судья должен притворяться заинтересованным, - это было бы хуже всего; он должен обладать им, иначе он не сойдет за судью. Но интерес можно усилить и придать ему жизненную силу. Если судья понимает, что заключение экспертов очень важно для его дела, он должен, по крайней мере, встретить их с интересом. Если это присутствует, он будет внимательно читать их отчеты, отмечать, что ему что-то непонятно, и обращаться к экспертам за разъяснениями. Один вопрос рождает другой, один ответ за другим вызывает понимание, а понимание подразумевает постоянно растущий интерес. Никогда не бывает так, чтобы возникли сложности из-за просьбы к судебным экспертам объяснить судье суть дела. В своей практике я ни разу не встречал таких случаев и не слышал жалоб. Напротив, в таких связях, как правило, заметны удовольствие и эффективность, а государство, прежде всего, в выигрыше. Простое объяснение кроется в том, что эксперт заинтересован в своей профессии, заинтересован именно тем конкретным образом, которым не интересуется несравненно большее число юристов. И это опять же основано на печальном для нас факте. Химик, врач и т.д. изучает свой предмет, потому что хочет стать химиком, врачом и т.д., а юрист изучает право не потому, что хочет стать юристом, а потому, что хочет стать чиновником, и поскольку у него нет особого интереса, он выбирает себе государственную

должность в той отрасли, в которой, по его мнению, у него наилучшие перспективы. Горькая истина и общее правило - те, кто хочет изучать право и юридическую науку, являются исключениями, а значит, мы должны добиться настоящего интереса к нашему предмету от неспециалистов, от экспертов. Но интерес можно приобрести, а с ростом интереса растет знаний, а значит, растет удовольствие от самой работы и, следовательно, успех.

Самая сложная проблема, связанная с интересом, - это вызвать интерес свидетелей, потому что это исключительно вопрос подготовки. Привлечение внимания - вот на что следует нацелиться, вызывая интерес, поскольку полное внимание ведет к правильным показаниям, то есть к тому, что является самым важным для наших задач. "Нет интереса - нет внимания", - говорит Фолькмар.^[64] "Абсолютно новое не стимулирует; то, что сужает восприятие, сужает и внимание". Для нас важно то, что "абсолютно новое не стимулирует" - этот момент часто упускают из виду. Если я расскажу необразованному человеку со всеми признаками изумления, что в Вероне обнаружены недостающие книги "Анналов" Тацита, или что из льда вырезан полностью сохранившийся динозавр, или что в Манорской обсерватории получено окончательное объяснение марсианских каналов, - все эти очень интересные новости оставят его совершенно холодным; они абсолютно новы для него, он не знает, что они означают и как ими завладеть, они не представляют для него никакого интереса.^[65] Я испытал бы то же самое, если бы в ходе большого дела сказал человеку, образованному, но не интересующемуся этим делом, с радостью, что я наконец обнаружил важную заметку, от которой зависит объяснение событий. Я не могу рассчитывать на интерес, внимание и понимание дела, если мой собеседник ничего не знает ни о сути вопроса, ни о причине важности записки. И несмотря на то, что все естественно и объяснимо, мы каждый день имеем одну и ту же историю. Мы задаем свидетелю определенный вопрос, который имеет огромное значение для нас, полностью знакомых с проблемой, но для свидетеля является отрывочным, бессвязным и потому бесплодно интересным. Кто же может требовать от незаинтересованного свидетеля внимания, эффективных и продуманных ответов?^[66] Я сам слышал, как один свидетель ответил судье, спросившему его о погоде в определенный день: "Послушайте, тащить меня за столько миль в это место, чтобы обсудить со мной погоду, - это...". Старик был совершенно прав, потому что отстраненный вопрос не имел никакой конкретной цели. Но когда ему косвенно объяснили, что погода имеет огромное значение в этом деле, как она с ним связана и насколько важен будет его ответ, он принялся за дело с нетерпением, и сделал все возможное, пытаясь вспомнить погоду, о которой идет речь, привлекая различные связанные с ней события, и в конце концов сделал очень ценное дополнение к доказательствам. И это единственный способ привлечь внимание свидетеля. Если ему просто приказать обратить внимание, результат будет таким же, как если бы ему приказали говорить громче, - он сделает это, в удачных случаях на мгновение, а затем продолжит как прежде. Внимание можно вызвать, но не приказать, и его можно успешно вызвать у всех и в любое время, если только использовать правильный метод. Первое и абсолютное требование - самому иметь и проявлять такой же интерес. Ведь невозможно заразить человека интересом, если у вас нет интереса, которым можно заразиться. Нет ничего более смертельного и скучного, чем наблюдать, как свидетелей допрашивают сонно и нудно, и как свидетели, зараженные таким же интересом, так же отвечают. С другой стороны, восхитительно наблюдать за удивительным эффектом вопросов, заданных и выслушанных с интересом. Тогда самые сонные свидетели, даже скучные, просыпаются: за ростом их интереса, а значит, и внимания, можно следить шаг за шагом; они действительно увеличивают свои знания, а их показания становятся все более достоверными. И все это только потому, что они увидели искренность судьи, важность вопроса, дела, серьезные последствия ошибки, обретение истины благодаря бдительности и старанию, избежание

ошибки благодаря вниманию. Таким образом, самые полезные показания можно получить от свидетелей, которые вначале показывали лишь отчаянные перспективы.

Теперь, если человек уже сам наделен живым интересом и решил пробудить его в свидетелях, необходимо тщательно продумать, как это сделать и как много рассказать свидетелю о том, что уже было установлено или просто сказано и воспринято как возможно ценное. С одной стороны, верно, что свидетеля можно побудить к вниманию и к более определенным и энергичным ответам в зависимости от количества сообщенных ему подробностей.^[67] С другой стороны, осторожность и другие соображения предостерегают от того, чтобы рассказывать неизвестному свидетелю, чья благонадежность не установлена, деликатные и важные вещи. Особенно трудно, если свидетелю нужно рассказать о предположениях и комбинациях или показать, как изменится дело при его собственном ответе. Последнее особенно сильно действует на внушение и должно происходить в частности и в целом только в те моменты, когда его заявление, или какая-то его часть, на первый взгляд, не имеет большого значения, но на самом деле имеет большое. Часто эту важность можно разъяснить свидетелю, только показав ему, что разница в эффекте его показаний указана ему, и когда он это увидит, то сочтет нужным напрячься и тщательно продумать свой ответ. Каждый из нас может вспомнить, как свидетель, готовый к быстрому и безразличному для него ответу, начинал думать и давал принципиально другой ответ, даже противоречащий первому, когда ему разъясняли смысл и последствия того, что он мог сказать.

Как и когда следует говорить свидетелю, не существует никаких правил. Мудрое регулирование между тем, чтобы сказать достаточно, чтобы пробудить интерес, и не слишком много, чтобы не вызвать опасность, - очень важный вопрос такта. Можно порекомендовать только один определенный прием: лучше быть осторожным со свидетелем во время его предварительного допроса и утаивать то, что известно или подозревается; таким образом можно стимулировать внимание и интерес свидетеля. Если же считается, что более полная информация может усилить и обострить важные исследуемые факторы, свидетеля следует вызвать позже, когда это будет безопасно, а его показания, в новых условиях интереса, скорректировать и сделать более полезными. И в этом случае ключ к успеху лежит в увеличении усилий - но это верно во всех областях права, а интерес свидетеля настолько важен, что он стоит усилий.

Тема III. ФЕНОМЕНОЛОГИЯ: ИЗУЧЕНИЕ ВНЕШНЕГО ВЫРАЖЕНИЯ ПСИХИЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ.

Раздел 10.

Феноменология - это в целом наука о внешности. В нашем понимании это систематическая координация внешних симптомов, вызванных внутренними процессами, и, наоборот, умозаключение от симптомов к ним. В широком смысле это можно рассматривать как изучение привычек и всего характера человека. Но по сути можно рассматривать только те внешние проявления, которые отсылают к определенным психическим состояниям, так что нашу феноменологию можно определить как семиотику нормальной психологии. Эта наука юридически имеет огромное значение, но еще не взяла на себя задачу показать, как из бесчисленного множества внешних проявлений можно сделать неоспоримые выводы о внутренних процессах. Кроме того, наблюдения не достаточно многочисленны, далеко не достаточно точны, а психологические исследования недостаточно развиты. К каким опасным ошибкам может привести преждевременное использование таких вещей, видно на примере учения итальянской позитивистской школы, которая также определяет себя как психопатическая семиотика. Но если наша феноменология может лишь попытаться

приблизиться к созданию науки о симптомах, она, по крайней мере, может критически изучить обычные популярные выводы из этих симптомов и свести преувеличенные теории относительно значения отдельных симптомов к точке объяснения и доказательства. Может показаться, что наша нынешняя задача разрушительна, но будет достижением, если мы сможем показать путь к последующему развитию этой науки, а также изучить и отбросить бесполезный материал, который уже имеется в нашем распоряжении.

Раздел 11. (а) Общие внешние условия.

"Каждое состояние сознания имеет свой физический коррелят", - говорит Гельмгольц,[68] и в этом утверждении кроется вся суть нашей проблемы. Каждое психическое событие должно иметь соответствующее физическое событие[69] в той или иной форме, и, следовательно, его можно почувствовать или узнать по каким-то признакам. Идентичные внутренние состояния, разумеется, не неизменно имеют идентичные телесные сопровождающие, ни у всех людей одинаково, ни у одного и того же человека в разное время. Современные методы обобщения настолько неизменно сопряжены с опасностью и некорректностью, что в этом вопросе нельзя быть слишком осторожным. Если бы обобщение было допустимо, то психические события должны были бы быть, по крайней мере, столь же ясными, как и физические процессы, но это недопустимо по многим причинам. Прежде всего, физические сопутствующие явления редко являются прямым и непредумышленным выражением психического момента (например, сжатие кулака при угрозе). Как правило, они не находятся ни в какой причинной связи, так что объяснения, вытекающие из физиологических, анатомических или даже атавистических условий, являются лишь приблизительными и гипотетическими. Кроме того, случайные привычки и наследственность оказывают влияние, которое, хотя и не изменяет выражение лица, но оказывает формирующее воздействие, которое со временем так переделывает естественное выражение, что оно становится совершенно непонятным. Кроме того, явления в большинстве случаев индивидуальны, так что каждый человек означает новое исследование. Кроме того, явления редко остаются неизменными; например, мы называем какую-либо вещь привычкой - мы говорим: "У него привычка поджимать подбородок, когда он смущен", - но то, что такие привычки меняются, хорошо известно. Кроме того, во многих направлениях действуют чисто физиологические условия (например, покраснение, дрожь, смех,[70] плач, заикание и т. д.), и, наконец, очень немногие люди хотят открыто демонстрировать свои мысли друзьям, так что они не видят причин для координации своих символических телесных выражений. Тем не менее они это делают, и не вчера, а на протяжении тысячелетий. Таким образом, определенные выражения передаются из поколения в поколение и в то же время постоянно видоизменяются, вплоть до полной неузнаваемости. Характерно, что желание обмануть других также имеет свои predetermined ограничения, так что часто случается, что простые и значительные жесты противоречат словам, когда последние не соответствуют действительности. Например, вы слышите, как кто-то говорит: "Она упала", но видите, как он в то же время указывает, не явно, но зримо, *вверх*. В данном случае речь была ложной, а жест - истинным. Говорящий должен был обратить все свое внимание на то, что он хотел сказать, чтобы не наблюдаемое со-знание в какой-то степени двигало его рукой.

Примечательный случай такого рода произошел с подозреваемой в детоубийстве. Девушка рассказала, что родила ребенка в полном одиночестве, обмыла его, а затем положила на кровать рядом с собой. Она также заметила, как уголок покрывала упал на лицо ребенка, и подумала, что это может мешать ему дышать. Но в этот момент она упала в обморок, не смогла помочь ребенку, и он задохнулся. Всклипывая и плача, рассказывая эту историю, она

раздвинула пальцы левой руки и прижала их к бедру, как, возможно, она могла бы сделать, если бы сначала положила что-то мягкое, возможно, угол покрывала, на нос и рот ребенка, а затем надавила на него. Это действие было столь явно значимым, что неизбежно привело к вопросу, не задушила ли она ребенка таким образом. Она согласилась, всхлипывая.

Похожий случай произошел с человеком, который уверял нас, что живет очень мирно со своим соседом и в то же время сжимал кулак. Последнее означало недоброжелательность по отношению к соседу, а слова - нет.

Разумеется, нет нужды настаивать на том, что уверенность в убеждении будет сильно подорвана, если придавать слишком большое значение таким и подобным жестам, когда их нелегко заметить. В процессе получения показаний нужно сделать достаточно много, чтобы наблюдать за жестами тоже было непросто. Кроме того, существует опасность (из-за малой практики) легко принять безразличные или привычные жесты за значимые; считать, что увидел больше, чем следовало, и сделать такие наблюдения слишком заметными, и тогда свидетель немедленно контролирует свои жесты. Словом, трудности есть, но если их преодолеть, то о затраченных усилиях не придется жалеть.

Здесь также следует порекомендовать начинать изучение не с убийств и ограблений, а с простых случаев повседневной жизни, где нет опасности совершить далеко идущие ошибки и где наблюдения можно вести гораздо спокойнее. Жесты - особенно сильные привычки, и их делают почти все, в основном равнодушные. Забавно наблюдать, как человек разговаривает по телефону, а его свободная рука делает жесты для обоих. Он угрожающе сжимает кулак, вытягивает в воздух один палец за другим, если что-то считает, стучит ногой, если сердится, прикладывает палец к голове, если не понимает, - в общем, ведет себя так, как вел бы себя собеседник, находясь перед ним. Такая глубоко укоренившаяся склонность к жестам почти никогда не покидает нас. Движения также происходят, когда мы лжем; и поскольку человек, который лжет, в то же время прямо или подсознательно имеет перед собой идею правды, можно предположить, что эта идея оказывает гораздо большее влияние на жесты, чем, вероятно, преходящая ложь. Вопрос, таким образом, заключается в интенсивности, поскольку каждый жест требует мощного импульса, и более энергичным является тот, который удастся вызвать. По мнению Герберта Спенсера^[71], это общее и важное правило, что любое ощущение, превышающее определенную интенсивность, выражается, как правило, в активности тела. Этот факт тем более важен для нас, что нам редко приходится иметь дело с легкими, не глубокими и поверхностными ощущениями. В большинстве случаев ощущения, о которых идет речь, "превышают определенную интенсивность", так что мы способны воспринять телесное выражение, по крайней мере в виде жеста.

Старый английский врач Чарльз Белл^[72] в своей осторожной манере придерживается мнения, что то, что называют внешними признаками страсти, является лишь сопутствующим явлением того спонтанного движения, которое требуется строением или, лучше сказать, положением тела. Позднее Дарвин и его друзья доказали, что это - несомненная отправная точка всей жестикуляции: так, например, защитное действие, когда слышишь что-то отвратительное, сжатие кулаков в гневе; или среди диких животных - обнажение зубов, или опускание головы у быка и т. д. С течением времени различные формы действий стали в значительной степени непонятными и приобретали смысл только после длительного опыта. Кроме того, они стали по-разному дифференцироваться у каждого человека, а значит, еще более сложными для понимания. Насколько далеко может зайти эта дифференциация, когда она длится из поколения в поколение и наконец выкристаллизовывается в определенный тип, хорошо известно; подобно тому как в результате тренировок у каждого человека

развиваются мышцы носильщиков, кувыркателей или фехтовальщиков, так и мышцы развиваются в тех частях нашего тела, которые наиболее одушевлены разумом - особенно лицо и руки, на протяжении веков возникали фиксированные выражения или типы движений. Это привело к наблюдениям здравого смысла, которые говорят о грубых, животных, страстных или скромных лицах и обычных, нервных или духовных руках; но это также привело к научной интерпретации этих явлений, которая впоследствии потерпела кораблекрушение в виде "преступных стигматов" Ломброзо, поскольку слишком поспешная теория была построена на бесплодном, неопытном и неизученном материале. Понятие криминальных стигматов, однако, не является новым, и Ломброзо не изобрел его; согласно случайному замечанию Канта в его "Menschenkunde", первым, кто попытался научно интерпретировать эти древние наблюдения, был немец Й. Б. Фридрих, [73] который прямо говорит, что определенные соматические патологические явления могут быть показаны как происходящие при определенных моральных извращениях. Это было замечено с приблизительной ясностью в нескольких типах случаев. Так, например, воспламенение происходит при ненормальных сексуальных состояниях; отравление также возникает из ненормальных сексуальных импульсов; утопление является следствием мании перенасыщения алкоголем и т. д. Современная психопатология не знает ничего дополнительного об этих чудесах; и подобные вещи, о которых сегодня снова говорят, показали себя неспособными к демонстрации. Но то, что такие явления существуют и что их число постоянно увеличивается при точных наблюдениях, не подлежит сомнению. [74] Если мы остановимся на явлениях повседневной жизни и будем помнить о том, что все с первого взгляда узнают старого охотника, отставного офицера, актера, аристократическую даму и т. д., то мы можем пойти еще дальше: более подготовленные наблюдатели могут узнать купца, чиновника, мясника, сапожника, настоящего бродягу, грека, сексуального извращенца и т. д. Отсюда вытекает важный закон: *если факт однажды признан правильным в его грубой форме, то следует допустить, что он верен и в более тонких проявлениях*. Граница между тем, что является грубым и что не является таковым, не может быть проведена в какой-либо конкретной точке. Она меняется в зависимости от мастерства наблюдателя, от характера материала, находящегося перед ним, и от совершенства его инструментов, так что никто не может сказать, где прекращается возможность прогресса в этом вопросе. Во всех вопросах, связанных с этой темой узнаваемых единиц-символов, что-то должно быть дано, и каждый обыватель ежедневно занимается определенной деятельностью, основанной на их существовании. Когда он говорит о глупых и умных лицах, он физиогномист; он видит, что существуют интеллектуальные лбы и микроцефалические, и, таким образом, является краниологом; он наблюдает за выражением страха и радости и, таким образом, соблюдает принципы подражания; он созерцает тонкую и элегантную руку в противоположность толстой и убогой руке, и, следовательно, соглашается с эффективностью хирогномии; Он находит, что одна рука пишет легко и плавно, а другая - тяжело, витиевато и неприятно; таким образом, он имеет дело с первыми принципами графологии; - все эти наблюдения и умозаключения нигде не отрицаются, и никто не может сказать, где лежат их достижимые границы.

Следовательно, единственной правильной точкой зрения является та, с которой мы отбрасываем как слишком смелые все дерзкие и бездоказательные утверждения по этим вопросам. Но мы также остережемся утверждать без дальнейшего рассмотрения, что далеко идущие заявления необоснованны, так как мы далеко продвинемся, используя более острое и тщательное наблюдение, более богатый материал и лучшие инструменты.

Как прекрасны, например, наблюдения Герберта Спенсера о важности "тембра" речи в свете эмоционального состояния - никто раньше не задумывался об этом и не рассматривал

возможности извлечь что-то важное из этой единственной данности, которая впоследствии дала такую богатую коллекцию полностью доказанных и правильно обоснованных результатов. Дарвин знал об этом достаточно хорошо, чтобы использовать в своих целях.^[75] Он указывает, что человек, который спокойно жалуется на плохое обращение или немного страдает, почти всегда говорит на повышенных тонах; а глубокие стоны или высокие и пронзительные крики указывают на сильную боль. Теперь мы, юристы, можем делать подобные наблюдения в огромном количестве. Любой из нас, у кого есть опыт, может сразу же определить по тону голоса, которым новый посетитель излагает свои просьбы, чего он хочет. Например, обвиняемый, который по случайности не знает, зачем его вызвали в суд, использует вопросительный тон, не произнося своего вопроса. Тот, кто тяжело ранен, говорит хрипло и отрывисто. Тайный тон голоса капризного человека, а также тех, кто говорит зло о другом, будучи уверенным в этом лишь наполовину или вовсе не уверенным, выдает их. Голос отрицающего свою вину преступника, как было доказано в сотнях случаев с помощью большого количества физиологических явлений, делает для него то же самое; стимуляция нервов влияет прежде всего на характерное щелкающее движение рта, которое чередуется с рефлекторной тенденцией к глотанию. Кроме того, он вызывает перепады кровяного давления и сердцебиение посредством нарушения сердечной деятельности, и это проявляется ясно видимым сердцебиением правой сонной артерии (на расстоянии вытянутой руки под ухом в середине правой стороны шеи). То, что левая сонная артерия не проявляется, может быть связано с тем, что правая находится в гораздо более непосредственной связи с аортой. Все это, вместе взятое, является причиной того значительного, слегка вибрирующего, холодного и лишенного тембра голоса, который так часто можно заметить у преступников, отрицающих свою вину. Он редко обманывает эксперта.

Но именно эти различные тембры голоса таят в себе немалую опасность для криминалиста. Тот, кто однажды посвятил себя их изучению, слишком легко им доверяет, ведь даже если он сотни раз правильно их определял, все равно может случиться так, что его полностью обманет голос, который он считает "характерно демонстративным". В то, что тембры могут обманывать, или в то, что происходят симуляции, достойные этого названия, я верю с трудом. Такие обманы часто пытаются и начинают, но они требуют всего внимания человека, который их пробует, а оно может быть уделено лишь на короткое время. В тот самый момент, когда дело, о котором он говорит, требует внимания говорящего, его голос непроизвольно переходит в тот тон, которого требуют его физические детерминанты: и говорящий в значительной степени выдает себя именно через это изменение. Можно сделать вывод, что эффективная симуляция едва ли мыслима.

Следует, однако, заметить, что ошибочные наблюдения и неверные умозаключения в настоящий момент - подмены и подобные ошибки - могут легко ввести в заблуждение. Таким образом, как подтверждающий факт, суждение голоса будет иметь большую ценность; но как средство само по себе оно слишком мало изучено и далеко не подтверждено.

Есть, однако, и другой аспект этого вопроса, который проявляется противоположным образом по сравнению с голосом и жестами. Лазарус обращает внимание на то, что зрители на матче по фехтованию не могут удержаться от имитационного сопровождения действий фехтовальщиков, и что каждый, кто случайно держит в руке какой-либо раскачивающийся предмет, двигает рукой туда и сюда, как это делают они. Стрикер^[76] делает аналогичные наблюдения в отношении непроизвольных движений, совершаемых при взгляде на строящихся или марширующих солдат. Многие другие явления повседневной жизни, как, например, соответствие шагу какого-нибудь прохожего рядом с нами, движениям

подающего, который всевозможными поворотами тела хочет правильно направить мяч, когда он уже давно покинул его руку; соответствие музыке и ритму стука повозки по булыжникам; даже исполнение сказанного с помощью соответствующих жестов, когда люди оживленно говорят, - естественно, относятся к тому же классу. Так же как и кивание головой в знак согласия и покачивание ею в знак отрицания; пожимание плечами с декларацией невежества. Выражения из уст в уста должно было бы быть достаточно и не нуждаться в подкреплении обычными жестами, но последние являются спонтанным произвольным сопровождением.

С другой стороны, есть и обратный факт: на голос можно влиять через выражение лица и жесты. Если мы фиксируем выражение лица или приводим свое тело в положение, которое предполагает страстное возбуждение, мы можем быть уверены, что на нас в большей или меньшей степени повлияет соответствующая эмоция. Это утверждение, сформулированное Модсли, совершенно верно и может быть доказано любым человеком в любой момент. Оно предстает перед нами как эффективное подтверждение столь известного феномена "разговора с самим собой". Предположим, вы правильно представляете себе, как выглядит очень сердитый человек: нахмуренные брови, сжатые кулаки, стиснутые зубы, хриплый, задышающийся голос, и предположим, что вы подражаете. Тогда, даже если вы чувствуете себя самым безобидным и любящим порядок человеком, вы становитесь очень злым, хотя продолжаете имитировать лишь некоторое время. С помощью имитации живых телесных изменений вы можете таким же образом привести себя в любое мыслимое эмоциональное состояние, внешние проявления которого проявляются энергетически. Каждому из нас наверняка приходило в голову, как часто заключенные так хорошо передают возбуждение страсти, что в их искренность действительно верят; как, например, гнев безвинного подозреваемого или явно нуждающегося человека, человека, которого финансово разорил его доверенный слуга, и т. д. Такие сцены страсти происходят ежедневно в каждом здании суда, и они так прекрасно представлены, что даже опытный судья верит в их реальность и говорит себе, что такое нельзя имитировать, потому что имитация слишком трудна для исполнения и еще труднее для поддержания. Но в действительности презентация не так уж прекрасна, а если брать в целом, то и вовсе не искусна; тот, кто хочет проявить *гнев*, должен сделать соответствующие жесты (а это не требует никакого искусства), и когда он делает эти жесты, возникают необходимые условия, которые стимулируют и вызывают правильное проявление последующих жестов, а те в свою очередь влияют на голос. Так без всякой существенной мумификации комедия разыгрывается сама собой, самодостаточно, правильно, убедительно. Тревога за себя осуществляется не словами, а взаимным влиянием слова и жеста, и сила этого влияния видна в большом количестве случаев, когда в конце концов люди сами верят в то, что придумали. Если они обладают тонким душевным равновесием, то даже становятся ипохондриками. Письмо и чтение письма следует рассматривать так же, как и жестикуляцию; оно оказывает такое же тревожное влияние на голос и общий вид, как и второе, так что относительно безразлично, говорит ли человек и действует или пишет и думает. Этот факт хорошо известен каждому, кто хоть раз в жизни писал по-настоящему грубое письмо.

Теперь эту возбуждающую жестикуляцию можно очень легко заметить, но наблюдение не должно быть слишком поздним. Если свидетель однажды полностью погрузится в нее и будет достаточно возбужден сопутствующими речами, он будет делать свои жесты хорошо и естественно, и искусственное и неправдивое не будет обнаружено. Но вначале это не так; затем его жесты становятся неумелыми, и в этот момент можно заметить определенное волевое усилие и довольно заметные преувеличения; жесты идут дальше слов, и это нетрудно распознать. Как только признание сделано, необходимо проверить, неизменно ли

проявляется определенная согласованность между словом и жестом, поскольку у многих людей вышеупомянутое отсутствие согласованности является привычным и честным. Особенно это касается тех, кто несколько театрален и, следовательно, слишком много жестикулирует. Но если слово и жест вскоре согласуются друг с другом, особенно после довольно оживленной презентации, вы можете быть уверены, что субъект умело нагнал на себя тревогу или то, что он хотел продемонстрировать. Помимо важности ясного видения такого вопроса, интерес к работе является богатой наградой за затраченный труд.

В тесной связи с этими явлениями находится изменение цвета, которому, к сожалению, часто придается большое значение.^[77] В этом отношении тын получил меньше общего внимания, потому что он более редок и менее подозрителен. То, что его нельзя симулировать, как это часто утверждается при обсуждении симуляции (особенно эпилепсии), не соответствует действительности, поскольку существует особый физиологический процесс, который удается вызвать бледность искусственно. В этом эксперименте грудная клетка сжимается очень сильно, гортань закрывается, а мышцы, используемые при вдохе, сокращаются. Этот вопрос не имеет для нас практической ценности, с одной стороны, потому что трюк всегда связан с живыми и очевидными усилиями, а с другой - потому что едва ли можно представить себе случаи, когда человек будет вызывать искусственную бледность в суде, где она не может принести ему никакой пользы. Единственная возможность использования - это симуляция эпилепсии, и в этом случае трюк не может быть разыгран из-за необходимого падения на землю.

Палинг, как известно, зависит от судорог мышц вен, которые сокращаются и тем самым вызывают сужение их отверстия, препятствующее току крови. Но такие спазмы случаются только при сильном гневе, страхе, боли, трепете, ярости, словом, при волнении, которое никто никогда не имеет основания имитировать. Палинг не имеет никакого значения для дифференциации, поскольку человек может побледнеть от страха быть разоблаченным или в гневе от несправедливых подозрений.

То же самое верно и в отношении румянца.^[78] Он заключается в своеобразном преходящем ущемлении тех нервов, которые заканчиваются в стенках мелких артерий. Это приводит к расслаблению мышечных волокон кровеносных сосудов, которые в результате в большей степени наполняются кровью. Покраснение также может возникать у некоторых людей добровольно. В этом случае грудная клетка полностью расширяется, гортань закрывается, а дыхательные мышцы сокращаются. Но этот вопрос опять же не имеет для нас особой ценности, так как имитация румянца нужна максимум в тех случаях, когда женщина хочет выглядеть достаточно скромной и нравственной. Но для этого искусственный румянец не поможет, так как требует столь интенсивных усилий, что сразу бросается в глаза. Краснеть с помощью посторонней помощи, например, вдыхая определенные химические вещества, вряд ли кому-то захочется перед судом.

Что касается вины или невиновности, то румянец не дает никаких доказательств. Существует огромное количество людей, которые краснеют без каких-либо причин для чувства вины. Самое поучительное в этом вопросе - самонаблюдение, и тот, кто вспомнит причину своего покраснения, оценит это явление достаточно легкомысленно. Я сам принадлежал, не только в детстве, но и долгое время после студенческих лет, к тем несчастным, которые становятся огненно-красными совершенно без причины; мне стоило только услышать о каком-нибудь постыдном поступке, о краже, грабеже, убийстве, и я становился таким красным, что зритель мог поверить, что я один из преступников. В моем родном городе жила старая дева, которая, как я знал еще в детстве, осталась незамужней из-за безответной любви к моему деду. Она казалась мне очень поэтической фигурой, и однажды, когда обсуждалось ее действительно

великолепное уродство, я встал на ее защиту и заявил, что она не так уж плоха. Над моим вкусом посмеялись, и с тех пор, когда бы ни говорили об этой даме, или об улице, на которой она живет, или даже о ее мехах (она имела обыкновение с удовольствием носить дорогие меха), я краснел. А ее возраст можно определить по ее телячьей любви. То, что произошло со мной, часто болезненно, происходит со многими людьми, и поэтому невозможно понять, почему покраснению до сих пор часто придают криминалистическое значение. В то же время есть несколько случаев, когда румянец может иметь значение.

Этот вопрос интересен, несмотря на то, что мы ничего не знаем о внутреннем процессе, который приводит к воздействию на нервные нити. Покраснение встречается во всем мире, и его причины и процесс одинаковы как у дикарей, так и у нас.^[79] Одни и те же события можно наблюдать независимо от того, сравниваем ли мы румянец у образованных или необразованных людей. Существует мнение, которому я долгое время верил, что румянец встречается у образованных людей и особенно редко у крестьян, но это не похоже на правду. У рабочих людей, особенно у тех, кто много находится на открытом воздухе, более жесткая пигментация и более смуглая кожа, поэтому румянец у них менее заметен. Но он возникает так же часто и при тех же условиях, как и у других. По той же причине можно сказать, что цыгане никогда не краснеют; и, конечно, можно предположить, что румянец может быть более редким среди людей, лишенных стыда и чувства чести. Тем не менее все, кто имеет дело с цыганами, утверждают, что румянец у них встречается.

Что касается связи румянца с возрастом, то Дарвин говорит, что раннее детство не знает румянца. В молодости это случается чаще, чем в старости, и чаще у женщин, чем у мужчин. Идиоты краснеют редко, слепые и наследственные альбиносы - очень часто. Соматический процесс покраснения, как показывает Дарвин, весьма примечателен. Почти всегда румянцу предшествует быстрое сжатие век, как бы предотвращающее подъем крови в глазах. После этого, в большинстве случаев, глаза опускаются, даже если причиной покраснения является гнев или досада; наконец, румянец поднимается, в большинстве случаев неравномерно и пятнами, чтобы в конце концов равномерно покрыть кожу. Если вы хотите избавиться свидетеля от румянца, вы можете сделать это только в самом начале - во время движения глаз - и только не обращая на это внимания, не глядя на него и продолжая свои замечания. Это, кстати, очень ценно, поскольку многие люди очень смущаются, когда краснеют, и действительно не знают, о чем говорят, когда делают это. Нет никакой третьей вещи, которая была бы причиной румянца и замешательства; румянец сам по себе является причиной замешательства. Это может неопровержимо подтвердить каждый, кто обладает приятным свойством краснеть и, следовательно, имеет некоторый опыт в этом деле. Я никогда не осмелился бы делать капитал из любого заявления, сделанного во время румянца". Фридрих обращает внимание на то, что люди, впервые подвергающиеся процедуре судебного разбирательства, краснеют и теряют цвет лица легче, чем те, кто к этому привык, так что непривычная сцена также способствует замешательству. Мейнерт^[80] прямо говорит об этом: "Румянец всегда зависит от далеко зашедшего ассоциативного процесса, в котором полное насыщение одновременно возбужденных нервных элементов сужает упорядоченное движение психического процесса, поскольку и здесь простота одновременно протекающих действий мозга определяет объем функции ассоциации". Насколько убедительным является это определение, становится ясно при рассмотрении процессов, о которых идет речь. Представим себе человека, обвиняемого в преступлении, которому впервые предъявляется основание для обвинения, а затем судья представляет искусно построенное доказательство его вины с помощью отдельных кусочков улики. Подумайте, какая масса мыслей возникает

при этом, даже если обвиняемый невиновен. Само деяние чуждо ему, он должен это представить; если в его сознании возникнет какое-либо отношение к нему (например, присутствие в месте, где было совершено деяние, интерес к нему, право собственности на вещь и т. д.), он должен ясно представить себе это отношение, и в то же время на него обрушиваются возможности оправдания - алиби, право собственности на вещь и т. д. Затем только он рассматривает конкретные причины подозрения, которые он должен в какой-то степени воплотить и представить в их опасном характере, и для каждой из которых он должен найти отдельное оправдание. Мы имеем здесь несколько десятков мыслей-серий, которые начинают свое движение в одно и то же время и друг через друга. Если в это время приводится особенно опасное очевидное доказательство и если обвиняемый, осознав эту опасность, краснеет от страха, то эксперт думает: "Вот я и поймал негодяя, раз он покраснел! А теперь давайте быстрее, ускорим экспертизу и впишем в протокол сбивчивый ответ!" И кто поверит обвиняемому, если впоследствии он откажется от "признания" и будет утверждать, что сказал то, что сказал, потому что его перепутали?

В этом понятии "ты краснеешь, значит, ты солгал, ты это сделал!" кроется множество грехов, совершение которых начинается с наставления маленьких детей и заканчивается получением "признаний" вора-убийцы.

Наконец, не стоит забывать, что существуют случаи покраснения, которые не имеют ничего общего с психическими процессами. Людвиг Мейер^[81] называет это "искусственным румянцем" (лучше - "механически развиваемым румянцем") и рассказывает о случаях "легко раздражаемых женщин, у которых румянец появлялся при малейшем трении, например, лица о подушку, потирании рукой и т. д.; и этот румянец нельзя было отличить от обычного румянца". Можно легко предположить, что такие легко раздражительные женщины могут быть обвинены, явиться в суд, не будучи признанными таковыми, и, например, закрыть лицо руками и покраснеть. Тогда это можно назвать "доказательством".

Раздел 12. (б) Общие признаки характера.

Фридрих Герштаскер в одном из своих самых восхитительных настроений говорит где-то, что лучшей характеристикой человека является то, как он носит свою шляпу. Если он носит ее перпендикулярно, то он честен, педантичен и скупен. Если он носит ее слегка наклоненной, то принадлежит к числу самых лучших и интересных людей, проворный и приятный. Глубоко надвинутая шляпа указывает на легкомыслие и упрямый властный характер. Шляпа, надетая на затылок, означает импровизацию, легкомыслие, тщеславие, чувственность и экстравагантность; чем дальше назад, тем опаснее положение владельца. Человек, прижимающий шляпу к вискам, жалуется, меланхоличен и плохо себя чувствует. Прошло много лет с тех пор, как я прочитал это изложение многоопытного автора, и я бесчисленное количество раз думал о том, насколько он был прав, а также о том, что может существовать бесчисленное множество подобных знаков распознавания, которые показывают столько же, сколько и манера носить шляпу. Подобных признаков можно найти множество: один человек пытается распознать характер других по манере носить и использовать обувь, другой - по манипуляциям с зонтиком, а благоразумная мать советует сыну, как кандидат в невесты ведет себя с женихом, лежащим на полу, или как ест сыр - экстравагантный срезает кожуру толсто, скупой съедает кожуру, правильный срезает кожуру тонко и аккуратно. Многие люди судят о семьях, постояльцах гостиниц и жителях городов, и не без оснований, по удобству и чистоте их уборных.

Лазарь справедливо вспомнил рассказ благочестивого Хр. фон Шмидта об умном мальчике, который лежит под деревом и по его словам определяет состояние каждого прохожего.

"Какой прекрасный пиломатериал", "Доброе утро, плотник", "Какая великолепная кора", "Доброе утро, кожевник", "Какие красивые ветви", "Доброе утро, художник". Эта знаменательная история показывает нам, как легко при небольшой наблюдательности увидеть то, что иначе могло бы быть скрыто. С какой тонкой ясностью она показывает, насколько эффективен эгоизм, заставляющий каждого человека в первую очередь, а в большинстве случаев и исключительно, воспринимать то, что больше всего волнует его, как наиболее заметное! К тому же люди так охотно и часто предоставляют нам возможность глубочайшего проникновения в их души, что нам стоит только открыть глаза - видеть и интерпретировать так по-детски легко! Каждый из нас почти ежедневно сталкивается с самыми поучительными вещами; например, через окно моего кабинета я мог смотреть в большой сад, в котором строился дом; когда плотники уходили вечером, они ставили у входа два блока и клали на них доску крест-накрест. Позже каждый вечер сюда приходила банда молодых людей, которые находили в этом месте желанную площадку для игр. Препятствие, которое им приходилось преодолевать, давало мне возможность наблюдать за выражением их характеров. Один быстро бежал и легко перепрыгивал через него - этот человек будет легко и быстро продвигаться по жизни. Другой осторожно подошел, медленно взобрался на доску и так же осторожно спустился с другой стороны - осторожный, задумчивый и уверенный. Третий забрался наверх и спрыгнул вниз - поступок бесцельный, случайный, ничего не дающий. Четвертый энергично побежал к препятствию, затем остановился и смело прополз под ним - отвратительный мальчишка, который, тем не менее, выполнил свою работу на отлично. Затем снова появился пятый, который прыгнул, но слишком низко, остался висеть и упал; он встал, потер колени, вернулся, снова побежал и великолепно преодолел препятствие - и как великолепно он достигнет всего в жизни, потому что у него есть воля, бесстрашие и мужественная выносливость - он не может утонуть. Наконец на него налетел шестой - один шаг, и доски и блоки с грохотом упали, но он гордо перемахнул через препятствие, а те, кто шел за ним, воспользовались открытым путем. Он из тех, кто идет по жизни как искатель пути; из таких людей мы получаем наших великих людей.

Что ж, все это лишь игра, и никто не осмелится делать выводы о нашей столь серьезной работе на основании одних лишь наблюдений. Но они могут иметь подтверждающее значение, если они хорошо сделаны, если собрано большое количество людей, а не единичные случаи, и если приведены соответствующие аналогии из подходящих случаев. Такие исследования, которые приходится искать в самой повседневной жизни, допускают легкое развитие; если наблюдения были сделаны четко, правильно восприняты, и если, особенно, из них были выведены правильные понятия, они легко замечаются, закрепляются в памяти и охотно приходят в нужный момент. Но тогда они должны служить лишь указателями, они должны только подсказывать: "возможно, сегодня дело обстоит так же". А это уже многое значит: устанавливается точка зрения для получения доказательств, не доказательств как таковых, не доказательств, а способа их получения, возможно, ложного. Но если внимательно идти по этому пути, то он сразу же покажет свою ложность, а другой, представленный памятью, покажет нам другой путь, возможно, правильный.

Самое главное в этом деле - получить общее представление о человеке, и, кстати, никому это не нужно больше, чем криминалисту. Для большинства из нас человек перед нами - это всего лишь "А, подозреваемый в х". Но наш человек - это нечто большее, и особенно он был чем-то большим до того, как стал "А, подозреваемым в х". Поэтому самая большая и, к сожалению, самая распространенная ошибка судьи - не обсудить с заключенным его более или менее необходимую предыдущую жизнь. Разве не известно, что каждый поступок - это результат всего характера его совершителя? Разве не считается, что поступок и характер - понятия взаимосвязанные, и что характер, с помощью которого должен быть установлен

поступок, не может быть выведен из одного только поступка? "Преступление - это продукт физиологически обоснованной психики преступника и окружающих его внешних условий". (Лист). Каждый конкретный поступок мыслим только тогда, когда с ним соотносится детерминированный характер исполнителя - определенный характер предрасполагает к детерминированным поступкам, другой характер делает их немыслимыми и несоотносимыми с тем или иным человеком. Но кто думает узнать характер человека, не зная его мировоззрения, и кто говорит о его мировоззрении с его преступниками? "Тот, кто хочет научиться разбираться в людях, - говорит Гиппель,^[82] - должен судить о них в соответствии с их желаниями", и это мнение Струве:^[83] "Убеждения человека указывают на его цели". Но кто из нас спрашивает своих преступников об их желаниях и убеждениях?

Если мы признаем правильность сказанного, то убедимся, что мы можем действовать с приблизительной уверенностью и добросовестностью только в том случае, если мы поговорим с преступником не только о том, о чем непосредственно идет речь, но также и о важных условиях его внутренней жизни. Так мы сможем, насколько это возможно, ясно увидеть, что он собой представляет в соответствии с общими представлениями и его конкретными отношениями.

То же самое следует делать и в отношении важного свидетеля, особенно когда многое зависит от его манеры судить, переживать, чувствовать и думать и когда иначе выяснить это невозможно. Конечно, такие анализы часто утомительны и безрезультатны, но то, что, с другой стороны, они в нескольких словах раскрывают целые широкие стороны физических условий, так что нам больше не нужно сомневаться, - это тоже само собой разумеющееся. Кто хочет оставить без употребления формулу Шопенгауэра: "Мы узнаем, что мы есть, через то, что мы делаем". Нет ничего проще, чем узнать у какого-нибудь важного для нас человека, чем он занимается, даже если это открытие складывается из простого разговора о том, что он делал до сих пор и что сделал в последнее время. И до сих пор мы узнавали о таком образе жизни только в крупных случаях, в случаях убийств или важных политических преступников, и то лишь внешне; нас мало заботили существенные поступки, мелкие формы деятельности, которые всегда являются значимыми. Предположим, мы позволим какому-нибудь человеку говорить о других, неважно о ком, при условии, что он должен хорошо их знать. Он судит об их поступках, хвалит и порицает их и думает, что говорит о них, а на самом деле говорит только о себе, ибо в каждом своем суждении о других он стремится оправдать и улучшить себя; то, что он хвалит, он делает, а то, в чем он находит недостатки, он не делает; или, по крайней мере, он хочет, чтобы люди верили, что он делает первое и избегает второго. И когда он неловко отзывается о своих друзьях, он просто отказывается от того, что раньше его с ними объединяло. Затем он снова ругает тех, у кого все наладилось, и винит в этом их злую природу; но если присмотреться внимательнее, то можно понять, что он не имеет выгоды в том же зле и поэтому не любит его. В то же время он не может подавить в себе то, чего желает и в чем нуждается. Тот, кто знает этот факт, знает и свои мотивы, и принять решение в отношении преступления с учетом этих мотивов редко бывает сложно. "Nos besoins sont nos forces" - но поверхностные потребности не возбуждают нас, в то время как действительная потребность возбуждает. Как только мы получаем принуждение, наша сила в достижении желаемого возрастает поразительным образом. Как мы удивляемся тому, как много сил тратится в случае со многими преступниками! Если мы знаем, что за преступлением стояла реальная потребность, нам больше не нужно удивляться масштабам власти. Отношения между преступлением и преступником определены, потому что мы обнаружили его потребности. К этим потребностям относятся и удовольствия человека; каждый человек, вплоть до практически полной потери сил, как правило, испытывает

совершенно очевидную потребность в том или ином виде удовольствия. Человеку свойственно не быть постоянно машиной, а требовать разрядки и удовольствия.

Конечно, слово "удовольствие" должно использоваться в самом широком смысле, ведь один человек находит удовольствие в сидении у плиты или в тени, а другой говорит об удовольствии только тогда, когда может внести какие-то изменения в свою работу. Я считаю, что невозможно не понять человека, чьи удовольствия известны; его воля, его сила, его стремление и знание, чувство и восприятие не могут быть понятнее ни от чего другого. Более того, случается, что именно удовольствия человека приводят его в суд, и, сопротивляясь или поддаваясь им, он раскрывает свой характер. Знаменитый автор "Подражания Христу" Томас а-Кемпис, чья книга, за исключением Библии, является самой распространенной на земле, говорит: "Occasiones hominem fragilem non faciunt, sed, qualis sit, ostendunt". Это золотая максима для криминалиста. Возможность, шанс попробовать себя на вкус, приближается к каждому человеку бесчисленное количество раз; это его самая большая опасность; именно поэтому великая мудрость Библии назвала дьявола искушителем. Поведение человека по отношению к открывшейся или найденной возможности полностью и всецело отражает его характер. Но шанс наблюдать людей лицом к лицу с возможностью выпадает нечасто, и то падение, о котором мы говорим, часто является результатом такой возможности. Но в этот момент мы должны уже не учиться, а знать; и отсюда наша обязанность изучать удовольствия людей, чтобы знать, как они ведут себя в присутствии своих возможностей.

Есть еще одна группа условий, по которым вы можете наблюдать и судить о людях в целом. Самое важное из них - как можно лучше знать себя, ибо точное самопознание ведет к глубокому недоверию к другим, а только человек, подозрительный по отношению к другим, хотя бы немного застрахован от ошибок. Перейти от недоверия к восприятию чего-то хорошего несложно, даже в тех случаях, когда недоверие вполне обосновано, а предположение о прекрасных побуждениях наших товарищей вызывает сильную борьбу. Тем не менее, когда воспринимается что-то действительно хорошее, человек убеждается в этом и даже становится счастливым. Но обратное не верно, так как слишком доверчивый человек при каждом удобном случае с легкостью предполагает лучшее, хотя его уже тысячу раз обманывали и сейчас обманывают снова. Как так получается, что самопознание приводит к подозрительности по отношению к другим, нам лучше не исследовать слишком подробно - это факт.

Каждый человек характеризуется тем, как он ведет себя в отношении своих обещаний. Я не имею в виду выполнение или нарушение обещания, потому что никто не сомневается, что честный человек его выполняет, а негодяй - нет. Я имею в виду *способ*, которым выполняется обещание, и *степень*, в которой оно выполняется". Ларош-Фуко[84] многозначительно произносит: "Мы обещаем в соответствии с нашими надеждами, а исполняем в соответствии с нашими страхами". Когда в каждом конкретном случае сравниваются обещания и надежды, исполнение и страхи, возникают важные соображения, особенно в случаях соучастия в преступлении.

Когда это возможно, а в большинстве случаев это так, следует обратить внимание на стиль человека - почерк его души. В чем он заключается, невозможно выразить однозначно. Стиль нужно просто изучить и проверить, насколько он способен сочетаться с определенными предполагаемыми качествами. Всем известно, что образование, воспитание и интеллект, несомненно, выражаются в стиле, но можно также заметить, что стиль четко выражает мягкость или твердость характера, доброту или жестокость, решительность или слабость,

честность или беспечность и сотни других качеств. В целом цель изучения стиля может быть достигнута, если помнить о каком-то определенном предполагаемом качестве и спрашивать себя при чтении рукописи данного человека, сочетается ли это качество с формой рукописи и с индивидуальными тенденциями и отношениями, которые имеют место в построении мысли. Одно чтение, конечно, далеко не заведет, но если чтение повторяется и берется заново, особенно часто, как только встречается писатель или как только устанавливается какой-нибудь новый факт о нем, то почти невозможно не достигнуть фиксированного и ценного результата. Тогда значительно внезапное впечатление, что из рукописи поднимается то, что должно быть доказано, в выражении чего должны быть установлены свойства; и когда это происходит, наступает время не медлить с работой. При повторном чтении вышеупомянутая картина вырисовывается все четче и четче; вскоре становится ясно, в каких местах или направлениях рукописи обнаруживается это выражение - эти места группируются, ищутся другие, более или менее подразумевающие его, и вскоре достигается точка зрения для дальнейшего рассмотрения, которая сама по себе, естественно, не является доказательной, но в сочетании с множеством других имеет подтверждающее значение.

Некоторые мелкие, казалось бы, безразличные качества и привычки имеют большое значение. Их слишком много, чтобы говорить о них; но достаточно примеров того, какое значение имеет то, что говорят о человеке подобным образом: "этот человек никогда не опаздывает", "этот человек никогда не забывает", "этот человек неизменно носит с собой карандаш или перочинный нож", "этот человек всегда надушен", "этот человек всегда носит чистую, тщательно вычищенную одежду" - тот, кто имеет наименьшую подготовку, может построить из таких качеств всю внутреннюю жизнь человека. Подобным наблюдениям часто можно научиться у простых людей, особенно у старых крестьян. Много лет назад у меня было дело, связанное с исчезновением человека. Предполагалось, что пропавший человек был убит. Безрезультатно проводились различные экспертизы, пока, наконец, я не допросил старого и очень умного крестьянина, который хорошо знал пропавшего человека. Я попросил свидетеля очень точно описать характер своего друга, чтобы на основании его качеств, привычек и т. д. сделать выводы о его наклонностях, а значит, и о его возможном местонахождении. Старый крестьянин полагал, что о нем уже все сказано, когда объяснил, что это человек, у которого никогда не было приличного инструмента. Это было прекрасное описание, ценность которого я полностью понял только тогда, когда убитый ожил и я узнал его. Он был мелким лесорубом, который покупал небольшие участки леса в высоких горах для вырубki, а вырубив их, либо спускал древесину в долину, либо превращал ее в древесный уголь. В том, что у него никогда не было ни приличного инструмента, ни инструмента для его людей, заключалась вся его узкая точка зрения, его судорожная скупость, его отвратительное благоразумие, его зажатая доброта, качества, которые позволяли его людям бесполезно мучиться с плохими инструментами и которые полностью оправдывали его недостаток мастерства в приобретении инструментов. И я подумал, что эти несколько слов старого, многоопытного крестьянина полностью подтвердились - они рассказали всю историю. К таким людям, которые говорят мало, но говорят эффективно, нужно внимательно относиться и делать все возможное, чтобы развить и понять их смысл.

Но судья требует внимания и соответствующего сохранения своих собственных наблюдений. Тот, кто наблюдает за людьми, с которыми имеет дело, вскоре замечает, что среди них, пожалуй, нет ни одного, кто не обладал бы каким-то похожим, на первый взгляд несущественным качеством, подобным вышеупомянутому. Среди близких знакомых нетрудно установить, какие из их характеристик относятся к этому качеству, а когда ряд таких наблюдений собирается вместе, нетрудно обобщить и извлечь из них конкретные правила.

Тогда, в случае необходимости, когда работа важна, человек с удовольствием и, можно сказать, с благодарностью за свои усилия пользуется соответствующим правилом.

Одним из важных и часто полезных символов, показывающих, что человек делает из себя, за что он себя считает, является использование им слова "мы". Хартенштейн[85] уже обращал внимание на важность этого обстоятельства, а Фолькмар говорит: "Мы имеет очень разнообразный охват, от точки случайной одновременности образов в одном и том же ощущении, представлении или мысли до почти полного круга семейного *мы*, которое прорывается через *Я* и даже не исключает самых сильных антагонизмов; ненависть, как и любовь, утверждает свое *мы*". Что характерно для слова "мы", так это противопоставление большей или меньшей группы, членом которой является *Я*, всему остальному мирозданию. Я говорю "мы", когда имею в виду только себя и свою жену, обитателей моего дома, мою семью, тех, кто живет на моей улице, в моем районе или в моем городе; я говорю "мы, заседатели", "мы, центральноавстрийцы", "мы, австрийцы", "мы, немцы", "мы, европейцы", "мы, жители Земли". Я говорю мы, адвокаты, мы, блондинки, мы, христиане, мы, млекопитающие, мы, сотрудничающие ежемесячно, мы, общество старых студентов, мы, женатые мужчины, мы, противники суда присяжных. Но я также говорю "мы", когда речь идет о случайных отношениях, таких как поездка в одном поезде, встреча на одной горной вершине, в одном отеле, на одном концерте и т. д. Одним словом, *мы* определяет все отношения от самых узких и важных, самых существенных, до самых индивидуальных и случайных. Можно предположить, что "мы" объединяет и людей, у которых есть общее зло, которые часто используют его между собой, причем по привычке, там, где лучше бы этого не делали. Поэтому, если вы обратите внимание, вы можете услышать, как какой-нибудь подозреваемый, отрицающий свою вину, произносит "мы", которое признает его союз с людьми, которые делают то, чего, как он утверждает, не делают: *мы*, карманники, *мы*, взломщики домов, *мы*, азартные игроки, инверты и т. д.

Можно предположить, что человек как социальное животное ищет общения в стольких направлениях, что чувствует себя лучше защищенным, когда у него есть товарищ, когда он может представить на месте своего слабого и незащищенного *Я* более сильное и смелое *мы*; отсюда и такое широкое и разнообразное употребление этого слова. Никто не имеет в виду, что люди должны быть пойманы этим словом; оно просто должно использоваться для внесения ясности в нашу работу. Как и любой другой честный инструмент, оно является указателем места человека перед нами.

Раздел 13. (с) Особые признаки характера.

Ошибочно полагать, что в большинстве случаев достаточно изучить ту сторону человека, которая важна в данный момент - только его нечестность, лень и т. д. Это, естественно, приведет к одностороннему суждению и в любом случае будет гораздо сложнее, чем следить за человеком в целом и изучать его как целое. Каждое отдельное качество - лишь симптом целостной натуры, объяснимый только всем комплексом, и хорошие качества зависят от плохих в той же степени, что и плохие от хороших. По крайней мере, качество и количество хорошей или плохой характеристики показывает влияние всех других хороших и плохих характеристик. На доброту влияют и отчасти создают ее слабость, неопределенность, слишком большая восприимчивость, минимальная острота, ложная конструктивность, нетренированная способность к умозаключениям; точно так же и самая жестокая черствость зависит от свойств, которые сами по себе хороши: решительности, энергии, целенаправленного действия, ясного представления о своих товарищах, здорового эгоизма и т. д. Каждый человек есть результат своей природы и воспитания, то есть бесчисленных

индивидуальных условий, и каждое его проявление, опять-таки, есть результат всех этих условий. Поэтому, если судить о человеке, его нужно оценивать в свете всех этих условий.

По этой причине все те признаки, которые показывают нам человека в целом, являются для нас наиболее важными, но также ценны и те, которые показывают его только с одной стороны. В последнем случае, однако, они должны рассматриваться только как указатель, который никогда не освобождает нас от необходимости дальнейшего изучения природы нашего объекта. Число таких отдельных признаков бесчисленно, и никто не в состоянии их сосчитать и обосновать, но можно привести примеры.

Например, мы спрашиваем, какой человек даст нам самую лучшую и достоверную информацию о поведении и деятельности, характере и натуре того или иного человека? Нам отвечают: тот, к кому обычно обращаются за информацией, - его ближайшие друзья и знакомые, а также представители власти. Перед всеми ними никто не показывает себя таким, каков он есть, потому что самый честный человек покажет себя перед людьми, в суждении которых он заинтересован, по крайней мере, не хуже, а то и лучше, чем он сам - это основа эгоистической сущности человечества, которое стремится, по крайней мере, избежать уменьшения своего нынешнего благосостояния. Власти, которых просят сделать заявление о каком-либо человеке, могут достоверно сказать лишь о том, как часто он был наказан или иным образом вступал в контакт с законом или с самим собой. Но относительно его социальных характеристик власти ничего не могут сказать; они должны расследовать их, а детективы должны дать ответ. Тогда детективы - это, в лучшем случае, просто люди, которые имели возможность наблюдать и допрашивать тех, о ком идет речь, - слуг, мебельщиков, носильщиков, бездельников на углу и т. д. Почему мы сами не расспрашиваем последних, я не могу сказать; если бы мы это делали, мы могли бы знать этих людей, от которых зависит важная информация, и могли бы ставить вопросы в соответствии с теми ответами, которые нам нужны. То, что официальная декларация в наше время нередко предстает перед нами в отвратительной форме сплетен старой карга, - вещь сугубо негативная. Но сама по себе форма получения информации о людях через слуг и других представителей того же класса правильна. Однако следует остерегаться того, что это делается не только потому, что сплетников легче всего найти, но и потому, что *люди охотнее всего демонстрируют свои слабости перед теми, кого они считают неважными*. Последний факт хорошо известен, но недостаточно изучен. А ведь он имеет большое значение. Давайте рассмотрим его более подробно: Никому не стыдно показаться перед животным таким, какой он есть, совершить дурной поступок, совершить преступление; стыд очень мало увеличится, если вместо животного будет присутствовать полный идиот, и если теперь мы предположим, что ум и значимость этого свидетеля будут неуклонно возрастать, то стыд показаться перед ним таким, какой он есть, увеличится в той же степени. Поэтому мы будем контролировать себя больше всего перед людьми, чье суждение имеет для нас наибольшее значение. Штириец Петер Розеггер, один из лучших учеников человечества, однажды рассказал первоклассную историю о том, как самые сокровенные тайны некоторых людей стали общим местом, хотя все заинтересованные лица уверяли его, что никому не удалось их узнать. В конце концов, агента новостей обнаружили в лице старой, сгорбленной, тихой женщины, которая работала в разных домах и нашла себе место в углу гостиной, незаметное и внешне безразличное. Никто не раскрывал ей никаких секретов, но ей позволялось видеть вещи, о которых она могла догадаться и сложить их воедино. Никто не наблюдал за этой бескорыстной, древней дамой; она работала как машина; ее мысли, когда она замечала ссору, тревогу, несогласие или радость, были безразличны для всех, кого это касалось, и таким образом она открывала многое, что держалось в секрете от более важных персон. Эта простая история очень значима: мы не должны обращать внимания на сплетни,

а должны помнить, что информация людей, как правило, более важна и более достоверна, когда рассматриваемый вопрос безразличен для них, чем когда он важен. Достаточно взглянуть на нашу собственную ситуацию в этом вопросе: что мы знаем о наших слугах? Как их зовут по-христиански, потому что нам приходится их называть; откуда они родом, потому что мы слышим их произношение; сколько им лет, потому что мы их видим; и те их качества, которые мы используем. Но что мы знаем об их семейных отношениях, об их прошлом, об их планах, об их радостях или печалях? Хозяйка дома знает, возможно, немного больше благодаря ежедневному общению с ними, но ее муж узнает об этом только в исключительных случаях, когда беспокоится о вещах, которые его не касаются. Да и мадам знает не так уж много, как ежедневно показывает осмотр. Но что, с другой стороны, знают о нас слуги? Отношения между мужем и женой, воспитание детей, финансовое положение, отношения с кузенами, друзья по дому, особые удовольствия, каждая радость, каждая неприятность, каждая надежда, все - от малейшей телесной боли до самого простого секрета туалета - все это им известно. Что от них можно скрыть? Самые ограниченные из них знают об этом, и если они не видят больше, то это не из-за нашего умения скрывать, а из-за их глупости. Мы видим, что в таких случаях мало что можно сохранить в тайне, и поэтому не утруждаем себя этим.

Кроме того, есть еще одна причина, по которой мы позволяем подчиненным или равнодушным людям видеть свои слабости. Причина в том, что мы ненавидим тех, кто является свидетелем большой слабости. Отчасти это стыд, отчасти досада на себя, отчасти чистый эгоизм, но факт, что гнев человека инстинктивно обращается на тех, кто наблюдает его деградацию через его собственную слабость. Это происходит так часто, что на свидетеля приходится полагаться тем больше, чем больше обвиняемый, казалось бы, предпочел бы, чтобы свидетель его не видел. Незначительные люди не воспринимаются как настоящие свидетели; они были там, но ничего не восприняли; а когда выясняется, что они видят не хуже других, бывает уже слишком поздно. Не ошибешься, если объяснишь ситуацию многозначительной эпиграммой Тацита: "Figulus odit figulum". Один носильщик ненавидит другого, по крайней мере, из-за деловой зависти, и причина этого кроется в том, что двое в одной профессии знают слабости друг друга, что один всегда знает, как другой пытается скрыть свое незнание, как обманчива в основном любая человеческая деятельность и как много усилий каждый прилагает, чтобы его собственная профессия казалась другому как можно более прекрасной. Если же вы знаете, что ваш сосед так же мудр, как и вы, то он становится неприятным свидетелем в любом неприятном деле, а если о нем часто думают подобным образом, то его начинают ненавидеть. Поэтому никогда нельзя быть более осторожным, чем когда один "фигляр" дает показания о другом. Эсприт де корпс и ревность со страшной силой тянут истину то в одну, то в другую сторону, и картина становится тем более искаженной, что так называемый эсприт де корпс есть не что иное, как обобщенный эгоизм. Кант^[86] говорит недостаточно, когда утверждает, что эгоист - это человек, который всегда старается продвинуть свое собственное *Я* вперед и сделать его главным объектом своего и чужого внимания. Ибо тот, кто просто ищет внимания, лишь тщеславен; эгоист же стремится к собственному преимуществу, даже ценой других людей, и когда он проявляет *esprit de corps*, он желает преимущества своего корпуса, потому что и он имеет в нем долю. В этом смысле человеку, занимающемуся каким-либо ремеслом, есть что сказать о своих собратьях по ремеслу, но из-за зависти он говорит слишком мало, и то, в какую сторону он, однако, скорее всего, повернет, зависит от характера дела и характера свидетеля.

В большинстве случаев можно провести определенные различия между тем, когда объективно сказано слишком много и субъективно слишком мало. Иными словами, ремесленник будет преувеличивать в отношении всех общих вопросов, но в отношении своего особого товарища ревность будет устанавливать ее права. Абсолютное различие

никогда не может быть проведено, даже субъективно. Предположим, что А есть что сказать о своем товарище по ремеслу Б, и предположим, что определенные достижения Б должны быть оценены по достоинству. Если теперь А работает в той же области, что и Б, он не должен слишком сильно обесценивать труд Б, поскольку в противном случае его собственному труду грозит такая же низкая оценка. Объективно верно и обратное: если А преувеличивает общую эффективность своего ремесла, это не идет на пользу его тщеславию, поскольку мы просто обнаруживаем, что конкурент таким образом получает слишком высокую оценку. Было бы нежелательно приводить конкретные примеры из специальных профессий, но каждый, кто имеет перед собой одну "фигуру" за другой, от самых низких до самых высоких профессий, и кто рассматривает заявления, которые они делают друг о друге, подтвердит правильность нашего утверждения. Я также не утверждаю, что дело обстоит именно так в каждом конкретном случае, но то, что в целом это так, несомненно.

Следует отметить еще один момент. Очень многие люди, которые особенно эффективны в своей профессии, хотят быть известными как особенно эффективные в каком-то другом и отдаленном кругу. Известно, что некий регент был счастлив, когда хвалили его скромную игру на флейте; поэт был доволен, когда восхищались его жалкими рисунками; маршал хотел слышать не похвалы своим победам, а весьма сомнительные речи. То же самое происходит и с людьми более низкого уровня. Ремесленник хочет блеснуть глупостью в другом ремесле, а "обыватель счастливее всего, когда его считают дьяволом". Важность этого факта заключается в возможности ошибиться в выводах, сделанных из того, что сам субъект пытается представить о своих знаниях и силах. Что касается прошлого, то оно подталкивает даже принципиально честных людей к обману и лжи.

Так, например, ученик, который, возможно, был самым солидным и безобидным в классе, впоследствии рассказывает, что он был самым диким спортсменом; художник, который в детстве мужественно пытался пробиться на деньги, заработанные с таким трудом его матерью, радуется тому, что в молодости он был виновен в беспредельных глупостях; а древнюю даму, которая когда-то была самой скромной из девушек, щекочет лезть рассказа о ее великолепных заигрываниях. Когда речь идет о важном для нас деле, к нему следует относиться с большой осторожностью.

К этому классу людей, которые хотят казаться интереснее, чем они есть на самом деле, в своем прошлом или настоящем, относятся и те, кто заявляет, что все возможно, и которые ввели многих судей в досадные ошибки. Особенно это происходит, когда обвиняемый пытается отвести от себя подозрения, смело заявляя о своих великих достижениях (например, о возвращении в определенное место, о силовых подвигах и т. д.), и когда свидетелей спрашивают, мыслимы ли они. В этих случаях создается впечатление, что рассматриваемые свидетели считают, что они принижают себя и свою точку зрения, если считают что-то невозможным. Их легко распознать. Они принадлежат к худшему классу промоутеров и изобретателей или их родственников. Если человек изучает, как выплатить государственный долг, или решить социальный вопрос, или оросить Сахару, или склонен открыть дирижабль, вечный двигатель или панацею, или если он проявляет симпатию к людям, склонным к этому, он, скорее всего, будет считать все возможным - и таких людей на удивление много. Они, как правило, не вынашивают свои планы на публике и, следовательно, имеют статус благоразумных людей, но выдают себя склонностью к невозможному во всех мыслимых направлениях. Если есть подозрение, что человек относится к их числу, а вопрос достаточно важен, его можно во время беседы заставить рассказать о каком-то проекте или изобретении. Затем он покажет, как его класс начинает заниматься этим, с тем, что я мог бы назвать подозрительной теплотой. По этому признаку вы

знаете этот класс. Они принадлежат к той большой группе людей, которые, не будучи ненормальными, все же перешли черту, разделяющую абсолютно надежных и ненадежных людей, которые, при всем желании говорить правду, могут сообщить ее только в том виде, в каком она искажена их затуманенным сознанием.

Этих людей не следует путать с теми конкретными людьми, наделенными властью, которые, пытаясь показать, на что они способны, идут дальше, чем следовало бы на самом деле. Есть действительно талантливые люди, которые эффективны и знают это, будь то во благо или во зло, и они принадлежат как к классу обвиняемых, так и к классу свидетелей. Первые проявляют это качество в том, что признаются в большем, чем есть на самом деле, или рассказывают свою историю таким образом, чтобы ярче продемонстрировать и свою силу, и свое самомнение. Так, может случиться, что человек возьмет на себя преступление, которое он разделил с тремя сообщниками, или опишет простую кражу как такую, в которой пришлось применить силу по отношению к ее объекту и даже по отношению к владельцу объекта; или, возможно, он опишет свое бегство или бегство своих противников как гораздо более хлопотное, чем оно было на самом деле или должно было быть. Свидетель ведет себя аналогичным образом и показывает свою защиту от нападения, например, или свое мастерство в обнаружении своего товара, или свое обнаружение преступника в гораздо более ярком свете, чем это было на самом деле; он даже может описать ситуации, которые были лишними, чтобы показать, что он может сделать. Таким образом, часто искажается самый простой факт. В качестве подозреваемых с такими людьми работать особенно сложно. Помимо того, что они делают больше и на самом деле сделали больше, чем нужно, они становятся неуправляемыми и жесткими из-за несправедливых обвинений. В отношении таких людей по-прежнему актуально высказывание, сделанное сто лет назад Бен Дэвидом[87]: "Гонения превращают мудрых людей в грубых и глупых, а добрых и благорасположенных - в жестоких и злонамеренных". Нередко встречаются хорошо настроенные натуры, которые после неприятностей проявляют себя именно так, как описано выше. Очень часто случается, что подозреваемые, особенно арестованные, со временем совершенно меняются, становятся угрюмыми, грубыми, вспыльчивыми, недоброжелательными, проявляют непокорность и обиду даже на самый доброжелательный подход и проявляют даже некое мужество, не предлагая никакой защиты и храня молчание. Подобные явления требуют самой очевидной осторожности, ведь речь идет, по всей видимости, о могущественных собратях, которые подверглись несправедливости. Независимо от того, совершенно ли они невиновны, неправильно ли с ними обращаются, или по какой-то причине не был применен правильный подход, мы должны вернуться назад, действовать по-другому и абсолютно не забывать о том, что они могут быть невиновны, несмотря на серьезные улики против них.

Таких людей можно узнать в основном по образу жизни, привычному внешнему виду и его выражению. Как только это становится известно, становится известно и их поведение в суде. В вопросе индивидуальных черт характера особенно следует обратить внимание на образ жизни, манеру поведения. Многие усилия, многие качества не могут быть объяснены никаким другим способом. Простое заявление Фолькмара: "Есть вещи, которые мы хотим только потому, что они у нас когда-то были", - объясняет криминалисту длинный ряд явлений, которые иначе могли бы остаться непонятными. Многие кражи, грабежи, возможно, убийства, многие преступления на почве ревности, многие сексуальные преступления становятся понятными, когда узнаешь, что преступник когда-то обладал предметом, ради которого совершил преступление, а потеряв его, с неодолимой энергией пытался вернуть. Необычным в этом деле является тот факт, что между потерей и желанием вернуть предмет проходит значительное время. Создается впечатление, что отдельные моменты желания

суммируются в течение времени и затем выливаются в преступление. В таких случаях объясняющий мотив поступка можно найти только в прошлом преступника.

Такая же взаимосвязь существует и в случаях с бесчисленными преступниками, чьи преступления кажутся в основе своей немыслимой жестокостью. Во всех подобных случаях, особенно когда факты не позволяют сделать очевидной возможную вину подозреваемого, необходимо изучить историю развития преступления. Густав Струве утверждает, что доказано, что молодые люди становятся хирургами из чистой жестокости, из желания видеть, как люди страдают от боли, и причинять боль. Студент фармацевтического факультета по той же причине стал палачом, а богатый голландец платил мясникам за то, что они разрешали ему убивать быков. Итак, если речь идет о преступлении, указывающем *на необычайную жестокость*, как можно быть уверенным в его мотивах и истории, не зная истории преступника?

Это тем более необходимо, что мы можем быть легко обмануты кажушимися мотивами. "Поскольку в большинстве преступлений, совершаемых в крупных размерах, действуют два или более мотивов, явный и скрытый, - говорит Краус, [\[88\]](#), - каждый преступник имеет в своем распоряжении явные мотивы, которые побуждают его к совершению преступления". Мы хорошо знаем, как часто вор оправдывается, ссылаясь на нужду, как преступник при ограблении хочет казаться просто действующим в порядке самообороны, и как часто сладострастник, даже когда он плохо вел себя с маленьким ребенком, все равно утверждает, что ребенок его соблазнил. Даже в случаях убийства, когда убийца признается в содеянном, мы часто видим, что он пытается оправдаться. Женщина, отравившая своего мужа, на самом деле потому, что хочет выйти замуж за другого, рассказывает свою историю таким образом, чтобы создать впечатление, что она убила его потому, что он был необычайно плохим, и что ее поступок просто избавил мир от отвратительного объекта. Как правило, психологический аспект таких случаев усложняется тем, что субъект в большей или меньшей степени убедил себя в истинности своих утверждений и в итоге полностью или частично поверил в свои оправдания. А если человек верит в то, что говорит, то доказать ложность его рассказа гораздо сложнее, поскольку психологические аргументы, которые можно было бы использовать для доказательства лжи, в этом случае оказываются бесполезными. Это важный факт, который заставляет нас проводить резкую грань между человеком, который явно лжет, и тем, кто действительно верит в то, что говорит. Мы должны обнаружить разницу, поскольку саморазвивающаяся убежденность в правдивости рассказа никогда не бывает такой глубокой, как настоящая убежденность в истине. По этой причине человек, искусственно убедивший себя в своей правдивости, гораздо тщательнее следит за всеми сомнениями и возражениями, чем тот, кто нисколько не сомневается в том, что говорит. Кроме того, у первого нет доброй совести, а пословица гласит: "У плохой совести тонкий слух". Этот человек знает, что он неправильно относится к делу, и поэтому замечает все возражения, и тот факт, что он так замечает, не может быть легко упущен экзаменатором.

Как только этот тонкий слух отличает человека, действительно верящего в мотив, который он правдоподобно предлагает суду, появляется еще один признак (очевидно, совершенно отличный от общих признаков обмана), который отличает его еще больше, и он обнаруживается, когда заставляют его рассказать о подобных преступлениях других людей, в которых мнимый мотив действительно присутствовал. Правильно говорят, что не тот стар, кто уже не совершает юношеских глупостей, а тот, кто уже не прощает их, и поэтому не только тот плох, кто сам совершает зло, но и тот, кто оправдывает его в других. Конечно, то, что обвиняемый будет защищать голый поступок, как он описан в уголовном законе, маловероятно по вполне понятным причинам - ведь, конечно, ни один подозреваемый в

ограблении не станет петь панихиду о грабителях, но наверняка почти любой, кто имеет лучший или лучше выглядящий мотив для своего преступления, будет защищать тех, кто руководствовался подобным мотивом в других случаях. Каждый эксперимент показывает, что так оно и есть, и тогда кажущиеся мотивы достаточно легко распознаются как таковые.

(d) Соматический характер-единицы.

Раздел 14. (1) Общие соображения.

Если мы говорим, что внутреннее состояние человека предполагает определенное внешнее выражение, то из этого следует, что существует ряд явлений, которые особым образом формируют тело с точки зрения влияния душевного состояния на внешний облик, или, наоборот, свидетельствуют о влиянии какого-то физического своеобразия на психическое состояние, или какого-то другого психофизического состояния. В качестве примера первого рода можно привести хорошо известный феномен, когда преданные всегда производят впечатление специфически женственных. В качестве примера второго рода можно привести продемонстрированный Гюрковечки[89] факт, что импотенты проявляют неприятные черты характера. Такие условия находят свое универсальное выражение в жестокой, но правдивой максиме "Остерегайся отмеченного". Библия была первой, кто упомянул об этих злых стигматах. Никто, конечно, не утверждает, что носитель какого-либо телесного дефекта по этой причине наделен одним или несколькими дурными качествами - "Non cum hoc, sed propter hoc". Неподготовленным людям, а значит, и большинству людей, свойственно встречать несчастного, страдающего каким-либо телесным пороком, не заботой и защитой, а презрением и грубым обращением. Подобные склонности, увы, присущи не только взрослым, но и детям, которые раздражают своих деформированных товарищей по играм (то ли специально, то ли по невнимательности) и постоянно обращают внимание несчастного ребенка на его уродство. Таким образом, в большинстве случаев с ранней юности появляется сначала горечь, затем зависть, недоброжелательность, задушенная ярость против удачливых, радость от разрушения и все остальные ненавистные качества, как бы их ни называли. Со временем все эти сохранившиеся горькие впечатления суммируются, а вытекающие из них качества обостряются, становятся привычными, и в итоге вы получаете готового человека, "отмеченного злом". Добавьте к этому тот неоспоримый факт, что отмеченные люди значительно мудрее и лучше обучены, чем остальные. Случайно ли это или причинно-следственно обусловлено, сказать трудно; но поскольку большинство из них вынуждены в силу своего уродства лишать себя всех обычных удовольствий и заниматься только своими делами, будучи досыта накормленными оскорблениями, презрением и насмешками, последнее более вероятно. В таких обстоятельствах им приходится больше думать, они больше других тренируют свой ум, в основном как средство защиты от физического нападения. Они часто преуспевают в остроумии, но тогда их никогда не удастся привести в состояние доброго нрава и любвеобильности, когда им приходится защищаться с помощью острого, язвительного и разрушительного остроумия. Более того, если деформированный от природы не очень хорошо настроен, в нем развиваются другие дремлющие дурные наклонности, которые могли бы никогда не проявиться, если бы они не понадобились ему в целях самозащиты: ложь, клевета, интриги, преследование с помощью недозволенных средств и т. д. Все это, наконец, образует определенный комплекс явлений, неразрывно связанный в глазах специалиста со всеми видами уродства: недоверие глухого, угрожающее выражение лица слепого, неопишущая и потому чрезвычайно характерная улыбка горбоносого - не единственные типичные явления этого рода.

Все это широко известно и в это ненормально верят, так что мы часто обнаруживаем, что деформированные люди чаще подозреваются в преступлениях, чем нормальные люди.

Особенно подозрение падает на них, когда неизвестный преступник совершил преступление, для совершения которого требовался особенно злой характер и когда сам поступок вызывал всеобщее негодование. В этом случае, как только уродливый человек попадает под подозрение, основания для подозрений найти нетрудно; несколько собирают больше, чем катящийся шар собирает снег. После этого милая пословица "Vox populi, vox dei" ввергает несчастного в хаос доказательных оснований для подозрений, которые могут быть сведены к тому, что у него рыжие волосы или горб. Подобные случаи происходят с ужасающей частотой.[90]

Раздел 15. (2) Причины раздражения.

Не менее важными, чем эти явления, являются соматические результаты психического раздражения. Они проясняют процессы, которые нельзя объяснить одними словами и которые часто переоценивают и ложно интерпретируют. Раздражения важны по двум причинам: (1) как причины преступлений и (2) как признаки идентификации при экспертизе.

Что касается первого, то нет необходимости показывать, какие преступления совершаются из-за гнева, ревности или ярости и как часто ужас и страх приводят к крайностям, которые иначе не объяснить - эти факты отчасти так хорошо известны, отчасти так многочисленны и разнообразны, что изложение было бы либо излишним, либо невозможным. Будут указаны лишь те явления, которые в той или иной степени лежат на границе наблюдаемого и поэтому могут быть пропущены. К этому классу принадлежит, например, гнев на объект, который служит объяснением группы так называемых злонамеренных повреждений, таких, как поджог и т. д. Каждый человек, даже не особенно живой, помнит случаи, когда он впадал в сильную и необъяснимую ярость против какого-нибудь предмета, когда тот ставил его в затруднительное положение или причинял ему боль; помнит, как он создавал себе значительные удобства, отбрасывая его в сторону, разрывая или разбивая вдребезги. Когда я был студентом, у меня был очень старый, толстый латинский лексикон "Kirschii cornu copiae", переплетенный из дерева, обтянутого свиной кожей. Эта почтенная книга летела на пол всякий раз, когда ее хозяин был раздосадован, и никогда не отказывалась глубоко снять внутреннее напряжение. Этот "Киршиус" достался мне в наследство от прадеда и не сильно пострадал. Однако когда какой-нибудь бедный подмастерье рвет забор, на гвозде которого сильно порвалась его единственная шерсть, или, когда молодой крестьянин убивает собаку, которая угрожающе лает на него и пытается добраться до его теленка, тогда мы приходим со своими "убытками в таком-то и таком-то размере", и этот парень сделал не больше, чем я со своим "Киршиусом".[91] В великолепном романе "Auch Einer" Ф. Т. Вишера есть прекрасный портрет извращенности вещей; автор утверждает, что вещи довольно часто проводят экзистенциальные соборы с дьяволом для растления человечества.

До чего может довести извращенность неодушевленных вещей, я убедился на примере одного уголовного дела, в ходе которого был подожжен большой отдельно стоящий стог сена. Путешественник ехал через всю страну и искал убежища от надвигающейся непогоды. В последнюю минуту перед сильным ливнем он добрался до стога сена с плотным соломенным покрытием, забрался в него, устроился поудобнее на сене и радовался удаче. Затем он заснул, но вскоре снова проснулся, так как он, его одежда и все сено вокруг него основательно промокли, потому что крыша над ним протекала. В страшном гнев из-за этой "злой испорченности" он поджег стог, и тот сгорел дотла.

Можно сказать, что гнев мужчины - это такой же мотив, как и любой другой, и он не должен влиять на юридическую сторону инцидента. Хотя это совершенно верно, мы обязаны рассматривать преступление и преступника как единое целое и судить их именно так. Если

при таких обстоятельствах мы можем сказать, что эта единица является результатом, естественным для характера человека, и даже если мы скажем, что, возможно, мы могли бы вести себя подобным образом при аналогичных обстоятельствах, если мы действительно не можем найти в поступке что-то абсолютно злое, преступное качество его во всем уменьшается. Кроме того, в таких небольших случаях на первый план выходит фундаментальная концепция современной криминологии: "Не преступление, а преступник является объектом наказания, не понятие, а человек наказывается". (Лист).

Для вынесения приговора важен сам факт наличия значительного раздражения, который обуславливает необходимость тщательнейшего наблюдения за тем, как это раздражение возникает. Это тем важнее, что становится возможным решить, является ли раздражение настоящим или искусственным и имитированным. В противном случае, однако, значение раздражения может быть правильно оценено только тогда, когда его развитие может быть проведено шаг за шагом вместе с его причинами. Предположим, я даю подозреваемому знать о причинах подозрения, выдвинутых его врагами, тогда, если его гнев чувствительно возрастает с предъявлением каждого нового основания, он представляется гораздо более естественным и реальным, чем если бы гнев необъяснимым образом возрастал по отношению к менее важным причинам подозрения и развивался медленнее по отношению к более важным.

Коллективный характер соматических явлений при сильном волнении изучался много раз, особенно среди животных, которые более просты и менее искусственны, а потому их легче понять, и в конечном итоге они сравнительно похожи на людей в выражении своих эмоций. Очень многие животные, по словам Дарвина, поднимают шерсть, перья или перья в случае тревоги, страха или ужаса, а в настоящее время, действительно, непроизвольно, чтобы показать себя более крупными и страшными. Такое же поднятие волос и в наши дни играет большую роль среди мужчин, чем принято считать. Каждый либо видел у других, либо обнаруживал у себя, что страх и ужас заметно поднимают волосы. С особой отчетливостью я наблюдал это во время допроса, когда арестованный вдруг ясно осознал, хотя в остальном он был совершенно невиновен, какой большой опасности он подвергался, когда его принимали за настоящего преступника. О том, что в случаях страха и ужаса волосы поднимаются, не будучи видимыми, свидетельствует, как мне кажется, хорошо известное движение руки ото лба к макушке. Можно предположить, что волосы поднимаются у корней незаметно, но ощутимо и таким образом вызывают легкое щекотание и покалывание кожи головы, которое уменьшается, если гладить голову рукой. Таким образом, это движение является разновидностью непроизвольного почесывания для снятия раздражения. Поэтому то, что во время осмотра совершается такое характерное движение, при определенных обстоятельствах может иметь большое значение. Поскольку этот процесс, несомненно, является воздействием нервов на более тонкие мышечные волокна, он должен иметь определенное сходство с процессом, при котором вследствие страха, ужаса, беспокойства или заботы волосы более или менее внезапно становятся белыми. Таких случаев в истории сравнительно много; Г. Пуше^[92] подсчитывает случаи, когда волосы внезапно белели, (среди них один, когда это произошло, когда бедного грешника вели на казнь). Такие случаи нас не интересуют, потому что, даже если обвиняемый сам поседел за ночь, это не является доказательством его вины или невиновности. Такой случай может быть доказательным только тогда, когда волосы явно меняют цвет в случае свидетеля. Тогда можно с уверенностью считать, что он пережил нечто ужасное и стареющее. Но действительно ли он испытал это, или просто поверил, что испытал, выяснить пока невозможно, поскольку вера и реальное событие имеют один и тот же психический и физический результат.

Чтобы правильно понять другие явления, которые являются результатом значительного раздражения, необходимо изучить их матрицу, их коренной источник. Спенсер говорит, что страх выражается в криках, в прятании, рыдании и дрожи, которые сопровождают открытие действительно ужасного; в то время как разрушительные страсти проявляются в напряжении мышц, скрежете зубов, выдвигании когтей: все это слабые формы деятельности убийства. Все это, исконно унаследованное от животных, встречается у человека в гораздо менее интенсивной степени, включая разгибание когтей, ибо именно это движение можно часто заметить, когда кто-то с гневом и досадой говорит о другом человеке и в то же время разгибает и сжимает пальцы. Тот, кто делает это даже в легкой и незаметной форме, причиняет вред собеседнику. Дарвин в своей острой наблюдательности также обратил на это внимание. Он говорит о том, что человек может сильно ненавидеть другого, но пока его анатомия не затронута, нельзя сказать, что он в ярости. Это ясно означает, что соматические проявления внутреннего возбуждения настолько тесно связаны с последним, что мы требуем первого всякий раз, когда хотим сказать что-либо о втором. И действительно, мы никогда не скажем, что человек разгневан или только разгневан, если он остается физически спокойным, как бы шумно и явно он ни выражался. Это достаточное доказательство того, как важно замечать телесную экспрессию. "Как характерно, - пишет Фолькмар[93], - дрожание и тяжелое дыхание страха, сверкающий взгляд гнева, подавляемое раздражение, подавление беспомощной ярости, косой взгляд и прыгающее сердце зависти". Дарвин завершает описание страха: сердце бьется быстро, черты лица бледнеют, человек чувствует холод, но потеет, волосы поднимаются, выделение слюны прекращается, отсюда следует частое сглатывание, голос становится хриплым, начинается зевота, ноздри трепещут, зрачки расширяются, сжимающие мышцы расслабляются. У диких и очень примитивных людей это проявляется гораздо отчетливее, и они дрожат совершенно бесконтрольно. Последнее можно часто наблюдать, и оно действительно может быть установлено как стандарт культуры и даже характера и может помочь определить, насколько человек может предотвратить внутреннее раздражение, чтобы оно не стало внешне заметным. Особенно тот, кто много общается с цыганами, знает, как мало эти люди могут контролировать себя. Отсюда и многочисленные анекдоты о диких правителях некультурных народов, которые просто считывали вину подозреваемого по его внешнему поведению, а еще чаще могли с немыслимой остротой выбрать преступника из множества представленных им. Бэйн[94] рассказывает, что в Индии от преступников требуют взять в рот рис и через некоторое время выплюнуть его. Если он сухой, то обвиняемый считается виновным - страх останавливает выделение слюны - *obstupui, stetetuntque comae, et vox faucibus haesit*.

О характерном влиянии робости см. у Пауля Хартенберга.[95]

Особенно саморазоблачительными являются вспышки гнева на самого себя, тем более что я считаю их всегда свидетельством осознания вины. По крайней мере, я еще ни разу не видел, чтобы невинный человек впадал в пароксизм гнева на самого себя, и никогда не слышал, чтобы это наблюдали другие, и я не смог бы психологически объяснить подобное, если бы это случилось. Поскольку подобные сцены могут происходить только в самых внешних формах гнева, то такой взрыв элементарен и его невозможно спутать с другим. Если человек сжимает руки до крови или вбивается ногтями в лоб, никто не скажет, что это гнев на самого себя; это лишь попытка сделать что-то, чтобы высвободить накопленную энергию, направить ее против кого-то. Люди заметно злятся на себя только тогда, когда делают с собой то же самое, что могли бы сделать с другими людьми: например, бьют, бьют, дергают за волосы и т. д. Это особенно часто встречается у восточных людей, которые более эмоциональны, чем европейцы. Так, я видел, как цыган ударился головой о стену, а еврей бросился на колени, вытянул руки и с такой силой зажал уши обеими руками, что на следующий день у него

распухли щеки. Но и другие расы, если только они достаточно страстны, ведут себя подобным образом. Я видел, например, как женщина вырывала целые пригоршни волос из головы, как вор-убийца, виновный в большем или меньшем количестве преступлений, разбивал себе голову об угол окна, как семнадцатилетний убийца бросался в канаву на улице, яростно бился головой о землю и кричал: "Повесить меня! Оторвите мне голову!"

События во всех этих случаях были во многом схожи: преступление было совершено так искусно, что можно было не обнаружить преступника; преступник отрицал содеянное с самой вопиющей наглостью и всеми силами боролся с осуждением. Однако в тот момент, когда он понимал, что все потеряно, он проявлял безграничную ярость против самого себя, который не смог противостоять никаким препятствиям на пути к осуждению и который не был достаточно осторожен и хитер при совершении преступления. Отсюда развивается страшное самонаказание, которое не имело бы смысла, если бы жертва чувствовала себя невиновной.

Подобные проявления гнева на самого себя часто заканчиваются обмороком. Причиной последнего является не столько изнеможение от пароксизмов ярости, сколько признание и сознание собственной беспомощности. Рейхенбах[96] в свое время исследовал причину обмороков у людей в сложных ситуациях. Сегодня его объясняют как эффект выделения углекислого газа и образующегося антропотоксина; по другому объяснению, это нервный феномен, при котором одно лишь осознание невозможности освобождения вызывает обморок, потерю сознания. Для наших нужд одинаково подходит любой из вариантов объяснения этого явления. Безразлично, замечает ли человек, что он не может добровольно изменить свое состояние в физическом смысле, или же он замечает, что доказательства настолько убедительны, что он не может уклониться от них. Дело в том, что если по той или иной причине он оказывается в плохом физическом или юридическом положении, он падает в обморок, как падают в обморок люди в романах или на сцене, когда не остается другого выхода из драматической ситуации.

Если гнев не приводит к ярости по отношению к самому себе, то следующей более низкой стадией является смех.[97] В связи с этим Дарвин обращает внимание на то, что смех часто скрывает другие психические состояния, нежели те, которые он, по сути, обозначает - опасность, ярость, боль, недоумение, скромность и стыд; когда он скрывает гнев, это гнев на самого себя, форма презрения. Тот же деревянный, сухой смех очень значителен, и когда он возникает от ощущения, что обвиняемый уже не видит выхода, его нелегко спутать с другой формой смеха. Создается впечатление, что смеющийся пытается сказать себе: "Вот что ты получаешь за то, что был плохим и глупым!"

Раздел 16. (3) Жестокость.

Под этим названием следует понимать некоторые условия, которые при определенных обстоятельствах могут оказаться важными. Хотя внешне они никак не связаны друг с другом, их объединяет то, что они являются внешними проявлениями психических процессов.

Во многих случаях они являются объяснениями, которые могут возникнуть в результате наблюдения за мутационными отношениями между жестокостью, кровожадностью и чувственностью. В связи с этим старые авторы, такие как Митчелл,[98] Блюмрёдер,[99] Фридрейх,[100], привели примеры, которые до сих пор не утратили своей ценности. Они рассказывают о случаях, когда многие люди, не только мужчины, используют раздражение, выработанное большей или меньшей жестокостью, в сексуальных целях: мучают животных, кусают, щиплют, душат партнера и т. д. Сегодня это называется садизмом.[101] Некоторые девушки рассказывают о своем страхе перед некоторыми посетителями, которые заставляют

их мучиться, особенно в момент крайней страсти, кусая, давя и удушая. Этот факт может иметь определенное значение для криминологии. С одной стороны, некоторые преступления можно объяснить только сексуальной жестокостью, а с другой - знание его привычек в этом отношении может, опять же, помочь в осуждении преступника. Я вспоминаю только дело Баллога-Штайнера в Вене - дело, в котором была задушена проститутка. В то время полиция охотилась за человеком, который был известен в квартале как "человек-курица", потому что он всегда приносил с собой двух птиц, которых душил во время оргазма. Из этого справедливо заключили, что человек, совершающий подобные действия, способен при аналогичных обстоятельствах убить человека. Поэтому при допросе человека, обвиняемого в жестоком преступлении, не следует пренебрегать вопросом о его сексуальных привычках, а еще лучше - обязательно поинтересоваться, не носила ли вся ситуация преступления сексуальный характер.[102]

В связи с этим поступки, приводящие к жестокости и убийствам, часто сопровождаются эпилепсией. Поэтому следует всегда консультироваться с врачом по поводу обвиняемого, ведь жестокость, похоть и психические расстройства достаточно часто тесно связаны между собой. В этом вопросе Ломброзо славится богатством представленного им материала.

Раздел 17. (4) *Ностальгия.*

Вопрос о тоске по дому имеет существенное значение и не должен быть недооценен. Он много изучался, и мы пришли к выводу, что в основном дети (особенно в период полового созревания), а также идиоты и слабые люди сильно страдают от тоски по дому и пытаются бороться с гнетущим чувством уныния с помощью сильных чувственных стимулов. Поэтому они легко идут на преступления, особенно на поджоги. Утверждается, что ностальгии особенно подвержены необразованные люди, живущие в одиноких, очень изолированных регионах, таких как горные вершины, большие болота, прибрежные районы. Это похоже на правду и объясняется тем, что образованные люди легко отвлекаются от своих грустных мыслей и в какой-то степени берут с собой частичку дома в свою более или менее интернациональную культуру. Точно так же можно предположить, что жители региона, не отличающегося особой индивидуальностью, не так легко замечают различия. Особенно тот, кто переезжает из одного города в другой, легко находит себя, но горы и равнины содержат так много противоположного, что ощущение чуждости становится непреодолимым. И тогда, если тоскующий по дому человек в состоянии, он пытается уничтожить свою ностальгию с помощью самых шумных и возбуждающих удовольствий; если нет, он поджигает дом или, в случае необходимости, убивает кого-нибудь - короче говоря, ему нужна взрывная разрядка. Подобные события настолько многочисленны, что им стоит уделить особое внимание. Ностальгию следует иметь в виду, когда не удастся найти подходящий мотив для насилия, а подозреваемым оказывается человек, обладающий вышеупомянутыми качествами. Если же выясняется, что подозреваемый действительно страдает от тоски по дому, от большой тоски по родным, то появляется точка, с которой можно добраться до преступника. Как правило, такие очень жалкие люди настолько менее склонны отрицать свое преступление в той степени, в которой они чувствуют себя несчастными, что их горе не ощутимо увеличивается при аресте. Кроме того, юридическая процедура, которой они подвергаются, является для них нежелательным, новым и мощным стимулом.

Когда такие ностальгирующие признаются в своем поступке, они никогда, насколько я знаю, не признаются в его мотиве. Видимо, они не знают мотива, а значит, не могут объяснить поступок. Как правило, можно услышать: "Я не знаю, почему, я должен был это сделать". Где именно это начинает быть ненормальным, должен решать врач, с которым обязательно нужно проконсультироваться, если ностальгия является основанием для преступления.

Конечно, не исключено, что преступник, желая вызвать жалость, объяснит свое преступление непобедимой тоской по дому, но это всегда должно быть неправдой, потому что, как мы уже показали, любой, кто действует из-за тоски по дому, не знает и не может этого сказать.

Раздел 18. (5) *Рефлекторные движения.*

Рефлекторные действия также имеют большее значение, чем обычно предполагается. По словам Лотце,^[103] "рефлекторные действия не ограничиваются привычными и незначительными делами повседневной жизни. Даже составные серии действий, заключающие в себе содержание даже преступления, могут таким образом актуализироваться... в один момент, когда не хватает достаточного противодействия какого-то другого эмоционального состояния, длительной интенсивности эмоций, направленных против препятствия, или ясности движущегося ряда идей. Поступок может возникнуть из образа самого себя, не будучи вызванным или сопровождаемым какой-либо решимостью исполнителя. Слушания о преступниках полны заявлений, указывающих на такое осознание своих преступлений, и эти заявления часто считаются самообвинительными выдумками, поскольку люди боятся, что их правда нарушит или расстроит представления о судебном решении и возможности действий. Само признание этого психологического факта мало что меняет в общепринятом суждении; неудача в этих случаях состоит в том, что мы не предотвратили этот автоматический переход образов в действия, переход, по существу естественный для нашего организма, который, однако, как и многие другие вещи, должен быть подчинен силе воли". Рефлекторные движения требуют более пристального изучения.^[104] Наиболее многочисленными и общеизвестными являются: опускание век, кашель, чихание, глотание, все произвольные действия против приближающихся или падающих тел; затем снова подколенный рефлекс, рефлекс Кремастера и т. д. Другие движения того же рода были когда-то известны и так часто практиковались, что стали произвольными.^[105] Отсюда, например, глупый вопрос о том, как можно распознать мужчину или женщину в переодетом человеке. Хорошо известный ответ: пусть какой-нибудь маленький предмет упадет ему на колени; женщина раздвинет конечности, потому что она привыкла носить платье, в котором она ловит предмет; мужчина сведет конечности вместе, потому что он носит брюки и может поймать предмет только таким образом. Таких привычных действий так много, что трудно сказать, где заканчиваются рефлексы и начинаются привычки. Их можно правильно различить, если понимать первые как отдельные движения, а последние - как непрерывное, возможно, даже бессознательное и длительное действие. Когда я, например, во время работы беру сигару, отрезаю конец, прикуриваю ее, закуриваю, а потом совершенно не осознаю, что я это сделал, то произошедшее, конечно, не рефлекс, а привычное действие. Последнее не относится к этому классу, в который следует отнести только те, которые практически носят оборонительный характер. В качестве примера того, как такие движения могут иметь криминологическое значение, можно привести только свой собственный опыт, потому что так трудно поставить себя на точку зрения другого. Я хочу рассмотреть два таких примера. Однажды вечером я проходил по безлюдной улице и наткнулся на трактир как раз в тот момент, когда из него вывалился опьяневший парень, причем прямо на меня. В тот же миг я сильно ударил беднягу по уху. Я тут же пожалел о содеянном, тем более что нападавший оплакивал свое несчастье: "Внутри его вышвыривают, снаружи затыкают уши". Предположим, что в тот момент я разорвал бы ему барабанную перепонку или нанес другой серьезный ущерб. Это было бы уголовным делом, и я сомневаюсь, что кто-нибудь поверил бы, что это было "рефлекторное действие", хотя я тогда, как и сегодня, был убежден, что действие было рефлекторным. Я нисколько не знал, что со мной произойдет и что я должен делать. Я просто заметил, что приближается что-то

недружелюбное, и встретил это защитным действием в виде верхнего пореза на ухе. Что произошло на самом деле, я понял только тогда, когда услышал удар и почувствовал сотрясение руки. Нечто подобное произошло со мной в студенческие годы. Перед рассветом я отправился на охоту в деревню, когда примерно в ста шагах от дома, прямо напротив меня, по узкой дороге покатился большой шар. Не зная, что это такое и зачем я это делаю, я сильно ударил по мячу альпенштоком, который держал в руке, и из него выскочили два дерущихся кота с вцепившимися друг в друга зубами. Один из них был моей любимой собственностью, так что я остро пожалел о содеянном, но и здесь я действовал не осознанно; я просто разбил мяч, потому что ко мне приближалось что-то неизвестное. Если бы я тогда нанес самый большой ущерб, меня нельзя было бы привлечь к ответственности - если бы мое объяснение было допустимым; но *в то, что оно было бы допустимым*, я не верю и в этом случае.

Более глубокое изучение рефлекторного действия требует рассмотрения некоторых свойств, которые сами по себе не могут иметь уголовно-правового значения, но которые имеют тенденцию сделать это значение более ясным. Одним из них является то обстоятельство, что существуют рефлексы, которые работают во время сна. То, что мы не выделяем во время сна, зависит от того, что давящиеся в толстом кишечнике фекалии вызывают рефлекторное действие констрикторов прямой кишки. Их можно заставить расслабиться только с помощью особенно сильного давления или путем добровольного расслабления собственных констрикторов.

Вторым наводящим обстоятельством является тот факт, что даже привычные рефлексы при определенных условиях, особенно при одновременном поступлении особенно весомых различных впечатлений, могут не иметь места. Например, рефлекторно отдернуть руку при ощущении боли, несмотря на то, что человек настолько поглощен другим делом, что не осознает всего процесса; но если интерес к этому другому делу настолько фиксирован, что заставляет забыть, как говорится, весь внешний мир, то внешнее впечатление боли должно быть очень интенсивным, чтобы пробудить соответствующий рефлекс. Однако внимание может быть совершенно не нарушено, и все же рефлекс может не сработать. Если предположить, что рефлекторное действие возникает благодаря возбуждению афферентного сенсорного нерва, который получает стимуляцию и доводит ее до центра, откуда возбуждение передается в двигательный ряд (Landois[106]), то мы исключаем деятельность мозга. Но это исключение касается только сознательной деятельности, а прямой переход через рефлекторный центр может произойти успешно только потому, что мозг сознательно работал бесчисленное количество раз, так что он сотрудничает в последующих случаях также без нашего ведома. Когда же мозг приводится в действие какими-то другими, особенно интенсивными стимулами, он не в состоянии содействовать этой бессознательной работе, и, следовательно, рефлекторное действие не осуществляется. На этот счет у меня есть, как мне кажется, поучительный и доказательный пример. Одна из моих служанок открыла спичечный коробок, оклеенный бумагой по углам, разорвав бумагу по всей длине коробка ногтем большого пальца. Очевидно, коробка была переполнена или действие было совершено слишком быстро, так как спички вспыхнули взрывом, и вся коробка загорелась. Примечательно, что девочка отбросила коробку ни сознательно, ни инстинктивно; она вскрикнула от испуга и продолжала держать коробку в руке. На ее крик из другой комнаты прибежал мой сын, и только после того, как он как можно громче крикнул: "Выбрось, брось", она сделала это. Она держала горящую вещь в руке достаточно долго, чтобы мой сын успел перейти из одной комнаты в другую, и ее рана была настолько серьезной, что ее пришлось лечить несколько недель. Когда ее спросили, почему она держала горящую коробку в руке, несмотря на действительно ужасную боль, она просто

заявила, что "не подумала об этом", хотя и добавила, что, когда ей сказали выбросить вещь, ей пришло в голову, что это было бы самым мудрым из всех поступков. Очевидно, что произошло следующее: страх и боль настолько полностью поглотили деятельность мозга, что он не только не смог сознательно поступить правильно, но даже не смог помочь бессознательному выполнению рефлекса.

Этот факт наводит на мысль, что одной деятельности спинного мозга недостаточно для возникновения рефлексов, поскольку если бы это было так, то они возникали бы даже тогда, когда мозг занят другой глубокой работой. Поскольку они не возникают, мозг также должен быть задействован. Теперь это различие не безразлично для нас; ведь если мы считаем, что мозг действует во время рефлексов, мы должны признать возможность степеней в его действии. Таким образом, там, где речь идет о деятельности мозга, возникает и проблема ответственности, и мы должны считать, что везде, где рефлекс может быть принят за причину преступления, вопрос о степени наказания должен быть принят во внимание в исключительном порядке. Далее следует отметить, что в качестве официального рассмотрения проблема наличия рефлексов должна быть изучена, поскольку редко бывает так, что человек говорит: "Это было чисто рефлекторное действие". Возможно, он говорит: "Я не знаю, как это произошло", или: "Я не мог поступить иначе", или отрицает все событие, потому что действительно не знал, как оно произошло. То, что вопросы здесь сложные, как в отношении получения доказательств, так и в отношении вынесения решения о виновности, очевидно, - и поэтому безразлично, говорим ли мы о недостатке центров торможения или о злой воле^[107] и злом умысле.

Раздел 19. (6) Одежда.

О значении одежды мужчины как выражения его внутреннего состояния можно написать целую книгу. Говорят, что характер женщины можно узнать по ее туфлям, но на самом деле речь идет не только о туфлях, но и обо всех предметах одежды, как одного, так и другого пола. Пенолог имеет больше возможностей, чем кто-либо другой, наблюдать за тем, как одеваются люди, делать заметки о носителе одежды и, наконец, корректировать свои впечатления с помощью экспертизы. В этом вопросе можно установить некоторые аксиомы. Если мы видим человека, чье пальто так залатано, что первоначального материала уже не видно, но на пальто нет ни одной дырки; если его рубашка сделана из самого грубого и такого же залатанного материала, но чистая; если его обувь очень плоха, но цела и хорошо начищена, мы должны считать его и его жену честными людьми, никогда не совершавшими ошибок. Мы, конечно, видим очень мало мудрости в наших современных болезненно одетых "спортсменах", мы подозреваем вызывающе одетую женщину в некоторой неверности своему мужу, и мы, конечно, не ожидаем никаких низких наклонностей от дамы, одетой с умной, простой респектабельностью. Если общий вид мужчины правильный, это свидетельствует об утонченности и внимании к конкретным вещам. Каждый, кто задумывается над этим вопросом, ежедневно находит новую информацию и новые достоверные умозаключения. Как бы то ни было, у каждого своя точка зрения на этот вопрос: для одного убедительна одна конкретная деталь, для другого - только в сочетании с чем-то еще, для третьего - еще с каким-то третьим явлением. На это можно возразить, что необходимы, по крайней мере, подробные и длительные наблюдения, прежде чем делать выводы из манеры одеваться, поскольку мимолетная склонность, экономические условия и т.д. могут оказать немалое влияние, вынудив человека к конкретному выбору одежды. Такое влияние не является особенно глубоким. Человек, подверженный определенным наклонностям, может быть достаточно самовыразительным в данных обстоятельствах, и то, что он был вынужден в силу своего положения одеваться так, а не иначе, также очевидно.

Видел ли кто-нибудь честного фермера в поношенном вечернем пальто? Он может надеть самую поношенную дубленку, но пальто он точно не купит, даже если бы мог достать его по дешевке, и не примет в подарок. Он оставляет такую одежду другим людям, по поношенной элегантности которых с первого взгляда видно, что они из себя представляют. Подумайте, насколько характерна одежда демобилизованных солдат, охотников, чиновников и т. д. Кто не узнает одежду настоящего священнослужителя, демократов, консерваторов-аристократов? Их одежда везде так же четко определена, как и одежда англичан, французов, немцев, американцев, сформированная не климатическими условиями, а национальным характером в особом и совершенно неизменном виде. Тщеславие, небрежность, чистоплотность, сальность, беспокойство, равнодушие, респектабельность, желание привлечь внимание и быть оригинальным - все эти и бесчисленные подобные и родственные качества нигде не выражаются так мощно и неоспоримо, как в одежде. И не вся одежда вместе взятая; часто один-единственный предмет одежды выдает характер.

Раздел 20. (7) Физиогномика и смежные предметы.

Наука физиогномика относится к тем дисциплинам, которые демонстрируют значительную изменчивость в своей ценности. В классические времена ей придавали большое значение, и ее доктринами живо интересовались Сократ, Платон, Аристотель и Пифагор. Позже она была забыта, изучалась вскользь, когда Баптиста Порты написал книгу о физиогномике человека, и, наконец, когда появились работы Лаватера и тесно связанные с ними работы Галла, наука на короткое время вышла на передний план. Широко известная монография Лаватера^[108] вызвала в свое время большое внимание и принесла своему автору восторженное восхищение. О том, насколько сильно ею интересовался Гете, свидетельствуют популярная книга фон дер Хеллена и обмен письмами между Гете и Лаватером. Если бы Лаватер не приносил в этот вопрос свою мистическую и аподиктическую манеру, если бы он делал больше наблюдений и меньше утверждений, его слава продержалась бы дольше, и он был бы полезен для науки; как бы то ни было, он вскоре выветрился из памяти людей, и они обратились к пресловутой френологии Галла. Галл, который в некоторой степени работал со своим другом Шпурцгеймом, совершил в своих работах^[109] ту же ошибку, что и Лаватер, поскольку он погряз в теориях, не имеющих научного обоснования, так что многое, что было безусловно правильным и показательным в его учении, было просто упущено из виду. Его значение было дважды подтверждено: один раз, когда Б. в. Котта^[110] и Р. Р. Нозль^[111] интенсивно изучали его и справедливо приписали ему значительную ценность; второй раз, когда Ломброзо и его школа изобрели учение о криминальных стигматах, лучшее из которых опирается на постулаты презируемого и только сейчас изученного доктора Галла. Великий физиолог Й. Мюллер заявляет: "Относительно общей возможности принципов системы Галля не может быть сделано никаких априорных возражений". Только недавно важные проблемы физиогномики, если не считать замечательной работы Шака,^[112] были рассмотрены с научной точки зрения. Наиболее важной и значительной книгой является книга Дарвина,^[113] затем система Пидерита^[114] и "Символика" Каруса,^[115] все они основаны на более ранних фундаментальных работах превосходного английского анатома и хирурга Белла.^[116] Важное значение имеют также работы Лебруна, Райха, Мантегацца, доктора Дюшена, Скраупа, Магнуса, Гессмана, Шебеста, Энгеля, Шнайдера, К. Мишеля, Вундта, К. Ланге, Жироду, А. Моссо, А. Баера, Винера, Лотце, Вайца, Лелюта, Монро, Хойзингера, Гербарта, Комте, Мейнерта, Гольца, Хьюза, Borée,^[117] и др. Современный статус физиогномики, надо сказать, весьма подчиненный. Френология связана с физиогномикой, как костная опора черепа с его более мягкой частью, и так как физиогномика человека особенно зависит от конформации его черепа, то физиогномика должна заниматься формами черепа. Учение о движении физиогномики - это мимикрия. Но

физиогномика занимается чертами лица, взятыми сами по себе, и изменениями, сопровождающими изменения сознания, тогда как мимика имеет дело с добровольными изменениями выражения и жестов, которые, как предполагается, экстернализируют внутренние условия. Следовательно, мимика интересует в первую очередь актеров, ораторов и обычных комиков жизни. Френология остается предметом исследований медиков, антропологов и психологов, так что наука физиогномика, как важная сама по себе, остается за нами, юристами. Ее ценность как дисциплины оценивается по-разному. Обычно утверждается, что многое, действительно, не может быть выражено лицом; что то, что проявляется, проявляется без каких-либо фиксированных правил; что, следовательно, все, что может быть прочитано в лице, может быть выведено либо инстинктивно самим человеком, либо не выведено вообще. Или, как можно утверждать, этому нельзя научиться. Подобные утверждения, как способы распоряжения вещами, регулярно встречаются везде, где есть много работы; люди не любят возиться с хлопотными проблемами и поэтому называют их бесполезными. Но тот, кто серьезно настроен и не прочь немного поучиться, получит много пользы от интенсивного применения этой дисциплины в отношении своей профессии.

Право физиогномики на статус самостоятельной науки в какой-то степени подтверждается часто повторяемой сентенцией о том, что все, что имеет силу в своем простейшем виде, должно быть способно к расширению и развитию. Никто не сомневается, что существуют умные лица и глупые, добрые и жестокие, и если признать это утверждение в его нынешнем виде, то из него следует, что можно выделить и другие лица, чтобы по ним можно было прочесть определенное количество духовных качеств. И поскольку никто не может указать точку, в которой это чтение черт должно прекратиться, открывается дверь для изучения, наблюдения и сбора материала. Тогда, если отказаться от добровольных ошибок, от преувеличений и необоснованных утверждений, если опираться только на реальные и тщательно наблюдаемые факты, должна возникнуть важная и обоснованная дисциплина.

Исключительно острый психиатр Мейнерт показывает^[118], как физиогномика зависит от иррадиации и параллельных изображений. Он показывает, какое огромное количество материала, имеющего физиогномическое содержание, мы держим в уме. Как ни бесполезны фиксированные формы, по которым человечество судит о добровольных действиях своих отдельных членов, они указывают на универсальный вывод, что из добровольных действий человека, черты которого соответствуют чертам другого, следует вывод о добровольных действиях этого другого. Одно из очень подробных физиогномических наблюдений Ганса Вирхова, касающееся выражения интереса в глазах с помощью зрачка, имеет очень большую физиогномическую ценность. Зрачок, по его мнению, - это ворота, через которые наш взгляд проникает во внутреннюю жизнь нашего ближнего; психическое уже близко при слове "внутренний". Как это происходит, почему при развитии того или иного процесса иннервируется именно эта, а не другая мышца, мы не знаем, но наше незнание не имеет значения, так как в конце концов человек может расколоть себе голову, думая, почему мы не слышим глазами и не видим ушами. Но в какой-то степени мы достигли заметного прогресса в этом вопросе. Еще в 1840 году Й. Мюллер^[119] писал: "Неизвестны причины, по которым различные психозы используют различные группы нервов или почему определенные мышцы лица связаны с определенными страстями". Сорок лет назад Гратиолет^[120] считал необходимым отрицать, что мышцы развиваются только для выражения лица. Почти в то же время Пидерит знал, что выразительные движения мышц частично относятся к воображаемому объектам, а частично - к воображаемому впечатлению. В этом факте кроется ключ к смыслу всех выразительных мышечных движений. Эпохальная книга Дарвина о выражении эмоций окончательно установила этот вопрос настолько полно и прочно, что мы

можем объявить себя обладателями достаточного материала для нашей цели, чтобы можно было продолжить наши исследования. Изучение этой книги Дарвина я считаю совершенно необходимым для каждого криминалиста, ибо он во всех направлениях встречает изложения и объяснения, относящиеся к случаям, с которыми он уже сталкивался на практике или обязательно столкнется. Я привожу здесь лишь несколько наиболее важных заметок и наблюдений Дарвина, чтобы продемонстрировать их полезность для нашей цели.

В качестве объектов для изучения он рекомендует детей, поскольку они позволяют формам выражения проявляться энергично и без ограничений; сумасшедших, поскольку они подвержены сильным страстям без контроля; гальванизированных людей, чтобы облегчить работу задействованных мышц, и, наконец, установить идентичность выражения у всех рас людей и зверей. Из всех этих объектов только дети важны для нашей цели. Остальные либо далеки от нашей сферы деятельности, либо имеют лишь теоретическое значение. Я хотел бы, однако, добавить к объектам наблюдения еще один, а именно: простых, не изученных людей, крестьян и других неиспорченных личностей, которых мы можем считать невиновными в намерении разыграть с нами комедию. Мы можем многому научиться у таких людей и у детей. И надо полагать, что, изучая их, мы изучаем не какой-то особый класс, а устанавливаем общезначимую парадигму всего человечества. Дети обладают теми же чертами, что и взрослые, только более понятными и простыми. Ведь, если взять хотя бы одну из сентенций Дарвина, например, что при выражении гнева и возмущения глаза блестят, дыхание становится более быстрым и интенсивным, ноздри несколько приподнимаются, взгляд устремлен на противника, - все эти столь ярко выраженные характерные признаки одинаково проявляются и у ребенка, и у взрослого. Ни один из них не проявляется в большей или меньшей степени, и, определив их у ребенка, мы сделали это и для взрослого. После того как физиогномика детей и простых людей изучена, дальнейшее изучение различных видов людей уже не представляет трудностей; остается только обратить внимание на намеренную и привычную маскировку выражения; для всего остального следует использовать уже приобретенные принципы, *mutandis mutatis*.

Дарвин выдвигает три общих принципа, на основе которых можно объяснить большинство выражений и жестов. Вкратце они таковы:

- I. Принцип целенаправленных ассоциированных привычек.
- II. Принцип противоречивости.
- III. Принцип непосредственной деятельности нервной системы.

Что касается первого. Если в течение длинного ряда поколений какое-либо желание, переживание, нежелание и т. д. привело к какому-либо добровольному действию, то при повторении того же или аналогичного сопутствующего опыта возникает тенденция к осуществлению аналогичного действия. Это действие может уже не иметь никакого применения, но наследуется и, как правило, становится простым рефлексом.

Это становится понятнее, когда замечаешь, как часто привычка облегчает очень сложные действия: повадки животных; высокие шаги лошадей; наведение указателей; сосание телят и т. д. Нам трудно при падении сделать движение, противоположное вытягиванию рук, даже в постели; мы бессознательно натягиваем перчатки. Гратиолет говорит: "Тот, кто энергично отрицает какой-нибудь пункт и т. д., закрывает глаза; если он соглашается, то кивает и широко открывает глаза. Тот, кто описывает ужасную вещь, закрывает глаза и качает

головой; тот, кто внимательно смотрит, поднимает брови. При попытке подумать делается то же самое или брови сжимаются - и то и другое делает взгляд более острым. Отсюда следует рефлекторная деятельность".

Что касается второго. Собаки, которые ссорятся с кошками, принимают вид сражения, а если они настроены доброжелательно, то делают все наоборот, хотя это не служит никакой цели. М. Тейлор^[121] утверждает, что язык жестов цистерцианцев в значительной степени зависит от антитезы; например, пожатие плечами противоположно твердости, неподвижности.

Что касается непосредственной деятельности нервной системы, то примерами могут служить бледность, дрожь (страх, ужас, боль, холод, жар, ужас, радость), сердцебиение, румянец, пот, напряжение сил, слезы, вырывание волос, мочеиспускание и т. д. С помощью этих подразделений можно найти некую магистраль и классифицировать каждое явление.

Мы хотим обсудить еще несколько особенностей в свете примеров Дарвина. Прежде всего, он предостерегает нас от того, чтобы рассматривать^[122] определенные движения мышц как результат эмоционального возбуждения, потому что их искали. Существует бесчисленное множество привычек, особенно среди движений черт лица, которые возникают случайно или в результате какой-то мимолетной боли и не имеют никакого значения. Такие движения часто бывают очень четкими и не позволяют неопытному наблюдателю усомниться в том, что они имеют важное значение, хотя они никак не связаны с каким-либо эмоциональным состоянием. Даже если решено полагаться только на изменения всего лица, уже установленные как имеющие определенное значение, все равно есть опасность ошибиться, потому что хорошо аккредитованные состояния лица могут проявляться и по-другому (как дело привычки, нервные расстройства, раны и т. д.). Поэтому и в этом вопросе требуется осторожность и внимание; ведь если мы воспользуемся какой-либо дарвиновской нормой, например, что глаза закрываются, когда мы не хотим видеть вещь или когда она нам не нравится, мы все равно должны признать, что есть люди, для которых стало привычным закрывать глаза при других и даже противоположных условиях.

Мы должны признать, что, за исключением таких случаев, эти явления имеют большое значение во время экспертизы, например, когда мы показываем обвиняемому очень эффективное доказательство (например, сравнение почерков, которое является доказательством), а он закрывает глаза. Этот акт является характерным и важным, особенно когда его слова направлены на то, чтобы оспорить значение предмета, о котором идет речь. Противоречие между движением его глаз и словами наводит на размышления. То же самое происходит, когда обвиняемому показывают различные возможности, которые лежат перед ним - движение экспертизы, взаимосвязи и последствия. Если они кажутся ему опасными, он закрывает глаза. Так же и со свидетелями; когда один из них, например, дает показания более серьезные и более вредные, чем, по нашим понятиям, он может объяснить, он закрывает глаза, хотя, возможно, лишь на мгновение, если ему объяснят неизбежные последствия его показаний. Если он закрывает глаза, то, вероятно, сказал слишком много, и нельзя упустить подходящий момент, чтобы воззвать к его совести и предотвратить еще более преувеличенные и безответственные утверждения.

Эту форму закрывания глаз не следует путать с представлениями людей, которые хотят осознать важность своих показаний и собраться с мыслями, или желают мысленно просмотреть рассказ и обдумать его достоверность. Эти две формы закрывания глаз различны: первая, которая хочет отгородиться от последствий показаний, гораздо короче; вторая - дольше, поскольку требует много времени для сбора чувств и обдумывания

проблемы. Первый вариант, кроме того, сопровождается ощутимым выражением страха, в то время как последний проявляется только в его продолжительности; самое главное - это характерное современное и ощутимое защитное движение руки, которое возникает только в тех случаях, когда речь идет о желании исключить. Это движение встречается даже у очень флегматичных людей и, следовательно, является сравнительно надежным; его не делают люди, которые хотят спокойно изучить вопрос и для этого закрывают глаза.

Точно так же имеет значение внезапное закрытие рта обвиняемым или свидетелем. Решительность и закрытие рта неразделимы; так же невозможно представить себе колеблющегося, сомневающегося человека с плотно сжатыми губами, как твердого и решительного человека с открытым ртом. Причина кроется в первом законе Дарвина: о целенаправленно связанных привычках. Когда человек твердо решается на какой-то поступок, эта решимость немедленно начинает выражаться в движениях, которые тесно зависят от телесных действий. Даже если я вдруг решусь посмотреть в лицо какому-нибудь правильно предполагаемому неприятному делу или подумать о какой-нибудь безрадостной вещи, в ответ на это решение последует телесное движение, причем весьма энергичное: я отодвину стул, подниму локти, возможно, быстро опущу голову между руками, снова отодвину стул и затем начну смотреть или думать. Такие действия, однако, требуют сравнительно небольшого телесного напряжения; гораздо большее следует за различными типами решений - короче говоря, твердое решение требует серии движений, непосредственно следующих за его принятием. А для того чтобы двигаться, мышцы должны быть сокращены. И, конечно, очевидно, что в действие могут быть приведены только те мышцы, которые в соответствии с непосредственным положением тела свободны для движения. Например, если мы сидим, нам нелегко заставить наши ноги подчиниться движению марша вперед; мы также не можем сделать много с бедрами, поэтому единственные мышцы, которые мы можем использовать, - это мышцы лица и верхних конечностей. Итак, рот закрыт, потому что его мышцы сокращены, и с такой же силой руки резко вытягиваются наружу, кулак сжимается, а предплечье сгибается. Любой желающий может провести эксперимент на себе, выполнив все перечисленные действия, и посмотреть, не наполнится ли он чувством решимости. Следует особо отметить, как уже было сказано, что не только психические состояния сменяются внешними движениями, но и имитируемые внешние движения любого рода пробуждают или, по крайней мере, явно предполагают соотносимые с ними психические состояния.

Если мы замечаем в каком-либо человеке признаки решимости, то можем с уверенностью предположить, что они указывают на поворот в том, что он уже сказал и что собирается сказать. Если они наблюдаются у обвиняемого, то он, несомненно, решил перейти от отрицания к признанию, или придерживаться своего отрицания, или признаться, или утаить имена своих сообщников, место встречи и т. д. Поскольку в действии нет другой альтернативы, кроме как сказать или не сказать, можно было бы предположить, что в вышеприведенном заявлении нет ничего важного; важность же заключается в том, что достигнуто *определенное* решение, о котором суд знает и от которого вряд ли отступит. Поэтому, что следует за преданной резолюцией, мы не можем правильно понять; мы знаем только, что, по всей вероятности, она состоит в том, что за ней следует, то есть обвиняемый либо признается в чем-то, либо решил ничего не говорить. И это наблюдение избавляет нас от дополнительного труда, поскольку он не так-то легко отступит от своего решения.

Аналогично обстоит дело со свидетелем, который говорит неправду или только часть правды. Он обнаруживает признаки решимости, когда окончательно решает говорить правду

или упорствовать во лжи, и поэтому, что бы он ни делал после того, как признаки решимости отмечены, мы избавлены от ненужных усилий, чтобы заставить его говорить так или иначе.

Особенно интересно наблюдать за такими проявлениями решимости у присяжных, особенно когда решение о виновности или невиновности столь же сложно, сколь и чревато серьезными последствиями. Это происходит не так уж редко и означает, что наблюдаемый присяжный ясно представляет себе, как он будет голосовать. Какие бы свидетельства ни привели к такому решению, оно становится безразличным. Решившегося присяжного тем более нельзя переубедить, что он обычно либо не обращает внимания на последующие показания, либо выслушивает их в таком предвзятом виде, что видит все по-своему. В этом случае, однако, нетрудно определить, на что решился данный человек. Если действие, как мы теперь знаем, следует за очень вредными показаниями, то обвиняемого осуждают; если же оно следует за оправдательными показаниями, то его объявляют невиновным. Каждый, кто изучает этот вопрос, может заметить, что эти проявления делаются очень большим числом присяжных с достаточной ясностью, чтобы можно было подсчитать голоса и предсказать вердикт. В этой связи мне очень запомнился случай, произошедший много лет назад. Три человека, крестьянин и два его сына, были обвинены в убийстве имбецила, который, как предполагалось, поселился в их доме. Присяжные единогласно признали их невиновными, правда, из-за того, что, несмотря на все усилия, тело жертвы не было найдено. Позже появился новый свидетель, дело было возобновлено, и примерно через год после первого суда состоялся второй. Процесс длился много дней, в течение которых трое обвиняемых получали поток анонимных писем, в которых в основном обращалось внимание на то, что в таком-то и таком-то месте находится неизвестная женщина-имбецил, которая может быть идентична предполагаемой убитой. В связи с этим обвиняемые просили отложить судебное разбирательство или немедленно освободить их. Прокурор того времени боролся с апелляцией, но счел, что пока дело идет (а оно шло довольно плохо для обвинения), действия, предпринятые в связи с апелляцией, безразличны. "Мельницы богов мелют медленно", - заключил он в своей речи; "через год я предстану перед присяжными". Выражение этой непоколебимой убежденности в виновности подсудимых, сделанное человеком, который благодаря своему огромному таланту имел огромное влияние на присяжных, произвело потрясающее впечатление. В тот момент, когда он это произнес, в большинстве присяжных можно было заметить явные признаки абсолютной решимости, и с этого момента подсудимые были осуждены.

С признаками решимости коррелируют признаки изумления. "Руки поднимаются в воздух, - говорит Дарвин, - а ладонь прикладывается ко рту". Кроме того, регулярно поднимаются брови, а люди не слишком утонченные бьют себя по лбу, и во многих случаях происходит легкое, извилистое движение туловища, как правило, влево. Причину найти несложно. Мы удивляемся, когда узнаем что-то, что неизбежно меняет привычный ход событий. Когда это происходит, слушатель считает необходимым, если события просты, как следует ухватиться за них. Когда я слышу, что обнаружена новая рукопись *Niebelungen*, или лекарство от проказы, или что достигнут Южный полюс, я поражаюсь, но немедленное восприятие с моей стороны совершенно излишне. Но то древнее время, в котором возникли наши привычные движения и которое просуществовало дольше, несравненно дольше, чем наша нынешняя цивилизация, ничего не знало об этих интересах современного цивилизованного человека. В те времена людей удивляли простые, внешние и абсолютно непосредственные новинки: приближение наводнения, дичь вблизи лагеря, появление враждебных племен и т. д. - словом, события, которые требовали немедленного действия. Из этого факта проистекают наши значительные движения, которые, следовательно, должны быть ощутимо связаны с началом какого-то необходимого действия. Мы поднимаем руки, когда хотим подпрыгнуть;

мы поднимаем брови, когда смотрим вверх, чтобы видеть дальше; мы бьем себя по лбу, чтобы стимулировать мышцы ног, дремлющие из-за долгого сидения; мы прикладываем ладони ко рту и поворачиваем туловище, потому что в течение жизни мы обнаруживаем больше неприятных вещей, чем приятных, и поэтому стараемся не допускать их и отворачиваться от них. А удивление выражается в любом из этих противоречивых движений.

В юриспруденции эти стигматы проявляются, когда проверяемый должен быть поражен тем, что ему говорят, но по той или иной причине не хочет показать свое удивление. Он может скрыть это на словах, но хотя бы один значительный жест выдаст его и, следовательно, будет иметь большое значение для дела. Итак, предположим, что мы представляем некое доказательство, от которого ожидаем больших результатов; если они не придут, нам, возможно, придется совершенно иначе взглянуть на все дело. Поэтому важно не обмануться в эффекте, а это можно сделать только с помощью наблюдения за жестами свидетелей, которые гораздо реже бывают обманчивы, чем слова.

Презрение проявляется в определенных движениях носа и рта. Нос сжимается и образует складки. Кроме того, можно насчитать так называемое фыркание, плевки, дуновение, как бы прогоняя что-то; складывание рук и поднятие плеч. Это действие, по-видимому, связано с тем, что у дикарей, по крайней мере, представление о никчемном, низком и презренном человеке связывается с распространением неприятного запаха: индус до сих пор говорит о человеке, которого он презирает: "Он дурно пахнет". О том, что наши предки думали так же, свидетельствуют движения носа, особенно его поднятие, сморкание и принюхивание. Кроме того, поднимаются плечи, как будто хотят вынести все тело из отвратительной атмосферы - поведение здесь, если коротко, напоминает поведение гордецов. Если в поведении свидетеля наблюдается нечто подобное, то это, как правило, говорит о нем что-то хорошее: обвиняемый отрицает таким образом свою идентичность с преступником, или у него нет другого способа обозначить показания какого-то вредного свидетеля как клевету, или он обозначает этим жестом всю совокупность показаний как паутину лжи.

Аналогично обстоит дело, когда свидетель ведет себя подобным образом и выражает презрение. Последнее он сделает, когда обвиняемый или лжесвидетель защиты обвинит его в клевете, когда ему припишут неблагоприятные мотивы, или более раннее соучастие с преступником и т. д. Ситуации, которые дают человеку возможность показать, что он презирает кого-либо, обычно таковы, что выгодны презирающему. Они важны с юридической точки зрения, поскольку не только выставляют презирающего в выгодном свете, но и указывают на то, что презрение должно быть изучено более тщательно. Конечно, естественно, что презрение в значительной степени симулируется, и по этой причине необходимо внимательно следить за жестами, о которых идет речь. Настоящее презрение можно отличить от искусственного почти всегда по тому, что оно сопровождается ненужной улыбкой. Популярно и правильно считается, что улыбка - это оружие молчунов. Однако такая улыбка появляется только в качестве защиты от менее серьезных обвинений, а может быть, и более серьезных, но, очевидно, никогда - когда речь идет о злых последствиях, сопутствующих серьезным обвинениям. Если речь идет о несомненном зле, ни один действительно невиновный человек не улыбнется, поскольку он презирает того, кто, как он знает, лжет, и проявляет другие жесты, кроме улыбки. Даже самый растерянный человек, пытающийся скрыть свою глупость за плоским смехом, отказывается от этого, когда его оклеветали настолько, что он вынужден презирать лжеца; только симулянт продолжает улыбаться. Если же кто-то практиковался в проявлении презрения, он знает, что не должен улыбаться, но тогда его поза становится театральной и выдает себя своим преувеличением.

Недалеко от презрения находятся вызов и злоба. Для них характерно обнажение клыков и хмурое выражение лица при повороте в сторону того, на кого направлены вызов или злоба. Я считаю, что этот образ должен быть в разной степени дополнен тем, что рот закрыт, а дыхание несколько раз резко вырывается через ноздри. Это происходит из-за сочетания решимости и презрения, которые являются вероятными источниками неповиновения и злобы. Как было объяснено при обсуждении решимости, рот обязательно должен быть закрыт; злоба и неповиновение немыслимы с открытым ртом. Презрение, кроме того, требует, как мы показали, этого дуновения, и если дуновение должно быть сделано при закрытом рте, то оно должно быть сделано через нос.

Насмешка и обесценивание проявляются в тех же выражениях, что и пренебрежение и злоба, но в меньшей степени. Все они доставляют пенологу немало хлопот, и те подсудимые, которые проявляют неповиновение и злобу, небезосновательно считаются самыми трудными, с которыми нам приходится иметь дело. Они требуют, прежде всего, добросовестной заботы и терпения, просто потому, что нередко среди них встречаются невинные. Особенно это касается тех случаев, когда неоднократно наказанного человека обвиняют в другой раз, возможно, в основном из-за его послужного списка. Тогда им овладевает жесточайшее презрение и почти детская злоба к "гонителям" человечества, особенно если в кои-то веки он невинен. Такие люди обращают свою злобу на судью как на представителя этой несправедливости и считают, что делают все возможное, ведя себя оскорбительно и произнося лишь несколько вызывающих слов с самой мрачной злобой. При таких обстоятельствах неудивительно, что неопытный судья считает эти высказывания следствием угрызений совести, а злобный человек может винить себя за результаты своего вызывающего поведения. Поэтому он больше не обращает внимания на несчастного. Как такая ситуация может привести к несправедливому приговору, очевидно. Но независимо от того, виновен человек или нет, судья, несомненно, обязан прилагать особые усилия в отношении таких людей, поскольку неповиновение и злоба в большинстве случаев являются результатом озлобления, а оно опять-таки происходит от отвратительного обращения со стороны окружающих. И долг судьи - по крайней мере не усугублять эту вину, если он не может ее сгладить. Единственный и, по-видимому, самый простой способ работы с такими людьми - это терпеливое и серьезное обсуждение дела, демонстрация того, что судья готов внимательно изучить все порочащие факты, и даже тенденция ссылаться на имеющиеся доказательства невинности, а также не слишком энергичное обсуждение возможной вины человека. В большинстве случаев на начальном этапе это не принесет пользы. У человека должно быть время, чтобы все обдумать, чтобы в одинокой ночи понять, что не все в мире задумано, чтобы погубить его. Тогда, когда он начнет понимать, что своим злобным молчанием только навредит себе, если его снова и снова будут проверять, он, наконец, смирится. Когда лед сломан, даже те обвиняемые, которые вначале проявляли лишь злобу и неповиновение, оказываются самыми уступчивыми и честными. Прежде всего, необходимо терпение.

Настоящая ярость, к сожалению, встречается часто. Тело переносится прямо или бросается вперед, конечности становятся жесткими, рот и зубы тесно сжимаются, голос становится очень громким, срывается или становится хриплым, лоб наморщен, зрачок глаза сужен; кроме того, следует обратить внимание на изменение цвета кожи, румянец или глубокую бледность. Возможность имитировать настоящую ярость выпадает редко, и в любом случае характеристики настолько значимы, что ошибиться в распознавании вряд ли возможно. Дарвин говорит, что убежденность в собственной вине время от времени выражается в блеске глаз и неопределенной аффектации. Последнее хорошо известно каждому пенологу и объяснимо в общих психологических терминах. Тот, кто знает себя невинным, ведет себя

в соответствии со своим состоянием, естественно и без ограничений: отсюда и представление о том, что наивные люди представляют вещи такими, какие они есть. Они не находят в них ничего подозрительного, потому что не знают о подозрительных вещах. Но люди, которые знают о своей вине и стараются этого не показывать, должны добиваться своей цели с помощью хитрости и подражания, а когда это плохо получается, то жеманство очевидно.

Есть что-то и в виноватом блеске глаз. Блеск в глазах красавицы, взгляд радости, энтузиазма, восторга, не так поэтичен, как кажется, поскольку это не более чем усиленное выделение слез. Последние увеличиваются за счет нервного возбуждения, так что и виновный блеск должен быть той же природы. Это можно считать в некоторой степени потоком слез на первых этапах.

Важным жестом является жест покорности, который выражается, в частности, в складывании рук на коленях. Это один из самых очевидных жестов, так как "сложить руки на коленях" является пословицей и означает, что больше ничего нельзя сделать. Этот жест означает: "Я не собираюсь больше ничего делать, я не могу, я не буду". Отсюда следует, что состояние смирения и его жест не могут иметь никакого значения для нашей важной проблемы - проблемы вины, поскольку как невиновный, так и виновный может смириться или достичь предела, за которым он позволяет всему проходить без его вмешательства. Суть и выражение смирения - это отказ от всего или от чего-то конкретного, а в суде отказ от надежды на невиновность, и поскольку последняя может быть как реальной, так и просто заявленной, этот жест в некоторых случаях является определенным знаком. Его можно заметить среди родственников и друзей обвиняемого, которые, сделав все, чтобы спасти его, признают, что доказательства вины неопровержимы. Его можно заметить и у мужественных адвокатов, которые, приложив все свои силы для спасения клиента, понимают, что их усилия не увенчались успехом. И, наконец, его проявляют подсудимые, которые ясно осознали опасность своего дела. Я считаю, что жест отставки не является эмпирической случайностью, и его регулярно делают невиновные. Виновный, попавший в ловушку, возможно, хватается за голову, смотрит на небо, скрипит зубами, бушует в себе или погружается в тупую апатию, но сущностное смирение и все сопутствующие ему движения ему чужды. Только то соответствует идее отставки, что означает сдачу, уступку какой-то ценности, на которую человек претендует - если у него нет претензий к какой-либо вещи, он не может от нее отказаться. Точно так же человек, не имеющий права на безвиновность и признание, инстинктивно не откажется от него с эмоцией отставки, но в лучшем случае с отчаянием, гневом или яростью. И именно по этой причине виновные не демонстрируют жестов покорности.

Сжатие бровей происходит и в других случаях, помимо упомянутых. Прежде всего, оно возникает при интенсивном обсуждении чего-либо, усиливаясь по мере возрастания сложности темы. Первоначальный источник этого жеста заключается в том, что интенсивная деятельность предполагает необходимость более острого зрения, которое в определенной степени приобретается за счет сокращения кожи лба над бровями; ведь таким образом зрение проясняется. Интенсивное рассмотрение со стороны обвиняемого или свидетеля и установление его реальности или симуляции имеют значение для определения того, верит ли он сам в истинность того, что ему предстоит объяснить. Предположим, что речь идет о доказательстве алиби в какой-то определенный, довольно отдаленный день, и от подсудимого требуется обдумать свое местонахождение в этот день. Если он серьезно настроен на установление алиби, то есть на то, что его действительно не было и он не делал этого, то для него будет важно вспомнить этот день и суметь назвать свидетелей своего

местонахождения в тот день. Поэтому он будет напряженно думать. Если же он заявил об алиби нечестным путем, как это часто бывает с преступниками, чтобы заставить людей сделать вывод, что никто не имеет права требовать, где и сколько времени он находился в такой-то день, тогда нет необходимости напряженно думать о том, чего не было. В таких случаях он проявляет некую задумчивость, которая, однако, не является серьезной и глубокой: а эти два прилагательных характеризуют *настоящую* задумчивость. То же самое можно сказать и о нечестных свидетелях, которые, когда их заставляют хорошенько подумать, лишь симулируют это. По меньшей мере, следует внимательно следить за свидетелем, который просто имитирует интенсивное мышление, не проявляя при этом соответствующих признаков. В этом случае подозрение в даче ложных показаний вполне оправдано.

Совсем другое дело - пустое выражение глаз, которое свидетельствует лишь о том, что его обладатель полностью погружен в свои мысли - оно не имеет ничего общего с острым воспоминанием и требует, прежде всего, того, чтобы его оставили в покое или убедили в этом. В этом случае не делается никаких отличительных жестов, хотя лоб, рот или подбородок могут быть обработаны, но только в случае смущения - т.е. когда человек замечает, что за ним наблюдают, или когда он обнаруживает, что забыл о присутствии других людей. Предполагается, что в суде такого не происходит, но это случается нередко, когда, например, судья после долгой беседы с обвиняемым собирается продиктовать сказанное. Если это длится довольно долго, может случиться так, что свидетель уже не слушает, а безучастно смотрит вдаль. В этот момент он пересматривает всю свою жизнь или развитие и последствия своего поступка. Он погружен в так называемое интуитивное мышление, в воспроизведение событий. Интенсивное рассмотрение требует объединения деталей и умозаключений; следовательно, форма мышления, о которой мы только что говорили, - это всего лишь духовное созерцание. Именно в таких случаях легче всего получить признание, если только судья держит глаза открытыми.

То, что сужение бровей означает состояние отвращения, хорошо известно, но есть, как мне кажется, и другое применение этого сужения - его сочетание с улыбкой, означающее неверие. Как возник этот союз, кажется, сравнительно малоизвестным - возможно, он является результатом сочетания улыбки отрицания с хмурым взглядом острого наблюдения. Но в любом случае этот жест надежен и не может обозначать ничего, кроме неверия и сомнения. Поэтому всегда ошибочно полагать, что тот, кто делает это выражение, верит в то, что услышал. Если вы проверите его экспериментально, то обнаружите, что, произнося его, вы невольно говорите про себя: "Ну вот, это не может быть правдой" или "Смотрите-ка, вот это уже неправда!" или что-то в этом роде. Чаще всего это выражение встречается при столкновении свидетелей с обвиняемыми и особенно свидетелей друг с другом.

Тесная связь сужения бровей с его ранней стадией, легким поднятием бровей, проявляется в том, что оно возникает при смущении - не очень регулярно, но почти всегда при восприятии чего-то чужого и необъяснимого, или при запутывании в разговоре; фактически при всех таких условиях, которые требуют большей физической и психической ясности зрения, а значит, и отгораживания от лишнего света. Выражение может быть важным на лице обвиняемого, который утверждает, например, что он не понимает аргументов, призванных доказать его вину. Если он виновен, то, очевидно, знает, что произошло при совершении преступления и, следовательно, аргумент, который его воспроизводит, и даже если он сто раз уверяет суд, что не понимает этого, он либо пытается показать себя невиновным, либо хочет выиграть время для ответа. Если он невиновен, то, возможно, он действительно не понимает аргумента, потому что не знает реальной ситуации. Поэтому в самом начале спора

он будет хмуриться и внимательно слушать. Виновный, возможно, тоже стремится казаться чрезвычайно внимательным, но он не сжимает брови, потому что ему не нужно заострять взгляд; он и без этого достаточно точно знает факты. Пенологу важно знать, пережил ли человек в течение своей жизни много тревог и неприятностей, или же он прожил ее беспроблемно. В связи с этим Дарвин отмечает, что при поднятии внутренних концов бровей должны сокращаться определенные мышцы (круговые, которые сжимают брови, и пирамидальная мышца носа, которая служит как для оттягивания, так и для сокращения века). Сокращение происходит за счет энергичного сближения центрального пучка мышц в области бровей. Эти мышцы, сокращаясь, поднимают внутренние концы бровей, а поскольку мышцы, сокращающие брови, одновременно сводят их вместе, их внутренние концы складываются в большие бугристые складки. Так образуются короткие косые и короткие перпендикулярные борозды. Вот это мало кто может сделать без практики, многие никогда не могут выполнить это добровольно, и это чаще встречается у женщин и детей, чем у мужчин. Важно отметить, что это всегда признак духовной боли, а не физической. И что любопытно, оно, как правило, связано с опусканием уголков рта.

Дальнейшее изучение движений черт лица потребует исследования причин действия именно этих, а не других мышц, как сопровождения психических состояний. Пидерит считает, что это связано с тем, что двигательные нервы, питающие эти мышцы, проходят рядом с чисто психическими центрами и, следовательно, эти мышцы являются опорой для органов чувств. Последнее утверждение, несомненно, верно, но первое весьма сомнительно. В любом случае очевидно, что в чертах лица находится исключительно большое количество тонких мышц с особенно богатой двигательной способностью, и, следовательно, они двигаются вместе и в соответствии с психическими условиями. Возможно, в этом участвуют и другие мышцы тела, но мы не замечаем этого факта. Такие движения, однако, не имеют существенного значения.

Мы можем принять за общее правило, что все радостные и приподнятые эмоции (даже удивление) сопровождаются поднятием кожи лба, ноздрей, глаз, века, в то время как печальные и угнетающие эмоции имеют обратный эффект. Это простое и легкое правило сразу же делает понятными многие непонятные выражения, которые кажутся нам важными, но в значении которых мы сомневаемся. Развитие движения в любом лице происходит, по мнению Харлесса, [123] таким образом: "Высший двигательный нерв - глазодвигательный. Стимуляция достигает его первым - самое легкое изменение эмоций быстрее всего проявляется во взгляде, движении и состоянии зрачка глаза. Если импульс сильнее, он поражает корешки двигательного конца тройничного нерва, и происходит движение жевательных мышц; затем усиленная аффектация распространяется по другим признакам". Никто, конечно, не станет утверждать, что даже полностью развитая физиогномическая наука поможет нам преодолеть все наши трудности, но при небольшом внимании она может помочь нам в значительной степени. Эта помощь нам действительно необходима, ведь, как верно заметил Ларошфуко, даже в наше время: "Легче знать людей, чем знать конкретного человека".

Раздел 21. (8) Рука.

Физиономия руки по значимости стоит рядом с физиономией лица, а в некоторых отношениях имеет даже большее значение, поскольку выражение руки не допускает никакой или очень незначительной имитации. Руку можно сделать тоньше или грубее, сделать светлой или темной, ухаживать за ногтями или позволить им превратиться в когти. Внешний вид руки может быть изменен, но не ее физиономия или характер. Тот, кто тысячу раз сгибает лицо одним и тем же способом, в конце концов сохраняет складки и получает от

них определенное выражение, даже если это не раскрывает его внутреннего состояния; но тот, кто тысячу раз проделывает то же самое со своей рукой, не накладывает на нее тем самым отпечаток средства идентификации. Частое тартюфское закатывание глаз в конце концов придает лицу благочестивое или, по крайней мере, пиетистское выражение, но складывайте руки в ежедневной молитве в течение многих лет, и никто не обнаружит этого по ним. Кажется, однако, мало пользы в том, что руки невозможно замаскировать, если они мало или совсем не дифференцированы; но, как оказалось, они, наряду с лицом, наиболее сильно и глубоко дифференцированы из всех человеческих органов; и общий закон учит нас, что различные эффекты производятся различными причинами, и что из первых можно вывести вторые. Если мы наблюдаем бесконечное разнообразие человеческой руки, мы должны сделать вывод о столь же бесконечном разнообразии влияний, и поскольку мы не можем проследить эти влияния дальше, мы должны заключить, что они должны быть причинно объяснены бесконечным разнообразием психических состояний.

Тот, кто изучает руку психологически, со временем обретает большую веру в то, что говорит ему рука. И окончательно он сомневается в этом только тогда, когда хирогномия вступает в противоречие с физиогномикой. Если в таких случаях замечено, что рука чаще оказывается верной, чем лицо, и что умозаключения по руке реже оказываются ложными, то вспоминается изречение Аристотеля: "Рука - орган органов, инструмент инструментов в человеческом теле". Если это верно, то любимый инструмент должен находиться в самой тесной связи с психикой владельца, но если эта связь существует, то должно быть и взаимодействие. Если бы рука содержала только свою физическую структуру, Ньютон никогда бы не сказал: "Если бы не было других доказательств, большой палец убедил бы меня в существовании Бога".

Насколько необходимо устанавливать фундаментальные положения в этом вопросе, мне нелегко сказать. Возможно, с научной точки зрения правильнее всего было бы на время удовлетвориться сбором тщательно и пристально наблюдаемого материала и привлечь к этому делу анатомов, которые и так нуждаются в материале для профессиональных исследований; собрать фотографии рук, принадлежащих людям, чьи характеры хорошо известны, и набрать достаточное количество правильно экипированных людей, чтобы сделать эту коллекцию. Если бы у нас было достаточно материала, из которого можно было бы вывести фундаментальные принципы, многое из того, что утверждали Белл, Карус, Д'Арпентиньи, Аллен, Гессман, Лирш, Ландсберг,[\[124\]](#) и т.д., могло бы быть доказано и проверено. Но их утверждения все равно могут быть опровергнуты, потому что их фундаментальные принципы недостаточны для развития системы. Вероятно, никто не будет сомневаться в некоторых из наиболее распространенных утверждений; все согласятся с Винкельманом, что красивая рука соответствует красивой душе; или с Бальзаком, что люди значительного интеллекта имеют красивые руки, или с тем, что руку называют вторым лицом человека. Но когда приводятся конкретные координаты руки, они вызывают большие сомнения. Так, например, Эссер[\[125\]](#) называет *элементарную* руку по сути рабочей, *двигательную* - мужской, в которой меньше души и утонченности характера, чем воли и целеустремленности. Так же и *чувствительная* рука подразумевает в целом сангвинический характер, а *психическая* рука предстает как обладание прекрасными душами и благородными духами.

Какой бы верной ни была эта классификация, установить и описать различные сигнификативные знаки очень сложно, особенно потому, что названные формы редко проявляются в четких и резко очерченных подразделениях. Границы подвижны, как и сами знаки, и там, где свойства одной группы почти непосредственно переходят в другую, и

описание, и распознавание затруднены. Если же мы не можем рассчитывать на систематическое и в настоящее время отдаленное рассмотрение, мы все же можем полагаться на хорошо обоснованные наблюдения, которые в свете их частого повторения выглядят надежными предпосылками.

Не совсем психологические, но важные для криминалиста выводы можно сделать из утверждения Герберта Спенсера о том, что люди, чьи предки работали руками, обладают тяжелыми руками. И наоборот, люди, чьи предки не работали руками, обладают маленькими и тонкими руками. Отсюда маленькие тонкие руки евреев, частое совершенство форм и неизменная тонкость рук цыган, унаследовавших свои руки от высокородных индусов, и так называемые расовые руки настоящих аристократов. То, что тяжелая работа, даже кувыркание, игра на пианино и т.д., должна изменить форму руки, очевидно, поскольку мышцы укрепляются с практикой, а кожа грубеет и вытягивается от трения, резкого ветра и недостаточного ухода. Как известно, физические свойства передаются по наследству и наблюдаются при изучении рас; стоит ли удивляться, что опытный взгляд на руку человека может раскрыть ряд фактов, касающихся обстоятельств его жизни? Никто не сомневается, что существуют сырые, низкие, чувственные, толстые руки. А кто не знает страдающую, духовную, утонченную и нежную руку? Руки, конечно, нельзя описать и различить в соответствии с установленной классификацией, и, несомненно, Эленбах был прав, когда сказал: "Кто может открыть причину волшебного очарования, которое заключено в одной из ста тысяч одинаково красивых рук?"

И это замечательно, потому что нас не обманешь ухоженной, тонкой и изящной рукой. Всем, можно сказать, известно убедительное качество, которое может заключаться в огромном кожистом кулаке крестьянина. Ведь он тоже часто гармонично сконструирован, хорошо сформулирован, выглядит мирным и внушающим доверие. Мы чувствуем, что имеем дело с человеком честным, представляющим себя и свое дело таким, каковы они есть, крепко держащимся за то, что ему однажды досталось, понимающим и привыкшим придавать своим словам внушительность. И мы убеждаемся в этом не только по свидетельствам честного труда, совершаемого годами, но и по стабильности и решительности формы его рук. С другой стороны, как часто мы испытываем недоверие при виде тщательно ухоженной, розово-белой руки элегантного джентльмена - то ли потому, что нам не нравится ее состояние или форма, то ли потому, что форма ногтей вызывает неприятные воспоминания, то ли потому, что в расположении пальцев что-то не так, то ли по какой-то неизвестной причине. Нас предупреждают, и мы, не будучи загипнотизированными, регулярно обнаруживаем, что предупреждение оправдано. Определенные свойства обязательно проявятся: холодность, благоразумие, твердость, спокойный расчет, жадность так же неоспоримы в руке, как и доброта, откровенность, мягкость и честность.

Очарование многих женских рук легко почувствовать. Капитуляция, мягкость, уступчивость, утонченность и честность многих женщин настолько ясны и открыты, что, так сказать, струятся наружу и воспринимаются чувствами.

Объяснить все это, научно классифицировать и расположить по порядку было бы, по крайней мере в наше время, ненаучным предприятием. Эти явления переходят от тела к телу и столь же достоверны, сколь и необъяснимы. Кто никогда не наблюдал их, и хотя его внимание было привлечено к ним, все же не заметил их, тому нет нужды рассматривать их, но людей, верящих в них, следует предостеречь от преувеличений и поспешности. Единственный совет, который можно дать, - это изучить язык руки, прежде чем официально игнорировать его; не принимать сразу же решение о ценности наблюдений, которые, как предполагается, были сделаны, а обращаться с ними осторожно и проверять их более

поздним опытом. Особый интерес представляет отслеживание движений руки, особенно пальцев. Я не имею в виду те движения, которые являются внешними и координируются с движениями руки; они относятся к мимикрии. Я имею в виду те, которые начинаются от запястья и, следовательно, происходят только в руке. Для изучения этих движений детская рука малопригодна - она слишком нетренирована, неумела и нейтральна. В ней наиболее отчетливо проявляются движения, связанные с желанием обладать, схватить и притянуть к себе, обычно ко рту, как это делает ребенок, сосущий грудь матери. Это движение Дарвин наблюдал даже у котят.

Мужская рука, как правило, слишком тяжела и медлительна, чтобы демонстрировать более утонченные движения; они полностью развиты только в женской, особенно в руках живых, нервных и духовно возбудимых женщин. Наблюдающий за ними правосудие может прочесть в словах их обладателя больше, чем он сам может. Рука лежит на коленях, казалось бы, бездействуя, но хорошо скрываемый гнев медленно сжимает ее в кулак, или пальцы характерно выгибаются вперед, словно желая выцарапать кому-то глаза. Или они судорожно сжимаются от сильной боли, или шарики четырех других пальцев с удовольствием проходят по шарiku большого пальца, или они двигаются спазматически, нервно, нетерпеливо и боязливо, или они открываются и закрываются с характерным удовольствием, как лапы кошек, когда последние чувствуют себя вполне бодрыми.

Более внимательное наблюдение покажет, что пальцы на ногах многое показывают, особенно у женщин, которые носят довольно изящную обувь и, следовательно, могут двигать ногами с большей легкостью. В гневе, когда они не могут, поскольку это было бы навязчиво, стучать ногами, женщины плотно прижимают пальцы к земле. Если они смущены, то слегка поворачивают подошву туфли внутрь и делают небольшие изгибы острием к земле. Нетерпение проявляется в попеременном и размашистом надавливании на пятку и носок, повторяемом с нарастающей быстротой; вызов и требование - в поднятии пальцев ног таким образом, что подошва оказывается прямо впереди, а стопа опирается только на пятку. Чувственность всегда проявляется, когда стопа выдвинута вперед, а голень слегка вытянута, когда все пальцы ног втянуты в подошву, как это делает кошка, когда ей хорошо. То, что женщины не говорят словами, не выражают чертами лица и не показывают движением рук, они говорят ногами; внутреннее переживание *должно* выражаться внешне, и стопа больше всего выдает его.

В заключение следует иметь в виду, что руки всех людей, которые выдают себя за трудолюбивых, но на самом деле стараются жить без работы, то есть воров, азартных игроков и т. д., должны быть тщательно изучены. О ценности графологии см. мое "Руководство для экзаменационных судей".

Раздел В. Условия для определения теорий.

Тема I. СДЕЛКА ИНФЕРЕНЦИИ.

Раздел 22.

Изучение человеческой души, как психология, имеет своим предметом весь поток сознательной жизни и своей целью открытие возникновения и связи законов человеческого мышления. Теперь, независимо от того, подразумевают ли эти отношения согласованность объектов мышления или нет, пока логика имеет дело с законами, по которым мысли должны быть соотнесены, чтобы достичь объективно достоверного знания, все вопросы, касающиеся формального аспекта мышления, не входят в область психологического исследования. Общая психологическая задача состоит в том, чтобы описывать

действительные психические события, как они происходят, анализировать их на их простейшие элементы, и поскольку нас интересует именно это чисто прагматическое применение психологии к проблеме умозаключения, мы должны иметь дело только с тем законом, который определяет сочетание образов, и с вопросом, как дух достигает этого сочетания. Материальный аспект этого вопроса, таким образом, является психологическим. Юридическая важность проблемы заключается в том, что часто строятся умозаключения и теории, которые формально или логически абсолютно свободны от ошибок, но психологически полны ошибок, которые не может исправить никакая логика. Поэтому мы должны рассмотреть по крайней мере самые важные условия, которые определяют способ наших умозаключений.

Право, которым обладают юристы, изучать эти вопросы, в той мере, в какой они лежат в нашей области, является современным установлением. По мнению Хиллебранда^[126], теория познания сегодня распалась на отдельные теории, связанные с определенными потребностями специальных областей знания. Место эпистомологов, которые являются профессионалами и выходят за рамки отдельных дисциплин, теперь занимают представители этих дисциплин, и каждый работает непосредственно над своей собственной эпистомологической проблемой. Наша особая проблема, как и в других дисциплинах, заключается в том, чтобы делать выводы из представленного нам или собранного нашими усилиями материала. Если мы ставим перед собой задачу определить порядок действий при пересмотре основополагающих принципов нашей работы и проверке их полезности, мы просто спрашиваем, является ли этот процесс добровольным или подчиняется фиксированному закону; и, прояснив этот момент, мы спрашиваем, какое влияние оказывают на ситуацию психологические условия. Действительно, говорят, что мышление - это врожденная способность, которой нельзя научиться по правилам. Но проблема не в том, чтобы научить инфернера думать; проблема в том, чтобы проанализировать, какие умозаключения были сделаны другим человеком и какое значение его умозаключения могут иметь для наших собственных выводов. И наше время, которое дерзнуло отдать окончательное заключение даже по самым важным уголовным делам в руки непрофессионалов, в этот раз вдвойне обязано, по крайней мере, подготовить все возможные средства контроля для этой работы, измерить то, что в итоге принимается в качестве доказательства, с помощью самых лучших инструментов и представить присяжным только то, что было доказано и многократно исследовано.

Может показаться, что задача, которую суд присяжных ставит перед судьей, не совсем понятна. Судья, который считает, что выполнил ее, когда представил присяжным максимально возможную массу показаний, более или менее изученных, и видит, как люди, которые, возможно, впервые в жизни участвуют в суде, которые, возможно, впервые видят преступника и в этих обстоятельствах являются вершителями судеб человека, - судья, который видит все это и удовлетворен, не эффективен в своей работе. Сегодня, как никогда, судья должен психологически проверить все доказательства, пересмотреть то, что ясно только на первый взгляд, заполнить пробелы и преодолеть трудности, прежде чем он позволит материалу, собранному за несколько часов, перейти в руки присяжных". По мнению Хиллебранда, многое, что кажется "самоочевидным", оказывается зависимым от определенного опыта, приобретенного в процессе сотен повторений в повседневной жизни; само впечатление самоочевидности часто создается случайным инстинктом в отношении того, что должно считаться истинным. Юм уже показал, как самые сложные и абстрактные понятия выводятся из ощущений. Их связь должна быть изучена, и только когда мы сможем объяснить каждый психический процесс, с которым нам приходится иметь дело, наш долг будет выполнен должным образом.

Раздел 23. (2) Доказательство.

Миттермайер^[127] считает, что "в качестве средства свидетельства в юридическом смысле этого термина должны быть исследованы все возможные источники, которые могут быть достаточными для судьи в соответствии с законом. И только на основе такого исследования может быть достигнута необходимая определенность, из которой судья должен исходить как из установленных фактов, имеющих отношение к его суждению". Только фраза "согласно закону" нуждается в пояснении, поскольку "источник" оснований и уверенности должен удовлетворять требованиям закона не только формально, но и выдерживать все возможные проверки, будь то косвенные или логико-психологические. Если, например, основополагающими источниками должно быть сочетание (1) судебного осмотра помещения (*lokalaugenschein*), (2) показаний свидетелей и (3) частичного признания, то требования закона будут удовлетворены, если протокол (1) будет составлен или составлен по установленной форме, если достаточное число надлежащим образом вызванных свидетелей единодушно подтвердит рассматриваемый момент и если, наконец, признание будет сделано и оформлено в соответствии с законом. Однако, несмотря на соблюдение закона, не только заключение может быть полностью ложным, но и каждая отдельная часть доказательств может быть совершенно бесполезной, без присутствия где-либо намеренной неправды. Личный допрос мог быть проведен судьей, который половину времени, по каким-то достаточно веским причинам, имел иное представление о деле, чем то, которое впоследствии оказалось истинным. Не обязательно, чтобы к этому примешивались ложные сведения о свидетелях, неправильные наблюдения или другие ошибки. Должна была быть только предпосылка, принятая в начале экспертизы, когда происходил осмотр помещений, относительно видимого состояния вещей; и это могло бы дать кажущееся оправдание сомнительному материалу и сделать его понятным, только чтобы впоследствии показать его ложность. Так называемая "местная экспертиза", однако, обычно считается "объективной". Предполагается, что она имеет дело только с косвенными событиями, и никому не приходит в голову изменять и модифицировать ее, когда точно известно, что в другой момент ситуация приняла совершенно иную форму. Объективность локальной экспертизы просто отсутствует, и если бы она была действительно объективной, то есть содержала лишь сухое описание с таким-то и таким-то количеством обозначений расстояний и других цифр, она была бы бесполезна. Любая локальная экспертиза, чтобы быть полезной, должна давать точное представление о психическом процессе того, кто ее делал. С одной стороны, она должна наглядно представить читателю, даже судье, выносящему приговор, ситуацию; с другой стороны, она должна показать, что думал и представлял себе эксперт, чтобы читатель, у которого могут быть другие мнения, имел возможность внести коррективы. Если у меня, например, сложилось впечатление, что пожар произошел по неосторожности и что кто-то из-за этого погиб, и если я проводил осмотр местности с учетом этого предположения, то описание, конечно, будет отличаться от того, которое было сделано при знании, что пожар был преднамеренным и направленным на убийство. На суде описание местных условий будет зачитано и приобщено к делу как важное свидетельство. Оно удовлетворяет закону, если сделано по форме, имеет правильное содержание и прочитано, как предписано. Но для нашей совести и по правде эта рукопись может быть правильной только тогда, когда она логически и психологически представлена переработанной в соответствии с той точкой зрения, которую имел бы ее автор, если бы владел всеми фактами, имеющимися в распоряжении читателя. Эта работа по реконструкции относится к самым трудным из наших психологических задач, но она должна быть выполнена, если мы не хотим идти дальше поверхностно и без зазрения совести.

Суждения и интерпретация показаний свидетелей, (2), требуют аналогичного отношения. Я буду юридически прав, если основываю свое суждение на показаниях свидетелей (при условии, что их достаточно и они должным образом вызваны в суд), если против их показаний не выдвигается ничего внушительного, если они не противоречат друг другу, и особенно если нет противоречий в показаниях какого-либо одного человека. Это внутреннее противоречие встречается довольно часто, и о невнимательности, с которой, как правило, читаются протоколы, о скудости логической и психологической проверки показаний наглядно свидетельствует тот факт, что внутренние противоречия не замечаются и не отрабатываются чаще. В доказательство этого рассмотрим несколько случаев, которые обычно рассказывают как экстравагантные анекдоты. Допустим, человеку приснилось, что ему отрубили голову, и этот сон так на него подействовал, что он умер от апоплексии - и не все спрашивают, как этот сон был обнаружен. Точно так же люди с отвращением слышат, что кто-то, потеряв руку, в отчаянии отрубил себе вторую руку топором, чтобы легче было получить помощь, и все же не спрашивают "как". Или когда кого-то спрашивают, знает ли он романс "Император Иосиф и прекрасная дочь железнодорожного связиста", ему не приходит в голову анахронизм названия, и никто не задумывается о невозможности яркого описания человека, который ходит взад-вперед, заложив руки за спину, и читает газету.

Многие свидетельские показания содержат аналогичные, если не столь полные противоречия. Если им верят, несмотря на это, то глупого верующего можно обвинить, но в глазах закона он оправдан, если были соблюдены вышеупомянутые юридические условия. Отсюда и пугающе частый результат: "Правдивы ли показания свидетеля, это дело его собственной совести; в конце концов, его могут арестовать за лжесвидетельство, но он сделал свои заявления, и я сужу соответственно". Подобное заявление означает следующее: "Я прикрываюсь законом, мне позволено судить в таком-то случае таким-то образом, и никто не может меня обвинить". Но правильно утверждать, что в таких случаях доказательств на самом деле нет, есть только форма доказательств. Собственно доказательной она может быть только тогда, когда показания проверяются логически и психологически, и выясняется способность и готовность свидетеля говорить правду. Конечно, верно, как говорит Миттермайер, что высказывания свидетелей проверяются их согласованностью с другими свидетельствами, но это не единственная и не самая действенная проверка, поскольку всегда есть более важная внутренняя проверка, во-первых; а во-вторых, она не является окончательной, поскольку сравнение может выявить только несоответствие, но не может установить, какое из противоречащих утверждений является правильным. Правильность может быть установлена только путем проверки отдельных заявлений, готовности и способности каждого свидетеля, как самих по себе, так и в связи со всем представленным материалом.

Возьмем теперь третье условие нашего предположительного дела, а именно частичное признание. Как правило, само собой разумеется, что ценность последнего должна оцениваться в соответствии с его собственной природой. Признание должно быть принято как средство доказательства, а не как доказательство, и это требует, чтобы оно согласовывалось с остальными доказательствами, ибо только так оно может стать доказательством. Но крайне важно, чтобы признание прошло внутреннюю проверку, то есть было исследовано на логическую и психологическую непротиворечивость. Эта процедура особенно необходима в отношении некоторых определенных признаний.

(a) Признания, сделанные без мотива.

(b) Частичные признания.

(с) Признания, подразумевающие вину другого.

(а) Логика, по мнению Шила[128], является наукой о доказательствах - не о поиске доказательств, а о придании доказательствам доказательной силы. Это особенно верно в отношении признаний, если мы заменим психологию логикой. В целом верно, что многие утверждения имеют силу только до тех пор, пока в них не сомневаются, и так обстоит дело со многими признаниями. Преступление признано; тот, кто в нем признается, всегда преступник, и никто в этом не сомневается, поэтому признание остается в силе. Но как только возникает сомнение, обоснованное или необоснованное, вопрос принимает совсем другую форму. Признание сначала служило доказательством, но теперь только психологическая экспертиза покажет, может ли оно продолжать служить доказательством.

Самым надежным основанием для истинности признания в любом случае является установление четкого мотива для него, а он редко присутствует. Конечно, мотив не всегда отсутствует, потому что мы не сразу его распознаем, но недостаточно предположить, что признание не происходит без причины. Это предположение было бы примерно верным, но оно не обязательно должно быть верным. Для того чтобы признание служило доказательством, мотив должен быть ясным и неопровержимым. Доказательства его существования недостаточно; мы должны понимать признание с точки зрения всех факторов, которые его вызвали. Процесс выявления этих факторов чисто логический и, как правило, устанавливается косвенно, с помощью апологии. По сути, это доказательство через отрицание, но оно может служить в связи с дизъюнктивным суждением, объединяющим возможные альтернативы, в качестве средства подтверждения. Итак, мы должны собрать воедино все мыслимые мотивы и изучить исповедь в их отношении. Если все или большинство из них окажутся невозможными или недостаточными, нам останется только судить об одном или нескольких выводах, а с этим у нас возникает по сути психологическая проблема. Такая проблема редко бывает простой и легкой, а поскольку в ней нет возможности противоречия, то и опасность легкомысленного отношения к делу не так уж велика. "Что подтверждается, то наполовину доказано". Это удобное утверждение, которое приводит к значительным ошибкам. Признание только тогда истинно, когда оно истолковано психологически, когда вся внутренняя жизнь исповедующегося и его внешние условия приведены в связь с ним, а остальные мотивы установлены, по крайней мере, как возможные. И это необходимо сделать, чтобы избежать упрека в бездоказательном осуждении какого-либо исповедника, ибо признание, не имеющее мотивов, может быть неправдивым, а значит, и не доказательным.

(b) *Частичные признания* трудны не только потому, что они затрудняют доказательство того, в чем не признаются, но и потому, что то, в чем признаются, кажется сомнительным в свете того, в чем не признаются. Даже в самых простых случаях, когда причина признания и молчания кажется ясной, возможны ошибки. Если, например, вор признается, что украл только то, что было найдено у него, но отрицает все остальное, вполне вероятно, что он надеется получить какую-то выгоду от доказательств, в которых, как кажется, нет того, что он украл то, что не было найдено у него. Но хотя это, как правило, так, может случиться, что вор хочет взять на себя вину другого человека, и поэтому, естественно, может признаться только в том, в чем его обвиняют, поскольку в остальной части преступления у него либо недостаточно доказательств, либо вообще нет доказательств его вины.

Еще одна достаточно ясная причина для частичного признания, проявляющаяся в признании определенной степени злого умысла, как отрицание намерения убить. Если это делает человек, который, как можно предположить, знает правовую ситуацию, либо в силу предыдущего опыта, либо по другим причинам, есть достаточно оснований сомневаться в

честности его признания. Большинство подобных дел относится к тому многочисленному классу, в котором обвиняемый признается в ряде фактов или нескольких вещах и отрицает несколько из них без видимых причин; он может признаться в дюжине предметов, использованных при нападении, и просто отказаться обсуждать два, возможно, совершенно незначительных. Если такое дело выносится на суд полного состава, половина судей говорит, что раз он украл двенадцать, то должен был взять и два других, а другая половина - что раз он признался в двенадцати, то признался бы и в двух других, если бы взял их. В общем, обе стороны правы; одно умозаключение столь же обоснованно, как и другое. Как правило, такие дела не требуют длительного изучения, поскольку вопрос о том, украл ли А. двенадцать или четырнадцать предметов, мало влияет ни на его вину, ни на приговор. Но следует помнить, что никогда не бывает безразлично, признает ли человек себя виновным или нет, а впоследствии, особенно в другом случае, может оказаться совсем наоборот, безразлично, осудят ли его из-за вопроса, безразличного сегодня. Предположим, что кража была совершена из ничего не стоящей, но характерной вещи, например, старого молитвенника. Если теперь вора снова подозревают в ограблении, которое он отрицает, и кража опять-таки старого молитвенника, то с точки зрения доказательства не безразлично, осудили ли его за кражу молитвенника или нет. Если он был осужден, то уже будут сделаны замечания о "некоторой страсти к старым молитвенникам", и человек будет подозреваться во второй краже.

Что касается владения крадеными вещами, то такой приговор может иметь аналогичное значение. Мне вспоминается случай, когда несколько человек были осуждены за кражу так называемого фокоса (венгерской трости с головкой, похожей на топор). Позже фокос был использован в убийстве в том же районе, и первое подозрение в преступлении пало на вора, который, возможно, из-за своего раннего преступления, владел фокосом. Если бы этот человек признался в краже всего, кроме фокоса, и на основании этого признания был бы осужден, то этот факт имел бы далеко идущее значение в данном случае. Разумеется, не предполагается, что старое дело будет рассматриваться заново перед новым. По прошествии времени это было бы трудно сделать, и, кроме того, это было бы бесполезно, так как все равно все помнят старый приговор и полагают, что обстоятельства должны были быть такими, чтобы доказать виновность человека. Если человека однажды осудили за то, в чем он не признался, клеймо остается, как бы факты ни противоречили ему.

Опыт показывает, что жертвы краж считают украденным все, что не обнаруживают с первого взгляда. А ведь оно могло пропасть задолго до кражи или быть украдено в более раннее или позднее время. По этой причине часто случается, что слуги и даже дети в доме или другие посетители используют ограбление как возможность объяснить исчезновение вещей, за которые они отвечают, или кражу заново и свалить все на "вора". Кроме того, количество украденного обычно преувеличивается, чтобы вызвать всеобщее сочувствие и, возможно, призвать на помощь. В общем, мы должны признать, что нет никаких психологических причин для того, чтобы исповедующийся отрицал то, признание в чем не может принести ему дополнительного вреда. К последнему пункту следует отнестись внимательно, поскольку он требует позиции обвиняемого, а не эксперта. Именно информация и точка зрения первого должны быть изучены, а она часто содержит самые извращенные точки зрения; например, один человек отрицает из простого упрямства, потому что считает, что его вина увеличивается благодаря тому или иному факту. Предложение: кто украл одну вещь, тот украл и все остальные, имеет мало оснований.

(с) Если отрицающий товарищ по преступлению обвиняется на основании признания, то толкование последнего становится затруднительным. Прежде всего, необходимо выявить

чистое ядро признания и отбросить все, что может освободить исповедующегося и вовлечь другого в вину. Эта часть работы сравнительно легка, поскольку зависит от обстоятельств преступления. Сложнее определить, какую степень преступления придал себе исповедник, обвинив также другого человека, потому что ясности в этом случае можно достичь, только проработав ситуацию от начала до конца в двух направлениях: во-первых, изучив ее без ссылки на товарища по преступлению, во-вторых, с такой ссылкой. Полное исключение дополнительного обстоятельства чрезвычайно хлопотно, поскольку требует полного контроля над материалом и потому, что психологически всегда трудно так исключить уже известное событие в его развитии и выведении, чтобы иметь возможность сформулировать теорию совершенно без его упоминания.

Если это действительно достигнуто и в самообвинении установлен какой-то положительный факт, то возникает вопрос о том, какую ценность видит исповедующийся в обвинении себя вместе со своим товарищем. Мечь, ненависть, ревность, зависть, гнев, подозрительность и другие страсти будут теми силами, в которых эта ценность будет найдена. Один человек подставляет под удар своего древнего товарища в отместку за несправедливость последнего в дележе добычи или в умышленном гневе за совершение опасной глупости при ограблении. Опять же, часто случается, что он или она из-за ревности обвиняет ее или его, чтобы другой тоже был заключен в тюрьму и не стал нелояльным. Деловая ревность, опять же, имеет такое же влияние, как и попытка помешать другому распорядиться спрятанной добычей или самому совершить ограбление, запланированное в партнерстве. Эти мотивы не всегда легко обнаружить, но они вполне возможны. Бывают также случаи, совсем не редкие, когда обычный человек полностью лишен понимания "заместительной стоимости", что заставляет его признаться в соучастии своему товарищу. Я приведу лишь один пример, и, поскольку людей, о которых идет речь, уже давно нет в живых, в порядке исключения упомяну их имена и неправдоподобность их историй. В 1879 году старик Блазиус Керн был найден утром полностью занесенным снегом и с серьезной раной на голове. Подозрения в ограблении как мотиве убийства не было, так как мужчина, как обычно, возвращался домой пьяным, и предполагалось, что он упал и разбил себе череп. В 1881 году молодой человек, Петер Сейфрид, явился в суд и заявил, что его наняли дочь Блазиуса Керна, Юлия Хаук, и ее муж Август Хаук, чтобы убить старика, который стал невыносим из-за своей любви к выпивке и бесконечных ссор; и, соответственно, он это сделал. Ему пообещали старую пару брюк и три гульдена, но дали брюки, а не деньги, и поскольку все его попытки получить плату не увенчались успехом, он разгласил тайну Хауков. Когда я спросил его, не знает ли он, что сам подпадает под действие закона, он ответил: "Мне все равно; другие, по крайней мере, тоже будут наказаны; почему же они не сдержали своего слова". Этот парень был очень глуп и микроцефаличен, но, по мнению медиков-юристов, способен различать добро и зло. Его утверждения оказались верными до последней точки.

Столь слабыми, с точки зрения фундаментальной надежности, покажутся лишь немногие признания, но причин для признаний, которые трудно как найти, так и оценить, действительно много. Единственный способ достичь уверенности - это полное и всестороннее знание всех внешних условий, но прежде всего - глубокое психологическое понимание характера как исповедующегося, так и тех, кого он обвиняет. Очевидно, что первое гораздо важнее: что скрывается под поверхностью, каковы его способности, страсти, намерения и цели - все это должно быть выяснено, если мы хотим принять решение о том, какую пользу приносит человеку обвинение других. Например, страстный характер некоторых людей может с несомненностью указывать на то, что они находят удовольствие в страданиях при условии, что за эту цену они могут причинить страдания другим. Страсть - это почти всегда то, что движет людьми, и то, какая именно страсть лежит в основе признания,

будет выявлено отчасти преступлением, отчасти отношением преступников друг к другу, отчасти личностью новой жертвы. Если эта страсть была достаточно сильна, чтобы действовать, если можно так выразиться, антиэгоистически, то обнаружить ее можно только через изучение ее обладателя. Можно предположить, что каждый действует в соответствии со своей выгодой - вопрос лишь в том, какова эта выгода в конкретном случае и стремится ли тот, кто ее ищет, к ней благоразумно. Даже удовлетворение от мести может считаться преимуществом, если оно более приятно, чем боль, которая следует за признанием, - вопрос относительного веса, и его разумно искать как замену немедленного и незначительного преимущества более поздним и большим.

Другая серия процедур важна для определения доказательств, когда отрицаются обстоятельства, не имеющие существенного отношения к преступлению. Они уводят представление доказательств в сторону, так что основная проблема доказательств остается позади. Тогда, если отрицаемое обстоятельство установлено как факт, ошибочно предполагается, что так установлена и вина. И в этом направлении часто совершается множество ошибок. Можно привести два наглядных примера. Несколько лет назад в Вене жила очень красивая холостячка, продавец в очень респектабельном магазине. Однажды ее нашли мертвой в своей комнате. Поскольку судебное расследование показало острое отравление мышьяком, а на ее столе был найден стакан, наполовину наполненный подслащенной водой, и значительное количество мелко истолченного мышьяка, эти два состояния, естественно, были соотнесены. От соседей стало известно, что умершая девушка некоторое время состояла в интимной связи с неизвестным джентльменом, который часто посещал ее, но присутствие которого оба держали в тайне. Этот джентльмен, как утверждалось, звонил девушке вечером накануне ее смерти. Полиция предположила, что это был очень богатый торговец, проживающий в довольно отдаленном регионе, который мирно жил со своей гораздо более старшей женой и поэтому держал в тайне свои незаконные отношения с девушкой. Далее при вскрытии было установлено, что девушка была беременна, поэтому возникла версия, что купец отравил свою любовницу, и на экспертизе это деяние было вменено ему в вину. Если бы мужчина сразу признался, что знал умершую девушку, был с ней в близких отношениях и что он звонил ей в последний вечер; если бы он, возможно, утверждал, что она была в отчаянии из-за своего состояния, поссорилась с ним и говорила о самоубийстве и т. д., то вердиктом безоговорочно должно было бы стать самоубийство. В любом случае его нельзя было бы обвинить, поскольку не было никаких дополнительных доказательств отравления. Но мужчина задумал отрицать, что знал погибшую девушку, имел с ней какие-либо отношения или что когда-либо, даже в тот последний вечер, звонил ей. Он сделал это, очевидно, потому, что не хотел признаваться в преступных связях перед общественным мнением, особенно перед своей женой. И весь вопрос упирался в это отрицаемое обстоятельство. Проблема доказательств теперь заключалась не в том, убил ли он ее, а в том, имел ли он с ней интимные отношения. Тогда с помощью длинного ряда свидетелей было доказано, вне всяких сомнений, что его визиты к девушке были частыми, что он был там в вечер перед ее смертью и что не могло быть никаких сомнений в его личности. Это решило его судьбу, и он был приговорен к смерти. Если рассматривать дело с психологической точки зрения, то следует признать, что его отрицание своего присутствия могло быть мотивировано как тем, что он отравил девушку, так и тем, что он не хотел признавать эту связь вначале. Позже, когда он полностью осознал всю серьезность своего положения, смена фронта показалась ему слишком смелой, и он надеялся, что, придерживаясь своей версии, сможет добиться большего. Теперь, как мы видели, был доказан лишь тот факт, что он знал и посещал девушку, а осужден он был за убийство девушки.

Аналогичный случай, особенно поучительный в своем развитии и особенно интересный благодаря значительным исследованиям (о внушаемости свидетелей) д-ра фон Шренк-Нотцинга и профессора Граши, несколько лет назад привел в волнение весь Мюнхен. Вдова, ее взрослая дочь и старый слуга были задушены и ограблены в своем доме. Подозрение в преступлении пало на каменщика, который однажды уже давал признательные показания по поводу другого убийства и о котором было известно, что за некоторое время до совершения преступления он строил кладовку в доме трех убитых женщин. Путем различных комбинаций фактов было выдвинуто предположение, что каменщик проник в дом под предлогом проверки, не причинила ли работа по строительству шкафа какого-либо ущерба, и затем совершил воровское убийство. И опять же, если бы каменщик сказал: "Да, я был без работы, хотел найти работу, вошел в дом под указанным предлогом, явился осмотреть шкаф и сам заплатил за кажущуюся починку, оставил трех женщин невредимыми, и только после этого они должны были быть убиты", - если бы он сказал это, его осуждение было бы невозможно, так как все остальные показания имели второстепенное значение. Теперь предположим, что человек был невиновен, что он мог подумать: "Меня уже однажды допрашивали по делу об убийстве, я оказался в затруднительном финансовом положении, я и сейчас в таком положении - если я признаюсь, что был на месте преступления в то время, когда оно было совершено, у меня возникнут серьезные неприятности, которых не будет, если я буду отрицать свое присутствие". Итак, он действительно отрицал, что некоторое время находился в доме или на улице, и поскольку многие свидетели показали, что это неправда, его присутствие на месте совершения преступления было отождествлено с недоказанным фактом его совершения, и он был осужден.

Я не утверждаю, что тот или иной человек был осужден без вины, или что такие "побочные вопросы" не имеют ценности и не должны быть доказаны. Я лишь указываю на то, что необходимо проявлять осторожность в двух направлениях. Во-первых, эти побочные вопросы не должны отождествляться с главным вопросом. Их демонстрация - это лишь подготовительная работа, ценность которой должна быть установлена осторожно и без предубеждений. Можно сказать, что чувство удовлетворения от сделанного часто заставляет юристов забывать о том, что еще предстоит сделать, или недооценивать это. Кроме того, психологическая экспертиза должна выявить мотивы, которые заставили или могли заставить обвиняемого отрицать некоторые моменты, не представляющие для него особой опасности. В большинстве случаев можно найти разумные основания для такого поступка, и если психологически предшествующие условия продуманы достаточно узко, чтобы удержать нас от принятия безусловной вины, мы, по крайней мере, призываем быть осторожными.

Эта любопытная опасность отождествления различных вопросов как цели представления доказательств встречается гораздо чаще и в сравнительно большей степени в случаях с отдельными свидетелями, которые убеждены в главном вопросе, когда доказан побочный вопрос. Предположим, свидетель должен опознать человека, который ударил его ножом во время серьезного нападения, а также объяснить, имела ли значение ссора, которая произошла у него с этим человеком некоторое время назад. Если подозреваемый хочет, чтобы ссора выглядела безобидной, а раненый утверждает, что ссора была серьезной, то в тот момент, когда его утверждение можно считать верным, он будет убежден, что его противник действительно был тем человеком, который ударил его ножом. Безусловно, такое предположение имеет определенное логическое обоснование, но психологическая сложность заключается в том, что в данном случае, как и во многих других, происходит

отождествление предполагаемого с воспринимаемым. Именно по этой причине сам факт ареста для большинства людей является убеждением в виновности. Свидетель, который сначала определил А только как вероятного преступника, становится абсолютно убежденным в этом, когда А предстает перед ним в полосах, даже если он знает, что А был арестован только на основании его собственных показаний. Внешний вид и окружение заключенного настраивают многих, и не только необразованных людей, против него, и они невольно думают: "Если бы это был не он, его бы здесь не держали".

Раздел 24. (b) Причина.[129]

Если мы понимаем под термином "причина" аксиому о том, что каждое изменение имеет причину, следовательно, каждое событие связано с рядом условий, которые при полном или частичном отсутствии препятствуют появлению события, в то время как их наличие вынуждает его появиться, то все дело криминалиста заключается в изучении причин. Он должен изучать не только то, находятся ли преступление и преступник в причинной связи и каким образом, но и то, как их отдельные элементы связаны друг с другом и с преступником; и, наконец, какая причинная связь в преступнике, рассматриваемая с учетом его индивидуальных особенностей, неизбежно привела к совершению преступления. Тот факт, что мы имеем дело с проблемой причинности, сближает нас с другими науками, которые ставят перед собой ту же задачу в своих исследованиях; и это одна из причин необходимой заинтересованности криминалиста в других дисциплинах. Конечно, ни один серьезный криминалист не может заниматься другими исследованиями ради них самих, у него нет времени; но он должен смотреть вокруг себя и изучать методы, используемые в других науках. В других науках мы изучаем метод, но не как метод, и это все, что нам нужно. И мы замечаем, что вся проблема метода основана на причинности. Эмпирически или априорно - неважно. Нас интересует исключительно причинность.

В некоторых направлениях наша задача соседствует с задачей историков, которые стремятся привести людей и события в определенную причинно-следственную последовательность. Причинный закон, несомненно, является идеальным и единственно поучительным инструментом в задаче написания убедительной истории, и также несомненно, что тот же самый метод особенно необходим в представлении доказательств. Таким образом: "Вот причинно-следственная цепь, последним звеном которой является преступление, совершенное А. Теперь я представляю факт преступления и включаю только те события, которые могут быть связаны исключительно с преступлением А. И преступление предстает как совершенное. Теперь я снова представляю факт преступления и исключаю все те события, которые без исключения могут быть включены только в том случае, если А не преступник, - и преступления нет".[130]

Очевидно, что поиск причин включает в себя, в зависимости от сложности случая, различное количество подчиненных задач, которые должны быть решены для каждого конкретного инцидента, поскольку каждое подозрение, каждое утверждение "за" или "против" должно быть проверено. Работа большая, но это единственный путь к абсолютному и безусловному успеху, при условии, что в работе по соотнесению событий не будет ошибок. Как говорит Шелл: "Из всех наблюдаемых тождеств следствий в природных явлениях только одно имеет полную силу математического закона - общий закон причинности. Тот факт, что у всего, что имеет начало, есть причина, так же стар, как и человеческий опыт". Применение этого положения к нашей проблеме показывает, что, убедившись в том, что каждое явление имеет свою причину, мы не должны сворачивать в ненужное русло. Напротив, мы должны продемонстрировать этот повод и привести его в связь с каждой проблемой, поставленной свидетельством в любой момент. В большинстве случаев задача, хотя и не разделенная

жестко, является двойной, и ее качество зависит от того, был ли преступник известен с самого начала или нет. Двойственность наиболее велика и длится дольше всего, если известно только само деяние и если судья должен полностью ограничиться только его изучением, чтобы вывести из него объективную ситуацию.

Самые большие ошибки в судебном процессе происходят тогда, когда это выведение объективной ситуации преступления сделано неинтеллигентно, поспешно или небрежно, и, наоборот, самые большие успехи связаны с его правильным представлением. Но такое правильное выведение - это не более чем тщательное использование принципа причинности. Предположим, было совершено большое преступление, а личность преступника не раскрывается характером преступления. Ошибка, которую обычно совершают в таких случаях, заключается в немедленном и поверхностном поиске личности преступника вместо того, что должно быть правильным продолжением - изучение причинных условий преступления. Ведь причинный закон не говорит, что все происходящее, взятое в целом и в его элементах, имеет одно основание - это было бы просто категорической пустотой. На самом деле требуется действенная и удовлетворяющая причина. И она требуется не только для поступка в целом, но и для каждой его детали. Когда причины будут найдены для всех этих деталей, их необходимо свести воедино и соотнести с описанным преступлением, а затем интегрировать со всей чередой событий.

Вторая часть работы посвящена подозрению определенного лица, когда его собственная деятельность интерполируется как причина преступления. При некоторых условиях опять же необходимо исследовать влияние преступления на преступника - обогащение, деформация, эмоциональное состояние и т.д. Но доказательство вины устанавливается только тогда, когда преступление точно и определенно описано как неизбежный результат деятельности преступника и только его деятельности. Эта систематическая работа по наблюдению и соотнесению каждого мгновения предполагаемой деятельности обвиняемого (после того как ситуация преступления определена настолько точно, насколько это возможно), настолько же поучительна, насколько и перспективна для успеха. Это единственное занятие, которое позволяет нам соприкоснуться с голым восприятием и его воспроизведением. "Все умозаключения в отношении фактов зависят от связи причины со следствием; только в силу этой связи мы можем полагаться на свидетельства нашей памяти и наших чувств".^[131] Юм иллюстрирует это замечание следующим примером: Если на необитаемом острове находят часы или какой-либо другой механизм, то делается вывод, что на острове есть или были люди. Применить это достаточно легко. Присутствие часов, наличие треугольной раны воспринимается органами чувств - то, что люди там были, то, что рана была сделана определенным инструментом, является причинно-следственным выводом. Как бы ни было просто это предложение Юма, оно имеет огромное значение в юриспруденции из-за постоянных и постоянно возобновляющихся проблем: Что является следствием в *данном* случае? Что является причиной? Принадлежат ли они друг другу? Помнить, что эти вопросы составляют наши величайшие задачи, и ставить их, даже за гранью отвращения, уберечет нас от серьезных ошибок.

Есть еще одно важное условие, на которое обращает внимание Юм и которое интерпретирует его умный ученик Мейнонг. Речь идет о том, что без помощи предшествующего опыта никакая причинная связь не может быть отнесена к наблюдению, и ее наличие не может быть обнаружено в отдельных случаях. Ее можно только постулировать. Причина - это, по сути, комплекс, в котором каждый элемент имеет одинаковое значение. И это обстоятельство сложнее, чем кажется на первый взгляд, поскольку требуется размышление, чтобы определить, было ли сделано только одно или несколько наблюдений.

Только строгий самоконтроль, точное перечисление и наблюдение позволят правильно решить, было ли сделано одно или десять наблюдений, не является ли понятие дополнительных наблюдений вообще иллюзорным.

Эта задача связана с рядом важных обстоятельств. Прежде всего, необходимо учитывать то, как человек на улице представляет себе причинно-следственную связь между различными объектами. Понятие причинности, как показывает Шварц^[132], по сути, чуждо человеку с улицы. Он руководствуется в основном аналогией природной причинности с человеческой активностью и пассивностью, например, огонь активен по отношению к воде, которая просто должна пассивно шипеть. Это замечание, безусловно, верно и значимо, но я думаю, что Шварц ошибается, когда ограничивает свое описание обычными людьми; это справедливо и для очень сложных натур. Можно предположить, что внешние явления будут оцениваться по аналогии с самим собой, и поскольку последнее часто кажется исключительно активным, то предполагается, что те природные явления, которые кажутся особенно активными, действительно таковы.

Кроме того, многие объекты внешнего мира, с которыми мы имеем дело и которые, следовательно, важны, на самом деле кажутся активными - солнце, свет, тепло, холод, погода и т. д., так что мы распределяем активность и пассивность только в зависимости от того, какое значение эти объекты имеют для нас. Следствием этого является то, что мы не замечаем чередования активности и пассивности, или просто не изучаем их, а между тем правильное распределение действия и реакции имеет для нас огромное значение. В этом отношении, кроме того, всегда остается пустая проблема, могут ли две вещи находиться в причинно-следственной связи, - пустая, потому что ответ всегда положительный. Научная и практическая проблема состоит в том, существует ли реальная причинная связь. Такое же отношение имеет место и в проблеме взаимных влияний. Никто не скажет, например, что какое-либо событие оказывает взаимное влияние на солнце, но за исключением таких относительно редких случаев можно предположить не только то, что А является причиной эффекта В, но и то, что В могло взаимно повлиять на А. Учет этой возможности может уберечь от многих ошибок.

Один из важных источников ошибок в отношении причины и следствия кроется в общем и глубоком предположении, что причина должна иметь определенное сходство со следствием. Так, Овидий, по словам Дж. С. Милля, заставляет Медею варить бульон из долгоживущих животных; да и народные суеверия полны подобных доктрин. Легкое долговязой лисицы используется как лекарство от астмы, тысячелистник - от желтухи, агарикос - от мозолей, аристолохия (плод которой имеет форму матки) - от болей при родах, а крапивный чай - от крапивницы. Этот ряд может быть добровольно увеличен, когда речь идет о святых покровителях католической церкви, которые выбираются в качестве защитников от какого-то особого состояния или какой-то конкретной трудности, потому что в свое время они были как-то связаны с этим конкретным вопросом. Так, святая Одилия является покровительницей глазных болезней не потому, что она знала, как лечить глаза, а потому, что ее глаза были выколоты иглами. Разбойник Дисмас - покровитель умирающих, потому что мы ничего не знаем о нем, кроме того, что он умер с Христом. Святая Варвара, изображенная вместе с башней, в которой она была заключена и которая должна была быть пороховым погребом, стала покровительницей артиллерии. Точно так же Святой Николай, по мнению Симрока, является покровителем моряков, потому что его имя напоминает Nichus, Nicor, Nicker - имя незабвенного древнегерманского морского божества.

Против таких сочетаний, внешних и необоснованных, не застрахован даже самый образованный и умелый человек. Никто не будет сомневаться, что из-за подсознательного влияния подобных сходств ему приходится прилагать значительные усилия в своей каузальной интерпретации. В целом это было бы не так опасно, потому что подобные ошибки можно легко исправить и обратить внимание людей на неадекватность такой причинно-следственной связи - но причина такого рода корреляций редко обнаруживается. Либо люди не хотят говорить об этом, потому что инстинктивно чувствуют, что их каузальная интерпретация не может быть оправдана, либо они не могут даже высказать ее, потому что каузальная связь была принята только подсознательно, и они не знают причин ее возникновения и тем более убеждены в своей правоте. Так, например, один интеллигентный человек сказал мне, что подозревает другого в убийстве, потому что мать последнего умерла насильственной смертью. Свидетель придерживался своего утверждения: "Человек, который когда-то имел отношение к убийству, должен был иметь отношение к этому убийству". Аналогичным образом целая деревня обвинила человека в поджоге, потому что он родился в ночь, когда сгорела соседняя деревня. Здесь, однако, не было никаких дополнительных аргументов в пользу того, что его мать впитала в себя влияние огня, поскольку последней сообщили о пожаре только после рождения ребенка. "Он когда-то имел отношение к огню", - таково было основание для вынесения приговора и в этом случае.

Можно привести бесчисленное множество подобных примеров, которые при наличии большого количества привычных суеверных предпосылок создают лишь ложную причинность. Жемчужины означают слезы, потому что они имеют сходную форму; так как кукушка не может без цели иметь только два звонка в одно время и десять или двадцать в другое, звонки должны означать количество лет до смерти, до брака, или определенную сумму денег, или любую другую счетную вещь. Подобные представления настолько прочно укоренились в крестьянстве и в каждом из нас, что сознательно или бессознательно они выходят на поверхность и оказывают на нас большее влияние, чем мы привыкли считать. Всякий раз, когда кто-либо уверяет нас, что он может абсолютно утверждать, хотя и не доказывать что-либо, эта уверенность может быть по-разному обоснована, но не редко это не более чем одна из этих ложных корреляций. Шопенгауэр сказал, что "мотивация - это причинность, увиденная изнутри", и можно добавить, что причинность - это мотивация, увиденная извне. То, что утверждается, должно быть мотивировано, а это делается с помощью причинности - если не найдена настоящая конечная причина, то принимается ложная, поверхностная и недостаточная, поскольку мы всегда стремимся связать вещи причинно, зная, что в противном случае мир будет перевернут. "Повсюду, - говорит Стрикер, - мы узнаем, что люди, которые не связывают свой опыт в соответствии с правильными причинами, плохо приспособлены к окружающей среде; картины художников не нравятся, работа рабочего не приносит успеха; торговец теряет свои деньги, а генерал - свое сражение". И мы можем добавить: "Криминалист - свое дело". Ибо тот, кто ищет причину проигранного дела, непременно найдет ее в незнании реального факта и в неправильном сопряжении причины и следствия. Самое трудное в таком сопоставлении не то, что его нужно проверять в соответствии с тем представлением, которое человек имеет о цепи событий; трудность заключается в том, что нужно принять точку зрения и умственные привычки человека, который подозревается в следствии. Без этого причинно-следственные связи, к которым пришел другой, никогда не могут быть достигнуты, или, скорее всего, будут получены другие результаты.

Частота ошибок, подобных только что упомянутому, хорошо известна. Они влияют на историю. Даже Ларошфуко придерживался мнения, что великие и великолепные деяния, которые государственные деятели преподносят как результат далеко идущих планов, как

правило, являются лишь результатом склонности и страсти. Это мнение касается и задачи юриста, ведь юрист почти всегда пытается обнаружить движущий, великий и единый план каждого преступления и, чтобы поддержать такое представление, предпочитает довести до совершенства большую и сложную теоретическую конструкцию, нежели предположить, что плана никогда не было, а все преступление возникло в результате случайности, склонности и внезапного импульса. Самыми легкими жертвами в этом отношении становятся самые логичные и систематичные юристы; они просто предполагают: "Я бы этого не сделал" и забывают, что преступник вовсе не был таким логичным и систематичным, что он даже не работал по плану, а просто следовал блуждающим импульсам.

Более того, человек мог правильно определить причинно-следственные связи, но при этом многое упустить, или, наконец, добровольно остановиться на каком-то этапе своей работы, или завести причинно-следственную цепочку неоправданно далеко. Эту возможность особенно ясно показал Дж. С. Милль, показав, что непосредственно предшествующее условие никогда не принимается за причину. Когда мы бросаем камень в воду, мы называем причиной его потопления силу тяжести, а не тот факт, что он был брошен в воду. Так и в случае, когда человек падает с лестницы и ломает ногу, в рассказе о падении закон гравитации не упоминается; он принимается как должное. Когда дело обстоит не так однозначно, как в предыдущих примерах, подобные факты часто становятся причиной серьезных недоразумений. В первом случае, когда не упоминается непосредственно предшествующее условие, виновата неточность выражения, поскольку мы видим, что, по крайней мере в научной форме, действенной причиной всегда является непосредственно предшествующее условие. Так, врач говорит: "Причиной смерти явилась закупорка мозга вследствие давления, возникшего в результате экстравазации крови". И только во второй строке он указывает, что последнее событие произошло в результате удара по голове. Аналогичным образом физик говорит, что доска спружинила из-за неравномерного натяжения волокон; и лишь позже добавляет, что это произошло от тепла, которое опять же является следствием прямого солнечного света, падавшего на доску. Теперь неспециалист в обоих случаях опускает непосредственные причины и сказал бы в первом случае: "Человек умер, потому что его били по голове", а во втором: "Доска спружинила, потому что лежала на солнце". Таким образом, мы должны согласиться с удивительным фактом, что непрофессионал пропускает больше посредников, чем профессионал, но только потому, что он либо не знает, либо игнорирует промежуточные условия. Следовательно, он также подвергается большей опасности совершить ошибку из-за упущения.

Поскольку речь идет только о нехватке правильного знания непосредственных причин, мы оставим в стороне тот факт, что юристы сами совершают такие ошибки, которых можно избежать только путем тщательной самоподготовки и внимательного отношения к собственным мыслям. Но в то же время мы должны признать, насколько важен этот вопрос, когда мы получаем длинные ряды умозаключений от свидетелей, которые высказывают только первую и последнюю дедукцию. Если мы не исследуем промежуточные звенья и их обоснование, то заслуживаем того, чтобы услышать экстравагантные вещи и, что еще хуже, сделать их, как мы это делаем, основой для дальнейших умозаключений. И как только это будет сделано, никто не сможет обнаружить, где кроется ошибка.

Если же умозаключение снова опускается как самоочевидное (например, в случае с гравитацией при падении с лестницы), то источник ошибки и трудности кроется в том, что, с одной стороны, не все так самоочевидно, как кажется; с другой стороны, два человека редко понимают под "самоочевидным" одно и то же, так что то, что является самоочевидным для одного, далеко не так для другого. Это различие становится особенно очевидным, когда

юрист рассматривает профессиональных людей, которые могут представить себе то, что ни в коем случае не является самоочевидным для людей из других слоев общества. Я могу привести пример из собственного опыта: физику Больцману, одному из самых выдающихся математиков, однажды сказали, что его демонстрации недостаточно подробны, чтобы быть понятными для его класса непрофессионалов, и слушатели не могут его понять. В результате он тщательно вычислял простейшие дополнения или интерполяции на доске, но в то же время интегрировал их и т. д. в своей голове, на что способны очень немногие люди на земле. Этому гению было просто не под силу сделать то, что не под силу простым смертным.

В малой степени это проявляется в каждом втором уголовном деле. Достаточно заменить профессионалов, которые выступают в качестве свидетелей. Допустим, показания дает охотник. Он не укажет группу взаимосвязей, а в отношении вещей, которые связаны с его ремеслом, сделает вывод одним прыжком. Тогда мы попадаем в роковой круг: свидетель полагает, что мы можем следить за ним и его выводами и в состоянии обратить его внимание на любую существенную ошибку, а мы, с другой стороны, полагаемся на его профессиональные знания, соглашаемся с его скачкообразными умозаключениями и принимаем его выводы как действительные, не зная и не имея возможности их проверить.

Понятие "специалист" или "профессионал" должно применяться в таких случаях не только к особым специалистам в каком-то конкретном ремесле, но и к людям, обладающим чисто случайно какой-либо формой специальных знаний, например, знанием места, в котором произошел тот или иной случай. Люди, обладающие такими знаниями, представляют многие вещи как самоочевидные, которые не могут быть таковыми для людей, не обладающих этими знаниями. Так, крестьяне, которых спрашивают о какой-нибудь дороге в хорошо известной им стране, отвечают, что она "прямая и не проехать", даже если дорога может десять раз повернуть направо и налево.

Человеческие оценки надежны только тогда, когда они проверяются и пересматриваются в каждый момент времени; сложные умозаключения таковы только тогда, когда умозаключение за умозаключением проверяются, каждое само по себе. Поэтому юристы неизбежно должны следовать правилу, требующему объяснения каждого шага в умозаключении - такое требование, по крайней мере, сузит границы ошибки.

Задача была бы намного проще, если бы нам посчастливилось иметь возможность помочь себе экспериментами. Как говорит Бернард^[133], "существует абсолютный детерминизм в условиях существования природных явлений, как в живых, так и в неживых телах. Если условие любого явления признано и выполнено, то оно должно произойти в любой момент, когда этого пожелает экспериментатор". Но такое определение может быть сделано юристами только в редких случаях, и сегодня криминалист, который может проверить экспериментально общеутверждаемое обстоятельство, подтвержденное свидетелями, обвиняемыми или экспертами, является редким специалистом. В большинстве случаев нам приходится полагаться на наш опыт, который часто ставит нас в затруднительное положение, если мы не можем тщательно его проверить. Даже общий закон причинности, согласно которому каждое следствие имеет свою причину, формулируется, как отмечает Юм, лишь по привычке. Важное открытие Юма о том, что мы не наблюдаем причинности во внешнем мире, демонстрирует лишь сложность интерпретации причинности. Слабость его доктрины заключается в утверждении, что знание причинности может быть получено по привычке, поскольку мы воспринимаем связь сходных образов, а понимание, благодаря привычке, выводит появление одного из них из появления другого. Эти утверждения великого мыслителя, безусловно, верны, но он не знал, как их обосновать. Юм учит следующей доктрине:

Утверждение о том, что причины и следствия познаются не умом, а опытом, легко принять, если мы подумаем о таких вещах, с которыми, как мы можем вспомнить, мы когда-то были совершенно незнакомы. Предположим, мы дадим человеку, не имеющему представления о физике, две гладкие мраморные плиты. Он никогда не обнаружит, что, положенные одна на другую, они с трудом отделяются друг от друга. Здесь легко заметить, что такие свойства могут быть открыты только на опыте. Ни у кого, опять же, нет желания обманывать себя, полагая, что сила горения пороха или притяжение магнита могли быть открыты априори. Но эта истина, похоже, не имеет такой же силы в отношении таких процессов, которые мы наблюдаем практически с момента возникновения дыхания. В отношении них предполагается, что понимание, благодаря своей собственной активности, без помощи опыта может обнаружить причинно-следственные связи. Предполагается, что любой человек, внезапно попавший в этот мир, сможет сразу же сделать вывод, что бильярдный шар передаст свое движение другому при помощи толчка.

Но то, что это невозможно вывести a priori, доказывает тот факт, что упругость не является внешне узнаваемым качеством, так что мы действительно можем сказать, что, возможно, ни один эффект не может быть узан, если его не испытать хотя бы раз. Нельзя априори утверждать, что контакт с водой делает человека мокрым, или что предмет реагирует на силу тяжести, когда его держат в руке, или что держать палец в огне больно. Эти факты должны быть сначала испытаны нами или каким-то другим человеком. Каждая причина, утверждает Юм, отличается от своего следствия и, следовательно, не может быть найдена в последнем, а всякое открытие или представление о ней a priori должно оставаться добровольным. Все, что может сделать разум, - это упростить фундаментальные причины природных явлений и вывести отдельные следствия из нескольких общих источников, да и то лишь с помощью аналогии, опыта и наблюдения.

Но что же тогда означает доверие к чужим умозаклучениям и что в рассказе другого человека свободно от умозаклучений? Такое доверие означает убежденность в том, что другой провел верную аналогию, правильно использовал опыт и наблюдал за событиями без предубеждения. Предполагать можно многое, и тот, кто возьмет на себя труд проверить, каким бы простым и коротким ни было заявление свидетеля относительно аналогии, опыта и наблюдения, в конце концов с ужасом поймет, насколько слепо ему доверяют. Тот, кто верит в априорное знание, легко справится с этой задачей: "Человек воспринял это своим разумом и воспроизвел; против правильности его понимания не может быть возражений; следовательно, на все можно положиться именно так, как он об этом свидетельствовал". Но тот, кто верит в более неудобную, но, по крайней мере, более добросовестную скептическую доктрину, имеет, как минимум, некоторые справедливые основания считать себя способным доверять интеллекту свидетеля. Однако и он не избавлен от необходимости проверять правильность аналогий, опыта и наблюдений свидетеля.

Априоризм и скептицизм определяют большую разницу в отношении к свидетелю. И скептик, и априорист должны проверить желание свидетеля лгать, но только скептик должен проверить способность свидетеля говорить правду и его понимание, достаточное для правильного воспроизведения; внимательно изучить его бесчисленные умозаклучения по аналогии, опыту и наблюдениям. То, что прав может быть только скептик, знает каждый, кто хоть раз замечал, как по-разному люди относятся к аналогиям, как сильно отличается опыт одного человека, как в его наблюдении, так и в интерпретации. Четко разграничить эти различия - главная задача нашего исследования.

Для этого необходимо учитывать два условия. Первое - это строгое различие между тем, что связано с причинно-следственной связью, и случайными сопутствующими явлениями, -

различие, в отношении которого опыт так часто вводит в заблуждение, поскольку два явления могут происходить вместе в одно и то же время, не будучи причинно-следственно связанными. Когда человеку девяносто лет и он каждую неделю своей жизни наблюдает, что в его части страны каждый вторник неизменно идет дождь, это наблюдение богато и часто проверяется, однако никому не придет в голову причинно связывать вторник и дождь - но только потому, что такая связь будет считаться в целом глупостью. Если, однако, вещь может быть отнесена к случайности с небольшими трудностями, тогда становится легче предположить причинную связь; например, когда дождь идет в день Всех Душ или в новолуние. Если случайный характер связи еще менее очевиден, наблюдение становится метеорологическим законом, которому доверяют и который энергично защищают. Такое случается во всех возможных областях, и не только нашим свидетелям, но и нам самим часто бывает очень трудно отличить причину от случайности. Единственное полезное правило, которому можно следовать, - это предполагать случайность везде, где она не исключена неопровержимо и с первого раза, и тщательно исследовать проблему на предмет причинно-следственной связи, которую она может обнаружить. "Все, что объединяется в любом восприятии, должно быть объединено в соответствии с общим правилом, но многое другое может присутствовать, не имея никакой причинной связи".

Второе важное условие отметил Шопенгауэр:^[134] "Как только мы приписали каузальную силу любому большому влиянию и тем самым признали его действительность, то его усиление перед лицом любого сопротивления в соответствии с интенсивностью этого сопротивления приведет в конце концов к соответствующему эффекту. Кто не может быть подкуплен десятью долларами, но колеблется, тот будет подкуплен двадцатью пятью или пятьюдесятью".

Этот простой пример можно обобщить в золотое правило для адвокатов, которое требует от них проверять воздействие любой силы на обвиняемого в более ранний период его жизни или в других случаях, т. е. ранняя жизнь последнего никогда не может быть изучена с достаточной тщательностью. Это исследование имеет особое значение, когда речь идет об определении виновности обвиняемого в совершении определенного преступления. В этом случае необходимо выяснить, был ли у него мотив, о котором идет речь, или могло ли преступление представлять для него интерес. В этом расследовании проблема необходимой интенсивности рассматриваемого влияния пока не рассматривается; необходимо установить лишь его наличие. То, что оно могло исчезнуть без какой-либо очевидной особой причины, не допускается, поскольку склонности, качества и страсти редко пропадают; они не должны становиться очевидными, пока отсутствуют возможность и стимул, их можно в какой-то степени подавлять, но они проявляются, как только появляются двадцать пять или пятьдесят долларов Шопенгауэра. Проблема наиболее сложна, когда она требует преобразования некоторых связанных свойств, например, когда речь идет о том, чтобы заподозрить человека в склонности к убийству, а все, что можно показать в его прошлой жизни, - это жестокое обращение с животными. Или, опять же, когда нужно показать жестокость, а все, что установлено, - это большая чувственность. Или когда нет никаких сомнений в жестокости, а проблема состоит в том, чтобы предположить сильную жадность. Эти вопросы обращения не представляют особой сложности, но когда необходимо объяснить, к чему могут привести такие качества, как утонченный эгоизм, декларируемая зависть, ненормальное желание почестей, преувеличенное тщеславие и большая праздность, проблема требует большой осторожности и интенсивного изучения.

Раздел 25. (с) Скептицизм.

Скептицизм Юма непосредственно связан с темой предыдущей главы, но все же заслуживает нескольких слов. Хотя отношение к философскому скептицизму не является задачей юриста, его работа существенно облегчается при изучении доктрин Юма.

Согласно им, все, что мы знаем и выводим, в той мере, в какой это не математика, вытекает из опыта, и наше убеждение в этом и наши рассуждения об этом, средства, с помощью которых мы переходим границы чувственного восприятия, зависят от ощущений, памяти и умозаключений из причинности. Наше знание о связи причины и следствия также вытекает из опыта, а доктрина, применяемая к работе криминалиста, может быть сформулирована следующим образом: "Все, что мы принимаем за истину, является не интеллектуальным выводом, а эмпирическим предложением". Другими словами, наши предпосылки и инференциальные знания зависят только от тех бесчисленных повторений событий, на основании которых мы постулируем, что событие повторилось в данном месте. Это ставит перед нами проблему определения того, действительно ли аналогичные случаи, с которыми мы сравниваем данный, похожи и известны ли они в достаточно большом количестве, чтобы исключить все остальное.

Рассмотрим простой пример. Предположим, что некто, объехавший всю Европу, но никогда не видевший и не слышавший негров, задумался о пигментации человеческих существ: ни все его размышления, ни помощь всех возможных научных средств не могут привести его к выводу, что существуют и черные люди - этот факт он может только обнаружить, но не выдумать. Если он полагается только на опыт, то из миллионов примеров, которые он наблюдал, он должен сделать вывод, что все люди - белые. Его ошибка заключается в том, что огромное количество людей, которых он видел, принадлежат к жителям одной зоны, а за жителями других регионов он *не наблюдал*.

В наших собственных случаях нам не нужны примеры, поскольку я не знаю ни одного умозаключения, которое не было бы сделано следующим образом: "Так было в ста случаях, так должно быть и в этом". Мы редко спрашиваем, достаточно ли мы знаем примеров, правильные ли они и исчерпывающие ли они. Не будет ошибкой утверждать, что юристы делают это более или менее осознанно, полагая, что у нас есть огромная коллекция наводящих априорных умозаключений, которые человеческий разум собирал вместе на протяжении тысячелетий, и поэтому считает их неоспоримо определенными. Если мы признаем, что все эти предпосылки являются соединениями опыта и что каждый опыт может в конце концов показать себя обманчивым и ложным; если мы признаем, что фактический прогресс человеческого знания состоит в добавлении ста новых опытов к тысяче старых, и если мы признаем, что многие из новых опытов противоречат старым: если мы признаем следствие, что нет никаких причин для математического вывода от первого до сто первого случая, мы будем делать меньше ошибок и причинять меньше вреда. В этом отношении Хьюм[135] очень поучителен.

По словам Масарика,[136] основополагающая доктрина юмовского скептицизма заключается в следующем: "Если я часто испытывал один и тот же опыт, т.е. если я видел восход солнца 100 раз, я ожидаю, что на следующий день он взойдет в 101-й раз, но у меня нет ни гарантии, ни уверенности, ни доказательств для этой веры. Опыт смотрит только в прошлое, но не в будущее. Как же я могу обнаружить 101-й восход солнца среди 100 первых восходов? Опыт открывает во мне привычку ожидать сходных эффектов от сходных обстоятельств, но интеллект не имеет никакого отношения к этому ожиданию".

Все науки, основанные на опыте, неопределенны и не имеют логического обоснования, хотя их результаты в целом и в массе своей предсказуемы. Только математика предлагает уверенность и доказательства. Поэтому, по мнению Юма, науки, основанные на опыте, небезопасны, так как признание причинно-следственной связи зависит от фактов опыта, и мы можем достичь определенного знания о фактах опыта только на основании очевидной связи причины и следствия.

Против этой точки зрения впервые выступил Рид, который попытался доказать, что у нас есть четкое понятие необходимой связи. Он признает, что это понятие не достигается напрямую ни из внешнего, ни из внутреннего опыта, но утверждает его ясность и определенность, несмотря этот факт. Наш разум способен создавать свои собственные понятия, и одним из таких понятий является понятие необходимой связи. Кант идет дальше и говорит, что Юм не осознал всех последствий своего анализа, ведь понятие причинности - не единственное, которое понимает и использует для априорного представления связи объектов. И, следовательно, Кант определяет психологически и логически целую систему подобных понятий. Его "Критика чистого разума" исторически и логически задумана как опровержение скептицизма Юма. Она призвана показать, что не только метафизика и естествознание имеют в своей основе "синтетические априорные суждения", но и математика покоится на том же фундаменте.

Как бы то ни было, наша задача - обнаружить применение скептицизма Юма к нашим собственным проблемам на каком-нибудь наглядном примере. Предположим, что существует дюжина случаев, когда люди росли от 120 до 140 лет. Эти случаи имеют место среди бесчисленных миллионов случаев, когда такой возраст не был достигнут. Если признать эту небольшую долю, то она оправдывает постулат о том, что никто на земле не может достичь 150 лет. Но теперь известно, что англичанин Томас Парр дожил до 152 лет, а его соотечественнику Дженкинсу, согласно неопровержимым доказательствам Королевского общества, было не менее 157 лет (согласно его портрету на медной гравюре, ему было 169 лет). Но поскольку это самое большее, что было научно доказано, я с полным основанием могу сказать, что никто не может дожить до 200 лет. Тем не менее, поскольку есть люди, достигшие возраста 180-190 лет, никто не станет утверждать, что дожить до такого возраста абсолютно невозможно. Имена и истории этих людей записаны, и их существование устраняет большую причину против такой возможности.

Таким образом, мы имеем дело только с большими или меньшими возможностями и соглашаемся с идеей Гумиана о том, что при схожих условиях частота возникновения подразумевает повторение в следующем случае. Противоположные доказательства могут быть получены из нескольких так называемых явлений чередования. Например, хорошо известно, что в так называемой Малой лотерее число, которое долгое время не выпадало, в конце концов обязательно выпадает. Если среди 90 чисел долгое время не выпадало число 27, то его появление становится все более вероятным с каждым последующим розыгрышем. Все так называемые математические комбинации игроков зависят от этого опыта, который, если обобщить, можно сформулировать так: чем чаще происходит какое-либо событие (например, невыпадение числа 27), тем меньше вероятность его повторения (то есть вероятность того, что 27 будет вытянуто, возрастает) - и это кажется противоположным положению Юма.

Сначала можно сказать, что пример должен быть представлен в другой форме, то есть следующим образом: Если я знаю, что в мешке лежат шарики, цвет которых мне неизвестен, и если я вытягиваю их один за другим и всегда обнаруживаю, что вытянутый мною шарик белый, то вероятность того, что в мешке лежат только белые шарики, возрастает с каждым

новым вытягиванием, в результате которого обнаруживается белый шарик. Если в мешочке 100 шариков, а вытянуто 99, никто не предположит, что последний окажется красным - ведь повторение любого события увеличивает вероятность его наступления.

Эта формулировка ничего не доказывает, поскольку другой пример не противоречит тому, который он призван заменить. Объяснение скорее следующее: В первом случае задействована норма равных возможностей, и если мы применим юмианский принцип увеличения вероятности через повторение, то найдем его эффективным для объяснения примера. До сих пор мы всегда знали, что числа в Маленькой лотерее выпадают одинаково и с приблизительной регулярностью, то есть ни одно из чисел не выпадает непропорционально долго. А поскольку этот факт неизменен, можно предположить, что каждое отдельное число будет появляться со сравнительной регулярностью. Но такое объяснение не согласуется с доктриной Юма.

Доктрина проясняет даже удивительные статистические чудеса. Например, мы знаем, что каждый год в определенном регионе происходит большое количество самоубийств, переломов рук и ног, нападений, неразобранных писем и т. д. Обнаружив, что число самоубийств в определенном полугодии значительно меньше, чем в том же полугодии другого года, мы предположим, что в следующем полугодии произойдет сравнительно большее число самоубийств, так что их число за весь год станет примерно одинаковым. Предположим, мы скажем: "В январе, феврале, марте, апреле, мае и июне в среднем произошло x случаев. Так как мы наблюдали, что среднее значение произошло шесть раз, мы делаем вывод, что в другие месяцы этого не произойдет, а вместо этого в эти месяцы произойдет $x+y$ случаев, поскольку в противном случае среднегодовое число не будет достигнуто". Это было бы ошибочным абстрагированием принципа равного распределения от общего закона Гумиана, поскольку закон Гумиана, примененный к данному случаю, показывает: "В течение длительного ряда лет мы наблюдали, что в этом регионе ежегодно происходит столько-то и столько-то самоубийств; поэтому мы заключаем, что и в этом году произойдет аналогичное количество самоубийств".

Таким образом, принцип равного распределения представляет собой подчиненное правило, которое нельзя отделять от главного закона. Он действительно действует в отношении самых простых событий. Когда я решаю пройтись по хорошо знакомой мне улице X и вспоминаю, воскресенье это или будний день, который сейчас час и какая погода, я совершенно точно знаю, как будет выглядеть улица с точки зрения людей, которые могут там встретиться, хотя многие из них выбрали это время случайно и могли бы с таким же успехом пройти по другой улице. Если бы хоть раз на улице оказалось больше людей, я бы сразу спросил себя, что за необычное событие произошло.

Один из моих двоюродных братьев, у которого было много свободного времени, в течение нескольких месяцев с помощью своего товарища подсчитывал количество лошадей, которые ежедневно в течение двух часов проходили мимо кафе, в котором они часто бывали. Добросовестный и контролируемый подсчет показал, что каждый день на каждые четыре лошади приходилась одна гнедая. Если же в какой-то день в течение первого часа приходило несоизмеримо большее количество коричневых, черных и рыжих лошадей, счетчики были вынуждены сделать вывод, что в следующие 60 минут должны прийти лошади другого цвета и что для восстановления нарушенного равновесия должно появиться большее количество гнедых. Такое умозаключение не противоречит предложению Гумиана. В конце серии обследований счетчики были вынуждены сказать: "В течение стольких дней мы насчитали по одному гнедому на каждые четыре лошади; поэтому мы должны предположить, что на следующий день сохранится такое же соотношение".

Так и юрист, хотя мы, юристы, не имеем никакого отношения к цифрам, должен предположить, что он ничего не знает априори и должен строить свои умозаключения исключительно на основе опыта. И, следовательно, мы должны согласиться с тем, что наши предпосылки для таких умозаключений неопределенны, часто подвергаются пересмотру и при применении к новым фактам могут привести к серьезным ошибкам, особенно если количество опытов, из которых выводится следующий момент, слишком мало; или если упущено неизвестное, но очень важное условие.

Эти факты следует тщательно учитывать при рассмотрении показаний экспертов. Не показывая себя подозрительными и не желая запутать профессионала в его собственной работе, мы должны учитывать, что прогресс знаний заключается в сборе примеров, и то, что могло быть нормальным в 100 случаях, ни в коем случае не должно быть таковым, когда речь идет о 1000 случаях. Вчера норма могла быть без исключений; сегодня исключения отмечены, а завтра исключение стало правилом.

Следовательно, правила, не имеющие исключений, становятся все более редкими, и там, где обнаруживается хоть одно исключение, правило уже не может считаться нормативным. Так, до открытия Новой Голландии считалось, что все лебеди белые, а все млекопитающие не способны откладывать яйца; теперь мы знаем, что есть черные лебеди и что утконос откладывает яйца. Кто бы осмелился утверждать до открытия рентгеновских лучей, что свет может проникать через дерево, и кто, тем более, осмелился бы делать обобщения в отношении великих изобретений нашего времени, которые впоследствии не были опровергнуты фактами? Возможно, не за горами то время, когда можно будет выдвигать великие, надежные и неоспоримые принципы, но в настоящее время принято остерегаться обобщений, даже считать признаком научной проницательности, когда составление общезначимых предложений производится с большой осторожностью. В этом отношении великие врачи нашего времени являются прекрасным примером. Они заявляют: "Вызвано ли явление А явлением Б, мы не знаем, но никто еще не видел случая А, в котором нельзя было бы доказать первенство Б". Наши эксперты должны придерживаться такой же позиции в большинстве случаев. Это может быть более неудобным для нас, но, безусловно, более безопасным; ведь если они не придерживаются такой позиции, мы обязаны предполагать в наших выводах, что они ее придерживаются. Только таким образом, защищаясь от общих правил, не имеющих исключений, мы можем безопасно продолжать нашу работу.

Это становится особенно важным в тех случаях, когда, полагая, что мы открыли некое общепринятое правило, мы вынуждены делать выводы без помощи экспертов. Как часто мы полагались на наше понимание и наш "правильный" априорный метод умозаключений, когда это был всего лишь опыт, - и такой плохой опыт! Мы, юристы, еще не довели нашу науку до такого уровня, чтобы иметь возможность использовать опыт наших товарищей в работе с материалом, который они изучили и определили в письменном виде. Мы много потрудились над изложением какой-нибудь юридической трудности, над определением какого-нибудь судебного понятия, но мы получили мало наставлений и преданий относительно человечества и его страстей. Поэтому каждый должен полагаться на свой собственный опыт, который, как предполагается, быть значительным, если он насчитывает несколько лет и в некоторой степени дополняется опытом других. В этом отношении нет неоспоримых правил; каждый должен сказать себе: "Я, возможно, никогда не сталкивался с этим фактом, но может быть, что тысяча других людей видели его, и видели его тысячей разных способов. Как же тогда и откуда у меня право исключать все исключения?"

Мы никогда не должны забывать, что любое правило рассыпается, когда неизвестен хоть один элемент ситуации, а это случается очень легко и часто. Предположим, что я, не имея

полного представления о природе воды, подошел на твердой земле к краю какого-нибудь тихого, спокойного водоема. Когда теперь я предположу: вода имеет тело, у нее есть определенная плотность, она имеет консистенцию, вес и т. д., я также предположу, что могу продолжать ходить по ее поверхности так же, как по поверхности земли, - и это просто потому, что я не знаю ее текучести и удельного веса". Либман^[137] резюмирует ситуацию следующим образом. Причинная связь, экзистенциальная и объективная связь между молнией и громом, выстрелом порохом и взрывом, совершенно отлична от логической связи, то есть простой концептуальной связи между антецедентом и следствием в дедукции. Это составляет хорошо известное ядро юмианского скептицизма. Мы должны четко помнить, что никогда не можем знать с уверенностью, обладаем ли мы всеми определяющими факторами какого-либо явления, и поэтому должны придерживаться единственного незыблемого правила: *будьте осторожны, устанавливая правила, не допускающие исключений*. Остается обсудить еще одно возражение - математическое исключение из юмианского скептицизма. Можно утверждать, что, поскольку наука о справедливости во многих отношениях тесно связана с математикой, она может допускать априорные предложения. Уже Лейбниц говорил: "Математики считают с помощью чисел, юристы - с помощью идей, - в сущности, и те и другие делают одно и то же". Если бы эти отношения были действительно столь близки, общий скептицизм в отношении феноменальных наук не мог бы быть применен к юридическим дисциплинам. Но сегодня мы имеем дело не только с понятиями, и, несмотря на все препятствия, время Лейбница прошло, и реалии нашей профессии, более того, ее важнейший объект, сам человек, составляют неотъемлемую часть наших исследований. И можно еще раз задаться вопросом, действительно ли математика так свободна от скептицизма. Работы Гаусса, Лобачевского, Больиа, Ламберта заставляют ответить на этот вопрос отрицательно.

Давайте хоть раз рассмотрим, какое значение имеют математические постулаты. Когда Пифагор открыл свой постулат таким образом, что сначала начертил прямоугольный треугольник, затем построил квадрат на каждой из сторон и, наконец, измерил площадь каждого и сравнил их, он, должно быть, сначала подумал, что это тоже может быть просто случайностью. Если бы он проделал это построение 10 или 100 раз с разными треугольниками и результат был бы всегда одинаковым, только тогда он мог бы с полным основанием сказать, что, по-видимому, открыл теорему. Но тогда его процесс был столь же глубоко эмпирическим, как и у ученого, который утверждает, что ни одна птица никогда не рождала живых птенцов и что, следовательно, все птицы несут яйца.

Но Пифагор не действовал таким опытным путем при открытии своей теоремы. Он строил и считал, и при этом исходил из постулатов: "Если это прямоугольный треугольник, а это квадрат, то так", - и именно так поступают в любой науке. Общие постулаты таковы: "Если отношения остаются такими же, как раньше, то луна должна взойти завтра в такое-то и такое-то время". "Если этот шаг в дедукции не является ложным, если он хорошо обоснован в этой точке, если он действительно относится к x , то он следует....". В своих процедурах криминалист поступает точно так же. Он должен скептически относиться к постулатам, из которых он исходит.

Раздел 26. (d) Эмпирический метод в изучении случаев.

Чтобы завершить наше обсуждение юмианского скептицизма, необходимо сказать несколько слов об эмпирическом методе в науках. Чисто эмпирическими мы будем называть те законы, которые при изучении природы приводят к закономерностям, подтверждаемым наблюдением и экспериментом, но на которые практически не опираются в случаях, значительно отличающихся от наблюдаемых. Это делается потому, что не видно причин для

существования таких законов. Эмпирическое правило, таким образом, не является окончательным законом, но способно объяснить, особенно если оно верно, например, наследование определенного состояния погоды по определенным метеорологическим признакам, улучшение видов путем скрещивания, тот факт, что некоторые сплавы тверже, чем их компоненты, и так далее. Или, если взять примеры из нашей области, юриспруденция может утверждать в качестве эмпирического закона, что убийца - это преступник, оставшийся безнаказанным за свои прежние преступления; что все азартные игроки обнаруживают столь значительное сходство; что преступник, испачкавший руки кровью в каком-нибудь жестоком преступлении, имел обыкновение вытирать их о нижнюю сторону стола; что самый хитрый человек после совершения тяжкого преступления обычно совершает какую-нибудь грубую глупость, что упрощает его раскрытие; что похоть и жестокость находятся в определенной связи; что суеверие играет большую роль в преступлении и т. д.

Установление таких чисто эмпирических законов в нашей науке, которая мало занималась подобными вопросами, имеет огромное значение, так как из-за скудости исследований большинства из них мы нуждаемся в этих законах. Мы знаем приблизительно, что то-то и то-то обнаруживалось так-то и так-то, но мы не приводили в порядок и не изучали систематически случаи, лежащие перед нами, и мы не смеем называть это знание естественным законом, потому что не подвергали его никакой индуктивной процедуре. "Отнесение любого факта, обнаруженного опытом, к общим законам или правилам мы называем индукцией. Она включает в себя как наблюдение, так и дедукцию". Опять же, ее можно определить как "обобщение или универсализацию нашего опыта; вывод о том, что явление, повторяющееся x раз, будет неизменно происходить, если основные обстоятельства остаются идентичными". Самые первые исследователи начинали с простейших умозаключений - что огонь горит, что вода течет вниз, - так что постоянно открывались новые, простые истины. Это и есть тип научной индукции, и она требует дополнения - уверенности и точности".[138]

Все вышесказанное могло бы быть написано специально для нас, юристов, но мы должны помнить, что в своих обобщениях мы не выходили за рамки "огонь горит, вода течет вниз". И такие предложения мы заимствовали только из других дисциплин. Тех, что вытекают из нашей, очень мало, и чтобы получить больше, нам предстоит пройти еще очень долгий путь. Более того, законы опыта ни в коем случае не являются столь определенными, как это принято считать, даже если они математически обоснованы. Эмпирически установлено, что сумма трех углов треугольника равна двум прямым углам. И тем не менее никому, с тех пор как была изобретена наука геодезии, не удалось обнаружить 180 градусов в любом треугольнике. Теперь, когда даже такие вещи, которые с юности считались достоверными, оказываются вовсе не верными или верными только теоретически, насколько осторожнее мы должны делать выводы из гораздо менее определенных правил, даже если нам уже удавалось использовать их во многих аналогичных случаях? Деятельность криминалиста слишком коротка, чтобы позволить ему испытать лишь малую часть возможностей жизни, а предложения из зарубежных источников очень редки. В других дисциплинах ситуация иная. "Наш опыт, - говорит Джеймс Салли,[139] - позволяет нам выразить ряд дополнительных убеждений. Мы можем предсказывать политические изменения и научные достижения, а также представлять себе географические условия на северном полюсе". Другие дисциплины вправе утверждать такие дополнительные положения, но вправе ли наша? Человек может годами иметь дело с ворами и мошенниками, но вправе ли он выводиться из индукций, сделанных на основе своего опыта, ситуацию первого убийцы, с которым он имеет дело? Прав ли он, перенося опыт общения с образованными людьми на случаи, где фигурируют

только крестьяне? Во всех этих случаях необходима большая осторожность и постоянное напоминание о необходимости быть очень внимательным, так как в нашей работе еще не хватает соответствующего материала. Кроме того, мы должны помнить, что индукция тесно связана с аналогией. По словам Липпса^[140], основание одного является основанием другого; они оба покоятся на одном и том же фундаменте. "Если я все еще сомневаюсь, может ли факт, от которого минуту назад я зависел как от достаточного условия для суждения, по-прежнему считаться таковым, то индукция неопределенна. Она неоправдана, когда я принимаю за достаточно достоверное то, что по сути дела не должно быть таковым". Если мы вспомним, как часто нас предостерегают от использования аналогии, как она прямо исключается при применении некоторых уголовных законов и как опасно использование любой аналогии, мы должны быть убеждены, что использование в наших случаях как индукции, так и аналогии всегда представляет угрозу. В то же время мы должны помнить, как много мы на самом деле используем и то, и другое; даже наши общие правила, например, относительно ложных показаний, - предвзятость, обратимость, особые склонности и т. д. - и наши доктрины относительно составления и не прямых показаний, даже наши правила относительно ценности свидетелей и признаний - все это зависит от индукции и аналогии. Мы используем их в каждом судебном процессе от случая к случаю. Однако средство, которое используется так часто и повсеместно, должно быть абсолютно надежным, или же с ним нужно обращаться очень осторожно. Поскольку это не первое, то с ним следует обращаться вторым способом.

Нам еще предстоит указать различные способы, которыми может быть использована индукция. Фик уже обратил внимание на поразительный вопрос, завершающий систему логики Милля: Почему во многих случаях для завершения индукции достаточно одного примера, в то время как в других случаях мириады единодушных примеров, не допускающих ни одного известного или предполагаемого исключения, делают лишь небольшой шаг к созданию общезначимого суждения?

Этот вопрос имеет огромное значение в уголовных делах, потому что в каждом конкретном процессе нелегко определить, имеем ли мы дело с ситуацией первого рода, когда один-единственный пример является доказательным, или с ситуацией второго рода, когда множество примеров не являются доказательными. От этой трудности зависят большие ошибки, особенно ошибки подмены первого вторым. В таких случаях мы довольствуемся несколькими примерами и считаем, что доказали дело, хотя ничего не было установлено.

Прежде всего мы должны понять, имеет ли смысл относить трудность вопроса к форме, в которой он поставлен, и сказать: Трудность вытекает из самого вопроса. Если спросить: "Является ли хоть один из тысячи шариков в мешке белым?", то вопрос будет решен по первой горсти, если последняя обнаружит хоть один белый шарик. Если же задача сформулирована так: Содержит ли мешок *только* белые шарики? то, хотя из сосуда уже могли быть извлечены 999 шариков, нельзя определить, что последний шарик из 1000 - белый. Точно так же, если утверждают, что форма вопроса определяет ответ, из этого не следует, что сама форма вопроса определяется или различается в зависимости от принадлежности объекта к первой или второй из названных выше категорий.

Безопасный способ различения состоит в том, чтобы называть первую форму вопроса положительной, а вторую - отрицательной. Положительный относится к единичному, отрицательный - к безграничному. Если я спрошу: "Есть ли в мешке белые шарики?", то, обнаружив один-единственный белый шарик, я отвечу утвердительно. Но если вопрос сформулирован следующим образом: "Есть ли в мешке *только* белые шарики?", то его форма будет положительной, а смысл - отрицательным. Чтобы привести форму вопроса в

соответствие с его смыслом, нужно было бы спросить: нет ли среди шариков в мешке других цветов, кроме белого? А поскольку негатив в данных обстоятельствах во многом безграничен, вопрос не допускает ответа до тех пор, пока не будет извлечен на свет последний шарик. Если общее число шариков неограниченно, то вопрос не может получить полного индуктивного ответа в математической форме; он может быть решен только приблизительно. И снова, если спросить: Существуют ли чисто синие птицы? ответ будет утвердительным, как только на свет появится хоть одна абсолютно синяя птица. Но если вопрос звучит следующим образом: Не существуют ли также полосатые птицы? Ответ невозможен до тех пор, пока не будет показана самая последняя птица на земле. Только таким образом можно исключить возможность того, что ни одна из наземных птиц не является полосатой. На самом деле нас устраивает гораздо менее полная индукция. Итак, мы говорим: Натуралисты обошли почти всю Землю, и ни один из них не сообщает, что наблюдал полосатую птицу; следовательно, ее нет даже в неисследованных частях Земли. Это индуктивное умозаключение, и его обоснование - совсем другой вопрос.

Вышеупомянутое различие можно сделать еще более ясным, если вместо того, чтобы обращаться к форме вопроса, мы будем изучать только ответ. Тогда нам придется сказать, что положительные утверждения обосновываются существованием единственного экземпляра, а отрицательные - только полным перечислением всех возможных экземпляров и никогда вообще, если экземпляры безграничны. То, что отрицательное доказательство всегда требует серии демонстраций, хорошо известно; единственное, в чем можно быть уверенным, так это в том, что проблема, достаточно ли одного примера или недостаточно миллиона, является лишь формой проблемы утвердительных и отрицательных утверждений.

Так, если я спрашиваю: "Крал ли А когда-нибудь что-нибудь?", достаточно записать одно суждение против него или привести одного свидетеля, чтобы установить, что А совершил кражу хотя бы раз в жизни. Если же нужно доказать, что человек никогда не совершал краж, необходимо проанализировать всю его жизнь, и доказать, что ни в один из ее моментов он не совершал краж. В таких случаях мы довольствуемся гораздо меньшим. Прежде всего, мы говорим: Мы не будем выяснять, не воровал ли этот человек. Мы просто посмотрим, не был ли он наказан за воровство. Но и здесь мы должны остерегаться и не допытываться у всех властей мира, а только у одной, которая, как мы полагаем, должна знать, был ли А наказан или нет. Если мы пойдем еще дальше, то скажем, что, поскольку мы не слышали ни от одного авторитета, что этот человек когда-либо был наказан за воровство, мы предполагаем, что он никогда не был наказан на этом основании; и поскольку мы не допросили никого, кто видел, как А воровал, мы предпочтительно предполагаем, что он никогда не воровал. Это то, что мы называем удовлетворительным доказательством, и с теми скудными средствами, которые есть в нашем распоряжении, его должно хватить.

В большинстве случаев нам приходится иметь дело со смешанными доказательствами, и часто становится привычным изменять решаемую проблему в зависимости от нашего удобства, или, по крайней мере, отбрасывать что-то одно. Предположим, что речь идет об обнаруженном, хорошо сохранившемся отпечатке ноги человека. Мы подозреваем кого-то и сравниваем подошву его ботинка с отпечатком. Они совпадают по длине и ширине, по количеству гвоздей и по всем другим возможным показателям, и мы утверждаем: это след подозреваемого, ибо "чей след?" - вот проблема, которую мы пытаемся решить. На самом же деле мы лишь показали, что конкретные соотношения длины, ширины, количества ногтей и т. д. совпадают, и поэтому считаем положительную часть доказательства достаточной и пренебрегаем всей сложной отрицательной частью, которая могла бы установить тот факт, что в то время и в том регионе, о котором идет речь, не было и не могло быть никого, чья нога

могла бы точно соответствовать этому конкретному впечатлению. Поэтому мы не доказали, а лишь рассчитали вероятность того, что в то время, возможно, не было другого человека с ботинком такой же длины, ширины и количества гвоздей. Вероятность, естественно, уменьшается по мере уменьшения количества деталей. Трудность заключается в том, чтобы определить, где такая вероятность, которая означает по меньшей мере предположение, больше не должна рассматриваться. Предположим, что ни гвозди, ни заплатки, ни другие явные расщепления не могут быть доказаны, а согласуются только длина и ширина. Если бы согласие расщепов действительно подтверждало доказательство, то оно должно было бы быть достаточным в качестве положительного доказательства; но, как уже было объяснено, доказываемое не то, о чем идет речь, а другое.

Отрицательная часть доказательства, естественно, будет развита с меньшей точностью. Доказательства сводятся к утверждению, что такая обувь, как указано в уликах, очень редко или никогда не носилась в этом регионе, также, что ни один местный житель не мог присутствовать, что форма ногтей позволяет предположить, что это кто-то из других регионов, один из которых может быть домом подозреваемого, и т.д. Такой анализ показывает, что то, что мы называем доказательствами, - это всего лишь вероятность или возможность.

Другая форма, которая, кажется, противоречит утверждению, что отрицательные предложения бесконечны, - это положительное доказательство в форме отрицания. Если мы дадим эксперту пятно для исследования и спросим его, является ли оно пятном крови, а он скажет нам: "Это не пятно крови", то это единственное научно установленное утверждение доказывает, что нам не нужно иметь дело с кровью, и, следовательно, "отрицательное" доказательство кажется приведенным в единственном случае. Но на самом деле мы имеем дело с фактически положительным доказательством, потому что эксперт дал нам выведенное предложение, а не существенное утверждение. Он обнаружил, что пятно на является пятном от ржавчины или табака, и поэтому может утверждать и делать вывод, что это не кровь. Даже если бы он был скептиком, он бы сказал: "Мы еще не видели крови млекопитающего, в которой не было бы характерных признаков для распознавания, и мы еще никогда не распознавали тело без крови, относящейся к нему, и поэтому мы можем сказать, что мы имеем дело не с кровью, потому что все мы нашли характеристики пятна такими, какие мы до сих пор привыкли называть характеристиками пятна ржавчины".

Нам еще предстоит коснуться разницы между логической связью и опытом. Если я говорю: "Этот минерал соленый на вкус, следовательно, он растворим в воде", то вывод зависит от логических связей, ибо я имею в виду следующее: "Если я воспринимаю соленый вкус, то он должен быть доведен до вкусовых нервов, что может быть сделано только путем соединения минерала со слюной, следовательно, путем его растворения в слюне. Но если он растворим в слюне, то должен быть растворим и в воде". Если же я скажу: "Этот минерал соленый на вкус, имеет твердость 2, удельный вес 2,2 и, следовательно, кристаллизуется гексагонально", - это утверждение зависит от опыта, ибо на самом деле я говорю следующее: "Прежде всего, я знаю, что минерал, обладающий указанными качествами, должен быть каменной солью; ибо, по крайней мере, мы не знаем ни одного минерала, обладающего этими качествами и не являющегося каменной солью, и который, во-вторых, кристаллизуется гексагонально, как каменная соль, - способ, который, по крайней мере, мы находим у каменной соли, чтобы никогда не пропустить." Если мы рассмотрим этот вопрос еще более внимательно, то убедимся, что в первом случае преобладает только формально-логическая сторона, а во втором - эмпирическая. Предпосылки в обоих случаях являются исключительно вопросами опыта, а формальный вопрос умозаключения - вопросом логики. Только вот - в одно время на

первый план выходит первый вопрос, в другое - второй. Хотя этот вопрос кажется самоочевидным, он не безразличен. Хорошо известно, что всякий раз, когда мы находимся под сильным влиянием одной вещи, вещи меньшей интенсивности либо не переживаются вовсе, либо переживаются лишь в очень малой степени, и поэтому ими пренебрегают. Это факт, который действительно можно показать математически, ведь бесконечность плюс один равняется бесконечности. Поэтому, когда мы испытываем сильную боль или огромную радость, сопутствующая незначительная боль или удовольствие почти не ощущаются, подобно тому как лошади, которые тащат очень тяжелую повозку, не замечают, что идущий рядом с ними водитель добавляет к нагрузке свой плащ (см. закон Вебера). Таким образом, когда мы, криминалисты, изучаем сложный случай, связанный с вопросом доказательства, необходимо сделать две вещи: проверить предпосылки на правильность в соответствии стандартами нашего другого опыта и сделать логически правильные выводы из этих предпосылок. Если случается так, что в одном направлении возникают особые трудности, а в другом они по какой-то случайности легко устраняются, становится удивительно, как часто последние полностью игнорируются. И, следовательно, подгонка умозаключений, естественно, оказывается ложной даже тогда, когда большие трудности первого типа устранены правильно. Поэтому, если установление факта стоит больших трудов и требует больших затрат времени, дело логической связи кажется настолько сравнительно легким, что оно делается быстро и неправильно.

Ошибки становятся, по крайней мере, согласно моему опыту, еще более частыми, когда трудность носит логический, а не эмпирический характер. Честно скажу, что мы, криминалисты, не являемся подготовленными логиками, как бы ни было необходимо, чтобы мы ими стали, и большинство из нас довольствуется бесплодным остатком того, что мы изучали давным-давно в гимназии и с тех пор забыли. Трудности, возникающие при решении более важных логических задач, понятны по сравнению с меньшими трудностями; и когда одна из этих больших задач по счастливой случайности оказывается правильно решенной, усилия и труд, требуемые решением, позволяют забыть о том, что нужно спрашивать, верны ли посылки; они принимаются как самоочевидные. Поэтому при пересмотре оснований для суждений часто обнаруживается, что логическая задача была решена тщательно, с затратой большого количества времени и т. д., а в ее основе лежит некая несущественная предпосылка, противоречащая всему опыту и, следовательно, в корне неверная. Следствие: вывод неверен, поскольку неверна предпосылка, и весь труд пропал даром. Подобные случаи убеждают в том, что ни один судья не был бы виновен в них, если бы немногие трудности, касающиеся рассматриваемого факта, не были, поскольку рассматривались в свете усилий, требуемых логической работой, совершенно пренебрежительно. Это происходит не бессознательно, не вследствие какого-то провала в памяти относительно значения или важности эмпирической проблемы, а по крайней мере наполовину сознательно, посредством характерного психического процесса, который каждый может выявить в своем собственном опыте: т. е. в какой-то степени подсознательно возникает мысль, что чрезмерность работы, проделанной в одном направлении, должна быть исправлена недостаточностью работы, проделанной в другом направлении. И это происходит в адвокатской работе часто, и, будучи часто оправданным, становится привычным. Если я, например, допросил десять единодушных свидетелей по одному и тому же событию и полностью статус дела, то, допросив двух последних свидетелей, которые, возможно, уже не нужны, но были вызваны и явились, я, конечно, должен действовать быстро. Это оправданное пренебрежение затем наполовину бессознательно переносится на другие процедуры, где невозможно уравнивать гипертрофию работы в одном направлении с ее сокращением в другом, и где ошибка приводит к неправильному результату. Как бы меня ни беспокоило умножение десяти групп факторов, и какую бы точность я ни применял при

решении задачи, я не могу ослабить свое внимание при сложении отдельных результатов. Если я это сделаю, то, скорее всего, совершу ошибку, а ошибка сделает весь предыдущий труд бесполезным.

Действительно, можно утверждать, что вся логика бесполезна, если предпосылки или одна предпосылка могут быть неверными. По правде говоря, я ожидаю, что описанные здесь процедуры вызовут сомнения в том, что они вообще возможны, но сомневающимся рекомендуется изучить несколько случаев на предмет наличия такого рода вещей.

Раздел 27. (е) Аналогия.

Аналогия - наименее ничтожный из всех методов индукции, поскольку в основе ее лежит постулат, согласно которому одна вещь, имеющая ряд общих качеств с другой, будет совпадать с ней в одном или нескольких *дополнительных* качествах. В случаях аналогии тождество никогда не утверждается; более того, оно исключается, в то время как определенный параллелизм и согласие в конкретных пунктах предполагаются, то есть молчаливо вводятся как *mutatis mutandis*. Рассмотрим примеры Липпса. Он называет аналогию переносом суждения или переходом от сходного к сходному и добавляет, что ценность такого процесса очень изменчива. Если я x раз замечал, что цветы определенного цвета обладают духами, я склонен ожидать духи от цветов того же цвета в $x+1$ случае. Если я x раз наблюдал, что за облаками определенной структуры следует дождь, я буду ожидать дождя в $x+1$ -м случае. Первая аналогия бесполезна, потому что не существует связи между цветом и духами; вторая же имеет большую ценность, потому что такая связь существует между дождем и облаками.

Проще говоря, разница между этими двумя примерами заключается не в наличии связи в одном случае и отсутствии связи в другом; она заключается в том, что в случае с цветами связь возникает время от времени, но не является постоянно известной. Возможно, что существует естественный закон, управляющий отношением между цветом и запахом, и если бы этот закон был известен, то речь шла бы не о случайности или аналогии, а о законе. Наше незнание такого закона, несмотря на множество примеров, объясняется тем, что нас интересуют только обратные отношения, а не общая причина запаха и цвета. Предположим, я вижу на улице большое количество людей в зимних пальто и большое количество людей с коньками в руках, я вряд ли стану спрашивать, обусловлены ли пальто коньками, или коньки пальто. Если я не приду к выводу, что холодная погода обуславливает и необходимость пальто, и полезность коньков, я предположу, что между пальто и коньками существует некая непонятная рефлекторная связь. Если я наблюдаю, что в определенный день каждую неделю на улице регулярно появляется много хорошо одетых людей и ни одного рабочего, если я не знаю, что воскресенье является причиной появления одних и исчезновения других, я буду тщетно пытаться выяснить, как так получается, что рабочие вытесняют хорошо одетых или наоборот.

Опасность аналогии заключается в том, что мы, естественно, предпочитаем опираться на что-то уже известное, и это предпочтение тем сильнее, чем сильнее мы ощущаем странность и зловещесть особых интеллектуальных или природных областей, в которых мы оказываемся. Я уже однажды показывал^[141], как тревожно замечать во время допроса присяжных, что присяжные, задающие вопросы, пытаются найти какую-то связь со своей профессией, хотя это требует больших усилий, и стремятся подвести дело, о котором спрашивают, под свет своей профессии. Поэтому, каким бы неуместным ни было заявление свидетеля, присяжный-купец воспользуется им, чтобы объяснить Сальдо-Конти, присяжный-плотник - чтобы

объяснить плотницкое дело, агроном - чтобы обратить внимание на разведение скота, а затем, поставив проблему в своей области, проведет самые смелые аналогии, чтобы использовать их при определении вины обвиняемого. И мы, юристы, не лучше. Чем сложнее и новее дело, тем больше мы склонны искать аналогии. Нам нужны опоры, потому что мы не находим твердых естественных законов, и в страхе мы тянемся за аналогиями, конечно, не в области права, потому что это недопустимо, но уж точно в вопросах фактов. Свидетель X дал трудные показания по какому-то делу. Мы ищем аналогию в показаниях свидетеля Y по более старому делу и рассматриваем данный вопрос по аналогии, не имея на то ни малейшего основания. Мы никогда еще не видели капель крови на цветных коврах, но, тем не менее, мы считаем, что применяем наш опыт в отношении пятен крови на одежде и ботинках по аналогии. Перед нами совершенно новый поступок, возникший из извращенного сексуального импульса, и мы предполагаем, что с обвиняемым следует обращаться совершенно аналогично, как с другим человеком в другом деле, хотя на самом деле все событие было иным.

Кроме того, процедура, когда аналогия оправдана, сложна. "Древние, - говорит Тренделенбург, - с пониманием относились к аналогии. Сила аналогии заключается в построении и индукции общего термина, который связывает субконцепт, в отношении которого желателен вывод, вместе с индивидуальным объектом, который сравнивается с первым и который должен выступать в качестве посреднического понятия, но не может. Этот новый общий термин не является, однако, высшим понятием среди трех терминов умозаключения; он средний и есть не что иное, как *terminus medius* первой фигуры". Это ясное утверждение показывает не только то, насколько косвенным является всякое умозаключение по аналогии, но и то, как мало оно достигает. Вряд ли кто сомневается в том, что наука должна благодарить аналогию за многое, поскольку аналогия - это самое простое и легкое средство для прогресса мысли. Если что-то установлено в одном направлении, но хочется прогресса в другом, то делается попытка приспособить известное к ближайшему неизвестному и сделать возможный вывод по аналогии. Тысячи и тысячи аналогий были предприняты и потерпели неудачу, но неважно; одна удачная стала гипотезой и в итоге важным естественным законом. В нашей работе, однако, дело обстоит совершенно иначе, поскольку мы не занимаемся построением гипотез, мы занимаемся открытием истины или признанием того, что ее невозможно открыть.

Единственное место, где наши проблемы позволяют использовать аналогию, - это создание так называемых конструкций, то есть когда мы стремимся прояснить или начать объяснение непонятного на данный момент случая, сделав некоторое предположение. Затем построение идет по аналогии с каким-то уже хорошо известным предыдущим случаем. Мы говорим: "Предположим, что дело обстояло так-то и так-то", а затем начинаем проверять предположение, применяя его к имеющемуся у нас материалу, постепенно устраняя и выстраивая, пока не получим последовательный результат. Нет сомнений, что таким образом часто достигается успех и что зачастую это единственный способ, которым можно начать работу. В то же время следует признать, насколько это опасно, поскольку в порыве работы легко забыть, что до сих пор человек работает только по аналогии с помощью предположения, которое еще предстоит доказать. Это предположение в таких случаях внезапно рассматривается как нечто уже доказанное и считается таковым, вследствие чего результат должен быть ложным. Если добавить к этому изменчивость значения аналогии - изменчивость, которую часто не сразу осознают, - дело становится еще хуже. Мы никогда не были на Луне, не имеем, следовательно, никакого права судить о тамошних условиях, и все же мы знаем - только по аналогии - что, если мы подпрыгнем там в воздух, мы должны упасть обратно на землю. Но еще дальше: мы опять же по аналогии заключаем, что на Марсе есть

разумные существа; однако если мы скажем, как эти люди могут выглядеть, похожи ли они на нас, на кубы или на нити, размером с пчелу или с десятью слонами, нам придется отказаться, потому что у нас нет ни малейшего основания для аналогии.

В конечном счете, аналогия зависит от повторяемости сходных условий. Поэтому, когда мы судим по аналогии, мы молчаливо предполагаем, что сходство условий содержит эквивалентность в конечном счете действительных обстоятельств. Уверенность аналогии столь же велика, как и уверенность этого постулата, а ее право столь же велико, как и право этого постулата.

Если, таким образом, постулат мало определен, мы ничего не получили и тянемся в темноту; если его определенность велика, у нас больше нет аналогии, у нас есть естественный закон. Следовательно, Уэтели использует термин аналогия как выражение сходства отношения, и в этом отношении использование аналогии для нашей реальной работы не имеет особого значения. О так называемых ложных аналогиях и их значении см. работу Й. Шилля "Метод индуцированного исследования" (Брауншвейг, 1865).

Раздел 28. (f) Вероятность.

Поскольку работа судьи по уголовным делам зависит от доказательств, можно предположить, что для него наиболее важны те вещи, которые имеют доказательный характер или силу.^[142] Достаточного определения доказательства или улики не существует, потому что не установлены границы значения слова "доказано". Все дисциплины приводят примеры того, что долгое время вещи имели вероятную, а затем неопровержимую достоверность; что опять же некоторые вещи считались доказанными, а позже было показано, что они неверны, и что многие вещи, в свое время шатавшиеся, в разных местах и даже среди конкретных людей считаются находящимися на границах вероятности и доказательности. Особенно примечателен тот факт, что понятие *доказанного* очень разнообразно в различных науках, и было бы увлекательно установить разницу между тем, что называется доказанным и что только вероятным в ряде приведенных примеров математиком, физиком, химиком, медиком, естествоиспытателем, филологом, историком, философом, юристом, теологом и т. д. Но это не задача для нас, и никто не призван определять, кто знает, что значит "Доказано". Достаточно заметить, что различия велики, и понять, почему у нас, криминалистов, такие разные ответы на вопрос: Доказано ли это или только вероятно? Разновидности можно легко разделить на группы в зависимости от математических, философских, исторических или натуралистических наклонностей отвечающего. Действительно, если человек известен, то можно заранее определить, что он подразумевает под словом "доказано". Только те умы, которые не обладают особой информацией, остаются в этом отношении непонятыми, как для других, так и для самих себя.

Чтобы резко определить понятие "доказанный", нужно, по крайней мере, установить его отношение к употреблению и к словам: То, что мы желаем, приводит нас к *предположению*, то, что возможно, дает нам *вероятность*, то, что кажется определенным, мы называем *доказанным*. В этом отношении второе всегда в той или иной степени является стандартом для первого (желания, например, побуждают нас к действию; одно из них становится преобладающим и фиксируется как предположение, которое впоследствии облекается определенной степенью достоверности посредством этой фиксации).

Первые две фиксации, предположение и вероятность, в отличие от их положения среди других наук, имеют для нас, криминалистов, лишь эвристический интерес. Даже предположения, когда они становятся гипотезами, имеют в различных дисциплинах

различное значение, а наибольшая ясность и лучшая работа происходят главным образом в споре об остро построенной гипотезе.

Вероятность занимает аналогичное положение в науке. Ученому, открывшему новую мысль, новый порядок, объяснение или решение и т. д., безразлично, сделал ли он это лишь с большой вероятностью или с уверенностью. Его интересует только идея, и ученый, который занимается идеей ради нее самой, возможно, предпочтет довести ее до большой вероятности, а не до неопровержимой уверенности, поскольку там, где представлено убедительное доказательство, дальнейшее исследование уже не представляет особого интереса, тогда как вероятность допускает и требует дальнейшего изучения. Но наша цель - только уверенность и доказательство, и даже высокая степень вероятности не лучше неправды и не может считаться. При вынесении суждения и для целей суждения высокая степень вероятности может иметь только подтверждающий вес, и тогда она является вероятностью только тогда, когда берется сама по себе, а доказательством - когда берется в отношении того, что она подтверждает. Если, например, наиболее вероятно, что Х был узан на месте преступления, и если в то же время его доказательства алиби провалились, его следы являются подтверждающими; таковы же украденные вещи, которые видели в его владении, и что-то, что он потерял на месте преступления, признанное его собственностью, и т. д. Короче говоря, когда все эти показатели сами по себе устанавливаются лишь как весьма вероятные, они дают при определенных обстоятельствах, взятые вместе, полную уверенность, потому что совпадение стольких высоких вероятностей должно быть объявлено невозможным, если бы Х не был преступником.

Во всех остальных случаях, как мы уже отмечали, *предположение* и вероятность имеют для нас, юристов, лишь эвристическое значение. С предположением мы, конечно, должны считаться; многие дела не могут быть начаты без помощи предположения. Каждое только наполовину запутанное дело, процесс которого неизвестен, требует прежде всего и как можно раньше применения какого-нибудь предположения к его материалу. Как только счет окажется непоследовательным, предположение должно быть отменено и выдвинуто новое, и снова новое, пока, наконец, одно из них не устоит и не будет установлено как вероятное. Тогда оно остается центром операции, пока само не станет доказательством или, как мы уже объясняли, пока не будет собрано столько высоких вероятностей в различных направлениях, что, взятые в порядке их следования, они служат доказательством. Очень высокая степень вероятности достаточна для составления жалоб; но вынесение приговора требует "определенности", и в большинстве случаев борьба между обвинением и защитой, а также сомнения судьи сводятся к вопросу о вероятности в противовес доказательствам. [143]

То, что вероятность в этом смысле и в целом ряде отношений имеет большое значение для криминалиста, не может вызывать сомнений. Миттермайер кратко определяет ее значение: "Вероятность, естественно, никогда не может привести к приговору. Однако она важна как руководство для поведения эксперта, как уполномочивающая его принимать определенные меры; она показывает, как приложить определенные юридические процессы в различных направлениях".

Предположим, что мы рассмотрим историю развития теории вероятности. Первым, кто попытался провести резкое различие между доказуемым и вероятным знанием, был Локк. Лейбниц был первым, кто признал важность теории вероятности для индуктивной логики. Его сменили математик Бернулли и революционер Кондорсе. Теорию в ее современном виде изучали Лаплас, Кетеле, Гершель, фон Кирхман, Й. фон Крис, Венн, Курно, Фик, фон Борткевич и др. Понятие, которое называют вероятностью, варьируется в разных авторитетах. Локк [144] делит все основы на доказательные и вероятные. Согласно этой

классификации, вероятно, что "все люди смертны" и что "солнце взойдет завтра". Но чтобы соответствовать обычной речи, основы должны быть классифицированы как доказательства, уверенности и вероятности. Под определенностью я понимаю такие основы, которые подтверждаются опытом и не оставляют места для сомнений или размышлений - все остальное, особенно если оно допускает дальнейшее доказательство, является более или менее вероятным.

Лаплас[145] высказался определенно - "Вероятность зависит отчасти от нашего незнания, отчасти от нашего знания....

"Теория вероятности состоит в сведении сомнений одного и того же класса к определенному числу одинаково возможных случаев таким образом, что мы одинаково не определимся относительно их существования, и далее состоит в определении числа тех случаев, которые благоприятствуют результату, вероятность которого ищется. Отношение этого числа к числу всех возможных случаев и есть мера вероятности. Таким образом, это дробь, числитель которой выводится из числа случаев, благоприятствующих результату, а знаменатель - из числа всех возможных случаев". Таким образом, Лаплас, как и Дж. С. Милль, принимает вероятность за низкую степень уверенности, в то время как Венн[146] дает ей объективную поддержку, подобную истине. Последняя точка зрения имеет большую долю правдоподобия, так как существует значительное сомнение в том, следует ли принимать то или иное утверждение как определенное или как только вероятное. Если этот вопрос разъясняется, то утверждающий уверенность принимает на себя некое объективное основание, которое неопровержимо, по крайней мере, субъективно. Фик представляет установление вероятности в виде дроби следующим образом: "Вероятность неполно выраженного гипотетического суждения есть реальная дробь, доказанная как часть всей совокупности условий, от которых обязательно зависит осуществление требуемого результата".

"В соответствии с этим вряд ли уместно говорить о вероятности какого-либо результата. Каждое отдельное событие либо абсолютно необходимо, либо невозможно. Вероятность - это качество, которое может относиться только к гипотетическому суждению".[147]

То, что говорить о вероятности результата неправомерно, не вызывает сомнений, как и то, что никто не станет утверждать, что обстоятельство завтрашнего дождя само по себе является вероятным или невероятным - форма выражения является лишь вопросом употребления. Однако необходимо различать обусловленную и необусловленную вероятность. Если я сегодня рассматриваю условия, которые связаны с последующим изменением погоды, если я изучаю температуру, барометр, образование облаков, количество солнечного света и т. д. как условия, которые относятся к завтрашней погоде как ее предвестники, то я должен сказать, что завтрашний дождь вероятен в такой-то или такой-то степени. И правильность моего утверждения зависит от того, знаю ли я более или менее точно и полно условия, при которых должен появиться дождь, и правильно ли я соотношу эти условия. Что касается необусловленных вероятностей, которые не имеют ничего общего с условиями сегодняшней погоды, влияющими на завтрашнюю, а являются просто статистическими наблюдениями, касающимися количества дождливых дней, то здесь дело обстоит совершенно иначе. Различие между этими двумя случаями имеет важное значение для криминалиста, потому что подмена одного другим или смешение одного с другим приведет к тому, что он запутается и неверно истолкует имеющуюся перед ним вероятность. Предположим, например, что в Вене произошло убийство, и предположим, что я сразу после преступления и при полном знании фактов заявляю, что в соответствии с фактами, то есть с условиями, которые ведут к обнаружению преступника, существует такая-то и такая-то

степень вероятности этого обнаружения. Такое заявление означает, что я вычислил обусловленную вероятность. Предположим, что, с другой стороны, я заявляю, что из убийств, произошедших в Вене в течение десяти лет, столько-то и столько-то не объяснены в отношении личности преступника, столько-то и столько-то были объяснены в течение такого-то и такого-то времени, - и, следовательно, вероятность обнаружения в рассматриваемом нами случае так-то и так-то велика. В последнем случае я говорил о необусловленной вероятности. Необусловленную вероятность можно изучать саму по себе и сравнивать с ней события, но на нее никогда нельзя опираться, поскольку положительные случаи уже учтены в необусловленном проценте, а значит, не должны учитываться в другой раз. Естественно, на практике ни одна из форм вероятности не вычисляется в цифрах; делается лишь приблизительная интерпретация обеих. Предположим, я услышал о некоем преступлении и о том, что найден след. Если, не зная дальнейших подробностей, я воскликну: "О! Следы мало что проясняют!". Я тем самым утверждаю, что статистический вердикт в таких случаях показывает неблагоприятный процент безусловной вероятности в отношении положительных результатов. Но предположим, что я изучил след и проверил его с учетом других обстоятельств, а затем заявил: "В сложившихся условиях следует ожидать, что след приведет к результату", - и тогда я заявил: "В соответствии с условиями условная вероятность положительного результата велика". Оба утверждения могут быть верными, но было бы неверно объединить их и сказать: "В рассматриваемом нами случае условия для получения результатов очень благоприятны, но обычно с помощью следов почти ничего не получают, и поэтому вероятность в данном случае мала". Это было бы неверно, потому что несколько благоприятных результатов против многих неблагоприятных уже были рассмотрены и уже определили процентное соотношение, так что их не следует использовать снова.

Подобные ошибки особенно часто допускаются при определении соучастия обвиняемого. Допустим, мы говорим, что способ совершения преступления делает весьма вероятным, чтобы преступник был умелым, часто наказываемым вором, то есть наша вероятность обусловлена. Теперь мы переходим к необусловленной вероятности, сказав: "Хорошо известно, что часто наказываемые воры часто воруют снова, и поэтому у нас есть два основания для предположения, что преступником был X, в отношении которого оба обстоятельства верны". Но на самом деле мы имеем дело только с одной одинаковой вероятностью, которую просто посчитали двумя способами. Такие умозаключения не совсем опасны, поскольку их ошибочность открыта для обозрения; но там, где они более скрыты, можно нанести большой вред таким образом.

Дальнейшее подразделение вероятностей сделано Кирхманом.^[148] Он различает:

(1) Общая вероятность, которая зависит от причин или следствий какого-то одного неопределенного результата и черпает свой характер из них. Примером зависимости от причин является коллективное предсказание погоды, а зависимости от следствий - изречение Аристотеля о том, что, поскольку мы видим, как вращаются звезды, Земля должна стоять на месте. Две науки особенно зависят от таких вероятностей: история и право, точнее, практика и использование уголовного права. В обеих науках используется информация, полученная от людей; эта информация состоит из следствий, и, следовательно, возникновение выводится из причины.

(2) Индуктивная вероятность. Единичные события, которые должны быть истинными, составляют основу, а результат переходит в достоверную универсалию. (Особенно часто используется в естественных науках, например, в болезнях, вызванных бациллами; в случае X мы находим проявление A, а в болезнях с аналогичной причиной Y и Z мы также находим

проявление А. Поэтому вероятно, что все болезни, вызванные бациллами, будут проявлять симптом А.)

(3) Математическая вероятность. Из этого следует, что А связано либо с В, либо с С, либо с D, и спрашивается степень вероятности. I. е.: Женщина ложится в постель либо с мальчиком, либо с девочкой: поэтому вероятность того, что родится мальчик, равна половине.

Из этих форм вероятности первые две одинаково важны для нас, третья редко имеет значение, потому что нам не хватает арифметических случаев и потому что вероятность такого рода имеет лишь преходящую ценность и всегда должна быть изучена так, чтобы привести к фактическому подсчету случаев. Именно для этой формы вероятности Милль советует знать, прежде чем применить расчет вероятности, необходимые факты, то есть относительную частоту, с которой происходят различные события, и ясно понимать причины этих событий. Если статистические таблицы показывают, что пять из каждых ста мужчин достигают в среднем семидесяти лет, то это умозаключение справедливо, поскольку оно выражает существующую связь между причинами, которые продлевают или сокращают жизнь.

Еще одно сравнительно очевидное разделение делает Курно, который отделяет субъективную вероятность от возможной вероятности, относящейся к событиям как таковым. Объективное определение последней дано Крисом^[149] в следующем примере:

"Бросок обычного кубика в подавляющем большинстве случаев выявляет одно и то же отношение, что заставляет разум предположить его объективную достоверность. Отсюда следует, что отношение меняется, если меняется форма кубика". Но как следует мыслить "это объективно действительное отношение", то есть обоснование вероятности, остается столь же неясным, как и обычные результаты статистики. Отсюда возникает вопрос, можно ли что-то выиграть, если известна форма вычисления.

Крис говорит: "Математики, определяя законы вероятности, подчинили каждую серию сходных случаев, которые тем или иным путем, как если бы постоянство общих условий, независимость и случайная эквивалентность отдельных событий были одинаковыми во всем. Таким образом, мы обнаруживаем, что существуют определенные простые правила, согласно которым вероятность случая может быть вычислена из числа успехов в случаях, наблюдавшихся до этого случая, и из которых, следовательно, может быть выведена вероятность появления всех подобных случаев. Эти правила установлены без каких-либо исключений". Это утверждение не является неточным, потому что выдвигается общая применимость правил и отстает их использование в случаях, когда предпосылки не совпадают. Отсюда - иллюзорные результаты, например, при подсчете смертности, показаний свидетелей и судебных решений. Они не происходят по схеме обычной игры случая. Поэтому применение может быть правомерным только в том случае, если можно достоверно предположить постоянство общих условий.

Но это, очевидно, справедливо только в отношении необусловленных вероятностей, которые лишь через большие промежутки времени и мимоходом могут влиять на нашу практическую деятельность. Ведь как бы хорошо я ни знал, что по статистике каждый х-й свидетель наказывается за лжесвидетельство, я не испугаюсь при приближении моего х-го свидетеля, хотя он, согласно статистике, скорее всего солжет. В таких случаях нас не обманешь, но там, где события запутаны, мы все же склонны забывать, что вероятности можно вычислить только по большим сериям цифр, в которых опыт отдельных людей совершенно теряется.

Тем не менее, цифры и условия их использования в отношении вероятности оказывают огромное влияние на всех; настолько большое, что мы действительно должны остерегаться заходить слишком далеко в использовании цифр. Милль приводит в пример случай с раненым французом. Предположим, полк, состоящий из 999 англичан и одного француза, подвергся нападению, и один человек был ранен. Никто не поверит рассказу о том, что ранен был именно этот француз. Кант многозначительно заявляет: "Если кто-либо посылает своему врачу 9 дукатов от своего слуги, то врач, конечно, полагает, что слуга либо потерял, либо иным образом распорядился одним дукатом". Это всего лишь вероятности, которые зависят от привычек. Так, можно предположить, что носовой платок потерян, если найдено только одиннадцать, или люди могут удивляться тому, что врач заказывает столовую ложку каждые пять четвертей часа, или если объявляется вакансия с жалованьем 2487 долларов в год.

Но так же, как мы предполагаем, что везде, где человеческая воля играла хоть какую-то роль, появятся закономерные формы, мы начинаем сомневаться, что такие формы появятся там, где определяющими факторами были случайность, естественный закон или незапланированное сотрудничество людей. Если я позволю кому-нибудь сосчитать случайно совпавшие вещи и он объявит, что их сто, я, вероятно, попрошу его сосчитать еще раз. Я буду удивлен, услышав, что в чьей-то коллекции ровно 1000 предметов, а когда кто-нибудь назовет расстояние в 300 шагов, я предположу, что он сделал приблизительную оценку, но не считал шаги. Этот факт хорошо известен людям, которые не заботятся о точности или хотят придать своим заявлениям как можно большую видимость правильности; поэтому, приводя цифры, они используют особенно неправильные числа, например 1739, $7/8$, 3,25 % и т. д. Мне известен случай голосования присяжных, когда даже пропорцию голосов пришлось сделать вероятной. В тот день одно и то же жюри должно было рассмотреть три небольших дела. В первом случае пропорция была 8 "за", 4 "против", во втором - та же пропорция, в третьем - та же. Но когда старшина заметил пропорцию, он объявил, что один присяжный должен изменить свой голос, потому что такая же пропорция три раза подряд будет казаться слишком невероятной! Если мы хотим знать причину нашего доверия к нерегулярности в таких случаях, то ее можно найти в том, что опыт показывает, что природа, несмотря на всю ее чудесную упорядоченность в большом, совершенно свободна, а значит, нерегулярна в мелочах. Поэтому, как более подробно показывает Милль, мы не ожидаем от природы тождества форм. Мы не ожидаем, что в следующем году будет тот же порядок дней, что и в этом, и никогда не удивляемся, когда какая-то наводящая на размышления закономерность нарушается новым событием. Когда-то предполагалось, что все люди либо черные, либо белые, а потом в Америке были обнаружены краснокожие. Сейчас именно такие предположения вызывают наибольшие затруднения, потому что мы не знаем границ естественного закона. Например, мы не сомневаемся, что все тела на земле имеют вес. И мы ожидаем, что, достигнув какого-нибудь неоткрытого острова на нашей планете, не найдем исключения из этого правила: все тела там будут иметь вес, как и везде. Но возможность существования краснокожих людей пришлось признать еще до открытия Америки. Итак, в чем же разница между утверждениями: "Все тела имеют вес" и "Все люди либо белые, либо черные"? Можно сказать, что первое является естественным законом, а второе - нет. Но почему бы и нет? Разве человеческое тело не может быть так устроено, что в соответствии с естественным законом невозможно существование красных людей? И какое точное знание мы имеем о пигментации? Видел ли кто-нибудь когда-нибудь зеленую лошадь? И разве случайность, что никто никогда не видел, может помешать открытию зеленых лошадей в сердце Африки? Может быть, кто-то не выводит зеленых лошадей путем скрещивания или других экспериментов? Или существование зеленых лошадей противоречит какому-то неизвестному, но непобедимому закону природы? Возможно,

завтра у кого-то появится зеленая лошадь; возможно, это так же невозможно, как вода, бегущая вверх по склону.

Знать, является ли что-либо естественным законом или нет, всегда зависит от уровня и положения нашего непосредственного опыта, и поэтому мы никогда не сможем честно сделать какое-либо универсальное предложение. Единственное, что возможно, - это максимально точное наблюдение за вероятностью во всех известных возможных случаях и за вероятностью обнаружения исключений. Бэкон называл установлением достоверных предположений подсчеты, не встречающие ни одного противоречивого случая. Но что дает нам закон, так это способ подсчета. Неподготовленный ум принимает факты по мере их поступления, не утруждая себя поиском других; подготовленный ум ищет факты, необходимые ему для предпосылок умозаключения. Как говорит Милль, все, что показало себя истинным без исключений, может считаться универсальным до тех пор, пока не представлено сомнительное исключение, и когда случай имеет такой характер, что реальное исключение не могло бы ускользнуть от нашего наблюдения.

Это указывает на то, как мы должны интерпретировать информацию, предоставленную другими людьми. Мы слышим: "Так как это всегда так, то можно предположить, что так будет и в данном случае". Немедленное принятие этого предположения было бы таким же безрассудством, как и сомнение перед лицом всех фактов. Правильная процедура заключается в изучении и установлении определяющих условий, т. е. кто подсчитал это "всегда" и какая осторожность была использована, чтобы не упустить ни одного исключения. Настоящая работа по толкованию заключается в такой проверке. Мы не хотим достичь истины одним ударом, мы стремимся лишь приблизиться к ней. Но шаг должен быть сделан, и мы должны знать, насколько он велик, и знать, насколько он приблизил нас к истине. А это можно узнать, только зная, кто и как сделал этот шаг. Бессмертное высказывание Гете "Человек рожден не для того, чтобы разгадывать загадку Вселенной, а для того, чтобы искать, к чему эта загадка ведет, чтобы удержать себя в пределах мыслимого", справедливо и для нас.

Наша большая ошибка в анализе и суждениях часто заключается в том, что мы придаем слишком большое значение отдельным обстоятельствам и пытаемся решить проблему только с их помощью, или в том, что мы не решаемся в достаточной степени использовать любое данное обстоятельство. Последнее представляет собой ту глупость, которая полезна для научных духов, когда им не хватает полного доказательства своих положений, но опасна в практических делах. Как правило, она также является следствием неспособности оценить то, что дается, просто потому, что человек забывает или ленится это сделать. Правильные действия в этом отношении особенно необходимы там, где должны происходить определенные юридические процедуры, которые имеют определенную степень вероятности, не требуя определенности, то есть предварительные экспертизы, аресты, осмотры помещений и т. д. Ни один закон не говорит, какая степень вероятности требуется в таких случаях. Сказать, сколько именно, невозможно, но неразумно придерживаться представления, что событие должно казаться истинным, если не быть доказанным, т. е. не должно быть ничего, что разрушило бы видимость истины. Как говорит Юм, "всякий раз, когда у нас есть основания доверять предыдущему опыту и принимать его за эталон суждения о будущем опыте, эти основания могут иметь вероятность".

Место вероятности в позитивном определении порядка современного уголовного судопроизводства немаловажно. Когда закон устанавливает определенное число

присяжных или судей, можно предположить, что этого числа достаточно для установления истины. Система уголовного преследования устанавливает вероятность того, что обвиняемый является преступником. Идея временного промежутка предполагает вероятность того, что по прошествии определенного времени наказание становится иллюзорным, а преследование - неопределенным и трудным. Институт экспертов зависит от вероятности того, что последние не совершают ошибок. Ордер на арест зависит от вероятности того, что обвиняемый вел себя подозрительно, говорил о своем преступлении и т. д. Приведение свидетеля к присяге зависит от вероятности того, что свидетель с большей вероятностью скажет правду под присягой, и т. д.

Современный уголовный процесс предполагает не только вероятности, но и различные виды возможностей. Всякая апелляция имеет в своей основе возможность неправильного решения; отстранение от дела некоторых должностных лиц суда основано на возможности предубеждения или, по крайней мере, на подозрении в предубеждении; гласность процесса призвана предотвратить возможность неправильности; пересмотр процесса зависит от возможности того, что даже законные приговоры могут быть ложными, а институт защитника зависит от возможности того, что человек без защиты может получить несправедливость. Все формальности действия суда предполагают возможность того, что без них могут произойти неправомерности, а институт изъятия писем и посланий для доказательства утверждает лишь возможность того, что последние содержат вещи важные, и т. д.

Когда в позитивных диктах закона речь идет о возможности и вероятности в вопросах большой важности, последние приобретают особое значение.

Остается спросить, что подразумевается под "правилом" и каково его отношение к вероятности. В научном смысле "правило" означает субъективно принятый закон, который имеет такое же значение, как и руководящая линия для собственного поведения, откуда следует, что существуют только правила искусства и морали, но нет правил природы. Употребление не подразумевает такого толкования. Мы говорим, что, как правило, град идет только днем; в виде исключения - и ночью; правило появления китов указывает, что они живут в Северном Ледовитом океане; общее правило указывает, что тела, особенно растворимые в воде, должны легче растворяться в теплой, чем в холодной воде, но соль одинаково хорошо растворяется в обеих. И снова мы говорим: Как правило, убийца - это безнаказанный преступник; как правило, драчун - не вор, и наоборот; азартный игрок - это, как правило, человек по частям, и т. д. Поэтому мы можем сказать, что регулярность эквивалентна привычной повторяемости и что все, что служит правилом, можно ожидать как вероятное. Если, то есть, сказано, что то или иное случается как правило, мы можем предположить, что это повторится и в этот раз. Ожидать большего недопустимо, но часто случается, что мы путаем правила, допускающие исключения, с законами природы, не допускающими их. Это часто происходит, когда мы теряемся в регулярных событиях, за которые сами несем ответственность, и полагаем, что, поскольку вещи видели десятки раз, они всегда должны проявляться одинаково. Особенно часто это случается, когда мы слышим, как какое-то явление описывается в других науках как частое и регулярное, а затем считаем его законом природы. В последнем случае мы, вероятно, не слышали всей истории и не слышали, чтобы ей приписывали общую обоснованность. Или, опять же, все давно изменилось. Почти полвека назад Лотце писал, что некоторое время назад он сделал статистическое наблюдение о том, что великие позитивные открытия в области точной физиологии живут в среднем около четырех лет. Это примечательное утверждение указывает на то, что великие позитивные открытия возводятся в ранг естественных законов только для того, чтобы показать себя в лучшем случае рядовыми явлениями, не имеющими права на

общую достоверность. И то, что верно в отношении физиологии, верно и для многих других наук, даже для великих открытий медицины, даже юридической медицины. Это, следовательно, должно предостеречь от слишком большого доверия к вещам, которые называют "правилами". Ложное использование и удобная зависимость от правила очень часто заводили нас слишком далеко. О его ненадежности свидетельствуют такие максимы, как "Три промаха делают правило" или "Многие глупости, взятые вместе, дают золотое правило жизни", или "Сегодняшнее исключение - завтрашнее правило", или классическое извращение: "Правило, согласно которому нет правил без исключений, является правилом без исключений, следовательно, существует одно правило без исключений".

Ненадежность правил объясняется еще и тем, что они возникают из обобщений. Мы не должны обобщать, как говорит Шиль, пока не покажем, что если есть случаи, которые противоречат нашим обобщениям, то мы знаем эти противоречия. На практике приблизительные обобщения часто являются нашим единственным руководством. Естественный закон слишком сильно обусловлен, случаи его слишком сильно вовлечены, различия между ними слишком трудно сделать, чтобы позволить нам определить существование природного явления с точки зрения его естественных характеристик как часть бизнеса нашей повседневной жизни. Наш век слишком много обобщает, слишком мало наблюдает и слишком быстро абстрагируется. События происходят быстро, примеры появляются массово, и если они похожи, то имеют тенденцию к обобщению, превращению в правило, в то время как исключения, которые бесконечно более важны, остаются незамеченными, а правило, однажды созданное, приводит к бесчисленным ошибкам.

Раздел 29. (g) Шанс.

Психологическое значение того, что мы называем случайностью, зависит от концепции случайности и степени влияния, которое мы позволяем ей оказывать на наше мышление. То, что обычно называют случайностью, и то, что называют случайностью в конкретных случаях, будет в значительной степени зависеть от природы случая. В прогрессивных науках законы увеличиваются, а случайности уменьшаются; последние действительно действительны только в отдельных случаях повседневной жизни и в общем деле. Мы говорим о случайности или нечаянности, когда пересекаются события, которые сами по себе определяются необходимым законом, но закон пересечения которых неизвестен. Если, например, замечено, что там, где много снега, животные белые, то это событие не должно быть приписано случайности, ибо образование снега в высоких горах или на севере и долгое пребывание его на поверхности земли развиваются по особым естественным законам, и окраска животных не менее, но чтобы эти два упорядоченных ряда фактов встретились, необходим третий закон или, лучше, третья группа законов, которые хотя и были неизвестны некоторое время назад, но теперь известны каждому образованному человеку.

Для нас, юристов, случайность и ее толкование имеют огромное значение не только при сборе доказательств, но и в каждом случае подозрения, поскольку всегда возникает проблема, можно ли установить причинно-следственную связь между преступлением и подозреваемым, или эта связь только случайна. "Неудачное совпадение", "тесно связанная связь фактов", "чрезвычайное накопление оснований для подозрений" - все эти термины на самом деле являются случайностью, ошибочно принимаемой за причинную связь. От знания разницы между тем и другим зависит судьба большинства доказательств и судебных разбирательств. Кто достаточно удачлив в правильном понимании того, что такое случайность, тот удачлив и в проведении судебного разбирательства.

Существует ли теория случайности? Я считаю, что прямое рассмотрение этой темы невозможно. Проблема случайности может быть объяснена лишь приблизительно, когда все мыслимые случайности в данной дисциплине собраны вместе и их число сокращено путем тщательного поиска определенных законов. Кроме того, проблема требует знания чрезвычайно богатой казуистики, с помощью которой, с одной стороны, можно свести воедино многообразие случайных событий, а с другой - обнаружить порядок. О случайности написано достаточно много, но систематическое рассмотрение ее должно быть полностью теоретическим. Поэтому в книге Виндельбанда^[150], превосходной и хорошо организованной, рассматриваются отношения (случай и причина, случай и закон, случай и цель, случай и концепция), наибольшая ценность которой заключается в критическом указании на различные определения понятия "случай". Даже если не существует определения, которое представляет концепцию случайности в полностью удовлетворительной манере, составление таких определений все равно имеет ценность, поскольку одна сторона случайности объясняется, а другая, таким образом, рассматривается более пристально. Давайте рассмотрим несколько таких и других определений. Аристотель говорит, что случайное происходит, *παρὰ φύσιν*, в соответствии с природой. Эпикур, рассматривающий сотворение мира как чистую случайность, считает, что оно происходит *τὰ μὲν ἀπὸ τῆς φύσεως, τὰ δὲ παρ' ἡμῶν*. Спиноза считает, что ничто не может быть случайным только в соответствии с ограничениями знания; Кант говорит, что обусловленное существование как таковое называется случайным; необусловленное - необходимым. Гумбольдт: "Человек считает случайностью те вещи, которые он не может объяснить генетически". Шиль: "Все, что не может быть сведено к закону, называется случайным". Кетеле: "Слово случайность служит для того, чтобы скрыть наше невежество". Бакл выводит идею случайности из жизни кочевых племен, в которой нет ничего твердого и регламентированного. По мнению Тренделенбурга, случайность - это то, что не может быть иначе. Розенкранц говорит: Случайность - это реальность, имеющая лишь значение возможности, Фишер называет случайность индивидуализированным фактом, а Лотце отождествляет ее со всем, что не является действительным как естественная цель. Для Виндельбанда "случайность состоит, согласно обычаю, в чисто фактическом, но не необходимом переходе от возможности к актуальности. Случайность - это отрицание необходимости. Противоречиво говорить: "Это произошло случайно", ибо слово "случайно" выражает причину".

А. Хёфлер^[151] очень толково говорит, что противоречие идеи случайности причинному закону можно легко разрешить, указав на особую относительность этого понятия. (Случайность в отношении одного, но в остальном проявляющаяся как возможный причинный ряд).

Урок этих определений очевиден. То, что мы называем случайностью, играет большую роль в нашей юридической работе. От того, насколько мы признаем то или иное стечение обстоятельств случайным, в большинстве случаев зависит результат судебного разбирательства, а различие между случайностью и законом зависит от объема знаний, касающихся, в частности, событий повседневной жизни. Теперь использование этих знаний в конкретных случаях заключается в поиске причинно-следственной связи в ряде событий, которые приводятся в качестве доказательства, и в превращении случайности в порядок. Или, в случаях, когда закон, объединяющий или разделяющий события, не может быть обнаружен, он может заключаться в очень осторожной интерпретации комбинации событий по принципу *simul cum hoc non est propter hoc*.

Раздел 30.(h) Убеждение и объяснение.

Как в ходе судебного разбирательства убеждают людей? Криминалист как председательствующий должен не только предоставить истину, которая убеждает; его дело как государственного чиновника - убедить подсудимого в правильности приведенных аргументов, свидетеля - в его обязанности говорить правду. Но и сам он часто бывает убежден свидетелем или обвиняемым - правильно или неправильно. Миттермайер^[152] называет убежденность состоянием, в котором наша вера в то, что это правда, зависит от всех удовлетворительных оснований, о которых мы знаем. Но это состояние убежденности - цель, которую нужно достичь, и наша работа не закончена, пока не предоставлен убедительный материал. Искать истину недостаточно. Карл Герок уверяет нас, что ни одна философская система не предлагает нам полной и законченной истины, но для идеалиста истина существует, и задавать беспечный вопрос Пилата - значит, как предполагает Лессинг, сделать ответ невозможным. Но это показывает разницу между научной и практической работой; наука может удовлетвориться поиском истины, но мы должны обладать истиной. Если бы правда заключалась в том, что только истина является убедительной, не было бы особых трудностей, и можно было бы довольствоваться тем, что убеждает только то, что верно. Но это не так. Статистически предполагается, что числа доказывают, но на самом деле числа доказывают в зависимости от их использования. Поэтому в повседневной жизни мы говорим, что факты являются доказательствами, тогда как более осторожно было бы сказать: факты являются доказательствами в зависимости от их использования. Именно по этой причине возможна софистическая диалектика. Расположите факты одним образом, и вы получите один результат, расположите их по-другому, и вы можете прийти к противоположному. Или, опять же, если вы честно и без предубеждений изучите факты в сомнительных случаях, вы обнаружите, сколько возможных выводов можно сделать, исходя из их расположения. Разумеется, мы не должны иметь в виду то убеждение и убежденность, которые достигаются с помощью многих слов. Мы должны рассматривать только то приведение фактов и объяснений, простых или сложных, в более или менее искусной, намеренной или ненамеренной манере, с помощью которых мы убеждаемся хотя бы на мгновение. Разнообразие таких убеждений хорошо известно из опыта.

"Наивность первого взгляда часто отнимает приз у учености. Всякое поспешное, решительное суждение выдает, когда оно становится привычным, поверхностность наблюдения и нечестивость по отношению к существенному характеру отдельных фактов. Дети знают как совершенно определенное и несомненное многое, что вызывает сомнения у зрелого человека" (В. Фолькмар).

Так, часто самая простая вещь, которую нам рассказывают, приобретает свою ценность благодаря манере рассказа или личности рассказчика. А поскольку мы сами гораздо опытнее и искуснее в расстановке и группировке фактов, чем наши свидетели и обвиняемые, часто случается, что мы убеждаем этих людей, и именно этот вопрос требует рассмотрения.

Никто не станет утверждать, что судье придет в голову убеждать свидетеля в чем-то, во что он сам до конца не верит, но мы знаем, как часто мы убеждаем себя в чем-то, и нет ничего более правдоподобного, чем желание, чтобы другие люди согласились с нами в этом вопросе. Я считаю, что криминалист, в силу, скажем так, своей власти, как правило, слишком легкомысленно относится к своей точке зрения. Каждый из нас, несомненно, часто начинал свою работу мелко и неумело, доводил ее до ошибок и скудости, а когда, наконец, достигал некоторой твердой почвы, то своими неудачами и ошибками убеждался в своем невежестве и неадекватности. Тогда он ожидал, что это убеждение будет очевидно и для других людей,

которых он изучает. Но эта очевидность удивительным образом отсутствует, и все ошибки, жестокости и судебные ошибки не смогли лишить его того достоинства, которым он обладает в глазах нации. Возможно, доброжелательность, которую можно предположить, следовало бы заменить результатом, но факт остается фактом: обыватель предполагает в криминалисте гораздо больше знаний, остроты и силы, чем он на самом деле имеет. Кроме того, можно представить, что одно слово, сказанное судьей, имеет больший вес, чем должно быть, и тогда, когда используется реальное убеждение - очевидно, в лучшем смысле этого слова, - оно *должно* быть влиятельным. Я уверен, что каждый из нас не раз замечал, что к концу допроса свидетель просто принимает точку зрения экзаменатора, и самое страшное в этом то, что свидетель все еще думает, что он думает по-своему.

Эксперт знает вопрос в его взаимосвязи гораздо лучше, умеет выразить его красивее и выдвигает красивые теории. Свидетель, которому вопросы наводят на размышления, становится самодовольным, ему нравится думать, что он сам так прекрасно изложил суть дела, и поэтому он с удовольствием принимает точку зрения и теории экзаменатора, который в действительности зашел слишком далеко в своем рвении. Опасность этого не так велика, если речь идет об образованных людях, поскольку они лучше умеют выражать свои мысли; или, опять же, если речь идет о женщинах, поскольку они слишком упрямы, чтобы их можно было переубедить, но в подавляющем большинстве случаев опасность велика, и поэтому криминалисту нельзя слишком часто повторять, как необходимо, чтобы он встречал своего свидетеля с минимально возможным использованием красноречия.

Судебное убеждение имеет особое значение и считается таковым еще с классических времен, но правильно ли - это другой вопрос. Ораторские речи государственных обвинителей и адвокатов защиты, произносимые перед учеными судьями, не нуждаются в особом внимании. Если людей когда-нибудь спрашивают, убедил ли их прокурор или его оппонент или заставил усомниться, они указывают очень мало случаев. Ученый и опытный судья, не сделавший никаких выводов по делу до тех пор, пока не будут собраны все необходимые доказательства, вряд ли обратит много внимания на просителей.

Действительно, может случиться так, что обвинение или защита преуменьшат или усилят те или иные доказательства, о которых судья мог и не подумать; или обратят внимание на какие-то причины для суровости или милосердия. Но, с одной стороны, если это важно, то уже было затронуто в ходе представления доказательств, а с другой стороны, такие моменты, как правило, банальны и безразличны к реальному вопросу в деле. Если это не так, то это говорит лишь о том, что либо нам нужно большее число судей, либо даже при наличии многих судей можно упустить из виду ту или иную вещь.

Но с присяжными дело обстоит совсем иначе: на них легко повлиять, и они с лихвой компенсируют безразличие судейской коллегии. Тот, кто берет на себя труд изучить лица присяжных во время процесса, приходит к выводу, что речи обвинения и защиты - самое важное в процессе, что они поглощают большую часть внимания присяжных и что вопрос о виновности или невиновности зависит не от количества и веса свидетельских показаний, а от более или менее искусной их интерпретации. Это упрек не в адрес присяжных, а в адрес тех, кто требует от них услуг, которые они не могут оказать. Прежде всего необходимо понять, насколько сложным является проведение судебного процесса. Само по себе ведение суда присяжных не является искусством, а по сравнению с другими задачами, стоящими перед криминалистом, может быть третьим или четвертым по сложности. Сложность заключается в определении хронологического порядка представления доказательств, то есть в составлении справки. Если справка составлена хорошо, то все развивается логически и психологически правильно, и дело идет хорошо; но правильно составить справку - это

большая и действительно художественная задача. Есть только две возможности. Если дело не сделано, или бриф бесполезен, дело идет неважно, нелогично и невразумительно, и присяжные не могут понять, что происходит. Если же трюк удастся, то, как и любое искусство, он требует подготовки и ума. А присяжные ими не обладают, так что самое прекрасное произведение искусства проходит мимо них без эффекта. Поэтому они должны обратить свое внимание, чтобы спасти то, что можно спасти, на речи обвинения и защиты. Они воспроизводят доказательства в понятной форме, и вердикт выносится в пользу невиновности или виновности в зависимости от большего интеллекта той или иной спорящей стороны. Убедительность на своем пике, говорит нам Хьюм, оставляет мало места для интеллекта и соображения. Она полностью обращается к воображению и привязанностям, захватывает хорошо настроенных слушателей и доминирует над их пониманием. К счастью, эта высота редко достигается. В любом случае, эта высота, которая также доминирует над теми, кто знает предмет, всегда будет редкой, но присяжные не являются людьми знающими, и поэтому доминирование происходит даже через попытки убеждения, которые не достигли никакой высоты. Отсюда вытекает большая опасность.

Единственная помощь против этого - изучение председательствующим судьей, не как юристом, а как психологом, лиц присяжных во время выступлений адвокатов. Он должен очень тонко и внимательно наблюдать за каждым влиянием, оказываемым речами, которое не имеет отношения к реальной проблеме, а затем при подведении итогов обратить на это внимание присяжных и вернуть их к правильной точке зрения. Умение делать это просто изумительно, но это опять же чрезвычайно сложное выступление.

В настоящее время убеждаемость почти не изучается, но каждый, кто эмпирически достиг некоторого мастерства в ней, овладел теми же приемами, которым учит теория. Но для эффективной работы с ними их необходимо знать. Поэтому изучение соответствующих авторов не может быть слишком рекомендовано. Не считая великих авторов классического периода, особенно Аристотеля и Цицерона, можно назвать множество современных авторов.

Раздел 31. (i) Умозаключение и суждение.

Суждение, о котором пойдет речь в следующем разделе, - это не суждение суда, а более общее суждение, возникающее при любом восприятии. Если мы серьезно занимаемся своей задачей, то из самых простых случаев делаем бесчисленное множество выводов и столько же выводов получаем от тех, кого исследуем. Правильность нашей работы зависит от истинности того и другого. Я уже указывал на то, что очень многое в повседневной жизни проходит как простое и непобедимое чувственное восприятие, вплоть до определения предложения, хотя зачастую это не более чем сложная серия умозаключений, каждое из которых может привести к ошибке, даже если само восприятие было правильным. Частота, с которой умозаключения делаются из чувственного восприятия, тем более удивительна, что она превышает все, что допускает общий и в остальном действительный закон лени. Фактически, она противоречит этому закону, хотя, возможно, и не противоречит, поскольку поспешное умозаключение из недостаточных предпосылок может быть гораздо удобнее, чем более тщательное наблюдение и изучение. Такие поспешные выводы делаются даже в отношении самых незначительных вещей. В ходе исследования мы обнаруживаем, что имели дело только с умозаключениями и что наша работа была напрасной. Но бывает и так, что мы упускаем этот факт, и наши результаты оказываются ложными, а их ложность редко ищут в этих мелких ошибках. Так, свидетель мог "видеть" часы в таком-то и таком-то месте, когда на самом деле он только слышал шум, который принял за тиканье часов, и отсюда *сделал вывод*, что часы действительно были, что он их видел, и, наконец, *поверил*, что видел

их. Другой свидетель утверждает, что у Х много кур; на самом деле он слышал, как две курицы кудахтали, и сделал вывод о большом их количестве. Еще один видел следы крупного рогатого скота и говорит о стаде, или он знает точное время убийства, потому что в определенное время слышал чей-то вздох, и т. д. Не было бы особых трудностей, если бы люди говорили нам, как они делают предположения, потому что тогда проверка с помощью тщательных вопросов была бы достаточно легкой, но они не говорят, и когда мы исследуем себя, то обнаруживаем, что мы делаем точно так же и часто верим и утверждаем, что мы видели, или слышали, или чувствовали запах, или ощущали, хотя мы только предположили эти вещи.^[153] Сюда относятся все случаи правильного или частично правильного умозаключения и ложного умозаключения из ложного восприятия. Мне вспоминается часто цитируемая история, в которой целая судебная комиссия почувствовала отвратительный запах во время эксгумации гроба, но обнаружила, что он пуст. Если бы гроб по той или иной причине не был открыт, все присутствующие присягнули бы, что у них было несомненное восприятие, хотя последнее вытекало только из его предшествующего состояния.

Экснер^[154] приводит прекрасный пример, когда мать пугается, когда ее ребенок плачет, но не потому, что плач как таковой звучит так ужасно, а из-за его сочетания с сознанием того, что он исходит от ее собственного ребенка и что с ним могло что-то случиться. Утверждается, и я думаю, справедливо, что в таких случаях значительную роль играют вербальные ассоциации. Как выражается Стрикер^[155], форма любого концептуального комплекса, какой бы она ни была, приводит к появлению соответствующего слова. Если мы видим часы, мы получаем слово "часы". Если мы видим человека с определенным симптомом чахотки, сразу же возникает слово "туберкулез". Последний пример более показателен, потому что при появлении всего комплекса ошибки более отдалены, чем при появлении только одного или другого "безопасного" симптома. То, что безопасно для одного ума, не обязательно должно быть таковым для другого, и представление о достоверности любого симптома меняется в зависимости от времени, места и человека. Ошибки особенно возможны, когда люди настолько уверены в своих "безопасных" симптомах, что не следят за тем, как они делают из них вывод. А ведь этот вывод напрямую связан с появлением слова. Вернемся к вышеупомянутому примеру и предположим, что А обнаружил "безопасный" симптом чахотки у Б, и ему приходит в голову слово "туберкулез". Но это событие не оставляет его только со словом, есть прямое умозаключение "Б болен туберкулезом". Мы никогда не начинаем ничего с одного только слова, мы сразу же присоединяем его к какому-то факту, и в данном случае оно стало, как обычно, суждением. Мысленное движение того, кто услышал это суждение, однако, обращается назад, и он полагает, что у судьи был длинный ряд чувственных восприятий, из которых он вывел свое умозаключение. А на самом деле у него было только одно восприятие, достоверность которого зачастую сомнительна.

К этому добавляется еще и то, что в каждом умозаключении есть скачки, которые совершает каждый инферент в соответствии со своим характером и подготовкой. И создатель не задумывается о том, может ли другой человек совершать такие же скачки или его путь иной. Например, когда английский философ говорит: "Мы действительно не должны ожидать, что производство шерсти будет доведено до совершенства нацией, которая не знает астрономии", - мы, скорее всего, скажем, что это предложение глупо; другой скажет, что оно парадоксально, а третий - что оно совершенно верно, поскольку отсутствует лишь предположение о том, что уровень культуры, возможный благодаря астрономии, таков, что требует также владения текстилем. "В разговоре простейший случай пропуска - это когда вывод делается непосредственно из второстепенной посылки. Но многие другие умозаключения опускаются, как и в случае с настоящим мышлением. При передаче информации происходит обзор мышления других людей; женщины и неподготовленные

люди этого не делают, отсюда и несвязность их разговора".^[156] В этом кроется опасность при допросе свидетелей, поскольку мы невольно интерполируем недостающие детали в пропущенные умозаключения, но делаем это в соответствии с собственными знаниями о фактах. Таким образом, проверка правильности чужого умозаключения становится либо совсем невозможной, либо разрабатывается грубо. При внимательном наблюдении за скачкообразными умозаключениями, сделанными свидетелями - и не только женщинами и необразованными людьми, - можно заметить, что умозаключение, которое мог бы сделать сам человек, могло бы быть иным, или сделано иным способом. Если же проверить все предпосылки, то можно получить результат, отличный от того, который получил свидетель. Хорошо известно, как одинаковые предпосылки позволяют разным людям делать разные выводы.

В таких умозаключениях происходят некоторые примечательные вещи, которые, как правило, имеют определенное отношение к занятиям свидетеля. Так, например, люди, склонные к математике, делают самые большие скачки, и хотя они могут быть сравнительно и часто правильными, опасность ошибки немалая, когда математик имеет дело в своей математической манере с нематематическими вещами.

Другая опасность кроется в показаниях свидетелей, которые обладают определенным чувством формы в представлении и чьи инференциальные скачки заключаются в том, что они опускают детальное выражение и вставляют вместо него понятие формы. Об этом примечательном психозе я узнал от бухгалтера крупной фабрики, которому приходилось обеспечивать проверку бесчисленных дополнений. Он считал, что если мы будем складывать два, три - пять, шесть - одиннадцать, семь - восемнадцать, то никогда не закончим сложение, а поскольку для избежания ошибок необходимо такое сложение, то мы должны так устроить, чтобы образ двух и трех сразу вызывал образ пяти. Теперь этот мысленный образ пяти складывается с реальной шестеркой и дает одиннадцать и т. д. В соответствии с этим мы не складываем, мы видим только серию образов, причем так быстро, что можем следить за ними с помощью карандаша, но медленно. И образы настолько определены, что ошибка невозможна. "Вы знаете, как выглядит 9? Так вот, так же точно мы знаем, как выглядят 27 и 4; образ 31 возникает без изменений".

Это, как водится, процедура, возможная только для ограниченного типа, но этот тип встречается не только среди бухгалтеров. Когда любой из таких людей объединяет два события, он не задумывается о том, что может получиться в результате такого объединения; он видит, если можно так выразиться, только получившийся образ. Этот образ, однако, не является столь безусловно определенным, как в случае с числами; он может принимать всевозможные формы, правильность которых не вполне вероятна. Например, свидетель видит две формы в темноте, вспышку ножа и слышит крик. Если он принадлежит к обсуждаемому типу, то не задумывается о том, что он мог испугаться вспышки ножа и закричать, или что он сам начал нападать с палкой, а другой парень закричал, или что крику предшествовал удар или порез - нет, он видит образ двух форм и нож, слышит крик, и они сливаются в один образ, то есть у одной из форм порез над бровью. Причем эти скачки происходят так быстро и с такой уверенностью, что свидетель часто считает, что видел то, о чем догадывается, и клянется в этом.

В основе впечатлений, которые зависят только от быстрых и неосознанных умозаключений, лежит множество подобных процессов. Предположим, например, что мне показывают фотографию небольшого участка сада, через который проходит бригада. Хотя я наблюдаю изображение лишь небольшой части сада и поэтому не имею представления о его размерах, тем не менее, говоря о нем, я, вероятно, буду говорить об очень большом саду. Я быстро и

бессознательно сделал вывод, что тот факт, что в изображенной части сада присутствовали повозка и лошади, подразумевает большую ширину дороги, поскольку даже в садах среднего размера дороги не бывают такими широкими, чтобы пропускать повозки; последние встречаются только в парках и больших садах. Отсюда мой вывод: сад должен быть очень большим. Такие умозаключения[157] встречаются часто, отсюда вопрос об источнике и вероятности информации свидетеля, является ли она положительной или только впечатлением. Очевидно, что такое впечатление может быть верным. Оно будет правильным часто, поскольку впечатления возникают только тогда, когда умозаключения были сделаны и неоднократно проверены. Но в любом случае необходимо проанализировать последовательность умозаключений, которые привели к такому впечатлению, и проверить их правильность. К сожалению, свидетель редко осознает, воспринял ли он что-то или просто умозаключил.

Проверка особенно важна, когда впечатление возникло после наблюдения нескольких знаков или только одного, причем не очень существенного. В примере с командой впечатление могло быть достигнуто путем умозаключений, но чаще оно достигалось благодаря какой-то несущественной, сугубо личной, определяющей характеристике. "Как древний гость узнает своего друга по совпадению половинок кольца, так и мы узнаем объект и его строение по одной-единственной характеристике, и поэтому все наше представление о нем оживляется этой характеристикой".[158]

Все это очень хорошо, если не допускать ошибок. Когда Тертуллиан сказал: "Credo quia impossibile est", мы допустим честность высказываний этого великого ученого, тем более что он говорил о вопросах религии, но когда Сократ сказал о работах Гераклита Непонятного: "То, что я понимаю, хорошо; думаю, что и то, чего я не понимаю, тоже хорошо", - он был несерьезен. Теперь случай многих людей, которые не так мудры, как Тертуллиан и Сократ, идентичен их случаю. Многочисленные допросы свидетелей заставили меня вспомнить изречение Тертуллиана, потому что свидетели выдавали за факты самые невероятные вещи. А когда они объясняли даже самые непонятные вещи, я думал: "И то, что ты не понимаешь, тоже хорошо".

Эта вера некультурных людей в собственный интеллект была великолепно показана Виландом в его бессмертных "Абдеритах". Четвертый философ говорит: "То, что вы называете миром, по сути, является бесконечной чередой миров, которые обволакивают друг друга, как кожица лука". "Очень ясно", - сказали абдериты и подумали, что поняли философа, потому что прекрасно знали, как выглядит лук. Умозаключение, которое делается из понимания одного термина в сравнении с пониманием другого, является одной из важнейших причин возникновения стольких недоразумений. Пример как таковой понимается, но забывается его применение к утверждению и вопрос о том, понятно ли последнее из примера. Это объясняет хорошо известную и высшую силу примеров и сравнений, и поэтому мудрые всех времен использовали сравнения в разговорах с нищими духом. Отсюда и великий эффект сравнений, а также многочисленные и грубые недоразумения и попытки необученных и неинтеллектуальных людей разъяснить непонятные им вещи с помощью сравнений. К счастью, пытаюсь объяснить что-либо другим людям, они имеют привычку использовать эти трудно обнаруживаемые сравнения, так что другие, если они достаточно наблюдательны, могут успешно проверить правильность умозаключения от одного термина в сравнении к другому. Мы часто делаем это при допросе свидетелей и обнаруживаем, что свидетель использовал фигуру, чтобы прояснить какой-то непонятный момент, и что он обязательно понимает его, поскольку он находится в поле его мыслительных инструментов. Но то, что сравнивается, остается для него таким же

непонятным, как и прежде. Поэтому проверка его очень утомительна и в основном безрезультатна, потому что редко удастся освободить человека от какой-то фигуры, обнаруженной с трудом. Он всегда возвращается к ней, потому что понимает ее, хотя на самом деле это не то, с чем он сравнивает. Но и то, что удастся получить в таком случае, не так уж мало, ибо уверенность в том, что, раскрывшись таким образом, свидетель не понимает сути дела, легко определяет ценность его показаний.

Важное значение в этом вопросе имеет и полнота возможностей, при которых можно что-либо утверждать. Вывод о том, что вещь невозможна, обычно делается большинством людей таким образом, что сначала они рассматривают детали тех событий, которые им уже известны или непосредственно представлены. Затем, когда они оказываются перед ними, они делают вывод, что дело совершенно невозможно, а то, что одна или несколько различных случайностей упущены из рассмотрения, вообще не изучается. Наш любезный профессор физики однажды сказал нам: "Сегодня я собирался показать вам прекрасные опыты по интерференции света, но это невозможно наблюдать при дневном свете, а когда я задерживаю шторы, вы поднимаете грубый хаус. Поэтому демонстрация невозможна, и я убираю приборы". Этот добрый человек не учел другой возможности - что от нас можно ожидать приличного поведения, даже если шторы будут задернуты.

Отсюда вытекает правило, согласно которому утверждению свидетеля о невозможности чего-либо никогда не следует доверять. Возьмем самый простой пример. Свидетель уверяет нас, что невозможно, чтобы кражу совершил посторонний человек. Если вы спросите его, почему, он, вероятно, скажет вам: "Потому что дверь была заперта, а окна заколочены". Возможность того, что вор мог проникнуть через дымоход, или пропустить ребенка между прутьями окна, или воспользоваться каким-то особым инструментом и т. д., не рассматривается, и не рассматривалась бы, если бы не был задан вопрос об основании для умозаключения.

Особенно следует помнить, что мы, криминалисты, "не должны заниматься математической истиной, а должны искать историческую истину. Мы начинаем с массы деталей, объединяем их и с помощью этого объединения и проверки добиваемся результата, который позволяет нам судить о существовании и характеристиках событий прошлого". Материал нашей работы лежит в массе деталей, а способ и надежность их представления определяют уверенность наших выводов.

При более близком рассмотрении выигрыш этого материала можно описать так, как его описывает Юм:^[159] "Если мы хотим убедиться в природе тех доказательств, которые убеждают нас в фактах, мы должны выяснить, как мы приходим к знанию причин и следствий. Я осмелюсь утверждать в качестве общего положения, не допускающего никаких исключений, что знание этого отношения ни в одном случае не достигается рассуждениями а priori; оно возникает исключительно из опыта, когда мы обнаруживаем, что какие-либо конкретные объекты постоянно связаны друг с другом; ... и наш разум, не опирающийся на опыт, никогда не может сделать никакого вывода относительно реального существования и факта".

В ходе своего объяснения Юм выдвигает две пропозиции,

- (1) Я обнаружил, что такой-то объект всегда сопровождался таким-то эффектом.
- (2) Я предвижу, что другие объекты, внешне похожие друг на друга, будут сопровождаться подобными эффектами".

Он продолжает: "Я допускаю, если вам угодно, что одно предложение может быть справедливо выведено из другого; я знаю, что оно всегда выводится. Но если вы настаиваете на том, что вывод делается по цепочке рассуждений, я хочу, чтобы вы привели эту цепочку рассуждений. Связь между этими предложениями не является интуитивной. Необходима среда, которая позволила бы разуму сделать такое умозаключение, если, конечно, оно будет сделано путем рассуждений и аргументов. Что это за среда, я, признаться, не могу понять; и обязан предоставить ее тем, кто утверждает, что она существует и является источником всех наших выводов относительно фактов".

Если мы рассмотрим этот вопрос более внимательно, то сможем с уверенностью сказать: Эта среда существует не как субстанция, а как переход. Когда я говорю в предложении "такой-то объект", я уже имею в виду "подобный", поскольку нет ничего абсолютно похожего ни на что другое, а когда я говорю в первом предложении "такой-то объект", я уже перехожу к утверждению, сделанному во втором предложении.

Предположим, что мы возьмем эти пропозиции конкретно:

(1) Я обнаружил, что хлеб из кукурузы обладает питательным эффектом.

(2) Я предвижу, что и другие внешне похожие предметы, например, пшеница, будут оказывать такое же действие.

В случае (1) я не мог проводить различные эксперименты с одной и той же кукурузой. Я мог бы работать с кукурузой, взятой как таковая с одной точки зрения или рассматриваемой как таковая с другой, т. е. я мог бы экспериментировать только с очень похожими объектами. Поэтому я могу проводить эти эксперименты с кукурузой из все более отдаленных исходных точек, или почв, и, наконец, с кукурузой из Барбарии и Восточной Африки, так что уже не может быть и речи об идентичности, а только о сходстве. И наконец, я могу сравнить два урожая кукурузы, которые имеют меньше сходства, чем определенные виды кукурузы и определенные виды пшеницы. Поэтому я имею право говорить о тождественном или сходном в первой пропозиции в той же мере, что и во второй. Одна пропозиция вытекает из другой, и связь между ними обнаружена.

Криминологическая важность этой "связи" заключается в том, что от ее обнаружения зависит правильность наших умозаключений. Мы постоянно работаем с этими двумя гумилевскими предложениями и всегда утверждаем, во-первых, что некоторые вещи связаны между собой как причина и следствие, и мы присоединяем данный случай к этому, потому что считаем его похожим. Если он действительно похож, а связь первой и второй пропозиций действительно верна, то истинность умозаключения достигнута. Нам не нужно считать необъяснимые чудеса числовых отношений в результате. Д'Алембер заявляет: "Кажется, будто существует некий закон природы, который чаще препятствует возникновению регулярных, чем нерегулярных комбинаций; комбинации первого рода математически, но не физически, более вероятны. Когда мы видим, что на каком-то одном кубике выпадают большие числа, мы сразу же склонны назвать этот кубик ложным". А Джон Стюарт Милль добавляет, что д'Алемберу следовало бы поставить проблему в форме вопроса о том, поверит ли он в кубик, если после его осмотра и признания правильности кто-то объявит, что им было брошено десять шестерок.

Можно пойти еще дальше и утверждать, что мы вообще склонны считать ошибочным умозаключение, которое указывает на случайность в регулярном числовом соотношении. Кто поверит рассказу охотника о том, что за последнюю неделю он подстрелил 100 зайцев, или азартного игрока о том, что он выиграл 1000 долларов, или больного о том, что он болел

десять раз? По крайней мере, можно предположить, что каждый из них просто называет приблизительно круглую сумму. Девяносто шесть зайцев, 987 долларов и одиннадцать болезней будут звучать более правдоподобно. И это доходит до того, что во время допросов свидетели стесняются называть такие "невероятные соотношения", если они вообще хотят, чтобы их показаниям поверили. Но и многие судьи не замедляют наброситься на такое число и потребовать "точных показаний", а то и сразу решить, что свидетель говорит только "о". О том, насколько глубоко укоренились подобные взгляды, говорит тот факт, что банкиры и другие торговцы лотерейными билетами считают, что билеты с "красивыми номерами" трудно продать. Билет серии 1000 с номером 100 вообще не продается, потому что такое число "невозможно продать". И опять же, если приходится подсчитывать столбик случайных цифр, а в сумме получается 1000, правильность суммы всегда вызывает сомнение.

Перед нами факты, которые неоспоримы и необъяснимы. Поэтому мы должны согласиться ни с недоверием к так называемым круглым числам, ни с особым доверием к совершенно нерегулярным цифрам. И то, и другое должно быть изучено.

Возможно, что суждение о правильности умозаключения делается аналогично суждению о числах и что последние оказывают влияние на суждение, которое настолько же признается в народе, насколько с ним борются в действительности. Со времен Канта было совершенно очевидно, что суждение о том, что дураков большинство, должно вести через многие другие подобные истины в суждениях, причем безразлично, идет ли речь о суждениях суда, законодательного органа с правом голоса или просто о суждениях как таковых.

Шиль говорит: "Часто утверждается, что решение суда с большей вероятностью будет правильным в зависимости от количества судей и присяжных". Не считая того, что судья менее осторожен, прилагает меньше усилий и чувствует меньшую ответственность, когда у него есть помощники, это ложный вывод из огромного среднего количества дел, которые неизбежно далеки от какого-либо среднего значения. А если к этому добавляются определенные предрассудки или слабость ума, то ошибка многократно возрастает. Тот, кто точно следит, если ему не надоедает, за голосованием органов и рассматривает индивидуальные мнения по этому вопросу, которые остаются индивидуальными вопреки большому большинству и поэтому достойны холодного и непредвзятого рассмотрения, узнает некоторые редкие факты. Особенно интересно изучить мнение всего состава судейской коллегии по поводу дела, по которому было вынесено ложное решение; удивительно часто лишь один-единственный голос высказывался правильно. Этот факт является предупреждением для судьи в таких случаях, чтобы он внимательно прислушивался к индивидуальному мнению и считал, что оно, скорее всего, заслуживает изучения только потому, что находится в значительном меньшинстве.

То же самое следует иметь в виду, когда что-либо утверждается большим количеством свидетелей. Помимо того, что они зависят друг от друга, что они подсказывают друг другу, вполне возможно, особенно при наличии какого-либо источника ошибки, что последний повлияет на всех свидетелей.

Было ли решение вынесено одним судьей или является вердиктом любого количества присяжных, совершенно безразлично, поскольку правильность решения не зависит от количества. Экснер говорит: "Степень вероятности правильности судебного решения зависит от богатства поля ассоциаций, привлеченных для его установления. В этом факте и заключается ценность знания, поскольку оно, по сути, является расширением сферы ассоциаций. А ценность пропорциональна богатству ассоциаций между данным фактом и

требуемым знанием". Это одна из важнейших доктрин, которую мы должны иметь в виду, и она полностью опровергает мнение тех, кто считает, что мы должны довольствоваться знанием нескольких десятков статут, нескольких комментариев и такого-то и такого-то количества прецедентов.

Если добавить, что "каждое суждение - это идентификация и что в каждом суждении мы утверждаем, что представленное содержание идентично, несмотря на две различные ассоциативные связи", то [160] становится ясно, какой опасности мы подвергаемся, если ассоциативные связи судьи слишком бедны и узки. Как сказал Миттермайер семьдесят лет назад: "Есть достаточно случаев, когда вес доказательств настолько велик, что все судьи убеждены в истине одинаково. Но само по себе то, что определяет суждение, - это сущностный характер того, кто его выносит". Что он подразумевает под сущностным характером, уже было указано.

Нам еще предстоит рассмотреть вопрос о ценности умозаключений, сделанных свидетелем на основе его собственных комбинаций фактов или описаний. В таких случаях часто упускается из виду необходимость проведения повторных и многочисленных экспертиз. Предположим, например, что свидетель не знает определенной важной даты, но, комбинируя то, что ему известно, делает вывод, что это было второе июня, в этот день и произошло обсуждаемое событие. Он делает такой вывод, потому что в это время ему позвонил А., который имел привычку приходить по средам, но после седьмого июня не могло быть никакой среды, потому что свидетель в этот день уезжал в дальнюю поездку, и это не могло быть 26 мая, потому что этот день предшествовал празднику, а магазин был открыт допоздна, чего не было в день звонка А. Кроме того, это не могло быть 20 мая, поскольку в тот день было очень тепло, а температура начала повышаться только после 20 мая. С учетом этих фактов обсуждаемое событие должно было произойти 2 июня и только в этот день.

Как правило, такие комбинации очень влиятельны, потому что выглядят осторожными, мудрыми и убедительными. Они навязываются людям, не склонным к подобным процессам. Даже больше, чем имеют на это право, поскольку не представляют особых трудностей для тех, кто к ним привык и для кого они происходят почти спонтанно. Как обычно то, что производит на нас сильное впечатление, не подвергается особому изучению, а принимается как поразительное и неопровержимое, так и здесь. Но как необходимо тщательно исследовать такие вещи и проверять, насколько обоснованы отдельные предпосылки, покажет данный или любой другой пример. Отдельные даты, факты и предположения могут быть легко ошибочными, и малейшая оплошность может сделать результат ложным или, по крайней мере, неубедительным.

Исследование манускриптов еще сложнее. Написанное имеет определенную убедительную силу, причем не только для других, но и для самого автора, и как бы мы ни были готовы сомневаться и улучшать то, что было написано сразу или, самое большее, некоторое время назад, рукопись определенного возраста всегда имеет своего рода авторитет, и мы дешево отдаем ей правильность, когда это под вопросом. В любом случае в таком случае регулярно возникает проблема, является ли написанное описание вполне корректным, и столь же регулярно ответ на нее оказывается убежденно утвердительным. Невозможно дать какое-либо общее правило для проверки такого утверждения. Обычно некоторой ясности можно достичь, обратив внимание на цель создания рукописи, особенно для того, чтобы выяснить ее источники и личность писателя. Многое зависит от внешней формы манускрипта. Не то чтобы особая тщательность и порядок в записях имели особое значение; однажды я опубликовал записи старого крестьянина, который не умел ни читать, ни писать, и его счета с соседом были сделаны неученым, но очень четким образом, и были приняты как

неоспоримые в гражданском деле. Целенаправленность, порядок и непрерывность рукописи указывают на то, что она не была написана после события, и поэтому, наряду с причиной ее написания и, очевидно, личностью писателя, определяют ее ценность".

Раздел 32.(j) Ошибочные умозаключения.

Как говорит Хаксли, верно, что люди совершали бы меньше ошибок, если бы помнили о своей склонности к ложным суждениям, зависящим от необычных комбинаций реального опыта. Когда люди говорят: Я чувствовал, я слышал, я видел то или это, в 99 случаях из 100 они имеют в виду только то, что им было известно о каком-то ощущении, природу которого они определяют в суждении. Большинство ошибочных умозаключений возникает именно таким образом. Они редко бывают формальными и редко возникают из-за неумения пользоваться логическими принципами; их основанием является внутренняя недостаточность посылки, которая сама является ошибочной из-за ошибочного восприятия или представления.[161] Как справедливо отмечает Милль, значительная часть человечества совершает ошибки из-за молчаливого предположения, что порядок природы и порядок знания идентичны и что вещи должны существовать так, как они мыслятся, так что, когда две вещи не могут мыслиться вместе, предполагается, что они не существуют вместе, а немыслимое предполагается идентичным несуществующему. Но то, что не удастся представить, не следует путать с абсолютно немыслимым. Трудность или невозможность умозаключения может быть субъективной и условной, и может помешать нам понять связь ряда событий только потому, что неизвестно или упущено какое-то близкое условие. Очень часто в криминальных случаях, когда я не могу продвинуться в каком-то простом вопросе, я вспоминаю хорошо известную историю о старой крестьянке, которая увидела хвост лошади через открытую дверь конюшни, а голову другой лошади - через другую дверь в нескольких ярдах от нее, и поскольку цвета головы и хвоста были похожи, она была вынуждена воскликнуть: "Господи, какая длинная лошадь!" Старушка исходила из предположения, что крестец и голова обеих лошадей принадлежат одной, и не смогла воспользоваться очевидным решением проблемы немыслимо длинной лошади, разделив ее на две части.

Подобные ошибки можно разделить на пять групп.[162]

- (1) Априорные ошибки. (Естественные предрассудки).
- (2) Ошибки в наблюдении.
- (3) Ошибки обобщения. (Когда факты верны, а выводы неверны).
- (4) Ошибки путаницы. (Двусмысленность терминов или ошибки ассоциаций).
- (5) Логические заблуждения.

Все пять заблуждений играют важную роль в работе юриста.

Нам очень часто приходится бороться с естественными предрассудками. Мы считаем, что одни классы людей лучше, а другие хуже среднего, и, не выражая этого явно, ожидаем, что первым будет нелегко творить зло, а другим - добро. У нас есть предрассудки относительно того или иного взгляда на жизнь, того или иного определения справедливости, той или иной точки зрения, хотя у нас достаточно возможностей убедиться в их ошибочности.

Аналогичный предрассудок состоит в том, что мы слишком доверяем нашим человеческим знаниям, суждениям о впечатлениях, фактах и т. д., настолько, что определенные отношения и случайности, происходящие с любым человеком, который нам нравится или не нравится, определяют его преимущества или недостатки в наших руках.

Важное значение в этой области имеют и те умозаклучения, которые делаются, несмотря на знание того, что дело обстоит иначе; сила чувства более энергична, чем сила размышления. Как выражается Гартманн: "Предрассудки, возникающие на основе ощущений, - это не сознательные суждения разума, а инстинктивно практические постулаты, и поэтому их очень трудно уничтожить или даже отбросить с помощью сознательного рассмотрения. Вы можете тысячу раз повторять себе, что луна у горизонта такая же большая, как и в зените, - и все же в зените вы видите ее меньше". Подобные фиксированные впечатления мы встречаем в каждом уголовном процессе, и если мы однажды рассмотрели, как преступник совершил преступление, то уже не можем избавиться от этого впечатления, даже когда совершенно точно выяснили, что он не причастен к этому преступлению. Второй тип заблуждений - ошибки в наблюдении - будет рассмотрен позже в разделе "Чувственное восприятие и другие подобные вопросы".

В рамках ошибок обобщения наиболее важными являются процессы упорядочивания, когда окружение или сопутствующие обстоятельства оказывают настолько определяющее влияние, что умозаклучение часто делается только на их основе и без изучения рассматриваемого объекта. Танагру в доме знатока искусства я принимаю за подлинник без дополнительного изучения; золотые часы в кармане бродяги - за кражу; гигантский метеор, скелет игуаны, скрюченную Нерву в Берлинском королевском музее я принимаю за несомненный оригинал, а в музее колледжа маленького городка - за несомненную имитацию. То же самое можно сказать и о событиях: Я слышу визг ребенка в доме угрюмой жены сапожника и не сомневаюсь, что она его шлепает; в горах по некоторым свистам я делаю вывод о присутствии серны, а один длинный тягучий тон, который может принадлежать чему угодно, я объявляю органом, если рядом находится церковь.

Все эти процессы основаны на опыте, синтезе и, если хотите, предрассудках. Часто они приводят к правильным выводам, но во многих случаях имеют обратный эффект. Часто приходится слышать, что в таких случаях тщательное исследование необходимо больше всего, потому что люди так склонны полагаться на "первое, всегда неоспоримо верное впечатление". Понимание обобщает просто и поспешно, не ища обоснования.

Единственный способ избежать большого ущерба - это отделить факт сам по себе от его окружения и сопутствующих обстоятельств и изучать его без них. Окружение - это только средство доказательства, но не доказательство, и только когда объект или событие подтверждены сами по себе, мы можем приводить одно средство доказательства за другим и соответствующим образом изменять свою точку зрения. Не делать этого - значит всегда делать ложные выводы и, что еще хуже, при осознании ошибки впоследствии обнаружить, в какой момент она произошла, невозможно. К тому времени она уже слишком глубоко зарыта в кучу нашей системы умозаклучений, чтобы ее можно было обнаружить.

Ошибка путаницы Милля сводится прежде всего к нечеткому представлению *того, что* такое доказательство, то есть к двусмысленности слов. Мы редко встречаемся с такими случаями, но когда это происходит, они возникают после того, как мы соединили понятия и небрежно соединили какой-то символ с объектом или событием, которые не должны были соединяться, просто потому, что мы ошиблись в их значении. Наглядным примером может служить вывод, который делает из приговора, вынесенного преступнику по "идентичному мотиву". *Petitio, Ignorantia* и т. д. относятся к этому классу. Чисто логические ошибки или ошибки силлогизма в эти рассуждения не входят.

Раздел 33. (к) Статистика моральной ситуации.

На первый взгляд можно утверждать, что статистика и психология не имеют ничего общего друг с другом. Однако если заметить, что необычные и необъяснимые результаты, представленные статистикой морали и общей статистикой, безоговорочно влияют на наши мысли и размышления, то нельзя отрицать их важность для криминальной психологии. Ответственность, обилие преступников, их распределение по времени, месту, личности и обстоятельствам, регулярность их появления - все это оказывает на нас столь глубокое влияние как по существу, так и косвенно, что даже наши суждения и решения, не меньше, чем поведение и мысли других людей, которых мы судим, безусловно, изменяются под их влиянием.[163] Более того, вероятность и статистика находятся в такой тесной и неразрывной связи, что мы не можем использовать или интерпретировать одну из них без другой. Выдающиеся психологические работы Мюнстерберга показывают, какое значение статистические проблемы имеют для психологии. Этот писатель предостерегает нас от переоценки результатов статистики морали и считает, что ее правильные тенденции будут обнаружены лишь много позже. В любом случае реальная ценность статистического синтеза и дедукции может быть обнаружена только при тщательном изучении. Особенно это касается криминальной среды. Работы многих авторов[164] учат нас тому, чему иначе мы не научились бы, и мы не стали бы рассматривать их здесь, если бы только систематическое изучение самих работ могло принести пользу. Мы говорим здесь только об их важности для нашей дисциплины. Никто не сомневается, что в цифрах и расчетах статистики есть свои тайны. Признаемся честно, что сегодня мы не знаем больше, чем тогда, когда Поль де Деккер обсуждал в Брюссельской академии наук труды Кетеле по статистике морали и признавался, какой загадкой было то, что человеческое поведение, даже в самых незначительных его проявлениях, подчинялось в своей совокупности постоянным и неизменным законам. По поводу этого любопытного факта Адольф Вагнер говорит: "Если бы какой-нибудь путешественник рассказал нам о каком-нибудь народе, где закон точно определяет, сколько человек в год должно жениться, умирать, совершать самоубийства и преступления в рамках определенных классов, - и если бы он к тому же заявил, что эти законы полностью соблюдаются, что бы мы сказали? А на самом деле эти законы соблюдаются во всем мире".[165]

Конечно, статистика морали имеет дело с количествами, а не с качествами, но в ходе статистического исследования встречаются и последние. Так, например, исследования связи преступности с посещаемостью школы и образованием, с классами, в которых совершается больше всего самоубийств, и т. д. связывают человеческие качества со статистическими данными. Не за горами то время, когда мы будем искать с помощью статистической таблицы правильное представление о вероятности того или иного предположения относительно какого-нибудь редкого преступления, сомнительного самоубийства, необыкновенных психических явлений и т. д. Эта возможность становится более понятной, когда рассматривается немыслимое постоянство некоторых цифр. Предположим, мы изучим количество самоубийств с 1819 года в Австрии за восемь лет. Мы обнаружим следующие цифры: 3000, 5000, 6000, 7000, 9000, 12000, 15000 - т. е. регулярный рост, сравнимый с законом.[166] Или предположим, что мы рассмотрим число женщин, которые в течение десяти лет во Франции застрелились; мы найдем 6, 6, 7, 7, 6, 6, 7; есть только чередование между 6 и 7. Не следует ли нам обратить внимание на то, не появилось ли в какой-то год восемь или девять человек? Не следует ли рассмотреть возможность того, что самоубийство является лишь притворным? Или, предположим, мы рассмотрим число мужчин, утопившихся за одно и то же время: 280, 285, 292, 276, 257, 269, 258, 276, 278, 287, - Вагнер справедливо говорит о таких цифрах, "что они содержат арифметическое отношение

механизма, принадлежащего моральному порядку, который должен вызывать еще большее изумление, чем механизм звездных систем".

Еще более примечательны эти фигуры, когда они так сведены вместе, что их можно рассматривать как кривую. Именно таким образом Дробиш составляет таблицу, в которой распределяет преступность в зависимости от возраста. Из тысячи преступлений, совершенных людьми в возрасте от:

	ПРОТИВ НЕДВИЖИМОСТЬ	ПРОТИВ ЛЮДЕЙ
Менее 16 лет	2	0.53
16-21	105	28
21-25	114	50
25-30	101	48
30-35	93	41
35-40	78	31
40-45	63	25
45-50	48	19
50-55	34	15
55-60	24	12
60-65	19	11
65-70	14	8
70-80	8	5
Более 80	2	2

Через оба столбца можно провести определенную кривую, которая постоянно растет и постоянно падает. Большой математической достоверности практически невозможно представить. Такое же огромное значение имеет распараллеливание наиболее важных условий. Если, например, взять самоубийства во Франции с 1826 по 1870 год по пятилетним сериям, то мы получим цифры 1739, 2263, 2574, 2951, 3446, 3639, 4002, 4661, 5147; если теперь за этот период население увеличилось с 30 до 36 миллионов, то нужно искать другие определяющие факторы.[\[167\]](#)

Опять же, большинство авторитетов, цитируемых Gutberlet,[\[168\]](#), указывают, что больше всего самоубийств совершается в июне, меньше всего - в декабре; больше всего - ночью, особенно на рассвете, меньше всего - в полдень, особенно между двенадцатью и двумя часами. Наибольшая частота самоубийств наблюдается среди полубразованных людей, в возрасте от шестидесяти до семидесяти лет, а также среди саксонцев (Oettingen).

Совокупность таких наблюдений приводит к неопровержимому выводу, что результаты достаточно постоянны, чтобы можно было сделать хотя бы предположение относительно рассматриваемых случаев. В настоящее время статистика мало что дает в отношении отдельного человека; Дж. С. Милль прав, утверждая, что коэффициент смертности поможет страховым компаниям, но мало что скажет любому человеку о продолжительности его жизни. По мнению Адольфа Вагнера, главное статистическое правило таково: Закон действует, когда речь идет о большом количестве людей; постоянная закономерность ощутима только тогда, когда случаев очень много; единичные случаи показывают множество

вариаций и исключений. Кетеле показал истинность этого правила на примере круга. "Если нарисовать круг на доске толстым мелом и внимательно изучить его очертания на небольших участках, вы обнаружите грубейшие неровности; но если отойти подальше и изучить круг в целом, его правильная, совершенная форма станет вполне отчетливой". Но круг должен быть нарисован аккуратно и правильно, и не стоит поддаваться сентиментальности и слезам, перебирая в рисунке лапки мухи. Эмиль дю Буа-Реймон^[169] говорит против этого: "Когда почтмейстер объявляет, что из 100 000 писем в год столько-то и столько-то приходит без адресата, мы не задумываемся об этом, но когда Кетеле насчитает столько-то и столько-то преступников на каждые 100 000 человек, наше нравственное чувство возбуждается, так как больно думать, что мы не преступники только потому, что кто-то другой нарисовал черное пятно". Но на самом деле в этом факте так же мало прискорбного, как и в наблюдении, что каждый год столько-то мужчин ломают ноги и столько-то умирают - в этих случаях также большому числу людей посчастливилось не сломать ноги и не умереть. Перед нами неопровержимая логика фактов, в которой нет ничего досадного.

С другой стороны, несомненно, что для того, чтобы криминальная статистика была полезной, с ней нужно работать совсем по-другому. Изучая статистику самоубийств, мы убедились, что выводы по отдельным случаям можно делать только при тщательном изучении материала и рассмотрении его со всех сторон. Но наша криминологическая статистика редко изучается с такой тщательностью; характер такого изучения слишком бюрократичен и определяется уставом и судопроизводством. Криминалист предоставляет статистику цифры, но тот не может извлечь из них никаких важных принципов. Взять хотя бы официальный отчет о годовых результатах работы уголовных судов в любой стране. Под и над тысячами и тысячами цифр и рядов цифр скрывается огромная масса очень сложной работы, которая принесла прибыль лишь в очень малой степени. Передо мной четыре отчета за один год, посвященные деятельности австрийских судов и уголовных учреждений, которые отличаются превосходной полнотой, правильностью и тщательной проверкой. Откройте самый важный - результаты применения уголовного права в различных департаментах страны - и вы найдете все, что записано: сколько было наказано здесь и сколько там, каковы были их преступления, процент осужденных в зависимости от возраста, социального положения, религии, профессии, богатства и т. д.; затем вы снова увидите бесконечные таблицы арестов, приговоров и т. д. и т. п. Ценность всего этого заключается лишь в том, чтобы указать, можно ли обнаружить определенную закономерность в действиях чиновников. Психологически ценный материал встречается редко. Есть некоторое энергичное приближение к нему в рассмотрении культуры, богатства и предыдущих приговоров, но даже они рассматриваются в самом общем виде, в то время как основа и мотив смертного приговора едва обозначены. Мы практически не рассматриваем мотивы, связанные с образованием, предыдущей жизнью и т. д., в их отношении к вынесению приговора. Только тогда, когда статистика будет действительно и во всех направлениях иметь дело с качествами, а не только с количеством, она начнет иметь действительно научную ценность.

Тема II. ЗНАНИЯ.

Раздел 34.

Уголовное право, как и все другие дисциплины, должно задаваться вопросом, при каких условиях и когда мы имеем право сказать "мы знаем". Ответ на этот вопрос далеко не всегда одинаков, хотя можно было бы ожидать, что убеждение в знании будет всегда связано с одинаковыми условиями. Странное и существенное различие определяется вопросом, будет ли вердикт "мы знаем" иметь или не иметь практические последствия. Когда мы обсуждаем

какой-нибудь вопрос, например, о месте определенной битвы, температуре Луны или появлении определенного животного в плиоцене, мы сначала предполагаем, что существует истинный ответ; появляются доводы за и против, первые увеличиваются в числе, и вдруг мы обнаруживаем в какой-то книге заверение: "Мы знаем факт". Это заверение переходит в такое-то и такое-то количество других книг; и если оно не соответствует действительности, то никакого существенного вреда нанести нельзя.

Но когда наука пытается определить качество какого-то вещества, терапевтическую эффективность какого-то яда, возможности какого-то средства связи, применимость какого-то великого национального экономического принципа, например свободной торговли, то требуется гораздо больше времени, чтобы заявить: "Мы знаем, что это так, а не иначе". В этом случае ясно видно, что за практической интерпретацией слова "мы знаем" следуют огромные последствия, и, следовательно, в этих случаях имеет место совершенно иное налогообложение знания, чем в случаях, когда практические последствия сравнительно незначительны.

Наша работа, очевидно, имеет конкретные практические последствия. Более того, она содержит условия, которые делают несовершенное знание эквивалентным полному незнанию, так как в предложении каждое "нет" может каждый раз означать: "Мы знаем, что он этого не делал" или еще раз: "Мы знаем, что нет полной уверенности в том, что он это сделал". Наше знание в таких случаях ограничивается признанием запутанности предмета, а знание в самом широком смысле - это сознание некоторого определенного содержания, в данном случае - запутанности. Здесь, как и везде, знание не тождественно истине; знание есть только субъективная истина. Тот, кто знает, имеет основания считать вещи истинными и не имеет оснований не считать их таковыми. Здесь он вправе предположить, что все, кто признает его знание, будут его оправдывать. Но, когда даже все оправдывают его знание, оно может быть оправдано только в его сиюминутности; завтра все дело может выглядеть иначе. По этой причине мы, криминалисты, гораздо реже, чем другие следователи, утверждаем, что ищем истину; если бы мы решились на такое утверждение, у нас не было бы институтов справедливости, пересмотра и, в уголовном процессе, повторного разбирательства. Наше знание, если называть его скромно, - это всего лишь внутренняя убежденность в том, что некий вопрос является таким-то и таким-то в соответствии с человеческими возможностями и "таким-то и таким-то положением вещей". При этом мы соглашаемся с тем, что "такое-то и такое-то положение вещей" может меняться с каждым мгновением, и заявляем о своей готовности изучить вопрос заново, если условия изменятся. Мы требуем материальной, но относительной истины.

Один из самых остроумных мыслителей, Дж. Р. фон Майер, первооткрыватель рабочего принципа "сохранения энергии", говорит: "Самое важное, если не единственное правило для настоящего естествознания заключается в следующем: Всегда верить, что наша задача - познать явления, прежде чем искать объяснение в высших причинах. Если факт однажды познан во всех его аспектах, он тем самым объяснен и долг науки выполнен". Автор не имел в виду нас, сухопарых юристов, когда делал это утверждение, но мы, скромно стремящиеся подчинить свою дисциплину правильной естественной науке, должны принять эту доктрину абсолютно близко к сердцу. Каждое преступление, которое мы изучаем, - это факт, и как только мы узнаем его во всех аспектах и учтем каждую мелочь, мы объясним его и выполним свой долг.

Но слово "объяснить" не ведет нас очень далеко. В основном речь идет о том, чтобы свести массу необъяснимого к минимуму, а целое - к простейшим понятиям. Если бы только нам удалось это сокращение! В большинстве случаев мы заменяем один известный термин не

другим, еще более удачным, но странным, который может означать разные вещи для разных людей. Таким образом, мы снова объясняем одно событие с помощью другого, более сложного. К сожалению, мы, юристы, более всех других склонны к ненужным объяснениям, потому что наше уголовное право приучило нас к глупым определениям, которые редко приближают нас к вопросу и которые снабжают нас только множеством трудных для понимания слов вместо легко понятных. Таким образом, мы приходим к объяснениям, которые невозможно и трудно сделать, к объяснениям, в которые мы сами часто не хотим верить. И снова мы пытаемся объяснить и определить события, которые иначе были бы понятны всем, и, которые из-за этой попытки становятся сомнительными и неопределенными. Дело становится особенно трудным, когда мы чувствуем себя неуверенно, обнаруживаем или ожидаем противоречия. Тогда мы пытаемся убедить себя в том, что что-то знаем, хотя вначале мы достаточно ясно осознавали, что ничего не знаем. Не стоит забывать, что наше знание может достигать лишь представлений о вещах. Оно состоит только в восприятии связи и согласия или несовместимости и противоречия некоторых наших представлений. Наша задача как раз и состоит в том, чтобы объяснить эти впечатления, и чем тщательнее это сделать, тем больше и увереннее будет результат. Но мы никогда не должны доверять только своим впечатлениям. "Когда теолог, имеющий дело со сверхчувственным, сказал все, что, с его точки зрения, он может сказать, когда юрист, представляющий те фундаментальные законы, которые являются результатом социального опыта, рассмотрел все причины с его собственной точки зрения, окончательным авторитетом в некоторых случаях должен быть врач, который занимается изучением жизни тела".

Я взял это у Модсли, [\[170\]](#), и это заставляет нас помнить, что *наши* знания очень односторонни и ограничены, и что событие известно только тогда, когда высказались все, кто обладает особыми знаниями о его типе. Поэтому каждый криминалист обязан основывать свои знания на знаниях как можно большего числа экспертов и не судить и не обсуждать никаких вопросов, требующих особой информации, не посоветовавшись предварительно с экспертом по этому поводу. Только притворщик знает все; обученный человек понимает, как мало может постичь разум отдельного человека и как много людей должны сотрудничать, чтобы объяснить самые простые вещи.

Сложность вопроса заключается в сути понятия "быть". Мы используем слово "быть" для обозначения намерения всего воспринимаемого и воспринимающего. "Быть" и "знать" тождественны в той мере, в какой они имеют идентичное содержание, а содержание может быть известно?" [\[171\]](#)

Часть II.

ОБЪЕКТИВНЫЕ УСЛОВИЯ РАССЛЕДОВАНИЯ УГОЛОВНЫХ ДЕЛ: ПСИХИЧЕСКАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ ИСПЫТУЕМОГО.

Раздел А. Общие условия.

Тема I. СМЫСЛ-ПЕРЦЕПЦИЯ.

Раздел 35.

Наши выводы зависят от восприятий, сделанных нами самими и другими людьми. И если восприятия хороши, то и суждения *могут* быть хорошими, если же они плохи, то и суждения

должны быть плохими. Следовательно, изучение форм чувственного восприятия означает изучение фундаментальных условий управления правом, и чем больше внимания уделяется этому, тем более определенным является управление.

В наши намерения не входит разработка теории восприятия. Мы должны лишь выделить те условия, которые касаются важных обстоятельств, рассматриваемых криминологически, и на основе которых мы можем увидеть, как мы и те, кого мы исследуем, воспринимаем вещи. Тщательное и всестороннее изучение этого вопроса не может быть слишком рекомендовано. Современная наука достигла значительного прогресса в этом направлении и открыла много важного для нас. Игнорировать это - значит ограничиваться лишь поверхностным и внешним, а значит немислимым и непостижимым, игнорировать ценный материал по поверхностным причинам, и, что еще хуже, определять как важный тот материал, который в правильном понимании не имеет никакой ценности.

Раздел 36. (а) Общие соображения.

Криминалист изучает физиологическую психологию^[172] органов чувств и их функции, чтобы выяснить их природу, их влияние на образы и понятия, их достоверность, надежность и ее условия, а также связь восприятия с объектом. Этот вопрос в равной степени относится и к судье, и к присяжным, и к свидетелю, и к обвиняемому. Как только суть функции и отношения чувственного восприятия понята, ее применение в отдельных случаях становится легким.

Важность чувственного восприятия не нужно доказывать. "Если мы спросим, - говорит Миттермайер, - о причине нашего убеждения в истинности фактов даже в очень важных вопросах и об основании каждого суждения о существовании фактов, то обнаружим, что свидетельство органов чувств является окончательным и, следовательно, представляется единственным истинным источником уверенности".

Разумеется, всегда велись споры об объективности и надежности чувственного восприятия. То, что органы чувств не лгут, "не потому, что они всегда верны, а потому, что они не судят", - часто цитируемая фраза Канта; киренаики уже высказали эту мысль, утверждая, что только удовольствие и боль несомненны. Аристотель сужает истинность ощущений до их существенного содержания, как и Эпикур. Декарт, Локк и Лейбниц предположили, что ни один образ не может быть назван, как простое изменение ощущения, истинным или ложным. Сенсуализм в работах Гассенди, Кондильяка и Гельвеция по этой причине взял на себя защиту органов чувств от упреков в обмане и, как правило, делал это, ссылаясь на непогрешимость чувства осознания против упреков в противоречиях других органов чувств. Рид вернулся к Аристотелю в выделении специфических объектов для каждого чувства и в допущении истинности каждого чувства в его собственной области.

То, что эти различные теории могут быть согласованы, сомнительно, даже если с более консервативной точки зрения предмет может быть рассмотрен количественно. Современная квантификация психологии была начата Гербартом, который разработал математическую систему психологии, введя некоторые совершенно неэмпирические постулаты относительно природы репрезентации и применяя определенные простые предпосылки во всех умозаключениях относительно числовых величин. Затем появился Фехнер, который предположил суммирование стимулов. И, наконец, эти взгляды были определены и закреплены широко обсуждаемым законом Вебера, согласно которому интенсивность стимула должна увеличиваться в той же пропорции, в какой должна увеличиваться интенсивность ощущения; т.е. если стимул в 20 единиц требует добавления 3, прежде чем он может быть воспринят, то стимул в 60 единиц потребует добавления 9. Этот закон, имеющий

огромное значение для криминалистов, обсуждающих ощущения свидетелей, был тщательно и убедительно рассмотрен А. Мейнонгом.[173]

"Современная психология рассматривает качества, воспринимаемые извне, как субъективные сами по себе, но способные обрести объективность благодаря нашему отношению к внешнему миру..... Качественный характер нашего сенсорного содержания, создаваемого внешними стимулами, зависит прежде всего от организации наших органов чувств. Это фундаментальный закон восприятия, современной психологии, по-разному выраженный, но аксиоматичный для всей физиологической психологии".[174] В этом направлении Гельмгольц[175] проделал новаторскую работу. В частности, он занимается проблемой оптики, а физиологическая оптика - это изучение восприятия с помощью органов зрения. Мы видим вещи во внешнем мире через посредство света, который они направляют на наши глаза. Свет попадает на сетчатку и вызывает ощущение. Ощущение, переданное в мозг по зрительному нерву, становится условием представления в сознании определенных объектов, распределенных в пространстве..... Мы используем ощущения, которые свет стимулирует в механизме зрительного нерва, для построения представлений о существовании, форме и состоянии внешних объектов. Поэтому мы называем образы зрительными восприятиями. (Наше чувственное восприятие, согласно этой теории, состоит, таким образом, целиком из ощущений; последние представляют собой материал или содержание, из которого строится другое). Наши ощущения - это эффекты, вызванные в наших органах извне, и проявление такого эффекта в основном зависит от природы аппарата, который был стимулирован.

Существуют некоторые действительно известные умозаключения, например, те, которые астроном делает из перспективных изображений звезд к их положению в пространстве. Эти умозаключения основаны на хорошо изученных принципах оптики. В обычной функции зрения такого знания оптики не хватает; тем не менее психическую функцию обычного восприятия допустимо представить как бессознательные умозаключения, поскольку это название полностью отличает их от обычно так называемых сознательных умозаключений.

Последнее условие имеет для нас особое значение. Нам необходимо исследование, чтобы определить законы влияния оптических и акустических знаний на восприятие. В том, что эти законы влияют, можно легко убедиться. Тот, кто не знает, например, что шум сильно отражается назад, скажет, что повозка поворачивает с той стороны, откуда доносится шум, хотя, если бы он знал закон, если бы он знал этот факт, его ответ был бы обратным. Так же, как каждый ребенок знает, что отражение звука часто обманчиво, каждый, кого спросят в суде, скажет, что, по его мнению, повозка находится с правой стороны, хотя с таким же успехом она могла бы быть и с левой. Опять же, если бы мы не знали, что свет преломляется в воде иначе, чем в воздухе, мы могли бы сказать, что палка в воде согнута тупо, но поскольку каждый знает этот факт об отношении света к воде, он заявит, что палка кажется согнутой, но на самом деле она прямая.

От этих простейших чувственных восприятий до самых сложных, известных лишь полудюжине выдающихся физиков, существует бесконечный ряд законов, управляющих каждой стадией восприятия, и для каждой стадии есть группа людей, которые знают ровно столько, сколько нужно, и не больше. Поэтому мы должны предположить, что их восприятие будет варьироваться в зависимости от количества и уровня их достижений, и мы можем почти убедить себя в том, что каждый испытуемый, который должен дать показания относительно своего восприятия, должен в буквальном смысле пройти экзамен, чтобы прояснить его научный статус и тем самым ценность его показаний. Конечно, на практике этого не требуется. Прежде всего, мы судим о характере и воспитании человека по тому

впечатлению, которое он на нас производит, а значит, и по его интеллектуальному статусу. Это приводит к большим ошибкам. Но, с другой стороны, свидетельские показания почти всегда касаются одного или нескольких физических событий, так что простой реляционный опрос позволит точно установить, знает ли свидетель и относится ли он к данному физическому закону или нет. Но в любом случае слишком мало делается для того, чтобы определить, какими средствами пользуется человек для достижения определенного восприятия. Если возникают мгновенные противоречия, то это не приносит особого вреда, поскольку в отсутствие чего-либо определенного дальнейшие умозаключения, к счастью, делаются лишь в редких случаях. Но когда наблюдение принадлежит только одному человеку или даже когда свидетельствуют несколько человек, но они случайно обладают одинаковым объемом знаний и, следовательно, совершают одну и ту же ошибку, а противоречий не возникает, мы считаем, что обладаем точной истиной, подтвержденной несколькими свидетелями, и весело спорим на ее основе. При этом мы совершенно забываем, что противоречия - это наше спасение от доверчивого принятия неправды и что отсутствие противоречия означает, как правило, отсутствие отправной точки для дальнейшего исследования.

По этой и другим причинам современная психология требует от нас осторожности. К числу других относится то обстоятельство, что восприятие редко бывает чистым. Их чистота состоит в том, что они не содержат ничего другого, кроме восприятия; они смешаны, когда связаны с воображением, суждениями, усилиями и волевыми усилиями. Как редко восприятие бывает чистым, я уже пытался показать; суждения почти всегда сопровождают его. Повторяю, что из-за этого обстоятельства и нашего незнания бесчисленные свидетельства интерпретируются совершенно ложно. Это верно и во многих других областях. Когда, например, А. Фик говорит: "Состояние, которое мы называем ощущением, возникает в сознании субъекта, когда стимулируются его сенсорные нервы", он не имеет в виду, что нервный стимул сам по себе способен вызвать данное состояние. Этот стимул - всего лишь один тон в рокоте бесчисленных стимулов, которые ранее и одновременно воздействовали на нас и различны по своему воздействию на каждого человека. Следовательно, этот единственный дополнительный тон также будет разным у каждого человека. Или, когда Бернштейн говорит, что "сенсация, то есть возбуждение сенсориума и передача этого возбуждения в мозг, сама по себе не подразумевает восприятия объекта или события во внешнем мире", мы понимаем, что объективность восприятия срабатывает правильно не более одного раза из многих. Так что и здесь все зависит от природы и воспитания субъекта.

Ощущения, по мнению Обера, еще более субъективны. "Они являются специфической деятельностью органов чувств (не пассивной, как по Гельмгольцу, а активной функцией органов чувств). Восприятие возникает, когда мы соединяем наши конкретные ощущения с чистыми образами духа или схемами понимания, особенно с чистым образом пространства. Так называемый выброс или экстернализация ощущений происходит только как их схема и отношение к единству их объекта".

Пока что-либо мыслится как пассивное, оно всегда может повторяться более идентично, чем когда оно мыслится как активное. В последнем случае индивидуальность конкретного человека делает восприятие в еще большей степени индивидуальным, делает его почти существом того, кто воспринимает. Прав ли Обер или нет, мы выяснять не будем, но если он прав, то чувственное восприятие столь же разнообразно, как и человечество. Разнообразие еще более увеличивается благодаря всеобъемлющей деятельности, которую предполагает

Фишер[176] . "Зрительное восприятие обладает всеобъемлющей или составной активностью. Мы никогда не видим абсолютной простоты и, следовательно, не воспринимаем элементы вещей. Мы видим лишь пространственный континуум, а это возможно только благодаря комплексной деятельности - особенно в случае движения, когда должны восприниматься и объект движения, и окружающая среда". Но каждый отдельный способ "постижения" индивидуален. И неясно, является ли этот чисто физическим, помогает ли только память (так что внимание направлено на то, что было воспринято в последний раз), работает ли воображение, или особая психическая деятельность должна быть предположена в соединении более крупных элементов. Дело в том, что люди могут воспринимать огромное разнообразие вещей одним взглядом. И в целом сила восприятия зависит от мастерства человека. Самый узкий, мелкий, конкретизирующий взгляд - это взгляд самого глупого; а самый широкий, всеобъемлющий и сравнивающий взгляд - взгляд самого мудрого. Это особенно заметно, когда время наблюдения невелико. Один воспринимает немного и, как правило, наименее важное; другой за то же время увидел все сверху донизу, отличил важное от неважного, наблюдал за первым дольше, чем за вторым, и может дать лучшее описание увиденного. И вот, когда перед нами оказываются два столь разных описания, мы удивляемся им и говорим, что одно из них не соответствует действительности.[177]

Скорость апперцепции была подвергнута измерениям Ауэрбахом, Крисом, Бакстом, фон Тигерштедтом и Бергквистом, Штерном, Вашидом, Вурпасом и др. Результаты показывают от 0,015 до 0,035 секунды для составных изображений. К сожалению, большинство этих экспериментов не дали единодушных результатов и не сравнили, например, время восприятия очень умных людей с временем восприятия очень медленных и глупых. В разнообразии восприятия кроется сила презентации (в нашем понимании этого термина). В основном в этом помогают другие силы, но если мы рассмотрим, как органы чувств работают в комбинации, то придем к выводу, что они сами определяют свои формы. "Если мы хотим сказать, что опыт чувств наставляет нас относительно многообразия объектов, мы можем сделать это правильно, если добавим к этому схолию, что многие вещи не могли бы быть упомянуты без синтеза". Так пишет Дёрнер. Но если мы подойдем к этому вопросу с другой стороны, то увидим, насколько замечательно то, что человеческие восприятия вообще можно сравнивать. Герман Шварц говорит: "По мнению физиков, мы познаем внешние события непосредственно с помощью органов, нервы которых пассивно служат для поддержки сознания в восприятии этих событий. Напротив, по мнению большинства физиологов, нервные волокна активны в восприятии внешних событий, они модифицируют их, изменяют до почти неузнаваемости и передают их сознанию только после того, как первоначальный процесс претерпел еще одну трансформацию в новые формы механической энергии в ганглиозных клетках внешнего мозга. В этом и состоит отличие физической теории восприятия от физиологической".

В связи с этим существует еще несколько условий, относящихся к общему чувственному восприятию. Прежде всего, это так называемая викарность органов чувств, которая заменяет одно чувство другим в представлении. *Фактическая* замена одного чувства другим, как, например, осязание и зрение, не относится к настоящему обсуждению. Замена звука и зрения только кажущаяся. Например, когда я несколько раз слышал полужаметный голос какого-то человека, не видя его, я представляю себе определенное лицо и внешность, которые *являются* чистым воображением. Так же, если я слышу крики о помощи у какого-нибудь ручья, я вижу более или менее отчетливо форму тонущего человека и т. д. Совсем иначе обстоит дело с осязанием и зрением; если я с закрытыми глазами дотрагиваюсь до мяча, кубика, кошки, ткани и т. д., то я могу так ясно видеть цвет предмета, находящегося

передо мной, что, возможно, я действительно вижу его. Но в этом случае происходит реальная подмена в большей или меньшей степени.

Такая же подмена происходит, когда восприятие приписывается одному чувству, в то время как в действительности оно принадлежит другому. Это происходит, в частности, тогда, когда человек не присутствовал при событии, или когда восприятие было сделано только наполовину в сознании, или очень давно, и, наконец, когда событие сопровождалось группой других впечатлений, так что не было достаточно времени, если можно так выразиться, чтобы правильно зарегистрировать впечатление от чувства. Так, например, какой-то человек, особенно близкий друг, может быть просто услышан, а позже вполне убедительно предполагается, что его видели. Чувствительные люди, у которых обоняние, как правило, развито сильнее, чем у других, присоединяют к любому ощущаемому запаху все другие соответствующие явления. Викариусы зрительных ощущений - самые многочисленные и самые важные. Тот, кого толкнули или избили, и кто почувствовал удары, будет, если позволят другие обстоятельства и импульс будет достаточно сильным, убежден, что он видел нападавшего и способ нападения. Иногда люди, в которых стреляли, утверждают, что видели полет шара. Так и в других случаях они видят темной ночью сравнительно далекую повозку, хотя слышали только ее шум и ощущали вибрацию. К счастью, такие люди, как правило, стараются быть справедливыми в ответах на вопросы, которые касаются этой подмены одного ощущения другим. А такие вопросы нужно ставить остро. То, что ложное свидетельство может привести к значительным ошибкам, так же очевидно, как и то, что такие подмены чаще всего происходят у нервных и мнительных людей.

Еще более значимым является то характерное явление, имеющее для нас большое значение, которое можно назвать ретроспективным освещением восприятия. Он заключается в появлении ощущений в условиях какого-то заметного перерыва, когда стимул, как правило, не вызывает этих ощущений. Я привожу простой пример, на котором я впервые заметил этот факт. С детства в моей спальне стояли часы, громкое тиканье которых по многолетней привычке мешало мне слышать. Однажды, когда я лежал в постели без сна, я услышал, как они неожиданно тикнули три раза, затем затихли и остановились. Это явление заинтересовало меня, я быстро достал свет и внимательно осмотрел часы. Маятник по-прежнему качался, но без звука; время было правильным. Я сделал вывод, что часы перестали идти всего за несколько минут до этого. И вскоре выяснил, почему: часы не закрыты, и груз маятника свободно болтается. Под часами всегда стоял стул, который на этот раз был поставлен так, что был наклонен еще больше назад. Гиря следовала за этим наклоном, и так наступила тишина.

Я немедленно провел эксперимент. Я снова завел часы и снова отложил гирю назад. Последние удары маятника не были ни быстрее, ни медленнее, ни громче, ни тише, чем другие, до внезапной остановки часов. Я считаю, что объяснение этому следующее: Поскольку обычные звуки особенно не слышны, я не услышал маятник часов. Но его внезапная остановка нарушила баланс звуков, господствовавший в комнате. Это привлекло внимание к причине нарушения, то есть к тиканью, которое прекратилось, и, следовательно, восприятие усилилось *в обратную сторону*, и я услышал одно за другим последние тиканья, которые раньше не воспринимал. Скрытый стимул, вызванный тиканьем, работал в обратном направлении. Мое внимание естественным образом пробуждалось только *после* последнего тика, но восприятие было последовательным.

Вскоре я узнал о другом случае, на этот раз в суде. В каком-то доме произошла стрельба, и старая крестьянка, занятая шитьем в комнате, утверждала, что незадолго до выстрела она

услышала *несколько* шагов в том направлении, откуда, должно быть, раздался выстрел. Никто не согласится с тем, что есть основания предполагать, что человек, о котором идет речь, должен был сделать свои последние шаги более шумными, чем предыдущие. Но я убежден, что свидетель сказал правду. Шаги вновь прибывшего воспринимались подсознательно; дальнейшее нарушение восприятия мешало ее занятиям, и, наконец, когда она испугалась выстрела, высшие уровни сознания были освещены, и шумы, уже достигшие подсознания, перешли через порог и были восприняты сознательно.

Из одного особенно показательного случая я узнал, как то же самое может происходить со зрением. Неосторожный кучер сбил насмерть ребенка. Офицер в отставке видел это через окно. Его описание было весьма характерным. Это была годовщина какого-то сражения. Пожилой джентльмен, стоявший у окна и размышлявший о ней и о своих давно погибших товарищах, безучастно смотрел на улицу. Ужасный крик несчастного ребенка разбудил его, и он действительно начал видеть. Тогда он заметил, что действительно видел все, что произошло *до того*, как ребенок был сбит с ног, - то есть кучер почему-то повернулся, одновременно повернув лошадей таким образом, что последние наскочили боком на испуганного ребенка, что и привело к несчастному случаю. Генерал правильно выразился следующим образом: "Я все это видел, но осознал и понял, что видел, только *после* крика ребенка". В доказательство правильности своих показаний он заявил, что он, старый кавалерийский офицер, должен был бы увидеть приближающееся несчастье, если бы сознательно увидел движение кучера, и тогда он должен был бы испугаться. Но он точно знал, что испугался только тогда, когда ребенок закричал - следовательно, он не мог сознательно воспринять предшествующее событие. Его рассказ подтвердили другие свидетели.

Этот психологический процесс имеет важное значение в уголовных процессах, поскольку многие дела, по которым возбуждаются уголовные дела, зависят от внезапных и неожиданных событий, в которых часто может появиться ретроспективное озарение. В таких случаях очень важно определить, что было воспринято на самом деле, и никогда не безразлично, принимаем ли мы данное свидетельство за истинное или нет.

Что касается чувств преступников, то Ломброзо и Оттоленги утверждают, что они более тупые, чем у обычных людей. Это утверждение основано на подборке Ломброзо примеров безразличия преступников к боли. Но он упустил из виду, что причина совсем в другом. Варварская жизнь и варварские нравы особенно отупляют, так что безразличие к боли является характерной чертой всех варварских народов и характеров. Поскольку среди варварских людей много преступников, варварство, преступность и безразличие к боли в большом количестве случаев встречаются вместе. Но в этом нет ничего примечательного, и прямая связь между преступностью и притуплением чувств не может быть доказана.

(b) Зрение.

Раздел 37. (1) Общие соображения.

Так как зрение является наиболее достойным из всех наших чувств, оно также наиболее важно в уголовном суде, поскольку большинство свидетелей дают показания о том, что они видели. Если мы сравним зрение со слухом, который стоит следующим по важности, то обнаружим известный факт, что увиденное гораздо более достоверно и надежно, чем услышанное. "Лучше один раз увидеть, чем десять раз услышать", - гласит старая универсальная сентенция. Ни изложение, ни описание, ни усложнение, которые дают данные других органов чувств, не могут дать и половины того, что дает даже мимолетный взгляд. Следовательно, ни одно чувство не может преподнести нам таких сюрпризов, как

зрение. Если я представляю себе гром Ниагары, голос Лукки, взрыв тысячи патронов и т. д. или что-то еще, чего я не слышал, мое воображение, конечно, ошибочно, но оно будет отличаться от реальности только в степени. Совсем иначе обстоит дело с визуальным воображением. Нам нет нужды приводить примеры великолепия, например, появления пирамид, тропического света; знаменитого произведения искусства, бури на море и т. д. Самая незначительная вещь, когда-либо виденная, но по-разному представленная в воображении, будет встречена с первого взгляда словами: "А я представлял себе это совсем иначе!". Отсюда огромная важность каждой местной и материальной характеристики, с которой имеет дело уголовный суд. Каждый из нас знает, насколько по-разному он, как правило, представлял себе место преступления; как трудно достичь взаимопонимания со свидетелем относительно какого-то невидимого, местного признака и сколько ошибок вызвали ложные образы невидимого. Всякий раз, когда я сопровождал кого-либо по криминальному музею в Граце, на меня постоянно сыпались вопросы: "А это или это выглядит так? Но я думал, что это выглядит совсем по-другому!" И вещи, которые вызывали эти восклицания, были такими, о которых изумленные посетители говорили и писали сотни раз и часто выносили свои суждения. Аналогичная ситуация возникает, когда очевидцы рассказывают о каком-то наблюдении. Когда речь идет о слухе, можно предположить некоторое непонимание. Но люди мало знают об оптических иллюзиях и ложных зрительных восприятиях, хотя им известно, что неправильное восприятие на слух - частое явление. Более того, к услышанному объекту прилагается большое количество более или менее определенных предостерегающих суждений. Если кто-то, например, *слышал* выстрел, крадущиеся шаги, треск пламени, мы всегда воспринимаем его опыт как *приблизительный*. Мы не делаем этого, когда он уверяет нас, что *видел* эти вещи или их причины. Тогда мы принимаем их, за исключением некоторых ошибок в наблюдении, за неоспоримые восприятия, в которых невозможно ошибиться.

В этом, опять же, кроется основа того недоверия, с которым мы встречаем свидетельства со слуха. Ведь мы чувствуем себя неуверенно в отсутствие человека, о разговоре которого сообщается, поскольку его ценность не может быть определена. Но часть недоверия кроется в том, что речь идет не о видении, а о вечно сомневающемся слухе. Ложь приписывается в основном словам; но есть ложь визуальная (обман, маскировка, иллюзии и т. д.). Зрительная ложь, однако, составляет меньшинство по сравнению со слуховой ложью.

Уверенность в правильности зрения заключается в том, что оно проверяется чувством осязания, то есть в адаптации нашего телесного чувства к иным существующим вещам. Как говорит Гельмгольц: "Согласие между нашими зрительными восприятиями и внешним миром покоится, по крайней мере в самых важных вопросах, на том же основании, на котором покоятся все наши знания о реальном мире, на опыте и длительной проверке их правильности с помощью экспериментов, то есть на движениях наших тел". Из этого почти следует, что верховным судьей среди органов чувств является осязание. Но это не так: мы прекрасно знаем, каким иллюзиям подвергаемся, если доверяем только осязанию. В то же время мы должны предположить, что речь идет о природе тела, а она может быть измерена только чем-то подобным, то есть нашими собственными физическими характеристиками, но всегда под контролем какого-то другого чувства, особенно чувства зрения.

Сам зрительный процесс состоит, по словам Фишера, "из сложного ряда результатов, которые сменяют друг друга с необычайной быстротой и причинно связаны между собой". В этом ряду можно выделить следующие элементы.

(1) Физико-химический процесс.

(2) Физиолого-сенсорный.

(3) Психологический.

(4) Физиологически-двигательный.

(5) Процесс восприятия".

В нашу задачу не входит рассмотрение первых четырех элементов. Для того чтобы ясно понять многообразие восприятия, мы должны иметь дело только с последним. Однажды я попытался объяснить это на примере феномена мгновенных фотографий (синематографов). Если мы рассмотрим одну из них, изображающую мгновение какого-то быстрого движения, то утвердим, что мы никогда не смогли бы воспринять ее в самом движении. Это говорит о том, что наше зрение медленнее, чем зрение фотографического аппарата, и, следовательно, мы не воспринимаем мельчайшие конкретные условия, а каждый раз бессознательно составляем группу мельчайших условий и таким образом конструируем так называемые мгновенные впечатления. Если мы одним галопирующим шагом собираем большой ряд мгновенных впечатлений, то для того, чтобы получить образ, который мы видим глазами как мгновенный, мы должны были бы сгустить и скомпоновать целый ряд их. Поэтому мы можем сказать, что наименьшее мгновенное изображение, которое мы когда-либо видели глазами, содержит множество частей, которые может уловить только фотографический аппарат. Предположим, что мы назовем эти элементы a, b, c, d, e, f, g, h, i, j, k, l, m; само собой разумеется, что способ их составления должен быть различным у каждого человека. Один человек может составлять свои элементы группами по три: a, b, c, -d, e, f, -g, h, i и т. д.; другой может действовать диадами: a, b, -c, d, -e, f, -g, h и т. д.; третий, возможно, увидел ненаблюдаемое мгновение позже, но строит свой образ, как первый человек: b, c, d, -l, m, n и т. д.; четвертый работает медленно и довольно неточно, получая: a, c, d, -f, h, i и т. д. Такие вариации множатся, и когда разные наблюдатели одного и того же события описывают его, они делают это в соответствии с их различными характеристиками. И различия могут быть огромными. Замените цифры на буквы, и все станет ясно. Относительная медлительность нашего восприятия зрительных элементов имеет и другое следствие: мы интерполируем объекты в лакунах зрения *в соответствии с нашими ожиданиями*. Лучшим примером такого рода может служить восприятие нападения и побоев. Когда десять человек в трактире видят, как А поднимает пивной бокал над головой Б, пятеро ожидают: "Сейчас он его ударит", а пятеро других: "Сейчас он его бросит". Если стакан достиг головы Б, никто из десяти наблюдателей не видел, как он туда попал, но первые пять клянутся, что А колотил Б стаканом, а другие пять - что бросил его в голову Б. И все десять действительно видели это, настолько твердо они убеждены в правильности своих быстрых суждений ожидания. Теперь, прежде чем упрекать свидетеля в неправдивости, невнимательности, глупости или в чем-то столь же приятном, *нам лучше подумать, не правдив ли его рассказ, и не кроется ли трудность в несовершенстве наших собственных сенсорных процессов*. Это отчасти связано с тем, что Либманн назвал "антропоцентрическим видением", то есть видением, в котором человек является центром вещей. Либманн далее утверждает, "что мы видим вещи только в перспективных размерах, то есть только под углом зрения, меняющимся с их приближением, удалением и изменением положения, но ни в коем случае не как определенные кубические, линейные или поверхностные размеры. Видимый размер предмета мы называем углом зрения на определенном расстоянии. Но каков же на самом деле другой, истинный размер? Мы знаем только отношения величин". Это описание важно, когда мы имеем дело со свидетельствами, касающимися размеров. Кажется очевидным, что каждый свидетель, говорящий о размере, должен быть спрошен, откуда он его наблюдал, но в то же время возникает множество непредвиденных ошибок, особенно когда речь идет об определении

размера объекта в той же плоскости. Достаточно вспомнить, как встречаются железнодорожные пути, улицы, переулки и т. д., и вспомнить, насколько разными по размеру, в зависимости от точки зрения свидетеля, должны казаться различные объекты в таких местах. Все знают, что далекие предметы кажутся меньше близких, но почти никто не знает, в чем состоит эта разница. Примеры см. в Лотце, "Медицинская психология", Лейпциг, 1852.

Кроме того, мы часто думаем, что четкость объекта отражает его расстояние, и полагаем, что только первое определяет второе. Но отчетливость объектов, то есть воспринимаемость светового впечатления, зависит также от абсолютной яркости и различий в яркости. Последняя важнее, чем принято считать. Попробуйте определить, с какого расстояния вы можете увидеть замочную скважину, если стена, на которой находится дверь, находится в тени, и если напротив замочной скважины расположено окно. Темный объект размером с замочную скважину не будет виден и на одной сотой расстояния, на котором воспринимается замочная скважина. Более того, разница в интенсивности не является единственным фактором, который необходимо учитывать; необходимо учитывать интенсивность объекта по отношению к его фону. Обер показал, что точность различения одинакова, когда на квадрат белой бумаги смотрят под углом 18° , и когда, наоборот, на квадрат черной бумаги на белом фоне смотрят под углом 35° . "Когда мы помещаем серую бумагу на солнечный свет, она может стать объективно ярче, чем белая бумага в тени. Но это не мешает нам воспринимать одну из них как серую, а другую - как чисто белую. Мы отделяем цвет объекта от интенсивности падающего света". Но это не всегда так просто, поскольку в данном случае мы знаем, какая бумага серая, а какая белая, какая находится в солнечном свете, а какая в тени. Но если эти факты не известны, часто возникают ошибки, так что человек, одетый темную одежду, но при полном освещении будет описан как одетый в более светлую одежду, чем тот, кто одет в светлую одежду в тени.

Различия в освещенности обнаруживают ряд труднообъяснимых явлений. Фехнер обращает внимание на появление звезд: "Ночью все видят звезды, при дневном свете не видно даже Сириуса или Юпитера. Однако абсолютное различие между теми местами на небе, где находятся звезды, и окружающими их местами так же велико, как и ночью, - есть только увеличение освещенности". Еще более важным для нас является обстоятельство, отмеченное, но не объясненное Бернштейном. Если при дневном свете мы заглянем в подвальное помещение снаружи, то почти ничего не увидим; все темно, даже окна кажутся черными. Но вечером, если комната хоть немного освещена и мы смотрим в нее снаружи, мы можем отчетливо видеть даже мелкие предметы. Однако днем в комнате было гораздо больше света, чем могло бы дать одно ночное освещение. Следовательно, утверждается, что разница в данном случае стандартная. Днем глаз привык к доминирующей яркости дневного света, на фоне которого приглушенное освещение комнаты кажется относительно темным. Но вечером человек находится в темноте, и поэтому даже небольшого света одной свечи достаточно, чтобы видеть. О том, что это объяснение не соответствует действительности, говорит тот факт, что явление не регулируется даже при идентичных обстоятельствах. Если, например, подойти к окну при дневном свете с закрытыми глазами, прислониться лбом к стеклу и закрыть свет по бокам руками, а затем открыть глаза, то вы увидите в комнате так же мало, как если бы заглянули в нее, не совершив этой церемонии. Так же и в том случае, если ночью вы посмотрите на какой-нибудь близлежащий газовый фонарь, а затем заглянете в комнату, то неясностей будет не более чем на несколько мгновений, после чего достаточно будет одной свечи. Причина, таким образом, должна быть иной, чем предполагается, но какой бы она ни была, нам остается лишь утверждать, что немедленное суждение о многочисленных случаях, связанных с ситуациями такого рода, было бы слишком

поспешным. Часто говорят, что свидетель мог видеть то или иное при таком-то и таком-то освещении или что он не мог этого видеть, хотя он отрицает свою способность или неспособность. Единственным решением подобных противоречий является эксперимент. Судья или какое-то надежное третье лицо должны попытаться выяснить, можно ли при тех же условиях освещения увидеть что-либо в данном месте или нет.

Что касается того, что можно увидеть вдалеке, то лучшим судьей снова будет эксперимент. Человеческий глаз настолько сильно отличается у каждого человека, что даже самое тщательное изучение того, что известно о зрительном образе Плеяд, показывает, что средняя зрительная способность классических периодов не отличается от нашей, но все же существовало большое разнообразие зрительных способностей. Какую огромную зрительную силу приписывают полуцивилизированным и варварским народам, особенно индейцам, эскимосам и т. д.! Точно так же и среди наших людей есть охотники, горные проводники и т. д., которые могут видеть вдаль так ясно, что рассказы об этом могут показаться баснями. В боснийской кампании 1878 года у нас был солдат, который в многочисленных случаях, когда нам было очень нужно знать позицию противника на расстоянии, различал ее с большей точностью, чем мы с нашими хорошими полевыми биноклями. Он был сыном угольщика в Штирийских горах и довольно глупым. Кстати, можно добавить, что он обладал невероятной, почти животной способностью к ориентации.

Как мало мы знаем о дальнорзости, так и не можем определить, что видят близорукие люди. Поскольку их зрение не позволяет им видеть, они вынуждены прибегать к интеллектуальным дополнениям. Они наблюдают за формой, действиями и одеждой людей более точно, чем остроглазые, и, следовательно, узнают знакомых на большем расстоянии, чем последние. Поэтому, прежде чем сомневаться в утверждении близорукоего человека, следует провести эксперимент или хотя бы спросить мнение другого близорукоего человека, заслуживающего доверия.

Фон объектов, их движение и форма оказывают решающее влияние на разницу в зрительном восприятии. Старинное наблюдение гласит, что длинные предметы, такие как столбы, провода и т. д., видны на несравненно большем расстоянии, чем, например, квадраты той же длины. При исследовании было показано, что граница точного восприятия определяется с трудом. Я знаю место, где при благоприятном освещении натянутые, белые и очень тонкие телефонные провода можно увидеть на расстоянии более километра. И для этого требуется очень маленький угол зрения.

Гумбольдт обращает внимание на большое количество "оптических басен". Он уверяет, что, конечно, неправда, что звезды можно увидеть при дневном свете из глубокого колодца, из шахт или с высоких гор, хотя это неоднократно утверждалось со времен Аристотеля.

Объяснение нашей способности видеть очень тонкие и длинные предметы на очень большом расстоянии не является нашим делом, но имеет важное значение, поскольку служит для объяснения целого ряда подобных явлений, о которых рассказывают очевидцы. Нам приходится либо неправильно отрицать то, чего мы не понимаем, либо принимать многое из того, что можно отрицать. Итак, начнем с хорошо известного факта, что точка, наблюдаемая в течение значительного времени, может легко исчезнуть из восприятия. Это было изучено Гельмгольцем и другими, и он показал, как трудно удержать точку в поле зрения в течение всего десяти или двадцати минут. Обер рассматривает более ранние исследования этого вопроса и приходит к выводу, что это исчезновение или путаница объекта является периферийным, но что фиксация небольшого объекта всегда затруднена. Если мы фиксируем отдаленную точку, она исчезает в каждое мгновение, так что точное

восприятие невозможно; если же мы фиксируем длинное, тонкое тело, например, проволоку, нет необходимости фиксировать одну точку, и мы можем видеть объект блуждающим взглядом, следовательно, более четко.

Гельмгольц добавляет, что слабо объективные изображения исчезают, как мокрое пятно на теплом олове, в момент фиксации одной точки, как, например, пейзаж, увиденный ночью. Это последнее острое наблюдение лежит в основе многих свидетельств о внезапном исчезновении объекта ночью. Оно помогало мне во многих экспертизах, и всегда с пользой.

В этой связи не следует забывать и о переоценке освещающей силы Луны. По данным Гельмгольца, сила света полной луны не больше, чем у свечи, находящейся на расстоянии двенадцати футов. А сколько всего люди утверждают, что видели при лунном свете! Доктор Винсент^[178] утверждает, что в первую четверть человек может быть распознан на расстоянии от двух до шести метров, в полнолуние - от семи до десяти метров, а в самое яркое полнолуние человека можно распознать на расстоянии от пятнадцати до шестнадцати метров. Это примерно верно и показывает, насколько сильно переоценивается лунный свет.

Помимо естественных различий зрения существуют и искусственно созданные. Насколько нам может помочь искусное различие, мы можем убедиться на хорошо известном и часто упоминаемом примере чтения сбивчивого почерка. Мы стремимся ослабить наше чувственное восприятие в пользу нашего воображения, то есть так уменьшить ясность первого, чтобы иметь возможность проверить на нем в некоторой степени большее число образов. Мы держим MS. подальше от себя, смотрим на него вопросительно, со сведенными бровями, при разном освещении, и, наконец, читаем его. И снова происходит обратное. Если мы увидели что-то с помощью увеличительного стекла, то позже узнаем детали без его помощи. Определенные условия могут выявить очень большие различия. Тело вблизи лица или на среднем расстоянии выглядит по-разному в зависимости от того, один глаз или оба используются при его рассмотрении. Это старая история, которая объясняет странные описания таких предметов, как оружие и т. п., которые внезапно оказались перед лицом обвиняемого. В случаях нападения с целью убийства наверняка рассказываются самые жуткие истории, которые впоследствии объясняются страхом, полным замешательством или намеренной нечестностью, но на самом деле не могут быть объяснены ничем иным, как реальными оптическими процессами.

Я не считаю, что бинокулярное зрение имеет большое значение для закона; я не знаю ни одного случая, когда при обычном зрении имело бы значение, был ли задействован один или оба глаза. Правильно утверждать, что та или иная сторона вертикально поднятой руки будет более четкой, если, прежде чем смотреть на нее обоими глазами, вы посмотрите на нее одним или другим, но для нашей цели это имеет мало значения. Следует признать, что часть того, что мы видим, воспринимается только одним глазом: если, например, я смотрю на небо и прикрываю один глаз рукой, часть неба исчезает, но я не замечаю никаких изменений в оставшейся части. Когда я закрываю другой глаз, исчезают другие звезды. Таким образом, при бинокулярном зрении некоторые вещи видны только одним глазом. Это может иметь значение, если эффект наблюдался сначала обоими глазами, а затем одним; возникает вопрос о разнице в наблюдении, но такой вопрос возникает редко.

Есть два дополнительных момента, которые необходимо учитывать. Первый - это проблема влияния привычки на увеличение зрительной силы в темноте. Эта способность, как правило, недооценивается. Ни одно животное, естественно, не может ничего увидеть в полной темноте. Но почти невероятно, как много можно увидеть при очень слабом освещении. И

здесь заключенные рассказывают множество историй о своем зрении в подземных тюрьмах. Один из них видел настолько хорошо, что смог разбросать по камере семь иголок, а затем найти их снова. Другой, натуралист Кватремер-Дисжонваль, смог так точно наблюдать за пауками в своей камере, что это наблюдение легло в основу его знаменитой "Аранэологии". Обер рассказывает, что ему приходилось оставаться в комнате, где было так темно, что другие должны были нащупывать дорогу, но, тем не менее, он мог читать книги, не обнаруживая себя, потому что другие не могли видеть книги.

Хорошо известно, как быстро мы привыкаем к темноте и насколько больше видим через некоторое время. Также известно, что чем дольше вы находитесь в темноте, тем больше вы видите. В конце дня вы видите больше, чем через несколько часов, а в конце года - еще больше. Возможно, глаз в какой-то степени меняется именно с этой целью. Но длительное использование зрительного механизма имеет тенденцию к гипертрофии или атрофии, как показывают глаза глубоководных рыб. В любом случае следует с осторожностью относиться к свидетельствам пациентов, которые долгое время жили в темноте, о том, что они видели. Способность видеть в темноте настолько разнообразна, что без проверки можно совершить большую несправедливость. Одни люди почти ничего не видят в сумерках, другие видят ночью не хуже кошек. И в суде эти различия должны быть установлены и экспериментально проверены.

Второй важный элемент - это иннервация мышц в результате движения, которое просто видно. Так, Стрикер отмечает, что при виде человека, несущего тяжелый груз, он чувствовал напряжение в задействованных мышцах, а при виде солдат, выполняющих упражнения, он почти открыто принуждал себя действовать так же, как они. В каждом случае мышечная иннервация следовала за визуальным стимулом.

Это может показаться невероятным, но, тем не менее, все в той или иной степени делают одинаковые вещи. А в юриспруденции этот факт может иметь значение в делах о нападении и побоях. С тех пор как я узнал его, я неоднократно наблюдал в подобных делах, от безобидных нападений до убийств, что людей, хотя они и не были замечены в нанесении ударов, часто обвиняли в соучастии просто потому, что они делали подозрительные движения, которые приводили к следующему выводу: "Они засовывали руки в карман брюк в поисках ножа, сжимали кулаки, выглядели так, словно собирались прыгнуть, размахивали руками". Во многих подобных случаях оказывалось, что подозреваемые были безобидными зрителями, которые просто более явно иннервировали мышцы, задействованные в нападении, свидетелями которого они с нетерпением являлись. Этот факт следует иметь в виду; он может облегчить жизнь многим невиновным.

Раздел 38. (2) Цветовое зрение.

Что касается цветового зрения, то здесь следует упомянуть лишь несколько фактов: 1. Прежде всего, стоит разобраться, существует ли цвет. Либманн считает, что если бы все люди были слепы к красному цвету, то красного цвета не существовало бы; красный цвет, то есть, является некой шейной фантазией. Так же как свет, звук, тепло, вкус и т. д. С другими органами чувств мы имеем другой мир. По мнению Гельмгольца, бессмысленно спрашивать, является ли киноварь красной, как мы ее видим, или это только оптическая иллюзия. "Ощущение красного цвета - это нормальная реакция нормально устроенных глаз на свет, отраженный от киновари. Человек, слепой к красному, увидит киноварь черной или темно-серио-желтой, и это правильная реакция для таких ненормальных глаз. Но ему необходимо знать, что его глаза отличаются от глаз других людей. Само по себе это ощущение не является ни более, ни менее правильным, чем любое другое, даже если тех, кто может видеть

красный цвет, подавляющее большинство. Красный цвет киновари существует как таковой лишь постольку, поскольку существуют глаза, похожие на глаза большинства людей. Сам по себе свет, отраженный от киновари, не может быть правильно назван красным; он красный только для особых видов глаз". Это настолько безоговорочно неверно, что беспристрастный судья фотографии говорит[179], что все, что нормальные глаза называют фиолетовым и синим, очень яркое, а все, что они называют зеленым и красным, очень темное. Слепоглухой человек будет видеть одинаковыми некоторые естественные красные, зеленые и серо-желтые цвета, как по интенсивности, так и по тени. Но на фотографии он сможет различить разницу в яркости, вызванную этими тремя одинаковыми в остальном цветами. Поэтому мы можем предположить, что цвета обладают *объективными* различиями и что эти объективные различия воспринимаются даже людьми с нормальным зрением. Но способен ли я ощущать в красном цвете тот же эффект, который ощущает другой, и не должен ли я называть красный цвет синим, если бы обладал цветовым зрением другого, выяснить столь же невозможно, сколь и бесполезно. Поэтому, когда встает вопрос о цвете, мы пытаемся выяснить только, обладает ли данный человек нормальным цветовым зрением или какова природа и степень его аномалии.

2. Не менее важно знать, распознаются ли отдельные оттенки на расстоянии. Было проведено несколько исследований этого факта. Обер[180] построил двойные квадраты размером десять миллиметров и определил угол зрения, при котором цвет как таковой может быть виден. Его результаты были следующими:

ЦВЕТ КВАДРАТА	БЕЛЫЙ ФОН	ЧЕРНЫЙ
Белый		39´´
Красный	1´ 43´´	59´´
Светло-зеленый	1´ 54´´	1´ 49´´
Грязно-красный	3´ 27´´	1´ 23´´
Синий	5´ 43´´	4´ 17´´
Коричневый	4´ 55´´	1´ 23´´
Светло-голубой	2´ 17´´	1´ 23´´
Оранжевый	1´ 8´´	0´ 39´´
Серый	4´ 17´´	1´ 23´´
Роза	2´ 18´´	3´ 49´´
Желтый	3´ 27´´	0´ 39´´

Интересно отметить, что угол для синего цвета на белом фоне почти в девять раз больше, чем для белого, оранжевого или желтого на черном фоне. Поэтому в случаях, когда цвета имеют большое значение, необходимо выяснить цвет и характер его фона, прежде чем можно будет установить точность свидетеля.

3. Хорошо известно, что при уменьшении яркости красный цвет исчезает раньше, чем синий, и что ночью, когда все цвета исчезают, голубой цвет неба все еще виден. Поэтому, если кто-то утверждает, что ему удалось увидеть синий цвет пальто человека, но не его красно-коричневые брюки, его утверждение, возможно, верно, в то время как обратное было бы неправдой. Но не существует надежных и согласных с реальностью описаний порядка, в

котором цвета исчезают в темноте. Знание этого порядка очень помогло бы в отправлении уголовного правосудия.

4. Сетчатка не видит красный цвет на периферии, потому что там нет красных палочек. Палочка красного сургуча, проведенная через глаз справа налево, на периферии поля зрения кажется черной. Если свидетель не смотрел прямо на определенно красный объект, а видел его косо, то он, конечно, не заметил его цвет. Этот эксперимент может провести любой человек.

5. По данным Кванца^[181] объекты менее преломляемых цветов (красного, оранжевого, желтого и фиолетового) выглядят на белом фоне на 0,2-3,6% больше, а синие, сине-зеленые и фиолетовые объекты - на 0,2-2,2% меньше. Темные и вытянутые объекты кажутся длиннее, светлые и горизонтальные - шире. И эти факты имеют большое значение, когда очевидцы судят о размере.

6. Если наблюдать цвета через небольшие отверстия, особенно через очень маленькие, то оттенки становятся существенно иными, а зеленый может даже казаться бесцветным.

7. По мнению Обера, блеск состоит в том, что одна точка тела очень яркая, а яркость уменьшается почти абсолютно от этой точки; например, сверкающая проволока имеет очень узкую яркую линию с глубокими тенями на каждой стороне; шарик ртути в термометре - блестящая точка, а затем глубокая тень. Когда мы видим это, мы говорим, что он сверкает, потому что мы объединяем его с рядом подобных наблюдений. Поэтому можно предположить, что на большом расстоянии, в условиях резкого или случайного освещения и т. д. мы можем считать сверкающими вещи, которые на самом деле таковыми не являются. Кроме того, с понятием "сверкание" мы склонны объединять, крайней мере, при определенных обстоятельствах, определенные образы, и поэтому "сверкающее оружие" часто видят там, где были только вполне безобидные тусклые предметы. Так и монеты кажутся сверкающими там, где их на самом деле нет.

Раздел 39. (3) Слепое пятно.

Все знают, что такое слепое пятно, и о нем говорится в каждом учебнике по психологии и физиологии. Но, как правило, его отождествляют только с маленькой точкой и крошечным крестиком, изображенными в учебниках, и считается, что не имеет особого значения, если маленький крестик при определенных обстоятельствах не виден. Но не следует забывать, что размер слепого пятна увеличивается с расстоянием, так что на достаточно большом расстоянии, возможном, равном половине длины комнаты, слепое пятно становится настолько большим, что голова человека может исчезнуть из поля зрения. По словам Гельмгольца: "Эффект слепого пятна очень значителен. Если мы сделаем на листе бумаги маленький крестик, а затем пятнышко размером с горошину на два дюйма правее, и будем смотреть на крестик закрытым левым глазом, то пятнышко исчезнет". Размер слепого пятна достаточно велик, чтобы закрыть на небе тарелку, диаметр которой в двенадцать раз больше диаметра Луны. Оно может покрыть человеческое лицо на расстоянии 6', но мы этого не замечаем, потому что обычно заполняем пустоту. Если мы видим линию в указанном месте, мы видим ее непрерывной, потому что знаем, что она такова, и поэтому заполняем недостающую часть".

С большим или меньшим успехом был проведен ряд экспериментов по объяснению слепого пятна. Достаточно согласиться с тем, что мы привычно видим обоими глазами и что "пятно размером с горошину" исчезает только тогда, когда мы смотрим на крест. Но когда мы фиксируем свой взгляд на чем-либо, мы обращаем внимание только на это и ни на что

другое. И нам безразлично, исчезает ли неинтересный объект, так что как только мы начинаем заботиться о "пятне размером с горошину", оно тут же оказывается под рукой и не требует воображаемого завершения. Если нам возразят, что фиксация взглядом и заинтересованность не тождественны, мы ответим, что различие проводится только в эксперименте. Вы фиксируете одну точку и интересуетесь другой, потому что ожидаете, что она исчезнет. И этот эксперимент, как сразу поймет любой, имеет свою особенную трудность, потому что требует большой концентрации, чтобы не смотреть на интересующую нас точку. В повседневной жизни такого не бывает, и зафиксировать неинтересную точку будет непросто.

В то же время возможны случаи, когда объекты, увиденные косо, могут быть важны, и когда визуальная фиксация одной точки не позволит выявить все отражения, попавшие в слепое пятно. Я не встречался с практическим случаем, когда какой-то факт или свидетельство можно было бы объяснить только слепым пятном, но такие случаи вполне мыслимы.

Раздел 40. (с) Чувство слуха.

В отношении звука у нас есть две проблемы: правильно ли слышат свидетели и правильно ли слышим их мы. Между свидетелями и нами самими существуют и другие факторы. Правильное понимание, верная память, активность воображения, разнообразие влияний, степень личной целостности; но самым важным является соображение, правильно ли услышал свидетель. Как правило, в большинстве случаев мы должны отрицать абсолютно точное воспроизведение услышанного свидетелем. В этой связи поучительным является рассмотрение вопросов чести. Если речь идет об отзыве клеветы, то условия ее будут столь же разнообразны, как и количество свидетелей. Мы обнаруживаем, что смысл, тенденцию клеветы нелегко перепутать. По крайней мере, если это так, то я этого не наблюдал. Свидетель, например, спутает слова "мошенник", "обманщик", "жулик" и т. д., и снова слова: "бык", "осел", "тупица" и т. д. Но он не скажет, что слышал слово "мошенник" там, где было сказано "осел". Он просто заметил, что А оскорбил Б эпитетом, характеризующим моральную непригодность или глупость, и при проверке вставил соответствующий термин. Часто люди слышат только по смыслу, и отсюда трудность заставить их воспроизвести устно и непосредственно что-то, сказанное третьим лицом. Они всегда прибегают к косвенному рассказу, потому что слышали только смысл, а не слова. Память здесь ни при чем, ведь когда на допросе свидетеля просят воспроизвести непосредственно то, что он только что слышал, он воспроизводит не более чем смысл, а не слова. Чтобы не сделать этого, требуется необычная степень интеллекта и подготовки.

Если бы свидетели передавали только реальный смысл услышанного, вреда бы не было, но они говорят нам только то, что *считают* смыслом, и поэтому мы получаем множество ошибок. Создается впечатление, что необразованные и полуобразованные люди способны затыкать уши от всего, что им непонятно. Даже чисто сенсорное восприятие организовано в соответствии с умственными способностями.

Если помнить об этом, то можно будет правильно интерпретировать свидетельства в тех сложных случаях, когда один человек рассказывает том, что он услышал от другого относительно его собственного заявления, и когда бывает совершенно невозможно судить о характере и культуре этого третьего человека. Кроме того, необходимо учитывать еще несколько условий.

Если нам нужно определить слуховую способность человека или его слух в определенных условиях, лучше никогда не полагаться, даже в малозначительных случаях, только на вокальные тесты. Обследование должно проводиться экспертами, и если случай

действительно тонкий, оно должно проводиться в тех же условиях места и состояния, и с теми же людьми, что и в исходной ситуации. В противном случае ничего определенного узнать не удастся.

Определение слуховой силы, однако, недостаточно, поскольку эта сила варьируется в зависимости от того, насколько человек способен выделить один определенный тон среди многих других, услышать его и сохранить. И это зависит не только от человека, но и от времени, места, голоса и т. д. В моей спальне, например, и в трех соседних комнатах есть настенные часы, каждые из которых работают. Двери в комнате открыты направо и налево. Ночью, когда все тихо, я иногда слышу тиканье каждого из этих часов; немедленно изолируйте один из них и слушайте их так, чтобы тиканье остальных трех полностью исчезло. Затем я могу приказывать себе не слышать это тиканье, а слышать одно из трех других, и я это делаю, хотя мне не удастся услышать двое часов вместе в одно и то же мгновение. В другой день при аналогичных обстоятельствах я полностью проваливаю эту попытку. Либо я не слышу ни одного из часов в частности, либо слышу их только в течение короткого времени, в результате чего тиканье снова теряется в общем шуме; либо я слышу тиканье одних часов, но никогда не слышу тех, которые я решил услышать.

Этот случай можно объяснить по-разному, и эксперимент может быть повторен с разными людьми. Он показывает, что слуховые способности чрезвычайно дифференцированы и что нет никаких оснований для априорных сомнений в наличии особых способностей. Однако, по общему признанию, трудно сказать, как можно провести эксперименты под контролем.

Есть еще несколько чудес. Неоднократно утверждалось, например, Тиндаллом, что сравнительно большое число людей не слышат высоких тонов, таких как стрекотание сверчков, хотя нормальный слух у таких людей острый. Другие снова легко чувствуют глубокие тона, но различают их с трудом, потому что сохраняют только раскаты или рев, но не слышат отдельных тонов.^[182] И вообще, почти все люди испытывают трудности с правильной оценкой направления звука. Вундт говорит, что мы находим мощные звуки перед собой и, как правило, лучше оцениваем право и лево, чем перед и позади.^[183] Эти данные, которые для нас очень важны, были подвергнуты многочисленным проверкам. Утверждение Вундта было подтверждено различными экспериментами, которые показали, что лучше всего различаются звуки справа и слева, а наименее легко различаются звуки впереди и внизу, впереди справа и слева и внизу, справа и слева. Среди экспериментаторов были Прейер, Арнхейм, Крис, Мюнстерберг.

Все эти эксперименты свидетельствуют о постоянной склонности к определенным ошибкам. Звуки впереди часто принимаются за звуки позади и воспринимаются как более высокие, чем естественный уровень головы. Опять же, обычно утверждается, что бинауральный слух имеет большое значение для распознавания направления звука. С одним ухом это распознавание намного сложнее. Это можно подтвердить тем, что мы поворачиваем голову то туда, то сюда, как будто сравниваем направления, когда хотим убедиться в направлении звука. В этом отношении также был проведен ряд эффективных экспериментов.

Когда необходимо определить, правильно ли свидетель дает показания относительно направления звука, лучше всего обратиться к официальному врачу, чтобы он выяснил, слышит ли он обоими ушами и одинаково ли хорошо слышит обоими. Замечено, что люди, которые прекрасно слышат обоими ушами, неудачно определяют направление звука. Другие же очень искусны в этом вопросе, и, возможно, их мастерство обусловлено практикой, чувством местности и т. д. Но в любом случае уверенность можно получить только опытным путем.

Что касается проведения звука, то следует отметить, что звук переносится удивительно далеко с помощью компактных тел. Расстояние, на котором можно услышать рысь лошадей, гром пушек и т. д., приложив ухо к земле, - обычное явление в художественной литературе. Поэтому, если свидетель подтверждает, что слышал что-то на большом расстоянии таким образом или приложив ухо к стене, не стоит отбрасывать это свидетельство. Хотя в таких случаях будет трудно провести решающие эксперименты, это полезно, поскольку в этом случае можно приблизительно определить пределы его возможностей.

При определенных обстоятельствах может быть важно знать, что можно услышать, когда голова или хотя бы ухо находится под водой. Эксперимент можно провести в ванной комнате, опустив затылок под воду так, чтобы уши были полностью закрыты, но рот и глаза оставались свободными. Рот должен быть закрыт, чтобы не было проникновения звука через евстахиеву трубу. В таком состоянии практически невозможно услышать ни один звук, который *сначала* должен *пройти через воздух*. Поэтому если кто-то, даже находящийся рядом с вами, говорит очень громко, вы услышите лишь минимум того, что он говорит. С другой стороны, шумы, проводимые компактными телами, то есть стенами, ванной и водой, слышны с поразительной отчетливостью, особенно если ванна не съемная, а встроена в стену. Тогда, если в какую-то отдаленную часть здания, например, в стену, постучать, шум будет прекрасно слышен, хотя человек, стоящий рядом с ванной, ничего не услышит. Это может иметь значение при несчастных случаях, при некоторых попытках утопить человека, а также при случайном подслушивании.

Есть несколько моментов, которые следует отметить в отношении глухих людей или тех, кто испытывает трудности со слухом. Согласно Фехнеру, глухота начинается с неспособности слышать высокие тона и заканчивается неспособностью слышать глубокие тона, поэтому часто случается, что жалобщикам не верят, потому что они все еще слышат глубокие тона. Опять же, есть ошибки, которые возникают из-за того, что глухие часто многое узнают по движениям губ, и чтение этих движений стало основой так называемого "прослушивания" глухонемых. Существуют истории о глухонемых, которые таким образом и с помощью необходимого и хорошо отработанного синтеза впечатлений воспринимали больше, чем люди с хорошим слухом.

Важное значение имеют возрастные различия в слухе. Безольд исследовал большое количество человеческих ушей разного возраста и показал, что после пятидесятого года происходит не только последовательное уменьшение числа приблизительно нормально слышащих людей, но и последовательное увеличение степени слухового ограничения, которое испытывает ухо с возрастом. Результаты оказались более удивительными, чем можно было предположить.

Ни один из 100 человек старше пятидесяти лет не понимал разговорную речь на расстоянии шестнадцати метров; 10,5% понимали ее на расстоянии от восьми до шестнадцати метров. Из школьников 46,5 % (1918 человек) от семи до восемнадцати лет понимали ее на расстоянии 20 метров плюс, а 32,7 % - на расстоянии от 16 до 8 метров. Таким образом, процентное соотношение 10,5 для людей старше пятидесяти против 79,2 для людей старше семи и моложе 18 лет. Старые женщины слышат лучше, чем старые мужчины. На расстоянии от 4 до 16 метров соотношение женщин и мужчин, которые могут слышать, составляет 34 к 17. Обратная ситуация наблюдается среди детей: на расстоянии 20 и более метров доля мальчиков составляла 49,9, а девочек - 48,2. Причина такого обратного соотношения кроется во вредном влиянии ручного труда и других шумных занятий мужчин. Эти сравнения могут иметь большое значение, когда возникает вопрос о том, насколько больше слышал свидетель, чем свидетель другого возраста.

Раздел 41. (d) Чувство вкуса.

Чувство вкуса редко имеет юридическое значение, но когда оно приобретает значение, то обычно очень важное, поскольку в основном связано с проблемами отравления.

Объяснение таких случаев редко бывает простым и определенным - прежде всего потому, что мы не можем без труда проверить тонкость и остроту любого отдельного чувства вкуса, тогда как в отношении зрения и слуха такая проверка довольно проста. В то же время при проверке приходится полагаться на общие и редко постоянные впечатления, поскольку очень немногие люди подразумевают одно и то же под жгучим, колючим, металлическим и жгучим вкусом, хотя обычные термины "сладкий", "кислый", "горький" и "солёный" можно принять как приблизительно постоянные. Самое меньшее, что можно сделать, когда вкус определяется как хороший, плохой, отличный или отвратительный, - это проверить его во всех возможных направлениях с учетом возраста, привычек, здоровья и интеллекта дегустатора, поскольку все это оказывает большое влияние на его ценности. Столь же необходимы такие оценки, как "плоский", "сладковатый", "сжимающийся", "известковый", "паппи", "песочный", которые диктуются почти мгновенными колебаниями самочувствия.

Но если нужно полагаться на какое-либо обозначение, а в конце концов оно должно быть, необходимо определить, каким концом или корнем языка было произведено восприятие.^[184] Лонге, следуя экспериментам некоторых других ученых, свел определенные результаты в следующую таблицу:

ВКУС	КОНЕЦ ЯЗЫКА	КОРЕНЬ ЯЗЫКА
Соли Глаубера	солёный	горький
Йодкалий	"	"
квасцы	кислый	сладкий
Глицерин	нет	"
Каменные конфеты	"	"
Хлорат стрихнина	"	"
Карбонат натрия	"	алкалоид

В таких случаях, особенно когда значительное влияние оказывают заболевания и индивидуальные особенности, необходимо обратиться к врачу. Эксперименты Дена привели его к выводу, что женское чувство вкуса тоньше мужского, а у образованного человека - тоньше, чем у необразованного. У женщин образование не имеет никакого значения в этом отношении.

Раздел 42. (e) Обоняние.

Чувство обоняния имело бы большое значение для правового регулирования, если бы оно получило то изучение, которого заслуживает. Можно сказать, что многие мужчины обладают более острыми обонятельными способностями, чем они думают, и что с их помощью они могут узнать больше, чем с помощью других органов чувств. Обоняние не имеет особого практического значения. Оно служит лишь для того, чтобы время от времени избавлять многих людей от неприятных впечатлений, а то, что люди не находят особенно необходимым, им нелегко использовать. Полезность обоняния была бы велика, поскольку оно является точным и, следовательно, мощным в своем ассоциативном качестве. Но на него редко обращают внимание; даже когда ассоциации пробуждаются, их не приписывают обонянию,

а говорят, что они случайны. Я привожу лишь один пример, подтверждающий этот распространенный факт. Когда я был ребенком неполных восьми лет, я однажды вместе с родителями посетил священника, который был школьным товарищем моего отца. День, проведенный в пасторали, не содержал ничего примечательного, так что все эти годы я даже не вспоминал о нем. Некоторое время назад все детали, с которыми я столкнулся в тот день, вспомнились мне очень ярко, и, поскольку это внезапное воспоминание показалось мне беспочвенным, я тщательно изучил причину его возникновения, но безуспешно. Спустя некоторое время я пережил тот же опыт и в том же месте. Это был ключ к разгадке, и я вспомнил, что вместе с маленькой племянницей пастора отправился в путешествие за открытиями и попал во фруктовый погреб. Там я обнаружил огромные кучи яблок, разложенных на соломе, а на стене - немалое количество охотничьих сапог пастора. Смешанные запахи яблок, соломы и сапог составляли неповторимый и долго не ощущавшийся аромат, который глубоко врезался в мою память. И когда я проходил мимо комнаты, в которой присутствовали те же элементы запаха, в памяти сразу же всплывали все те вещи, которые ассоциировались с этим запахом в тот момент, когда я впервые почувствовал его.

Такие ассоциации возникают у всех в огромном количестве, и на экзаменах при небольшом затруднении они всплывают, особенно когда вопрос касается отдаленных событий, а свидетель рассказывает о какой-то своей "случайной" идее. Если рассматривать эту случайность как ассоциацию и изучать ее в свете воспоминаний о запахе, то часто удается найти верный ключ и добиться прогресса.

Но каким бы точным ни было обоняние, ему, как правило, уделяется мало внимания, и когда задается какой-то вопрос, касающийся запаха, ответ обычно бывает отрицательным. И все же ни в одном случае не удается так легко выяснить, как в этом: можно, не делая ни малейшего внушения, заставить свидетеля признаться, что он что-то учуял. Кстати, можно добиться успеха в пробуждении таких впечатлений, которые еще не переступили порог сознания или были подавлены и отвлечены. Предположим, например, что свидетель почувствовал запах огня, но, поскольку он был занят другими делами, не вполне осознал его или не совсем заметил, или объяснил его себе как запах кухни или запах плохой сигары. Подобные восприятия впоследствии забываются, но при правильном расспросе их можно достоверно и полностью восстановить в памяти.

Очевидно, многое зависит от того, нравятся ли кому-то определенные тонкие запахи или нет. Как правило, считается, что тонкое обоняние часто ассоциируется с нервозностью. Опять же, люди с широкими ноздрями и хорошо развитым лбом, которые большую часть времени держат рот закрытым, несомненно, обладают тонким обонянием. Люди с лимфатической природой, с завуалированными неясными голосами, не обладают острым обонянием, и еще более тусклым оно бывает у нюхачей и привычных курильщиков. До определенной степени практика может принести много пользы, но слишком много ее притупляет обоняние. Мясники, табачники, парфюмеры не только не воспринимают запахи, которые доминируют в их магазинах; их обоняние в любом случае притуплено. С другой стороны, те, кому приходится делать тонкие различия с помощью своего чувства, например аптекари, торговцы чаем, пивовары, дегустаторы вин и т. д., достигают большого мастерства. Я помню, что однажды, когда мне пришлось в суде иметь дело почти исключительно с цыганами, я сразу же учуял, не приводили ли туда ночью цыган.

У очень нервных людей развивается такая тонкость и острота обоняния, о которой другие люди даже не догадываются. Сейчас у нас нет реальных знаний о том, как возникают запахи. О том, что они не являются результатом излучения мельчайших частиц, говорит тот факт, что

некоторые тела пахнут, хотя известно, что они не выделяют частиц. Например, цинк и такие вещества, как медь, сера и железо, имеют индивидуальные запахи; последнее, особенно если оно отполировано большим трением, - например, в случае цепочек, колец для ключей, хранящихся в кармане.

При определении впечатлений от запаха возникают большие трудности. Даже нормальные люди часто испытывают страстную любовь к запахам, которые для других либо безразличны, либо отвратительны (гнилые яблоки, мокрая губка, коровий навоз и запах конюшни, чеснок, асафетида, очень спелая дичь и т. д.). Один и тот же человек находит запах пищи прекрасным, когда голоден, приятным, когда сыт, и невыносимым, когда у него мигрень. Необходимо составить точное описание этих различий и всех сопутствующих им обстоятельств. Что касается пола, то обоняние, по мнению Ломброзо,^[185] в два раза тоньше у мужчин, чем у женщин. Это подтверждают ученики Ломброзо - Оттоленги и Сикард, Ронкорони и Фрэнсис Гальтон. Опыт повседневной жизни этого не подтверждает, хотя многие курильщики среди мужчин редко обладают острым обонянием, и это значительно повышает процент в пользу женщин.

Раздел 43. (f) Чувство осязания.

Для простоты я объединяю чувства местонахождения, давления, температуры и т. д. под общим выражением: чувство осязания. Проблема, которую поднимает это чувство, не является легкой, поскольку многие свидетели рассказывают о восприятии в темноте или когда они иначе не могли видеть, а также потому, что многое воспринимается с помощью этого чувства при нападениях, ранениях и других контактах. В большинстве случаев такие свидетели не могли рассмотреть части своего тела, к которым прикасались, поэтому мы вынуждены полагаться только на осязание. Полная уверенность возможна только тогда, когда зрение и осязание работают вместе и исправляют друг друга. Было показано, что представление о третьем измерении не может быть получено с помощью зрения. Вначале мы обязаны восприятием этого измерения только осязанию, а затем - опыту и привычке. Истинность этого утверждения подтверждается сообщениями людей, которые, родившись слепыми, обрели зрение. Некоторые из них не могли отличить простым зрением серебряный карандаш от большого ключа. Они могли только сказать, что это разные вещи, и узнавали их природу только после того, как ощупывали их. С другой стороны, обманчивые возможности осязания проявляются в хорошо известных ошибках, которым подвергается человек при ощупывании вслепую. В то же время практика приводит к значительной точности осязания, и во многих случаях этому чувству доверяют больше, чем зрению - например, когда мы проверяем деликатность предмета кончиками пальцев. Тонкость бумаги, кожи, гладкость поверхности, наличие точек, всегда проверяются пальцами. Поэтому, если свидетель уверяет нас, что та или иная вещь была очень гладкой, или что эта поверхность была очень сырой, мы должны регулярно спрашивать его, проверял ли он это качество, прикасаясь к нему пальцами, и мы уверены, только если он говорит "да". Тот, кто вынужден сильно зависеть от чувства осязания, увеличивает поле своего восприятия, как мы знаем по тонкости этого чувства у слепых людей. Заявления слепых о контактных ощущениях можно верить даже тогда, когда они кажутся неправдоподобными; есть слепые, которые могут чувствовать сам цвет тканей, потому что различные пигменты и их носители придают различное качество поверхности ткани, которую они окрашивают.

В другом направлении, опять же, особой силой обладают глухие. Так, Аберкромби уверяет нас, что в своей медицинской практике он часто наблюдал, как глухие люди воспринимают крен приближающейся повозки или приближение человека задолго до того, как это делают люди с хорошим слухом. Долгое время я владел ангорой, которая, как и все ангоры, была

абсолютно глухой, и ее глухота была проверена врачами. Тем не менее, если животное дремало где-нибудь и кто-нибудь подходил к нему, она сразу же замечала его шаги и различала их, так как испуганно вскакивала, если новый человек был незнаком, и с удовольствием потягивалась в ожидании поглаживаний, если чувствовала приближение друга. Она чувствовала легчайшие прикосновения к предмету, который занимала, - скамейке, сиденью у окна, дивану и т. д., и была особенно чувствительна к очень легким царапинам на предмете. Подобная чувствительность часто повторяется у людей, которые плохо слышат и в которых, следовательно, мы можем сомневаться.

Чувство осязания, кроме того, улучшается не только практикой, но и тренировкой мышц. Стрикер утверждает, что он часто замечал, что способность к наблюдению у людей, которые активно используют свои мышцы, выше, чем у тех, кто ведет малоподвижный образ жизни. Это не противоречит установленной многими экспериментами истине, что образованный человек более чувствителен во всех направлениях, чем необразованный. Опять же, у женщин чувство осязания развито лучше, чем у мужчин, а пространственное чувство и чувство давления у обоих полов равноценны. На эти особые формы осязания решающее влияние оказывают инъекции различного рода. Инъекция морфина, например, уменьшает пространственное чувство в коже. *Cannabium tannicum* снижает чувствительность, а алкоголь оказывает быстрое и значительное воздействие. По мнению Рейхенбаха, некоторые сенситивы чрезвычайно чувствительны. Лучшие из них сразу замечают приближение и взаимное расположение людей или присутствие другого человека в темной комнате. То, что очень нервные люди часто чувствуют давление воздуха, тонкие вибрации и т. д., совершенно верно. Этот и другие факты свидетельствуют о большом разнообразии осязательных впечатлений, которые можно выделить. Чувство температуры развито сравнительно высоко, причем у женщин в большей степени, чем у мужчин. На губах и кончиках пальцев ощущается разница в две десятых градуса. Но там, где нужно воспринимать абсолютную величину, а не разницу, среднее колебание, как правило, не намного меньше 4 градусов. Например, температура в 19 градусов по Р. будет оценена от 17 до 21 градуса. Однако я считаю, что оценка очень распространенных температур должна быть принята как правильная. Например, любой человек, привыкший к тому, что зимой в его комнате 14 градусов R., сразу же заметит и правильно оценит повышение или понижение температуры на один градус. Опять же, любой, кто принимает холодные ванны летом, заметит изменение температуры на один градус. Таким образом, можно верить показаниям свидетелей, касающимся узкого диапазона температур, но при этом необходимо учитывать все условия восприятия, так как различия являются экстремальными. Так, например, было показано, что вся рука находит воду температурой 29 градусов по Р. теплее, чем вода температурой 32 градуса по Р., которую проверяют только пальцем. Далее Вебер отмечает:^[186] "Если мы опускаем два соседних пальца в две разные теплые жидкости, то ощущения сливаются таким образом, что трудно различить различия. Но если мы используем в этом тесте две руки, то особенно успешно он проходит, когда мы меняем руки от одной жидкости к другой. Чем ближе точки на коже, получающие современные впечатления, и, возможно, чем ближе участки мозга, в которые эти впечатления посылаются, тем легче эти ощущения сливаются вместе; но опять-таки, чем дальше они находятся друг от друга, тем реже это происходит". В практике уголовного права такие вопросы возникают редко, но оценка температуры требуется часто, и ее надежность должна быть установлена.

Важно знать, что чувствуют раненый и его противник в первое мгновение после преступления и насколько достоверны их показания. Прежде всего, мы должны поблагодарить замечательные наблюдения Вебера за то, что нам очень трудно с закрытыми глазами определить угол, под которым кинжал вонзается в тело. Столь же трудно определить

направление, с которого пришелся толчок или удар. С другой стороны, мы можем очень точно определить, в каком направлении потянули за горсть волос.

Что касается времени, необходимого для ощущения контакта и боли, то утверждается, что короткий сильный удар по мозоли ощущается сразу, а боль от него - спустя одну-две секунды. Возможно, мозоли имеют особую конституцию, но в противном случае время, отведенное для ощущения боли, слишком велико. Гельмгольц в 1850 году провел измерения, которые доказали, что нервный ток проходит 90 футов в секунду. Если вы уколете палец, то почувствуете боль через тридцатую долю секунды. Простейшие эксперименты, которые можно провести в этом направлении, недостаточны для того, чтобы установить что-то определенное. Мы можем лишь сказать, что восприятие периферической боли происходит через заметный промежуток времени после удара, то есть примерно на треть секунды позже его причины.

Ощущение от ножевого ранения часто отождествляют с контактом с горячим предметом, и еще утверждают, что раненый чувствует рядом с болью, сопровождающей толчок или порез, холод лезвия и его присутствие в глубине тела. Насколько мне удалось узнать от раненых людей, эти утверждения не подтверждаются. Если не принимать во внимание тех, кто намеренно преувеличивает, желая сделать себя интересным или указать на значительные повреждения, все ответы указывают на то, что удары, выстрелы и выстрелы ощущаются как толчки. Кроме того, подъем крови ощущается почти сразу, но не более того; боль приходит гораздо позже. Студенты couleur-students^[187], имеющие за плечами немалое количество дуэлей, утверждают, что "сидячие выпады", даже если они сделаны самыми острыми шпагами, ощущаются только как безболезненные или почти безболезненные удары или толчки. Любопытно, что все говорят, что ощущения возникают как от какого-то очень широкого тупого инструмента: возможно, от падающей черепицы. Но ни один не ощутил холода входящего лезвия.

Солдаты, чьи огнестрельные раны были исследованы, часто уже через несколько минут после ранения, в один голос утверждали, что почувствовали лишь сильный толчок.

Совсем иначе обстоит дело с человеком, который наносит рану. Лотце справедливо обратил внимание на то, что, поднимаясь по лестнице с упругими перекладинами, человек четко видит точки, в которых перекладины крепятся к бокам. Точки крепления упругой решетки ощущаются, когда ее трясут, а сопротивление дерева - когда по нему бьют топором. Точно так же солдат четко чувствует вхождение острия меча или клинка в тело противника. Последний факт подтверждают и студенты. Можно четко различить, просто ли меч пробил кожу или он глубоко погрузился и достиг кости. И это ощущение прикосновения сосредоточено в большом пальце *правой руки*, который находится под эфесом меча в том месте, куда упирается рукоять.

Важность того, что ранящий чувствует свой успех, заключается в том, что это дает ему возможность, когда он хочет сказать правду, достоверно указать, ранил ли он своего противника и насколько сильно. Важность показаний раненого заключается в том, что они влияют на определение, в случаях, когда в нападении участвовало несколько человек, какой раны должен придерживаться тот или иной человек. Мы часто слышим от жертвы, которая действительно хочет сказать правду: "Я был совершенно убежден, что Х нанес мне глубокий удар в плечо, но он только толкнул меня, а не ударил ножом - я не почувствовал удара". Тем не менее, именно Х нанес ему удар, и если судья, проводящий допрос, объяснит потерпевшему суть дела, его показания будут еще более честными.

Есть еще несколько важных фактов.

1. Хорошо известно, что часть кожи, которая покрывает кость и которая затем оттягивается так, что покрывает мясистую часть, не может легко определить точку стимуляции. В данном эксперименте такие перемещения могут быть сделаны намеренно, но они часто происходят при энергичных поворотах тела. Когда верхняя часть тела отводится назад, когда человек сидит, происходит множество таких перемещений, и тогда очень трудно локализовать удар или колющий предмет. То же самое происходит, когда рука отведена назад таким образом, что плоская часть кисти оказывается сверху. Еще сложнее обнаружить рану, когда одну часть тела держит другой человек и оттягивает кожу в сторону.

2. Ощущение влажности складывается из ощущения холода и легкого движения по поверхности. Поэтому, когда мы без предупреждения прикасаемся к холодному гладкому куску металла, нам кажется, что мы прикасаемся к чему-то мокрому. Но верно и обратное: мы считаем, что прикасаемся к чему-то холодному и гладкому, в то время как оно всего лишь мокрое. Отсюда и многочисленные ошибки, связанные с кровотечением после ранения. Раненый или его спутники считают, что почувствовали кровь, хотя на самом деле они ощутили лишь гладкий металл, или же они действительно почувствовали кровь, но приняли ее за что-то гладкое и холодное. Ошибки в вопросе о том, была ли кровь или нет, часто приводят к путанице.

3. Повторение, а значит, и суммирование, усиливает и проясняет ощущения от прикосновения. Как следствие, когда мы хотим проверить что-либо на ощупь, мы делаем это многократно, проводя пальцем вверх-вниз и удерживая предмет между пальцами; по той же причине мы многократно ощущаем предметы с приятной внешней поверхностью. Нам нравится двигать руками вверх и вниз по гладким или мягким пушистым поверхностям, чтобы ощутить их более отчетливо, или чтобы сделать ощущение другим из-за его продолжительности и непрерывности. Поэтому каждый раз, когда нужно определить что-то на ощупь, важно спросить, было ли это прикосновение только один раз или же оно повторялось. В этом случае соотношение не такое, как между поспешным взглядом и точным исследованием, поскольку при осязании могут проявиться существенные различия.

4. Очень трудно определить на ощупь, является ли предмет прямым или кривым, плоским, выпуклым или вогнутым. Вебер показал, что стеклянная пластинка, проведенная перед пальцем таким образом, что сначала ее держат слабо, потом сильнее, потом снова сильнее, кажется выпуклой, а когда делают наоборот - вогнутой. Плоскость получается, когда расстояние остается постоянным.

5. По мнению Виерордта,^[188] движение точки с постоянной скоростью на значительном участке кожи, например, на тыльной стороне руки от запястья до кончиков пальцев, производит, если не присматриваться, определенное впечатление возрастающей быстроты. В обратном направлении определенность меньше, но увеличивается с ростом площади кожи. Это указывает на то, что можно ошибиться в таких ранах, как порезы, царапины и т. д.

6. Может возникнуть проблема надежности слепков привычного давления. Вебер провел самые ранние эксперименты, которые позже подтвердил Фехнер, показав, что ощущение веса сильно различается на разных участках кожи. Наиболее чувствительными являются лоб, виски, веки, внутренняя сторона предплечья. Самые нечувствительные - губы, туловище и ногти пальцев. Если положить кучки из шести серебряных долларов на разные части тела, а затем убрать их по одному, разница будет ощущаться по-разному. Для того чтобы заметить удаление, необходимо убрать следующее количество:

Один доллар с верхней части пальца,

Один доллар с подошвы стопы,

Два доллара с плоской стороны ладони,

Два доллара с лопатки,

Три доллара с пятки,

Четыре доллара от затылка,

Четыре доллара от груди,

Пять долларов от середины спины,

Пять долларов с живота.

Дальнейшие исследования не выявили ничего нового. Успешные эксперименты по определению различий между мужчинами и женщинами, образованными и необразованными, в остроте чувства давления не проводились. Полученные факты могут быть полезны в случаях нападения, удушения и т.д.

Тема 2. ВОСПРИЯТИЕ И ЗАЧАТИЕ.

Раздел 44.

Что юристы должны учитывать при переходе от чисто сенсорных впечатлений к интеллектуальным представлениям об этих впечатлениях, так это возможность последующего воспроизведения любого наблюдаемого объекта или события. Многие так называемые научные различия под влиянием научной психологии утратили свой статус. Современная психология не видит резко очерченных границ между восприятием и памятью и предполагает, что правильное решение проблемы восприятия - это решение проблемы познания.^[189]

Что касается отношения сознания к восприятию, то мы проведем различия, сделанные Фишером.^[190] Существуют две сферы или области сознания: область ощущений и область внешнего восприятия. Первая затрагивает внутреннюю структуру организма, вторая выходит из организма в объективный мир. Сознание имеет сферу действия, в которой оно имеет дело с внешним миром посредством двигательных нервов и мышц, и сферу восприятия, которая является делом органов чувств.

Внешнее восприятие включает в себя три основные функции: постижение, различение и комбинирование. Восприятие в более узком смысле - это простое сенсорное осознанное восприятие какого-либо объекта, стимулирующее наши глаза. С его помощью мы узнаем, что это за объект, каково его отношение к нам и другим вещам, каково его расстояние от нас, как он называется и т. д.

То, что следует за этим постижением, есть самое важное для нас, юристов, - *узнавание*. Признание означает только то, что объект произвел достаточное впечатление на разум, чтобы его узнать и идентифицировать. При этом безразлично, какова природа узнаваемого объекта. Согласно Юму, объект может быть вечной вещью ("не прерывающейся и не зависящей от ума"), а может быть идентичен самому восприятию. В последнем случае

восприятие рассматривается как логическое суждение, подобное суждению: "Идет дождь" или ощущение того, что "идет дождь", и тогда признание есть лишь признание восприятия. Суждения такого рода - это то, что мы получаем от свидетелей, и то, что мы должны исследовать и оценивать. Это нужно делать с двух точек зрения. Во-первых, с точки зрения наблюдателя и собирателя примеров, который стремится обнаружить принцип, управляющий ими. Если этого не сделать, то выводы, которые мы делаем, будут, по меньшей мере, ненадежными, а в большинстве случаев - ложными. Как говорит Мах, "если однажды наблюдение определило все факты любой естественной науки, то для этой науки начинается новый период - период дедукции". Но как часто мы, юристы, различаем эти два периода в нашей собственной работе.^[191]

Второй важный момент - наличие ошибок в наблюдениях. Существенные ошибки Шиль классифицирует по двум разделам. Ошибки в наблюдении бывают позитивными или негативными, неправильным наблюдением или недосмотром. Последнее происходит в основном из-за предвзятых мнений. Противники Коперника пришли к выводу, что Земля не движется, потому что в противном случае камень, брошенный с вершины башни, достиг бы земли немного западнее. Если бы приверженцы Коперника провели эксперимент, они бы обнаружили, что камень падает так, как требует теория. Подобные оплошности встречаются в работе юриста сотни раз. Мы впечатляемся исключениями, которые делают другие или мы сами, и отказываемся от какого-то уже опробованного подхода, не проверив на деле истинность исключения, которое его оспаривает. За работой я часто вспоминал историю одного из Жоржей, который не любил ученых и задал ряду философов и физиков следующую проблему: "Когда я кладу камень весом в десять фунтов в стофунтовую бочку с водой, вся она весит сто десять фунтов, а когда я кладу в бочку живую рыбу весом в десять фунтов, вся она весит только сто фунтов?" У каждого из ученых было свое убедительное объяснение, пока наконец король не спросил одного из лакеев, который сказал, что хотел бы увидеть эксперимент, прежде чем принять решение. Я помню случай, когда крестьянина обвинили в поджоге ради страховки. Он утверждал, что зашел в комнату со свечой и что длинная паутина, свисавшая вниз, случайно загорелась от нее и воспламенила солому, свисавшую с крыши. Так произошла катастрофа. Только во время второго опыта кому-то пришло в голову спросить, может ли вообще гореть паутина, а первый эксперимент показал, что это невозможно.

Большинство опытов такого рода показывают, что при распознавании событий мы должны действовать медленно, без скачков, и что мы можем строить свои представления только на основе уже имеющихся у нас знаний. Святой Фома говорит: "*Omnes cognitio fit secundum similitudinem cogniti in cognoscente*". Если бы эта мудрость не выходила из головы при допросе свидетелей, задача стала бы легче и проще, чем обычно. Только когда неизвестное связано с известным, можно понять первое. Если этого не сделать, свидетель вряд ли сможет ответить. Он нигде не найдет поддержки, либо будет искать свою, и, естественно, найдет не ту. Так и информация, которую обычный путешественник привозит домой, в основном совпадает с тем, что он уносит с собой, ведь у него есть уши и глаза только для того, что он ожидает увидеть. Как долго негр верил, что болезнь портит кораллы, которые он носит? Но если бы он только понаблюдал за ним, то увидел бы, насколько глупо это представление. Как долго, со времен Адама Смита, люди верили, что расточительность помогает промышленности, и как долго еще люди называли Коперника дураком, потому что он действительно видел, как восходит и заходит солнце. Таким образом, Дж. С. Милль высказывает свое мнение по этому вопросу. Беннеке^[192] добавляет: "Если кто-то описывает мне животное, местность, произведение искусства, рассказывает о событии и т. д., я не получаю через услышанные слова представления о внешнем виде предмета. С помощью

слов и знаков передо мной просто ставится проблема, связанная с представлением о предмете, и поэтому истинность ее зависит главным образом от полноты прежних представлений о подобных вещах или событиях, а также от материала, которым я располагаю в воображении. Это и есть мой перцептивный капитал и моя способность к представлению".

Естественно, нет необходимости спрашивать, видел ли рассказчик то, о чем он говорит, или убеждать себя в ходе экспертизы, что человек точно знает, о чем он говорит. В то же время экзаменуемый должен четко представлять себе суть вопроса и знать, какую позицию ему следует занять, если он собирается вести разумный диалог с собеседником. Я могу сказать, что все мы, образованные и необразованные, воспринимаем и запоминаем определенные и четкие образы всего, что видели, слышали или узнали из описаний. Когда мы получаем новую информацию, мы просто присоединяем новый образ к старому, или уничтожаем часть старого и ставим на его место новый, или сохраняем только более или менее энергичное дыхание старого с новым. Такие образы уходят далеко в прошлое; ими обладают даже животные. Однажды мой маленький сын пришел с захватывающей информацией о том, что его морская свинка, известная как глупый зверек, умеет считать. Он попытался доказать это, забрав шесть птенцов у матери и спрятав их так, чтобы она не видела, что с ними случилось. Затем он взял одного из шести, спрятал его, а оставшихся пятерых вернул старушке. Она понюхала их одного за другим, а затем проявила немалое волнение, как будто что-то упустила. Затем ее снова убрали и принесли шестого поросенка; когда ее вернули к выводку, она обнюхала всех шестерых и выразила большое удовлетворение. "Она могла насчитать по крайней мере шесть". Естественно, у зверя был только фиксированный собирательный образ ее выводка, а когда одного не стало, образ нарушился и стал неправильным. В то же время образ был таким, какой создается при стечении событий или обстоятельств. Он не так уж далек от образов низкопробного человечества и лишь в некоторой степени отличается от образов цивилизованных людей.

Тот факт, что многое из сказанного неверно и в то же время не является сознательной неправдой, зависит от существования этих образов и их связи с новым материалом. У говорящего и аудитора разные наборы образов; первый воспринимает новый материал иначе, чем второй, и поэтому они, конечно, не могут прийти к единому мнению.^[193] Трудная задача экзаменатора - адаптировать сказанное так, чтобы оно соответствовало правильным образам и не давало возможности для неверных интерпретаций. Если свидетелем по какой-то невыразительной сделке выступает известный ростовщик, по драке в крестьянском салуне - уличный гуляка, по дуэли - клубист, по браконьерству - егерь, то набор образов каждого из этих людей будет плохой основой для новых восприятий. С другой стороны, правильно абстрагироваться от них не составит труда. Но подобные случаи происходят не постоянно, и большая проблема состоит в том, чтобы раз и навсегда выяснить, какие образы в памяти присутствовали до того, как свидетель воспринял рассматриваемое событие. Первые оказывают большое влияние на восприятие вторых.

В связи с этим не следует забывать, что сохранение этих образов несколько педантично и зависит от несущественных вещей. В мэрии Граца есть секретер с тридцатью шестью секциями для тридцати шести различных газет. Над каждой секцией было четко написано название соответствующего журнала, и, несмотря на четкость шрифта, для того чтобы положить и вынуть бумаги, требовались определенные усилия, так как шрифт нужно было читать, и его нельзя было разобрать. Позже из каждой бумаги было вырезано название и наклеено на секретер вместо шрифта, и тогда, несмотря на различные завитушки и

перекрученные буквы, привычные изображения названий стали легко различимы, а их вынимание и возвращение стало механическим. Привычные и одинаковые вещи настолько привычны, что воспринимаются с большей легкостью, чем более отчетливые объекты.

Поскольку мы можем мыслить только на основе постоянства и сходства форм, мы делаем эти формы сущностью опыта. С другой стороны, то, что постоянно и сходно для одного человека, не является таковым для другого, и сущности опыта варьируются в зависимости от того, кто его испытывает.

"Когда мы видим кубик, у которого мы можем одновременно видеть три стороны, семь углов и девять граней, мы сразу же вызываем образ или схему кубика и заставляем наше дальнейшее чувственное восприятие согласовываться с этой схемой. Таким образом, мы получаем ряд схем, которые можем заменять одна другой" (Обер). По той же причине мы связываем в описании вещи, неизвестные аудитору, которые мы предполагаем в нем, и поэтому мы можем заставить его правильно понять, только если мы назвали какой-то подходящий объект для сравнения. И наоборот, мы должны помнить, что каждый человек берет свое сравнение из своего собственного опыта, поэтому, чтобы понять, что сравнивается, мы должны иметь подобный опыт. Пренебрежение частным характером этого опыта губительно. Тот, кто имеет много общего с крестьянами, которые любят использовать сильные сравнения, должен сначала понять их сущностную жизнь, чтобы понять, как свести их сравнения к правильным значениям. И если он это сделает, то найдет такие сравнения и образы наиболее отчетливыми и наиболее понятными.

Чувственное восприятие играет большую роль в понимании, и никто не может определить границу, где заканчивается чувственная деятельность и начинается интеллектуальная. Не помню, кто обратил внимание на тот интересный факт, что ни один из двадцати студентов египетского музея не знал, почему руки фигур на египетских настенных изображениях производят впечатление неправильных - никто не обратил внимания на то, что у всех фигур две правые руки.

Когда-то я уделял большое внимание трюкам с кражей карт и по мере приобретения их, либо у себя, либо у опытных игроков, демонстрировал их молодым криминалистам. Долгое время я отказывался верить в то, что сказал мне один старый грек: "Чем глупее и очевиднее трюк, тем он вернее; люди никогда ничего не видят". Он был прав. Когда я прямо говорил своим ученикам: "Сейчас я обманываю", я мог спокойно совершить ложный переворот, ложную сделку и так далее. Никто этого не видел. Если хоть наполовину направить взгляд на что-то другое, карта может быть положена на колени, засунута в рукав, вынута из кармана и бог знает что еще. Кто может сказать в таком случае, был ли сенсорный взгляд или интеллектуальное восприятие неумелым или непрактичным? По мнению некоторых авторитетов, главным источником ошибок являются органы чувств, но не следует ли что-то приписать тому таинственному, необъяснимому моменту, когда сенсорное восприятие становится интеллектуальным, никто не может сказать.

Моя любимая демонстрация того, как удивительно мало люди воспринимают, довольно проста. Я ставлю на стол поднос с бутылкой воды и несколькими стаканами, призываю обратить внимание на то, что сейчас произойдет, и наливаю немного воды из бутылки в стакан. Затем все это убирается, и задается удивительный вопрос: что я сделал? Все зрители тут же отвечают: вы налили воду в стакан. Тогда я спрашиваю, какой рукой я это сделал? Сколько было стаканов? Где находился стакан, в который я налил воду? Сколько я налил? Сколько воды было в стакане? Я действительно наливал или только притворялся? Насколько полной была бутылка? Была ли это точно вода, а не вино? Не было ли это красное вино? Что я

сделал рукой после того, как налил воду? Как я выглядел, когда делал это? Неужели вы не видели, что я закрыл глаза? Разве вы не видели, что я высунул язык? Наливал ли я воду, когда делал это? Или до, или после? Носил ли я кольцо на руке? Была ли видна моя манжета? В каком положении находились мои пальцы, когда я держал стакан? Эти вопросы можно множить. И столь же удивительно, сколь и забавно видеть, как мало правильности в ответах, как люди ссорятся из-за ответов и какие необычные вещи они говорят. Но что мы требуем от свидетелей, которым приходится описывать гораздо более сложные вещи, к которым их внимание не было привлечено ранее, и которые должны давать свои ответы не сразу, а гораздо позже; и которые, кроме того, в присутствии факта могут быть побеждены страхом, изумлением, ужасом и т. д.! Я нахожу, что прощупывать даже сравнительно подготовленных свидетелей слишком забавно, а выводы, сделанные на основе полученных сведений, слишком бессовестны.^[194] Такие вступления, как: "Но вы же знаете", "Просто вспомните вот это", "Вы же не настолько глупы, чтобы не заметить", "Но, дорогая женщина, у вас же есть глаза" - и все остальное, что может быть предложено в такой любезной манере, может вызвать ответ, но какой реальный смысл может иметь такой ответ?

В один прекрасный день я возвращалась домой из суда и увидела, как из кукурузного поля вышел человек, несколько мгновений оставался в поле моего зрения, а затем исчез. Я сразу же почувствовал, что этот человек сделал что-то подозрительное, и тут же спросил себя, как он выглядит. Я обнаружил, что ничего не знаю о его одежде, платье, бороде, росте, словом, вообще ничего о нем не знаю. Но как бы я наказал свидетеля, который должен был знать так же мало. В ходе этой экспертизы нам придется часто упоминать о том, что мы не видим события, несмотря на то, что оно находится в поле восприятия. Сейчас я хочу лишь обратить внимание на один известный случай, описанный Хофманом.^[195] На судебном процессе была предпринята косвенная и точная попытка выяснить, является ли откусывание уха у человека значительным изменением. Суд, врач, свидетели и т. д. решали вопрос об изменении, пока, наконец, сам раненый не показал, что имеется в виду, поскольку его другое ухо было откушено много лет назад, - но тогда никто не заметил этого изуродованного уха.

Чтобы узнать, что видел и воспринимал другой человек, мы должны прежде всего знать, как он думает, а это невозможно. Мы часто говорим о другом человеке, что он, должно быть, подумал то-то и то-то или пришел к таким-то и таким-то идеям, но какие события происходят в мозгу другого человека, мы никогда не можем наблюдать. Как говорит Буа-Реймон: "Если бы призрак Лапласа мог построить гомункулуса в соответствии с лейбницевской теорией, атом за атомом и молекула за молекулой, он мог бы преуспеть в том, чтобы заставить его думать, но не в том, чтобы узнать, как он думает". Но если мы знаем, хотя бы приблизительно, как устроен умственный процесс человека, максимально близкого нам по полу, возрасту, культуре, положению, опыту и т. д., мы теряем это знание с каждым шагом, ведущим к различиям. Мы хорошо знаем, какое огромное влияние оказывает множественность талантов, наклонностей, знаний и представлений. Когда мы рассматриваем качества вещей, мы обнаруживаем, что никогда не воспринимаем их абстрактно, но всегда конкретно. Мы видим не цвет, а цветной предмет; мы видим не тепло, а что-то теплое; не твердость, а что-то твердое. Понятие "тепло", как таковое, не может прийти в голову никому, и при упоминании этого слова каждый подумает о каком-то конкретном теплом предмете: один - о своей домашней печке, другой - о теплом дне в Италии, третий - о куске раскаленного железа, который однажды обжег его. После этого человек уже не обращает постоянного внимания на один и тот же объект. Сегодня он имеет в виду эту конкретную вещь, завтра он использует другие названия и вызывает другие ассоциации. Но каждый конкретный объект, о котором я думаю, оказывает значительное влияние на новое восприятие; и мой аудитор не знает, возможно, даже я сам не знаю, какой конкретный объект я уже имею в виду. И хотя Беркли

уже показал, что цвет нельзя мыслить без пространства или пространство без цвета, задача определения конкретного объекта, которому свидетель придает те качества, о которых он говорит, все равно будет сотни раз упущена.

Кроме того, важно, чтобы каждый научился узнавать объект, о котором он говорит, путем повторения, чтобы различные отношения показывали ему этот вопрос по-разному. Если объект произвел на нас впечатление, однажды приятное и однажды неприятное, мы не можем вывести историю и характер нынешнего впечатления из одного только объекта, не можем найти его только в синтетических ощущениях памяти, которые обусловлены следами прежних сгущающихся впечатлений. Из-за этого слияния прежних впечатлений мы часто не можем отделить их друг от друга и изучить их влияние на нынешние впечатления. Часто мы даже не знаем, почему то или иное впечатление так ярко. Но если мы невежественны в отношении того, что происходит в нас самих, то как много мы можем знать о других?

Экснер обращает внимание на то, что именно в этом направлении особенно велика роль "темных восприятий". "Большая часть нашего интеллекта зависит от способности этих "темных восприятий" подниматься, не требуя дополнительного внимания, в поле сознания. Есть люди, которые, например, узнают птиц по их полету, не зная четко, какой полет характерен для той или иной конкретной птицы. Другие, еще более сообразительные, знают, через какие промежутки времени летуны бьют крыльями, поскольку могут имитировать их руками. А когда интеллект еще выше, это позволяет правильно описать его словами".

Предположим, что по какому-то важному уголовному делу несколько человек, разной степени образованности и интеллекта, провели наблюдения. Мы предполагаем, что все они хотят говорить правду, а также предполагаем, что они правильно наблюдали и воспринимали свои объекты. Тем не менее, их свидетельства будут очень разными. С ростом уровня интеллекта повышается и степень воздействия "темных подсознательных восприятий". Они дают более определенное представление и объяснение показаниям; они превращают пустые утверждения в упорядоченные восприятия и реальные представления. Но мы обычно совершаем ошибку, приписывая разнообразие свидетельств различным взглядам или нечестности.

Установить единодушие столь различных данных или выяснить, есть ли у них такое единодушие, не так-то просто. Наиболее удобная процедура - сравнение менее значимых показаний с показаниями наиболее умных свидетелей. Как правило, тот, кто имеет подсознательное восприятие объекта, с радостью выдает его, если ему помочь в какой-то форме, но опасность внушения здесь настолько велика, что эту помощь следует оказывать лишь в самых редких случаях. Лучше всего помогать свидетелю постепенно довести его показания до конца, следя при этом за тем, чтобы не внушать самому себе и тем самым не вызвать согласования нескольких показаний, которые на самом деле были разными, но лишь выглядели противоречивыми из-за влияния подсознательного восприятия. Лучше всего принимать показания по мере их поступления, без изменений, а позже, когда накопится много материала и вопрос прояснится, тщательно проверить их и выяснить, не давали ли менее умные люди разные показания из-за недостатка способности к выражению, или потому, что они действительно воспринимали разные вещи и могли сказать разное.

Это важно, когда свидетели, которых проверяют, являются экспертами в том вопросе, по которому их проверяют. Я убежден, что мнение о том, что такие люди должны быть лучшими свидетелями, ошибочно, по крайней мере в качестве обобщения". Беннеке (Benneke, loco cit.) также сделал аналогичные наблюдения. "Химик, воспринимающий химический процесс, знаток - картину, музыкант - симфонию, воспринимает их с более энергичным

вниманием, чем обыватель, но фактическое внимание может быть больше у последнего". Для нашего случая достаточно знать, что суждения эксперта, естественно, лучше, чем у неспециалиста; его понимание, однако, как правило, одностороннее, не столь масштабное и менее бесцветное. Естественно, что каждый эксперт, особенно если он серьезно относится к своей работе, проявляет наибольший интерес к той стороне события, с которой имеет дело его профессия. Поэтому надзор за юридически важными вопросами практически неизбежен. Я помню, как однажды молодой врач стал свидетелем нападения с целью убийства. Он видел, как в трактире преступник некоторое время угрожал своей жертве тяжелой фарфоровой спичечницей. "Здесь может быть сломан *os parietale*", - подумал врач, и пока он размышлял о хирургических последствиях такого удара, дело было сделано, а врач не видел, как был нанесен удар, выхватил ли жертва нож и т. д. Точно так же во время экспертизы по поводу взлома ящика стола худшим свидетелем оказался краснодеревщик. Его так интересовал инородный способ скрепления частей ящика и диковинная древесина, что он ничего не мог сказать по юридически важному вопросу о том, как был произведен взлом, каков был отпечаток повреждающего инструмента и т. д. Большинство из нас сталкивались с подобным опытом общения со свидетелями-экспертами, и большинство из нас также замечали, что они часто дают ложные показания, потому что рассматривают событие с точки зрения своих интересов и убеждены, что все должно происходить в соответствии с принципами их профессии. Как бы ни складывалось событие, они моделируют и изменяют его настолько, что оно в конце концов становится похожим на их собственные представления.

"Подсознательное восприятие", несколько измененное, играет, по мнению Экснера, еще одну роль в так называемой ориентации. Если кто-то способен ориентироваться, то есть знать, где он находится в любой момент времени, и держать в голове общее направление, важно осознавать этот факт, когда он выступает в качестве свидетеля, поскольку его информация, как следствие, примет другую форму и будет иметь другую ценность. Экснер говорит о себе, что в каждый момент своего восхождения на башню Маркуса он знает, в каком направлении он идет. Что касается меня, то, как только я повернул, я заблудился. Наши представления о местоположении и его значении были бы совсем другими, если бы нам пришлось давать показания об отношениях мест в суде. Но вряд ли кто-то станет уверять суд, что в целом он ориентируется хорошо или плохо.

Как говорит Экснер: "Если во время прогулки я внезапно останавливаюсь перед домом, чтобы посмотреть на него, у меня определенно возникает ощущение его удаленности от того места, где я сошел с дороги - здесь работает бессознательное восприятие дороги за домом". Это действительно можно сравнить с чистым подсознанием, в котором ряд процессов происходит без нашего ведома.

Но ориентация на местности не заканчивается чувством места. Она работает даже в случаях небольших воспоминаний о местоположении, например, при заучивании предметов наизусть, при знании того, на какой странице и в какой строке что-либо напечатано, при поиске ненаблюдаемых вещей и т.д. Эти вопросы ориентации восприятия важны, поскольку есть люди, все восприятия которых тесно связаны с их чувством местоположения. У таких людей можно многому научиться, используя эту их особенность, в то время как несоблюдение ее может сделать их безнадёжными свидетелями. Насколько это характерно для некоторых людей - как правило, люди с чувством местоположения более сообразительны, - я убедился некоторое время назад, когда германист Бернхардт Зофферт рассказал мне, что, когда он не знал, как пишется что-либо, он представлял себе его внешний вид, а когда это не помогало, он писал обе формы, между которыми колебался, и

затем узнавал, какая из них правильная. Когда я спросил его, выглядит ли хирографическое изображение напечатанным или написанным и каким шрифтом, он многозначительно ответил: "Так, как написал мой учитель письма". Он определенно локализовал изображение на своей тетради многолетней давности и мысленно прочитал его. О таких особенностях следует помнить при допросе свидетелей.

В заключение следует сказать несколько слов о проведенном Кэттеллом[196] исследовании времени, необходимого для задержания. Чем лучше человек знает язык, тем быстрее он может повторять и читать его слова. Именно по этой причине мы считаем, что иностранцы говорят быстрее, чем мы. Кэттелл считает это настолько неоспоримым, что хочет использовать скорость в качестве теста на экзаменах по иностранным языкам.

Время, затрачиваемое на определение одной буквы, составляет четверть секунды, на ее произнесение - десятую часть секунды. Цвета и картинки требуют заметно больше времени, но не потому, что они не распознаются, а потому, что нужно подумать, как их правильно назвать. Нам гораздо привычнее читать слова.

Эти наблюдения можно продолжить. Чем определеннее представляется описываемое событие, тем яснее дедукция и чем увереннее память о нем, тем быстрее оно может быть воспроизведено. Из этого следует, что, если отбросить индивидуальные идиосинкразии, быстрота речи свидетеля будет иметь значение, когда мы хотим знать, насколько он обдумал вопрос и уверен в том, что собирается сказать. Можно предположить, что человек, пытающийся точно вспомнить событие, будет говорить медленно и запинаясь или, по крайней мере, с колебаниями в данный момент. То же самое произойдет, если он попытается представить себе различные возможности, исключить некоторые из них и избежать противоречий и неправдоподобности. Если же свидетель убежден и искренне верит в то, что рассказывает, так что может легко и без перерыва прокрутить это в голове, он расскажет свою историю так быстро, как только сможет. Это действительно можно наблюдать у ораторов, даже у судей, прокуроров и защитников; если кто-то из них не совсем ясно представляет дело, которое он представляет, или не убежден в его правильности, он будет говорить медленно; если ситуация обратная, он будет говорить быстро. Это наблюдение подтверждают судебные и другие публичные стенографисты.

Тема 3. ВООБРАЖЕНИЕ.

Раздел 45.

Вещи, о которых нам рассказывают свидетели, ранее существовали в их воображении, и то, как это существовало, в значительной степени определяет *качество* того, что они нам рассказывают. Следовательно, природа воображения должна представлять для нас интерес, тем более что нам не нужно беспокоиться об отношении между бытием и воображением. Может оказаться, что вещи могут существовать в формах, совершенно отличных от тех, в которых мы их знаем, возможно, даже в непознаваемых формах. Идеалист, по мнению некоторых авторитетов, отбрасывает эту возможность и дает научный ответ тем, кто ее поднимает.

Для нас, юристов, "научный ответ" не имеет значения. Нас интересует надежность воображения и его идентификация с тем, что, как мы предполагаем, существует и происходит. Некоторые авторы считают, что сенсорные объекты в чувственном восприятии являются одновременно внешними и внутренними, внешними по отношению друг к другу и внутренними по отношению к сознанию. Обращается внимание на то, что различие между

образом и объектом не является частью акта восприятия. Но те, кто отмечает этот факт, предполагают, что акт все же содержит образ. Согласно Святому Августину, образ служит знанием об объекте; согласно Эрдману, объект - это объективированный образ.

Большое значение имеет заместительная адекватность образов. Например, я представляю себе свою отсутствующую собаку, собаку Бисмарка, которую я знаю только живописно, и, наконец, собаку Алкивиада, о внешности которой известно только то, что она была красивой и что ее хозяин отрезал ей хвост. В этом случае репрезентативность этих образов будет несомненной, так как всем известно, что я могу очень правильно представить себе свою собственную собаку, что образ зверя Бисмарка также будет сравнительно хорош, так как это животное часто изображалось и описывалось, в то время как образ собаки Алкивиада будет нуждаться в большой достоверности - хотя я с детства представлял себе это историческое животное довольно живо. Поэтому, когда я говорю о любом из этих трех животных, каждый сможет правильно оценить правильность моих образов, потому что он знает их условия. Однако, когда мы беседуем со свидетелем, мы редко знаем условия, в которых он получил свои изображения, и узнаем их только от него. Теперь случается так, что описание, предложенное свидетелем, добавляет еще один образ, то есть наш собственный образ материи, и этот образ и образ свидетеля должны быть поставлены в определенное отношение друг к другу. Из индивидуальных образов всех заинтересованных лиц должен быть представлен образ, который подразумевает образ представляемого события. Образы можно сравнивать только с образами, или образы - это только изображения образов.^[197]

Трудность этой трансформации кроется в самой природе репрезентации. Репрезентация никогда не может быть тождественна своему объекту. Гельмгольц выразил это наиболее ясно: "Наши видения и представления - это эффекты; объекты, которые мы видим и представляем, действуют на нашу нервную систему и на наше сознание. Природа каждого эффекта обязательно зависит от природы его причины и от природы индивидуума, на которого эта причина действовала. Требовать от изображения, которое должно абсолютно воспроизводить свой объект и, следовательно, быть абсолютно истинным, означало бы требовать от эффекта, который должен быть абсолютно независим от природы того объекта, на который эффект вызван. А это очевидное противоречие".

В чем состоит различие между образом и объектом, является ли оно чисто формальным или материальным, насколько оно важно, еще не доказано научно и, возможно, никогда не будет доказано. Нам остается только предположить, что истинность этого различия общеизвестна и что каждый человек обладает врожденным корректором, с помощью которого он распределяет место между образом и предметом, то есть приблизительно знает различие между ними. Сложность заключается в том, что не все люди обладают одинаковым эталоном, а на создание последнего оказывают влияние практически все человеческие качества. Это разнообразие стандартов, опять же, имеет двойную сторону. С одной стороны, оно зависит от сущности образа и объекта, с другой - от изменений, которые претерпевает образ как в процессе восприятия, так и в течение всего последующего времени. Всем известно это различие. Тот, кто видел что-либо при определенных обстоятельствах или в определенный период своей жизни, может часто создать его образ, меняющийся в отдельных характеристиках, но в целом неизменный. Если же он видит это позже, в других условиях, в другом возрасте, когда память и воображение оказывают свое изменяющее влияние, образ и объект не соответствуют друг другу в различных направлениях. Еще хуже обстоит дело с образами вещей и событий, которых никогда не было. Я могу представить себе осаду Трои, дракона, полярную ночь и Александра Македонского, но насколько образ будет отличаться от объекта!

Это особенно очевидно, когда мы восприняли нечто, что показалось нам не совсем верным. Мы улучшаем вещь, то есть изучаем, как она могла бы быть лучше, и запоминаем ее в улучшенном виде; тогда чем чаще повторяется этот воображаемый объект, тем более фиксированной становится его форма, но не реальная, а лишь измененная. Мы видим это с особой отчетливостью в случае с рисунками, которые в какой-то мере нам не нравятся. Предположим, мне не нравится красное платье женщины на каком-то рисунке, и я предпочитаю коричневое. Если позже я вспомню этот рисунок, то изображение будет становиться все более и более коричневым, и в конце концов я увижу рисунок коричневым, а когда встречу с реальным объектом, то удивлюсь красному платью.^[198]

Мы получаем эту ситуацию в миниатюре каждый раз, когда слышим о преступлении, какими бы скучными ни были новости, - не более чем телеграфное слово. Событие, естественно, должно иметь определенную степень важности, потому что, если я слышу только о том, что украли серебряные часы, я не пытаюсь представить себе эту ситуацию. Если же я слышу, что возле гостиницы в Х крестьянин был ограблен двумя подмастерьями, то у меня сразу же возникает образ, который содержит не только неизвестный регион, но и событие ограбления, и даже, возможно, лица тех, кого это касается. Не имеет особого значения, что это изображение полностью ложно практически во всех деталях, потому что в большем числе случаев оно исправляется. Настоящая опасность заключается в том, что эта коррекция часто бывает настолько плохой, а часто и вовсе не удается, и в результате первый образ снова прорывается наружу и остается самым ярким.^[199] Эта сила тем больше, что мы всегда привязываем воображение к чему-то реальному или приблизительно реальному, а поскольку последнее либо действительно видно, либо, по крайней мере, энергично воображается, первый образ приобретает новую силу для появления. По словам Липпса, "репродуктивные образы предполагают диспозиции. Диспозиции вытекают из восприятий, которые они предполагают; тем не менее существуют репродуктивные образы и воображаемые целостности, которые не предполагают никаких предшествующих восприятий. Это противоречие разрешается, когда диспозиции одновременно содержатся в других вещах. Конечное число диспозиций может быть таким образом также бесконечным..... Диспозиции - это преобразованная сила как таковая, сила, преобразованная таким образом, чтобы быть способной активно реагировать на внутренние стимулы".

Аналогичный процесс происходит и при воспроизведении образов во время речи. То, что это воспроизведение не прямое, а зависит от последовательности образов, приводит к болтливости детей, стариков и необразованных людей, которые пытаются представить весь комплекс отношений, относящихся к тому или иному образу. Но такое тотальное запоминание приводит судью в отчаяние не только потому, что он теряет время, но и из-за опасности переключения внимания с важных вещей на неважные. То же самое можно увидеть в судебных документах, которые часто свидетельствуют о том, что диктатор позволил ввести себя в заблуждение неумелым свидетелям или что он сам был ответственен за заумные, косвенные воспоминания. Настоящий мыслитель почти всегда остерегается слов, потому что из множества образов, связанных с его идеей, он сохраняет только те, которые наиболее тесно связаны с его непосредственной целью. Поэтому хорошие протоколы почти всегда сравнительно коротки. Не менее поучительно, чем забавно, рассмотреть некоторые протоколы на предмет того, что следовало бы опустить, а затем на предмет прямых представлений, то есть всего того, что относится к реальному освещению вопроса. Поразительно, как мало указывается последнее, и как часто оно вводится вслепую, потому что то, что было важно, забыто и потеряно.

Конечно, мы должны признать, что сущность представления сопряжена с очень большими трудностями. Для примера рассмотрим такой обычный случай, как третье измерение. Мы убеждены, что по своей природе оно гораздо сложнее, чем кажется. Мы вынуждены считать, что расстояние - это не вопрос ощущений и что оно требует объяснения.[200]

Психологи указывают, что представление третьего измерения было бы чрезвычайно сложным без помощи опыта. Но опыт - вещь относительная, мы не знаем, каким количеством опыта обладает тот или иной человек, и какова его природа. Следовательно, мы никогда не сможем точно узнать, насколько правильно физическое видение человека, если не увидим других средств проверки. Рассмотрим теперь, что требуется для принятия идеи четвертого измерения. С тех пор как Генри Мор ввел эту идею, она должна была полностью изменить наше представление о пространстве. Но мы не знаем, сколько людей бессознательно цепляются за нее, и не ошибемся, если скажем, что никто не знает, как воспринимает пространство его сосед.[201]

Движение - это еще одна вещь, которую трудно представить или вообразить. Вы можете сразу определить для себя, можете ли вы представить себе даже немного сложное движение. Я могу представить себе одно отдельное условие движения за другим, последовательно, но я не могу представить себе последовательность. Как говорит где-то Гербарт, последовательный ряд образов не является представляемой последовательностью. Но если мы не можем представить себе это последнее, то то, что мы представляем, не является тем, чем оно должно быть. Согласно Штрикеру,[202] представление движения - это *квале*, которое не может быть дано в терминах какого-либо другого сенсорного качества, и ни одно движение не может быть запомнено без того, чтобы мозг не пробудил мышечное движение. Опыт подтверждает эту теорию. Пробуждение мышечного чувства часто очевидно всякий раз, когда думают о движении, и тогда мы можем понять, как при объяснении или описании движения происходит иннервация, которая следует за данным образом. Эта иннервация всегда истинна. Она согласуется, по крайней мере, с тем, что свидетель сам воспринял и теперь пытается воспроизвести в своем рассказе. Когда он объясняет, например, как душили какого-то человека, мы можем увидеть движения его рук, которые, какими бы незначительными и неясными они ни были, все же определенно указывают на то, что он пытается вспомнить то, что видел, и это не имеет отношения к тому, что он говорит. Это позволяет наблюдать изменения образов у человека, о котором идет речь, - изменения, которые всегда происходят, когда образы связаны с движениями.

Из того факта, что движения трудно представить, следует, что нельзя ожидать от свидетеля точного воспоминания о них. Стрикер рассказывает, что долгое время не мог представить себе снегопад, и ему удалось представить лишь одно мгновение его. То, что невозможно представить, невозможно и вспомнить, и поэтому мы обнаруживаем, что просьба к свидетелю описать пункт за пунктом даже простую последовательность вызывает лишь затруднения. У свидетеля есть только последовательные образы, и даже если конкретные образы верны, у него нет ничего объективного для самой последовательности, ничего укорененного в ней. Ему помогает лишь логика событий и его память - если она скудна, то скудна и последовательность образов, а значит, и воспроизведение события неадекватно. Поэтому эта скудость так же мало примечательна, как и разнообразие описаний у разных свидетелей, разнообразие, обусловленное тем, что последовательность субъективна.

Рисунок - это подтверждение того факта, что мы представляем только одно мгновение движения, поскольку фотография никогда не может передать нам движение, а только одно состояние внутри этого движения. В то же время мы довольствуемся тем, что изображает картина, даже если наше изображение содержит только этот простой момент движения. "То,

что видно или слышно, сразу же, во всей своей определенности, становится содержанием сознания" (Шуппе) - но его движение таковым не является.

Влияние времени на образы едва ли безразлично. Мы должны различать время, необходимое для создания образа, и время, в течение которого образ сохраняется с неизменной яркостью. Модсли считает, что на первый вопрос трудно ответить. Он опирается на Дарвина, который отмечает, что музыканты играют настолько быстро, насколько быстро они могут понять ноты. Вопрос затрагивает адвоката в той мере, в какой необходимо определить, может ли через некоторое время возникнуть образ события, из которого можно сделать вывод об индивидуальности свидетеля. Никакой другой пример здесь не может быть использован, потому что на скалистой проблеме возникновения образов разбиваются даже регулятивные искусства большинства современных психофизиков.

Вторая проблема имеет большее значение. Можно ли использовать ее решение на практике, я сказать не могу, но она требует рассмотрения. Экснер заметил, что равномерная яркость изображения длится едва ли секунду. За это время изображение в целом не исчезает, но его содержание остается неизменным максимум столько времени. Затем оно волнами исчезает. Правильность этого описания может проверить каждый. Но я хотел бы добавить, что мои наблюдения за собственными образами показывают, что в ходе постепенного повторения вызова образа его содержание не в равной степени способно к воспроизведению. Я полагаю, далее, что в этом изменении содержания идеи не происходит никаких существенных скачков, но изменение движется в каком-то определенном направлении. Если, таким образом, я буду последовательно вызывать в памяти представление о каком-либо предмете, то я буду представлять его не в один момент большим, затем меньшим, затем снова большим и т. д.; напротив, ряд образов будет таков, что каждый новый образ будет либо прогрессивно большим, либо прогрессивно меньшим.

Если это мое наблюдение верно и феномен не является чисто личным, то описание Экснера приобретает большую ценность при экспертизе, которая из-за своей продолжительности требует многократного припоминания стандартизирующих образов, а это, в свою очередь, вызывает изменение идейного содержания. Мы часто наблюдаем, как в ходе допроса свидетель убеждает себя в том, что у него есть какая-то определенная идея, поскольку по какому-то вопросу он говорит в конце все более определенные вещи, чем в начале. Возможно, это связано с изменением часто вспоминаемых идей. Можно было бы использовать процесс, связанный с воспроизведением идеи, подразумевая ее и не возвращаясь бесконечно к тому, что уже было объяснено.

Как другие люди строят свои идеи, мы, как мы видели, не знаем, и на трудность постижения идей или образов других людей ясно указывают многие авторитеты.^[203]

Тема 4. ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ ПРОЦЕССЫ.

Раздел 46. (а) Общие соображения.

Лихтенберг где-то сказал: "Я знал людей большой учености, в голове которых самые важные предложения складывались в отличном порядке. Но я не знаю, что там происходило, все ли идеи были манникины или все маленькие женщины - результатов не было. В одном углу головы эти господа складывали селитру, в другом серу, в третьем древесный уголь, но они не соединялись в порох. И опять же, есть люди, в голове которых все ищет и находит все остальное, все сопрягается со всем остальным и располагается самым разнообразным образом". Лихтенберг пытается указать на то, что причиной счастливого состояния последних друзей является воображение. То, что воображение имеет влияние, несомненно,

но столь же несомненно и то, что человеческое понимание настолько различно у разных людей, что допускает такие явления, которые описывает Лихтенберг. Я не хочу обсуждать количество понимания. На этот раз я буду иметь дело с его качеством, с помощью которого можно объяснить разнообразие его использования. Было бы ошибкой считать, что понимание способно принимать различные формы. Если бы это было так, то из понятия "понимание" можно было бы сконструировать группу различных способностей, общее качество которых дошло бы до нас само собой. Но в отношении понимания мы можем говорить только о большем или меньшем, и мы должны думать о различии в эффекте только в терминах различия форм его применения. Мы видим только эффекты понимания, а не само понимание, и какими бы разными ни были горящий город, чугун, ожог и бурлящая вода, мы признаем, что, несмотря на различие эффектов, все эти результаты принес один и тот же огонь. Разница в использовании понимания, таким образом, заключается в способе его применения. Поэтому эти способы применения помогут нам, когда мы их узнаем, судить о ценности того, что они нам предлагают. Первый вопрос, который возникает, когда мы имеем дело с важным свидетелем, сделавшим наблюдения и умозаключения, таков: "Насколько он умен? И как он использует свой интеллект? То есть, каковы его процессы рассуждения?"

Я слышал от одного старого дипломата, чье историческое имя столь же значимо, как и его опыт, что он пользовался особым средством, чтобы узнать, каким умом обладает человек. Он рассказывал своим подданным следующую историю: "Один джентльмен, неся небольшую шкатулку особой формы, вошел в паровой вагон, где навязчивый коммерсант сразу же спросил его, что в шкатулке. "Внутри мой Мунго! "Мунго? Что это такое?" "Ну, вы же знаете, что я страдаю от трепета, и когда я вижу страшные образы и фигуры, я выпускаю моего Мунго, и он их съедает". Но, сэр, эти образы и фигуры не существуют на самом деле. Конечно, они не существуют на самом деле, но мой Мунго тоже не существует на самом деле, так что все в порядке! "

Старый джентльмен утверждал, что может судить об интеллекте своего собеседника по тому, как тот воспринял эту историю.

Конечно, невозможно рассказать каждому важному свидетелю историю Мунго, но можно использовать что-то похожее, что можно найти в материалах дела. Тот, у кого есть хоть что-то, заслуживающее названия практики, сможет судить о манере подхода свидетеля, а особенно о степени его интеллекта. Однако не следует заблуждаться, что для этого нужны великолепные умозаключения; лучше всего придерживаться простых фактов. Золотые слова Гете по-прежнему актуальны: "Самое великое - это понять, что все факты - это теория... Не заглядывайте за явления, они сами по себе являются доктриной". Поэтому мы начинаем с какого-то простого факта, который возник в деле, и пытаемся выяснить, что с ним сделает свидетель. Это несложно; вы можете знать вещь плохо сотней способов, но вы знаете ее хорошо только одним способом. Если свидетель правильно распорядится фактом, мы можем ему доверять. Более того, из этого обращения мы узнаем, насколько человек может быть объективен. Его восприятие как свидетеля означает для него лишь опыт, а человеческий разум не может собирать опыт, не вплетая в него свои догадки. Но хотя каждый делает это, он делает это в соответствии со своей природой и воспитанием. Мало что имеет такое значение, как манера, интенсивность и направление, в которых свидетель вводит свои домыслы в рассказ о своем опыте. В одном таком небольшом объяснении могут проявиться целые картины человеческого характера. Именно поэтому Кант назвал человеческое понимание архитектурным; оно стремится свести все свои знания к единой системе, и это в соответствии с фиксированными правилами и системами, определяемыми

потребностями простых смертных. Только у гения, как и у природы, есть своя, неведомая нам система. И нам не приходится рассчитывать на это редчайшее исключение.

Люди, которые составляют наши самые сложные проблемы, - это средние и незначительные представители человеческой расы. Хьюм совершенно справедливо цитирует пророка Александра. Александр был мудрым пророком, который выбрал Пафлагонис в качестве первой сцены своего обмана, потому что люди там были необычайно глупы и с удовольствием проглатывали самые грубые аферы. Они уже слышали о подлинности и силе пророка, и умные смеялись над ним, глупцы верили и распространяли его веру, его дело получило приверженцев даже среди образованных людей, и в конце концов сам Марк Аврелий уделил этому вопросу столько внимания, что положил успех военного предприятия на пророчество Александра. Тацит рассказывает, как Веспасиан вылечил слепого, плюнув на него, и эту историю повторяет Суетоний.

Мы никогда не должны забывать, что, как бы велика ни была глупость, всегда найдется тот, кто ее совершит. Это Юм, опять же, как мне кажется, так прекрасно описывает, что происходит, когда какую-то немыслимую историю рассказывают не критичным слушателям. Их легкое верие усиливает бесстыдство рассказчика; его бесстыдство убеждает их в своем легком верии. Самостоятельное мышление - редкая вещь, и чем больше человек вовлечен в решение важных вопросов вместе с другими людьми, тем больше он убеждается в этой редкости. И все же от мышления требуется так мало. "Абстрагировать красный цвет крови от коллективного впечатления, обнаружить одно и то же понятие в разных вещах, объединить под одним понятием кровь и пиво, молоко и снег, - животные этого не делают; это мышление". [204] Я могу предположить, что, во-первых, различные животные способны на нечто подобное, а во-вторых, многие люди не способны на то же самое. Величайшая из ошибок юриста - предположение, что тот, кто что-то сделал, думал об этом и во время того, как делал. Это особенно верно, когда мы замечаем, что многие люди неоднократно говорят об одном и том же событии, и это наталкивает нас на мысль, что за ним должна стоять какая-то разумная идея, - но какой бы узкой ни была дорога, за ней может быть любое количество других, идущих подряд.

Мы также не можем не ошибаться, если будем считать отсутствие разума особенностью только необразованных людей и принимать как хорошо продуманные высказывания людей, обладающих академической подготовкой. Но не все, кто проклинает Бога, являются философами, да и академические личности не занимаются безупречным мышлением. О том, как плохо мы учимся в гимназиях и лицеях, написано более чем достаточно, но Гельмгольц в своей знаменитой диссертации "Об отношении естественных наук ко всему знанию" раскрыл причину неадекватности материала, подаваемого гимназиями и лицеями. Гельмгольц не сказал, что университет улучшает ситуацию лишь в очень малой степени, но это можно понять из его слов. "Ученики, переходящие из наших гимназий к точным наукам, имеют два недостатка: 1. Некоторая расхлябанность в применении общепринятых законов. Грамматические правила, которым их обучали, по сути дела, погребены под чередой исключений; ученики, таким образом, не привыкли безоговорочно доверять уверенности в законном следствии какого-то фиксированного универсального закона. 2. Они слишком склонны полагаться на авторитет даже там, где могут судить сами".

Даже если Гельмгольц прав, юристу важно признать различие между свидетелем, за плечами которого гимназия, и образованным человеком, который обошелся без этого учреждения. Наше время, которое изобрело докторскую степень, которое хочет сделать все для государственной школы и стремится искалечить классическую подготовку в гимназии, совершенно забыло, что несравненная ценность последней заключается не в том минимуме

латинского и греческого, который приобрел ученик, а в дисциплинарных интеллектуальных упражнениях, содержащихся в грамматике древних языков. Излишне смеяться над тем, что техник пишет на своих визитных карточках: Stud. Eng. или Stud. Mech. и не может произнести слова, обозначаемые этими аббревиатурами, что он становится доктором наук и не может перевести свой титул, - это побочные вопросы. Но при этом забывается, что общий экзамен, на котором ученик государственной школы сдает наспех зазубренные латынь и греческий, никогда не предполагал тщательной подготовки в самый впечатлительный период его жизни. Поэтому криминалист неоднократно убеждается в том, что способностью к квалифицированному мышлению обладает в основном человек, которого восемь лет учили греческому и латинской грамматике. У нас, криминалистов, есть большой опыт в этом вопросе.

Первый пункт Гельмгольца для юридических целей требует очень широкого толкования термина "универсально действующие законы", распространяя его также на законы в судебном смысле этого слова. Часто утверждается, что в Соединенных Штатах законы принимаются для того, чтобы их не исполняли, а политические правила соблюдаются населением не более семи недель. Конечно, Соединенные Штаты не исключение; кажется, что уважение к закону падает повсюду, и если этот упадок происходит в одной области, то, скорее всего, не обойдет стороной и другую. Здесь сказывается определенное субъективное или эгоистическое отношение, ведь люди в большинстве своем считают, что закон создается только для других, а сами они - исключение. Узкое, безоговорочное следование общим нормам не является современным, и это видно не только по оправданиям, но и по высказываниям свидетелей, которые ожидают, что другие будут следовать предписаниям приблизительно, а сами - едва ли. Этот факт оказывает огромное влияние на представления и построения людей, и учет его означает значительную ошибку.

Не менее важен и второй момент, связанный с понятием "авторитет". Судить самому - дело каждого, и требовать этого нужно от всех. Даже если никому не придет в голову счастливая мысль воспользоваться лучшей проницательностью, зависимый человек, который всегда хочет идти дальше, сам себя загонит в сомнительные ситуации. Три важных фактора - школа, газета и театр - достигли необычайной силы. Люди воспринимают, думают и чувствуют так, как учат их эти три фактора, и в конце концов становится второй натурой следовать этой линии наименьшего сопротивления и стремиться к интеллектуальному соответствию. Мы хорошо знаем, к каким последствиям это приводит в юриспруденции, и каждый из нас может рассказать, как свидетели представляют нам истории, которые, по нашему мнению, основаны на их собственном понимании, но в итоге оказываются зависимыми от мнения какого-то другого элемента. Мы часто строим свои построения на удивительном и убедительном единодушии таких свидетелей, когда при более внимательном рассмотрении мы можем обнаружить, что это единодушие имеет единственный источник. Если мы делаем такое открытие, то это удача, потому что в этом случае теряется только время и труд, и не совершается никакой ошибки. Но если это открытие не сделано, единодушие остается важным, но ненадежным средством доказательства.

Раздел 47. (b) Механизм мышления.

Со времени выхода в свет замечательной диссертации В. Оствальда,^[205] 20 сентября 1905 года, мы стоим на переломном этапе, ведущем к новому взгляду на мир. Мы не знаем, устоит ли "ignorabimus" некоторых ученых, или мы сможем мыслить все в терминах энергии. Мы просто наблюдаем, что якобы незыблемые принципы научного материализма пошатнулись.

Фридрих Великий в письме к Вольтеру говорит нечто такое, что позволяет предположить, что он был первым, кто задумался о чисто механической природе мысли. Кабанис вкратце сказал, что мозг выделяет мысль, как печень желчь. Тиндалл выразил эту концепцию более осторожно и потребовал лишь признания того, что каждый акт сознания подразумевает определенное молекулярное состояние мозга, а Буа-Реймон заявил, что мы не можем объяснить некоторые психические процессы и события знанием материальных процессов в мозге. "Вы не должны делать никаких изображений или сравнений, а должны видеть настолько непосредственно, насколько это позволяет природа нашего духа", - говорит нам Оствальд, и хорошо, что мы придерживаемся этого совета. Нам не нужно ни отбрасывать механистический взгляд на мир, ни принимать энергетизм; ни того, ни другого не требуется. Но согласно учению последнего, мы сможем признать значение естественного закона в определении того, как действительные события обусловлены возможными. И таким образом мы увидим, что форма, к которой обращаются все естественные законы, выражает посредничество неизменной величины, которая остается неизменной даже тогда, когда все остальные элементы в формуле возможного события изменяются в пределах, определенных законом.[206]

Каждая наука должна иметь свою философию, и наш долг - правильно и ясно понимать, насколько мы можем уловить связь между физическими качествами любого из наших свидетелей и его психической природой. Мы не будем делать никаких умозаключений сами, но будем обращать внимание на то, что не объясняется само собой, и обращаться к экспертам, чтобы они объяснили то, что мы не можем объяснить. Это особенно необходимо там, где встает вопрос о соотношении нормального и аномального. Нормальные эффекты, о которых мы будем говорить, очень многочисленны, но мы рассмотрим лишь некоторые из них. Первый - это связь символа и символизируемого. "То обстоятельство, что символ, на своей стороне соединения двух, становится совершенно ясным, в то время как символизируемый объект довольно запутан, объясняется тем, что символ вспоминает свой объект быстрее, чем объект символ; например, инструмент вспоминает свое применение быстрее, чем цель - свой инструмент. Имя и слово быстрее, надежнее и энергичнее вспоминают объекты, которые они обозначают, чем объекты, которые являются их символами".[207] Этот вопрос важнее, чем кажется на первый взгляд, поскольку частицы времени, с которыми мы имеем дело, больше, чем те, с которыми приходится иметь дело современным психологам, - настолько большие, что они могут быть восприняты на практике. Во время экзамена, когда мы сомневаемся в правильности ожидаемого ответа, мы обращаем особое внимание на быстроту и оперативность, с которой он дается. Затянутые, нерешительные, неуверенные ответы мы принимаем за признак того, что свидетель либо не может, либо не хочет давать честные ответы. Если, однако, с психологической точки зрения существуют реальные причины для вариаций во времени, за которое дается ответ, причины, которые не зависят от его правильности, мы должны искать эту правильность. Предположим, что перед нами случай, в котором имя быстрее и надежнее пробуждает представление о человеке, которому оно принадлежит, чем наоборот. Такое случается с каждым из нас, и часто мы не можем вспомнить имя даже близкого друга в течение большего или меньшего периода времени. Но очень редко мы обнаруживаем, что не вспоминаем о внешности человека, чье имя мы слышим. Но было бы неправильно связывать это явление с какими-то качествами, которые противоречат ему лишь внешне. Например, когда я изучаю старые уставы, с которыми сам работал, и просматриваю названия серий, я вспоминаю, что имел какое-то дело с этим Джонсом, Смитом, Блэком или Уайтом, вспоминаю, в чем заключалось дело, но не вспоминаю их внешность. Причина, прежде всего, в том, что во время процесса я не заботился об именах, которые служили средством отличия одного от другого, и для этой цели они могли быть *a*, *b*, *c* и т. д. Следовательно, лица и имена не были связаны так

определенно, как это обычно бывает. Более того, *эта* неспособность вспомнить является заменой друг друга из множества tanti quanti, которые мы принимаем в нашей повседневной рутине. Когда у нас были особые дела с каким-то конкретным человеком, мы вспоминаем его лицо, когда упоминается его имя.

Если же свидетель не вспоминает быстро название того, о чем он думает, а сразу же опознает его, когда ему называют это имя, то это естественное психологическое явление, которое само по себе не имеет никакого отношения к истинности или ложности его показаний.

Такое же отношение естественно обнаружить во всех случаях параллельных явлений, т. е. имен, символов, определений и т. д. Это относится и к проблеме изменения скорости психических процессов в зависимости от времени суток. По мнению Бехтерева и Хигера, с утра до полудня наблюдается рост психических способностей, затем их падение до пяти часов дня, затем рост до девяти часов вечера и, наконец, падение до двенадцати часов пополудни. Конечно, нет никаких сомнений в том, что эти исследователи правильно собрали материал; однако то, что их результаты будут иметь общую достоверность, не так уж и однозначно. Факты таковы, что многое зависит не только от личности человека, но и от момента исследования. Мы слышим различные утверждения людей в моменты, когда они наиболее быстро воспринимают и находятся в наилучшем состоянии, и поэтому вряд ли можно вывести общее правило из таких явлений. Один человек может бодрствовать утром, другой - днем, третий - ночью, и в это время другие люди могут быть в самом худшем состоянии. Аналогичным образом психическое состояние меняется не только в течение дня, но и из дня в день. Из моих наблюдений неоспоримым является лишь тот факт, что период между полуднем и пятью часами пополудни не является благоприятным. Однако я не думаю, что будет правильным сказать, что несколько часов после полуденного ужина являются худшими в течение дня, поскольку люди, которые ужинают около четырех или пяти часов, уверяют меня, что с часу до пяти пополудни они не могут работать так хорошо. Эти факты могут иметь значение для нас в той мере, в какой нам удастся избежать рассмотрения важных дел, требующих особого внимания, в указанное время.

Раздел 48. (с) Подсознание.

Я считаю, что важность бессознательных операций[208] в юридической процедуре недооценена. Мы могли бы установить многое существенное в отношении человека, чьи бессознательные действия нам известны. Ведь, как правило, мы бессознательно выполняем то, что глубоко привычно, то есть, во-первых, то, что делают все - ходят, здороваются с соседом, уклоняются, едят и т.д.; во-вторых, мы бессознательно выполняем то, к чему привыкли в соответствии с нашими особенностями характера.[209] Когда во время работы я встаю, беру стакан воды, пью его и снова отставляю стакан, не имея ни малейшего подозрения, что я это сделал, я должен согласиться, что это было возможно только в моем хорошо известном жилище и среде, и что это было возможно никому другому, не столь знакомому. Кучер, может быть, ставит лошадей в конюшню, натирает их и т. д. и думает при этом о чем-то другом. Он бессознательно делает то, что не смог бы сделать другой. Бывает, что во время работы я сворачиваю сигарету и откладываю ее в сторону; через некоторое время я сворачиваю вторую, третью, а иногда у меня четыре сигареты рядом. Мне захотелось покурить, я приготовил сигарету, но просто потому, что мне нужно было использовать руки для письма и т. д., я отложил сигарету в сторону. В результате потребность в курении не была удовлетворена, и процесс повторился. Это показывает, какие сложные вещи могут быть бессознательно выполнены, если только известны условия; но это также показывает, каковы границы бессознательных действий: например, я не забыл, что удовлетворит мою

потребность в курении, ни где лежит папиросная бумага, ни как сделать сигарету, но я забыл, что сделал сигарету, не выкурив ее. Действия, названные первыми, повторялись тысячи раз, в то время как последнее было выполнено только что и поэтому не стало механическим.[210]

Липпс обращает внимание на другой случай: "Может случиться так, что я способен запомнить каждое слово речи и в то же время наблюдать за выражением лица, которое сопровождает речь. Я могу быть в равной степени способен отследить шум, который происходит на улице, и при этом уделить достаточно внимания речи. С другой стороны, я потеряю нить речи, если мне придется одновременно думать об игре черт и шуме. Выражаясь в общих чертах, идея А может уживаться с идеей В и даже с идеей С; но В и С вместе делают А невозможной. Это ясно указывает на то, что В и С сами по себе противостоят А и в какой-то степени тормозят ее, но только совокупность их торможения может действительно исключить А". Это, безусловно, правильно и, возможно, чаще используется, когда необходимо оценить, сколько человек сделал бы в одно и же время, а сколько - бессознательно. Всегда можно сделать приблизительный расчет возможностей.

Такие сложные процессы сводятся к простейшим операциям. Обер указывает, например, что при езде на лошади галопом вы прыгаете и только потом замечаете, вправо или влево вы прыгнули. А врач Фёрстер рассказывал Оберу, что его пациенты часто не знают, как смотреть вправо или влево. В то же время каждый помнит, как это делается, когда он делает это бессознательно, и часто можно наблюдать, что людям приходится совершать крестное знамение или жест еды, чтобы определить, что справа, а что слева, хотя бессознательно они вполне уверены в этих направлениях. С этим бессознательным психозом связана еще более широкая деятельность, для нас важная, когда обвиняемые позже дают нам другие и лучшие объяснения, чем в начале, и когда у них не было возможности изучить дело и сделать дополнительные открытия, или обдумать его за это время. Затем они честно говорят, что новое, действительно вероятное объяснение пришло им в голову внезапно. Как правило, мы не верим таким заявлениям, и мы ошибаемся, потому что даже когда это внезапное видение кажется невероятным и нелегко реализуемым, свидетели объясняют его таким образом только потому, что не знают психологического процесса, который, по сути, состоит из подсознательного мышления.

Мозг не просто бессознательно получает впечатления, он регистрирует их без участия сознания, бессознательно перерабатывает их, пробуждает скрытые остатки без помощи сознания и реагирует, как орган, наделенный органической жизнью, на внутренние стимулы, которые он получает от других частей тела. На то, что это влияет и на деятельность воображения, Гете указывает в своем высказывании Шиллеру: "Впечатления должны молча работать во мне очень долго, прежде чем они покажут себя готовыми к поэтическому использованию".

В других отношениях каждый знает что-то об этой бессознательной интеллектуальной деятельности. Часто мы мучаем себя попытками навести порядок в потоке идей - и терпим неудачу. А в следующий раз, даже не задумываясь об этом в промежутке, находим все ровным и четким. Именно на этом факте основаны различные популярные максимы, например: обдумать дело, поспать над ним и т. д. Бессознательная деятельность мысли имеет большую долю в том, что было продумано.

Очень характерная роль принадлежит совпадению сознательного внимания с бессознательным. Объяснение этого процесса поможет нам, возможно, объяснить многие непонятные и невероятные вещи. "Даже бессознательная психическая деятельность, - хождение вверх и вниз, курение, игра руками и т. д., разговор, - конкурирует с сознательной

или с другой бессознательной деятельностью за психическую энергию. Так, внезапно появившаяся важная мысль может заставить нас прекратить ходьбу, остаться без правила действия, может заставить курильщика бросить курить и т. д.". Объяснение следующее: Я обладаю, допустим, 100 единицами психической энергии, которые я мог бы использовать во внимании. Сейчас нам трудно в течение двадцати секунд удерживать внимание на одной точке, а тем более направлять свою мыслеэнергию на что-то одно. Поэтому я применяю только, скажем, 90 единиц к рассматриваемому объекту, а 10 единиц направляю на бессознательную игру идей и т. д. Теперь, если первый объект вдруг потребует еще большего внимания, он оттянет на себя остальные десять единиц, и я должен прекратить игру, ибо абсолютно без внимания, даже бессознательного, ничего нельзя сделать.

Это очень частое и хорошо известное явление показывает нам, прежде всего, бессознательную деятельность в ее согласии с сознательной, так как мы ведем себя одинаково, когда и то и другое прерывается требованием другого предмета к нашему вниманию. Если перед моим окном внезапно разразится шум, я прерву бессознательный барабанный бой пальцами, равно как и сознательное чтение, так что невозможно будет сделать какой-либо вывод о природе этих видов деятельности на основании простого прерывания или способа этого прерывания. Это сходство является дополнительным основанием для того, что бессознательные действия могут быть очень сложными. Невозможно провести абсолютную границу, и, следовательно, мы не можем получить доказательство неправильности утверждения из самого исполнения, то есть из *того, что* было сделано бессознательно. Только природа человека, его привычки, идиосинкразии и современное окружение могут дать нам какую-либо норму.

Раздел 49. (d) Субъективные условия.

Мы уже видели, что центром и точкой отсчета наших представлений является самость. И позже мы увидим, что тот тип мышления, который связывает все события исключительно с самим собой или с ближайшими отношениями "я", является, по словам Эрдмана, сущностью глупости. Существует, однако, ряд интеллектуальных процессов, в которых мыслитель выдвигает свое "я" на передний план с большей или меньшей обоснованностью, оценивая все остальное и изучая все остальное в свете этого, предполагая в других то, что он находит в себе, и проявляя к себе больший интерес, чем это может быть ему свойственно. Такие мысли часто встречаются у высокодуховных натур. Я знаю гениального школьного учителя, первого в своей профессии, который настолько глубоко погружен в свои мысли, что никогда не носит с собой деньги, часы или ключи, потому что забывает и теряет их. Когда при рассмотрении какого-нибудь критического случая ему нужна монета, он обращается к своим аудиторам с вопросом: "Может быть, у кого-нибудь из вас, джентльмены, *случайно* найдется четвертак?" Судя по его привычке не носить с собой деньги, их наличие подразумевается как "возможно", а появление четвертака в этом переполненном зале должно быть "случайным".

То же самое происходит и с некоторыми привычными процессами самых обычных людей. Если человек видит справочник, в котором должно быть указано его имя, он просматривает его и изучает. Если он видит групповую фотографию, на которой он тоже присутствует, он ищет свою фотографию, и когда самый жалкий мошенник, путешествующий под чужим именем, выберет это имя, он будет искать его в своих *собственных* отношениях, либо изменит свое настоящее имя, либо слегка изменит девичью фамилию своей матери, либо выведет ее из места своего рождения, либо просто воспользуется своим христианским именем. Но он вряд ли отойдет далеко от своего драгоценного "я".

О том, что с читателями происходит то же самое, говорил Гете, когда показывал, что все, что читает человек, интересует его только тогда, когда он находит в этом себя или свою деятельность. Так, Гете объясняет, что деловые люди и люди мира воспринимают научную диссертацию лучше, чем действительно ученые, "которые привыкли слышать о ней не больше того, что они узнали или чему их научили и с чем они встречаются с равными себе".

Правильно замечено, что каждый язык имеет наибольшее количество терминов для обозначения тех вещей, которые наиболее важны для тех, кто на нем говорит. Так, нам говорят, что у арабов есть целых 6000 слов для верблюда, 2000 для лошади и 50 для льва. Богатство форм и употребление всегда сочетаются, о чем свидетельствует тот факт, что вспомогательные слова и глаголы, которые используются чаще всего, везде самые неправильные. Этот факт может быть очень важен на экзаменах, так как по тому, как и как часто он использует слова, можно сделать определенные выводы о характере и делах свидетеля, а также о том, владеет ли он особенно большим количеством форм в каком-либо конкретном направлении.

Дело в том, что мы строим свои представления в соответствии с тем, какими мы их видели, и настолько полностью убеждаем себя в истинности одного определенного, частичного определения, что иногда удивляемся какому-то явлению, не понимая, что от него можно было бы ожидать иного. Когда я впервые стал студентом в Страссбурге, я подсознательно удивлялся, когда слышал, как оборванные гамины свободно говорят по-французски. Я, конечно, знал, что это их родной язык, но я настолько привык считать все французское признаком высшего образования, что эти знания у гаминов приводили меня в изумление. Когда я был ребенком, мне пришлось очень рано попрощаться с дедушкой, когда он еще лежал в постели. Я до сих пор помню, с каким изумлением я увидел, что дедушка проснулся без привычных очков на носу. Я должен был знать, что во время сна очки столь же излишни, сколь неудобны и опасны, и даже при самом беглом размышлении не мог предположить, что он надел бы их ночью. Но поскольку я привык всегда видеть деда в очках, когда он их не надевал, я удивлялся этому.

Такие случаи особенно важны, когда судья сам ведет наблюдение, то есть осматривает место преступления, изучает *corpora delicti* и т. д., потому что мы часто полагаем, что видим необычные и незаконные вещи только потому, что привыкли видеть все иначе. Мы даже конструируем и называем вещи в соответствии с этой привычкой. Тейн рассказывает поучительную историю о маленькой девочке, которая носила на горле медаль, о которой ей говорили: "C'est le bon Dieu". Увидев однажды своего дядю с лорнетом на шее, ребенок сказал: "C'est le bon Dieu de mon oncle". И с тех пор как я услышал эту историю, у меня не раз была возможность подумать: "C'est aussi le bon Dieu de cet homme". Одно слово, которым человек обозначает какую-то вещь, определяет для нас его природу, его характер и его обстоятельства.

По той же причине, по которой все интересует нас в той степени, в какой это касается нас лично, мы не изучаем факты и полностью игнорируем их, хотя впоследствии выясняется, что они незыблемы, и мы не можем объяснить их причинно-следственную связь. Если же мы знаем причины и взаимосвязи, то эти факты становятся частью нашего привычного ментального оборудования. Любой практикующий специалист знает, насколько это верно, и особенно заметно во время допроса свидетелей, которые игнорируют факты, кажущиеся нам, исходя из сути дела, важными и окончательными. В таких случаях мы, прежде всего, не должны считать, что эти факты не имели места потому, что свидетель не объяснил их или упустил из виду; мы должны действовать, как предлагается, чтобы подтвердить соответствующие обстоятельства с помощью свидетеля - то есть, мы должны научить его

условиям и отношениям, пока они не станут частью его привычного психического механизма. Я не утверждаю, что это легко - напротив, я говорю, что тот, кто способен это сделать, является самым эффективным из экзаменаторов, и это еще раз показывает, что свидетель - не более чем инструмент, который бесполезен в руках поработителя, но который может совершить всевозможные вещи в руках мастера.

Следует, однако, остерегаться слишком свободного использования самого удобного средства - примера. Когда Ньютон сказал: *"In addiscendis scientiis exempla plus prosunt, quam praecepta"*, он не обращался к криминалистам, но мог бы. Так же, как и Кант, когда доказывал, что мышление примерами опасно, потому что оно позволяет отказаться от использования реального мышления, которое оно не заменяет. То, что этот факт является одной из причин опасности примеров, несомненно, но главная причина, по крайней мере для юриста, заключается в том, что пример требует не равенства, а простого сходства. Степень сходства не выражается, и у аудитора нет стандарта для определения степени сходства в сознании говорящего. *"Omnis analogia claudicat"* - это правильно, и может случиться так, что пример будет ложно понят, что сходство будет принято за равенство, или, по крайней мере, что будет иметь место незнание неравенства. Поэтому примеры должны использоваться только в самых крайних случаях, и только так, чтобы природа примера была очень ясно видна, а его неправильность предупреждалась.

Есть несколько особых условий, которые не следует упускать из виду. Одно из них - влияние ожиданий. Тот, кто ожидает чего-либо, видит, слышит и строит только в соответствии с этим ожиданием и самым поразительным образом пренебрегает всеми конкурирующими событиями. Тот, кто остро ожидает какого-либо человека, воспринимает только скрип садовой двери, его интересуют все звуки, которые похожи на него и которые он может сразу же различить с совершенно ненормальной остротой; все остальное настолько исчезает, что даже мощные звуки, во всяком случае более мощные, чем скрип ворот, упускаются из виду. Это может служить некоторым объяснением того, что многочисленные наблюдатели одного и того же события часто говорят совершенно разные вещи; каждый из них ожидал другого, а значит, воспринимал и игнорировал разные вещи.

Опять же, обращает на себя внимание противопоставление Я и Ты в самом человеке. По словам Ноэля, это происходит, в частности, когда человек воспринимает собственное глупое управление: "Как ты мог так глупо себя вести!". В обобщенном виде это можно сформулировать как то, что люди говорят себе "Ты" всякий раз, когда становится заметна двойственная природа эго, то есть когда человек перестает придерживаться прежнего мнения, или когда он не определился и вынашивает противоречивые намерения, или когда он хочет принудить себя к какому-то достижению. Отсюда "Как ты мог это сделать?" - "Должен ли ты это сделать или не должен?" - "Ты просто должен сказать правду". Более наивные люди часто честно сообщают о таких внутренних диалогах, не задумываясь о том, что тем самым выдают себя, поскольку судья, по крайней мере, узнает, что когда это произошло, практическое эго было чужим для рассматривающего эго, через которое можно объяснить субъективные условия соответствующих обстоятельств.

То, что люди называют превосходным, характеризует их. Превосходствами для каждого человека являются те качества, от которых другие получают наибольшую пользу. Милосердие, самопожертвование, милосердие, честность, порядочность, мужество, благоразумие, усидчивость и все, что можно назвать добрым и смелым, всегда полезны другому, но едва ли и лишь косвенно обладателю этих добродетелей. Поэтому мы восхваляем последних и подстегиваем других к таким же качествам (к нашей выгоде). Это очень скучно и прозаично, но верно. Естественно, что не каждый человек имеет

преимущество в идентичных добродетелях других людей, а только в тех, которые полезны для его индивидуальной ситуации: милосердие бесполезно для богатых, а мужество бесполезно для защищенных. Поэтому люди выдают себя чаще, чем кажется, и даже когда от свидетелей и обвиняемых нельзя добиться откровений об их внутренней жизни, они всегда высказывают достаточно, чтобы показать, что они считают добродетелью, а что нет.

Хартенштайн характеризует Гегеля как человека, который делал своих противников из соломы и тряпок, чтобы легче было их победить. Это характеризует не только Гегеля, но и большую группу людей, чья повседневная жизнь состоит из этого. Подобно тому, как нигде не существует сколько-нибудь определенной границы между здравомыслием и глупостью, а все перетекает во все остальное, так же обстоит дело с людьми и их свидетельствами, нормальными и ненормальными. От трезвых, ясных и правдивых свидетельств первых до причудливых и невозможных утверждений вторых есть прямая, медленно поднимающаяся дорога, на которой свидетельства кажутся все менее правдивыми и все более невозможными. Никто не может сказать, где начинается качество глупости - нервозность, волнение, истерия, перенапряжение, иллюзии, фантазии и патологическая ложь - вот оттенки, которые можно различить, и количество неправды в таких свидетельствах может быть продемонстрировано от одного до ста процентов, причем не нужно пропускать ни одного градуса. Однако мы не должны игнорировать и просто отбрасывать в сторону даже свидетельства преступников и сомнительных личностей, потому что и они могут содержать некоторую долю правды, и мы должны уделять больше внимания тем, которые содержат больший процент правды. Но в этом отношении у нас есть наши так называемые умные юристы, которые слишком напряжены, и именно они строят из соломы настоящих людей, которые стоят нам стольких усилий и труда. Форма действительно правильная, но содержание - солома, и фигура кажется субъективно опасной только ее создателю. А создал он ее потому, что любит сражаться, но при этом желает легко побеждать. Желание конструировать такие фигуры и представлять их властям широко распространено и опасно нашей привычкой искать какой-то определенный мотив, ненависть, ревность, затянувшуюся ссору, месть и т. д. Если мы его не находим, то предполагаем, что такого мотива нет, и принимаем обвинение, по крайней мере на время, за правду. Не стоит забывать, что часто не может быть другого определяющего мотива, кроме желания построить человека из соломы и завоевать его. Если это объяснение не подходит, можно, наконец, воспользоваться любопытным феноменом, названным Лазарем *героизацией*, который повторяется на разных уровнях жизни у довольно молодых людей. Если мы возьмем это понятие в его самом широком применении, то отнесем к нему все формы, содержащие почти непобедимую потребность во внимании, в том, чтобы говорить о себе, стать знаменитым, со стороны людей, которые не имеют ни способности, ни настойчивости совершить какой-либо экстраординарный поступок и которые, следовательно, используют запрещенные и даже преступные средства, чтобы выдвинуть свою личность на передний план и таким образом достичь своей цели. К этому классу относятся все те полувзрослые девочки, которые обвиняют мужчин в соблазнении и изнасиловании. Они стремятся таким образом сделать себя интересными. Так же поступают женщины, объявляющие о всевозможных преследованиях, которые заставляют говорить о них и сочувствовать им; многочисленные люди, желающие совершить нечто выдающееся и совершающие поджоги; опять же некоторые политические преступники всех времен, которые одним ударом стали "бессмертными" и посвятили этому свою ничемную в других отношениях жизнь; и, наконец, все те, кто, пострадав от кражи, поджога или телесных повреждений, определяли свой ущерб как значительно больший, чем он был на самом деле, не для того, чтобы возместить свои потери, а для того, чтобы их обсуждали и соболезновали.

Как правило, распознать такую "героизацию" несложно, так как она проявляется в отсутствии других мотивов и становится очевидной при изучении намерений и обнаружении преувеличений, которые иначе не проявились бы.

Тема 5. АССОЦИАЦИЯ ИДЕЙ.

Раздел 50.

Вопрос об ассоциации имеет большое значение для юристов, так как во многих случаях только с его помощью можно выявить условия существования определенных представлений, с помощью которых можно заставить свидетелей вспомнить, сказать правду и т. д., не гипнотизируя их и не подвергая сомнению правильность их показаний. Мы ограничимся лишь несколькими общими замечаниями:

Что касается закона ассоциации, то со времен Аристотеля мы узнали очень мало. Он определяется:

1. Сходством (общим качеством символа).
2. Контрастностью (поскольку каждый образ предполагает противопоставление крайностей).
3. Сосуществование, одновременность (совместное нахождение внешних или внутренних объектов в пространстве).
4. Преемственность (образы вызывают друг друга в том же порядке, в котором они возникают).

Юм признавал только три основания для ассоциации объектов - сходство, контакт во времени и пространстве и причинность. Тео. Липпс признает в качестве действительно различных оснований ассоциации только сходство и одновременность (особенно одновременность их присутствия в сознании).

Если, однако, одновременность понимать в этом смысле, то ее можно считать единственным основанием для ассоциации, поскольку если образы не одновременны, то не может быть и речи об ассоциации. Одновременность в сознании - это лишь второй процесс, ибо образы одновременны в сознании только потому, что они возникли одновременно, существовали в одном и том же пространстве, были похожи и т. д. Мюнстерберг, [211] занимавшийся этим вопросом и получивший важные результаты, указывает, что все так называемые внутренние ассоциации, такие как сходство, контраст и т.д., могут быть сведены к внешней ассоциации, а все внешние ассоциации, даже такие, как временная последовательность, могут быть сведены к сосуществованию, и все ассоциации-сосуществования психофизически понятны. Далее: "Фундаментальная ошибка всех ассоциативных процессов, приводящих к неправильной связи идей, должна содержаться в их незавершенности. Одна идея была связана с другой, последняя - с третьей, и тогда мы соединяем первую с третьей... чего не следовало бы делать, поскольку первая, сосуществуя со второй, была также связана со многими другими".

Но даже это объяснение не объясняет некоторых трудностей, потому что некоторые ассоциации просто отбрасываются, хотя они должны были возникнуть. Человек склонен, по мнению Стрикера, подавлять ассоциации, которые не подразумеваются в его "фундированных" комплексах.

Если мы обнаруживаем прямое противоречие в отношении ассоциаций, то выход из него не так прост. Приходится сначала подумать, как сравнительно отдаленно, косвенным путем,

ввести в "накопительный" комплекс те условия, которые породят ассоциацию. Но такое рассмотрение часто представляет собой большую проблему в педагогике, а мы редко оказываемся в положении учителя-свидетеля.

Есть еще дополнительная трудность - мы часто не знаем обстоятельств, с помощью которых свидетель создал свою ассоциацию. Томас Гоббс рассказывает историю об ассоциации, которая включала в себя скачок от гражданской войны в Великобритании до стоимости динария при императоре Тиберии. Процесс происходил следующим образом: Король Карл I был отдан шотландцами за 200 000 долларов, Христос был продан за 30 динариев, сколько же тогда стоил динарий? Для того чтобы продолжить нить такой ассоциации, нужно, во всяком случае, лишь определенное количество исторических знаний, но этим количеством нужно обладать. Но такие знания - это знание универсальных вещей, которыми может обладать любой человек, в то время как личные отношения и чисто субъективный опыт, находящиеся в распоряжении отдельного человека, совершенно неизвестны любому другому человеку, и обнаружить их часто бывает очень трудно.^[212] Проще всего дело обстоит, когда пытаются помочь памяти свидетеля, чтобы заставить его установить отдельные даты, например, когда пытаются определить какое-то время и напоминают свидетелю об определенных событиях, происходивших в это время, чтобы помочь ему установить календарное время. Или, опять же, когда свидетеля привозят на место преступления и связывают отдельные условия с местной обстановкой. Но когда необходимо связать не просто отдельные даты, а целые события, этому должно предшествовать глубокое знание ситуации, иначе никакая ассоциация не будет успешной, или будут достигнуты просто невразумительные результаты. Трудности, которые здесь возникают, зависят от действительно огромного количества знаний, которыми должен обладать каждый человек, использующий свои органы чувств. Все, что человек узнал в школе, из газет и т. д., мы знаем приблизительно, но у нас нет знаний о том, что человек сам придумал и что он почувствовал в своих локализованных условиях, например, в своем доме, городе, путешествиях, отношениях и их переживаниях и т. д. - как бы важно это ни было, у нас нет средств, чтобы получить это.

Те ассоциации, которые имеют физическое выражение, важны лишь в отдельных случаях. Например, ощущение муравьев по всему телу, когда вы думаете, что были рядом с муравейником, или чувство физической боли, когда слышите описание раны. Очень забавно наблюдать, как во время лекций дерматологов вся аудитория почесывает ту часть тела, которая беспокоит пациента, о котором рассказывают.

Подобные ассоциации могут иметь юридическую ценность в том случае, если обвиняемые, признающие свою невиновность, совершают неосознанные движения, подразумевающие отрицаемые раны. В любом случае, необходимо быть осторожным, потому что часто просто точное описание раны может вызвать у нервных людей тот же эффект, что и вид этой раны. Если же рана не описана и даже не указано ее место, а говорится только об общем вреде, то, если обвиняемый потянется к той части тела, где находится рана его жертвы, у вас есть зацепка, и ваше внимание должно быть направлено на нее. Такой указатель не стоит большего, но даже в качестве зацепки он имеет определенную ценность.

В общем, можно сказать, что юридически значимое направление ассоциации относится к тому же классу, что и "получение идеи". Ассоциации нужны нам для создания образа и объяснения события, о котором идет речь; что-то должно "прийти нам в голову". Мы должны "получить идею", если хотим узнать, как что-то произошло. Более того, нам нужна ассоциация, чтобы узнать, что что-то произошло со свидетелем.

"Получение идеи" или "возникновение" - это, по сути, одно и то же во всех своих формах. Нам остается только изучить несколько его проявлений:

1. "Конструктивное возникновение", с помощью которого правильная вещь может быть обнаружена путем комбинирования, умозаключения, сравнения и проверки. Здесь ассоциация должна быть намеренной, а идеи должны быть доведены до фиксированного образа, который может быть таким образом связан с ними, чтобы сделать возможным результат. Предположим, например, что речь идет о поджоге, а преступник неизвестен. Тогда мы потребуем от истца локальных, временных, идентифицирующих и контрастных ассоциаций с идеей всех и каждого из его врагов, или уволенных слуг, нищих и т. д. Таким образом, мы сможем достичь других идей, которые помогут нам приблизиться к определенной теории.
2. "Спонтанное возникновение", при котором мысль появляется с кажущейся внезапностью без какой-либо определенной причины. На самом деле такая внезапность всегда вызвана какой-то сознательной, а в большинстве случаев и бессознательной ассоциацией, нить которой невозможно впоследствии отыскать и продемонстрировать, поскольку она подсознательна, или же она проскакивает так быстро и легко, что ее невозможно отследить. Очень часто какое-то конкретное ощущение оказывает влияние, которое объединяет одновременные идеи, теперь уже снова объединенные. Предположим, однажды во время какого-то необычного звука, например, звона колокола, который я слышу нечасто, я увидел кого-то. Теперь, когда я услышу звон колокола, я подумаю об этом человеке, возможно, не зная определенной ассоциации - т. е. связь человека с тоном колокола возникает бессознательно. Можно пойти еще дальше. Когда я впервые увидел этого человека, на нем был, возможно, красный галстук, скажем, макового цвета, и теперь каждый раз, когда я слышу этот звон, я думаю о поле маковых цветов. Кто может пойти по этому пути ассоциаций?
3. "Сопутствующее возникновение", когда в процессе максимально долгого спокойного удержания одной идеи, другая возникает сама собой и ассоциируется с первой. Например, я встречаю человека, который приветствует меня, хотя я его не узнаю. Возможно, я знаю, кто он, но спонтанно не думаю об этом и не могу конструктивно подойти к его личности из-за отсутствия материала. Поэтому я ожидаю чего-то от этого "случайного появления" и, закрыв глаза, стараюсь как можно дольше удерживать в голове мысль об этом человеке. Вдруг я вижу его перед собой с серьезным лицом и сложенными руками, справа от него такого же человека и такого же слева, над ними высокое окно с занавеской - это был присяжный заседатель, сидевший напротив меня. Но память этим не исчерпывается. Я стремлюсь изгнать образ сидящего и снова держать его перед глазами. Я вижу за ним кажущиеся ворота с полками; это образ владельца магазина в маленьком городке, который стоит перед дверью своего магазина. Я держу этот образ перед глазами, напрягаясь, и вдруг появляется повозка с такими уборами, которые я видел лишь однажды, чтобы украсить снаряжение землевладельца. Я хорошо знаю, кто это такой, как называется городок рядом с его именем, а теперь вдруг узнаю, что человек, чье имя я хочу запомнить, - это купец X из Y, который когда-то был присяжным заседателем в моем суде. Этим средством максимально долгого удержания идеи я часто пользовался с более умными свидетелями (с женщинами оно редко удается, потому что они беспокойны), и в целом с удивительным эффектом.
4. "Ретроспективное возникновение", которое заключается в развитии ассоциаций в обратном направлении. Например, я не могу вспомнить имя определенного человека, но знаю, что у него есть дворянский титул, который совпадает с названием небольшого городка в Обертфальце. Наконец, мне приходит в голову название городка Хиршау, и теперь я легко

ассоциирую обратное: "Шаллер фон Хиршау". Конечно, естественно, что слова с привычной легкостью разворачиваются вперед, а назад - только тогда, когда мы думаем о слове, которое пытаемся вспомнить, как о написанном, а затем ассоциируем его в целом как образ MS. Это, к сожалению, трудно использовать для помощи другому.

Тема 6. ВОСПОМИНАНИЯ И ПАМЯТЬ.

Раздел 51.

В непосредственной связи с ассоциацией идей находятся наше воспоминание и память, которые по юридической значимости в познании свидетеля стоят лишь рядом с восприятием. Вопрос о том, хочет ли свидетель говорить правду, конечно, зависит от других вопросов; но вопрос о том, может ли он говорить правду, зависит от восприятия и памяти. Последняя - очень сложная и разнообразно организованная функция, которую трудно понять даже в повседневной жизни, и тем более, когда все зависит от того, заметил ли свидетель что-либо, как, как долго, какая часть впечатления глубже погрузилась в его сознание, и в каком направлении следует искать недостатки его памяти. Было бы непростительно со стороны адвоката не думать об этом и не использовать в равной степени все явления, которые ему представляются. Не обращая внимания на богатую литературу и огромную работу, посвященную этому вопросу, невольно возникает вопрос: для кого все это делалось? Никто так не нуждается в глубоком знании сущности памяти, как юрист.

Я советую каждому криминалисту изучить литературу о памяти и рекомендую труды Мюнстерберга, Рибота, Эббингауза, Кэттелла, Крапелина, Лассона, Николая Ланге, Арреата, Рише, Фореля, Гальтона, Биервлиета, Панета, Фота, Сандера, Коха, Лемана, Фере, Йодля,^[213] и др.

Раздел 52. а) Сущность памяти.

Наше невежество в отношении памяти столь же велико, как и ее универсальная важность и наш долг перед ней за то, что мы есть и чем обладаем. В лучшем случае при ее объяснении нам приходится прибегать к образам.

Платон объясняет память в "Теэтете" с помощью образа кольца-печати, которое оттискивает воск; характер и продолжительность оттиска зависят от размера, чистоты и твердости воска. Фихте говорит: "Дух не сохраняет своих продуктов, - отдельные идеи, воления и чувства сохраняются разумом и составляют основу его неистощимой памяти..... Возможность вспомнить то, что когда-то было сделано самостоятельно, остается в духе". Джеймс Салли сравнивает восприимчивость памяти с проникновением сырости в старый MS. Дрейпер также приводит физический пример: Если вы положите плоский предмет на поверхность холодного гладкого металла, подышите на него и, после того как влага исчезнет, уберете предмет, вы сможете вспомнить его образ спустя месяцы, когда бы вы ни дышали на то место, о котором идет речь". Еще один человек называет память сейфом разума. По мнению Э. Херинга^[214], то, что мы когда-то осознавали и осознаем снова, сохраняется не как образ, а как эхо, подобное тому, что можно услышать в вилке, если по ней как следует ударить. Рид утверждает, что память имеет своим объектом не настоящие представления, а прошлые вещи. Наторп объясняет воспоминание как отождествление неидентичного, не-сегодня и сейчас. По мнению Гербарта и его школы,^[215] память состоит в возможности распознавать молекулярные расположения, оставленные прошлыми впечатлениями в ганглиозных клетках, и читать их идентичным образом. По мнению Вундта и его учеников, проблема заключается в расположении центральных органов. По мнению Джеймса Милля,

содержанием воспоминания является не только представление о воспоминаемом объекте, но и представление о том, что этот объект уже переживался ранее. Обе идеи вместе составляют целое того душевного состояния, которое мы обозначаем как память. Спиноза[216] свободно обращается с памятью и утверждает, что человек не может управлять ею, поскольку все мысли, идеи, решения духов являются голыми результатами воспоминаний, так что свобода человека исключается. Uphues[217] проводит различие между памятью и представлением, которое предполагается при узнавании объекта, отличного от этого представления. Это теория, разработанная Аристотелем.

По мнению Беркли и Юма, узнавание не направлено на другой объект и не предполагает его; деятельность узнавания состоит либо в представлении, либо в создании объекта. Признание придает идее независимость, которая ей не принадлежит, и таким образом превращает ее в вещь, объективирует ее и позиционирует как субстанциальную. Модсли использует представление о том, что можно представить любое прежнее содержание сознания как присутствующее, чтобы оно снова оказалось в центре поля сознания. Дорнер[218] объясняет признание следующим образом: "Возможное - это не только просто возможное в противопоставлении действительному; гораздо правильнее представлять бытие как возможное, то есть как поддающееся логическому мышлению; без этого не может быть никакого признания". Кюльпе[219] занимается проблемой различия между перцептивными образами и образами памяти и тем, являются ли последние лишь слабее первых, как утверждают английские философы и психологи. Он приходит к выводу, что это не так.

Если взять все эти мнения о памяти вместе, то можно прийти к выводу, что ни единства, ни четкого описания этого вопроса достигнуто не было. Трезвое высказывание Эббингауза, безусловно, может быть верным: "Наши знания о памяти возникают почти исключительно из наблюдения крайних, особенно поразительных случаев. Всякий раз, когда мы спрашиваем о более специальных решениях, касающихся деталей того, что было подсчитано, и других отношений зависимости, их структуры и т.д., ответов не находится. "

Никто до сих пор не обратил внимания на простые повседневные события, составляющие рутину криминалистов. Мы находим мало инструкций, касающихся их, и тем самым увеличиваются как наши трудности, так и наши ошибки. Даже современные многократно цитируемые экспериментальные исследования не имеют прямого отношения к нашей работе.

Мы будем довольствоваться рассмотрением отдельных концепций памяти и воспоминаний, встречающихся в конкретных случаях, и рассматривать их, то одну, то другую, в соответствии с требованиями дела. Мы рассмотрим общее отношение "воспроизведения" к памяти. "Воспроизведение" мы будем рассматривать в общем смысле и подведем под него также так называемые произвольные воспроизведения, которые возникают в формах и качествах прошлых событий без того, чтобы их вызывали, т. е. которые возникают при помощи бессознательной деятельности путем более или менее самостоятельной ассоциации идей. Именно это бессознательное воспроизведение, эта явно произвольная деятельность, пожалуй, наиболее плодотворна, и поэтому мы несправедливо встречаем с нескрываемым недоверием позднейшие внезапные "происшествия", особенно когда эти происшествия случаются с обвиняемым и его свидетелями. Правда, они часто обманывают нас, потому что за внезапным появлением часто может скрываться не что иное, как лучшая подготовка и наставления опытных сокамерников; но очень часто обстоятельства таковы, что подозреваемому удалось через какого-нибудь освобожденного заключенного или с

помощью зачерненного письма послать сообщение из своей тюрьмы, с помощью которого обеспечиваются ложные свидетели алиби и т. д. Недоверие в любом случае оправдано, если у обвиняемого вдруг "появляются" самые важные свидетели. Но так происходит не всегда, и мы на собственном опыте находим подтверждение тому, что память и способность вспомнить что-либо часто зависят от состояния здоровья, самочувствия, местоположения и случайных ассоциаций, которыми невозможно управлять, и происходят так же случайно, как и все остальное в жизни. То, что мы вообще должны что-то помнить, зависит от момента времени. Всем известно, как важны для памяти сумерки. Действительно, сумерки называют часом посещения воспоминаний, и всегда стоит обратить внимание на ситуацию, когда кто-то утверждает, что какой-то важный вопрос произошел с ним в сумерках. Такое утверждение заслуживает, по крайней мере, дальнейшего изучения. Если бы мы только знали, как происходят эти события, нам не составило бы труда изучить их и оценить вероятность. Но мы не знаем, и нам приходится полагаться, прежде всего, на наблюдение и проверку. Ни одна из применяемых теорий не подтверждается опытом в целом.

Их можно разделить на три основные группы.

1. То, что получено, исчезает, становится "следом" и в большей или меньшей степени перекрывается новыми восприятиями. Когда эти последние откладываются в сторону, старый след выходит на передний план.
2. Идеи тонут, темнеют и распадаются. Если они получают поддержку и усиливаются, то вновь обретают полную ясность.
3. Идеи рассыпаются, теряют свои части. Когда происходит нечто, объединяющее их и восстанавливающее утраченное, они снова становятся целыми".

Эббингауз совершенно справедливо утверждает, что ни одно из этих объяснений не является универсально удовлетворительным, но следует признать, что то одно, то другое полезно для контроля того или иного конкретного случая. Процессы разрушения идеи могут быть столь же разнообразны, как процессы разрушения и восстановления здания. Если здание уничтожено огнем, я, конечно, не смогу объяснить возникший образ, просто предположив, что оно стало жертвой голода времени. Здание, пострадавшее от опускания земли, я должен буду изобразить совсем другими средствами, чем те, которые я использовал бы, если бы оно было разрушено водой.

По той же причине, когда в суде кто-то утверждает о внезапном "происшествии" или когда мы хотим помочь ему и что-то ему приходит в голову, мы должны действовать иначе и определять свои действия эмпирически, исходя из условий момента. С помощью свидетеля мы должны вернуться к началу появления данной идеи и изучить ее развитие, насколько нам позволяет материал. Аналогичным образом мы должны использовать все возможности объяснения, когда изучаем исчезновение идей. В тот или иной момент мы должны найти определенные связи. Одна из главных ошибок в такой реконструктивной работе заключается в том, что мы упускаем из виду тот факт, что ни один человек не является просто пассивным, когда он получает ощущения; он обязан использовать определенную степень активности. Локк и Бонне уже упоминали об этом факте, и каждый может убедиться в этом, сравнив свои эксперименты с попытками не видеть или не слышать и с активными попытками видеть или слышать. По этой причине глупо спрашивать кого-либо, как случилось, что он воспринимает меньше, чем другой, ведь оба обладают одинаково хорошими чувствами и могли воспринимать столько же. С другой стороны, редко спрашивают о степени активности каждого при восприятии, и это тем более прискорбно, что память часто пропорциональна активности. Если же мы хотим объяснить, как можно

объединить различные утверждения, касающиеся современных событий, наблюдавшихся давным-давно, недостаточно сравнить память, остроту восприятия и интеллект свидетелей. Главным объектом внимания должна быть деятельность, которая была приведена в движение во время рассматриваемого чувственного восприятия.

Раздел 53. (b) Формы воспроизведения.

Кант анализирует память:

1. Как восприятие чего-то в памяти.
2. Как сохранение этого в течение длительного времени.
3. Как немедленное вспоминание.

Можно, пожалуй, добавить, как 4: что образ в памяти наиболее соответствует реальному. Это не тождественно тому, что мы вспоминаем вообще. Следует предположить, что формы образов памяти очень сильно различаются у разных людей, потому что каждый человек по-разному проверяет свои образы различных объектов. Я одинаково хорошо знаю двух мужчин в течение одинакового времени, и тем не менее у меня есть два образа памяти о них. Когда я вспоминаю одного из них, передо мной возникает фигура в натуральную величину, подвижная, даже сам человек; когда я думаю о другом, я вижу только маленький, голый силуэт, туманный и бесцветный, и это различие не требует, чтобы первый был интересным, а второй - скучным человеком. Это еще яснее проявляется в воспоминаниях о путешествиях. Один город предстает в воспоминаниях размером, цветом и движением, реальным; другой, в котором я пробыл столько же времени и всего несколько дней спустя, при аналогичных погодных условиях и т. д., предстает как маленькая, плоская фотография. Исследование показывает, что это так же верно и для других людей, как и для меня, и что проблема памяти во многом зависит от метода воспоминания. Фактически, это настолько мало подвергается сомнению, что в некоторые периоды времени существует больше образов одного рода, чем другого, и то, что является правилом для одного типа людей, является исключением для другого.

Существует целый ряд явлений, для которых мы обладаем определенными типами образов, которые зачастую имеют мало общего с самими вещами. Так, Экснер говорит: "Мы можем очень точно знать физиономию человека, уметь выделить его среди тысячи других, но не иметь четкого представления о том, чем он отличается от других; более того, мы часто не знаем цвета его глаз и волос, но удивляемся, когда он вдруг становится другим".

Крис[220] обращает внимание еще на один факт: "Когда мы пытаемся запечатлеть в памяти контур очень известной монеты, мы обманываем себя, невероятно - когда мы видим монету такого размера, каким мы ее себе представляем, мы удивляемся еще больше".

Лотце правильно показывает, что память никогда не возвращает ослепительную вспышку света или всепоглощающий удар взрыва с интенсивностью образа в надлежащем соотношении с впечатлением. Я считаю, что нет необходимости заходить так далеко и утверждать, например, что даже сверкание звезды, выстрел из пистолета и т. д. не сохраняются в памяти более чем с частичной импликацией события. Модсли правильно отмечает, что у нас не может быть памяти о боли - "потому что нарушение нервных элементов исчезает сразу же, как только их целостность снова устанавливается". Возможно, еще и потому, что, когда боль исчезла, отсутствует *tertium comparationis*. Но не обязательно ограничиваться только болью, можно утверждать, что нам не хватает памяти на все неприятные ощущения. Первый прыжок в воду с очень высокого трамплина, первый подъем

лошади через препятствие или первый свист пуль над ухом в бою - все это самые неприятные ощущения, и тот, кто отрицает это, обманывает себя или своих друзей. Но когда мы вспоминаем о них, нам кажется, что все было не так уж плохо, что человек просто очень сильно испугался и т. д. Но это не так, память на эти ощущения просто отсутствует.

Этот факт имеет огромное значение для экспертизы, и я считаю, что ни один свидетель не смог эффективно описать боль, причиненную телесной раной, страх, вызванный поджогом, испуг от угрозы, не потому, что у него не хватало слов, а потому, что у него не было достаточной памяти на эти впечатления, и потому, что ему не с чем сравнить их сегодня. Время, естественно, в таких случаях играет большую роль, и если бы человек описывал свои переживания вскоре после их неприятного появления, он, возможно, запомнил бы их лучше, чем впоследствии. В данном случае, если эксперт пережил нечто подобное много лет назад, он, скорее всего, обвинит свидетеля в преувеличении, полагая, что его собственный опыт показал, что все не так уж плохо. В большинстве случаев такое обвинение будет несправедливым. Различия в представлениях в значительной степени зависят от разницы во времени и, как следствие, угасания памяти. Можно добавить еще несколько специфических условий.

Кант, например, обращает внимание на власть, которой мы обладаем над нашей фантазией: "В памяти наша воля должна управлять нашим воображением, а воображение должно быть способно добровольно определять воспроизведение идей прошлого времени".

Но эти идеи могут быть вызваны не только добровольно; мы также обладаем определенной властью в том, чтобы сделать эти образы более четкими и точными. Глупо, когда экзаменатор предлагает свидетелю "напрячь свою память, дать себе труд и т. д.". Это ни на что не влияет, или влияет не так. Но если экзаменатор готов взять на себя труд, он может возбудить воображение свидетеля и дать ему возможность проявить свою власть над воображением. Как это сделать, зависит, естественно, от характера и образования свидетеля, но судья может помочь ему так же, как умелый учитель может помочь запутавшемуся ученику вспомнить. Когда пианист полностью забыл музыкальное произведение, которое он знал очень хорошо, два или три аккорда могут заставить его объяснить эти аккорды вперед или назад, а затем - один шаг за другим - воспроизвести все произведение. Разумеется, аккорды, которые приходят в голову игроку, должны быть правильно подобраны, иначе процедура окажется бесполезной.

Существуют правила подбора этих аккордов. По словам Эббингауза: "Разница в содержании вспоминаемого объясняется обнаруживаемыми причинами. Мелодии могут стать болезненными из-за их нежелательного упорства в возвращении. Формы и цвета обычно не повторяются, а если и повторяются, то с заметными претензиями на отчетливость и определенность. Прошлые эмоциональные состояния воспроизводятся лишь с усилием, в сравнительно бледных схемах и часто только с помощью сопутствующих движений". Мы можем следовать этим подсказкам, по крайней мере, в некоторых направлениях, с пользой для себя. Конечно, никто не скажет, что нужно играть мелодии свидетелям, чтобы заставить их вспомнить, потому что мелодии погружаются в память с таким нежелательным упрямством, что становятся стимулом к воспоминаниям. Столь же бесполезно оперировать формами и цветами или возбуждать эмоциональные состояния. Но все сказанное возвращает нас к древнему правилу работать, насколько это возможно, с постоянно развитым чувством места. Об этом знал уже Цицерон: "Tanta vis admonitionis inest in locis, id quidem infinitum in hac urbe, quocumque enim ingredimur, in aliquam historiam vestigium possumus". Действительно, он выводит всю свою доктрину памяти из чувства места, или, по крайней мере, оправдывает тех, кто так поступает.

Если, таким образом, мы приводим свидетеля, который в нашем доме суда ничего не помнит, в *locum rei sitae*, то все упомянутые условия действуют благоприятно.^[221] Наиболее влиятельным является само чувство места, поскольку каждая точка, в которой произошло нечто значительное, не только является содержанием ассоциации, но и поводом для нее. Кроме того, следует помнить, что размножение - трудная задача, и все ненужные дополнительные трудности, которым позволено нарастать, определенно мешают ей. Здесь также имеется только определенное количество единиц психической энергии для использования, и то количество, которое должно быть использовано для других дел, теряется для основной задачи. Если, например, я вспоминаю событие, произошедшее у окна определенного дома, мне будет очень трудно вспомнить форму дома, расположение окна, его внешний вид и т. д., и к тому времени, когда эта попытка едва начнет удаваться, я приложу столько усилий, что на воспоминание о событии, которое нас действительно интересует, сил уже не хватит. Более того, ошибка в воспоминаниях о посторонних объектах и вызванные ею ложные ассоциации могут сильно помешать правильности воспоминаний о главном. Однако если я нахожусь на месте событий, если я могу видеть все, что я видел в тот момент, то все эти трудности отпадают.

Остается еще учесть другие условия, упомянутые выше. Если акустические эффекты могут возникнуть где угодно, то они могут возникнуть и в том месте, где они впервые возникли. Тот же колокольный звон или похожий шум может возникнуть случайно, журчание ручья - то же самое, шелест ветра, определяемый местным рельефом, растительностью, особенно деревьями, опять же зданиями, меняется в зависимости от места. И даже если только тонкий слух может указать, в чем состоит разница, каждый нормальный человек чувствует эту разницу бессознательно. Даже "универсальный шум", который можно встретить повсюду, будет различаться и характеризоваться в зависимости от местности, и это, наряду со всем прочим, чрезвычайно благоприятно для ассоциации идей и воспроизведения прошлого. Цвета и формы одни и те же, могут встречаться похожие порядки, и, возможно, пробуждаются одни и те же установки, поскольку они в такой степени зависят от внешних условий. Теперь, когда все это с их ретроспективными тенденциями дано, воспоминания о любом современном событии усиливаются, можно сказать, спонтанно. Все, что может особенно способствовать воспоминанию о событии, лучше всего происходит в том месте, где это событие произошло, и поэтому нельзя слишком настойчиво советовать допрашивать свидетелей в важных случаях только на месте. Кстати, судья сам знакомится с реальной ситуацией и тем самым экономит себе время и силы, так как может в нескольких словах изложить косвенные описания, которые приходится составлять с таким трудом, когда вещи не видны и должны быть получены из показаний самих свидетелей.

Кто не верит в важность проведения экспертизы на месте события, тому достаточно повторить свою экспертизу дважды, один раз в суде, другой раз на месте - тогда он точно перестанет сомневаться. Разумеется, дело не должно обстоит так, чтобы событие обсуждалось со свидетелем на месте его совершения, а затем протокол писался в доме градоначальника или в трактире в получасе езды - протокол должен быть до последнего росчерка пера написан там и тогда, чтобы каждое впечатление могло быть возобновлено и каждое малейшее сомнение изучено и исправлено. Тогда различия между тем, что было раньше, что было добавлено позже, и тем, что есть сегодня, можно будет легко определить, придерживаясь правила Уфуса, согласно которому признание настоящего как настоящего всегда необходимо для окончательного признания прошлого. Кант уже предположил, к каким удивительным результатам приведет такое исследование: "Есть много идей, которые мы никогда в жизни больше не осознаем, если только какой-нибудь случай не вызовет их в

памяти". Но таким особенно мощным поводом является местность, поскольку она приводит в действие все влияния, на которые способны реагировать наши органы чувств.^[222]

Конечно, возможность искусственно стимулированной памяти исчезает, как и всякая память, с течением времени. В самом деле, мы знаем, что те наши переживания, которые касаются конкретных лиц и вещей и которые вспоминаются при виде этих лиц и вещей, становятся впоследствии, когда связи образов нарушены, способными пробуждать лишь общие представления, хотя лица или вещи присутствуют так же совершенно, как и прежде. Но для того чтобы возникла такая ситуация, должны были сложиться очень неблагоприятные обстоятельства.

Характерно, что, как известно, память может усиливаться благодаря особым случаям. По мнению Гёфлера, спартанских мальчиков били кнутом у межевых камней в их стране, чтобы они могли вспомнить их положение, и даже в наши дни у наших крестьян есть обычай при установке новых межевых камней хватать маленьких мальчиков за уши и волосы, чтобы они лучше запомнили положение нового межевого знака, когда, став взрослыми мужчинами, их будут об этом спрашивать. В этом случае лучше верить свидетелю, если он может продемонстрировать какое-либо событие, оказавшее сильное влияние на ситуацию, о которой идет речь, и напомнимшее ему об этой ситуации.

Раздел 54. (с) Особенности воспроизведения.

Различия в памяти, которые проявляются у людей, не являются наименьшими среди других человеческих качеств. Как известно, эти различия выражаются не только в энергичности, надежности и скорости памяти, но и в области запоминания, в сопровождении быстрой проницательности быстрой забывчивостью, или медленной проницательностью и медленной забывчивостью, или в контрасте между узкой, но интенсивной памятью и широкой, но приблизительной памятью.

Некоторые особые соображения возникают в отношении области наибольшей памяти. Как правило, можно предположить, что память, которая развивалась с особой силой в одном направлении, обычно делала это за счет памяти в другом направлении. Таким образом, как правило, память на числа и память на имена исключают друг друга. У моего отца была настолько плохая память на имена, что очень часто он не мог быстро вспомнить мое христианское имя, а ведь я был его родным сыном. Часто ему приходилось повторять имена четырех своих братьев, пока он не доходил до моего, и это не всегда удавалось.^[223] Когда он брался за представление, то всегда говорил: "Мой почтенный м-м-м", "дорогой друг моей юности м-м-м". С другой стороны, его память на цифры была поразительной. Он отмечал и запоминал не только те цифры, которые интересовали его по той или иной причине, но и те, которые не имели к нему ни малейшего отношения и которые он прочитал просто случайно. Он мог мгновенно вспомнить население стран и городов, и я помню, как однажды во время случайного разговора он назвал производство свеклы в какой-то стране за последние десять лет или заводской номер моих часов, которые он подарил мне пятнадцать лет назад и с тех пор ни разу не держал в руках. Он часто говорил, что цифры, которые он носит в голове, беспокоят его. В связи с этим симптомом можно упомянуть, что он был не очень хорошим математиком, но настолько исключительным игроком в карты, что никто не хотел с ним играть. Он замечал каждую сданную карту и мог мгновенно вычислить, какие карты есть у каждого игрока, а в начале игры мог сказать, сколько очков должно быть у каждого.

Подобные случаи многочисленны и важны для нас, поскольку мы часто не желаем верить свидетелю, дающему показания в определенной области, по той причине, что его память в другой области показала себя ненадежной. Шуберт и Дробиш приводят примеры такого

рода, а наблюдения современных ученых, таких как Шарко и Бине, за некоторыми молниеносными калькуляторами (Инауди, Диаманди и др.), подтверждают тот факт, что память на цифры развивается в ущерб другим вопросам. Линне рассказывает, что саамы, которые в остальном ничего не замечают, способны узнавать по отдельности каждого из своих бесчисленных оленей. Опять же, голландский друг цветов, Вурхельм, обладал памятью только на тюльпаны, но она была настолько велика, что он мог распознать двенадцать сотен видов тюльпанов только по сухим луковицам.

Эти области, по-видимому, очень узки. Помимо специалистов (нумизматов, зоологов, ботаников, глашатаев и т. д.), которые, помимо потрясающей памяти на свои конкретные вопросы, похоже, не имеют памяти на другие вещи, есть люди, которые могут помнить только рифмы, мелодии, формы, названия, режимы, службы, отношения и т. д. В. Фолькмар посвятил некоторое место тому, чтобы показать это. Он также обратил внимание на то, что полуидиоты обладают поразительной памятью на некоторые вещи. Это подтверждают и другие студенты. Один из них, Дю Поте, [224], который, возможно, является экспертом по народному сознанию австрийских Альп, сделал это особенно четко. Как и во всех горных районах, здесь есть огромное количество тех несчастных идиотов, которых в полном развитии называют кретинами, а в более мягкой форме - полулюдьми, но не обладающими достаточным интеллектом, чтобы зарабатывать себе на жизнь. Тем не менее многие из них обладают поразительной памятью на некоторые вещи. Один из них досконально знает предсказания погоды в календаре на прошлый и нынешний год и может привести их для каждого дня. Другой знает день и историю каждого святого католической церкви. Другой знает границы каждого поместья, имя и т. д. его владельца. Другой знает каждое конкретное животное в коллективном стаде скота, знает, кому оно принадлежит, и т. д. Разумеется, ни один из этих несчастных не умеет читать. Дробиш упоминает об идиотическом мальчике, совершенно не умеющем говорить, которому, благодаря неустанным усилиям одной дамы, удалось наконец научиться читать. После торопливого прочтения любого печатного материала он мог воспроизвести прочитанное слово в слово, даже если книга была написана на чужом и незнакомом языке. Другой автор упоминает о кретине, который в течение десяти лет мог точно назвать дни рождения и смерти жителей своего города.

Опыт показывает, что полуидиоты обладают отличной памятью и могут точно воспроизвести события, которые действительно впечатляют или вызывают тревогу и которые произвели на них впечатление. Многие вещи, которые обычные люди едва заметили или отложили в памяти и забыли, полуидиоты помнят и воспроизводят. Напротив, они не помнят того, что помнят нормальные люди, и что у последних часто оказывает мешающее влияние на важный вопрос, который они, возможно, рассматривают. Таким образом, полуидиоты могут быть способны описывать важные вещи лучше, чем нормальные люди. Однако, как правило, они слишком сильно дезинтегрируют то, что нужно запомнить, и предлагают слишком мало, чтобы сделать возможной какую-либо эффективную интерпретацию. Если такой человек, например, становится свидетелем стрельбы, он замечает только выстрел и уделяет очень мало внимания тому, что предшествовало ему, что последовало за ним или что еще можно назвать современным. До момента допроса он не только ничего не знает об этом, но даже сомневается в его происхождении. Это и есть опасный элемент в его показаниях. Как правило, правильно охотно верить таким людям. "Дети и дураки говорят правду", их слова выдерживают проверку, и поэтому, когда они отрицают какое-либо событие, есть тенденция не замечать того факта, что они многое забыли, и, следовательно, верить, что этого события на самом деле не было.

Аналогичный опыт можно получить и в случае с памятью детей. Дети и животные живут только настоящим, потому что у них нет исторически сложившихся органических идей в голове. Они реагируют непосредственно на стимулы, не нарушая своих представлений о прошлом. Однако это справедливо только для очень маленьких детей. В более позднем возрасте из детей получаются хорошие свидетели, а хорошо воспитанный мальчик - лучший свидетель в мире. Нужно только помнить, что более поздние события имеют тенденцию стирать в сознании ребенка более ранние события того же рода.^[225] Раньше говорили, что дети и народы думают только о последних событиях. И это универсальная правда. Как дети бросают даже самые дорогие игрушки ради новой, так и они рассказывают только о самых последних событиях в своем опыте. И особенно это касается тех случаев, когда фактов очень много - , например, неоднократное плохое обращение, кражи и т. д. Дети будут рассказывать только о самом последнем, более ранние могут совершенно исчезнуть из памяти.

Болтон,^[226] систематически изучавший память детей, приходит к привычному выводу, что объем памяти измеряется способностью ребенка концентрировать свое внимание. Память и острый интеллект не всегда совпадают (последнее утверждение, верное не только для детей, было известно еще Аристотелю). Как правило, у девочек память лучше, чем у мальчиков (можно также сказать, что их интеллект в целом выше, если не требуется постоянная интеллектуальная работа, а особенно создание собственных идей). Из цифр, прочитанных всего один раз, дети запоминают максимум шесть. (Взрослые, как правило, также сохраняют не больше.) Время забывания в целом было прекрасно схематизировано Эббингаузом. Он изучал забывание серии из тринадцати бессмысленных слогов, выученных ранее, таким образом, чтобы иметь возможность измерить время, необходимое для повторного заучивания того, что было забыто. По истечении часа ему требовалась половина первоначального времени, по истечении восьми часов - две трети этого времени. Затем процесс утраты становился все медленнее. По истечении двадцати четырех часов ему требовалась треть, по истечении шести дней - четверть, по истечении месяца - чистая пятая часть того времени, которое требовалось вначале.

Я проверил этот метод на различных и многочисленных людях и неизменно обнаружил, что результаты совпадают. Конечно, мера времени меняется в зависимости от вида памяти, но соотношения остаются идентичными, так что можно приблизительно сказать, сколько можно узнать о любом предмете по истечении определенного времени, если проверять только одно соотношение. Криминалистам это исследование Эббингауза особенно рекомендуется.

Условия доскональности отдельных случаев слишком неопределенны и индивидуальны, чтобы можно было проводить какие-либо общие идентификации или дифференциации. Есть некоторые приблизительные предположения - например, что легче держать в голове рифмованный стих, чем прозу, и определенные ряды и формы, чем блочные массы. Но, с одной стороны, здесь речь идет только о легкости запоминания, а не о содержании памяти, а с другой стороны, существует слишком много исключений - например, есть много людей, которые запоминают прозу лучше, чем стих. Поэтому не стоит углубляться в создание таких правил. Сорок или пятьдесят лет назад за расследованиями, обращенными к ним, следили с удовольствием, и они зафиксированы в журналах того времени.

То, что у пожилых людей, как известно, хорошая память на давно прошедшие события и плохая - на недавние, не удивительно. Это объясняется тем, что возраст, по-видимому, сопровождается уменьшением энергии в мозгу, так что он больше не усваивает влияния, и воображение становится темным, а суждения о фактах неверными. Следовательно, ошибки

связаны с восприятием нового - на то, что уже было воспринято, эта потеря энергии не влияет.

Опять же, не стоит удивляться тому, что такая замечательная и тонко организованная функция, как память, может быть подвержена различного рода аномалиям и отклонениям. Мы должны взять за правило не предполагать невозможность возникающих необычных явлений и консультироваться о них с экспертом.^[227] Врач объяснит патологическое и патоформное, но есть ряд форм памяти, которые не кажутся болезненными, но значительно реже встречаются и, следовательно, кажутся невероятными. Такие формы требуют обследования у опытного эксперта-психолога, который, даже не имея возможности объяснить конкретный случай, сможет пролить на него свет из литературы по данному вопросу. Эта литература богата примерами одного и того же, они охотно собирались и научно изучались в ранних психологических исследованиях. Современная психология, к сожалению, не изучает эти проблемы, и в любом случае, ее задача настолько огромна, что практические проблемы памяти в повседневной жизни должны быть отложены на более позднее время. Приведем лишь несколько случаев, рассмотренных в литературе.

Самый известный из них - история ирландской служанки, которая во время лихорадки декламировала фразы на иврите, услышанные ею в детстве от проповедника. Другой случай рассказывает об очень большом глупце, который во время лихорадки вел продолжительные беседы со своим хозяином, так что тот решил сделать его своим секретарем. Но когда слуга поправился, он стал таким же глупым, как и прежде. Криминалист, имеющий возможность обследовать глубоко раненых, больных лихорадкой, делает похожие, хотя и не столь примечательные наблюдения. Эти люди производят на него впечатление вполне разумных личностей, которые точно и правильно рассказывают свои истории. Позже, после того как они выздоравливают, у человека складывается другое мнение об их интеллекте. Еще чаще можно заметить, что эти лихорадочные, израненные жертвы знают больше, и знают о преступлении правильнее, чем они способны рассказать после выздоровления. Более того, то, что они рассказывают, вполне достоверно, если, конечно, они не бредят и не сходят с ума.

Случаи, когда люди теряли память на короткое время или навсегда, бесчисленны. Я уже рассказывал о случае, произошедшем с моим другом, который, находясь в горах, получил неожиданный удар по голове и полностью потерял память о том, что происходило за несколько минут до удара. После этого случая я получил несколько писем от своих коллег, имевших дело с подобными случаями. Таким образом, я делаю вывод, что случаи, когда люди теряют память о том, что происходило до события в результате удара по голове, многочисленны.^[228]

С юридической точки зрения такие случаи важны, поскольку мы не поверим заявлениям обвиняемых на этот счет, так как, казалось бы, нет причин, по которым события, *предшествовавшие* ранению, должны исчезнуть, как если бы каждый отпечаток нуждался в фиксаторе, подобно рисунку углем. Но поскольку этот феномен описан самыми надежными людьми, не имеющими никакого отношения к делу, мы должны верить ему при прочих равных условиях, даже если это утверждает обвиняемый. О том, что такие случаи не единичны, свидетельствует тот факт, что люди, которых оглушила молния, впоследствии забыли все, что происходило незадолго до вспышки. Аналогичная ситуация наблюдается при отравлении углекислым газом, грибами и при удушении. Последние случаи особенно важны, так как раненый, часто единственный свидетель, ничего не может рассказать о случившемся.

Здесь я не могу не напомнить о случае, о котором уже упоминал в другом месте, - о случае с Бруннером. В 1893 году в городе Диткирхен, в Баварии, были убиты двое детей учителя Бруннера, а его жена и служанка были тяжело ранены. Через некоторое время женщина пришла в сознание, вроде бы поняла, в чем дело, но не смогла рассказать следователю, который был направлен для ведения дела, ничего, что касалось бы события, преступника и т. д. Когда он закончил свой отрицательный протокол, она подписала его "Марта Гуттенбергер", а не "Марта Бруннер". К счастью, чиновник заметил это и поинтересовался, какое отношение она имеет к фамилии Гуттенбергер. Ему ответили, что этим именем называли бывшего любовника служанки, злобного типа. Его выследили и арестовали в Мюнхене. Он сразу же признался в преступлении. А когда миссис Бруннер совсем поправилась, она точно вспомнила, что точно узнала в убийце Гуттенбергера.[229]

Психологический процесс, очевидно, заключался в том, что идея "Гуттенбергер - преступник" опустилась во вторичную сферу сознания, подсознание, - так что реальному сознанию было ясно только то, что имя Гуттенбергера имеет отношение к преступлению. Женщина в своем ослабленном психическом состоянии считала, что уже достаточно указала на этот факт, поэтому не обратила внимания на имя и написала его бессознательно. Только когда давление на мозг ослабло, мысль о том, что убийцей был Гуттенбергер, перешла из подсознания в сознание. Психиатры объясняют этот случай следующим образом:

Речь идет о ретроградной амнезии. Сегодня считается, что это явление в подавляющем большинстве случаев происходит по правилу, определяющему травматическую истерию, то есть как идеогенная. Идейные комплексы, о которых идет речь, вытесняются в подсознание, откуда в отдельных случаях с помощью ассоциативных процессов, гипнотической концентрации и других подобных элементов могут быть подняты в сознание. В данном случае подавленный идеологический комплекс проявился в подписании имени.

Вся юридическая медицина обсуждает тот факт, что ранения в голову заставляют людей забывать отдельные слова. Тейн, Герин, Аберкромби и др. приводят множество примеров, а Уинслоу рассказывает о женщине, которая после сильного кровотечения забыла весь свой французский. Рассказывают также, что Генри Холланд так утомился, что забыл немецкий язык. Когда он окреп и поправился, то восстановил все, что забыл.

Поверим ли мы заключенному, который расскажет нам хоть что-то из этого?

Феномены воспоминаний, возникающие у умирающих людей, которые давно забыли и даже никогда не думали об этих воспоминаниях, очень значительны. Английские психологи приводят в пример случай доктора Раша, у которого в лютеранской общине были немцы и шведы, которые незадолго до смерти молились на своем родном языке, хотя не использовали его в течение пятидесяти или шестидесяти лет. Не могу удержаться от мысли, что многие исповеди на смертном одре имеют отношение к этому феномену.[230]

На границе между неправильным восприятием и забвением находятся те случаи, когда при сильном волнении важные события не доходят до сознания. Я считаю, что здесь ответственность должна нести память, а не чувственное восприятие. Кажется, нет никаких причин для отказа воспринимать чувствами при сильном волнении, но есть некоторая ясность в представлении о том, что при сильном волнении то, что только что было воспринято, почти сразу же забывается. В своем "Руководстве" я рассмотрел ряд подобных случаев и показал, как может проявляться память. Никто из свидетелей, например, не видел, что Мария Стюарт получила при казни два удара. В случае с казнью многолетней давности ни один из присутствующих не смог назвать мне цвет перчаток палача, хотя все заметили их. Во время крушения поезда один солдат утверждал, что видел десятки разможенных трупов,

хотя пострадал только один человек. Тюремный надзиратель, на которого напал сбежавший убийца, увидел в руке последнего длинный нож, который оказался селедкой. Когда Карно был убит, ни один из трех, находившихся с ним в карете, ни двое пешех не видели ни ножа убийцы, ни нанесения удара и т. д.

Как часто мы можем ошибаться из-за того, что свидетели в своем волнении забыли о самых важных вещах!

Раздел 55. (d) Иллюзии памяти.

Иллюзия памяти, или парамнезия, состоит в иллюзорном представлении о том, что вы что-то пережили, видели или слышали, хотя такого переживания, видения или звука не было. В уголовном праве она тем важнее, что входит в круг наблюдения ненавязчиво и незаметно, а не напрямую, посредством продемонстрированной ошибки. Следовательно, его труднее обнаружить, и оно оказывает мешающее влияние, которое затрудняет восприятие ошибок, произошедших вследствие него.

Возможно, Лейбниц имел в виду парамнезию в своих "нечувствительных восприятиях". Позднее Лихтенберг, должно быть, имел ее в виду, когда неоднократно утверждал, что он уже однажды был в этом мире, поскольку многие вещи казались ему такими знакомыми, хотя в то время он их еще не испытывал. Позже этим вопросом занялся Джессен, и Сандер[231] утверждает, что он был первым. По мнению Йессена, всем знакомо явление, при котором возникает внезапное впечатление, что то, что переживается, уже встречалось ранее, так что будущее можно предсказать. Лангвизер утверждает, что у человека всегда есть ощущение, что событие произошло очень давно, а доктор Карл Нойхофф находит, что его ощущение сопровождается волнением и сжатием. Об этом же говорят и многие другие авторы.[232]

Предлагаются различные объяснения. Виганд и Модсли считают, что видят в парамнезии одновременное функционирование обоих отношений. Анже считает, что иллюзорная память зависит от дифференциации, которая иногда происходит между восприятием и приходом в сознание. По мнению Кюльпе, именно эти вещи интерпретировал Платон в своем учении о предсуществовании.

Салли,[233] в своей книге об иллюзиях, наиболее тщательно изучил эту проблему и сделал простые выводы. Он обнаружил, что живые дети часто думают, что пережили то, что им рассказали. Однако это сохраняется в памяти взрослого, который продолжает думать, что он действительно это испытал. То же самое происходит, когда дети сильно желают чего-либо. Таким образом, детские истории, которые нам рассказывают Руссо, Гете и де Квинси, должны происходить из воздушных областей жизни сновидений или бодрствования, и Диккенс имеет дело с этой жизнью сновидений в "Дэвиде Копперфильде". Салли добавляет, что мы также порождаем иллюзии памяти, когда приписываем переживаниям ложные даты и считаем, что в детстве чувствовали то, что пережили позже и просто вернулись в детство.

Таким образом, он снова сводит многое, что якобы было услышано, к тому, что было прочитано. Романы могут произвести такое впечатление, что прочитанное или описанное в них кажется действительно пережитым. Название или местность кажутся знакомыми, потому что мы читали о чем-то подобном.

Возможно, будет правильным не сводить все явления парамнезии к одним и тем же условиям. Лишь ограниченное число из них, по-видимому, поддается такому сведению. Часто возникают впечатления, которые человек склонен приписывать иллюзорной памяти, лишь затем, чтобы обнаружить, что они были реальными, но бессознательными; вещи были

реально пережиты, а события забыты. Так, например, я впервые посещаю какую-то местность, и у меня создается впечатление, что я видел ее раньше, а поскольку на самом деле это не так, я считаю, что страдал от иллюзии памяти. Позже я понимаю, что, возможно, в раннем детстве я действительно был в стране, похожей на эту. Таким образом, мое воспоминание было действительно верным; я просто забыл о том, к чему оно относилось.

Помимо этих нереальных иллюзий памяти, многие, если не все другие, объясняются, как указывает Салли, тем, что нечто подобное пережитому было прочитано или услышано, а сам факт прочитанного или услышанного полузабыт или погружен в подсознание. Остается только ощущение, но не воспоминание о том, что это было прочитано и т. д. Другая часть этого явления, возможно, объясняется яркими сновидениями, которые также оставляют сильные впечатления, не оставляя воспоминаний о том, что они были снами. Тот, кто имеет привычку видеть яркие сны, знает, как можно в течение нескольких дней испытывать ясное или мутное чувство открытия чего-то прекрасного или тревожного, а потом обнаружить, что никакого реального переживания не было, а был только сон. Такое чувство, особенно воспоминание о вещах, увиденных или услышанных во сне, может остаться в сознании. Если впоследствии придется столкнуться с чем-то похожим в реальности, ощущение может показаться прошлым событием.^[234] Это тем более легко, что сны никогда не бывают абсолютно жесткими, а легко моделируются и адаптируются, так что при малейшем приближении к сходству память о сне легко присоединяется к реальному опыту.

Все это может произойти с любым человеком, здоровым или больным, нервным или спокойным. Действительно, Крапелин утверждает, что парамнезия возникает только при нормальных обстоятельствах. Можно также предположить, что определенное утомленное состояние ума или тела делает это явление более вероятным, если не определяет его полностью. Насколько самонаблюдение проливает свет на этот вопрос, такое утверждение представляется верным. Подобные иллюзии памяти наиболее часто возникали у меня во время оккупационной войны в Боснии в 1878 году, когда мы совершали ужасные форсированные марши из Эссега в Сараево. Иллюзии возникали регулярно после ужина, когда мы уже совсем устали. Тогда местность, которую я не видел всю свою предыдущую жизнь, казалась приятно знакомой, и когда однажды, в самом начале, я получил приказ штурмовать деревню, занятую турками, я подумал, что это не составит особого труда, я делал это так часто, и ничего никогда не случалось. В то время мы были совершенно измотаны. Даже когда мы вошли в пустую деревню, это необычное обстоятельство не произвело на меня впечатления, и я подумал, что внутри деревни всегда так выглядят - хотя я никогда раньше не видел такой турецкой улицы-отеля "in natura" или на картинке.

Можно упомянуть еще один способ объяснения - объяснение наследственностью. Им занимались Херинг^[235] и Салли. Согласно последнему, в частности, мы можем думать, что пережили некий опыт, который действительно принадлежит какому-то предку. Салли считает, что это утверждение не может быть опровергнуто генетически, поскольку группа умелых действий (строительство гнезд, поиск пищи, укрытие от врагов, миграция и т.д.) бесспорно унаследована от животных, но, с другой стороны, то, что парамнезия является наследственной памятью, может быть доказано только на примере, например, ребенка, который воспитывался вдали от моря, но родители, бабушки и дедушки которого были жителями побережья. Если у этого ребенка с первого взгляда возникнет ощущение, что он знаком с морем, то наследственность памяти будет доказана. Пока таких случаев не станет больше, предположение о наследственном влиянии будет весьма наглядным, но лишь вероятным.

Что касается влияния иллюзий памяти на уголовные дела, то я приведу лишь один возможный пример. Кто-то, только что очнувшись от сна, увидел, что слуга обращается с его кошельком, лежащим на ночном столике, и в результате иллюзии памяти он считает, что уже много раз наблюдал это раньше. Действия слуги, возможно, были безобидными и ни в коей мере не были направлены на кражу. Теперь же свидетельство хозяина должно продемонстрировать, что это происходило неоднократно, тогда, возможно, не возникнет сомнений в том, что слуга часто совершал кражи и имел намерение сделать это в этот раз.

Если обобщить эту ситуацию, то можно сказать, что иллюзии памяти всегда будут иметь сомнительные результаты, если они имели место только один раз и если свидетель в результате парамнезии считает, что событие наблюдалось неоднократно. Не трудно придумать множество таких случаев, но вряд ли можно сказать, как можно обнаружить наличие иллюзий памяти, не зная, *что* они существуют.

Если учесть все качества и идиосинкразии памяти, этой столь многообразной функции разума, то приходится удивляться тому, что ее оценка в особых случаях часто бывает различной, хотя и исходит от второго лица или от самого обладателя сомнительного воспоминания. Салли справедливо замечает, что одним из самых острых приемов в борьбе с глубоко укоренившимися убеждениями является атака на память другого человека в отношении ее надежности. Память - это личное достояние человека. Из тайного совета его собственного сознания, в который не может войти никто другой, она черпает все свои ценности.

Однако ситуация меняется, когда человек говорит о своей личной памяти. Тогда она должна принять на себя все недостатки, присущие другим умственным способностям. Мы, юристы, особенно часто слышим от свидетелей: "Моя память слишком слаба, чтобы ответить на этот вопрос", "С тех пор как я получил рану, о которой идет речь, моя память отказала", "Я уже слишком стар, моя память покидает меня" и т. д. Однако в каждом из этих случаев виновата не память. На самом деле свидетель должен был бы сказать: "Я слишком глуп, чтобы ответить на этот вопрос", "После ранения, о котором идет речь, мои умственные способности отказали", "Я уже стар, я становлюсь глупым" и т. д. Но, конечно, никто, за исключением очень редких случаев, не станет недооценивать свой здравый смысл, и удобнее списать его недостатки на память. Это происходит не только в словах, но и в конструкциях. Если человек неверно воспроизвел что-либо, будь то ложное наблюдение, или неудачная комбинация, или неумелое толкование фактов, он не будет винить в этом вещи, а возложит вину на память. Если ему поверить, могут получиться совершенно неверные выводы.

Раздел 56. (е) Мнемотехника.

Несколько слов о мнемотехнике, мнемонике и анамнезе. Открытие средств, помогающих памяти, давно стало целью человечества. Начиная с Симонида Хиосского и заканчивая софистом Гиппием Элейским, проводились эксперименты по искусственному развитию памяти, и некоторые из них были весьма успешными. Начиная со средних веков этим занималась большая группа людей. У нас до сих пор сохранились фигуры действительных силлогизмов в логике, например, Варвара и т. д. Правила запоминания в латинской грамматике и т. д. все еще могут быть выучены с пользой. Книги Коте и других в свое время вызвали не мало дискуссий.

Как правило, современная психология уделяет мало внимания устройствам памяти. В определенном смысле никто не может обойтись без мнемоники, ведь всякий раз, когда вы

завязываете узел на носовом платке или кладете часы в карман вверх ногами, вы используете запоминающее устройство. Опять же, когда вы хотите запомнить что-либо, вы уменьшаете трудности и вносите некий порядок в то, что пытаетесь удержать в памяти.

Таким образом, некий искусственный захват объекта применяется всеми, и полезность и надежность этого захвата определяет надежность памяти человека. Этот факт может быть важен для уголовного адвоката в двух отношениях. С одной стороны, он может помочь прояснить недоразумения, когда была применена ложная мнемоника. Так, однажды кто-то назвал анилиновый краситель, который растворяется в воде и называется "нигрозин", именем "маврозин" и попросил его под этим именем в магазине. Чтобы облегчить свою память, он связал его со словом, обозначающим чернокожего человека = *niger* = *negro* = *moor*, и таким образом заменил *moor* на *nigro* в конструкции нужного ему слова. И снова кто-то попросил "герцога Сальма" или "герцога Шмайера". Просьба была вызвана тем, что в австрийском диалекте *salve* произносится как *salm*, а в разговорном языке "*salm*" означает "*schmier*" (вытирать). Доктор Эрнст Лохсинг рассказал мне, что однажды ему сообщили, что к нему обратился некий господин Шнепфе, в то время как на самом деле этого господина звали Вахтель. Подобные недоразумения, вызванные ложной мнемоникой, могут легко возникнуть во время допроса свидетелей. Они имеют огромное значение. Если вы однажды заподозрили, что в дело вступила ложная память, вы можете прийти к верному выводу, используя подходящие синонимы и рассматривая схожие по произношению слова. Если уделить внимание определяющим условиям конкретного случая, успех практически неизбежен.

Второй способ, в котором важна ложная мнемотехника, - это тот, в котором техника была правильной, но ключ к системе был утерян, то есть свидетель забыл, как он действовал. Предположим, например, что мне нужно вспомнить соотношение возрастов трех человек. Если я замечаю, что М - самый старший, N - средний, а О - самый младший, я могу предположить, чтобы помочь своей памяти, что их рождения следовали в том же порядке, что и их инициалы: М, N, О. Теперь предположим, что в другое время, в другом случае я наблюдаю то же отношение, но нахожу порядок инициалов обратным О, N, М. Если сейчас, перед лицом фактов, я остановлюсь просто на этом приеме, я могу позже подменить эти два случая друг другом. Поэтому, когда свидетель говорит что-то, что, как оказалось, было трудно запомнить, необходимо спросить его, как он смог это вспомнить. Если он называет в качестве причины какую-то помощь памяти, от него следует потребовать объяснений, и ему нельзя верить, пока они не будут признаны достоверными. Если свидетель в приведенном выше примере, например, скажет: "Я никогда не пользуюсь разговорными отношениями", то его показания будут выглядеть сравнительно надежными. И не сложно судить о степени надежности любой помощи памяти.

Великие лжецы часто отличаются тем, что легко пользуются самой сложной мнемотехникой. Они знают, насколько она им необходима.

Тема 7. ВОЛЯ.

Раздел 57.

Разумеется, мы не собираемся обсуждать здесь ни "волю" философа, ни "злобу" или "злой умысел" уголовного права, ни "свободу воли" моралиста. Мы стремимся лишь рассмотреть несколько фактов, которые могут иметь значение для уголовного юриста. Следовательно, под словом "воля" мы понимаем только то, что сейчас принято понимать. Я считаю, что воля - это внутренний эффект более мощных импульсов, а действие - *внешний* эффект этих импульсов. Когда Гартман говорит, что воля - это перенос идеального в реальное, он звучит

глупо, но в одном смысле это определение прекрасно. Под идеальным нужно понимать только то, что еще не существует, а под реальным - то, что является фактом и действительностью. Ведь когда я добровольно заставляю себя думать о каком-то предмете, что-то действительно произошло, но это событие не является "реальным" в обычном смысле этого слова. Следует, однако, помнить, что Локк предостерегал нас от противопоставления интеллекта и воли как реальных, духовных сущностей, одна из которых отдает приказы, а другая подчиняется. Из этой концепции возникло множество бесплодных споров и путаницы. В связи с этим мы, криминалисты, должны всегда помнить, как часто общая работа воли и интеллекта противостоит нам в свидетелях и еще чаще в обвиняемых, создавая нам большие трудности. Когда последние с железной стойкостью отрицают свое преступление и в ярости скрывают свою вину, или когда в течение нескольких месяцев они с удивительной энергией разыгрывают самые сложные роли, мы должны признать, что они демонстрируют аспекты воли, которые еще не изучены. Действительно, мы можем сделать удивительные наблюдения о том, насколько эффективно заключенные управляют мышцами своего лица, которые меньше всего поддаются волевому контролю. Влияние воли на способность свидетеля даже краснеть и бледнеть также более обширно, чем можно установить научным путем. Об этом можно узнать из весьма отдаленных событий. Мой сын рассказывал мне, что однажды он обнаружил, что побледнел от холода, и так как при этом обстоятельстве он боялся, что его обвинят в недостатке мужества для выполнения своей задачи, он всеми силами старался подавить свою бледность, и ему это прекрасно удалось. С тех пор при дворе мне приходилось видеть, как поднимающийся румянец или начинающаяся бледность полностью подавлялись; однако теоретически это невозможно.

Но и воля имеет значение для оценки человека в целом. По мнению Дробиша,^[236] неизменные качества и управляющий "набор" волевых качеств человека составляют его характер. Характер определяют не только склонности, привычки и руководящие принципы, но и всевозможные смыслы, предрассудки, убеждения и т. д. Поскольку, таким образом, мы не можем избежать изучения характера человека, мы должны проследить его воли и желания. Это само по себе несложно; представление о характере развивается спонтанно, если его проследить. Но воля содержит также характерные признаки различий, которые важны для наших целей. Мы можем работать разумно и четко только благодаря нашей способности отличать безразличные, преступные и логически интерпретируемые поступки. Ничто так не затрудняет нашу работу, как невыносимо избыточная масса деталей. Не всякий поступок или действие является действием; таковыми являются лишь те, которые определяются волей и знанием. Как учит Абегг^[237], то, что определяется волей, может быть обнаружено путем анализа.

Конечно, мы должны найти правильный подход к этой теме и не заблудиться в либертарно-детерминистском споре, который является поворотным пунктом в современном уголовном праве. Сорок лет назад Ренан сказал, что ошибка восемнадцатого века заключалась в том, что свободной и самосознательной воле приписывалось то, что можно было объяснить естественными эффектами человеческих сил и способностей. Тот век слишком мало понимал теорию инстинктивной деятельности. Никто не станет утверждать, что переносом воли в выражение человеческих способностей решается вопрос о детерминизме. Решение этого вопроса не входит в нашу задачу. Однако мы получаем отверстие, через которое можем подойти к преступнику, - не исследуя неуловимый характер его воли, а постигая разумное выражение его способностей. Вся наша работа построена на применении концепции причинности, и проблема свободы воли стоит или падает вместе с ней.

Буа-Реймон в своей работе "Пределы познания природы" внес некоторую ясность в эту проблему: "Свободу можно отрицать, боль и желание - нет; аппетит, который является стимулом к действию, обязательно предшествует восприятию. Проблема, таким образом, заключается в чувственном восприятии, а не в свободе воли, как я уже говорил минуту назад. Именно к первой может быть применена аналитическая механика". И изучение чувственного восприятия - это как раз то, что может потребоваться от нас, юристов.

Конечно, недостаточно просто изучать отдельные проявления человеческих способностей, ведь это могут быть случайные результаты или явления, обусловленные неизвестными факторами. Наша задача состоит в том, чтобы достичь абстракций в соответствии с внимательным и добросовестным восприятием и найти каждый определяющий случай в его конкретной деятельности.

По мнению Дробиша, "максимы и субъективные принципы эволюции - это, как их называет Кант, законы общего содержания, необходимые для определения наших собственных воли и действий. Иначе говоря, это правила нашего собственного воления и действия, которые мы сами конструируем и которые, следовательно, субъективно действительны. Когда эти максимы определяют наши будущие воления и действия, они являются постулатами". Поэтому можно сказать, что мы знаем человека, когда знаем его волю, и что мы знаем его волю, когда знаем его максимы. По его максимам мы можем судить о его поступках.

Но мы не должны реконструировать его максимы теоретически. Мы должны изучать все, что его окружает, изменяет и определяет, ведь именно в этот момент окружение и отношения человека оказывают на него наибольшее влияние. Как сказал Громанн полвека назад: "Если бы вы могли найти эликсир, который заставил бы жизненно важные органы работать иначе, если бы вы могли изменить соматические функции организма, вы бы стали хозяином воли". Поэтому никогда не будет лишним изучить условия окружающей среды, окружение человека, все его внешние влияния. То, что такое изучение требует больших усилий, конечно, очевидно, но адвокат по уголовным делам должен их приложить, если он хочет выполнить свою задачу должным образом.^[238]

Тема 8. ЭМОЦИИ.

Раздел 58.

Как бы мало эмоция, в общепринятом понимании, не имела отношения к криминалисту, она, по своему замыслу, очень важна для него. Мотивом целого ряда явлений и событий, как у заключенных, так и у свидетелей, являются эмоции. Поэтому далее мы попытаемся показать, что чувства, в той мере, в какой нам необходимо их рассматривать, не должны рассматриваться как особая функция. Это имеет значение лишь в той мере, в какой облегчает нашу работу, ограничивая ее меньшим количеством предметов. Если мы сможем свести одну психическую функцию к другой категории, мы сможем объяснить многие вещи, даже если нам известна только последняя. В любом случае, изучение одной категории проще, чем многих.^[239]

Абстрактно слово "эмоция" - это свойство или способность разума испытывать приятное или неприятное воздействие ощущений, восприятий и идей. Конкретно оно означает состояния желания или отвращения, которые развиваются в результате комплекса вызванных таким образом условий. Сначала мы должны провести различие между так называемыми животными и высшими эмоциями. Мы предположим, что это различие неверно, так как между этими классами существует ряд чувств, которые могут быть причислены как к одному, так и к другому, так что переход случаен и строгое разграничение невозможно. Однако мы

сохраним это различие, так как с его помощью легче переходить от более простых к более сложным эмоциям. К безусловно животным страстям мы отнесем голод, жажду, холод и т. д. Это прежде всего чисто физиологические раздражители, действующие на наше тело. Но невозможно представить себе одну из них, не привнося в то же время неизбежно идею защиты от этого физиологического раздражителя. Невозможно думать о чувстве голода, не ощущая при этом стремления найти облегчение от этого чувства, ибо без этого ощущения голод не проявился бы как таковой. Если я голоден, я иду за едой; если мне холодно, я ищу тепла; если я чувствую боль, я пытаюсь ее заглушить. Как удовлетворить эти желательные действия - проблема для понимания, из чего следует, что успешное удовлетворение, разумное или неразумное, может варьироваться в любой возможной степени. Мы видим, что наименее разумные люди - настоящие кретины - иногда не могут утолить свой голод, поскольку, когда им дают еду, они, несмотря на острое чувство голода, запихивают ее в уши и нос, но не в рот. Поэтому мы должны сказать, что всегда требуется минимальный уровень интеллекта, чтобы понять, что чувство голода можно победить, положив пищу в рот.

Еще один шаг вперед: В описании поведения антропоидных обезьян, которые содержатся в зверинцах и т. д., особый интеллект приписывается тем, кто умеет натягивать на себя одеяло в качестве защиты от холода. То же самое действие считается признаком интеллекта у самых маленьких детей.

Еще более тщательно градуируется отношение к боли, поскольку не требуется и следа интеллекта, чтобы понять, что нужно вытереть каплю горячей жидкости, упавшую на тело. В каждом учебнике по физиологии упоминается, что обезглавленная лягушка делает такие вытирающие движения, когда ее мочат кислотой. От этой бессознательной деятельности понимания до технически наиболее развитого лечения ожога можно проследить целую серию все более высоких проявлений интеллекта, настолько большую, что она не поддается подсчету.

Теперь возьмем другое, все еще животное, но более высокоразвитое чувство, например, чувство комфорта. Мы кладем кошку на мягкий плед - она вытягивается, расправляется и утончается, чтобы привести как можно больше нервных окончаний в контакт с приятными стимулами пледа. Такое поведение кошки можно рассматривать как инстинктивное, а также как первоисточник чувства комфорта и как ведущее к роскоши комфорта, той стадии комфорта, которую Рошер называет высшей. (I. Роскошь в еде и питье. II. Роскошь в одежде. III. Роскошь в комфорте.)

Поэтому мы можем сказать, что реакция понимания на физиологический стимул направлена на то, чтобы отбросить его, когда он неприятен, и усилить и истощить его, когда он приятен, и что в определенном смысле оба эти действия совпадают (вытеснение неприятной темноты эквивалентно появлению приятного света). Поэтому в целом можно сказать, что ощущение - это физиологический стимул, неразрывно связанный с чувствительным отношением понимания к нему. Конечно, от инстинктивного исключения и включения до самой утонченной защитной подготовки или интерпретации еще далеко, но различия, которые лежат рядом, по обе стороны, - это лишь различия в степени.

Теперь давайте вспомним о так называемом высшем чувстве и рассмотрим его частный случай. Я впервые встречаю человека, который неприятно выделяется, например, с плохо окрашенными волосами. Это неприятно возбуждает мои глаза, и я пытаюсь либо отвести взгляд, либо пожелать человеку уйти, чтобы защитить себя от этого физиологически вредного влияния, которое уже устраняет всякое чувство дружбы к этому безобидному человеку. Теперь я вижу, что человек мучает животное, - мне неприятно это видеть, это

болезненно влияет на меня; поэтому я еще энергичнее желаю ему уйти с дороги. Если он будет продолжать в том же духе, добавляя одну неприятную особенность к другой, я могу переломать ему кости, чтобы остановить его, заковать в цепи, чтобы помешать ему; я даже могу убить его, чтобы избавить себя от неприятного возбуждения, которое он мне причиняет. Я напрягаю свой интеллект, чтобы придумать, как ему противостоять, и очевидно, что в этом случае физиологический стимул и активность понимания также непобедимо объединены.

Эмоцию гнева объяснить гораздо сложнее. Но она не похожа на внезапно вспыхнувшую ненависть, так как является острой, а ненависть - хронической. Я могу злиться на своего любимого ребенка. Но хотя в момент гнева выражение идентично выражению ненависти, оно также является переходным. В самых крайних случаях отрицающее действие направлено на уничтожение стимула. Это самое радикальное средство избежать физиологического возбуждения, поэтому я разрываю на кусочки неприятное письмо или стираю в порошок предмет, о который поранился. Если речь идет о людях, я действую либо прямо, либо символически, когда не могу или не имею возможности добраться до ответственного лица.

С чувством притяжения дело обстоит так же. У меня есть собака, у нее красивые линии, которые радуют мой глаз, она звонко лает, что приятно стимулирует мой слух, у нее мягкая шерсть, которую приятно гладить рукой, я знаю, что в случае необходимости собака защитит меня (и это успокаивает), я знаю, что она может быть мне полезна в других отношениях - словом, мое понимание говорит мне всевозможные приятные вещи об этом звере. Поэтому мне нравится, когда он рядом со мной, то есть он мне нравится. Такое же объяснение можно применить ко всем эмоциям склонности или отталкивания. Повсюду мы видим, что эмоция как физиологический стимул находится в неразрывном единстве с рядом частично известных, частично неизвестных функций понимания. Неизвестные играют важную роль. Это серийные понимания, то есть унаследованные от далеких предков, и характеризуются они тем, что заставляют нас делать то, что мы делаем, когда разумно распознаем какое-либо событие и его требования.

Когда человек испытывает жажду, он пьет. Скот делает то же самое. И они пьют даже тогда, когда им никто не говорит об этом, потому что это унаследованное действие бесчисленных лет. Однако если человек хочет разумно подходить к вопросу питья, он скажет: "В результате высушивания или других форм сегрегации из клеток моего тела будет уходить вода, они станут сухими и уже не будут достаточно эластичными, чтобы выполнять свою работу. Если теперь, через желудок, посредством эндо- и экзосмоса, я дам им больше воды, надлежащие условия вернутся". Последствия такой формы рассмотрения не будут отличаться от инстинктивных действий самых элементарных животных - мудрый человек и животное пьют. Таким образом, все содержание каждой эмоции - это физиологическая стимуляция и функция понимания.

И какая польза от всего этого адвокату по уголовным делам? Никто не сомневается, что и заключенные, и свидетели подвержены мощному влиянию эмоциональной экспрессии. Никто не сомневается, что определение, интерпретация и суждение об этих выражениях столь же трудны, сколь и важны для судьбы. А если рассматривать эти эмоции как особые состояния разума, то неоспоримо, что они способны вызвать еще большие трудности из-за своей неуловимости, различной интенсивности и запутанности. Если же мы рассматриваем их как функции понимания, то в его деятельности мы имеем нечто более известное, нечто более дисциплинированное, что создает гораздо меньше трудностей в суждениях относительно фиксированной формы, в которой оно действует. Следовательно, каждому суждению об эмоциональном состоянии должна предшествовать реконструкция в терминах

подразумеваемых функций понимания. Как только это будет сделано, дальнейшая обработка уже не будет представлять трудностей.

Тема 9. ФОРМЫ ДАЧИ СВИДЕТЕЛЬСКИХ ПОКАЗАНИЙ.

Раздел 59.

Куда бы мы ни обратились, мы сталкиваемся с абсолютной важностью языка для нашей работы. Все, что мы слышим или читаем о преступлении, выражается в словах, и все, что воспринимается глазом или любым другим чувством, должно быть облечено в слова, прежде чем оно может быть использовано. То, что криминалист должен знать это первое и самое важное средство понимания, полностью и во всех его тонкостях, само собой разумеется. Но от него требуется еще больше. Прежде всего он должен тщательно исследовать сущность самого языка. Один взгляд на литературу показывает, как самые ранние ученые стремились изучить язык с точки зрения его происхождения и характера. И все же, кому нужны эти знания? Юристу. Другие дисциплины могут найти в нем только научный интерес, но практически и абсолютно ценно оно только для нас, юристов, которые должны с помощью языка получать доказательства, запоминать их и по-разному интерпретировать. Неправильное понимание языка может привести к ложным представлениям и самым серьезным ошибкам. Поэтому никто так не обязан, как уголовный адвокат, изучать общий характер языка, знакомиться с его силой, природой и развитием. Без этих знаний адвокат может уметь пользоваться языком, но, не понимая его, оступится перед малейшей трудностью. Перед каждым открывается чрезвычайно богатая литература.^[240]

Раздел 60. (а) Общее изучение разнообразия форм выражения.

Поскольку люди различны по своей природе и воспитанию, с одной стороны, а язык, с другой, является живым организмом, который меняется в зависимости от почвы, то есть от человека, который им пользуется, неизбежно, что у каждого человека должны быть особые и частные формы выражения. Эти формы, если человек предстанет перед нами в качестве свидетеля или заключенного, мы должны изучить, каждую в отдельности. К счастью, это изучение должно сочетаться с другим, которое оно предполагает, то есть с изучением характера и природы человека. Одно без другого немыслимо. Тот, кто стремится изучить характер человека, должен прежде всего обратить внимание на его способы выражения, поскольку они наиболее значимы для качеств человека и наиболее освещают их. Человек таков, каким он говорит. С другой стороны, невозможно изучать способы выражения сами по себе. Их наблюдение требует изучения группы других условий, чтобы форма речи была объяснена или ее анализ вообще стал возможен. Таким образом, одно вовлекается в другое, и как только вы четко знаете приемы речи, принадлежащие индивидууму, вы также имеете четкое представление о его характере и наоборот. Это исследование, несомненно, требует значительного мастерства. Но это под силу любому, кто посвятил себя задаче юриста.

Тайлор прав в своем утверждении, что речь человека свидетельствует о его происхождении гораздо меньше, чем его воспитание, образование и власть. Во многом это объясняется природой языка как живого растущего и движущегося организма, который приобретает новые и особые формы для выражения новых и особых событий в жизни человека.

Гейгер^[241] приводит следующий пример таких изменений в значении слов. "Мрига" на санскрите означает "дикий зверь", в зендском языке это просто "птица", а эквивалентный персидский термин "мруг" продолжает означать только "птицу", так что дворовые птицы, певчие птицы и т. д. теперь называются "мруг". Таким образом, первое значение, "дикое

животное", трансформировалось в свою противоположность, "прирученное животное". В других случаях мы можем ошибочно полагать, что некоторые выражения обозначают определенные вещи. Мы говорим: "испечь хлеб, испечь пирог, испечь определенное мясо", а затем снова: "запечь яблоки, запечь картофель, запечь определенное мясо". Мы бы рассмеялись, если бы какой-нибудь иностранец сказал нам, что он "поджарил" хлеб.

Эти формы выражения еще не имеют отношения к характеру, но они являются отправной точкой вполне характерных способов, которые устанавливаются во всех корпорациях, группах, классах, таких как студенты, солдаты, охотники и т. д., а также среди среднего класса в больших городах. Формы такого рода могут стать настолько значимыми, что использование одной из них может поставить под угрозу самого пользователя. Однажды в поезде я увидел двух пожилых джентльменов, которые не были знакомы друг с другом. Они разговорились, и один рассказал другому, что видел, как офицер, спрыгивая с лошади, споткнулся о свою шпагу и упал. Но вместо слова "шпага" он использовал старое жаргонное слово "speer", и другой старик посмотрел на него сияющими глазами и воскликнул: "Ну, брат, какого цвета?"

Еще более примечательна мутация и добавление новых слов с особенно определенным значением среди определенных классов. Слова становятся более современными, как сленг.

Особое употребление некоторых форм носит как индивидуальный, так и социальный характер. У каждого человека есть свое личное употребление. Один использует "certainly", другой - "yes, indeed", один предпочитает "dark", другой - "darkish". Этот факт имеет двойное значение. Иногда то, что человек придает слову определенное значение, может объяснить весь его характер. Как бессердечно и грубо звучит заявление врача, рассказывающего о болезненной операции: "Пациент пел!" Кроме того, часто необходимо выяснить, какой оттенок люди любят придавать тем или иным словам, иначе недоразумения неизбежны. Как правило, это исследование дается нелегко, ведь даже если просто выяснить, что подразумевается под тем или иным выражением, можно не заметить, что люди используют своеобразные выражения для обычных вещей. Особенно часто это происходит, когда людей вводят в заблуждение подменой сходных слов и повторением такой подмены. Очень немногие люди способны провести различие между тождеством и сходством; большинство из них принимают эти два знака за эквивалентные. Если А и В в остальном идентичны, за исключением того, что В немного больше, так что они кажутся похожими, то не будет большой ошибки, если я сочту их эквивалентными и заменю В на А. Теперь я сравниваю В с С, С с D, D с E и т. д., и каждый член ряда постепенно становится больше своего предшественника. Если теперь я продолжу повторять свою первую ошибку, то в конце концов подставлю вместо А чрезвычайно большое Е, и ошибка станет очень заметной. Конечно, вначале я не стал бы заменять Е на А, но повторная замена сходных образов привела меня к этой полной несоизмеримости.

Подобные замены часто происходят при изменении значений, и если вы захотите посмотреть, как возникло то или иное замечательное значение термина, то, как правило, обнаружите, что это происходит в процессе постепенного уменьшения сходства до полного несходства. Все эти необычные изменения, которые слово претерпело в ходе длительного употребления и для которых каждый учебник по лингвистике содержит множество примеров, могут, однако, развиваться со сравнительной быстротой у каждого отдельного говорящего, и если не проследить это развитие, то в суде это может привести к очень серьезным недоразумениям.

Замены, а значит, и внезапные изменения, происходят, когда языковой материал, особенно в примитивных языках, содержит лишь простые дифференциации. Так, Тайлор упоминает о том, что в языке западноафриканских волофов есть слова "*dagoú*" - идти, "*dágou*" - гордо шагать, "*dágana*" - уныло просить, "*dagána*" - требовать. Мпонгве говорят: "*mì tonda*" - я люблю, и "*mì tònnda*" - я не люблю. Такие различия в тоне делают и наши собственные люди, и мутация смысла очень близка. Но кто вообще это замечает?

Как бы ни были важны изменения в значениях слов, они не дотягивают до изменений смысла концепции, заложенной в способе изложения. Следовательно, ошибок становится еще больше, потому что одну ошибку нелегко заметить или отследить. Дж. С. Милль справедливо говорит, что древние ученые многое упустили, потому что руководствовались лингвистической классификацией. Им и в голову не приходило, что то, чему они давали абстрактные названия, на самом деле состояло из нескольких явлений. Тем не менее, ошибка была унаследована, и люди, которые сегодня называют абстрактные вещи, представляют себе, в соответствии со своим интеллектом, то это, то другое явление с их помощью. А потом удивляются, что другие их не понимают. Так и получается, что криминалист вынужден всякий раз, когда называется что-либо абстрактное, прежде всего точно определить, что собеседник имеет в виду под своим словом. В этих случаях мы делаем любопытное открытие, что такое определение наиболее необходимо людям, глубоко изучившим предмет, так как технический язык возникает именно у тех, кто специально занимался каким-либо предметом.

Как правило, следует утверждать, что время, даже небольшое, существенно меняет представление о любом объекте. Миттермайер, да и Бентам, показали, какое влияние на форму изложения оказывает промежуток между наблюдением и оглашением. Свидетель, которого сразу же допрашивают, может, , сказать то же самое, что он скажет через несколько недель, но его презентация отличается, он использует другие слова, он понимает под этими словами другие понятия, и поэтому его показания меняются.

Аналогичный эффект может быть вызван условиями, в которых даются показания. Каждый из нас знает, какие удивительные различия возникают между показаниями свидетеля, сделанными в тиши кабинета судьи и его секретаря, и тем, что он говорит на открытом процессе перед присяжными. Часто возникает желание гневно напасть на свидетелей, которые делают такие противоречивые заявления. Однако более точное наблюдение покажет, что показания по сути те же, что и в первом случае, но манера их дачи отличается, отсюда и кажущееся расхождение. Разница между членами аудитории оказывает сильное влияние. В целом верно, что репродуктивная конструкция усиливается при виде большего числа внимательных слушателей, но это не исключение. В словах "внимательные слушатели" заложено представление о том, что оратор говорит интересно и хорошо, ведь иначе его слушатели не были бы внимательны, а если что-то сделано хорошо и известно, что сделано хорошо, то количество слушателей возбуждает, так как каждый слушатель считается стимулирующим поклонником. Это неизменно так. Если кто-то выполняет работу под наблюдением, ему будет приятно, когда он знает, что делает это хорошо, но он будет чувствовать беспокойство и тревогу, если будет уверен в отсутствии мастерства. Поэтому мы можем согласиться с тем, что большое количество слушателей повышает репродуктивную конструктивность, но только в том случае, если оратор уверен в своей теме и в благосклонности слушателей. В последнем случае напряженное внимание не всегда является доказательством. Когда ученый говорит о каком-то предмете, выбранном им самим, а аудитория внимательно его слушает, он удачно выбрал тему и говорит хорошо; внимание действует как шпора, он говорит еще лучше и т. д. Но все меняется, когда в ходе большого

судебного процесса, вызывающего всеобщий интерес, появляется свидетель со стороны правительства. Напряженное внимание также станет правилом, но это относится не к нему, а к теме. Он не выбирал свою тему, и за это ему не полагается никакого признания - для него безразлично, плохо он говорит или хорошо. Интерес принадлежит только предмету, а сам оратор получает, возможно, безраздельную антипатию, ненависть, отвращение или презрение всех слушателей. Тем не менее внимание напряженное и интенсивное, и поскольку оратор знает, что это не относится ни к нему, ни к его заслугам, это смущает и угнетает его. Именно по этой причине многие уголовные процессы проходят совсем не так, как ожидалось. Те, кто видел только процесс, но не был на предыдущем допросе, еще меньше понимают результат, когда им говорят, что "ничего" не изменилось с момента предыдущего допроса, а между тем изменилось многое; свидетели, взволнованные или напуганные толпой слушателей, говорили и выражали себя иначе, чем раньше, пока, таким образом, все дело не стало другим.

Аналогичным образом какой-либо факт может предстать в ином свете благодаря манере повествования конкретного свидетеля. Возьмем, к примеру, такое энергетически влиятельное качество, как юмор. Само собой разумеется, что шутка, острота, комедия исключены из зала суда, но если кто-то действительно внес настоящий, неподдельный юмор в сухую форму своих показаний, не переступив ни единым словом допустимый предел, он может, не редко, изложить очень серьезную историю так, чтобы свести ее опасный аспект к минимуму. Нередко показания какого-нибудь забавного свидетеля попадают во все газеты на радость их читателям. Всем известно, как по-настоящему юморной человек может так рассказать о пережитом, о сомнительных ситуациях студенческой поры, о неприятных путешествиях, о сложных позициях в ссорах и т. д., что каждый слушатель не может не рассмеяться. В то же время события, о которых рассказывается, были хлопотными, сложными, даже весьма опасными. Рассказчик ничуть не лжет, но умудряется придать своей истории такой поворот, над которым даже жертва ситуации рада посмеяться.^[242] Как говорит Крапелин, "задача юмора - лишить значительную часть человеческих несчастий их ранящей силы. Он делает это, представляя нам, на примере наших товарищей, комедию бесчисленных глупостей человеческой жизни".

Теперь предположим, что действительно юмористический свидетель рассказывает историю, которая влечет за собой очень серьезные последствия, но которая на самом деле не заканчивается трагическими выводами. Предположим, что речь идет о большой драке, о каком-то действительно грубом обмане, о посягательстве на честь и т. д. Отношение к событию меняется с одного оборота, хотя, казалось бы, оно было сформировано постепенно десятью предшествующими свидетелями, и новый взгляд на дело заявляет о себе хотя бы в мягкой форме при вынесении приговора. Тогда тот, кто не слышал всей истории, меньше всего понимает ее результаты.

Точно так же мы видим, как безобидные события превращаются в трагедии благодаря показаниям черноокого, меланхоличного свидетеля, не сказавшего в этом или любом другом случае ни одного неправдивого слова. Точно так же горечь свидетеля, который считает свой личный опыт в целом правдивым, может окрасить и определить отношение к какому-то, совсем несерьезному, событию. Это также не преувеличение. Каждый опытный человек, если он только достаточно честен, подтвердит этот факт и признает, что сам был среди тех, чье отношение так изменилось; я избегаю выражения "обманули".

Здесь также необходимо повторить, что движения рук и другие жесты свидетелей, когда они делают свои заявления, во многом помогают сохранить правильный баланс. Движения лгут гораздо реже, чем слова.^[243]

Еще один способ выяснить, не соблазняет ли свидетеля его отношение и его собственные качества, - это тщательное наблюдение за тем, какое впечатление производит его рассказ на самого себя. Стрикер контролировал условия речи и заметил, что до тех пор, пока он продолжал приводить четко описанные комплексы в *удовлетворительную для него* причинно-следственную связь, он мог возбуждать своих слушателей; как только он говорил о связи, которая его *не* удовлетворяла, отношение аудитории менялось. Мы должны перевернуть это наблюдение; мы - слушатели свидетеля и должны наблюдать, удовлетворяют ли его собственные причинные связи. Пока это так, мы ему верим. Когда этого не происходит, он либо лжет, либо сам знает, что выражается не так, как должен, чтобы мы правильно поняли, о чем он говорит.

Раздел 61. (b) Диалектные формы.

Каждый адвокат по уголовным делам должен безоговорочно знать диалект тех людей, с которыми ему чаще всего приходится иметь дело. Это настолько важно, что я считаю бессовестным заниматься криминологией, не зная диалектов. Никто из опытных людей не станет оспаривать мое утверждение, что ничто не является причиной таких больших и серьезных недоразумений и даже нарушений справедливости, как незнание диалектов, незнание манеры выражения человеческих групп. Ошибки, вызванные этим, никогда не могут быть исправлены, потому что их первичная ложность начинается в протоколе, где никакое отрицание, никакой спор и переопределение не могут их изменить.

Изучение диалектов не представляет большой трудности, если только человек не соблазняется комической гордостью и глупым незнанием своих преимуществ, полагая, что народная речь - это нечто низкое или обыденное. Диалект имеет столько же прав, сколько и литературный язык, является таким же живым и интересным организмом, как и самая развитая форма выражения. Если интерес к диалекту пробудился, достаточно выучить несколько значений. В остальном трудностей нет, ведь форма речи настоящего крестьянина (и это верно во всем мире) всегда самая простая, самая естественная и самая краткая. Крестьянину неведомы уловки, сложные конструкции, иносказания, и если он предоставлен самому себе, то делает все определенно, ясно и понятно.

Гораздо больше трудностей в формах выражения у бескультурного городского человека, который нахватался непонятных фраз и пытается использовать их из-за их мнимой красоты, независимо от их пригодности. Как ни неприятно слышать такую закрученную и перекрученную серию фраз, без начала и конца, так же трудно составить четкое представление о том, что хотел сказать человек, и особенно о том, были ли эти фразы действительно приведены с какой-то целью или просто для того, чтобы покрасоваться, потому что они звучат "образованно".

В этом направлении нет ничего более значимого, чем использование несовершенного вида в странах, где его употребление не принято и где, как правило, используется только совершенный вид; не "я шел", а "я пошел" (went). Отчасти чтение газет, а отчасти и неудачная привычка наших школьных учителей заставляют детей использовать несовершенный вид, который ни на йоту не более оправдан, чем совершенный, и которым люди пользуются при определенных обстоятельствах, то есть когда разговаривают с образованными людьми, и то только до достижения ими определенного возраста.

Признаюсь, я регулярно испытываю недоверие к свидетелю, который использует несовершенный вид или какую-то другую непривычную для него форму. Я предполагаю, что это слабоумный человек, который позволил себя убедить; я считаю, что он не совсем надежен, потому что допускает неправдивые формы для выражения своего смысла, и я боюсь, что он пренебрегает содержанием ради формы. Простой человек, который спокойно и без стыда пользуется своим естественным диалектом, не дает оснований для недоверия.

Есть несколько особенностей употребления, за которыми всегда нужно следить. Прежде всего, все диалекты в некоторых направлениях беднее литературного языка. Например, в них используется меньше цветов. Синий виноград, красное вино, может обозначаться словом "черный", светлое вино - словом "белый". Литературный язык перенял последний термин из диалекта. Никто не говорит "водянистое" или "желтое" вино, хотя никто еще не видел белого вина. Точно так же ни один крестьянин не скажет "коричневая собака", "коричнево-желтая корова" - эти цвета всегда обозначаются словом "красный". Это важно при описании одежды. Однако нет никакого противоречия между этой особенностью и тем, что диалект может быть богат терминами, обозначающими предметы, которые могут быть очень полезными, например, рукоятка инструмента может называться *handle*, *grasp*, *haft*, *stick*, *clasp* и т. д.

Когда используются иностранные слова, необходимо наблюдать, в какой тенденции и какой смысл они несут.[\[244\]](#)

Удивительно, как трудно заставить необразованных людей давать показания в прямой речи. Вы можете десять раз переспросить слова говорящего и всегда услышите: "Он сказал мне, что я должен войти", и никогда не услышите: "Он сказал мне: "Войди"". "Это объясняется тем, что, как уже говорилось, люди запоминают только смысл услышанного. Когда встает вопрос о реальных словах, единственный способ побороть эту неприятную тенденцию - развить диалог и сказать свидетелю: "Теперь вы - А, а я - Б; как это произошло?" Но даже этот прием может оказаться неудачным, и когда вы, наконец, заставите свидетеля привести прямую цитату, вы не сможете быть уверены в ее надежности, поскольку она была слишком необычной для свидетеля, чтобы привести ее напрямую, а необычное и непривычное всегда небезопасно.

Что особенно хочется рассмотреть в настоящем крестьянине, так это его молчание. Не знаю, искали ли когда-нибудь причины молчания крестьян во всем мире, но сплетничающего крестьянина встретишь редко. Эта черта, к сожалению, проявляется в том, что он не защищается, когда мы прибегаем к энергичному расследованию. Говорят, что не защищаться - значит проявлять мужество, и это действительно может быть своего рода благородством, отвращением к обвинению или уверенностью в своей невиновности, но часто это просто неспособность говорить, и неопытные судьи могут расценить это как проявление хитрости или убежденности. Поэтому в этой связи разумно не торопиться и попытаться понять характер молчащего человека. Если мы убедимся, что он по природе своей необщителен, то не будем удивляться тому, что он молчит, даже когда слова кажутся совершенно необходимыми.

В некоторых случаях необразованные люди должны изучаться с той же точки зрения, что и дети. Гейгер[\[245\]](#) рассказывает о ребенке, который знал только одного мальчика, и все остальные мальчики были для него Отто, потому что этого первого мальчика звали Отто. Так рекрут на Рейне считал, что в его стране Рейн называется Донау. Ребенок и необразованный человек не может подчинить вещи более высоким понятиям. Каждый нарисованный квадрат может быть бон-боном, а каждый нарисованный круг - тарелкой. Новые вещи получают

названия старых. И часто мастерство криминалистов заключается в том, что они извлекают важный материал из, казалось бы, никчемных заявлений, открывая правильное значение простых, нехудожественных, но в большинстве случаев прекрасно определенных образов. Разумеется, само собой разумеется, что от обмана следует воздерживаться.

Раздел 62. (с) Неправильные формы выражения.

Если правда, что при тщательном и многократном изучении значений слов мы, скорее всего, обнаружим, что в конце концов они содержат гораздо более глубокий смысл и содержание, чем в начале, мы вынуждены удивляться тому, что люди вообще способны понимать друг друга. Ведь если слова не имеют того значения, которое очевидно в их сущностном обозначении, каждый, кто их использует, ставит их в соответствии со своей склонностью и статусом "более глубокого и богатого смысла". На самом деле гораздо больше слов используется в изобразительном смысле, чем мы склонны думать. Выбирайте наугад, и вы найдете удивительно много слов с преувеличенными значениями. Если я говорю: "Я представляю дело, я протискиваюсь, я перепрыгиваю через, предложение и т. д.", то все эти фразы - картинки, поскольку я ничего не представлял, не протискивался через препятствие и не перепрыгивал через объект. Мои слова, таким образом, обозначали не что-то реальное, а образ, и невозможно определить ни отдаленность последнего от первого, ни разнообразие направления и степени этой отдаленности у каждого человека. Поэтому, где бы ни использовались образы, мы должны, если хотим понять, что имеется в виду, сначала установить, как и где они используются. Как часто мы слышим, например, о "четырёхугольном" столе вместо квадратного; об "очень среднем" человеке вместо человека, который намного ниже среднего. Во многих случаях это ложное выражение делается полусознательно, чтобы украсить просьбу или придать ей более скромный вид. Курильщик говорит: "Можно мне немного огонька", хотя вы знаете, что совершенно безразлично, много или мало огонька от сигары. "Можно мне маленький кусочек жаркого", - говорится для того, чтобы просьба передать другому тяжелое блюдо выглядела более скромной. И снова: "Пожалуйста, дайте мне немного воды", - это не отменяет того факта, что собеседник должен передать всю флягу с водой и что для него безразлично, много или мало воды вы после этого выпьете. Так и мы часто говорим о том, чтобы одолжить или дать взаймы, нисколько не думая о возврате. Студент говорит своему товарищу: "Одолжи мне ручку, бумагу или чернила", но у него нет ни малейшего намерения их возвращать. Подобные вещи можно обнаружить у обвиняемых или свидетелей, которые считают, что вели себя не лучшим образом, и затем хотят выставить свой проступок в наиболее выгодном свете. Эти прикрасы часто заходят так далеко и могут быть сделаны так искусно, что правильная ситуация может долгое время оставаться незамеченной. Привычное использование и в этом случае дает лучшие примеры. Неисчислимы годы называли жестоким занятием честно зарабатывать себе на жизнь и удовлетворять абсолютные потребности многих людей, быстро и безболезненно забивая скот. Но когда кто-то, просто чтобы убить время, от скуки, стреляет и мучает безобидных животных, или просто так ранит их, что если их не вытащить, они должны умереть ужасной смертью, мы называем это благородным спортом. Я бы хотел увидеть демонстрацию разницы между убийством быка и стрельбой по оленю. Последнее не требует даже высшего мастерства, ведь убить быка быстро и безболезненно гораздо сложнее, чем плохо застрелить оленя, и даже самый меткий выстрел требует меньше тренировок, чем правильное убийство быка. Кроме того, чтобы прикончить дикого быка, требуется гораздо больше мужества, чем для уничтожения прирученного и добродушного фазана. Но обычай раз и навсегда установил это существенное различие между людьми, и часто это различие действует в уголовном праве, причем мы не понимаем, как и почему. Аналогичная ситуация наблюдается в различии между обманом при торговле лошадьми и обманом при торговле

другими товарами. Она проявляется в различии между двумя дуэлянтами, сражающимися по правилам, и двумя крестьянскими парнями, дерущимися рукоятками своих кирок по договоренности. Она снова повторяется в нарушении закона кем-то "благородно вдохновленным шампанским", в отличие от его нарушения каким-нибудь "простым" пьяницей. Но для первой серии употребление имеет благоприятное, оправдывающее намерение, а для последней - обвиняющее, отвергающее. Различные точки зрения, с которых рассматриваются различные события, являются следствием разновидностей употребления, которое впервые отличило эти точки зрения друг от друга.

Кроме того, есть определенная нечестность в том, чтобы говорить и слушать, когда говорящий знает, что слушающий слышит другое, а слушающий знает, что говорящий говорит другое. Как сказал Штейнталь[246], "в то время как говорящий говорит о вещах, в которые он не верит и в реальность которых он не верит, его слушатель в то же время прекрасно знает, что сказал первый; он понимает правильно и не обвиняет говорящего в том, что он выразился совершенно невразумительно". Это происходит очень часто в повседневной жизни, не вызывая особых затруднений в человеческом общении, но по этой причине в нашем разговоре со свидетелями и обвиняемыми должно происходить обратное. Я знаю, что только что описанная манера говорить часто используется, когда свидетель хочет облечь в слова какое-то определенное подозрение, не выражая его прямо. В таких случаях, например, эксперт, так же как и свидетель, считает, что преступником является Х. По какой-то причине, возможно, потому, что Х - близкий родственник свидетеля или "человека повыше", ни один из них, ни судья, ни свидетель, не хочет открыто говорить правду, и поэтому они бесконечно долго муссируют эту тему. Если теперь оба думают об одном и том же, то это приводит лишь к потере времени, но никак не к другим бедам. Если же каждый думает о другом предмете, например, о другом преступнике, но каждый ошибочно полагает, что он согласен с другим, то их разделение без ясного изложения того, что они думают, может привести к вредным недоразумениям. Если после этого эксперт считает, что свидетель согласен с ним, и продолжает действовать на этом, только видимо, определенном основании, дело может стать очень плохим. То же самое происходит, когда с подозреваемым обсуждается вопрос о признании, т. е. когда судья думает, что подозреваемый хотел бы признаться, но только предлагает признание, в то время как последний даже не думал об этом. Единственное, что допускает наша работа, - это открытая и ясная речь; любая путаная форма выражения - это зло.

Тем не менее, путаница часто возникает произвольно, и поскольку ее нельзя избежать, ее нужно понять. Так, характерно понимать что-то неизвестное с точки зрения какого-то известного примера, например, римляне, впервые увидевшие слона, назвали его "bos lucani". Аналогично "лесной пес" = волк; "морской кот" = обезьяна и т. д. Это общеупотребительные формы, но каждый человек привык давать такие определения при встрече с каким-либо странным объектом. Поэтому он в какой-то степени говорит образами, и если его одитор не осознает этого факта, он не сможет его понять. Выяснить, как он говорит, можно, выяснив, были ли для него новые и чуждые вещи. Когда это будет выяснено, можно предположить, что он будет выражать свои мысли в образах при рассмотрении незнакомого объекта. Тогда не составит труда выяснить природу и источник образов.

Аналогичные трудности возникают и при использовании иностранных терминов. Конечно, известно, что их неправильное использование характерно не только для необразованных людей. Я имею в виду, в частности, ослабление смысла в нашем родном языке. Иностранное слово, по мнению Фолькмара, приобретает свое значение, лишая омонимичное родное слово его определенности и свежести, и поэтому его ищут все, кто не желает называть вещи

своими именами. Позиция "*triste*" далеко не так печальна, как позиция "*sad*". Хотелось бы знать, как много людей могли бы говорить, если бы им не разрешалось говорить *malheur*, *méchant*, *perfidie* и т. д. - слова, с помощью которых они снижают значения терминов хотя бы на градус по интенсивности смысла. Причина употребления этих слов не всегда заключается в нежелании говорящего использовать правильный термин, а в необходимости обозначить различные степени интенсивности одной и той же вещи, не прибегая к атрибутам или другим расширениям термина. Таким образом, иностранное слово в некоторой степени вводится как техническое выражение. Однако направление, в котором ослабляется родное слово, взятое в том виде, в каком оно подразумевается человеком, использующим его заменитель, ни в коем случае не является универсально фиксированным. Этот вопрос полностью зависит от индивидуального использования и должен рассматриваться заново в каждом конкретном случае.

Стремление к сокращенным формам выражения, достаточно необычное в наше сплетническое время, проявляется еще в одном направлении. На моем столе, например, лежит старый семейный журнал "От скалы до моря". Что должно означать это название? Очевидно, пространственное распределение предмета его содержания и подписчиков - например, "Вокруг всей земли" или "О всех землях и народах". Но такие названия были бы слишком длинными; поэтому их объединяют в "От утеса до моря", не учитывая, что утесы часто стоят у самого края моря, так что расстояние между ними может быть всего лишь толщиной с волос: утес и море не являются локальными противоположностями.

Или: мой сын входит и рассказывает мне историю о "старом семестре". Под "старым семестром" он подразумевает старого студента, который провел в университете много семестров, по крайней мере больше, чем требуется или необходимо. Поскольку это объяснение слишком длинное, весь комплекс сокращается до "старого семестра", что удобно, но непонятно для всех людей, не связанных с университетом. Подобных сокращений гораздо больше, чем, как правило, предполагается, и их всегда нужно объяснять, чтобы избежать ошибок. За них также не отвечают молчаливые и односложные люди; сплетники стремятся с их помощью продемонстрировать определенную силу речи. Не безразлично для выражения и то, что люди в явно неудобной манере дают приблизительные иносказательные цифры, например, *half-a-dozen*, четыре слога, вместо односложных *шесть*; или "колокол на куполе собора Святого Стефана имеет столько же зазубрин, сколько дней в году" и т. д. Следует предположить, что эти иносказательные выражения выбираются либо из-за желания сделать утверждение общим, либо из-за стремления к некоторой мнемонической помощи. Следует быть осторожным с подобными утверждениями либо потому, что в таком виде они лишь "округляют" цифры, либо потому, что надежность вспомогательного средства для запоминания должна быть сначала проверена. Наконец, хорошо известно, что иностранные слова часто заменяются бессмысленными словами с похожим звучанием. Когда слышны такие невразумительные слова, очень громкое повторение слова поможет найти оригинал.

Раздел В. Различия между условиями дачи свидетельских показаний.

Тема 1. ОБЩИЕ РАЗЛИЧИЯ.

(а) Женщина.

Раздел 63. (1) Общие соображения.[247]

Одной из самых сложных задач криминалиста, занимающегося психологическим расследованием, является суждение о женщине. Женщина не только соматически и психически сильно отличается от мужчины; мужчина никогда не может целиком и полностью

поставить себя на ее место. Судя мужчину, криминалист имеет дело с себе подобным, состоящим из тех же элементов, что и он, даже если возраст, условия жизни, воспитание и мораль отличаются настолько, насколько это возможно. Когда криминалисту предстоит судить седобородого человека, чьи годы намного превосходят его собственные, он все равно видит перед собой то, чем может стать сам, построенным так же, как он, но только на более продвинутой стадии. Изучая мальчика, он знает, что чувствовал и думал он сам, будучи мальчиком. Ведь мы никогда полностью не забываем взгляды и суждения, сколько бы времени ни прошло - мы больше не постигаем их в массовом порядке, но нам нелегко не вспомнить, как они были построены. Даже когда криминалист имеет дело с девочкой, не достигшей половой зрелости, он не лишен некоторой точки опоры для своих суждений, поскольку мальчики и девочки в этот период не настолько существенно отличаются друг от друга, чтобы не делать аналогичных выводов путем сравнения своего собственного детства с детством девочки.

Но к женской природе у нас, мужчин, совершенно нет подходов. Мы не можем найти параллели между женщинами и собой, и самые большие ошибки в уголовном праве были сделаны там, где выводы были бы правильными, если бы женщина была мужчиной.^[248] Мы всегда оценивали поступки и высказывания женщин по тем же стандартам, что и мужчин, и всегда ошибались. О том, что женщина отличается от мужчины, свидетельствуют анатом, врач, историк, теолог, философ; каждый обыватель видит это сам. Женщина отличается внешностью, манерой наблюдения, суждениями, ощущениями, желаниями, действительностью, - но мы, юристы, наказываем преступления женщины так же, как и преступления мужчины, и считаемся с ее показаниями так же, как и с показаниями мужчины. Современная эпоха пытается отбросить половые различия и нивелировать их, но забывает, что и здесь действует закон причинно-следственной связи. У женщины и мужчины разные тела, следовательно, у них должны быть разные умы. Но даже понимая это, мы ошибаемся в оценке женщины. Мы не можем достичь правильного знания о ней, потому что мы, мужчины, никогда не были женщинами, а женщины никогда не смогут сказать нам правду, потому что они никогда не были мужчинами.

Как мужчина не может понять, называет ли он и его сосед один и тот же цвет красным, так и источник безусловно существующих различий в психической жизни мужчины и женщины вечно будет оставаться неразгаданным. Но если мы не можем научиться понимать суть проблемы вечного женского, мы можем, по крайней мере, изучать ее проявления и надеяться найти столько ясности, сколько позволит сложность предмета. Здесь нам на помощь приходит важный, можно сказать, ненаучный опыт. В этом вопросе мы гораздо меньше доверяем реальным исследованиям, определениям ученых, чем убеждению народа, которое выражается в максимах, юридических различиях, обычаях и пословицах. Мы инстинктивно чувствуем, что народная концепция представляет собой опыт многих сотен лет, опыт как мужчин, так и женщин. Поэтому мы можем предположить, что ошибки наблюдений отдельных людей исправили друг друга, насколько это было возможно, и дали некий средний результат. Теперь, даже если средние значения почти всегда неверны, либо потому, что они оказываются слишком высокими, либо слишком низкими, ошибка - это не более чем полуошибка. Если в серии чисел наименьшее число было 4, наибольшее - 12, а среднее - 8, и если я беру последнее для каждой отдельной задачи, то я могу ошибиться максимум на четыре, но никак не на восемь, как это было бы, если бы я брал 4 или 12 для каждой отдельной задачи. Отношение людей дает нам среднее значение, и мы можем, по крайней мере, предположить, что оно не сохранилось бы ни в качестве общего закона, ни в качестве пословицы, если бы века не показали, что ошибка, связанная с этим, не очень велика.

В любом случае, народный метод был сравнительно прост. Не было разработано никаких тонких различий. К женщине применялась общая норма оценки, и результат показывал, что женщина - просто менее достойное существо. Эту концепцию мы находим очень рано в истории самых цивилизованных народов, а также у современных отсталых народов и племен. Если теперь мы, в общем, допускаем, что культура народа и положение его женщин имеют одинаковую меру, то из этого следует только то, что рост образования показал, что простое предположение о неполноценности женщины было неверно, что существенное различие в психике мужчины и женщины не могло быть установлено, и что даже сегодня старая концепция полубессознательно оказывает влияние на нашу оценку женщины, когда в каком-либо отношении мы должны судить о ней. Поэтому нас несколько не интересует степень подчиненности женщины у диких и полудиких народов, но, с другой стороны, нам небезразлично знать, как обстояли дела у народов и времен, оказавших влияние на нашу собственную культуру. Давайте поспешим рассмотреть ситуацию.

Ряд классических примеров, приведенных Финком[249] и Смитом[250], показывает, как мало классический грек думал о женщине, а В. Беккер[251] оценивает как наиболее важный тот факт, что грек всегда отдавал предпочтение детям и говорил: "τέχνα καὶ γυναικας". Греческие естествоиспытатели, Гиппократ и Аристотель, скромно считали женщину наполовину человеком, и даже поэт Гомер не свободен от этой точки зрения (ср. совет Агамемнона Одиссею). Более того, он говорит в основном о скандальности и лживости женщин, в то время как позднее Еврипид прямо сводит статус женщины к минимуму (ср. Ифигения).

Внимание Древнего Рима всегда было направлено на загадочные, сфинксоподобные, негармоничные качества в женщине. Гораций дает этому самое четкое выражение, например, "Desinite in piscem mulier formosa superne".

Восточные народы сделали для нас не лучше. Китайцы утверждают, что у женщин нет души. Магометане считают, что женщинам закрыт вход в рай, а Коран (xliii, 17) определяет женщину как существо, выросшее на почве нарядов и безделушек и всегда готовое поворчать. Насколько прочно укоренилось такое мнение, показывает османский Кодекс 355, согласно которому свидетельство двух женщин стоит столько же, сколько свидетельство одного мужчины. Но даже в этом случае Коран имеет более высокое мнение о женщинах, чем ранние отцы церкви. Проблема "Мужеложница имеет разум" часто обсуждалась на соборах. На одном из них, Маконском, серьезно рассматривался МС Ацидалиуса: "Mulieres homines non esse". На другом соборе женщинам было запрещено прикасаться к Евхаристии голыми руками. Такое отношение подразумевается содержанием бесчисленного количества злых пословиц, в которых говорится о низменном характере женщины, и, конечно, тем обстоятельством, что так много женщин считалось ведьмами, из которых только в Германии было сожжено около 100 000. Статуты касались женщин лишь в той мере, в какой можно было обесценить их надежность как свидетелей. Бамбергский устав (ст. 76), например, разрешает привлекать молодых людей и женщин только в особых случаях, а споры старых юристов относительно ценности женских показаний показаны Миттермайером.[252]

Если отбросить свидетельства Тацита о высоком статусе женщин среди германских племен на том основании, что он стремился пристыдить и перевоспитать своих соотечественников, то мы получим длинный ряд утверждений, начиная с норвежского Хавамала, который постепенно говорит о женщинах в уничижительном ключе, называя их непостоянными, лживыми и одурманенными, и заканчивая самой современной сентенцией, объединяющей крайнее возвышение и крайнее уничижение женщины: "Дайте женщине крылья, и она станет либо ангелом, либо зверем". Каким бы кратким ни было это выражение, оно должно подразумевать правильную точку зрения: женщины либо превосходят, либо уступают нам, а

могут быть и теми, и другими одновременно. Есть женщины, которые превосходят нас, и есть женщины, которые уступают нам, и, кроме того, одна женщина может превосходить нас в одних качествах и уступать в других, но ни в одном из них она не похожа на нас.

Утверждение, что женщина столь же совершенна в своем собственном праве, как и мужчина в своем, согласуется с вышеупомянутой позицией, если мы соотносим превосходство и неполноценность женщин с "целеустремленностью". Мы судим о высшем или низшем организме с точки зрения наших способностей знать, чувствовать и делать, но судим, не задумываясь о том, подразумевают ли эти организмы те цели, которые мы для них предполагаем, или нет. Так, однообразная, монотонная задача, которая не требует усилий, но требует непрерывного внимания, может быть лучше выполнена средним, терпеливым, не думающим человеком, чем гениальным, пылким интеллектуалом. Первый гораздо больше соответствует цели этой работы, чем второй, но он не стоит выше. Так же обстоит дело и с женщиной. Для многих целей, возложенных на нее, она создана лучше. Но будет ли эта конструкция, с нашей точки зрения знания и чувства, рассматриваться как более высокая или более низкая - это другой вопрос.

Следовательно, мы лишь в некотором смысле правы, когда называем какую-то женскую черту, не совпадающую с нашей собственной, худшим, неполноценным качеством. Мы, скорее всего, упускаем из виду, что это качество, взятое само по себе, соответствует природе и задачам женщины, тогда как мы должны вместе с современным натуралистом считать, что каждое животное развилось правильно для своих целей. Если бы это было не так, женщина стала бы первым исключением из законов естественной эволюции.

Следовательно, наша задача - не искать в женщине особенности и редкости, а изучать ее статус и функции, данные ей природой. И тогда мы увидим, что то, что мы иначе называли бы необычным, оказывается естественной необходимостью. Конечно, многие женские качества не вернут нас в то положение, которое их требовало. Тогда мы можем или не можем сделать вывод об этом по законам общего сосуществования, но установим ли мы что-либо прямо или косвенно, должно быть пока безразлично; мы знаем, что перед нами факт. Если мы найдем только таз человеческого скелета, то по его широкой форме мы сможем сделать вывод, что он принадлежал женщине, и сможем обосновать этот вывод тем, что размножение - женское дело. Но мы также сможем, хотя перед нами только таз, сделать надежные заявления относительно положения костей нижних конечностей *этого* человека. И мы сможем сказать, какова была форма грудной клетки и изгиб позвоночного столба. Это также позволит нам в большей или меньшей степени обосновать детородную функцию женщины. Но мы можем пойти еще дальше и сказать, что этот индивид, который, судя по его тазовой полости, был женщиной, должен был иметь сравнительно меньший череп, и хотя мы не можем соотнести этот признак с детородной функцией или какой-либо другой особой характеристикой женщины, мы все же можем сделать из этого безопасный вывод, потому что мы знаем, что этот меньший объем черепа находится в регулярной связи с широким тазом и т. д. Подобным образом можно будет собрать воедино различные психические различия женщины, определить ряд из них как непосредственно необходимые, а другой ряд вывести из их регулярного сосуществования. Определенность здесь будет такой же, как и в первом случае, и, достигнув ее, мы сможем удовлетворительно интерпретировать поведение и т. д. женщины.

Прежде чем перейти к женской психологии, я хотел бы вкратце коснуться использования литературы в нашем вопросе и указать, что результаты поэтов не годятся для нас, пока мы пытаемся удовлетворить наши конкретные юридические потребности. Мы, конечно, могли бы обратиться к поэту за информацией о женском сердце - самом важном свойстве женщины, - но исторически известные знатоки женского сердца оставляют нас на произвол

судьбы и даже ввергают в явные ошибки. Мы здесь не занимаемся историей литературы и не пытаемся разгадать "дорогую загадку женщины"; мы - сухопарые юристы, стремящиеся избежать ошибок за счет чести и свободы других, и если мы не хотим верить поэтам, то только из-за многих дорогостоящих ошибок. Когда-то все мы были молоды и имели идеалы. То, что говорили нам поэты, мы считали мудростью жизни - ведь никто другой ее не предлагает - и хотели поневоле решать самые насущные человеческие проблемы своими поэтическими взглядами. Иллюзии, ошибки и безвинное раскаяние - вот что стало следствием этой сумбурной работы.

Конечно, я не хочу тащить наших поэтов в суд и обвинять их в совращении молодежи ложными богами - я убежден, что если бы поэтов спросили, они бы сказали, что их поэзия предназначена для всех, кроме врачей и криминалистов. Но можно предположить, что они ввели точку зрения, которая не подразумевает реальной жизни. Поэтические формы не вырастают естественным образом, а затем внезапно объединяются в самозародившуюся идею. Сначала поэт создает идею, а для того, чтобы это произошло, отдельная форма должна развиваться в соответствии со смыслом. Чем более естественным и неизбежным становится этот процесс, тем лучше стихотворение, но из этого не следует, что раз мы не сомневаемся в нем, потому что оно кажется таким естественным, значит, оно повторяет процесс жизни. Ни один из нас, криминалистов, никогда не видел форму, описанную в стихотворении, - и уж тем более женщину. Конечно, в нашей серьезной и сухой работе мы можем интерпретировать многие наблюдения и утверждения поэта как золотые истины, но только после того, как проверим их правильность для повседневной жизни. Но следует понимать, что я не утверждаю, будто мы сами могли бы сделать наблюдение, вычленив истину из потока явлений или, по крайней мере, изложить ее в красивой, лаконичной и, можно сказать, убедительной форме. Я лишь утверждаю, что мы должны исследовать, можно ли обобщить то, что было прекрасно сказано, и найти то же самое или подобное в повседневной жизни. Как бы парадоксально это ни звучало, мы никогда не должны забывать, что существует своего рода доказательность в форме самой красоты. Один из замечательных псалмов Клопштока начинается: "Луны бродят вокруг земли, земли вокруг солнц, все множество солнц бродят вокруг большего солнца, Отец наш, это ты". В этом невыразимо возвышенном стихе по сути, и только в чрезвычайно усиленном виде, содержится доказательство существования Бога, и если бы убежденный атеист прочитал этот стих, он бы, по крайней мере на мгновение, поверил в его существование. В то же время реальное развитие доказательств не представлено и не предполагается. Есть великолепные образы, неопровержимые истинные положения: луна обращается вокруг земли, земля - вокруг солнца, вся система - вокруг центрального солнца, а теперь, без всякой другой необходимости, добавляется четвертое положение о тождестве центрального солнца с нашим Небесным Отцом как истинное. И читатель очарован, по крайней мере, на минуту! То, что я попытался показать на ярком примере, многократно встречается в стихах, и особенно наглядно там, где речь идет о женщине, так что мы можем объединиться в убеждении, что поэт не может научить нас этому предмету, что он может лишь ввести нас в заблуждение.

Чтобы узнать о природе женщины и ее отличии от природы мужчины, мы должны отбросить все поэтическое. Мы должны отбросить весь цинизм и искать просветления только в серьезных дисциплинах. Такими дисциплинами могут быть всеобщая история и история культуры, но уж точно не мемуары, которые всегда представляют собой субъективный опыт и односторонние взгляды. Анатомия, физиология, антропология и серьезная специальная литература, предположительно, могут дать нам непредвзятый взгляд, а затем, приложив немало усилий, мы можем наблюдать, сравнивать и заново проверять то, что было установлено, *sine ira et studio, sine odio et gratia*.

Прилагаю список источников и специальной литературы, которая также содержит дополнительные ссылки.[\[253\]](#)

Раздел 64. 2. Разница между мужчиной и женщиной.

Существует множество попыток определить разницу между женской и мужской психикой. Фолькмар в своем "Учебнике психологии" попытался рассмотреть эти эксперименты. Но отдельные случаи показывают, насколько невозможны четкие и однозначные высказывания по этому вопросу. Многие слишком широко, многие слишком узко; многое непонятно, многое хотя бы отдаленно верно, только если знать мировоззрение первооткрывателя, о котором идет речь, и быть склонным с ним согласиться. Рассмотрим следующую серию контрастов.

<i>Мужчина</i>	<i>Женский</i>
Индивидуальность	Восприимчивость (Бурдах, Бертольд)
Активность	Пассивность (Дауб, Ульрици, Хагеманн)
Лидерство	Подражательность (Шлейермахер)
Энергичность	Чувствительность к стимуляции (Бенеке)
Сознательная активность	Бессознательная активность (Гартман)
Сознательная дедукция	Бессознательная индукция (Вундт)
Воля	Сознание (Фишер)
Независимость	Полнота (Краузе, Линдемманн)
Частность	Общий характер (Фолькманн)
Отрицание	Утверждение (Гегель и его школа)

Ни одно из этих противопоставлений не является удовлетворительным, многие из них невразумительны. Бурдаховское верно только в пределах, а Гартманновское - приблизительно верно, если принять его точку зрения. Я не верю, что эти объяснения кому-то помогут или облегчат понимание женщины. Действительно, многим мужчинам они покажутся просто утверждением, что психика мужчины - мужская, а женщины - женская. С эпиграммами, как бы они ни были одухотворены, дело обстоит иначе. Эпиграммы лишь усиливают и без того большую путаницу.

Вряд ли больше помогут понять предмет некоторые выражения, в которых речь идет об определенном, а также об определяющей черте женщины. Например, поговорка "На запретной земле женщина осторожна, а мужчина вспыльчив" при некоторых обстоятельствах может иметь большое значение в уголовном деле, особенно когда необходимо установить пол преступника. Если преступление было совершено осторожно, можно предположить, что это женщина, а если быстро, то мужчина. Но эта сентенция несовершенна в двух отношениях. Мужчина и женщина действуют описанным образом не только в запретных областях, но и вообще. Кроме того, такие характеристики можно назвать обычными, но никак не регулирующими: достаточно случаев, когда женщина была намного острее мужчины, а мужчина - намного осторожнее женщины.

Самая большая опасность ложных представлений заключается в приписывании женщине недоказанной особенности с помощью какой-нибудь красиво выраженной и, следовательно, кажущейся правдивой пословицы. Возьмем известную пословицу: Мужчина прощает красивой женщине все, женщина - ничего. Сама по себе она верна; мы находим ее и в сплетнях бальных залов, и в самых ужасных уголовных делах. Мужчины склонны сводить поведение красивой грешницы к самым мягким и наименее оскорбительным выражениям, а

ее собственный пол судит ее тем строже, чем больше ее красота и число ее приверженцев. Из правильности этого утверждения легко вывести следующие следствия: Мужчины, как правило, склонны прощать по доброте душевной, женщины же - существа непрощающие. Такой вывод был бы совершенно неоправданным, поскольку в этой максиме женщина лишь случайно фигурирует в качестве субъекта; с таким же успехом можно было бы сказать: Женщина прощает красивому мужчине все, мужчина - ничего. В данном случае мы имеем дело с тем не особенно примечательным фактом, что зависть играет большую роль в жизни.

Еще одна трудность в использовании народных истин в наших собственных наблюдениях заключается в том, что они выражаются в более или менее определенных образах. Если, например, сказать: "Мужчина умоляет словами, женщина - взглядом", то получится предложение, которое может пригодиться во многих уголовных делах, так как часто все зависит от демонстрации того, что между двумя людьми была или не была любовь (убийство мужа, связь вдовы с подозреваемым).

Конечно, судья не мог видеть, как они общались, как он бурно говорил, а она отводила глаза. Но предположим, что судья завладел некоторыми письмами - тогда, если он воспользуется максимой, то заметит, что мужчина становится более откровенным, чем женщина, которая до определенного предела остается стыдливой. Так что если мужчина в своих письмах говорит очень определенно, то нет никаких доказательств, противоречащих выводу об их отношениях, даже если в ее письмах нет ничего подобного. Это можно выразить и другой максимой: то, чего хочет он, находится в строках; то, чего хочет она, находится между строк.

О том, как трудно отличить мужчину от женщины, говорится в "Леване о Erziehungslehre" Жана Поля, который утверждает: "Женщина не может любить своего ребенка и четыре континента мира в одно и то же время. А мужчина может". Но кто видел, чтобы мужчина любил четыре континента? "Он любит концепцию, она - внешний вид, конкретику". Какой юрист это понимает? А это? "Пока женщина любит, она любит непрерывно, а у мужчины есть светлые промежутки времени". Этот факт иначе выразил Граббе, который говорит: "Для мужчины мир - это его сердце, для женщины ее сердце - это мир". И что мы должны из этого извлечь? Что любовь женщины сильнее и больше наполняет ее жизнь? Конечно же, нет. Мы лишь видим, что у мужчины больше дел, чем у женщины, и это мешает ему зависеть от своих впечатлений, так что он не может позволить себе полностью захватить даже свои сильные наклонности. Отсюда и старая пословица: Каждая новая привязанность делает мужчину глупее, а женщину мудрее. Это значит, что мужчину сдерживает от работы и эффективности каждая склонность, в то время как женщина каждый раз набирается нового жизненного опыта. Конечно, мужчина тоже получает их немного, но у него есть другие и более ценные возможности их получить, в то время как женщина, не занимающая его место в жизни, должна собирать свой опыт там, где может.

Поэтому лучше всего придерживаться простых, трезвых открытий, которые можно описать без литературного шика и которые не допускают исключений. Вот, например, высказывание Фридриха[254]: "Женщина более возбудима, более изменчива и подвижна духовно, чем мужчина; разум доминирует над последним, эмоции - над первым. Мужчина больше думает, женщина больше чувствует". В этих неприукрашенных, ясных словах, не предлагающих ничего нового, все же содержится столько, сколько можно сказать и объяснить. Возможно, мы дополним их выражением Хойзингера: "У женщин много репродуктивной, но мало продуктивной силы воображения. Поэтому среди женщин есть хорошие художники-пейзажисты и портретисты, но пока женщины рисовали, в истории не было ни одной великой женщины-художника. Они сочиняют стихи, романсы и сонеты, но ни одна из них не написала хорошей трагедии". Это выражение показывает, что образная сила женщины на

самом деле скорее репродуктивная, чем продуктивная, и это можно наблюдать как в преступлениях, так и в показаниях свидетелей.

В преступлениях этот факт нелегко заметить в самом деянии или в способе его совершения; его можно заметить в характере использованного плана. Сказать, что план свидетельствует о продуктивном творчестве, не значит назвать его оригинальным. Оригинальность не может быть обозначена, без опасности недопонимания, даже на одном примере; нам остается только придерживаться парадигмы Хойзингера и сказать, что когда план преступного деяния представляется более независимым и более полно разработанным, можно предположить, что он имеет мужское происхождение; если же он ищет поддержки, если он является подражанием тому, что уже произошло, если он стремится найти внешнюю помощь во время его исполнения, то его автором была женщина. Эта истина заходит так далеко, что в последнем случае женщина должна быть признана интеллектуальным источником плана, даже если преступником на самом деле был мужчина. Обратное умозаключение вряд ли может быть справедливым. Если мужчина разработал план, который должна осуществить женщина, его основополагающие линии стираются, и женщина позволяет продуктивному аспекту дела исчезнуть или стать настолько неопределенным, что любое уверенное заключение по этому вопросу невозможно.

Наш феномен не менее важен и для показаний свидетелей. Во многих случаях, когда мы предполагаем, что все или часть показаний свидетеля неверны, намеренно придуманы или невольно выдуманы, нам удается извлечь часть показаний как независимую конструкцию и таким образом определить, что в них может быть неверным. Если при этом свидетель - мужчина и его ложь проявляется в продуктивной форме, а если свидетель - женщина и ее ложь оказывается воспроизведенной, то, по крайней мере, возможно, что нам говорят неправду. Сама по себе эта процедура, конечно, не содержит ничего доказательного, но она может, по крайней мере, вызвать подозрение и, следовательно, настороженность, а этого во многих случаях бывает достаточно. Я могу сказать о своей собственной работе, что этот метод часто приносил мне большую пользу. Если возникало подозрение, что показания свидетеля, особенно концепция какого-то совершенного преступления, не соответствуют действительности, я вспоминал Хойзингера и спрашивал себя: "Если вещь не соответствует действительности, то это сонет или трагедия?" Если ответ был "трагедия", а свидетель - мужчина, или, если ответ был "сонет", а свидетель - женщина, я заключал, что все возможно выдумано, и становился весьма осторожным. Если же я не мог прийти ни к какому выводу, мне значительно помогло другое предложение Хойзингера, в котором он спрашивал себя: "Картины с цветами или исторические сюжеты?". И здесь я снова нашел, к чему прислушаться, и необходимость быть подозрительным. Повторяю, никаких доказательств таким образом получить нельзя, но мы часто выигрываем, когда нас предупреждают заранее.

(3) Сексуальные особенности.

Раздел 65. (а) Общие соображения.

Даже если мы знаем, что не только голод и любовь поддерживают импульс, мы также знаем о глубоком влиянии, которое любовь и все, что от нее зависит, оказывают на ход событий с незапамятных времен. В целом это верно, но вопрос о влиянии секса на женщину более важен, чем вопрос о его влиянии на мужчину, поскольку в первом случае действует большое количество глубоких условий, которые отсутствуют во втором. Поэтому недостаточно рассматривать только физиологические особенности соматической жизни женщины, то есть менструацию, беременность, роды, период вынашивания ребенка и, наконец, климакс. Мы должны изучить также, возможно, еще более важные психические условия, которые

вытекают из женской природы и развиваются под влиянием требований цивилизации и обычаев. Мы должны спросить, что значит для характера, когда от человека с момента начала полового созревания требуется скрывать что-то в течение нескольких дней каждый месяц; что значит, когда эта скрытность сохраняется в течение длительного времени во время беременности, по крайней мере, в отношении детей и молодых людей. Нельзя отрицать и того, что обычай, требующий от женщин большего самоконтроля, должен оказывать формирующее влияние на их натуру. Наши взгляды не позволяют женщине без особых оговорок показать, кого она ненавидит или кто ей нравится; она не может четко обозначить, кого она любит, и не должна проявлять заботу. Все должно происходить косвенно, тайно и приблизительно, и если эта потребность наследуется веками, то она должна, как характеристика, придавать определенное выражение полу. Это выражение имеет большое значение для криминалиста; часто достаточно вспомнить эти обстоятельства, чтобы найти объяснение целому ряду явлений. Какие различия внесут современная точка зрения и современные тенденции, еще предстоит выяснить.

Теперь рассмотрим отдельные характеристики.

Раздел 66. (б) Менструация.

Мы, мужчины, в своей собственной жизни не имеем никаких, даже отдаленных, аналогий с этим по сути женским процессом. В психической жизни женщины он имеет большее значение, чем мы привыкли предполагать. В большинстве случаев, когда может возникнуть ощущение, что факт менструации влияет на преступление или изложение фактов, придется прибегнуть к помощи судебного врача, который должен отчитаться перед судьей. Последний абсолютно точно должен понимать факт и влияние менструации. Конечно, он должен обладать общими знаниями по этому вопросу, но он должен потребовать от судебного врача, чтобы тот точно сказал ему, когда началось это событие и были ли заметны какие-либо болезненные состояния. Затем дело судьи - интерпретировать заключение врача с психологической точки зрения, а судья, в соответствии со своей подготовкой, знает психологию не больше и не меньше, чем врач. В любом учебнике по физиологии вы найдете важные факты о менструации. Нам важно знать, что в нашем климате менструации начинаются с тринадцатого по пятнадцатый год, а заканчиваются между сорок пятым и пятидесятым годом. Обычно солнечный месяц длится от двадцати семи до двадцати восьми дней, а менструация продолжается от трех до пяти дней. После ее окончания сексуальный импульс, даже у самых фригидных женщин, в большинстве случаев усиливается. Кроме того, важно отметить тот факт, что большинство женщин во время менструации демонстрируют немалые изменения в своей психической жизни, часто проявляя душевные состояния, которые в других случаях им чужды.

Поскольку во многих случаях невозможно без других оснований спросить, началась ли менструация, следует знать, что у большинства женщин менструация, по мнению некоторых авторитетов, наступает в первую четверть луны, и лишь у немногих - в новолуние или полнолуние. Факты эти весьма сомнительны, но у нас нет других признаков, по которым можно было бы определить, что менструация уже наступила. Либо признаки, которые принято считать таковыми (например, особый внешний вид, значительный блеск глаз, неприятный запах изо рта или склонность к потоотделению), ненадежны, либо существуют такие признаки, как плохое самочувствие, напряжение в спине, усталость в костях и т. д., которые гораздо проще и лучше обнаружить путем прямого опроса или осмотра врачом.

Если есть подозрение, что менструация повлияла на показания или преступление, и если другие, особенно вышеупомянутые факты, не свидетельствуют против этого, мы должны

решить, не рассматриваем ли мы психическое событие, обусловленное влиянием менструации. Икард[255] написал лучшую монографию на эту тему.

Рассматривая вопрос в деталях, мы прежде всего обращаем внимание на важность начала менструации. Никогда девушка не бывает более нежной и спокойной, никогда не бывает более одухотворенной и привлекательной, не бывает более склонной к здравому смыслу, чем в начале полового созревания, обычно немного раньше, чем начались менструации или стали правильно организованными. В это время опасность того, что молодая девушка может совершить преступление, очень мала, возможно, меньше, чем в любое другое время. И поэтому тем более следует опасаться, что такое создание может стать жертвой страстей руэ или причинить себе величайший вред ошибочным поведением. Это тем более возможно, когда обстоятельства складываются так, что ребенку мало чем можно заняться, хотя он от природы одарен. Неиспользованные душевные качества, увлеченность, пробуждающаяся чувствительность и обаяние образуют опасную смесь, которая выражается в форме интереса к волнующим переживаниям, к романтическому или, по крайней мере, необычному. Сексуальные вещи, возможно, полностью или частично не поняты, но их возбуждение присутствует, и результатом являются безобидные сны о необычных переживаниях. Опасность заключается именно в них, поскольку из них могут возникнуть фантазии, недостаточно обоснованные принципы и склонность к обману. Тогда возникают все предпосылки, порождающие хорошо известные случаи несправедливых жалоб, ложных показаний о соблазнении, изнасиловании, попытках изнасилования и даже поджога, обвинительных писем и клеветы.[256] Каждый из нас достаточно хорошо знаком с подобными обвинениями, каждый из нас знает, как часто мы не можем в достаточной степени изумиться, как такая и такая в остальном тихая, честная и мирная девушка могла совершить столь непонятные поступки. Если бы было проведено расследование, чтобы выяснить, не произошел ли этот подвиг во время ее первого менсиса; если бы за девушкой наблюдали во время ее следующего менсиса, чтобы определить, не произошло ли какого-нибудь нового значительного изменения, полицейский врач, возможно, смог бы объяснить это событие. Мне известно множество случаев преступлений, совершенных полувзрослыми девочками, которых ни при каких обстоятельствах не обвинили бы в них; среди них поджоги, оскорбление чести и достоинства, написание многочисленных анонимных писем и клевета с жалобой на совершенно выдуманное соблазнение. В одном из этих случаев нам удалось доказать, что девушка совершила свое преступление во время первой менструации; в остальном она была спокойна и хорошо себя вела, а во время следующей менструации проявила некоторую степень значительного волнения и возбуждения. Как только менструация пришла в норму, не наблюдалось ни одного из прежних явлений, и ребенок больше не проявлял склонности к совершению преступлений.[257]

Подобные ей существа подвергаются аналогичной опасности, когда им приходится делать заявления о восприятиях, которые либо интересны сами по себе, либо произошли интересным образом. Здесь следует проявлять осторожность в двух направлениях. Первое: Выясните, были ли у данного ребенка месячные в тот момент, когда она видела обсуждаемое событие, или когда она рассказывала о нем. В первом случае она рассказала больше, чем могла воспринять; во втором случае у нее развивается заблуждение, что она видела больше, чем было на самом деле. Насколько ненадежны показания девушек и к каким ошибкам они приводят, хорошо известно, но слишком мало внимания уделяется тому факту, что эта ненадежность не является постоянной у отдельных людей, а в большинстве случаев переходит в полную благонадежность. Как правило, судья по уголовным делам почти никогда

не в состоянии определить несоответствия в показаниях менструирующей девушки, поскольку он видит ее, самое большее, всего несколько раз и не может в эти моменты заметить различия в ее любви к правде. К счастью, показания менструирующих девушек, если они не соответствуют действительности, очень характерны и предстают в виде чего-то по сути романтического, необычного и интересного. Если мы обнаруживаем эту тенденцию превращать простые повседневные события в необычные переживания, то, если показания девушки не согласуются с показаниями других свидетелей и т. д., мы предупреждены. Еще большую уверенность можно получить, опросив людей, хорошо знающих девушку, на предмет ее благонадежности и любви к истине до этого времени. Если их показания усиливают подозрение, что на это повлияла менструация, не лишним будет задать прямой вопрос, провести повторный осмотр и, если необходимо, вызвать медицинскую помощь, чтобы установить истину. На прямой вопрос в характерно большом количестве случаев дается ложный ответ. Если в таких случаях мы узнаем, что наблюдение было сделано или показания даны в менструальный период, то можно с полным основанием подозревать, что они сильно преувеличены, а то и вовсе выдуманы.

Менструальный период имеет тенденцию в любом возрасте, от самого маленького ребенка до взрослой женщины, изменять качество восприятия и правдивость описания. Фон Рейхенбах[258] пишет, что чувствительность усиливается во время менструального периода, и даже если этот знаменитый первооткрыватель наговорил немало безумных вещей на эту тему, его послужной список таков, что его следует считать умным человеком и прекрасным наблюдателем. Нет сомнений, что его чувствительные люди были просто очень нервными личностями, которые бурно реагировали на все внешние стимулы, и, поскольку его взгляды согласуются с другими, мы можем предположить, что его наблюдения показывают, по крайней мере, насколько эмоциональны, возбудимы и склонны к тонкому восприятию менструирующие женщины. Хорошо известно, насколько обостряется восприятие при определенных условиях нездоровья. Перед тем как простудить голову, обоняние регулярно обостряется; некоторые головные боли сопровождаются обострением слуха, так что нас беспокоят звуки, которые в противном случае мы вообще не должны слышать; каждое ушибленное место на теле очень чувствительно к прикосновениям. В общем, мы должны считать, что чувства женщины, особенно ее кожные ощущения, ощущения прикосновения, обостряются во время менструального периода, поскольку в это время ее тело находится в "состоянии тревоги". Этот факт важен во многих отношениях. Не исключено, что одна менструирующая женщина слышала, видела, чувствовала и обоняла то, что другие, да и она сама, не восприняли бы в другое время. Опять же, если мы проследим многие представления о менструирующих женщинах, то узнаем, что границу между более тонкой чувствительностью и сенситивностью провести не так-то просто. Здесь мы можем увидеть универсальный переход от чувствительности к острой возбудимости, который является источником многих ссор. Свидетель, раненый или обвиняемый - все они в значительной степени находятся под его влиянием. Общеизвестно, что несравненно большее число жалоб на посягательства на женскую честь остаются без ответа. Было бы интересно узнать, как именно происходят подобные жалобы менструирующих женщин. Конечно, никто не может определить это статистически, но то, что такие судебные разбирательства лучше всего проводить ни через четыре недели после преступления, ни через четыре недели после обвинения, - это факт. Ведь если большинство жалоб менструирующих женщин приходится на период менструации, то и четыре недели спустя они так же возбуждены и противостоят любым попыткам исправить ситуацию. Это проверенный фундаментальный принцип! Однажды мне удалось с его помощью помочь респектабельному, миролюбивому жителю небольшого городка, жена которого беспрерывно жаловалась на *inuriam causa*, и получить

ответ, что его жена - прекрасная душа, но "во время месячных в ней поселяется дьявол, она старается найти повод для ссор со всеми и тут же находит себе оскорбления".

На еще более подозрительное качество, чем пустая способность к гневу, указывает Ломброзо,^[259] который говорит, что женщина во время менструации склонна к гневу и фальсификации. В этом отношении Ломброзо может быть прав, поскольку ложь может сочетаться с другими качествами, о которых здесь говорилось. Мы часто замечаем, что самые благородные женщины лгут самым бесстыдным образом. Если мы не находим других мотивов и знаем, что женщина периодически впадает в ненормальное состояние, мы, по крайней мере, вправе предположить, что эти два фактора взаимосвязаны и что периодическое состояние является причиной редкой в иных случаях женской лжи. Здесь мы также должны быть осторожны, и если мы слышим от женщин значительные и не подтвержденные другими способами утверждения, мы должны иметь в виду, что они могут быть вызваны менструацией.

Но мы можем пойти еще дальше. Дю Соль^[260] утверждает на основании обширных исследований, что значительное число краж в парижских магазинах часто совершается самыми элегантными дамами во время менструации, и это не менее чем в 35 случаях из 36, а еще 10 случаев произошли в начале менструации.

Другие авторитеты^[261], изучавшие этот вопрос, показали, как демонстрация предметов, которые женщины очень хотят, приводит к воровству. Допустим, что во время менструации женщина находится в более возбужденном и менее активно сопротивляющемся состоянии, и, следовательно, она может легко поддаться соблазнительным свойствам красивых украшений и других безделушек. Однако эта возможность приводит нас к более отдаленным выводам. Женщины желают не только красивых вещей, но и менее способны сопротивляться своим желаниям во время менструации. Если они менее способны сопротивляться в таких вещах, то они также менее способны сопротивляться и в других вещах. При рассмотрении тех краж, которые раньше называли kleptomанией и которые, несмотря на отказ от использования этого термина, являются неоспоримыми, обычно, если они повторяются неоднократно, выясняют, не является ли причиной беременность. Следует также учитывать влияние менструации.

Менструация может довести женщину даже до самых ужасных преступлений. Различные авторы приводят множество примеров, когда здравомыслящие женщины доводили себя до самых немыслимых поступков - во многих случаях до убийства. Конечно, таких преступлений будет гораздо больше, если об этой ненормальной тенденции не знают друзья женщины, которые должны внимательно следить за ней в этот короткий и опасный период.

Известен факт, что нарушения менструации приводят к аномальным психозам. Этот вид психических заболеваний развивается так незаметно, что во многих случаях недомогания остаются незамеченными, и поэтому легче всего, поскольку они являются переходными, интерпретировать их обычно как "нервное возбуждение" или не обращать на них внимания, хотя они в нем нуждаются.^[262]

Раздел 67. (с) Беременность.

Мы можем очень коротко рассказать об условиях и последствиях беременности. Сомнения по поводу беременности будут возникать гораздо реже, чем по поводу менструации, так как сильное влияние беременности на психическую жизнь женщины хорошо известно, и поэтому тем важнее вызывать врача в случаях преступлений, совершенных беременными женщинами, или в случаях важных показаний, которые должны быть даны такими

женщинами. Но, в самом деле, часто очевидные, поразительные желания, значительное поведение и необыкновенные, часто жестокие импульсы, которые влияют на беременных женщин и для появления которых необходимо вызвать врача, - это не единственное. Самыми сложными и далеко идущими условиями беременности являются чисто психические, которые проявляются иногда в незначительных, иногда в более очевидных изменениях в мироощущении женщины и ее способности производить то или иное событие. Сами по себе они кажутся малозначительными, но они вызывают такие изменения в отношении человека к событию, которое он должен описать судье, что эти изменения могут привести к изменению суждения. Здесь я также повторяю, что теоретически можно сказать: "Свидетель должен говорить нам факты и только факты", но на самом деле это не так. Помимо того, что изложение любого восприятия содержит суждение, оно также и всегда зависит от точки зрения, а она меняется в зависимости от эмоционального состояния. Если мы никогда не испытывали эмоциональных изменений, которым подвержена беременная женщина, мы должны уметь логически интерпретировать их, чтобы правильно понять суть. Оставим в стороне измененное соматическое состояние матери, нарушение условий питания и кровообращения; нам нужно четко понимать, что значит принять на себя заботу о развивающемся существе, знать, что будущая жизнь растёт к счастью или к несчастью, и способна принести радость или горе, благо или горе своим родителям. Женщина знает, что ее состояние - это угроза ее собственной жизни, что оно приносит как минимум боль, страдания и трудности (как правило, переоцененные беременной). Невольно она чувствует, будь она образованной или необразованной, тайну, неуловимость растущей жизни, которую она вынашивает, жизни, которая должна появиться на свет и тем самым поставить под угрозу жизнь матери. Она чувствует близость смерти, и различные тенденции, связанные с этим чувством, определяются характером и условиями ощущений каждой конкретной будущей матери. Как отличаются ощущения бедной брошенной невесты, ожидающей ребенка, от ощущений молодой женщины, которая знает, что ей предстоит произвести на свет столь желанного наследника имени и состояния. Подумайте, чем отличается чувство больной пролетарки, богатой детьми, которая знает, что новый ребенок - это нежелательное излишество, рождение которого, возможно, лишит других беспомощных детей матери, от чувства комфортной, полностью здоровой женщины, которая не находит разницы между тремя и четырьмя детьми.

И если эти чувства различны, то не должны ли они быть настолько интенсивными и далеко идущими, чтобы повлиять на отношение женщины к какому-то событию, которое она наблюдала? На это можно возразить, что субъективное отношение свидетеля никогда не повлияет на судью, который может легко обнаружить объективную истину в одностороннем наблюдении события. Но давайте не будем обманывать себя, а примем вещи такими, какие они есть. Субъективное отношение может стать объективной ложью, несмотря на все старания свидетеля, а эксперт может вообще не отличить истину от поэзии. Кроме того, во многих случаях свидетельницу необходимо расспросить о том, какое впечатление произвело на нее событие. Особенно если событие невозможно описать словами.

Мы должны спросить, было ли у свидетеля впечатление, что нападение было опасным, угроза - серьезной, шантаж - возможным, потасовка - намеренной, жест - оскорбительным, нападение - преднамеренным. В этих и тысячах других случаев мы должны знать точку зрения и вынуждены исходить из нее. И наконец, кто из нас считает себя полностью защищенным от эмоциональной индукции? Свидетель описывает нам событие в определенных тонах, которые доносятся до нас эхом. Если есть другие свидетели, неполное

представление может быть исправлено, но если есть только один свидетель, или один, которому мы по какой-то причине верим больше, чем другим, или если есть несколько, но одинаково доверяемых свидетелей, состояние, точка зрения и "факт" остаются в нас неадекватными. Тот, кто имеет перед собой беременную женщину с ее впечатлениями, измененными тысячей способов, может, таким образом, быть "на волоске"! [263]

Старая литература, в которой разрабатывается подробная казуистика, касающаяся случаев, когда беременные женщины проявляли особые желания или аномальные изменения в их восприятии и выражении, во многих направлениях имеет большое значение. Однако мы должны помнить, что старые наблюдения редко бывают точными и всегда делались с меньшими знаниями, чем те, которыми мы обладаем сегодня.

Раздел 68. (d) Эротика.

Вопрос, который является столь же частым, сколь и праздным, касается степени сексуального импульса в женщине. Адвокату, конечно, важно знать что-то об этом, так как многие сексуальные преступления могут быть более правильно оценены, если известно, насколько женщина поощряла мужчину, и в подобных случаях знание может помочь нам предположить, как свидетели-женщины могли бы отнестись к этому вопросу. Прежде всего, потребности отдельных женщин столь же различны, как и потребности отдельных мужчин, и столь же разнообразны, как потребности в еде, питье, тепле, отдыхе и сотне других животных потребностей. Мы не сможем найти ни одного стандарта, по которому можно было бы определить даже среднее значение. Бесполезно говорить, что сексуальная чувствительность у женщины меньше, чем у мужчины, потому что специалисты противоречат друг другу в этом вопросе. Нам не поможет ни утверждение Сержи [264], что чувствительность у женщины меньше, чем раздражительность, ни заявление Мантегацца, что женщины редко испытывают настолько сильное сексуальное желание, что оно причиняет им боль. Здесь мы также можем узнать только с помощью интерпретации хороших конкретных наблюдений. Когда, например, итальянские позитивисты неоднократно утверждают, что женщина менее эротична и более сексуальна, они имеют в виду, что мужчина больше заботится об удовлетворении сексуального импульса, женщина - о материнском инстинкте. Эта информация может помочь нам объяснить некоторые случаи; по крайней мере, мы поймем многие ошибки девушек без необходимости сразу же предполагать изнасилование, соблазнение обещанием жениться и т. д. Как только мы трезво вспомним, какие плоды приносит девушке бесчестье, - позор и стыд, трудности беременности, отчуждение от родственников, возможно, даже изгнание из отцовского дома, возможно, потеря хорошего положения, затем боли и горести родов, уход за ребенком, уменьшение заработка, трудности и хлопоты с ребенком, трудности в передвижении, меньшая перспектива заботы о нем в браке - все это имеет такой огромный вес, что невозможно придать сексуальному импульсу такую элементарную силу, которая позволила бы ему завуалировать перспективы такого исхода своего удовлетворения.

Известный венский гинеколог Браун сказал: "Если бы в природе было так устроено, что в каждом браке мужчина должен рожать второго ребенка, то в каждой семье было бы не более трех детей". Он хотел сказать, что даже если женщина согласится родить третьего ребенка, мужчина будет настолько напуган муками первых родов, что никогда больше не позволит себе родить еще одного. Поскольку мы вряд ли можем сказать, что у нас есть основания утверждать, что сексуальные потребности женщины существенно выше или что женщина способна переносить больше боли, чем мужчина, мы вынуждены считать, что в женщине должен присутствовать импульс, отсутствующий в мужчине. Этот импульс должен быть настолько мощным, что он, скажем кратко, подчиняет себе весь страх перед незаконным или

иным нежелательным рождением ребенка, и именно этот импульс мы подразумеваем под сексуальностью, под материнским инстинктом.

Кажется, что природа, по крайней мере в отдельных случаях, желает подтвердить эту точку зрения. По словам Икарда, есть женщины, которые рожают детей просто ради удовольствия сосать их, причем сосание - это приятное ощущение. Если природа создала сексуальный импульс исключительно ради сохранения вида, то она дала более полное выражение сексуальности и материнскому инстинкту, когда наделила его особым импульсом, по крайней мере, в нескольких определенных случаях. Этот импульс объяснит криминалисту большое количество явлений, особенно приспособление женщины к желаниям мужчины; и только из этого он может вывести ряд труднообъяснимых психических явлений.

Есть, конечно, ряд фактов, которые отрицают существование этого импульса - но они только кажутся таковыми. Детоубийства, очень частая жестокость матерей по отношению к своим детям, противодействие очень молодых женщин рождению и воспитанию детей (ср. образованность французских и американских женщин) и тому подобные явления, казалось бы, говорят против материнского инстинкта. Однако не следует забывать, что все импульсы заканчиваются там, где противостоящий им импульс становится сильнее, и что при данных обстоятельствах даже самый мощный импульс, импульс самосохранения, может быть противопоставлен. Все действия отчаяния, рвание бороды, избиение руками и ногами, гнев на собственное здоровье и, наконец, самоубийство могут привести к этому. Если мать убивает своего ребенка, это действие относится к той же серии, что и самоповреждение через отчаяние. Более упорядоченные и многочисленные действия и чувства в этом направлении, например, нежелание женщин рожать детей, можно объяснить еще и тем, что они являются следствием определенных условий цивилизации. Если вспомнить, какие неестественные, бессмысленные и полусумасшедшие привычки в отношении питания, одежды, социального обустройства и т. д. навязали нам цивилизация и мода, то не нужно приводить настоящие извращения, чтобы понять, как стремление к комфорту, как лень и погоня за богатством приводят к подавлению материнского инстинкта. Это также можно назвать дегенерацией. Есть и другие, менее важные обстоятельства, которые, казалось бы, говорят против материнского инстинкта. Они заключаются прежде всего в том, что сексуальный импульс сохраняется до того времени, когда мать уже недостаточно молода, чтобы выносить ребенка. Мы знаем, что первый седой волос ни в коем случае не указывает на последнего любовника, и, согласно Таиту, период мощного сексуального импульса наступает сразу после климакса. Какую пользу может принести такой импульс при рождении ребенка?

Но из того, что природные инстинкты сохраняются и после периода их целевой эффективности, не следует, что они не связаны с этой эффективностью; мы едим и пьем и тогда, когда пища становится излишней. Как бы чудесно природа ни приспособила инстинкты и функции к определенным целям, она все же не провела фиксированных границ и фактически уничтожила свой инструмент там, где необходимость в нем отпала. Только потому, что природа везде скуповата, она часто кажется экстравагантной; однако эта экстравагантность - самое дешевое средство для достижения необходимой цели. Таким образом, когда женская страсть больше не требуется для выполнения функции материнства, на ее импульс все еще можно рассчитывать для психологического объяснения не одного преступного события.

Важно учитывать материнский инстинкт как фактор в криминальных ситуациях. Если мы это сделали, то находим объяснения не только сексуальной непристойности, но и более тонким вопросам более или менее чистых отношений между мужем и женой. То, как женщина

относится к мужу и детям, что она требует от них, чем жертвует ради них, что позволяет ей переносить, казалось бы, невыносимые ситуации, что, опять же, прямо и внезапно подрывает, несмотря на кажущуюся малость, ее жизненное мужество, - все эти условия, которые появляются в бесчисленных процессах как отличительные и объясняющие элементы, следует понимать под одним термином "материнский инстинкт". Долгое время в качестве оправдания приводились необъяснимость любви и сексуального импульса, но этим могущественным в иных отношениях факторам приходилось приписывать столь примечательные и противоречивые аспекты, что лишь одна путаница добавлялась к другой и называлась объяснением. Теперь предположим, что мы попытаемся объяснить их с помощью материнского инстинкта.

Раздел 69. (е) Скрытые сексуальные факторы.

Криминальный психолог сталкивается с трудностями там, где действуют скрытые импульсы, не имеющие, казалось бы, никакого отношения к своим результатам. В таких случаях отправная точка для объяснения ищется в неверном направлении. Я говорю "отправная точка", потому что "мотив" должен быть осознанным, а "основание" может быть неправильно понято. Нам известно бесчисленное множество уголовных дел, в которых мы оказываемся бессильными, потому что действительно знаем преступника, но не можем объяснить причинно-следственную связь между ним и преступлением, или потому, что, опять же, не знаем преступника и судим по фактам, что могли бы получить ключ к разгадке, если бы поняли психологическое развитие преступления. Если мы ищем "основания", мы можем придумать их так много, что никогда не приблизимся к правильному; если мы ищем мотивы, мы можем быть введены в заблуждение, потому что мы способны только связать преступника с его успехом, который он должен был иметь в виду с самого начала. Нам всегда легко, когда мотив и преступление находятся в открытой связи: жадность - кража; месть - поджог; ревность - убийство и т. д. В этих случаях все дело экспертизы - это пример из арифметики, возможно, трудный, но фундаментальный. Когда же, начиная с деяния и заканчивая его последними прослеживаемыми основаниями, вплоть до отношения преступника, обнаруживается взаимосвязанный ряд, а объяснения все еще нет, тогда дело интерпретации подошло к концу; мы начинаем чувствовать себя в темноте. Если мы ничего не находим, ситуация сравнительно неплохая, но она очень плоха в тех многочисленных случаях, когда мы считаем, что увидели и нашли правильное решение.

Таким скрытым источником или отправной точкой очень многих преступлений является секс. То, что он часто действует незаметно, объясняется чувством стыда. Поэтому он чаще встречается у женщин. Скрытая сексуальная точка отсчета играет свою роль как в незначительной лжи малозначительной женщины-свидетеля, так и в отравлении мужа ради еще не завоеванной подруги. Она повсюду плавает под фальшивым флагом; никто не позволяет страсти проявиться самой по себе; она должна получить другое имя, даже в сознании женщины, над которой она властвует.

Первая из форм, которую принимает сексуальный импульс, - ложная набожность, религиозность. Это нечто древнее. Фридрайх указывает на связь между религиозной деятельностью и сексуальной организацией и приводит множество историй о святых, например, о монахине Бланбекине, о которой говорили: "eam scire desiderasse cum lacrimis, et moerore maximo, ubinam esset praeputium Christi". Святая Вероника Юлиани, в память об агнце Божьем, брала с собой в постель ягненка и кормила его у своей груди. Подобным образом рассказывают о святой Екатерине Генуэзской, святой Армеле, святой Елизавете, младенце Иисусе и т. д. Рейнхард правильно говорит, что сладкие воспоминания часто являются не более и не менее чем вспышками скрытой страсти и приступами чувственной

любви. Зейме ошибается, утверждая, что мистицизм кроется главным образом в слабости нервов и коликах - он лежит гораздо глубже.

Использовать этот факт очень просто. Мы должны выяснить, является ли женщина нравственно чистой или чувственной и т. д. Это важно не только при нарушении морали, но и при любом нарушении закона. Ответы, которые мы получаем на вопросы по этому поводу, почти без исключения бесполезны или неправдивы, потому что предмет вопроса не открыт для обозрения, трудно наблюдаем и скрыт даже от самых близких. Поэтому для достижения нашей цели лучше всего направить вопрос на религиозную активность, религиозность и подобные черты. Их не только легко заметить, но они открыто проявляются в силу своей природы. Тот, кто принимает на себя благочестие, делает это ради других людей, поэтому не скрывает его. Если религиозная экстравагантность может быть надежно подтверждена свидетелями, то редко будет ошибкой предположить склонность к более или менее приглушенным сексуальным удовольствиям.

Примеры таких отношений известны каждому из нас, но я хочу привести два из моего собственного опыта в качестве примера. В одном из них вопрос был связан с тем, что несколько пожилая незамужняя женщина присвоила несколько довольно крупных трастовых сумм и подарила их своему слуге. Поначалу все подозрения о влиянии пола были отброшены. Только обнаружение того факта, что в своем показном благочестии она установила в доме алтарь и заставляла слугу молиться у него в ее обществе, заставило обратить внимание на глубокий интерес этой очень нравственной девицы к своему слуге.

Во втором случае речь шла об отравлении старой, страдающей импотенцией мужа его молодой женой. Последняя ни у кого не вызывала подозрений, но при допросе навлекла на себя подозрения своим бестактным, благочестивым видом. Она позволяла себе пространные высказывания на религиозные темы и проявляла такую большую любовь к святым и религиозным тайнам, что невозможно было усомниться в том, что под этим религиозным пеплом скрывается пылающая чувственность. Прелюбодеяние доказать было невозможно, она должна была по тем или иным причинам избегать его, а то, что ее муж-импотент был неудовлетворителен, теперь было неоспоримо. Предположение о том, что она хотела избавиться от него, чтобы выйти замуж за кого-то другого, теперь было неизбежным; а поскольку этого кого-то искали и нашли, предъявить доказательства ее вины было уже несложно.

Насколько прихотливо доказывать прямую страсть и обоснованное подозрение в ней, и насколько необходимо, прежде всего, установить, что скрывает материал, показывает замечание Крауса,^[265] который утверждает, что жена никогда не стремится быть страстной со своим мужем; ее желание - соблазнить его, и она не могла бы этого желать, если бы не была страстной. Это утверждение верно лишь в целом. Однако неправда, что у женщины нет причин для аффекта, ибо достаточно случаев, когда какая-нибудь женщина, рожденная от бедного мужчины, желает соблазнить богатого мужчину, чтобы получить богатого отца для своего ребенка. В таких и подобных случаях женщина может использовать все приемы обольщения, не испытывая при этом ни малейшей страсти.

Другой важной формой погруженной в себя сексуальности является эннуи. Никто не может сказать, что такое эннуи, и все знают это с точностью до наоборот. Никто не скажет, что она тягостна, и тем не менее все знают, опять же, что большая группа дурных поступков проистекает именно из эннуи. Это не то же самое, что безделье; я могу быть бездельником, не испытывая скуки, и мне может быть скучно, хотя я занят. В лучшем случае скуку можно назвать положением, в которое впадает ум из-за неудовлетворенного желания различных

вещей. Мы говорим о нудной области, нудной лекции и нудной компании только в качестве метонимии - мы всегда имеем в виду эмоциональное состояние, в которое они нас вводят. Внутреннее состояние является определяющим, ведь то, что надоедает одному, может быть очень интересным для другого. Коллекция, библиотека, лекция - все это утомительно и скучно, если перенести эмоциональное состояние на объективное содержание, и таким образом идея скуки получает широкое распространение. Мы, однако, будем говорить о скуке как об эмоциональном состоянии. Чаще всего мы встречаем ее у девушек, молодых женщин, а также у неразвитых или женственных мужчин как очень значительное явление. То есть это то особое мечтательное, счастливое или несчастное отношение, которое выражается в желании чего-то отсутствующего, в тихих упреках по поводу отсутствия удовлетворения этого желания, в постоянно повторяющемся желании заполнить внутреннюю пустоту. В основе всего этого лежит секс. Это нельзя доказать математически, но опыт показывает, что эмоциональное отношение возникает только в присутствии сексуальной энергии, что ее не хватает, когда желания удовлетворены, но что в противном случае даже самая богатая и лучшая замена не может дать удовлетворения. Поэтому не смело делать вывод об эротической отправной точке. И снова мы видим, как морализирующее и обучающее влияние жестко обязательной работы подавляет все лишние состояния, которые сами по себе предъявляют явные требования и могут желать полного удовлетворения.

Но все имеет свои пределы, и часто нежная, спокойная сила сладостной эннуии оказывается сильнее, чем давление и принуждение работы. Когда эта сила присутствует, она никогда не приводит к добру, редко к чему-то равнодушному, и часто запретный плод созревает медленно своей тени. Никто не станет утверждать, что эннуии - причина незаконных отношений, соблазнения, прелюбодеяния и всех многочисленных грехов, которые от этого зависят - от мелких растрат ради любимой до убийства нелюбимого мужа. Но для криминального психолога эннуии - это признак того, что женщина была неудовлетворена тем, что имела, и хотела чего-то другого. От желания до желания, от желания до просьбы - не такое уж большое расстояние. Но если спросить раскаявшуюся грешницу, когда она начала задумываться о своем преступном деянии, мы всегда узнаем, что она страдала от неизлечимого уныния, в котором приходили злые мысли и вынашивались еще более злые планы. Любой опытный криминальный психолог, если вы спросите его, скажет вам, часто ли он ошибался, пытаясь объяснить преступления женщин с точки зрения их эннуитета. Окружающие знают о периодах этого уныния, а грешница считает, что они почти раскрыты, если ее о них спросить. Ищите женщину, ищите любовь, ищите эннуии, и сотни раз вы найдете решение.

Заблуждение тоже может быть вызвано скрытой сексуальностью. Нам нужно лишь использовать это слово в значении денотата, поскольку, когда мы говорим о тщеславии ученого, чиновника или солдата, мы имеем в виду стремление к славе, деятельность, направленную на то, чтобы добиться похвалы и признания. Собственно тщеславие - это только женское или свойство женственных мужчин, и как, по Дарвину, окраска птиц, насекомых и даже растений служит только целям полового отбора и имеет, следовательно, половые основания, так и тщеславие женщины имеет только половую цель. Она тщеславна только для мужчин, хотя и через посредство других женщин. Как писал Лотце в своем "Микрокосмусе", "все, что привлекает внимание к ее персоне, не причиняя ей никакого вреда, инстинктивно используется женщиной как средство в сексуальном конфликте". В терминах "средство" и "сексуальный конфликт" есть много правды. Мужчина вступает в борьбу напрямую, и если мы рассмотрим эту тему без излишеств, то не сможем отрицать, что животные ведут себя так же, как и мужчины. Самцы напрямую сражаются друг с другом ради самок, которые вынуждены изучать, как вызвать эту борьбу за свою персону, и таким

образом наталкиваются на использование тщеславия в сексуальном конфликте. То, что женщины тщеславны, для нас, криминальных психологов, не имеет особого значения: мы это знаем и не нуждаемся в пояснениях. Но важны формы, в которых выражается их тщеславие, важны его последствия и связь с другими условиями.

Использовать женское тщеславие в зале суда - это не искусство, а недопустимый прием, который может завести слишком далеко. Тот, кто хочет добиться успеха у женщин, как говорит мадам де Рьё, "должен пустить в ход их самолюбие". А святой Проспер: "Женщин нужно искать не через чувства - их слабость в сердце и тщеславии". Эти свойства, однако, настолько сильны, что могут легко привести к обману. Если судья не понимает, как следовать этому предписанию, оно не приносит пользы, но если он его понимает, у него появляется оружие, с помощью которого женщину можно завести слишком далеко, и тогда уязвленная гордость, гнев и даже внушение действуют слишком энергично. Например, женщина хочет защитить своего любовника перед судьей. Если последнему удастся путем демонстрации естественных истинных фактов уязвить ее самолюбие, убедить ее в том, что ее предал, обидел или забыл защищаемый ею любовник, или если ее просто заставляют поверить в это, она в большинстве случаев идет дальше, чем может оправдать, обвиняет и вредит ему как можно больше; пытается, если может, уничтожить его - справедливо или нет, ей все равно. Она потеряла своего возлюбленного, и больше он никому не достанется. "Женское самомнение", - говорит Ломброзо, - "объясняется, в частности, тем, что самое важное в жизни женщины - это борьба за мужчин". Это утверждение подкрепляется длинным рядом примеров и исторических соображений и может служить путеводной нитью во многих лабиринтных делах. Прежде всего, во многих судебных процессах важно знать, взялась ли женщина уже за эту борьбу за мужчин, т.е. есть ли у нее любовник, или она хочет завести любовника. Если удастся доказать, что она вдруг стала тщеславной или ее тщеславие действительно усилилось, то на этот вопрос можно ответить безоговорочно утвердительно. Достаточно часто удается даже определить конкретного мужчину, точно установив время, когда впервые возникло это самомнение, а также то, имел ли он более близкое или более отдаленное отношение к какому-то мужчине. Если эти условия, однажды обнаруженные, подтверждаются и в других случаях, и не будет ошибок в наблюдении, вывод будет неизбежно определенным.

Мы узнаем много нового о женском самомнении, когда задаемся вопросом, как мужчина мог изменить склонности женщины, равной которой он ни в коем случае не был. В таких случаях нет необходимости суетиться вокруг неразрешимой загадки женского сердца и вечно темных тайн женской души. *Vulpes vult fraudem, lupus agnum, femina laudem* - это освещает любую глубину. Мужчина, о котором идет речь, знал, как использовать *laudem* - он знал, как возбудить женское тщеславие, и таким образом побеждал других, которые стоили гораздо больше, чем он.

Дело доходит до того, что, зная степень женского тщеславия, мы узнаем и живость женской сексуальности, а последняя имеет криминологическое значение. Хайнрот^[266] говорит: "Женская личность, пока она предъявляет требования или считает, что у нее они есть, в высшей степени самоуверенна. Самоуверенность - это сексуальная характеристика". И мы можем добавить: "и стандарт сексуальности". Как только в волосы ребенка вплетена первая ленточка, сексуальность уже возбуждена. Она возрастает с любовью к мишуре и блеску и угасает, когда стареющая женщина начинает пренебрегать собой и ходить немойтой. Женщина лжет, когда утверждает, что в ее сердце все мертво, а сама сидит перед вами аккуратно и прилично одетая; лжет, когда говорит, что по-прежнему любит своего мужа, и

при этом проявляет немалую небрежность к своему телу и одежде; лжет, когда уверяет, что всегда была такой же, а ее тщеславие то приходит, то уходит. Эти утверждения представляют собой безупречные правила. Их использование не влечет за собой никаких ошибок.

Теперь у нас есть возможность понять, чего стоят женские знания и в какой степени они достоверны. Здесь не место обсуждать возможности женского мозга и вступать в опасную область, в которую Шопенгауэр и его ученики, а также современные антропологи вошли только для того, чтобы поспорить. Дело судьи - конкретный случай, в котором он должен проверить высказывания женщины, если они зависят от реальных или кажущихся знаний, либо так же, как он должен проверить показания любого другого свидетеля, либо с помощью экспертов. Поэтому мы укажем лишь на симптоматическое значение женского знания в отношении женского тщеславия. По мнению Лотце, женщины ходят в театр и в церковь только для того, чтобы показать свои наряды и показаться артистичными и благочестивыми; а М. д'Арконвиль утверждает, что женщины учатся только для того, чтобы о них можно было сказать: "Они ученые", но знания их совершенно не волнуют.

Это важно, потому что в отношении знаний в самом глубоком смысле этого слова мы часто бываем несправедливы к женщинам. Мы привыкли считать, что накопление знаний в той или иной форме должно иметь какую-то определенную, а значит, причинно-следственную связь с целью. Мы спрашиваем, почему ученому интересен его предмет, почему он стремится к этим знаниям? И в большинстве случаев мы находим нужную причину, когда находим логическую связь и ищем ее логически. Это могло бы объяснить сложные случаи, но не в том случае, когда речь идет о познании женщин. Женщины интересуются искусством, литературой и наукой, в основном из тщеславия, но их волнуют и сотни других мелочей, чтобы, разбираясь в них, показать себя учеными. Тщеславие и любопытство тесно связаны. Поэтому женщины часто получают информацию, которая может привести к тому, что их занесут в список подозреваемых, если она не будет безвредно объяснена тщеславием. Тщеславие, однако, само по себе должно объясняться борьбой за мужчин, потому что женщина инстинктивно знает, что в этой борьбе она может использовать знания. И эта борьба за другой пол часто выдает собственное преступление женщины или преступление других. Кто-то сказал, что первой мыслью Евы после того, как она съела яблоко, было: "А как там мой фиговый листок?". Вкусная мысль, что Ева, которой нужно было лишь доставить удовольствие своему Адаму, подумала только об этом после всех горестей первого греха! Но это правда, и мы можем представить себе душевное состояние Евы следующим образом: "Должна ли я теперь угодить ему больше или меньше?" Характерно, что вопрос о платье считается *первым* вопросом. Это показывает силу тщеславия, быстроту, с которой оно выдвигается на передний план. Действительно, из всех преступлений против собственности половина осталась бы нераскрытой, если бы преступники были достаточно самоконтролируемы, чтобы некоторое время держать свои несправедливо нажитые средства в тайне. То, что они этого не сделали, дает каждому судье надежду на обнаружение преступника, и эта надежда возрастает с увеличением масштабов кражи. Можно предположить, что преступник выставляет напоказ плоды своего преступления, но его трудно обнаружить, когда их немного. Это общее правило гораздо эффективнее действует среди женщин, чем среди мужчин, поэтому криминалист, подозревающий какого-то человека, скорее думает об аресте жены или любовницы этого человека, чем о себе. Когда подмастерье крадет что-то у своего мастера, его девочка получает новую шаль, и та не хранится в сундуке, а сразу украшает плечи девушки. Действительно, женщины самой глубокой культуры не могут ждать ни минуты, чтобы украсить себя новыми нарядами, и мы слышали, что цыганки, пойманные на каком-нибудь новом преступлении, выдают себя главным образом тем, что женщины, наблюдавшие за ограблением дома, примеряли на себя

одежду, пока мужчины еще были внутри и убрали помещение. Самое главное для женщин было встретить мужчин уже заново украшенными, когда те наконец вернутся.

С сексуальной точки зрения старая служанка юридически важна, потому что она сама по себе довольно сильно отличается от других женщин, а значит, должна быть по-другому понята. Свойства, которыми наделяются эти весьма жалкие создания, хорошо известны. Многие из почти исключительно неприятных особенностей, которые им приписывают, можно сказать, что они действительно ими обладают. Старая дева не справилась со своей природной функцией и поэтому проявляет все, что подразумевается под этим происшествием: горечь, зависть, неприязнь, жесткое суждение о качествах и поступках других людей, трудность в формировании новых отношений, преувеличенный страх и ханжество, последнее в основном как симуляция невинности. Известно, что каждый опытный судья может подтвердить, что старые девы (здесь всегда имеются в виду бездетные, незамужние женщины солидного возраста, а не девы в анатомическом смысле) в качестве свидетелей всегда приносят что-то новое. Если вы слышали десять взаимно подтверждающих друг друга заявлений, а одиннадцатое делает старая дева, оно будет другим. Последняя, в соответствии со своей природой, наблюдает иначе, вносит коллекцию сомнений и предположений, вводит неприятные смыслы в безобидные вещи и, если возможно, связывает с делом свое собственное "я". Это столь же важно, сколь и объяснимо. Бедное создание не получило от жизни много хорошего, у него никогда не было защитника-мужчины, оно достаточно часто оказывалось беззащитным перед презрением и дразнилками, удобства общественной жизни и дружбы редко были ее уделом. Поэтому она почти неизбежно должна видеть зло повсюду. Если она наблюдала из своего окна какую-то ссору, она будет свидетельствовать, что ее спровоцировали, чтобы потревожить; если кучер сбил ребенка, она предполагает, что он ехал на нее, чтобы напугать; вор, проникший в дом соседки, действительно хотел проникнуть к ней, потому что она без защиты и поэтому открыта для всех нападений, так что вполне можно предположить, что он хотел причинить ей вред. Как правило, находятся другие свидетели, или старая служанка настолько энергична в своих показаниях, что ее "восприятия" не причинят большого вреда, но всегда стоит быть осторожным.

Конечно, бывают исключения, и хорошо известно, что исключения происходят в силу крайнего контраста. Если старая дева не обладает неприятными чертами своей породы, она необычайно добра и любвеобильна, причем настолько, что ее слишком мягкие и довольно слепые представления о событиях делают ее опасным свидетелем. Верно и то, что старые девы часто оказываются более образованными и цивилизованными, чем другие женщины, как показывает де Квинси. Они таковы, потому что без забот о муже и детях у них время для всевозможных свершений, особенно если они к ним склонны. Примечательно, что основательницами женских благотворительных обществ, как правило, становятся старые девы или бездетные вдовы, не испытавшие радостей и задач материнства. Поэтому, оценивая доброту женщины, мы должны быть осторожны, чтобы не быть ослепленными ее филантропической деятельностью. Это может быть добротой, но, как правило, ее источником является отсутствие занятий и стремление к материнству в той или иной форме. Оценивая старых дев, мы еще легче обманываем себя, потому что, как остроумно заметил Дарвин, в них всегда есть какие-то мужские качества как во внешнем облике, так и в их активности и чувствах. Такой тип женщин нам вообще чужд. Мы ошибаемся, когда судим о ней по общепринятым стандартам, и упускаем момент, когда в случае с такими старыми девами предполагаем только женские качества и упускаем из виду весьма мужественные дополнения. К этим качествам можно добавить присущую старым девам продуктивность. Беннеке в своей "Прагматической психологии" сравнивает деятельность очень занятой

домохозяйки с деятельностью незамужней девственницы и считает, что ценность первой выше, в то время как вторая достигает большего за счет "эротических фантазий, интриг, наследств, выигрышей в лотерею и ипохондрических жалоб". Это очень поучительно с криминологической точки зрения. Ведь криминалист не может быть слишком осторожным, когда ему предстоит обследовать старую деву. Поэтому, если в деле присутствуют характерные интриги, причудливые наследства и выигрыши в лотерею, не лишним будет поискать за всем этим старую служанку. Она может существенно помочь в объяснении.

И профессиональные, и народные суждения сходятся на том, что большинство женщин испытывают сильный страх стать старой девой. Нам рассказывают, как этот страх проявляется в зарубежных странах. В Испании, например, говорят, что испанка, пережившая свой первый расцвет, берет на руки первого попавшегося претендента, чтобы не стать старой девой, а в России каждая зрелая девушка, которая в состоянии это сделать, уезжает на пару лет за границу, чтобы вернуться "вдовой". Все знают об этом событии, никто не спрашивает о подробностях. Подобный процесс происходит повсеместно, и многие неудачные браки и связанные с ними преступления можно объяснить именно им. Девушки, которые в семнадцать-восемнадцать лет были очень конкретными и имели на это право, в двадцать становятся скромными, а в двадцать шесть выходят замуж любой ценой, лишь бы не остаться старыми девами. То, что это не брак по любви и часто противоречит разуму, ясно, а когда не властны ни сердце, ни голова, дьявол смеется, и именно из таких браков проистекают прелюбодеяния, бегство жены, жестокость, грабежи супруга и прочие худшие вещи. Поэтому не лишним будет изучить историю данного брака. Был ли это брак во имя Бога, то есть брак со старой девой? Тогда при изучении этого дела следует проявить двойную осторожность.

Знать народное представление о том, когда девушка становится старой девой, полезно, ведь старость - это вопрос точки зрения, она зависит от мнения других людей. Belles-lettres уделяет этому вопросу большое внимание, ведь он сам по себе может определить отношение народа к незамужнему состоянию. Так, Брандес обнаруживает, что героини классических романов Расина, Шекспира, Мольера, Вольтера, Ариосто, Байрона, Лесажа, Скотта почти всегда шестнадцатилетние. В наше время женщины в романах переживают свои великие любовные приключения в тридцать лет. Как произошло это продвижение в годах, мы не будем выяснять, но то, что оно произошло, мы должны иметь в виду.

Прежде чем завершить главу о сексуальных состояниях, мы должны сказать несколько слов об истерии, которая так часто обманывает судей. Истерия была названа древними, как известно, от ἡ ὑστέρᾳ, утробы, - и правильно, так как большинство причин зла скрыто именно там. Истерики имеют различное юридическое значение. Их навязчивые идеи часто становятся причиной неразумных объяснений; они хотят привлечь к себе внимание, всегда озабочены собой, всегда с диким энтузиазмом относятся к кому-то другому; часто преследуют других с необоснованной ненавистью и являются источником самых грубых доносов, особенно в отношении сексуальных преступлений. Кстати, большинство из них умны и обладают нездоровой остротой чувств. Слух и обоняние, в частности, , иногда поразительно бдительны, хотя и не всегда надежны, поскольку истерички часто обнаруживают больше, чем есть. С другой стороны, они часто бывают полезны благодаря своим тонким чувствам, и никогда не нужно доказывать правильность их восприятия на словах. Бианки справедливо обращает внимание на то, что истерики любят писать анонимные письма. Пишут их, как правило, женщины, и в основном истерички; если их пишет мужчина, то он, несомненно, женственен по своей природе.

Большинство трудностей с истериками возникает, когда они терпят какой-то ущерб,^[267] ведь они не только добавляют ряд нечестных явлений, но и на самом деле чувствуют их. В качестве примера можно привести рассказ Домрича о том, что истерики регулярно испытывают судороги от смеха, когда у них холодеют ноги. Если это правда, то легко представить, что еще может происходить.

Все это, безусловно, относится к компетенции судебного врача, который один должен быть надлежащим авторитетом, когда истерик предстает перед судом. Нам, юристам, достаточно знать, какие серьезные опасности грозят истерикам, а также то, что врача следует вызывать всякий раз, когда один из них находится перед нами. К сожалению, не существует специфических симптомов истерии, которыми мог бы воспользоваться неспециалист. Приходится довольствоваться тем малым, что только что было упомянуто. Истерия, как я уже почти сказал, к счастью, сегодня настолько распространена, что все примерно знают, как она влияет на своих жертв.

(4) Особые женские качества.

Раздел 70. (а) Интеллект.

Женский интеллект заслуживает отдельного раздела. Интеллект - это функция, которая у обоих полов имеет определенную основу и цель и протекает по одним и тем же правилам, но от значения интеллекта придется отказаться, если мы будем считать его настолько жестким и трудноуловимым, что вековые различия между мужчиной и женщиной не могли оказать на него никакого влияния. Принципиально разные тела, совершенно разные занятия обоих полов, их разные судьбы должны были оказать глубокое мутативное влияние на их интеллект. Более того, мы всегда должны исходить из разницы в отношении двух полов, когда чисто положительное принадлежит только одному, и мы должны посмотреть, не усиливается ли оно отрицательным другим. Когда одно тело давит на другое, возникающее впечатление обусловлено не только твердостью первого, но и мягкостью второго, и когда мы слышим о необыкновенном остроумии женщины, мы должны винить в этом значительный идиотизм мужчин, с которыми она общается. Вопрос о том, насколько женщинам можно доверять в плане интеллекта, имеет большое значение для криминалиста, поскольку правильное суждение зависит от отношения и здравого смысла свидетелей и должно определять ценность представленного нам материала.

В дальнейшем мы не хотим делать подробных подразделений. Мы просто рассмотрим в общих чертах те функции, которые мы привыкли находить в нашей собственной работе.

Раздел 71. 1. Зачатие.

О женском чувственном восприятии мы уже говорили. Существенной разницы между двумя полами нет, хотя в концептуальной способности мы находим различия очень отчетливые.

В целом можно сказать, как показывает повседневная жизнь, что женщины задумываются иначе, чем мужчины. То, о чем дюжина мужчин может договориться в концептуальном плане, будет по-другому восприниматься одной женщиной. И что важно в этом факте, так это то, что в целом женщина права, что у нее лучшее зачатие, - и все же при тех же обстоятельствах мы продолжаем зачатие тем же способом, даже в десятый раз. Этот факт свидетельствует о том, что разная форма организации, то есть существенное различие в природе, определяет характер зачатия у двух полов. Если мы сравниваем ценности, то результат будет различаться в зависимости от пола, даже в отношении самого сравниваемого материала или способа его обнаружения. В постижении ситуаций, восприятии отношений, оценке людей в определенных отношениях, во всем, что называется

таким, то есть во всем, что предполагает некоторую абстракцию или прояснение запутанного и извращенного материала, и, наконец, во всем, что касается человеческих воль, женщины превосходят и более надежны по отдельности, чем десять мужчин вместе. Но способ, которым женщина добивается зачатия, менее ценен - это способ чистого инстинкта. Или, предположим, мы назовем это более тонким чувством - название не имеет значения - процесс в основном бессознательный, а значит, менее ценный, если можно так выразиться, поскольку требует меньше размышлений. Следовательно, полезность женского свидетельства не только не уменьшается, но и надежность его очень велика. В диалектической процедуре мужчины могут быть сотни ошибок, в то время как в инстинктивном зачатии и непосредственном воспроизведении женщины гораздо больше уверенности. Следовательно, ее утверждения более надежны.

Нам нет нужды называть источник этого инстинкта Божьим возмещением за женский недостаток в других вопросах; мы можем показать, что он обусловлен естественным отбором, и что положение и задача женщины требуют от нее очень внимательного наблюдения за окружающей средой. Эта потребность обостряла внутреннее чувство, пока оно не превратилось в бессознательное зачатие. Женская заинтересованность в окружающей среде - вот что придает женской интуиции быстроту и уверенность, недостижимые в размышлениях самых глубоких философов. Стремительность интуиции, исключающей всякие размышления и просто решающей проблемы, - вот что важно. Женщина ясно воспринимает, как говорит Спенсер, ментальный статус своего окружения, а Шопенгауэр ошибочно предположил, что женщины отличаются от мужчин интеллектом, потому что ленивы и хотят короткими путями достичь своей цели. На самом деле им не нужны короткие пути - они просто избегают сложных умозаключений и полагаются на интуицию, что вполне безопасно. Видение возможно только там, где возможно восприятие, то есть когда вещи находятся рядом. Далекое и завуалированное нельзя увидеть, о нем нужно догадываться; поэтому женщины оставляют умозаключения в покое и делают то, что умеют делать лучше. Это говорит о ценности различных интерпретаций женского способа зачатия. Как юристы мы можем верить женщинам там, где речь идет об интуиции; там же, где речь идет об умозаключениях, мы должны быть очень осторожны. Сенсорное зачатие следует понимать так же, как и интеллектуальное. По мнению Мантегацца,^[268] женщина особенно хорошо видит тонкие аспекты вещей, но не способна видеть горизонт. Отдаленный, большой объект не вызывает у нее особого интереса. Это объясняется тем, что женщины, как правило, не видят так далеко, как мужчины, и не могут так хорошо различать далекие предметы. Это не объяснение, потому что оно было бы справедливо для всех близоруких людей. Дело в том, что для определения дальних объектов требуется больше или меньше рассуждений и умозаключений. Женщина не рассуждает и не умозаключает, и если вещи пропущены мимо ее интуиции, они для нее не существуют.

Объективность - еще одно свойство, которого не хватает женщинам. Они всегда склонны мыслить персоналиями и представляют себе предметы с точки зрения личных симпатий. Расскажите женщине о каком-нибудь деле так, чтобы возбудить ее интерес, не называя при этом лиц, за исключением А и Б, и будет невозможно заставить ее занять определенную позицию или вынести свое суждение. Кто эти люди, что они собой представляют, сколько им лет и т. д.? На эти вопросы нужно ответить в первую очередь. Отсюда и несовпадающие женские представления о деле до и после открытия имен. Тенденция к персонализации приводит к некоторым необычным вещам. Предположим, женщина описывает драку между двумя людьми или двумя группами. Если стороны были равны по силе и вооружению и если свидетельница не знала раньше ни одного из участников драки, она, тем не менее, перераспределит солнце и ветер в своем описании, если один из драчунов случайно

заинтересует ее или поведет себя "по-рыцарски", хотя при других обстоятельствах он мог бы заслужить только ее неприязнь. В таких случаях повторяется сказка о том, что нужно рассказывать только факты, и я вынужден повторить, что никто не рассказывает только факты, что в высказываниях всегда присутствуют суждения и умозаключения и что женщины используют их чаще, чем мужчины. Конечно, реальные факты и предположительные можно отличить, но нечасто и никогда с уверенностью. Поэтому лучше всего определить, имеет ли свидетель какое-либо отношение к одной из сторон, и какое именно. В большинстве случаев это родство будет одним из элементов, поскольку редко кто присутствует при ссоре, не принимая в ней какого-то участия. Но даже если произойдет последнее, необходимо, прежде всего, выслушать все детали, чтобы четко уловить отношение женщины. Свидетельства о способе зачатия имеют большее значение, чем свидетельства о самом факте. И найти первое достаточно легко, если дать женщине на короткое время возможность высказаться в целом. Когда ее отношение известно, легко обнаружить стандарт для корректировки ее оправданий в отношении одного и обвинений в отношении другого.

То же самое верно и в сугубо индивидуальных случаях. В глазах женщины одно и то же преступление, совершенное одним мужчиной, черно как ад; совершенное другим, оно во всех отношениях оправдано. Все, что необходимо для такого отношения, - это игра симпатий и антипатий, возникающих из любого источника. Как женщина, читающая роман, благоволит к одному герою и ненавидит другого, так и женщина-свидетель ведет себя по отношению к своим фигурам. И может случиться так, что она сочтет, что один из них убил с таким "захватывающим совершенством", а жертва была "таким скучным филистером", что она оправдывает преступление. Осторожность здесь просто необходима. Конечно, женщины не одиноки в принятии подобных позиций, но они никогда не бывают столь ясными, столь типичными и столь решительными, как в случае с женщинами.

Раздел 72. 2. Суждение.

Авенариус рассказывает об одной английской паре, которая рассуждала о крыльях ангелов. По мнению мужчины, это ангельское владение было сомнительным, по мнению женщины - несомненным. Многие женщины-свидетели напоминали мне эту историю, и я смог объяснить с ее помощью многие события. Женщина говорит "так должно быть", когда не знает причин; "так должно быть", когда ее собственные аргументы ей надоели; "так должно быть", когда она в замешательстве; когда она не понимает доказательств оппонента, и особенно когда она чего-то желает. К сожалению, она прячет это отношение под множеством слов, и часто хочется простого утверждения англичанки "так должно быть". В результате, когда мы хотим узнать у женщин их *ratio sciendi*, мы сталкиваемся с трудностями. Они предлагают нам коллекцию часто удивительных и важных вещей, но когда мы спрашиваем об источнике этой коллекции, мы получаем "это должно быть", в вариациях от пожимания плечами до потока слов. Неопытный судья может быть обманут позитивностью таких выражений и поверить, что такая уверенность должна быть основана на чем-то, что свидетель не может произнести из-за недостатка мастерства. Если теперь судья поможет "неопытному" свидетелю словами "конечно, вы имеете в виду, потому что" или "возможно, потому что" и т. д., свидетель, если она не дура, скажет "да". Таким образом, мы получаем внешне обоснованные утверждения, которые на самом деле основаны не более чем на "так должно быть".

В делах, связанных с разделением, разграничением и анализом, редко встречаются необоснованные утверждения женщин. Женщины хорошо умеют анализировать и объяснять данные, и то, что они умеют и понимают, им удастся обосновать. Их трудность заключается в синтетической работе, в поступательном движении, и там они просто утверждают.

Немногочисленные наблюдения за этой характеристикой подтверждают это утверждение. Например, Лафитт говорит, что на медицинских осмотрах женщины не могут делать ничего, что требует синтетической силы. Суждения женщин о мужчинах еще больше подтверждают эту позицию, поскольку, как говорят, их больше впечатляет минимальный успех, чем самые великолепные усилия. В этом наблюдении нет никакой несправедливости, никакой поверхностности; его объект просто параллелен их неспособности к синтезу. В той мере, в какой они способны следить за конкретными вещами, они поймут единичный успех, но рост эффективности в направлении будущего требует композиции и широкого кругозора, поэтому они не могут его понять. Отсюда и любопытные противоречия в высказываниях женщин, когда подозрения то усиливаются, то ослабевают. Женщина, которая сегодня знает сотню причин вины какого-нибудь сильно скомпрометированного заключенного, пытается перевернуть все в другую сторону, когда позже узнает, что заключенному удалось создать явное алиби. И снова, если обвинение кажется успешным, женщины-свидетели защиты часто становятся самыми опасными для защитников.

Но и здесь женщины находят предел, возможно, потому, что, как и все слабаки, они боятся делать окончательные выводы. Как говорит Леру в *"De l'Humanité"*, "если бы преступники были предоставлены женщинам, они бы убили их всех в первой же вспышке гнева, а если бы подождали, пока эта вспышка утихнет, они бы отпустили их всех". Убийство указывает на легкую возбудимость, страстность и инстинктивное чувство справедливости в женщинах, требующее немедленной мести за злодеяния. Освобождение указывает на то, что женщины боятся всякой энергичной дедукции конечных последствий, т. е. не имеют представления о настоящей справедливости. "Мужчины ищут причины, женщины судят по любви; женщины могут любить и ненавидеть, но они не могут быть справедливыми, не любя, и никогда не научатся ценить справедливость". Так говорит Шиллер, и как часто мы не слышим женского вопроса о том, зависит ли судьба обвиняемого от ее показаний. Если мы отвечаем "да", то, как правило, происходит ограничение показаний, нагнетание и перекручивание последствий, и об этом обстоятельстве нужно помнить всегда. Если вы хотите добиться от женщины правды, вы должны знать, когда начинать, а главное - когда остановиться. Как гласит старая пословица, которую следует принять к сердцу: "Женщины мудры, когда действуют бессознательно; глупы, когда размышляют".

Известно, что женщины, совершая преступления, впадают в крайности. Может быть, и правильно, как это делают современные писатели, объяснять слабость женского интеллекта социальными условиями, и, возможно, именно поэтому будущее женщины заключается в изменении женской среды. Но и в отношении окружающей среды она экстремистка. Самая благочестивая женщина, как говорит Ришелье, без колебаний убьет неприятного свидетеля. Самые запутанные преступления, как правило, планируются женщинами, и нередко они обрастают целым рядом абсолютно бесцельных преступных деяний.

В этом обстоятельстве мы иногда находим объяснение непонятному в других случаях преступлению, которое, возможно, указывает также на то, что первое преступление было совершено женщиной. Как будто она испытывает в пороке некое удовольствие, которому предается, как только переходит предел в своем первом преступлении.

Раздел 73. 3. Ссоры с женщинами.

Этот небольшой материал предназначен только для очень молодых и неопытных судей по уголовным делам. Нет ничего более захватывающего и поучительного, чем ссора с умными и образованными женщинами на достойные темы; но в суде этого не происходит, и с девяноста процентами наших женщин-свидетелей не стоит ссориться. Ссора может

возникнуть в двух случаях. Первый - когда мы пытаемся показать отрицающей заключенной, что ее преступление уже доказано и что ее отрицания глупы, и второй - когда мы пытаемся показать свидетельнице, что она должна что-то знать, хотя она отказывается это знать, или когда мы хотим показать ей неправильность ее выводов, или когда мы хотим подвести ее к тому моменту, когда ее показания могут иметь дальнейшую ценность. Словесная ссора повредит делу. Это известно из древнего опыта, ибо тот, кто ссорится с женщинами, находится, как говорит Бёрне, в состоянии человека, который должен непрерывно полировать лампы.^[269]

Женщинам свойственно упрямство, и нелегко быть пассивным против него. Но в интересах правосудия роль мудрого человека состоит в том, чтобы не терять времени, выставляя себя напоказ в словесных перепалках со свидетельницами. Судья может быть глубоко убежден, что его успех у женщины может помочь делу, но такой успех бывает очень редко, а если ему кажется, что он есть, то он лишь кажущийся и кратковременный, или же это просто наивный самообман. Ведь женщинам действительно нравится, ради сиюминутного преимущества, нравиться мужчинам и казаться убежденными, но судья, для которого женщина это делает, находится в состоянии, требующем внимания.

Еще несколько моментов, касающихся женского интеллекта. Они, однако, имеют лишь косвенное отношение к нему и столь же невразумительны, как и тот факт, что леворукость у женщин встречается чаще, а дальтонизм реже, чем у мужчин. Если, однако, мы хотим объяснить женский интеллект вообще, мы должны сделать это, представляя, что интеллектуальное функционирование женщин останавливается в определенной точке и не может выйти за ее пределы.

Посмотрите на их отношение к деньгам. Каким бы отвратительным ни был Маммон сам по себе, деньги - настолько важный фактор в жизни, что о них нельзя не сказать как о "величии холодной наличности". Но неправильно использовать важную вещь - значит быть неинтеллигентным. Тот, кто тратит деньги впустую, недостаточно умен, чтобы понять, какие важные удовольствия он может себе обеспечить, а тот, кто их копит, не знает, как их правильно использовать. Одиноким женщины - это либо накопительницы, либо расточительницы; они редко выбирают средний путь и проявляют благоразумие домохозяйки, которое обычно перерастает в скупость. Лучше всего это видно на примере глупого торгова женщин на рынках, когда они считают, что добились больших успехов, снизив цену на свою покупку на несколько центов. Каждый торговец подтверждает тот факт, что первая цена, которую он называет женщине, повышается, чтобы дать ей возможность поторговаться. Но она не торгуется до нужной цены, она торгуется до суммы, превышающей нужную, и часто покупает ненужные или некачественные вещи только потому, что у торговца хватило ума пленить ее, позволив снизить цену. На это указывает одно уголовное дело,^[270] в котором женщина-лоточник утверждала, что сразу заподозрила покупателя в передаче фальшивых монет, потому что тот не торговался.

Эта склонность к накопительству не является по сути скупердьяйством, ведь главная цель скупердья - собрать и владеть деньгами, наслаждаться лишь их видом. Эта тенденция - неразумное отношение к деньгам, неспособность оценить их ценность и свойства. Именно эта неспособность является одной из главных причин многочисленных преступлений. Женщина, нуждающаяся в деньгах на тысячу предметов, требует их у мужа, а тот обязан их предоставить, не спрашивая, может ли он это сделать. О жене говорят, что она не любопытна только в отношении источника денег мужа. Она знает его доходы, знает необходимые ежегодные расходы; она может сразу подсчитать, что эти два показателя равны, но она спокойно просит больше.

Разумеется, я не имею в виду мужественную помощницу, которая поддерживает мужа в несении тягот жизни. С ней криминалисту делать нечего. Я имею в виду только тех легкомысленных, любящих удовольствия женщин, которых сегодня большинство, и ту армию "любовников", которая стоила стране несметного количества недостойных мужчин. Любовь к женщинам - ключ ко многим преступлениям, даже к убийствам, воровству, мошенничеству и предательству. Сначала непонятная арифметика женщины, затем ее непрекращающиеся требования, наконец, сдача мужчины на пределе его сил; затем новые требования, долгий период сопротивления, затем сдача и, наконец, одно противозаконное действие. От этого всего лишь шаг до большого преступления. Такова простая тема бесчисленных вариаций, которые разыгрываются в уголовном суде. Существует достаточно пословиц, чтобы показать, насколько глубоко общество понимает эту связь между любовью и деньгами.^[271]

Незначительное на первый взгляд женское качество, связанное с интеллектом, - это пресловутое "никогда не готов". Криминалист сталкивается с этим, когда ищет объяснение провалу какого-то, вероятно, необычайно умного плана преступления. Или когда происходит преступление, которое можно было бы предотвратить, сделав шаг в нужную минуту, женщины всегда отстают на десять минут. Но эти минуты не были бы выиграны, если бы дела были начаты на десять минут раньше, и как только женщина терпит реальный ущерб из-за опоздания, она решает опережать время на десять минут. Но когда она это делает, то терпит неудачу, и эту неудачу приходится объяснять недостатком ума. Тот маленький факт, что женщины никогда не приходят вовремя, объясняет многие трудности.

Женский консерватизм так же незначителен, как и женская пунктуальность. Ломброзо показывает, как привязаны женщины к старым вещам. Идеи, украшения, стихи, суеверия и пословицы сохраняются женщинами лучше, чем мужчинами. Никто не рискнет утверждать, что консервативный мужчина должен быть менее умным, чем либерал. Однако женский консерватизм свидетельствует о некоторой тупости, меньшей возбудимости и способности воспринимать новые впечатления. Женщины с трудом усваивают и реконструируют вещи, и из-за этой трудности они не любят отказываться от предмета после того, как получили его. Поэтому не стоит слишком вольно обращаться с такими почетными качествами, как благочестие, любовь, преданность, уважение к тому, чему они уже научились; при ближайшем рассмотрении обнаруживается слишком много случаев интеллектуальной ригидности.

В нашей профессии мы часто сталкиваемся с тем, что люди гораздо легче переходят от честности к нечестности, и наоборот, что они легче меняют свои привычки, начинают строить новые планы и т. д. Конечно, нельзя делать обобщений, каждый случай нужно изучать по существу. Но даже когда возникают вопросы факта, например, при обыске дома, хорошо бы помнить об этом различии. Старые письма, настоящие *corpora delicti*, с гораздо большей вероятностью будут найдены в женском ящике, чем в мужском. Последний давно уничтожил вещь, а первый, возможно, "из благочестия" сохранил на долгие годы даже яд, с помощью которого когда-то совершил убийство.

Раздел 74. (b) Честность.

Мы будем говорить здесь только о честности тех женщин, с которыми судам приходится иметь дело чаще всего, и в этом отношении нам мало что может доставить радость. Не быть честным и лгать - две разные вещи; последняя - положительная, первая - отрицательная; нечестный человек не говорит правду, лжец говорит неправду. Нечестно скрывать часть правды, вводить других в заблуждение, не оправдывать видимость и пользоваться

видимостью. Нечестный человек может не сказать ни одного неправдивого слова и при этом внести гораздо больше трудностей, путаницы и обмана, чем лжец. По этой причине он опаснее последнего. А также потому, что его поведение труднее раскрыть и что его труднее победить, чем лжеца. Нечестность, однако, является специфически женской чертой, и у мужчин встречается только в том случае, если они женоподобны. Настоящая мужественность и нечестность - понятия, которые не могут быть объединены. Поэтому народная пословица гласит: "Женщины всегда говорят правду, но не всю правду". И это более точно, чем обвинение многих писателей в том, что женщины лгут. Я не верю, что уголовные суды могут проверить последнее обвинение. Я не хочу сказать, что женщины никогда не лгут - они лгут достаточно, - но они не лгут больше, чем мужчины, и никто из нас не стал бы приписывать женщинам ложь как половую особенность. Это значит путать нечестность с ложью.

Было бы ошибкой слишком сурово разбираться в суде с нечестностью женщин, потому что во многом в этом виноваты мы сами и социальные условия. Мы не любим использовать правильные названия вещей и предпочитаем намекать, хранить смущенное молчание или краснеть. Следовательно, не стоит требовать, чтобы эта округлость была отброшена в зале суда, где обстоятельства еще больше затрудняют прямой разговор". По мнению Ломброзо,^[272] женщины лгут из-за своих слабостей, из-за менструации и беременности, которые в разговоре им приходится заменять другими болезнями; из-за чувства стыда, из-за полового отбора, который заставляет их скрывать возраст, дефекты, болезни; наконец, из-за желания быть интересными, внушаемости и малой способности к суждениям. Все это побуждает их лгать, и тогда, будучи матерями, они вынуждены обманывать своих детей по многим вопросам. По сути, они сами не более чем дети, заключает Ломброзо. Но ошибочно полагать, что эти условия ведут ко лжи, поскольку женщины обычно приобретают молчание, какую-то другую форму действия или негативное распространение заблуждений. Но это, по сути, нечестность. Утверждать, что обман, ложь стали физиологическими свойствами женщин, значит, ошибаться. По мнению Лотце, женщины ненавидят анализ и поэтому не могут отличить истинное от ложного, но тогда женщины ненавидят анализ только тогда, когда он применяется к ним самим. Женщина не хочет, чтобы ее анализировали, просто потому, что анализ выявит много нечестности; поэтому ей чужда тщательная честная деятельность. Но в этом виноваты мужчины. Никто, как говорит Флобер, не говорит женщинам правду. А когда они ее слышат, то воспринимают как нечто необычное. Они не честны даже с самими собой. Но это верно не только в целом; это верно и в конкретных случаях, которые видны в зале суда. Мы сами затрудняем честность женщин перед судом. Конечно, я не имею в виду, что во избежание этого мы должны быть грубыми и бесстыдными в разговоре с женщинами, но несомненно, что мы вынуждаем их быть нечестными, обходя все щекотливые темы. Любой полуопытный криминалист знает, что гораздо большего прогресса можно добиться простым и абсолютно открытым обсуждением. Одна высокообразованная женщина, с которой у меня состоялся откровенный разговор на подобную тему, сказала в конце этой очень болезненной беседы: "Слава Богу, что вы говорили откровенно и без ханжества - я очень боялась, что глупыми вопросами вы вынудите меня к ханжеским ответам и, следовательно, к полной нечестности".

Мы так далеко завели женщин своими недомолвками, что, по словам Стендаля, быть честным для них тождественно появлению на публике голым. Бальзак спрашивает: "Вы когда-нибудь замечали ложь в поведении и манерах женщины? Обманывать их так же легко, как падающий снег на небе". Но это верно только в том случае, если он имеет в виду нечестность. Неправда, что женщинам действительно легко лгать. Не знаю, можно ли доказать этот факт, но я уверен, что женское умение лгать можно наблюдать. Игра черт лица,

глаз, груди, позы, почти всегда выдает даже опытную женщину-преступницу. Теперь ничто не может раскрыть игру ее сущностной нечестности. Если мужчина однажды признается, он признается менее сдержанно, чем женщина, и он менее склонен, даже если он очень плох, воспользоваться ложной благоприятной внешностью, в то время как женщина принимает ее с видом невинности. Если мужчина не дал полной версии, его неудачу легко распознать по его колебаниям, но мнения женщины всегда имеют определенную цель, даже если она должна рассказать нам лишь десятую часть того, что она могла бы знать и сказать.

Даже самое простое утверждение или отрицание не является честным. Ее "нет" не является определенным; например, ее "нет" на требования мужчины. Кроме того, когда мужчина утверждает или отрицает, его утверждение имеет некоторые ограничения. Он либо прямо заявляет об этом, либо более тренированное ухо распознает его присутствие в отсутствии завершения, в колебании тона. Но женщина говорит и "да", и "нет", даже когда лишь малая часть того или другого утверждает истину, за которой она может спрятаться, и это нужно иметь в виду в зале суда.

Кроме того, искусство обмана или сокрытия информации зависит скорее от нечестности, чем от чистого обмана, потому что оно заключается в использовании всего, что есть под рукой, и в подавлении материала, а не в прямой лжи. Поэтому, когда в пословице говорится, что женщина в течение года болела всего три раза, но каждый раз по четыре месяца, будет несправедливо сказать, что она намеренно отрицает годовичную болезнь. Это не так, но на самом деле она болеет не менее тринадцати раз в год, а кроме того, ее слабое телосложение заставляет ее часто испытывать недомогание. Поэтому она не лжет о своей болезни. Но при этом она не сразу объявляет о своем выздоровлении и позволяет людям ухаживать и защищать ее даже тогда, когда она в этом не нуждается. Возможно, она поступает так потому, что с течением веков ей стало необходимо превозносить свои мелкие неприятности, чтобы защититься от жестоких мужчин, и поэтому ей пришлось выковать оружие нечестности. С этим согласен и Шопенгауэр: "Природа дала женщинам только одно средство защиты и обороны - лицемерие; оно у них врожденное, и пользоваться им так же естественно, как животное пользуется своими когтями". Женщины чувствуют, что у них есть определенное оправдание своему лицемерию".

С этим лицемерием нам, юристам, приходится вести постоянную борьбу. Помимо различных недугов и болезней, которые женщины выставляют перед судьей, притворяется и все остальное: невинность, любовь к детям, супругам и родителям, боль от потери и отчаяние от упреков, разрыв сердца при разлуке, благочестие - словом, все, что может быть полезным. Это подвергает проверяющего правосудия опасностям и трудностям, связанным с тем, что он может быть либо слишком суров, либо обманут. Он может избавить себя от многих проблем, если будет помнить, что в этой симуляции много нечестности и мало лжи. Симуляция редко бывает полной, она лишь усиливает то, что есть на самом деле.

А теперь подумайте о слезах, которые плачут перед каждым человеком, и не в последнюю очередь перед уголовным судьей. Народные пословицы склонны недооценивать, а зачастую и не доверять слезливым женщинам. Mantegazza^[273] отмечает, что каждый мужчина старше тридцати лет может вспомнить сцены, в которых было трудно определить, сколько женских слез означают настоящую боль, а сколько - добровольно пролитые. В представлении о том, что слезы - это смесь поэзии и правды, мы найдем правильное решение. Было бы интересно расспросить виртуозов в слезах (когда женщины видят, что они действительно могут научить, они часто бывают честными) об этом вопросе. Вопрошающий неизбежно узнает, что плакать по собственному желанию и без причины невозможно. На это способен только ребенок. Слезы требуют определенной причины и определенного времени, которое может

быть сведено большой практикой к минимуму, но даже этот минимум требует определенной продолжительности. Истории в романах и юмористических газетах, в которых женщины горько плачут из-за отказа в новом пальто, - это сказки; на самом деле дама начинает с того, что ей обидно, потому что муж отказался купить ей эту вещь, потом она думает, что недавно он отказался купить ей платье, сводить ее в театр; что при этом он выглядит недружелюбно и отходит к окну; что она действительно жалкая, непонятая, безмерно несчастная женщина, и после этого крещендо, которое часто происходит *presto prestissimo*, прорывается поток слез. Какая-то крошечная причина, немного времени, немного самовнушения и немного воображения - все это может заставить каждую женщину плакать вечно, и эти слезы всегда могут оставить нас холодными. Остерегайтесь, однако, безмолвных слез настоящей боли, особенно уязвленной невинности. Их нельзя принимать за первые. В противном случае можно причинить большой вред, ведь эти слезы, если они не являются раскаянием в своей вине, на самом деле свидетельствуют о невиновности. Когда-то я считал, что самый верный признак таких слез - обманчивая попытка подавить их; попытка, которая предпринимается с элементарной энергией. Но даже эта попытка побороть их часто оказывается не совсем реальной.

Как и в случае со слезами, так и в случае с обмороками. Большинство обморочных приступов либо полностью ложны, либо представляют собой нечто среднее между обмороком и бодрствованием. Безусловно, женщины, будь то заключенные или свидетели, часто чувствуют себя в суде очень некомфортно, и если за дискомфортом сразу же следуют недомогание, головокружение и сильный страх, то обморок вполне естественен. Если к этому добавить немного преувеличения, самовнушения, расслабления и попытку уклониться от неприятного обстоятельства, то обморочный припадок готов к заказу, и эффект, как правило, в пользу обморока. Хотя ошибочно заранее предполагать, что обморок - это комедия, необходимо остерегаться обмана.

Интересный вопрос, который, хвала небесам, не касается уголовного правосудия, - умеют ли женщины держать слово. Когда криминалист позволяет женщине пообещать никому не рассказывать о ее показаниях, или проявляет подобную наивность, он может свести счеты со своей совестью. Криминалист вообще не должен принимать обещания, и он получает свою награду только тогда, когда женщины его обманывают. Дело в том, что женщина не знает четкой границы между добром и злом. Или, лучше сказать, она проводит эту черту по-другому; иногда более резко, но в основном более широко, чем мужчина, и во многих случаях она вообще не понимает, что некоторые различия недопустимы. Это происходит в основном там, где границы действительно нестабильны, или там, где нелегко понять личность страдальца. Поэтому всегда трудно заставить женщину понять, что государство, общество или другое общественное благо должны быть сами по себе священны против всякого вреда. Самая честная и благочестивая женщина не только без зазрения совести уклоняется от уплаты налогов, но и получает огромное удовольствие от того, что успешно это делает. Неважно, что именно она провозит, она рада, что провозит успешно, но контрабанда, как можно предположить, не является спортом для женщин, хотя женщины нуждаются в нервном возбуждении и спорте больше, чем мужчины. Их позиция показывает, что они действительно не в состоянии понять, что подвергаются опасности, потому что нарушают закон. Когда им говоришь, что государство вправе запретить контрабанду, они всегда отвечают, что контрабанды так мало, что никто не пропустит пошлины. Тогда интерес к контрабандистам и контрабандным историям чрезвычайно велик. Однажды у нас была девушка, родившаяся на границе между Италией и Австрией. Ее отец был отъявленным контрабандистом, главарем банды, перевозившей через границу кофе и шелк. Он разбогател на этой торговле, но потерял все в особенно крупной авантюре, и в конце концов

был застрелен таможенниками на границе. Если бы вы видели, с каким интересом, душой и увлечением девушка описывала сомнительные похождения своего отца, вы бы поняли, что у нее не было ни малейшего представления о том, что в его поступках есть что-то плохое.

Женщины, более того, не понимают ни малейших правил. Я часто сталкивался со случаями, когда даже умные женщины не могли понять, почему неправильно вносить "мелкие" изменения в общественный реестр; почему в чужом городе неправильно называть в гостинице чужое имя; почему полиция может запретить трясти пыльными салфетками над головами пешеходов даже из ее "собственного" дома; почему собаку нужно держать на цепи; и какую пользу могут принести подобные "досады" в любом случае.

И снова крошечные кусочки частной собственности не защищены от женщин. Обратите внимание, как невозможно заставить женщин понять, что частная собственность портится, когда цветы или фрукты срывают в частном саду. Дело в том, что это так мало, и, как правило, владелец собственности не возражает, но нужно признать, что он имеет на это право. Кроме того, хорошо известна их склонность воровать в сельской местности участки земли и границы. В большинстве случаев, когда мы сталкивались с межеванием, за этим стояла женщина.

Даже в своих собственных домах женщины не слишком строго относятся к собственности. Они присваивают ручку, бумагу, карандаши, одежду и т. д., не имея ни малейшего представления о том, чем можно заменить отнятое. Это может подтвердить любой человек, чей стол не отличается привычной святостью, и он согласится, что причиной такого поведения женщин является не неряшливость, а дефект чувства собственности, ведь так поступают даже самые искусные домохозяйки. Это дефектное чувство собственности наиболее ярко проявляется в печально известном факте, что женщины жульничают в карты. По словам Ломброзо, одна образованная и многоопытная женщина сказала ему по секрету, что ее полу трудно не жульничать в карты. Крупье в игорных залах знают вещи гораздо хуже. Они говорят, что им приходится следить за женщинами гораздо больше, чем за мужчинами, потому что они не только чаще жульничают, но и более искусны. Даже в крокете и теннисе девушки несказанно умны в жульничестве, если могут таким образом поставить своих мужественных соперников в невыгодное положение.

Среди мошенников, азартных игроков и фальшивомонетчиков можно встретить немало женщин; кроме того, опытные домохозяйки свидетельствуют, что самые умные и полезные слуги часто оказываются вороватыми. Поучительным во всех этих фактах является неопределенность границы между честностью и нечестностью, даже в самых мелких случаях. Дефект чувства собственности по отношению к мелочам объясняет, как многие женщины становились преступницами - дорога, по которой они блуждали, шаг за шагом становилась все более длинной. В отсутствие определенной границы неизбежно, что женщины заходили очень далеко, и когда образованная женщина не делает ничего большего, чем кража карандаша у мужа и шулерство в висте, ее единственная удача заключается в том, что она не получает возможности или потребности для более серьезных ошибок. У необразованной, нищей женщины, однако, есть и возможность, и потребность, и преступление становится для нее очень легким. Наша жизнь богата на эксперименты, а наша воля слишком слаба, чтобы не потерпеть неудачу в условиях существования, если в самом начале не избежать малейшего отклонения от прямой и узкой дороги. Если правосудие сомневается, совершила ли женщина большое преступление против собственности, его исследование будет касаться не поступка, а времени, когда женщина находилась в других обстоятельствах и не имела другой возможности совершить дурное, кроме простого

обглаживания и других глупых абстракций от чужой собственности. Если эту склонность можно доказать, то есть основания хотя бы подозревать ее в более серьезном преступлении.

Отношение женщин к подобным дьявольским деяниям становится более поучительным, когда его приходится выявлять через женщин-свидетелей. Как правило, нет никаких оснований полагать, что люди склонны оправдывать все, в чем они сами виноваты. Напротив, мы склонны наказывать других наиболее сурово там, где мы сами наиболее виновны. Есть и другая сторона вопроса. Когда честная, воспитанная женщина совершает мелкие преступления, она не считает их преступлениями, она не осознает их безнравственность, и было бы нелогично видеть в других то, что она не признает преступлением в себе. Именно по этой причине она склонна оправдывать проступки своего ближнего. Когда же мы пытаемся выяснить у женских свидетелей факты, касающиеся предметов, на которых мы правильно делаем акцент, они не отвечают и заставляют нас ошибаться. То, что женщина считает простым "сладострастием" в своей служанке, в уголовном праве является воровством; то, что она называет "булавочными деньгами", мы называем обманом или нарушением доверия; для мужчины, которого женщина называет "драконом", мы во многих случаях находим совершенно другие термины. И это женское отношение - не христианское милосердие, а незнание закона, и с этим незнанием нам приходится считаться, когда мы допрашиваем свидетелей. Конечно, не только в случае кражи, совершенной служанкой, но всегда, когда мы пытаемся понять какую-то человеческую слабость.

От честности до верности - всего лишь шаг. Часто эти черты лежат бок о бок или перекрывают друг друга. Теперь уголовному правосудию чаще, чем кажется, приходится иметь дело с женской верностью. Проблемы супружеской измены обычно имеют лишь второстепенное значение, но эта верность или неверность часто играет самую важную роль в процессах по всем возможным преступлениям, и вся проблема доказательств принимает различные формы в зависимости от предположения, что эта верность существует или не существует. Будь то убийство мужа, сомнительное самоубийство, физическое увечье, кража, злоупотребление доверием, поджог - дело принимает иную форму, если женская нелояльность может быть доказана. Редкое упоминание этой важной предпосылки при представлении доказательств объясняется тем, что мы не знаем о ее значении, что ее определяющие факторы скрыты, и, наконец, что ее представление, как правило, затруднено.

Общественное мнение о женской верности не слишком лестно. Дидро утверждает, что нет ни одной верной женщины, которая не перестала бы быть таковой, по крайней мере, в своем воображении. Конечно, это мало что значит, ведь все мы в идеале совершили немало грехов, но если Дидро прав, то можно предположить женскую склонность к нелояльности. Конечно, больше всего в этом повинен чисто сексуальный характер женщины, но мы не должны делать несправедливость по отношению к ней и вредить себе, полагая, что этот характер является единственным регулирующим принципом; в значительной степени в этом повинна и неукротимая женская потребность в переменах. Сомневаюсь, можно ли доказать на примере всех случаев, которые стоит назвать, что женщина становится неверной, хотя ее сексуальные потребности невелики; но то, что ее пол так поступает, несомненно, и, следовательно, мы должны искать другие причины их неверности. Любовь к переменам является основополагающей, и ее можно наблюдать в зафиксированных уголовных делах. "Даже образованные женщины, - пишет Гольц,^[274] - не могут вынести постоянного и однообразного везения и испытывают немыслимый порыв к дьявольщине и глупости, чтобы внести в жизнь хоть какое-то разнообразие". Теперь судье будет гораздо проще определить,

имела ли женщина в критический момент особую склонность к этому "дьявольству", чем выяснять, был ли ее собственный муж сексуально недостаточным, или какие еще подобные тайны могут быть задействованы.

Однако если у женщины однажды возникает желание разнообразия, а безобидных и допустимых изменений, которые она может обеспечить себе сама, уже недостаточно или не хватает, движение ее повседневной жизни принимает сомнительное направление. Тогда возникает определенная склонность к обману, которая способна привести к своим особым последствиям. Женщина вышла замуж, допустим, по любви, или за деньги, по злобе, чтобы угодить родителям и т. д. и т. п. Наступают моменты в ее жизни, когда она задумывается о "своей" причине замужества, и причиной этих моментов почти всегда будет ее муж, т. е. он мог быть плохо воспитан, требовать слишком многого, отказывать в чем-то, пренебрегать ею и т. д., и тем самым ранить ее так, что ее настроение при мысли о причине ее замужества становится решительно плохим, и она начинает сомневаться, действительно ли ее любовь была такой сильной, стоили ли деньги тех хлопот, не должна ли она была противиться своим родителям и т. д. А если бы она подождала, разве не получилось бы лучше? Разве она не заслуживала большего? Каждый шаг в ее размышлениях уводит ее все дальше от мужа. Мужчина - ничто для женщины, для которой он не является всем, а если он ничто, то не заслуживает особого внимания, а если он недостоин, то маленькая неверность не так страшна, и, наконец, маленькая неверность постепенно, естественно и плавно приводит к измене, а измена - к целой цепи преступлений. То, что этот процесс не происходит в тысячу раз чаще, объясняется лишь тем, что в эти так называемые слабые моменты под рукой не оказывается подходящего мужчины. Миллионы женщин, которые кичатся своей добродетелью и презирают других, должны благодарить свою добродетель только за эту случайность. Если бы нужный мужчина оказался рядом в нужное время, у них не было бы больше повода для гордости. Есть только один простой и надежный способ узнать, верна ли женщина своему мужу, - заставить ее сказать, пренебрегает ли ею муж. Каждая женщина, которая жалуется, что муж пренебрегает ею, - прелюбодейка или находится на пути к тому, чтобы стать таковой, потому что она ищет самую бережливую, самую разумную причину, которая оправдала бы прелюбодеяние. Насколько близко она подошла к этому греху, легко определить по тому, с какой интенсивностью она обвиняет своего мужа.

Помимо прелюбодеяния, неверности вдовы и невесты, есть еще один смысл, в котором неверность может быть важна. Первый важен только тогда, когда мы должны сделать вывод о каком-то более раннем состоянии, и мы, скорее всего, совершим несправедливость, если будем судить о поведении жены по поведению вдовы. Как правило, здесь нет средств для сравнения. Во многих случаях жена любит своего мужа и хранит ему верность даже за гробом, но в этих случаях речь всегда идет о пожилых женщинах, которых похоть уже не трогает. Если вдова молода, красива и сравнительно богата, она забывает своего мужа. Если же она забыла его, если через очень короткое время снова нашла себе любовника и мужа, то ли "ради бедных детей", то ли потому, что "мой первый, блаженной памяти, захотел этого", то ли потому, что "второй и первый так похожи", то ли по какой другой причине, то все равно нет оснований считать, что она не любила своего первого мужа, была ему неверна, ограбила и убила его. Она могла бы поддерживать с ним самые счастливые отношения, но он мертв, а мертвый человек - не человек. Бывают и такие случаи, когда почти немедленное замужество новоиспеченной вдовы влечет за собой самые разные последствия, а зачастую в лице второго мужа обнаруживается убийца первого. При возникновении подобных подозрений, очевидно, нужно действовать очень медленно, но в первую очередь необходимо тщательно следить за вторым мужем. Мужчина крайне противоречив, когда женится на женщине, о

которой знает, что она убила своего первого мужа, но если бы он заботился только о том, чтобы быть ее любовником, не было бы необходимости убивать первого.

Противоположностью этому типу является предвосхищающая неверность женщины, которая выходит замуж за мужчину, чтобы без помех продолжить любовную связь с другим. То, что в большинстве случаев это приводит к дурным последствиям, легко понять. Такие браки очень часто встречаются среди крестьян. Например, женщина влюблена в сына богатого вдовца. Сын ничем не владеет, или отец не дает ему разрешения, поэтому женщина делает из отца дурака, выходя за него замуж, и продолжает свой роман с сыном, что вдвойне грешно. Вместо сына любовник может оказаться всего лишь слугой, и тогда супруги основательно обкрадывают мужа - особенно если вторая жена не рассчитывает на наследство, поскольку у нее есть дети от предыдущего брака. Вариации на эту главную тему возникают по мере того, как личность любовника меняется на соседа, кузена, друга и т. д., но тип очевиден, и необходимо учитывать его возможности всякий раз, когда возникают подозрения.

Неверность невесты - ну, мы не станем беспокоиться на эту поэтическую тему. Все знают, какой безжалостной может быть девушка, как она бросает своего возлюбленного по практическим или иным неблагоприятным причинам, и все знают последствия таких поступков.[275]

Раздел 75. (с) Любовь, ненависть и дружба.

Если Эмерсон прав и любовь - не более чем обожествление личности, криминалисту нет нужды беспокоиться об этом редчайшем пароксизме человеческой души. Максимум, что мы можем сделать, это перевести описание девушкой своего возлюбленного, которого, возможно, обвиняют в каком-то преступлении, с обожествленного на человеческий, но не более того. Однако мы не найдем такой любви в суде. Любовь, которую мы находим, должна быть переведена в более простую и распространенную форму, чем у поэта. Чувство самопожертвования, которым Вагнер наделяет своих героинь, не совсем чуждо нашему произведению; мы находим его у самых низких пролетарских женщин, которые жертвуют собой ради своих мужей, следуют за ними в самых тяжелых испытаниях, ухаживают и поддерживают их с голодным героизмом. Это более замечательно, чем поэтическое самопожертвование, но это тоже другое и должно быть по-другому объяснено. Условия, вызывающие любовь, могут быть поняты в терминах эффектов и сил повседневной жизни. И там, где мы не можем увидеть ее иначе, мы будем вынуждены говорить о ней, как о болезни. Если болезнь не является достаточным объяснением, мы должны будем сказать вместе с итальянцами: *"l'amore é une castigo di Dio"*.

Любовь имеет в уголовном суде большее значение, чем это предусмотрено законом, и мы часто совершаем большие ошибки, потому что не учитываем ее. Прежде всего мы должны правильно выполнять свой долг, различать биологическую разницу между преступником и нормальным человеком, а не подводить каждое уголовное дело под соответствующий закон. Когда женщина совершает преступление из-за ревности, когда она вопреки себе бросается на произвол судьбы; когда она борется с соперницей с непобедимой ненавистью; когда она терпит невероятные оскорбления; когда она совершает сотни других поступков - кто посчитает ее любовь? Она виновна в преступлении; признано, что у нее был мотив; и она наказана. Достаточно ли сделано, когда присяжные оправдывают ревнивую убийцу или разжигателя розни? Такие случаи впечатляют, но не уделяется внимания любви женщины в миллионах мелких дел, где любовь, и только любовь, была импульсом, а закон, приговаривающий ее к такому-то и такому-то наказанию, был результатом.

Теперь изучите маниакально-восторженную силу ревности, а затем спросите, кто виновен в этом преступлении. Августин говорит, что тот, кто не ревнует, не любит, а если любовь и ревность соотносятся, то одно можно вывести из другого. То, что действует, - ревность, то, что должно быть проявлено, - любовь. То есть зло в мире вызвано ревностью, но эту причину будет труднее доказать, чем ее коррелировать - любовь. А мы знаем, как трудно скрыть любовь, - настолько трудно, что в народе появилась поговорка: когда у женщины есть любовник, об этом знают все, кроме ее мужа. Теперь, если преступление совершено на почве ревности, было бы просто наивно спрашивать, была ли женщина ревнива. Ревность - редкое открытие и ненадежное, в то время как о ее любовных похождениях знают все. Как только это станет установленным фактом, мы сможем определить и степень ее ревности.

Женщина придает выражению своей ревности характерное направление. Мужчина пытается обладать своей женой единолично и без проблем, а потому естественно ревнует. Обманутая женщина обращает всю свою ненависть на соперницу и оправдывает мужа, если только верит, что все еще обладает или вновь завоевала его любовь. Поэтому было бы ошибкой полагать, что если женщина снова начала любить своего мужа, возможно, после долгой ревности, то не было предшествующей ревности или что она простила свою соперницу. Возможно, она пришла к взаимопониманию с мужем и больше не беспокоится о сопернице, но это лишь видимость или временное явление, так как при первом же подозрении на опасность вспыхивает прежняя ревность со всеми вытекающими отсюда последствиями. И вот муж снова в безопасности, а вся ярость направлена на соперницу. Типичными являются случаи нападения брошенных любовниц на свадьбы их возлюбленных. Они всегда срывают венок и фату с головы невесты, но никогда не говорят, что сбивают с головы жениха шляпу.

Еще одна особенность женской любви, которая часто вызывает трудности, - это страсть, с которой жена часто отдается мужу. Два таких разных автора, как Куно Фишер и Жорж Санд, согласны с этим почти дословно. Первый говорит: "Природа требует от женщины полной отдачи мужчине", а вторая: "Любовь - это добровольное рабство, к которому женщина стремится по своей природе". Здесь мы находим объяснение всех тех явлений, в которых воля жены кажется мертвой рядом с волей мужа. Если женщина хоть раз зависела от мужчины, она следует за ним повсюду, и даже если он совершает самые отвратительные преступления, она помогает ему и является его самым верным товарищем. Мы просто классифицируем эту ситуацию как соучастие, но у нас нет никаких документов, подтверждающих, что женщина, естественно, не могла поступить иначе. Нам нелегко обнаружить сообщников мужчины, виновного в преступлении, но если есть женщина, которая действительно его любит, мы можем быть уверены, что она одна из них.

По той же причине женщины часто бесконечно долго терпят жестокое обращение со стороны своих мужей или любовников. Мы придумываем необычные мотивы, но все объясняется, если мотивом была действительно женская любовь. Нам будет труднее поверить в эту любовь, когда мужчина физически и психически не является объектом любви. Но мотивы причин любви женщины к мужчине, хотя и много обсуждались, никогда не были удовлетворительно определены. Некоторые авторитеты считают мотивом силу и мужество, но на это есть бесчисленные возражения, поскольку исторические любовники были слабыми и трусливыми, скорее интеллектуальными, чем глупыми, хотя Шопенгауэр говорит, что ум и гениальность отвратительны для женщин. Никаких определенных причин назвать нельзя. Приходится смириться с тем, что самого отвратительного мужчину часто любит самая прекрасная женщина. Приходится верить, что любовь к мужчине отвращает женщин от их романтических идеалов. Бытовало ошибочное мнение, что только обычное преступление заставляет женщину хранить верность совершенно никчемному мужчине, и,

опять же, ошибочно предполагалось, что некая женщина, отказавшаяся от желанной реликвии, оставленной ей мужчиной, должна была знать о каком-то великом преступлении, совершенном им. Но для такого поступка нам не нужен иной мотив, кроме ее безграничной любви, и причину этой безграничности мы находим в самой природе этой любви. По сути, это жизнь женщины, тогда как в жизни мужчины это эпизод. Конечно, мы говорим здесь не о преходящих склонностях или флирте, а о той великой и глубокой любви, которую знают все женщины всех сословий, и эта любовь всепобеждающая; она все побеждает, все прощает, все переносит.

Есть еще одна необъяснимая вещь. Как ни стремится мужчина найти свою женщину девственной, женщину мало волнует то же самое в мужчине. Только совсем юная, чистая, неопытная девушка испытывает инстинктивное отвращение к настоящему руэ, но остальные женщины, по словам Рошбрюна, любят мужчину пропорционально количеству других женщин, которые его любят или любили. Это трудно понять, но факт: мужчине легко общаться с женщинами, если у него есть репутация человека, который отлично умеет с ними обращаться. Возможно, эта легкость - лишь проявление тщеславия и зависти женщин, которые не могут смириться с мыслью, что мужчина интересуется столькими другими, а не собой. Как говорит Бальзак, "женщины больше всего предпочитают завоевывать мужчину, который уже принадлежит другой". Немыслимая легкость, с которой некоторые типы мужчин соблазняют женщин и на чьи головы бросаются женщины, несмотря на то, что эти мужчины не обладают никакими похвальными качествами, может быть объяснена только так. Возможно, и правда, как иногда говорят, это случай необъяснимого проявления сексуальности.

Конечно, существует дружба между мужчинами и женщинами, хотя она очень редка. Несомненно, сексуальные интересы легко доминируют в таких отношениях. Мы считаем их редкими только потому, что их существование требует спонтанного исключения сексуальных мотивов. Существует три типа таких дружеских отношений. 1. Когда возраст друзей таков, что подозрения в страсти невозможны. 2. Когда с самого раннего детства по тем или иным причинам складываются чисто братские отношения. 3. Когда оба обладают таким характером, что знаменитая божественная искра не может их разжечь. Независимо от того, существует ли между парами электрическое влияние, как утверждают некоторые ученые, или нет, мы часто видим, как два человека иррационально выбирают друг друга, как будто их принуждает к этому какая-то злая сила. Этот выбор может привести не более чем к дружбе. О такой дружбе часто заявляют на судебных процессах, и, конечно, в нее никогда не верят. В таких случаях необходимо проявлять осторожность, поскольку невозможно доказать, что дружба маловероятна, а значит, несправедливо отрицать ее без дополнительных доказательств. Необходимо выяснить, можно ли исключить сексуальный интерес. Если нет, то дружба будет чисто номинальной.

Дружба между женщинами в народе мало ценится. Комедии, юмористические газеты и критические статьи высмеивают ее, и мы слишком часто слышим, что известие о первом седом волосе или о неверности мужа берет свое начало в женщине-подруге, и что женщины украшают себя и совершенствуют, чтобы беспокоить своих подруг. Один автор хотел показать, что дружба между двумя женщинами - это всего лишь заговор против третьей, а Дидро сказал, что между женщинами существует тайный союз, как между священниками одной и той же религии: они ненавидят друг друга, но защищают друг друга. Последний факт мы достаточно часто наблюдаем при допросе женщин-свидетелей. Зависть, неприязнь, ревность и эгоизм играют яркую роль, и тот удачливый судья, кто может обнаружить, как много в показаниях рождается из этих побуждений. Но до определенного момента женщины

сотрудничают. Эту точку легко найти, поскольку она находится там, где женские качества можно обобщить. До тех пор пока мы придерживаемся во время допроса конкретного случая и пока свидетельница не замечает сочетания своего поведения и мнений с поведением и мнениями объекта ее показаний, она будет позволять себе руководствоваться отчасти правдой, отчасти своим мнением о женщине, о которой идет речь. Но как только мы явно или молчаливо намекаем на общие женские качества или начинаем говорить о каких-то вопросах, в которых свидетельница сама чувствует себя виноватой, она разворачивается и защищает то, на что до этого нападала. В таких случаях мы должны попытаться выяснить, не стали ли мы "общими". Если да, то мы знаем, почему свидетельница защищает обвиняемого.

О женской ненависти можно сказать то же самое, что мы говорили о женской любви. Любовь и ненависть - это лишь положительные и отрицательные аспекты одного и того же отношения. Когда женщина вас ненавидит, она вас любила, любит или будет любить - это надежное правило для многих случаев, в которых женская ненависть дает работу криминалисту. Женская ненависть гораздо сильнее, чем мужская. Святой Григорий говорит, что она хуже дьявольской, потому что дьявол действует в одиночку, а женщина прибегает к помощи дьявола, а Штолле считает, что женщина, жаждущая мести, способна на все. Здесь следует помнить, что для женщин из низших слоев общества ненависть, гнев и месть - лишь разные стадии одного и того же чувства. Более того, никто не находит большего удовольствия в мести, чем женщина. Можно сказать, что месть и стремление к мести - это женские чувства. Настоящего, энергичного мужчину нелегко обратить на это. У женщины это связано с ее большей чувствительностью, которая заставляет гнев, ярость и месть идти дальше, чем у мужчин. Ломброзо сделал больше всего, чтобы показать это, а Мантегацца приводит множество примеров превосходной легкости, с которой женщина впадает в пароксизмы ярости. Поэтому, когда перед нами лежит какое-либо преступление, мотивом которого является месть, и у нас нет возможности добраться до преступника, наше первое подозрение должно быть направлено на женщину или женоподобного мужчину. Далее, когда нам придется делать упорядоченный ряд умозаключений, мы будем исходить из этого предположения в прошлое, настоящее и будущее, и нам не придется сильно удивляться, если успешная месть намного превзойдет свой реальный или надуманный повод и если, возможно, пройдет очень много времени до ее свершения. *Nulla irae super iram mulieris.*

Женская жестокость напрямую связана с женским гневом и ненавистью. Ломброзо уже указал, насколько фундаментальна склонность женщины к жестокости. Случаи хорошо известны, как и частое и удивительное сочетание настоящей сердечной доброты с настоящей жестокостью. Возможно, было бы правильно рассматривать эту жестокость как форму защиты или выражение защиты, так как мы часто видим жестокость и слабость в паре, например, у детей, идиотов и т. д. Это особенно заметно среди кретинов в Альпах. Там хорошо известна опасность гнева кретинов. Однажды один из этих несчастных был замучен до смерти другим, потому что ему показалось, что его жертва получила от благотворительных монахов больший кусок хлеба, чем он. Другой был убит за то, что получил в подарок две пуговицы от брюк. Эти случаи, как мне кажется, указывают на реальную связь между жестокостью и слабостью. Жестокость - это средство защиты, а значит, характерна для слабого пола. Более того, многие курьезные случаи женской жестокости объясняются тем, что женские черты неправильно поняты, подавлены, но сами по себе хороши. Как мы знаем, что бережливость и склонность к экономии в домашнем хозяйстве часто приводят к нечестности, так мы видим, что эти качества вызывают жестокость по отношению к слугам и даже желание убрать с дороги старых и хлопотливых родственников, которые едят хлеб, принадлежащий мужу и детям.

Эти факты служат не только для объяснения преступления, но и для выявления преступника. Если нам удастся, при прочих равных условиях, привести ряд женских черт, с одной из которых можно связать и объяснить жестокость преступления, мы получим ключ к разгадке преступника. Упомянутые примеры - материнская забота о доме и семье, бережливость, скупость, черствость к слугам, жестокость к престарелым родителям - кажутся редкими и не совсем рациональными, однако они встречаются часто и дают верный ключ к разгадке преступника. Существуют и другие подобные сочетания. Всем известна женская любовь к судебным процессам, к ежедневным газетным отчетам о них и к публичным казням. Пока последние были еще распространены в Австрии, газеты регулярно завершали их сообщениями о том, что "нежный" пол составлял подавляющее большинство толпы, ставшей их свидетелями. На публичных казнях женщины низшего сословия, на больших процессах - женщины высших сословий, составляют аудиторию и зрителей. Здесь достаточно четко прослеживается движение от нетерпения, любопытства, через стремление к энергичному нервному возбуждению, к жестокосердию и несомненной жестокости.

Нам нечего было бы делать с этим фактом, если бы мы не имели дело с последним проявлением жестокости, то есть с убийством, особенно со специфически женскими формами убийства - убийством детей и отравлением. Они, конечно, особенно первое, связаны с ненормальными состояниями, которые являются предметом рассмотрения врача. В то же время именно судья рассматривает дело и выносит приговор, и он обязан понимать эти состояния и учитывать каждую деталь, которая может помочь ему сделать вывод.

То, что отравление - это преимущественно женское преступление, - факт, о котором много говорят современные медико-юридические авторы; об этом упоминали даже древние авторы, не медики, такие как Ливий, Тацит и др. Поэтому необходимо тщательно изучить женский характер, чтобы понять, как и почему женщины склонны к этой форме убийства. Для этого нам нужно рассмотреть только обычные факторы повседневной жизни; чрезвычайные условия и т. д., как правило, излишни.

Любое преступление совершается тогда, когда причины для его совершения перевешивают причины для его не совершения. Это справедливо даже для преступлений, совершенных на почве страсти, поскольку, несмотря на молниеносную стремительность поступка, должны были появиться "*за*" и "*против*". Появилось одно, затем другое, "*за*" победило, и поступок был совершен. В других преступлениях этот конфликт длится, по крайней мере, столько времени, чтобы быть определенно заметным, а в более серьезных преступлениях он, как правило, занимает больше времени и больше мотивов. Принципы добра и зла действительно борются друг с другом, и когда человек настолько развращен, что уже не имеет добрых принципов, их место занимает страх разоблачения и наказания, а также вопрос, стоит ли полученная выгода затраченных усилий и т. д. Совершение преступления само по себе свидетельствует о том, что причины его совершения были всесильны. Теперь предположим, что женщине пришла в голову идея убить кого-нибудь. В течение некоторого времени "*за*" и "*против*" будут уравнивать друг друга, и когда последние перевесят, она решит, что *должна* совершить убийство. Если же она так не думает, то не станет этого делать. Любое убийство, кроме убийства с помощью яда, требует смелости, силы воли и физической силы. Поскольку женщина не обладает этими качествами, она спонтанно прибегает к помощи яда. Следовательно, в этом факте нет ничего необычного или значительного, он объясняется привычными женскими чертами. По этой причине, когда возникают сомнения относительно убийцы в случае отравления, следует в первую очередь думать о женщине или о слабом, слабохарактерном мужчине.

Слабость женщины поможет нам еще в одном направлении. Легко предположить, что все формы слабости будут искать поддержки и помощи, будь то физической или моральной. Последняя в случае необходимости склонна прибегать к помощи, которую может оказать личное внутреннее размышление. Эти размышления могут быть, с одной стороны, разубедением, а с другой - убеждением, самооправданием; в первом случае они усмиряют самоуничижение, во втором - страх разоблачения. Поэтому женщина будет стараться убедить не только себя, но и других в том, что ее поступок был оправдан, и в качестве причины будет называть плохое обращение. Возможно, плохое обращение и было, но оно было изменено и извращено настолько, что утратило свою первоначальную форму и стало невыносимым для воображения. Таким образом, из реакций подозреваемой на окружающую среду можно легко сделать ряд выводов, и они тем более убедительны, если происходили в течение достаточно длительного периода времени, в котором они могут быть хронологически упорядочены и на основании которого можно доказать медленное и определенное усиление, *usque ad ultimum*. Такой анализ, конечно, хлопотен, но при систематическом проведении почти всегда дает богатые результаты.

Уловки убеждения, призванные подавить страх разоблачения, - это всегда помощь другого рода. Как правило, они носят общий характер и указывают на то, что предполагаемое преступление уже происходило раньше без опасности, что все было разумно предусмотрено и т. д. Теперь эти обстоятельства менее опасны, но они требуют рассмотрения, когда опираются на некоторые народные представления, особенно на суеверия и определенные обычаи и предположения. Предположим, например, что молодая жена хочет избавиться от старого мужа, за которого она вышла замуж ради его денег. Некоторые пословицы указывают на то, что старики, которые женятся на молодых женщинах, умирают вскоре после свадьбы. Это народное мнение может быть вполне оправдано тем, что полное изменение образа жизни, переживание непривычных вещей, волнение, крайнее напряжение, затем усилия *in venere*, наконец, возможно, также употребление широко известных стимуляторов и т. д., могут легко вызвать ослабление, недомогание и, как заключение, смерть старого человека. Но публика не делает таких выводов, она просто предполагает, не спрашивая о причинах, что когда старик женится на молодой женщине, он умирает. Поэтому молодая жена может легко подумать: "Если я использую яд, никто не удивится, никто не увидит ничего подозрительного в смерти". Это всего лишь событие, которое должно произойти во всем мире. Старик умер, потому что женился на мне". Подобные идеи могут легко соблазнить необразованную женщину и определить ее поведение. Конечно, они не поддаются наблюдению, но и не выходят из-под контроля, если популярные взгляды на определенные вопросы известны как взгляды, определяющие нормы. Поэтому их введение в сюжет подозреваемого может помочь нам сделать полезный вывод.[\[276\]](#)

Что касается убийств детей, то рассмотрение психопатических состояний не обязательно. Конечно, необходимо определить, присутствуют ли они, и поэтому в первую очередь необходимо изучить характер поведения подозреваемого. Возможность для этого есть в любом учебнике по юридической медицине, судебной психопатологии и криминальной психологии. Есть немало старых авторов.[\[277\]](#) Большинство случаев, приводимых авторитетами, показывают, что женщины в самых благоприятных обстоятельствах бесчисленное количество раз вели себя так, что если бы они были бедными девочками, то сразу бы предположили детоубийство. Опять же, они показали, что самые милые и безобидные создания превращаются в настоящих зверей в момент зачатия ребенка или вскоре после него развивают невероятную ненависть к ребенку и мужу. Многие убийства детей, возможно, объясняются привычкой некоторых животных пожирать своих детенышей сразу после рождения. Такие случаи обязывают нас в каждом судебном процессе по делу об

убийстве ребенка тщательно исследовать психическое состояние матери у психиатра и трактовать все, что связано с этим делом, как психолог и гуманист. В то же время нельзя забывать, что одно из самых опасных последствий связано именно с таким отношением. Законодатели без лишних раздумий приняли во внимание психическое состояние матери и сделали детоубийство гораздо менее наказуемым, чем обычное убийство. Таким образом, делается вывод, что нет необходимости изучать условия, которые его вызывают. Это опасно, так как подразумевает убеждение, что дело решается вынесением минимального приговора, когда на самом деле может быть бесконечное множество оценок и различий. Ситуация, которую изучил законодатель, - одна из многих, большинство из которых нам еще предстоит понять и изучить.

Раздел 76. (d) Эмоциональная предрасположенность и смежные темы.

Мадам де Крюденер пишет в письме к Бернардену де Сен-Пьеру: "Я хочу быть сентиментальной". Эти лаконичные слова мудрой пиетистки дают нам представление о значении эмоциональной жизни женщины. Мужчина хочет быть понятым, женщина - почувствовать. Этими эмоциями она портит многое, что мужчина мог бы сделать из-за своего чувства справедливости. Действительно, ряд качеств, которые женщина использует для того, чтобы привлечь к себе внимание, в большей или меньшей степени связаны с ее эмоциональной жизнью. Сострадание, самопожертвование, религия, суеверие - все это зависит от высокоразвитой, почти больной формации ее эмоциональной жизни. Женская благотворительность, женская деятельность в качестве сиделки, женские прошения о помиловании преступников, бесконечное множество других образцов женской доброты должны убедить нас в том, что эти действия являются неотъемлемой частью их эмоциональной жизни, и что женщины выполняют их, возможно, только в каком-то мрачном осознании собственной беспомощности. С одной стороны, бессознательный эгоизм побуждает их вставать на защиту тех, кто оказался в *подобном* положении; с другой стороны, женская особенность - сначала применить все, что ей предстоит оценить, к себе, а затем сделать свой выбор. То, что она это делает, основывается на выдающемся перевесе эмоций. Так, Шопенгауэр говорит: "Женщины очень отзывчивы, но они отстают от мужчин во всех вопросах справедливости, честности и скрупулезной добросовестности. Несправедливость - основной женский недостаток".[278] Шопенгауэру следовало бы добавить: "Потому что они слишком сочувствуют, потому что эмоции занимают так много места в их сознании, что у них не остается места для справедливости". По словам Прудона, "совесть женщины настолько же слабее мужской, насколько меньше ее интеллект. Ее мораль другого рода, ее представления о правильном и неправильном отличаются, она всегда на той или иной стороне справедливости и никогда не требует эквивалентности между правами и обязанностями, которые являются такой болезненной необходимостью для мужчины". Спенсер говорит,[279] кратко, что женский ум демонстрирует определенный недостаток в отношении чувства справедливости.

Эти утверждения показывают, что женщинам не хватает справедливости, но не показывают, почему. Недостаток можно объяснить только избытком эмоциональной жизни. Этот избыток проясняет ряд фактов их повседневной жизни. Мы, конечно, должны делать различие между чувствами дворянки, крестьянки и бесчисленных классов между ними, но это различие не является существенным. И дворянин, и пролетарий одинаково несправедливы, но богатое чувство восстанавливает в тысячу раз больше того, что может быть упущено в справедливости, и, возможно, во многих случаях лучше попадает в то, что абсолютно правильно, чем голое мужское чувство справедливости. Конечно, мы часто ошибаемся, полагаясь на свидетельства женщин, но только тогда, когда предполагаем, что наш строгий

судебный приговор - единственно верный, и когда не знаем, как судят женщины. Поэтому мы интерпретируем женские свидетельства с трудом и редко правильно; мы забываем, что почти каждое женское высказывание содержит в себе гораздо больше суждений, чем свидетельство мужчины; мы не исследуем, сколько в нем реальных суждений; и, наконец, мы взвешиваем эти суждения на других весах, чем те, которыми пользуется женщина. Поэтому лучше всего, когда мы берем свидетельства мужчины и женщины вместе, чтобы найти правильное среднее значение. Это нелегко, поскольку мы не можем должным образом проникнуть в эмоциональную жизнь женщины и, следовательно, не можем сбрасывать со счетов ее склонность перетаскивать объективную истину в какое-то предвзятое русло. Теоретически можно предположить, что благородное, доброе, женское чувство склонно отражать все в лучшем и более мягком виде, оправдывать и скрывать. Если бы это было так, у нас был бы определенный стандарт оценки, и мы могли бы отбросить женскую предвзятость. Но так происходит, пожалуй, не более чем в половине случаев, которые предстают перед нами. Во всех остальных случаях женщина позволяет себе проявить недовольство и предстает в роли карающей мстительницы. Следовательно, она всеми силами борется на стороне, которая кажется ей угнетенной и невинно преследуемой, независимо от того, это сторона обвиняемого или его врага. Следовательно, оценивая ее высказывания, мы должны прежде всего определить, в каком направлении движут ее эмоции, а это невозможно сделать, просто зная человеческую природу. Ничто не поможет, кроме тщательного изучения конкретной женщины-свидетеля в момент дачи ею показаний. А это требует затрат большого количества времени, ведь погрузиться в самую гущу событий, не имея никаких средств для сравнения или сопоставления, значит сделать суждение невозможным или очень небезопасным. Если вы вообще собираетесь это делать, вы должны сначала обсудить другие вещи и даже позволить себе нечестно спросить о вещах, которые вы уже знаете, чтобы определить степень женской косности. Разумеется, здесь можно обнаружить только степень косоглазия, но не его направление: в случае, выбранном для сравнения, женщина могла судить слишком мягко, в данном случае она может быть слишком строгой. Но все вещи имеют определенный предел, а значит, много практики и много доброй воли помогут нам определить направление косности.

Когда мы исследуем эмоциональную жизнь простых, необразованных женщин, мы обнаруживаем, что она в основе своей такая же, как и у женщин других классов, но отличается по выражению, и именно за этим выражением нам приходится наблюдать. Его форма часто бывает сырой, поэтому его трудно обнаружить. Оно может выражаться в ругательствах и проклятиях, но все равно это выражение эмоций, как и проклятия матери или побои ее ребенка за то, что он упал и поранился. Но обратите внимание, что преобладание эмоций - это настолько глубоко женское состояние, что оно явно заметно только там, где ярко выражена сама женственность - поэтому всегда слабее у мужественных женщин, а у отдельных индивидуумов наиболее сильно, когда женственность наиболее полно развита. Она растет в детстве, остается на постоянном уровне, когда женщина становится полностью женщиной, и уменьшается, когда в преклонном возрасте половые различия начинают исчезать. Очень старые мужчины и очень старые женщины в этом вопросе также очень близки друг к другу.

Раздел 77. (е) Слабость.

"Хрупкость, имя тебе - женщина", - говорит Шекспир, а Корвин объясняет это в дразнящей манере: "Женщины каждый день молятся: 'Не введи нас в искушение, ибо, видит Бог, если ты это сделаешь, я не смогу устоять'". "Даже Кант^[280] принимает женскую слабость как

отличительный критерий: "Чтобы понять все человечество, нам нужно только обратить внимание на женский пол, ибо где сила слабее, там оружие гораздо искуснее". Опытные криминалисты объясняют тот известный факт, что женщины являются главными источниками анонимных писем, их слабостью. Из физической неполноценности женщины можно вывести ее умственную неполноценность, и хотя мы сто раз убеждались, что маленькие, слабые мужчины могут быть умственно сильнее больших и сильных, конечно, естественно, что, как правило, результатом сильного тела является и сильный ум. Трудность заключается в том, чтобы понять, в чем выражается женская слабость. Вольтер объясняет часто встречающееся в шутках охаивание мужчин как исполнение божественного замысла укрощения мужчин с помощью специально созданного инструмента - женщины. Виктор Гюго называет мужчин лишь игрушками женщины. "О, это возвышенное провидение, дающее каждому свою игрушку, куклу - ребенку, ребенка - мужчине, мужчину - женщине, женщину - дьяволу". Народная пословица также, похоже, наделяет их значительной силой, по крайней мере, пожилых женщин. Ведь во всевозможных вариациях мы слышим выражение: "Старуха рискнет там, где и дьявол не посмеет ступить". Мы также не должны недооценивать ежедневный опыт женской способности переносить боль. Опытные акушерки в один голос уверяют нас, что ни один мужчина не вынесет того, что регулярно приходится делать женщине, когда она рождает ребенка; хирурги и стоматологи уверяют нас в том же самом. Действительно, великий хирург Биллрот, как говорят, утверждал, что он пытался применять новые методы операций на женщинах прежде всего потому, что они менее подвержены боли, поскольку, подобно дикарям, являются существами более низкого статуса и, следовательно, способны сопротивляться лучше, чем мужчины. В свете таких высказываний мы должны усомниться в утверждении, что женщины отличаются слабостью, и все же это утверждение верно. Однако слабость нужно искать не там, где мы ожидаем ее найти, а в совершенно ином женском интеллекте. Там, где интеллект не принимается во внимание, женщина, скорее всего, покажет себя сильнее мужчины. Она лучше переносит несчастья, ухаживает за больными, переносит боль, воспитывает детей, осуществляет план, упорствует в реализации плана. Было бы неправильно говорить, что женская слабость - это слабость воли, ведь большинство примеров показывают, что воля у женщин сильная. Именно в вопросах интеллекта они терпят поражение. Когда нужно кого-то убедить, мы видим, что нормально организованный мужчина может согласиться, если ему показать логически выстроенный ряд причин. Но женский интеллект не способен к логике; более того, мы ошиблись бы, воздавая должное женскому началу в женщине, если бы она была способна к логике. Ее скорее можно убедить кажущимися причинами, преходящими и блестящими, имеющими лишь видимость истины. Мы находим ее слишком готовой к согласию и обвиняем ее волю, когда это всего лишь разновидность ее интеллекта. Точно так же она убеждает и себя. Ей достаточно эпитета, блестящей эпиграммы, умиротворяющего размышления; ей не нужна целая конструкция разума, и поэтому она совершает поступки, которые мы снова называем "слабыми". Возьмем, к примеру, такое глубоко женское размышление, как: "Сердце вроде бы бьется - почему бы ему не биться для кого-то?" - и женщина бросается на грудь какому-нибудь искателю приключений. Мир, узнавший об этом факте, плачет над женской "слабостью", в то время как на самом деле он должен плакать над дефектами интеллекта и плохой логикой. То, что физиологическое биение сердца не обязательно должно означать любовь, что обладательница бьющегося сердца не обязательно должна быть заинтересована в каком-то мужчине, и уж точно не в этом конкретном авантюристе, она даже не считает возможным. Ее устраивает этот чистый, сверкающий силлогизм, и ее понимание спокойно. Судья в уголовном суде всегда в первую очередь должен рассматривать слабость женского интеллекта, а не женской воли.

Предполагается, что именно слабость воли делает женщину сплетницей, неспособной хранить тайны. Но здесь снова виновато ее понимание. Об этом свидетельствует тот факт, уже подробно рассмотренный Кантом, что женщины хорошо хранят свои собственные секреты, но никогда - чужие. Если бы это не было недостатком интеллекта, они могли бы оценить ущерб, который наносят. Теперь каждый из нас, криминалистов, знает, что совершенное преступление и даже его план в большинстве случаев были преданы женщинами. Больше всего об этом мы можем узнать от детективов, которые всегда обращаются к женщинам для выяснения фактов, и редко без успеха. Конечно, судья не должен вести себя как детектив, но он должен знать, где искать, когда что-то уже является предметом обсуждения и его источник ищут. Он должен искать женщину в этом деле.

Еще одним важным соображением является тот факт, что женщины, которые рассказывали секреты, также изменяли их. Это связано с тем, что из-за того, что это секреты, им не рассказали всего, и им пришлось многое домысливать, или они не поняли то, что было сказано. Теперь, если мы видим, что только часть раскрытого секрета может быть верной, ситуацию можно вывести с полной безопасностью, но только помня об этой любопытной черте женского интеллекта. Нужно только спросить, какие нелогичные элементы содержит дело? Когда они будут обнаружены, мы должны спросить, какова их логическая форма? Если следовать этому процессу правильно, мы придем к истине: то, что происходит, происходит логично, но то, что мыслится, мыслится нелогично даже женщинами.

Подводя итог всему, что мы знаем о женщине, мы можем сказать коротко: Женщина не лучше и не хуже, не более и не менее ценна, чем мужчина, но она отличается от него, и поскольку природа создала каждый объект правильно для его цели, женщина также была создана таким образом. Причина ее существования отличается от причины существования мужчины, а значит, отличается и ее природа.

Раздел 78. (b) Дети.

Особый характер ребенка следует иметь в виду как при выступлении в качестве свидетеля, так и в качестве обвиняемого. Обращаться с ним, как со взрослым, всегда неправильно. Более того, было бы неправильно искать различия в его незрелости и неопытности, в его небольших знаниях и более узком кругозоре. Это лишь часть различий. Дело в том, что поскольку ребенок находится в процессе роста и развития своих органов, поскольку отношения их друг к другу иные и функции иные, он фактически является существом, отличным от взрослого. Если мы подумаем, насколько отличаются тело и действия ребенка, насколько различно его питание, насколько по-разному влияют на него посторонние влияния и насколько различны его физические качества, мы должны увидеть, что его психический характер также совершенно иной. Следовательно, разница в степени ничего не говорит нам, мы должны искать разницу в роде. Наблюдений за отдельными людьми недостаточно. Мы должны провести специальные исследования в богатейшей литературе.[281]

Раздел 79. (1) Общие соображения.

Не нужно много знать о детях, чтобы понять, что, как правило, дети более честны и прямолинейны, чем взрослые. Они хорошие наблюдатели, более незаинтересованные и, следовательно, беспристрастные при даче показаний, но в силу своей слабости более подвержены влиянию других людей. Помимо преднамеренного влияния, существует огромное влияние выбранных предубеждений. Если ребенок является важным свидетелем, мы никогда не сможем добиться от него правды, пока не выясним, каковы его идеалы. Конечно, верно, что все, у кого есть идеалы, подвержены их влиянию, но верно и то, что дети

с авантюрными, образными наклонностями настолько погружены в них, что все, что они думают или делают, приобретает от них цвет, тон и значение. То, что делает объект приключений, - хорошо, то, чего он не делает, - плохо, то, чем он обладает, - красиво, а то, что он утверждает, - правильно. Многочисленные необъяснимые утверждения и поступки детей проясняются благодаря ссылке на их конкретные идеалы, если их можно назвать идеалами.

Как правило, мы можем считать, что дети обладают определенным чувством справедливости, и им крайне неприятно, когда с кем-то обращаются не так, как он того заслуживает. Но в этой связи необходимо учитывать, что у ребенка есть свои собственные представления о том, что такое заслуга человека, и эти представления редко могут быть оценены нами. Точно так же несомненно, что, не имея повода для размышлений или беспокойства, дети очень интересуются и хорошо запоминают то, что происходит вокруг них. Но, опять же, мы должны помнить, что сам интерес развивается с позиции ребенка и что его память конструирует новые события в терминах его предыдущего опыта. Как правило, мы можем предположить в его памяти только то, что уже встречалось в его занятиях. То, что является новым, совершенно новым, должно сначала найти свою функцию, а это трудно. Если ребенок что-то вспомнит, он сначала попытается подогнать это под какую-то уже имеющуюся функцию памяти, а та в свою очередь впитает новый факт, хорошо или плохо, в зависимости от ситуации. Частое игнорирование этого факта является причиной многих ложных интерпретаций того, что сказал ребенок; считается, что он воспринял неверно и сделал ложный пересказ, в то время как он лишь воспринял и пересказал по-своему.

Поскольку у детей редко бывает правильное представление о ценности жизни, они наблюдают за несомненной смертью без особого страха. Этим объясняется множество невероятных поступков, проявленных ребенком, когда взрослый, испугавшись, ничего не видит. Поэтому несправедливо сомневаться во многих высказываниях детей, потому что вы сомневаетесь в их "мужестве". О "смелости" речь вообще не шла.

Что касается разницы между мальчиками и девочками, Лёбиш[282] справедливо отмечает, что девочки лучше запоминают людей, а мальчики - вещи. Кроме того, он добавляет: "Более молчаливая девочка, которой дано наблюдать то, что перед ней, показывает себя более обучаемой, чем злобный и к тому же более мнительный мальчик, который понимает с трудом, потому что он призван быть лучше обоснованным и идти дальше в деле познания. Девочка, в целом, более любопытна, мальчик - более жаден до знаний. То, что ему не удастся, к чему его не подталкивает любовь или талант, он упрямо отбрасывает в сторону. В то время как девочка лояльно и доверчиво впитывает ее учение, мальчик остается неудовлетворенным, не понимая, *почему* или *как*, не имея доказательств. Мальчик с каждым днем все больше и больше погружается в мир понятий, в то время как девочка думает о предметах не как о членах класса, а как об определенных конкретных вещах".

Раздел 80. (2) Дети как свидетели.

Однажды, изучая ценность показаний детей, я пришел к выводу, что в некоторых отношениях они превосходны, поскольку не так подвержены влиянию страстей и особых интересов, как показания взрослых, и потому, что мы можем предположить, что дети классифицировали не слишком много, а слишком мало; что они часто не понимают события, но инстинктивно чувствуют, что оно означает беспорядок, и, следовательно, интересуются им. Позже у ребенка расширяется кругозор, и он понимает то, чего раньше не понимал, хотя, возможно, и не совсем правильно.

Я также обнаружил, что мальчик, только что вышедший из детского возраста, если его хорошо воспитали, является особенно лучшим наблюдателем и свидетелем. Он с интересом наблюдает за всем, что происходит, без предубеждения синтезирует события и точно их воспроизводит, в то время как девочка того же возраста часто оказывается ненадежным и даже опасным свидетелем. Это почти всегда происходит, когда девочка в той или иной степени талантлива, импульсивна, мечтательна, романтична и авантюрна, - она выражает своего рода *weltschmerz*, связанный с эннуцией. Это происходит рано, и если девочка в этом возрасте сама оказывается втянутой в круг событий, о которых идет речь, мы никогда не застрахованы от крайних преувеличений. Самая мелкая кража превращается в мелкое ограбление, грубое оскорбление - в замечательное нападение, глупая шутка - в интересное обольщение, а глупый, мальчишеский разговор - в важный сговор. Такие причины ошибок хорошо известны всем судьям; в то же время они вновь и вновь допускаются.

Единственным средством предохранения от них является возможно более ясное представление об умственном кругозоре ребенка, о котором идет речь. У нас очень мало общих знаний о нем, и поэтому мы во многом обязаны современным попыткам учителей общественных школ предоставить информацию. Мы все знаем, что должны делать различия между городскими и деревенскими детьми, и не должны удивляться деревенскому ребенку, который не видел газового фонаря, железной дороги или чего-то подобного. Стэнли Холл попытался выяснить у шестилетних детей, действительно ли они знают вещи, названия которых они свободно употребляют. В результате выяснилось, что 14 % из них никогда не видели звезды; 45 % никогда не были в деревне; 20 % не знали, что молоко получают от коровы; 50 % - что дрова добывают из деревьев; 13-15 % - разницу между зеленым, синим и желтым; а 4 % никогда не были знакомы со свиньей.

Карл Ланге провел эксперименты (о которых сообщается в книге "Über Apperzeption", Plauen, 1889) на 500 учениках 33 школ в небольших городах. Эксперимент показал, что 82 % никогда не видели восхода солнца; 77 % - заката; 36 % - кукурузного поля; 49 % - реки; 82 % - пруда; 80 % - замка; 37 % никогда не были в лесу, 62 % - в горах, а 73 % не знали, как из зерна делают хлеб. Невольно возникает вопрос, в каком положении находятся несчастные дети больших городов, и, более того, что мы можем ожидать от детей, которые не знают подобных вещей и в то же время легко о них говорят? Взрослые тоже не свободны от этой трудности. Мы никогда не видели ни живого кита, ни песчаной бури в Сахаре, ни древнего тевтона, но говорим о них уверенно и глубокомысленно, ни разу не застраховав себя от того, что никогда их не видели. Так же, как мы о древнем тевтоне, так и дети о лесе; ни те, ни другие не видели их, но одно описание имеет такую же или такую же малую ценность, как и другое".

Что касается интеграции органов чувств, Бинэ и Анри[283] обследовали 7200 детей, которых они заставляли имитировать длину модельной линии или выбирать из коллекции линий те, которые имеют сходную длину. Последний эксперимент оказался необычайно успешным.

Чувства детей особенно остры и правильно развиты. Анатомически верно, что совсем маленькие дети плохо слышат, но это происходит в возрасте, который не может нас интересовать. Обоняние у них, по мнению Хойзингера, очень тупое и развивается в период полового созревания, но более поздние наблюдатели, в частности те, кто, как Гак, Клоке и другие, изучал обоняние, ничего об этом не говорят.

Относительно точности представления у детей авторитеты противоречат друг другу. Монтень утверждает, что все дети лгут и упрямы. Бурден подтверждает его. Модсли говорит, что у детей часто возникают иллюзии, которые кажутся им несомненно реальными образами, а Миттермайер утверждает, что они поверхностны и обладают юношескими фантазиями.

Практический опыт не подтверждает это суждение. Многоопытный Гердер неоднократно отмечал, что дети - прирожденные физиогномисты, а Соден очень высоко ценит детское бескорыстие. По мнению Лёбиша, дети говорят неправду, не лгая. Они говорят только то, что у них на уме, при этом они не знают и их мало волнует, является ли их мысленное содержание объективным и существует вне их, или же оно лишь наполовину реально, а остальное - выдумка. Это подтверждается юридическим опытом, который также показывает нам, что субъективная половина рассказа ребенка может быть легко идентифицирована. Она характерно отличается от реального события, и спутать их невозможно.

Нельзя забывать и о том, что в понимании ребенком того, что он воспринимает, есть пробелы. Наблюдая событие, он может, например, полностью понять первую часть, вторую часть найти совершенно новой и непонятной, третью - снова понятной и т. д. Если ребенок заинтересован лишь наполовину, он будет пытаться заполнить эти пробелы путем размышлений и синтеза и, возможно, допустит серьезные ошибки. Ошибки и неточности возрастают тем больше, чем дальше в юность ребенка уходит событие. Реальная способность к запоминанию уходит далеко в прошлое. Прейер^[284] рассказывает о случаях, когда дети рассказывали о событиях, которые они пережили в тридцать два, двадцать четыре и даже восемнадцать месяцев, и рассказывали их правильно. Конечно, взрослые люди не вспоминают о событиях столь раннего возраста, поскольку давно их забыли. Но совсем маленькие дети могут вспомнить такие переживания, хотя в большинстве случаев их воспоминания бесполезны - круг их представлений настолько мал, что самые обычные переживания исключены из адекватного описания. Но их стоит учитывать, когда речь идет о простом факте или о сомнении (Тебя били? Был ли там кто-нибудь? Где стоял человек?).

Детские определения времени ненадежны. Маленькие дети легко путают вчера и сегодня, а чтобы отличить вчера от недели назад или даже от недели и месяца, нужен значительно развитый интеллект. То, что в таких случаях нам необходима правильная индивидуализация свидетеля, очевидно само собой. Условия воспитания ребенка, то, что он научился знать, - вот что мы должны узнать в первую очередь. Если вопрос, о котором идет речь, может уложиться в понятие, которым владеет ребенок, он ответит лучше и больше, если он совсем не одарен, чем очень умный ребенок, которому чужды понятия определенной ситуации. Я считаю, что интеллект в таких случаях имеет лишь второстепенное значение, и советую отказаться от разделения умных и глупых детей в пользу разделения практичных и непрактичных детей. Последнее имеет существенное значение. Как талантливые, так и глупые дети могут быть практичными или непрактичными. Если ребенок талантлив и практичен, он станет полезным членом общества, который везде будет дома и сможет помочь себе при любых обстоятельствах. Если ребенок талантлив и непрактичен, он может вырасти профессором, как принято считать. Если ребенок неталантлив и практичен, он займет определенное место, а если повезет и "потянет", может даже достичь высокого положения в жизни. Если же он неталантлив и непрактичен, то становится одним из тех несчастных существ, которые никогда ничего не добьются. Для роли свидетеля важна практичность ребенка. Практичный ребенок увидит, заметит, правильно поймет и воспроизведет целый ряд вещей, которые непрактичный ребенок даже не заметил. Конечно, хорошо также, если ребенок талантлив, но я повторяю: наименее умный практичный ребенок стоит как свидетель больше, чем самый умный непрактичный ребенок.

Что означает термин "практичный", сказать трудно, но все это знают, и все видели, кто вообще заботился о детях, что бывают практичные дети.

Раздел 81. (3) Преступность несовершеннолетних.

Никогда не было недостатка в авторах, которые приписывали детям большую группу пороков. Со времен Ломброзо в определенном кругу принято находить в детях предвестия самых страшных преступлений. Если существуют врожденные преступники, то из этого следует, что преступники есть и среди детей. Доказано, что самые жестокие и самые нечеловеческие люди, такие как Нерон, Каракалла, Калигула, Людовик XI, Карл IX, Людовик XIII и т. д., проявляли признаки большой жестокости даже в самом раннем детстве. Перес приводит в пример приступы гнева и ярости у детей; Моро - раннее развитие чувства мести; Лафонтен - отсутствие у них жалости. Нассе также обращает внимание на жестокость и дикость большого количества детей, проявляющуюся в их любви к историям ужасов, в неожиданном завершении историй, которые они рассказывают сами, в их жестокости по отношению к животным. Бруссэ[285] говорит: "Вряд ли найдется мальчик, который не будет намеренно издеваться над более слабыми мальчиками. Это его первый импульс. Крики боли его жертвы на мгновение удерживают его от дальнейших издевательств, если любовь к издевательствам не является для него родной. Но при первой же возможности он снова следует своему инстинктивному порыву".

Даже сила обучения снижается, что выражается в пословице, что дети и народы принимают к сведению только свои последние побои. Время около, и особенно непосредственно перед, развитием половой зрелости кажется особенно плохим, и, согласно Voisin[286] и Friedreich,[287] современный человек видит в этом начале мужественности причину самых необычных и сомнительных импульсов. С тех пор как Эсквироль изобрел учение о мономании, выросла целая литература, особенно о пиромании у девочек, которые только-только становятся пригодными для брака, и Фридрих даже утверждает, что все дети пубертатного возраста страдают пироманией, а Громанн считает, что золотушные дети имеют привычку воровать.

При проверке этой литературы неизбежен вывод о чрезмерно смелом обобщении. Это легко понять. Конечно, есть дети с плохим поведением, и нельзя не согласиться с итальянскими позитивистами, добавив, что многие преступники даже в ранней юности были ни на что не годны. Но здесь мы имеем дело со специфическими задатками детства, и, конечно, было бы преувеличением ставить их ниже, чем задатки зрелости. Если спросить, какое влияние оказывают воспитание и обучение, если дети хороши и без них, мы сразу же ответим, что они уже сделали достаточно, обеспечив противовес развращающим влияниям жизни - пробуждающимся страстям и окружающей среде.

Дети, которые плохо себя ведут в раннем возрасте, легко заметны. Они создают шум и проблемы, которых нет у тысяч хорошо воспитанных детей, и несколько таких плохих детей воспринимаются как представитель всех. То, что тихо и незначительно, проходит само по себе, не производит никакого впечатления, даже если оно несравненно более значимо. Отдельные и шумные случаи требуют столь пристального внимания, что их характер приписывается всему классу. Аналогично относятся к гаданиям, снам, предчувствиям и пророчествам. Если они не приносят успеха, о них забывают, но если в одном случае они удаются, то производят большой шум. Таким образом, они, по-видимому, соблазняют разум, заставляя его ошибочно интерпретировать их как типичные. И вообще, существует тенденция делать огульные заявления о детях. "Если ты понял это, то поймешь и то", - часто говорят детям, и чаще всего несправедливо. К ребенку относятся как к взрослому человеку, с которым *это* случалось так же часто, как и *то*, и у которого достаточно ума и опыта, чтобы применить *это* к *тому* путем идентификации. Рассмотрим утрированный пример. Ребенок, допустим, прекрасно знает, что воровство - это бесчестно, грешно, преступно. Но он не

знает, что фальшивомонетничество, вероломство и поджог запрещены. Однако эти различия можно свести к волоску. Он знает, что воровство запрещено, но считает допустимым "затариваться" плодами соседей. Он знает, что ложь - это грех, но не знает, что некоторые виды лжи внезапно становятся наказуемыми, согласно закону, и называются мошенничеством. Поэтому, когда мальчик говорит дяде, что папа послал его за деньгами, потому что дома их нет, и когда маленький плут тратит деньги на сладости, он, возможно, считает, что ложь некрасива, но что он совершил что-то объективно наказуемое, он может быть совершенно не в курсе. Ребенку так же трудно стать субъективным. Ребенок в большей степени эгоист, чем взрослый; с одной стороны, потому что взрослый защищает его и следит за ним по многим направлениям; с другой стороны, потому что по природе вещей ему не нужно ни о ком заботиться, и он потерпел бы кораблекрушение, если бы о нем самом не заботились. Естественным следствием этого является то, что он не обнаруживает границ между тем, что допустимо, и тем, что недопустимо. Как говорит Краус,^[288] "Незрелая юность проявляет ярко выраженное качество в различении добра и зла. Ребенок этого возраста, от которого требуется судить о действиях или отношениях людей, не заставит себя ждать в ожидании правильного решения, но если действие приводится в связь с его самостью, с его собственной личностью, возникает внезапная извращенность, искажение суждения, неспособность ребенка поставить себя на объективную точку зрения". Следовательно, неправильно спрашивать ребенка: "Разве ты не знал, что не должен был делать этого?". Ребенок ответит: "Да, я знал", но не посмеет добавить: "Я знал, что другие люди не должны этого делать, а я могу". Необязательно, чтобы так говорил избалованный, изнеженный питомец; такое предвзятое отношение есть у любого ребенка. И как он узнает границу между тем, что ему позволено, и тем, что нет? Взрослые должны работать, а ребенок играет; мать должна готовить, а ребенок приходит к нагруженному столу; мать должна стирать, а ребенок носит чистую одежду; он получает лакомства; его защищают от холода; ему прощают многие поступки и многие слова, не дозволенные взрослым. И вдруг его обвиняют в том, что он продолжает пользоваться своими признанными привилегиями. Тот, кто помнит об этом искусственном, но, тем не менее, необходимом эгоизме детей, должен будет более доброжелательно относиться ко многим детским преступлениям. Кроме того, нельзя упускать из виду, что многие вещи ребенок делает просто в качестве слепого подражания. Более точное наблюдение за этим хорошо известным психологическим фактом покажет, насколько обширно детское подражание. До определенного предела, конечно, ответственность присутствует и здесь, но если ребенок подражает человеку, которому можно подражать, родителю, учителю и т. д., его ответственность заканчивается.

В целом можно сказать, что никто не привел ни одного доказательства того, что дети ведут себя хуже, чем взрослые. Опыт учит, что лицемерие, расчетливое зло, умышленный эгоизм, целенаправленная ложь встречаются среди детей несравненно реже, чем среди взрослых, и что в целом они хорошо и охотно выполняют свои обязанности. Мы можем считать детей, за исключением девочек, достигших половой зрелости, хорошими и надежными свидетелями.

Раздел 82. (с) Сенильность.

Представляется, что мы, юристы, недостаточно учитываем характеристики дряхлости. Эти характеристики являются столь же определяющими, как детские или половые, и их игнорирование может привести к серьезным последствиям. Мы не будем рассматривать ту степень старости, которую называют вторым детством. На этом этапе возникает серьезный вопрос, не имеем ли мы дело с идиотизмом возраста или, по крайней мере, со слабостью восприятия и памяти, настолько очевидной, что ее невозможно перепутать.

Важным этапом является тот, который предшествует этому, и на котором еще не ощущается определенный упадок умственных способностей. Как первая стадия ранней юности заканчивается, когда различие между мальчиком и девочкой становится совершенно определенным, так и важная деятельность жизненного процесса завершается, когда это различие начинает вырождаться. По сути, оно определяется приближением друг к другу внешнего облика представителей обоих полов, их голосов, внутреннего характера и отношения. То, что является типично мужским или женским, исчезает. Именно в этот момент наступает крайняя старость. Количество лет, степень интеллекта, образование и другие различия не имеют большого значения, и последующие особенности можно легко вывести, рассмотрев природу крайней старости. Задача жизни закончена, потому что физические силы больше не имеют границ. По той же причине ослабевает сопротивление врагам, уменьшается мужество, увеличивается забота о физическом благополучии, все происходит медленнее и с большим трудом, и все из-за вновь появившейся слабости, которая отныне становится денотативной чертой всей этой части человеческой природы. Следовательно, Ломброзо[289] не ошибается, когда говорит, что характерные болезни глубокой старости встречаются у женщин реже, чем у мужчин. Это так, потому что изменения в женщинах не столь внезапны и не столь сильны, поскольку они изначально слабы, в то время как мужчина становится немощной седой бородой внезапно и из полноты своей мужественной силы. Перемена так велика, разница так значительна и болезненна, что следствием должен быть ряд неприятных свойств, - эгоизм, возбудимость, угрюмость, жестокость и т. д. Знаменательно, что очень старый человек приобретает все те неприятные черты, которые мы отмечаем у евнухов, - они проистекают из сознания утраты власти.

Именно из этого факта Краус (loc. cit.) выводит преступления крайней старости. "Возбудимая слабость старика приводит его к большой опасности стать преступником. Возбудимости противостоит медлительность и односторонность мышления; его легко удивить по пустякам; он вырывается из дремоты и ведет себя как сонный пьяница..... Очень пожилой человек фанатично любит отдых - любое нарушение покоя беспокоит его. Поэтому весь его гнев, все его придирки и ссоры, все его упрямство и жесткость имеют единственную цель: "Оставьте меня в покое". "

Это сонное пьянство оценивается по-разному. Генри Холланд в одной из своих "Фрагментарных статей" говорит, что возраст приближается к состоянию сна, в котором иллюзия и реальность легко путаются. Но это может относиться только к последним стадиям крайней старости, когда жизнь превращается в очень слабую, вегетативную функцию, но люди на этой стадии почти не совершают преступлений.

Проще было бы сказать, что слабость старого человека придает прежним тенденциям его молодости определенное направление, которое может привести к преступлению. Все болезни развиваются в направлении новой слабости. Но эгоизм или жадность не молоды. Поэтому мы должны предположить, что стареющий человек, ставший скрягой, начинал с благоразумия, но не отказывал себе и своим друзьям, потому что знал, что впоследствии сможет восстановить то, что они употребили. Теперь он стар и слаб, он знает, что уже не может сделать это легко, то есть что его деньги и имущество - это все, от чего он должен зависеть в старости, и поэтому он очень боится потерять или уменьшить их, так что его благоразумие превращается в скупость, затем в манию владения, и даже хуже; в конце концов это может превратить его в преступника.

В сексуальном плане ситуация та же. Слишком слабый, чтобы удовлетворить естественные инстинкты взрослых, он нападает на незрелых девочек, а его страх перед людьми, которым он уже не может противостоять, превращает его в отравителя. Дробиш обнаруживает, что

благодаря изменению характеристик на каждой стадии можно выделить определенные элементы самости. Отличительным элементом крайней старости, дряхлости, является потеря сил, и если мы будем помнить об этом, то сможем объяснить все явления, характерные для этого периода.

Сенильные люди требуют особого отношения к себе как к свидетелям. Точное изучение таких людей и не слишком богатой литературы о них, однако, даст достаточную основу для дальнейшей работы. Самое важное можно найти в любом учебнике по психологии. В индивидуальных случаях значительно помогает предположение, что психическая организация при дряхлости существенно упрощается и сужается до нескольких типов. Ее деятельность ослаблена, влияния и цели сжаты, настоящее мало что приносит и мало что помнится, так что ее коллективный характер определяется результирующей, состоящей из тех сил, которые влияли на прошлую жизнь человека. Точное наблюдение выявит только два типа дряхлости.^[290] Есть озлобленный тип, а есть характер, выраженный во фразе: "Все понять - все простить". Дряхлости редко удастся представить факты объективно. Все, о чем она рассказывает, связано с ее суждением, а суждение это либо негативное, либо позитивное. Характер суждения зависит не столько от эмоционального характера старика, сколько от его жизненного опыта. Если он относится к числу озлобленных, то, скорее всего, он так опишет возможно вредное, но не плохое событие, что сможет пожаловаться на злобу мира, который его породил, что в свое время с ним случилось такое-то и такое-то зло. Оправдывающийся дряхлый человек начнет со слов: "Боже правый, все было не так уж плохо. Люди были молоды и веселы, и вот один из них..." То, что одно и то же событие предстает перед каждым из них в принципиально разном свете, очевидно. К счастью, старческого маразматика легко пронять, и его первые слова показывают, как он смотрит на вещи. Он создает трудности в основном за счет введения воспоминаний, которые всегда окрашивают и изменяют доказательства. Знакомый факт, что очень старые люди помнят давно минувшие события лучше, чем сиюминутные, объясняется тем, что древний мозг сохраняет только то, что он часто переживал. Старый опыт вспоминается в памяти сотни и сотни раз и, следовательно, может пустить там глубокие корни, в то время как новый может быть повторен лишь несколько раз и, следовательно, не успевает занять свое место, прежде чем будет забыт. Если старик рассказывает о каком-то недавнем событии, в его сознании оживает и такое же отдаленное событие. Последнее, однако, имеет если не более яркую, то, по крайней мере, столь же энергичную окраску, так что рассказ старика часто состоит из давно минувших событий. Я не знаю, как устранить эти старые воспоминания из этой истории. Здесь всегда есть трудности, тем более что личный опыт зла обычно преобладает в этих воспоминаниях. Несправедлива пословица "Если молодость глупа, то старость это хорошо помнит".

Раздел 83. (d) Различия в концепции.

Я хотел бы добавить к сказанному ранее, что старость представляет факты и суждения вместе. В определенном смысле так поступает каждый возраст и каждый человек, и, как я уже неоднократно говорил, было бы глупо утверждать, что мы имеем право требовать от свидетелей только фактов. Если не принимать во внимание наличие умозаключений в большинстве чувственных восприятий, любое изложение содержит, без исключения, суждение о предмете, хотя, возможно, лишь в нескольких сухих словах. Оно может заключаться в каком-то выбранном выражении, в тоне, в жесте, но оно там, открытое для внимательного наблюдения. Рассмотрим любое простое событие, например, ссору двух пьяниц на улице. И предположим, что мы поручаем любому из многих свидетелей рассказать нам только факты. Он сделает это, но с вводными словами: "Это было совершенно обычное

событие", "совершенно шуточное", "совершенно безобидное", "довольно отвратительное", "очень смешное", "отвратительный кусок истории нравов", "слишком печальное", "недостойное человечества", "страшно опасное", "очень интересное", "настоящее исследование для ада", "просто картина будущего" и т. д. Можно ли считать, что люди, так по-разному охарактеризовавшие одно и то же событие, дадут идентичное описание самого факта? Они видели это событие в соответствии со своим отношением к жизни. Один не видел ничего, другой - то, третий - это, и, хотя событие могло длиться совсем недолго, оно произвело такое впечатление, что у каждого в голове сложилась совершенно иная картина, которую он теперь и воспроизводит.^[291] Как сказал Фолькмар: "Один народ слышит в громе звон труб, стук копыт божественных коней, ссоры небесных драконов; другой - мычание коровы, стрекот сверчка, жалобы предков; третий слышит, как святые разворачивают небесный свод, а гренландец - даже ссору заколдованных женщин по поводу высушенной кожи". А Вольтер говорит: "Если вы спросите дьявола, что такое красота, он ответит вам, что красота - это пара рогов, четыре копыта и хвост". И все же, когда мы спрашиваем свидетеля, что такое красота, мы думаем, что спрашиваем о грубом факте, и ожидаем такого же надежного ответа, как от математика. С таким же успехом можно спрашивать о чистоте у человека, который считает, что навел порядок в доме, смахнув грязь из одного угла в другой.

Чтобы сравнить разновидности интеллектуальных установок у людей в целом, мы должны начать с чувственного восприятия, которое в сочетании с умственным восприятием имеет немаловажное значение для каждого человека. Астрономы впервые обнаружили существование этого различия, показав, что различные наблюдатели одновременных событий не наблюдают их в одно и то же время. Этот факт получил название "уравнение личности". Виновата ли здесь разница в скорости восприятия, или разница в интеллектуальном восприятии, или и то, и другое вместе, неизвестно, но доказанное различие (даже с точностью до секунды) тем важнее, что события, сменяющие друг друга очень быстро, могут вызывать у отдельных наблюдателей совершенно разные картины. И мы так же мало знаем, видит ли более медленный или более быстрый наблюдатель правильнее, как мало знаем, что люди воспринимают быстрее или медленнее. Теперь, поскольку мы не можем проверить индивидуальные различия с помощью специальных приборов, мы должны удовлетвориться тем фактом, что существуют различные виды восприятия, и что они могут иметь особое значение в сомнительных случаях, таких как драки, внезапные нападения, шулерство в картах, карманные игры и т. д.

Следующая степень различия заключается в различии наблюдения. Шиль говорит, что наблюдатель - это не тот, кто видит вещь, а тот, кто видит, из каких частей она состоит. Талант к такому видению встречается редко. Один человек упускает из виду половину, потому что невнимателен или смотрит не туда; другой подменяет предметы своими собственными умозаключениями, третий стремится заметить качество предметов и пренебрегает их количеством; третий разделяет то, что должно быть объединено, и объединяет то, что должно быть разделено. Если мы будем помнить о том, какие глубокие различия могут возникнуть в результате этого, мы должны будем понять источник противоречивых утверждений свидетелей. И нам придется признать, что эти различия стали бы несравненно больше и значительнее, если бы свидетели не были вынуждены рассказывать о событии сразу или позже, приближая таким образом свои различные представления к некоему среднему значению. Поэтому мы часто обнаруживаем, что, когда свидетели действительно не имели возможности обсудить этот вопрос и не слышали о нем от третьего лица, или не видели последствий поступка, их рассуждения о нем демонстрируют явные и существенные

различия только из-за отсутствия возможности или стандарта исправления. И тогда мы допускаем, что часть сказанного свидетелями не соответствует действительности, или предполагаем, что они были невнимательны или слепы.

Мнения имеют такое же значение.^[292] Фиесто восклицает: "Опустошить полный кошелек - скандально, присвоить миллион - дерзко, но украсть крону - непозволительно велико. Стыд уменьшается с увеличением греха". Экснер считает, что древние представляли себе Эдипа не так, как мы: они находили его несчастье ужасным, мы - неприятным.

Это поэтические уголовные дела, представленные нам с разных точек зрения; а в наше время мы понимаем одно и то же действие еще более по-разному, и не только в поэзии, но и в повседневной жизни. Попробуйте, например, заставить разных людей судить об одном и том же образовании облаков. Вы можете услышать, как облака называют цветочными стеблями с духовными цветами, обнищавшими студентами, бурным морем, верблюдом, обезьяной, сражающимися великанами, роем мух, пророком с всклокоченной бородой, тупоголовым и т. д. В этой случайной интерпретации факта проявляется взгляд говорящего на жизнь, его интимные отношения и т. д. Это проявление можно наблюдать и при интерпретации обычных событий повседневной жизни. Там, даже если суждения не очень сильно различаются, они все равно достаточно различны, чтобы указывать на совершенно разные точки зрения. Воспоминание о любопытном суждении одного облачного образования не раз помогало мне объяснить свидетельства, которые, казалось бы, не имели никакой связи.

Отношение или чувство - этот неопределимый фактор оказывает огромное влияние на концепцию и интерпретацию. Он гораздо более удивителен, чем даже ход событий или сама судьба. Все знают, что такое отношение (stimmung). Все от нее страдали, все ею пользовались, но никто не может дать ей полного определения. По мнению Фишера, установка состоит из совокупности ощущений всех внутренних состояний и изменений организма, выраженных в сознании. Это делает установку своего рода жизненным чувством, результатом то благоприятного, то неблагоприятного функционирования наших органов. Это описание, однако, небезосновательно, поскольку единичные, на первый взгляд незначительные воздействия на наши органы чувств могут создавать или изменять наши установки в течение длительного времени, не обнаруживая своего влияния на какой-либо орган или своей интеграции с другими психическими состояниями. Я знаю, как просто хорошая или плохая погода определяет отношение, как оно может быть немедленно улучшено хорошей сигарой, и как часто мы можем провести день, радостные или удрученные, только для того, чтобы обнаружить, что причиной этого является хороший или плохой сон предыдущей ночи. Особенно поучительным в этом отношении был мой небольшой опыт во время служебной поездки. Неприятность, которая вывела меня из строя, была обычной дракой между молодыми крестьянами, один из которых был сильно изрезан и подлежал осмотру. На полпути нам пришлось остановиться в придорожном трактире, где я ожидал появления жандарма. Через четверть часа после остановки, когда мы возобновили путь, меня охватила невыразимая печаль, и эта вполне обычная драка показалась мне особенно неприятной. Я сочувствовал раненому мальчику, его родителям, его противникам, всем мне незнакомым, и упрекал сырость человечества, его любовь к спиртному и т. д. Это отношение было настолько поразительным, что я стал искать его причину. Прежде всего, я нашел ее в унылой местности, затем в чашке горячего кофе, которую я выпил в ресторане и которая, возможно, была ядовитой; наконец, мне показалось, что стук копыт лошадей был настроен на очень печальный минорный аккорд. Кучер в спешке забыл взять с собой колокольчики и, чтобы не нарушать полицейские правила, одолжил в гостинице еще один, и

мое печальное состояние началось с того момента, как я его услышал. Я прогнал этот звук и тут же обнаружил, что наслаждаюсь прекрасным пейзажем.

Я убежден, что если бы меня вызвали для дачи показаний в моем печальном состоянии, я бы рассказал эту историю иначе, чем обычно. Влияние музыки на настроение очень хорошо известно. Неизвестное влияние внешних условий также оказывает влияние на отношение. "Если вы погружены в размышления, - говорит Фехнер, - вы не замечаете ни солнечного света, ни зелени луга и т. д., и все же вы находитесь в совершенно ином эмоциональном состоянии, чем то, которое владело бы вами в темной комнате".

Отношение, которое мы называем безразличием, имеет особое значение. Оно появляется, особенно когда это, вследствие сильных впечатлений, озабочено собой; болью, печалью, важной работой, размышлениями, болезнью и т. д. В таком состоянии мы обесцениваем или недооцениваем значение всего, что происходит вокруг нас. Все приводится в соответствие с нашим личным, непосредственным состоянием и с точки зрения нашего эгоизма является более или менее безразличным. Неважно, возникает ли это отношение безразличия в момент восприятия или в момент изложения в ходе экспертизы. В любом случае факт лишается своей твердости, своей значимости и важности; то, что было белым или черным, описывается как серое.

Существует и другое, схожее отношение, которое отличается тем, что мы никогда не осознаем его в полной мере, но в значительной степени ему подвержены. Согласно Lipps[293] и Lotze,[294], в невротических установках наблюдается нередкое и полное безразличие к чувствам, а в сознании - существенное отсутствие чувства-тона в восприятии. Наше существование, наше собственное бытие кажется нам тогда чем-то посторонним, не имеющим к нам никакого отношения - история, которую нам не нужно серьезно рассматривать. То, что в таком состоянии мало внимания уделяется тому, что происходит вокруг нас, кажется достаточно очевидным. Переживания теневые и поверхностные; они безразличны и только представляются таковыми. Это состояние очень опасно в суде, потому что там, где добросовестный свидетель скажет, что, например, во время наблюдения или осмотра он был болен или беспокоен и поэтому был неправ, человек, совершенно отрешенный в описанном смысле, не скажет судье о своем состоянии, вероятно, потому, что он ничего о нем не знает.

Существуют некоторые тесно связанные между собой психические и физические ситуации, которые приводят к совершенно иному мнению. Те, кто страдает физически, кто испытывает глубокую душевную рану, кто ослаблен переживаниями, исследуются так же, как и обычные люди, но при этом их нужно оценивать по совершенно иным стандартам. Опять же, иногда мы склонны полагать, что великие страсти, которые уже давно прошли свой период, будут столь же влиятельны, как и в пору своего расцвета. Мы знаем, что любовь и ненависть исчезают вдали, и что давно умершая любовь и давно угасшая ненависть обычно выражаются в чувстве мягкости и прощения, которое, несмотря на свои различные источники, практически одинаково. Если эксперт знает о существовании сильной страсти, будь то ненависть или любовь, он считает себя одураченным, когда вместо нее находит полное, спокойное и объективное суждение. Это кажется ему невозможным, и он либо не верит возможно достоверному свидетелю, либо окрашивает его показания этим знанием.

Телесные условия еще более примечательны в том, что касается различий в точке зрения. Здесь не возникает иллюзий, поскольку не происходит никаких изменений в восприятии; изменения происходят после восприятия, в процессе суждения и интерпретации. Нам может нравиться идея, когда мы лежим, но не нравиться, когда мы встаем. Исследование

показывает, что это отношение меняется в зависимости от разницы в количестве крови в мозге в этих двух положениях, и этот факт может объяснить целый ряд явлений. Прежде всего, это связано с составлением планов и их выполнением. Всем известно, как, лежа в постели, возникает множество планов, которые кажутся хорошими. Как только вы встаете, появляются новые соображения, и от полупринятого плана постепенно отказываются. Это ничего не значит, если в первой ситуации не было предпринято ничего, что могло бы стать обязательным для принятого тогда решения. Например, когда двое, лежа в постели, составили определенный план, каждому впоследствии бывает стыдно перед другим от него отказаться. Так и от преступников мы часто слышим, что они сожалели об определенных планах, но поскольку они были однажды решены, то были осуществлены. Множество подобных явлений, многие из которых совершенно невероятны на первый взгляд, могут быть отнесены к аналогичным источникам.

Подобное происходит, когда свидетель, например, размышляет о каком-то событии, лежа в постели. Когда он снова думает об этом, то, возможно, убеждается, что на самом деле все произошло совсем не так, как он предполагал ранее. Теперь он может убедить себя, что время, когда он размышлял, было ближе к событию, и, следовательно, эти размышления должны были быть более правильными - в этом случае он придерживается своей первой версии, хотя она могла быть неверной. Гельмгольц^[295] указал на нечто подобное: "Цвета пейзажа кажутся гораздо более живыми и определенными, когда на них смотрят под углом или когда на них смотрят с перевернутой головой, чем когда на них смотрят с головой в обычном положении. С перевернутой головой мы пытаемся правильно оценивать предметы и знаем, что, например, зеленый луг на определенном расстоянии имеет довольно измененную окраску. Мы привыкаем к этому факту, сбрасываем со счетов изменения и идентифицируем зеленый цвет дальних объектов с оттенком зеленого, принадлежащим ближним объектам. Кроме того, с новой позиции мы видим пейзаж как плоское изображение, и, кстати, облака мы видим в правильной перспективе, а пейзаж - плоским, как облака, когда мы видим их обычным способом". Конечно, все это знают. И, конечно, в уголовном деле подобные соображения вряд ли сыграют какую-то роль. Но, с другой стороны, само собой разумеется, что причина этих различий может быть также причиной множества других, еще не обнаруженных, но имеющих большое значение для криминалистов.

Так обстоит дело со сравнением. Шиль делал большой акцент на том, что две линии неравной длины кажутся равными, когда они расходятся, хотя их различие сразу же распознается, если они параллельны, расположены близко друг к другу и начинаются с одного и того же уровня. Он говорит, что подобная ситуация наблюдается при любом сравнении. Если вещи можно сопоставить, их можно сравнивать; если нет, то сравнение обязательно будет плохим. Здесь нет вопроса об иллюзии, а лишь об удобстве манипулирования. Сопоставление часто важно не для практического удобства сравнения, а потому, что мы должны знать, нашел ли свидетель правильное сопоставление. Только если это так, его сравнение может быть удачным. Чтобы выяснить, так ли это, требуется тщательное исследование.

Восприятие и интерпретация в значительной степени зависят от интереса, который проявляется к исследуемому объекту. Есть история о том, как ребенок запомнил старика, но не целиком, а только зеленый рукав и морщинистую руку, протягивающую шоколадный торт. Ребенка интересовал только шоколад, а значит, он понимал и его ближайшее окружение - руку и рукав. Мы можем легко наблюдать подобные случаи. Во время большой драки свидетель мог видеть только то, что происходило с его братом. Нумизмат мог заметить только

браслет с редкой монетой в куче украденных ценностей. В длинной анархической речи свидетель мог услышать только то, что угрожало его собственному благополучию. И т. д. Сама вещь выглядит по-разному, если по какой-то причине она неинтересна или очень интересна. Цвет выглядит иначе, когда он в моде, цветок - когда мы знаем, что он искусственный, дома солнце светит ярче, а выращенные дома фрукты вкуснее. Но есть еще одна группа специфических влияний на наши представления и интерпретации, примеры которых постоянно растут. Одна из них - разнообразие в значении слов. Слова стали символами понятий, и простые слова стали означать сложные математические и философские идеи. Вполне возможно, что два человека могут подразумевать совершенно разные вещи под словом "символ". И даже в мышлении и интерпретации, в использовании воспринимаемых фактов, могут возникнуть различные представления, если представить факт другому с помощью символов, которые для него означают разные вещи. Разница может быть невелика, но когда она учитывается в связи с ассоциациями и предложениями, связанными с используемым словом, мелкие ошибки множатся, и результат оказывается совсем не таким, каким он мог бы быть, если бы в качестве отправной точки было использовано другое значение. Использование иностранных слов в значении, отличном от привычного нам, может завести нас в тупик. Следует помнить, что значение иностранного слова часто не совпадает с тем, которое оно имеет в словаре. Поэтому опасно использовать иностранные выражения в доказательствах, когда важно строго придерживаться одного значения. Тейн правильно говорит, что: "Любовь и amour, девушка и jeune fille, песня и chanson не тождественны, хотя и заменяют друг друга". Кроме того, отмечается, что дети, особенно дети, с удовольствием подменяют и изменяют понятия, обозначаемые одним словом, так что они бессистемно расширяют или сужают его значение. Wow-wow может сначала означать собаку, потом лошадь, потом всех животных, а ребенок, которому однажды показали ель в лесу, сказал, что это не ель, потому что ели бывают только на Рождество.

Этот процесс происходит не только с детьми. В то или иное время мы слышим слово. Как только мы его слышим, мы связываем его с какой-то идеей. Эта связь редко бывает правильной, в основном потому, что мы слышим слово впервые. Позже мы получаем представление о событиях, в которых встречается это слово, разумеется, в связи с объектом, который мы мгновенно поняли, что это слово означает. Со временем мы узнаем другое слово, и слово и значение меняются, правильно или неправильно. Сравнение этих изменений у отдельных людей покажет, насколько легко происходит как приближение, так и диверсификация смысла. Отсюда следует, что может возникнуть любое количество недоразумений, а многие изменения в понятии справедливости и порядочности, рассмотренные в течение длительного периода, могут стать очень значительными, указывая на изменения в значении слов. Если мы тщательно продумаем изменения в значении слова, обозначающего сомнительный факт, то окажемся во власти истории нравов. Даже самые серьезные ссоры могли бы сойти на нет, если бы ссорящиеся могли эмоционально проникнуть в смысл слов своего оппонента.

В этой связи вопросы чести предлагают широкое поле для примеров. Хорошо известно, что немецкий язык богат словами, которые показывают личную неприязнь, а также то, что большая часть этих слов сама по себе безобидна. Но один человек понимает это, другой - то, когда слышит эти слова, и в итоге немецкий язык находится в любопытном положении - он является причиной самого большого количества нападений на честь и случаев клеветы в мире. Там, где француз смеется и становится остроумным, немец становится угрюмым, оскорбительным и ищет неприятностей. Французы называют чувствительность к незначительным и никчемным вещам немецкой манерой ссориться (*faire querelle d'allemand*). Многие дела о клевете в суде легко улаживаются, если показать людям ценность

слова. Многие, кто жаловался, что их называют существом, человеком и т. д., уходили довольными, как только им объясняли все значение этих слов.

В заключение несколько слов о влиянии времени на зачатие. Не длительность прошедшего времени, а величина временного промежутка - вот что важно для определения события. По мнению Гербарта, существует форма временного повторения, а время - это форма повторения. Если он прав, то неизбежно, что время, быстро или медленно движущееся, должно влиять на концепцию событий. Хорошо известно, что однообразие в беге времени заставляет его казаться медленным, в то время как время, насыщенное событиями, идет быстро, но кажется длинным в памяти, потому что приходится обдумывать большое количество моментов. Мюнстерберг показывает, что нам приходится останавливаться на каждой отдельной точке, и поэтому время кажется в памяти более долгим. Но это не универсально. Еще Аристотель отмечал, что знакомая дорога кажется короче незнакомой, а это противоречит первому предложению. Так, череда дней пролетает незаметно, если мы тихо и спокойно проводим их в отпуске за городом. Их быстрота удивляет. А когда в нашей жизни происходит что-то важное и за этим сразу следует спокойный, бессобытийный период, он кажется очень длинным в памяти, хотя должен был казаться длинным, когда происходил, и коротким в прошлом. Эти и подобные им явления совершенно необъяснимы, и все, что можно сказать после многочисленных экспериментов, - это то, что мы воспринимаем короткие периоды как длинные, а длинные - как короткие. К этому можно добавить тот примечательный факт, что большинство людей не имеют ни малейшего представления о продолжительности очень малых времен, особенно минут. Попросите любого человека сидеть абсолютно тихо, не считая и не делая ничего другого, и отмечать прохождение каждой минуты до пяти. Он скажет, что пять минут прошли в конце не более чем за полторы минуты. Так что свидетели при подсчете времени тоже будут ошибаться, и эти ошибки, а также другие нелепости, заносятся в протоколы.

Есть два способа исправления. Либо попросить свидетеля определить время по какой-нибудь знакомой форме, например, по заклетию и т. д., либо дать ему часы и дать понаблюдать за секундной стрелкой. В последнем случае он будет утверждать, что его десять, или пять, или двадцать минут были, самое большее, не более чем половиной или целой минутой.

Проблема времени становится еще более сложной, когда приходится оценивать еще более длительные периоды - недели, месяцы или годы. Здесь нет возможности провести какой-либо тест. Единственное, что определенно показывает опыт, - это то, что уверенность в таких оценках зависит от того, насколько четко они зафиксированы по отдельным событиям. Если кто-то говорит, что событие А произошло за четыре или пять дней до события Б, мы можем ему поверить, если, например, он добавит: "Ведь когда произошло А, мы начали косить кукурузу, а когда произошло Б, мы ее собрали. И между этими двумя событиями прошло четыре или пять дней". Если он не может привести подобные суждения, мы никогда не должны полагаться на него, поскольку могли произойти события, которые так повлияли на его представление о времени, что он судит совершенно неверно.

В таких случаях часто случается, что ошибочные оценки, сделанные в ходе долгих объяснений, внезапно становятся точкой отсчета, а затем, если они неверны, становятся причиной ошибок. Допустим, свидетель однажды сказал, что событие произошло четыре года назад. Гораздо позже проводится оценка времени, которая показывает, что поспешное заявление относит событие к 1893 году. И тогда все самые важные выводы просто аргументируются из этого. Лучше всего, как это обычно бывает в таких случаях, проверить неопределенность и неправильность этих оценок времени на себе. Можно предположить,

что свидетель в данном случае, скорее всего, сделал бы более точную оценку, но с таким же успехом можно предположить, что он этого не сделал. Короче говоря, к понятию периодов времени нельзя относиться слишком осторожно.

Раздел 84. (е) Природа и воспитание.

Шопенгауэр был первым, кто классифицировал людей на природу и воспитание. Где он впервые использовал эти категории, я не знаю, но знаю, что он несет за них ответственность. "Природа" - это физический и психический характер и склонности, взятые в самом широком смысле; "воспитание" - это воспитание, окружение, учеба, наука и опыт, также в самом широком смысле этих слов. И то, и другое вместе представляет собой то, чем является человек, что он способен делать, что он хочет делать. Таким образом, классификация по природе и воспитанию - это классификация по сущности и характеру. Влияние природы человека на его лицо мы знаем или пытаемся узнать, но какие преступные отношения может развить для нас его воспитание, нам совершенно неизвестно. Существуют всевозможные посредники, связи и различия между тем, что богиня цивилизации находит достойным награды, и тем, что может быть оправдано только возвращением к простоте и природе.

Раздел 85. I. Влияние воспитания.

В криминологии влияние воспитания на человека важно, если оно может объяснить развитие нравственности, благородства и любви к истине. Криминалисту приходится изучать отношения, поступки и утверждения, оценивать и сравнивать их, когда они поддаются дифференциации только с точки зрения воспитания тех, кто за них отвечает. Наиболее поучительными работами по этой проблеме являются труды Тарде,^[296] и Оэльзельт-Ньюина.^[297] Среди старых авторов Лейбниц уже говорил: "Если вы оставите воспитание мне, я изменю Европу за столетие". Декарт, Локк, Гельвеций придают воспитанию наивысшую ценность, в то время как Карлайл, например, настаивает на том, что цивилизация - это плащ, в котором дикая человеческая природа может вечно гореть адским огнем. Для современников это полумера. Рибо говорит, что обучение оказывает наименьшее влияние на две крайности человечества - мало и преходяще на идиота, много на среднего человека, совсем не на гения. Я могу добавить, что круг идиотов и гениев должен быть чрезвычайно велик, поскольку средних людей очень мало, а повышение интеллектуальной подготовки не оказало никакого статистического влияния на кривую преступности. Это один из выводов, сделанных Адольфом Вагнером^[298], который подтверждает опыт практикующих юристов, и мы, имевшие во время роста народного образования возможность вести наблюдения с криминалистической точки зрения, не знаем ничего благоприятного для его влияния. Если верно общее утверждение, что рост народного образования привел к уменьшению количества драк, порчи имущества и т. д. и к увеличению мошенничества, хищений и т. д., то мы совершаем большую ошибку. Для психологической оценки преступника само преступление не имеет решающего значения; всегда остается вопрос о том, какой ущерб нанес этот человек своим поступком собственной природе. Так, если крестьянский парень ударит своего соседа ножкой стула или разрушит забор, а может быть, и целую деревню, он может остаться самым благородным юношей, а впоследствии вырасти во всеми уважаемого человека. Многие из самых лучших и полезных деревенских мэров в молодости были виновны в драках, порче имущества, сопротивлении власти и тому подобных вещах. Но если человек однажды обманул или убил кого-нибудь, он теряет свою честь и, как правило, остается негодяем до конца жизни. Если на место преступников первого типа поставить преступников второго типа, то мы получим очень плохую картину.

Отдельные люди дают схожий опыт. Важнейшей характеристикой несколько окультуренного человека, который не только умеет читать и писать, но и использует свои знания, является громко выраженное недовольство своим существованием. Если он однажды приобрел желание читать, то имеющегося у него времени недостаточно, чтобы удовлетворить его, а когда у него появляется больше времени, он всегда вынужден отложить томик поэзии, чтобы покормить свиней или почистить конюшню. Кроме того, он узнает о ряде потребностей, которые он не может удовлетворить, но которые ему внушили книги, и, наконец, он ищет незаконные средства, как мы, криминалисты, знаем, для их удовлетворения.

Во многих странах закон в таких случаях учитывает смягчающие обстоятельства и неполноценное воспитание, но ни одному криминалисту еще не приходило в голову, что люди могут совершить преступление из-за того, что не умеют читать или писать. Тем не менее мы часто сталкиваемся со старым крестьянином в качестве свидетеля, который производит впечатление абсолютной честности, надежности и мудрости, настолько, что с ним выгодно разговаривать. И хотя черное искусство чтения и письма было чуждо ему на протяжении всей жизни, никто не сможет обвинить его в плохом воспитании.

Демонстрация недоступных благ широкой массе людей - это вопрос совести. Разумеется, мы должны исходить из того, что недостаток воспитания сам по себе не является причиной для сомнений в свидетельстве или для того, чтобы считать человека склонным к преступлению. Ошибки в воспитании, такие как избалованность, строгость, нерадивость, и их последствия - лень, обман, воровство - имеют достаточно злые последствия. И насколько в этом виноваты они, а насколько характер самого человека, можно определить только в каждом конкретном случае самостоятельно. Никому не придет в голову желать возврата к дикости и анархии из-за того, что мы придаем мало значения воспитанию ума. Остается еще дело нравственного воспитания, и его важность невозможно переоценить. Рассматривая этот вопрос в целом, мы можем сказать, что целью образования является способность сочувствовать чувствам, пониманию и желанию других умов. Это можно дополнить, возможно, также ограничением, что симпатия должна быть правильной, глубокой и имплицитной, так как внешняя, приблизительная или инвертированная симпатия, очевидно, не подходит. Девушка-служанка знает о своем хозяине только его манеру ссориться и плевать, но совершенно не затронута и чужда его внутренней жизни. Темные стороны культуры и цивилизации наиболее очевидны во внешних контактах человечества.

Когда мы начинаем рассчитывать на разумную симпатию, из этого следует, что симпатия возможна только в отношении общепонятных вещей; что мы должны в корне исключить существенное внутреннее устройство ума и область научной морали. Таким образом, остается только религия, которая является рабочей моралью народа.

По мнению Гете, великий фундаментальный конфликт истории - это конфликт веры с сомнением. Обсуждение этого конфликта здесь излишне. Он упоминается лишь для того, чтобы указать на то, что единственное обучение, на которое может опираться криминалист, - это обучение настоящей религии. По-настоящему религиозный человек - надежный свидетель, и когда он находится за решеткой, то допускает хотя бы предположение, что он невиновен. Конечно, трудно определить, является ли он действительно религиозным или нет, но если подлинная религиозность может быть установлена, мы имеем безопасную отправную точку. Разные авторы обсуждали влияние образования, *как за*, так и *против*. Статистические данные показывают, что в России только 10 % населения умеют читать и писать, и тем не менее из 36 868 осужденных не менее 26 944 были грамотными. В семидесятых годах прошлого века процент преступников в Шотландии распределялся

следующим образом: 21% абсолютно неграмотных, 52,7 полуграмотных; 26,3% хорошо образованных.

Религиозная статистика совершенно бесполезна. Часть из них не имеет никакого отношения к религии, например, преступность евреев. Одна часть бесполезна, потому что касается только преступности крещеных протестантов или католиков, а последний раздел, который мог бы представлять большой интерес, то есть преступность верующих и неверующих, не поддается определению. Статистика утверждает, что в стране А в году n было наказано $x\%$ протестантов, $y\%$ католиков и т. д. Что толку от этого утверждения? Как среди x , так и среди y процентов было много абсолютных неверующих, и безразлично, были ли они протестантами или католиками. Было бы интересно узнать, какой процент католиков и протестантов действительно верующие, ведь если мы справедливо предположим, что истинно верующий человек редко совершает преступления, то сможем сказать, какая религия с точки зрения криминалиста должна поощряться. Конечно, ту, в которой больше процент верующих, но мы никогда не узнаем, какую именно. Численность "протестантских" преступников и "католиков" нисколько не поможет нам в этом вопросе.

Раздел 86. (2) Взгляды необразованных людей.

"Рассуждать - это природа, усваивать рассуждения в том виде, в каком они даны, - это культура". Этим высказыванием Гете показал, с чего начинаются недостатки культуры, и наблюдение подтверждает тот факт, что некультурный человек не способен воспринимать то, что ему говорят, так, как это говорят. Это не значит, что некультурные люди не способны запомнить сказанное, но они не способны усвоить любое восприятие в его целостности и воспроизвести его в естественной простоте. Это альфа и омега всего, что можно наблюдать при изучении простых людей. Этот факт отмечали различные мыслители в разных областях. Милль, например, замечает, что неспособность отличить восприятие от умозаключения наиболее очевидна при попытке какого-нибудь невежественного человека описать природное явление. Дуглас Стюарт замечает, что деревенский аптекарь редко описывает простейший случай, не прибегая к терминологии, в которой каждое слово - это теория. Простое и правдивое изложение явления сразу же покажет, способен ли разум дать точную интерпретацию природы. Отсюда следует, почему мы часто занимаемся каким-то сложным процессом описания факта, который сам по себе прост. Он предстал перед нами в таком сложном виде потому, что наши информаторы не умели говорить просто. Кант отмечает: "Показания простых людей часто могут быть искренними, но они не часто бывают надежными, потому что свидетели не имеют привычки к длительному вниманию, и поэтому они принимают то, что думают сами, за то, что слышат от других. Поэтому, даже если они дают клятву, им вряд ли можно верить". Юм, опять же, говорит где-то в "Очерке", что большинство людей от природы склонны к дифференциации своих рассуждений, поскольку они видят свой объект только с одной стороны, не думают о возражениях и воспринимают его подтверждающие принципы с такой живостью, что не обращают внимания на те, что смотрят с другой стороны. Так вот, тот, кто видит предмет только с одной стороны, не видит его таким, каким он ему представляется, а тот, кто отказывается думать о возражениях, уже субъективно окрасил свои предметы и больше не видит их такими, какие они есть.

В этой связи интересно отметить склонность необразованных людей к определению вещей. Их интересует не непосредственное восприятие, а его абстрактная форма. Лучшим примером этого является знаменитое определение чести в барак-руме: честь - это вещь, принадлежащая человеку, который ею обладает. Ту же самую ошибку совершает тот, кто не воспринимает *целое* как оно есть, а воспринимает только то, что наиболее очевидно и близко. Миттермайер указывает на то, что легкомысленный, случайный свидетель видит

только ближайшие характеристики. И снова он говорит: "Хорошо известно, что необразованные люди слушают только тот вопрос, который был задан им последним".^[299] Этот факт очень важен. Если неумело спросить свидетеля на одном дыхании, убил ли он А, ограбил Б и украл ли грушу у В, он, скорее всего, спокойно ответит: "Нет, я не крал грушу", но не обратит внимания на две другие части вопроса. Эта особенность часто используется защитой. Адвокаты спрашивают какого-нибудь важного свидетеля обвинения: "Можете ли вы сказать, что видели, как обвиняемый вошел в комнату, осмотрелся, подошел к шкафу, а затем потянул часы к себе?". Необразованный свидетель сухо отвечает: "Нет, я не могу этого сказать", хотя он видел все, кроме того, как спрятали часы. Он отрицает все только потому, что смог обратить внимание только на последнюю часть вопроса. От таких особенностей очень легко уберечься, просто не позволяя задавать несколько вопросов в одном, заставляя задавать вопросы в максимально простой и понятной форме. Простые вопросы воспринимаются с благодарностью и получают лучшие ответы, чем длинные или запутанные.

По той же причине, которая не позволяет необразованным людям никогда не видеть вещи такими, какими они их видят, их любовь к справедливости зависит от их стремления самим не стать объектом несправедливости. Следовательно, слабые люди никогда не могут быть честными, а большинство необразованных людей понимают под долгом то, что должны делать *другие*. Долг представляется как требуемый от всех людей, но удобнее требовать его от других, так что он понимается только как требуемый. Возможно, это связано с тем, что воспитание развивает спокойную невозмутимость, а это способствует более правильному видению и более адекватной объективности как в событиях, так и в обязанностях.

Существует еще один ряд процессов, характерных для точки зрения необразованного человека. Например, существует своеобразный повторяющийся ментальный процесс, связанный с осторожным использованием спасательных кругов, огнетушителей и других средств спасения, которые должны быть использованы *в спешном порядке* в случае необходимости. Невежественные люди всегда находят их тщательно пристегнутыми цепями или спрятанными в шкафах. Это возможно только в том случае, если идея защиты от внезапной нужды не дает о себе знать, а вытесняется из сознания желанием защитить себя от воровства.

Почему необразованные люди должны тщательно ощупывать все, что им показывают или что им кажется новым? Дети даже нюхают такие вещи, в то время как образованные люди довольствуются тем, что смотрят на них. Просьба в общественных местах "Не трогать" имеет под собой очень веские основания. Я считаю, что уровень культуры человека можно безошибочно определить по его желанию потрогать или не потрогать какой-нибудь новый предмет, который ему представили. Причину этого желания вряд ли можно установить, но, несомненно, это желание необразованного человека более глубоко изучить объект и, следовательно, задействовать другие органы чувств, кроме зрения. Возможно, образованный человек видит больше, потому что он лучше обучен внимательному наблюдению, так что необразованный человек действительно вынужден делать больше, чем просто смотреть. С другой стороны, может оказаться, что необразованный человек опять-таки не воспринимает объект таким, какой он есть, и когда он предстает перед ним как объект А или обозначается как этот объект, он склонен не верить и должен убедить себя с помощью тщательных ощущений, что это действительно А.^[300] Может быть, опять-таки, "ассоциативные связи" могут помочь объяснить этот вопрос.

То, что понимание характера объекта зависит от тренировки и образованного наблюдения, много раз подтверждалось, кстати, и тем, что необразованным людям трудно справиться с

представлениями. Это нельзя объяснить только недостатком практики. Старая, но поучительная история о крестьянке, которая спросила своего сына, что он читает, черное или белое, повторяется всякий раз, когда необразованным людям показывают картинки, фотографии и т. д. Долгое время я не замечал, что они воспринимают фон как то, на что следует обратить внимание. Например, когда вы показываете необразованному человеку фотографию бюста, может случиться так, что он воспримет верхние контуры плеч и головы как нижние контуры фона, который должен обозначить какой-то факт, и если эти контуры окажутся, например, контурами собаки, то человек увидит "белую собаку". Это случается чаще, чем мы думаем, и, следовательно, мы не должны обращать внимания на неудачи в распознавании людей на фотографиях.^[301] Еще одна история в качестве примера - о фотографе, который снял дюжину молодых драгун, участвующих в параде, и узнал адреса, но не номера улиц их родителей. По этой причине он разослал двенадцати родителям для ознакомления по одной фотографии с уведомлением, что если произошла какая-то ошибка, то он ее исправит. Но ни один из родителей не пожаловался на то, что фотограф не прислал им снимки их собственных детей. Каждый получил солдата и, похоже, был вполне удовлетворен правильностью своего изображения. Отсюда еще раз следует, что отрицание фотографической идентичности необразованными людьми совершенно бесполезно.

С другой стороны, изображения имеют особое значение для детей и невежественных людей, потому что они демонстрируют неизгладимые представления, особенно в отношении размера. Никто не помнит ни одну книгу так ярко, как свою первую книжку с картинками и ее содержание. Мы помним ее даже тогда, когда убеждены, что люди, создавшие нашу книжку-картинку, сильно ошиблись. Теперь, поскольку часто случается, что размеры воспроизводятся неверно, как, например, когда на одной картинке изображены лошадь и олень, и последний кажется больше первого, олень в воображении всегда оказывается больше. Неважно, узнаем ли мы позже, насколько велик северный олень, или сколько раз мы его видели, нам все равно кажется, что животное "совсем маленькое, оно должно быть больше лошади". Образованные взрослые не совершают такой ошибки, но необразованные совершают, и многие ложные утверждения зависят от представлений, почерпнутых из картинок. Если их происхождение известно, то мы можем обнаружить источник ошибки, но если ошибка произошла бессознательно, то нам придется объединить обстоятельства и изучать дальше, чтобы найти причину.

Наконец, общее влияние неспособности невежественных людей видеть вещи такими, какие они есть, на их чувства-тональность показано в двух характерных историях. Бульвер рассказывает о слуге, которого хозяин избил и подстрекал искать защиты в суде. Он с негодованием отказался, поскольку его хозяин был слишком благородным человеком, чтобы подчиняться закону. А Гутберле рассказывает историю о начальнике полиции Серафине в Равенне, который узнал, что известный убийца угрожал застрелить его. Серафине привел к нему убийцу, дал ему заряженный пистолет и предложил выстрелить. Убийца побледнел, Серафине заткнул ему уши и выгнал.

Раздел 87. (3) Одностороннее образование.

Несколько слов о значительной опасности показаний, которые дают люди с односторонним образованием. Совершенно необразованные люди по-своему предупреждают нас, но люди, имеющие определенную подготовку, по крайней мере, в одном направлении, производят на нас такое впечатление, что мы принимаем их за образованных и в остальном, и таким образом втягиваемся в ошибки.

Сложно правильно сказать, что такое образованный человек. Мы требуем, конечно, определенного объема знаний, но не знаем ни величины этого объема, ни тем более его предмета. Примечательно, что наше время, которое более всех других посвятило себя естественным наукам, не включает знание этих наук в свое понятие образованного человека. Незнание истории, классики или даже некоторых современных романов, непосещение театров и картинных выставок, пренебрежение французским и английским языками и т. д. сразу же причисляют человека к лишенным необходимой "культуры". Но если он знает все это и в то же время самым наивным образом демонстрирует невероятное невежество в зоологии, ботанике, физике, химии, астрономии и т. д., он все равно остается "образованным человеком". Противоречие необъяснимо, но оно существует, и из-за него никто не может определенно сказать, что подразумевается под односторонним образованием. Однако степень однобокости образования иллюстрируется множеством примеров. Мы упомянем только два. Собственные рисунки Линнея с примечаниями Афзелиуса показывают, что, несмотря на свои необыкновенные познания в ботанике и прекрасную память, он не знал ни одного иностранного языка. Он пробыл в Голландии три года и не смог понять даже голландский язык, так похожий на его собственный. О сэре Хамфри Дэви рассказывают, что во время посещения Лувра в Париже он восхищался необыкновенной резьбой рам картин и великолепным материалом, из которого были сделаны самые знаменитые греческие скульптуры.

Как же нам встречать таких людей, когда они выступают на свидетельском месте? Они не создают никаких трудностей, когда говорят нам, что ничего не знают о предмете, о котором идет речь. Предположим, нам нужно допросить филолога по предмету, который требует лишь тех знаний в области естественных наук, которые можно предположить у любого образованного человека. Если он честно заявит, что забыл все, чему его учили в колледже, с ним легко справиться так же, как с "необразованными людьми". Если же он не настолько честен, чтобы сразу признаться в своем невежестве, то ничего другого не остается, как заставить его понять свою позицию с помощью вопросов, и даже в этом случае действовать нужно осторожно. Было бы бессовестно пытаться пощадить этого человека, в то время как другого выставляют напоказ.

Такое же отношение должно быть и к автодидактам и дилетантам, которые всегда оценивают ценность своих знаний по количеству усилий, которые им пришлось приложить для их получения, и, следовательно, всегда переоценивают свои приобретения. Следует заметить, что они утверждают не больше, чем им позволяет их информация, а их личность легко обнаружить по тому, как они преподносят свои знания. Самоучка в конечном счете - это всего лишь парвеню знаний, и как парвеню, как таковой, редко скрывает свой характер, так и автодидакт редко скрывает свой характер.

Есть еще одно качество, которого мы должны остерегаться, - это склонность экспертов гордиться какими-то другими, случайными и менее важными мелочами, чем их собственный предмет. Примером может служить Фридрих Великий с его жалкой игрой на флейте. Такие люди легко могут стать причиной ошибок. Знание об их достижениях в одной области заставляет нас невольно уважать их утверждения. Теперь же, если их утверждения касаются их увлечений, многие глупости принимаются за чистую монету, и эта ценность оказывается поддельной.

Раздел 88. (4) *Склонность.*

Возможна ли научная характеристика склонности, можно ли определить границы этого понятия и является ли она результатом природы, культуры или того и другого вместе - это

вопросы, на которые нельзя дать определенного ответа. Мы не будем здесь говорить об отдельных формах склонности - к пьянству, азартным играм, воровству и т. д., ибо это сравнительно самые трудные из современных проблем. Мы рассмотрим их в целом и вкратце. Деревья и люди, гласит старая пословица, падают так, как их склоняют. Так вот, если мы изучим склонности бесчисленных падших, с которыми мы сталкиваемся по призванию, у нас будет меньше трудностей с квалификацией и осуждением их преступлений. Как правило, трудно отделить склонность, с одной стороны, от возможности, нужды, желания, с другой. Способность к злу - это соблазн к его совершению, как говорит Альфиери, и эта мысль проясняет статус склонности. Способность часто может быть удобной причиной развития злой тенденции, а частые успехи могут привести к предположению о наличии склонности.

Модсли указывает, что чувства, которые когда-то присутствовали, оставляют бессознательные остатки, которые изменяют общий характер и даже перестраивают моральное чувство в результате определенных переживаний. То, что склонность или что-то похожее на нее может развиваться таким образом, несомненно, ведь мы даже можем унаследовать склонность, но только при определенных условиях. Этот факт подтверждается характеристиками бродяг. Можно, пожалуй, сказать, что применение законов о бродяжничестве относится к наиболее интересным психологическим исследованиям уголовного судьи. Даже различие между настоящим добросовестным бродягой и бедным дьяволом, который, несмотря на все свои усилия, не может найти работу, требует учета большого количества психологических фактов. В таких случаях нет необходимости в описании; разница должна быть определена путем изучения тысяч деталей. Не менее интересны и результаты процедуры, особенно некоторые статистические результаты. Длительная практика покажет, что среди настоящих бродяг почти никогда не встречается человек, чье призвание требует очень тяжелой или трудной работы. Крестьяне, кузнецы, копатели колодцев, альпинисты редко бывают бродягами. Наибольшее число людей занимаются профессиями, которые не требуют по-настоящему тяжелого труда и чей бизнес не является однообразным. Пекари, мельники, официанты, следовательно, более многочисленны. У первых сравнительно равномерное распределение работы и отдыха; у вторых иногда много, иногда мало работы, без всякой возможной равномерности распределения. Мы ошибемся, если сделаем вывод, что из-за того, что первые имеют тяжелую работу и равномерное распределение труда и отдыха, они не становятся бродягами, в то время как вторые, лишённые этого, становятся бродягами. На самом деле первые от природы имеют потребность и склонность к тяжелому труду и равномерной жизни, поэтому не имеют склонности к бродяжничеству и по этой причине выбрали свое трудное призвание. Вторые же, напротив, испытывали склонность к более легкому и нерегулярному труду, то есть уже имели склонность к бродяжничеству, и поэтому избрали себе занятие пекарней, мельницей или ожиданием. Настоящий бродяга, таким образом, не является преступником. Бродяжничество - это, несомненно, детский сад преступников, потому что среди бродяг много преступников, но настоящий бродяга является таковым только из-за своей склонности к бродяжничеству. Он - дегенерат.

Возможно, подобным образом можно описать и другие типы. Если он будет достигнут с помощью статистики, разработанной на основе фундаментальных психологических принципов, это даст нам основание для ряда важных предположений. Она поможет нам делать параллельные выводы, поскольку позволит определить основные склонности человека, учитывая его призвание, его отношение к работе, его окружение, его выбор жены, его предпочитаемые удовольствия и т. д. А затем мы должны быть в состоянии связать эту склонность с рассматриваемым поступком. Трудно установить связь между склонностями и

характером, и согласие будет лишь общим, если характером человека называть все то, к чему он склонен от природы или в силу воспитания. Но несомненно, что хороший или плохой характер существует только тогда, когда его максимы желания и действия выражаются в факте. Акцент должен быть сделан на факте; то, что является фактом, может быть обнаружено, и эти открытия могут быть полезны.

Раздел 89. (5) *Другие различия.*

Древняя классификация людей по темпераментам малопригодна. Их было четыре, называемых гуморами, и каждому был приписан ряд характеристик, но ни один из них не обладал всеми характеристиками сразу. Следовательно, темпераменты, определяемые в соответствии с этими четырьмя категориями, на самом деле не существуют, и категориальное различие не может иметь никакой практической ценности. Если же мы используем значимое общее значение темперамента, то связанный с этим различием аппарат обстоятельств становится излишним. Если вы называете каждого активного человека холериком, каждого вспыльчивого - сангвиником, каждого задумчивого - флегматиком, а каждого грустного - меланхоликом, вы просто добавляете техническое выражение к нескольким из тысяч прилагательных, описывающих эти вещи. Эти четыре формы - не единственные. Помимо бесчисленных промежуточных и переходных форм, существует еще огромное количество тех, которые не вписываются ни в одну из этих категорий. Более того, темперамент меняется с возрастом, здоровьем, опытом и другими обстоятельствами, так что дифференциация даже не оправдывается постоянством явления. Тем не менее, она в какой-то степени значима, потому что любая ее форма указывает на определенный авторитет, а также потому, что каждая из этих четырех категорий служит для связи ряда явлений и предполагает эту связь как несомненную, хотя в ней нет абсолютно никакой необходимости. Когда Макиавелли говорит, что мир принадлежит флегматике, он, конечно, не имел в виду тот комплекс явлений, которые принято понимать как характеристики флегматического настроения. Он просто хотел сказать, что крайности в поведении мало к чему приводят как в повседневной жизни, так и в политике; что все должно быть обдумано и многократно проверено, прежде чем пытаться воплотить в жизнь; что только тогда возможен прогресс, пусть даже медленный. Если бы он сказал, что мир принадлежит осторожному или рефлексирующему человеку, мы бы не нашли его смысловым.

Когда мы стремимся четко понять природу и культуру человека, исследование его темперамента несколько не помогает нам. Давайте рассмотрим другие характеристики, на которых основывается суждение о человеке. Пословица гласит, что смех выдает человека. Если в театре вы знаете предмет смеха, манеру смеха и момент, когда смех впервые раздался, вы знаете, где находятся наиболее образованные и наименее образованные люди. Шопенгауэр говорит, что умный человек находит смешным все, логик - ничего; а по мнению Эрдмана (в "Über die Dummheit"), огорчительные или смехотворные характеристики предмета свидетельствуют не о его природе, а о характере наблюдателя. Казалось бы, криминалист мог бы сэкономить себе много работы, наблюдая за смехом своих подопечных. Смущенное, глупое хихиканье плохо наблюдающего свидетеля; болезненная улыбка невинного заключенного или осужденного кающегося; жестокий смех свидетеля, радующегося причиненному ущербу; злобный смех осуждающего сообщника; счастливый, слабый смех невинного, предоставившего доказательства своей невинности, и бесчисленные другие формы смеха - все это так сильно зависит от характера смеющегося и так значимо, что вряд ли что-то может сравниться с ними по ценности. Если вспомнить, что

скрыть смех не так-то просто, по крайней мере в тот момент, когда смех прекращается, то становится ясно, насколько важным может быть смех для решения дела.

Не меньшее значение, чем смех, имеют некоторые изменения, которые могут происходить в людях в течение очень короткого времени. Если в повседневной жизни мы наблюдаем, как люди без всякой видимой причины так меняются, что мы с трудом узнаем их, то под влиянием чувства вины или даже тюремного заключения эти изменения становятся в десять раз интенсивнее. Кто-то сказал, что изоляция выявила величайших людей, величайших глупцов и величайших преступников. Каким же может быть влияние принудительной изоляции, то есть тюремного заключения! Мы, к счастью, не живем в такое время, когда даже в самых простых случаях можно лишать свободы на месяцы и годы, но при определенных обстоятельствах даже несколько дней заключения могут полностью изменить человека. Озлобленность и дикость могут проявиться, как и печаль и мягкость, во время пребывания под арестом. А значит, криминалист, который не часто встречается со своими подопечными и не общается с ними, не выполняет свой долг. Я не имею в виду, конечно, что он должен видаться с ними с целью получить признание из приступа болезненности; я имею в виду только то, что это единственный способ получить справедливое и правильное представление о деле. Каждый опытный криминалист согласится, что после первого осмотра он видит событие, особенно мотивы преступника, иначе, чем после последующих, и что его последующие представления в основном более правильные. Если мы оставим в стороне несчастные случаи, когда человек, содержащийся на экспертизе, получает наставления от своих товарищей по тюрьме и становится еще более испорченным, я могу позволить себе утверждать, что тюремное заключение имеет тенденцию показывать человека более правильно, как он есть; что непривычная обстановка, изменение его прежнего положения, возможность обдумать его ситуацию могут, если нет противоположных влияний, очень помочь криминалисту, и этот факт подтверждается более высокими результатами поздних экспертиз по сравнению с ранними.

Кроме того, почти всегда меняется физическое состояние и здоровье заключенного. Новый образ жизни, другая пища и обстановка, недостаток движения, моральное воздействие - все это непосредственно действует на организм, и, надо признаться, к сожалению, на здоровье. Есть, правда, случаи, когда здоровье улучшалось благодаря тюремному заключению, особенно здоровье людей, которые вели разгульный, беспорядочный, пьяный образ жизни, или тех, кому приходилось слишком много волноваться и заботиться. Но это исключения, а как правило, телосложение заключенного сильно страдает, но, к счастью, лишь на короткое время. Влияние таких последствий на психику хорошо знакомо. Телесное несчастье открывает широкие возможности для полного изменения нравственной природы; здоровье поддерживает атеиста во тьме. Этот факт, упомянутый Бейном, может служить объяснением происхождения многих признаний, которые в последний момент спасли невиновного человека.

Нельзя забывать и о том, что время - а для заключенного тюремное заключение является временем, наделенным властью, - во многих случаях приводит в соответствие крайности. Мы знаем, что абсолютное зло встречается так же редко, как и совершенная добродетель. С последними мы не имеем ничего общего, но с первыми встречаемся почти так же редко. Чем дольше мы имеем дело с "плохими людьми", тем более склонны рассматривать вершину дьявола как результат нужды и безрукости, слабости, глупости, взбалмошности и просто простой, реальной, человеческой нищеты духа. Теперь то, что мы находим таким перераспределенным в течение многих лет, мы часто находим раздавленным и

распавшимся на части в течение короткого времени. Сегодня заключенный кажется нам самым страшным преступником; через несколько дней мы успокоились, узнали дело с другой стороны, преступник яснее показал свою настоящую сущность, и все наше представление о нем изменилось.

Я часто вспоминаю простую историю о внезапном въезде Карла XII в Дрезден. Отцы города немедленно созвали чрезвычайное заседание на следующий день, чтобы обсудить, как предполагал шведский король, то, что они должны были сделать накануне. Каждый допрошенный заключенный делает то же самое. Выходя из суда, он уже думает о том, что следовало бы сказать иначе, и повторяет свои размышления до следующего допроса. Отсюда часто почти необъяснимое разнообразие его заявлений, а значит, и необходимость частых допросов.

И наконец, есть факт, на который указывал Миттермайер, - важность культуры и характера самого криминалиста. "Если девушка свидетельствует за своего любовника и против своего брата, то в суде возникает вопрос, какой голос более весомый? Судье нелегко будет отделить этот стандарт суждения от себя и своего собственного взгляда на жизнь". Это частое явление. Вы рассматриваете сложный психологический случай во всех его аспектах, и вдруг, сами не зная как и почему, находите его решение: "Должно было быть так, а не иначе; он поступил так-то и так-то по такой-то причине и т. д.". Внимательное изучение такого однозначного умозаключения убедит вас в том, что оно вызвано патетическим заблуждением, то есть вы сделали такой вывод потому, что при аналогичных обстоятельствах поступили бы так, думали и желали бы так. Совершение патетического заблуждения - самая большая опасность для судьи.

Раздел 90. (6) Ум и глупость.

Три врага криминалиста - это злая природа, неправда и глупость или тупость. Последний не самый сложный. Никто не застрахован от ее нападков; она проявляется как характерная черта человечества в целом, в его предрассудках, предубеждениях, эгоизме и высокомерном характере. Криминалисту приходится бороться с ним в свидетелях, в присяжных, а часто и в упрямстве, тупоумии и забавном самодовольстве начальства. Она мешает ему в головах его коллег и обвиняемого, и не менее часто она является его врагом в его собственной голове. Самая большая глупость - верить, что ты сам не виновен в глупости. Самые умные люди совершают самые идиотские поступки. Наибольшего прогресса добивается тот, кто помнит о великом множестве собственных глупостей и старается извлечь из них уроки. Утешать себя можно только верой в то, что никто другой не лучше, и что каждая глупость - это основа для знаний. Мир таков, что каждая глупость заставляет кого-то ее совершать.

Глупость - это изолированное свойство. Она не связана с умом, как холод с теплом. Холод - это отсутствие тепла, а глупость - это не отсутствие ума. Оба свойства смотрят в одном направлении. Следовательно, никогда нельзя говорить об уме или глупости самих по себе. Тот, кто имеет дело с одним, имеет дело и с другим, но было бы ошибкой представлять их как развивающийся ряд, на одном конце которого находится ум, а на другом - глупость. Переходы не только часты, но есть много замечательных случаев, когда одно переходит в другое, смешивается с ним и покрывает его. Таким образом, вещь часто может быть одновременно умной и глупой, умной в одном направлении и глупой в другом; поэтому не будет ошибкой говорить об умных глупостях и об умных поступках, которые в душе глупы.

Важность глупости объясняется не только тем, что она может привести к важным последствиям, но и тем, что в некоторых случаях ее трудно обнаружить. Дело в том, что глупые люди часто кажутся очень мудрыми, и, как правило, только длительное общение

способно раскрыть всю глубину глупости человека. Но в нашей работе мы можем мало общаться с людьми, которых нам предстоит узнать, и, действительно, есть люди, которых при первой встрече мы принимаем за глупых, и которые действительно таковыми оказываются, когда мы узнаем их лучше. И даже когда мы узнали вид и степень глупости человека, мы не узнали, как он ее выражает, а это открытие требует большой мудрости. Более того, для совершения огромной глупости часто используется невероятное количество усилий, настойчивости и хитрости. Каждому из нас известно немало уголовных дел, которые долгое время оставались необъяснимыми только потому, что какое-то одно связанное с ними событие можно было объяснить глупостью, настолько большой, что в нее невозможно поверить. Однако знание того, что такая глупость действительно существует, может легко и просто объяснить многие подобные случаи. Это особенно верно в отношении часто обсуждаемой "одной большой глупости", которую преступник совершает почти в каждом преступлении. Предположим, что такая глупость невозможна, и объяснение этого случая также невозможно. Не стоит забывать, что именно мудрые отказываются думать о возможности глупости. Как для чистого все чисто, а для философа все философски, так и для мудрого все мудро. Поэтому ему кажется непонятным, что вещь можно объяснить с точки зрения чистого неразумия. Поэтому его долг - узнать как можно больше и как можно точнее о природе глупости.

Пожалуй, мало найдется на свете книг, содержащих столько умных вещей, как небольшой текст Эрдмана "О глупости" (Über die Dummheit). Эрдманн начинает с небольшого опыта. Например, однажды он пришел рано утром на гамбургский вокзал и обнаружил в зале ожидания многодетную семью, из разговора которой узнал, что они едут в гости к дедушке в Кирице. Вокзал заполнялся, к все большему страху самого маленького члена семьи, мальчика. Когда станция стала совсем полной, он вдруг воскликнул: "Смотрите-ка, что всем этим людям нужно от дедушки в Кирице". Ребенок полагал, что, поскольку он сам едет в Кирицы, все остальные люди, находящиеся в том же месте, не могли иметь иных намерений. Эта узость точки зрения, обобщение собственной мелкой позиции в правило поведения для всего человечества, по мнению Эрдмана, и есть суть глупости. Насколько далеко можно зайти в этом процессе, не показавшись глупцом, можно увидеть на другом примере. Когда в шестидесятые годы прошлого века незнакомец в Париже с восхищением говорил о старых деревьях на какой-нибудь аллее, парижане обычно отвечали: "Значит, вы тоже не согласны с Хаусманом?", потому что все знали о попытке парижского префекта барона Хаусмана украсить Париж путем уничтожения деревьев. Если же похвалить деревья в церковном дворе маленькой деревушки, а местный крестьянин ответит: "Так вы знаете, что наш Смит хочет вырубить деревья?" - замечание будет глупым, потому что крестьянин не имел права предполагать, что весь мир знает о намерениях деревенского мэра.

Теперь, если уменьшить количество точек зрения и сузить горизонт, вы достигнете точки, где окружность идей совпадает с их центром, и эта точка является ядром глупости, идиотизма. Глупость - это состояние ума, при котором человек судит обо всем по себе. Это опять же можно лучше всего проиллюстрировать на примере речи. Если вы ходите по комнате и наблюдаете за ее содержимым, то вскоре замечаете, как предметы меняют свое место и вид с изменением вашей точки зрения. Если вы смотрите *только* через замочную скважину, вы, однако, не осознаете этого факта; все кажется одинаковым. Идиотом является тот, чей эгоистический глаз - единственная замочная скважина, через которую он смотрит в украшенный салон, называемый миром. Следовательно, дефективный человек, l'homme borné, обладающий настоящей узостью мышления, имеет лишь небольшое количество идей и точек зрения, а значит, его кругозор ограничен и узок. Чем более узок кругозор, тем глупее человек.

Глупость и эгоизм - привилегии ребенка; все мы рождаемся глупыми и сырыми. Только свет оттачивает наш ум, но поскольку этот процесс идет очень медленно, нет ни одного человека, который не имел бы тупых граней. Различать предметы - значит быть умным; путать их - значит быть глупым. Первое, что можно заметить в ущербных умах, - это безусловная универсальность их замечаний. Тогда обобщения глупых людей несправедливо называют преувеличениями. Там, где они говорят "всегда", умные скажут "два-три раза". Глупый человек перебивает своих товарищей, потому что протискивается вперед как единственный оправданный оратор. Самое характерное для него - это попытка выдвинуть на первый план свое эго: "Я делаю это всегда", "Это одна из моих черт", "Я делаю это совсем по-другому". Действительно, в каждой высокой степени глупости проявляется определенная сила, которую глупец использует, чтобы выдвинуть свою личность на первый план. Если он говорит о достижении Северного полюса, он говорит: "Конечно, я никогда не был на Северном полюсе, но я был на Аннотуке", а когда предметом разговора является какое-нибудь великое изобретение, он уверяет нас, что ничего не изобрел, но что он умеет делать метлы, и, между прочим, он находит недостатки в изобретении, и чем глупее он, тем больше недостатков он находит.

Эти характеристики, конечно, должны быть разделены, и глупость не следует путать с родственными качествами, хотя ее объем или границы не должны быть зафиксированы слишком абсолютно. Краус, например, различает идиота, дурака, слабоумного, безыдейного и т. д., и каждому приписывает отличительные черты. Но поскольку понятия, обозначаемые этими выражениями, очень сильно различаются, такая классификация вряд ли оправдана. Дурак в одной стране отличается от дурака в другой, идиот на юге от идиота на севере, и даже когда приходится классифицировать разных людей в одном и том же месте и в одно и то же время, каждый из них оказывается в какой-то степени уникальным. Если, например, принять определение идиота, данное Краусом, как того, кто меньше всего интересуется причинно-следственными связями, меньше всего их понимает и даже не может понять понятие причинности, то то же самое можно сказать о слабоумных, бездарных и т. д. Кант справедливо говорит, что поскольку глупцы обычно надуваются и заслуживают унижения, то слово глупость должно применяться к "надутому" простаку, а не к доброму и честному простаку. Но Кант проводит здесь различие не между глупостью и простодушием, а между претенциозностью и добродушной честностью, указывая тем самым на первую как на необходимый атрибут глупости. Другой способ различения заключается в том, что забывчивость - это свойство простака, страдающего недостатком внимания, но не дурака, который имеет лишь узкий кругозор. Так ли это на самом деле, сказать трудно. Существует еще одна дифференциация, при которой глупость и простодушие различаются по степени или интенсивности внимания.

Не менее сложно определить, что мы понимаем под наивностью и как отличить ее от глупости. То, что эти понятия нигде не совпадают, неоспоримо. Соприкосновение возникает только там, где человек не уверен, является ли вещь глупой или наивной. Настоящий дурак никогда не бывает наивным, потому что глупости свойственна некоторая леность мысли, которая никогда не бывает свойственна наивности. Большая трудность в определении разницы наиболее очевидна в случаях настоящей и искусственной наивности. Многие люди с большим успехом пользуются последней. Для этого нужно выглядеть достаточно глупым, чтобы настоящий простак поверил, что он умнее в паре. Если простак поверит, то плут выиграл игру, но он не симулировал настоящую глупость, он симулировал наивность. Кант определяет наивность как поведение, которое не обращает внимания на возможное суждение других людей. Это не современное понятие наивности, поскольку сегодня мы называем наивностью некритичное отношение к окружающей среде, и ее значение в нашей

профессии, возможно, объясняется тем, что, простите, многие из нас практикуют ее. Естественность, открытость сердца, милая простота, открытость ума и все, что еще можно назвать отроутками наивности, - это очаровательные качества в детях и девушках, но они не становятся криминальными судьями. Наивно честно принимать самые очевидные отрицания обвиняемого и свидетеля; наивно не знать, как соотносятся между собой испытываемые; наивно позволять преступнику говорить воровской скороговоркой с другим в вашем собственном кабинете; еще наивнее сердечно разговаривать с преступником этой скороговоркой; наивно не знать простейших выражений этой скороговорки; и наивнее всего верить, что преступник может узнать свой долг с помощью устава, его изложения и объяснения; наивно пытаться навязать преступнику наглую демонстрацию хитрости; и наивнее всего не признать наивности преступника. Криминалист, изучивший себя, поймет, как часто он был наивен из-за незнания важности, казалось бы, незначительных обстоятельств. "Величайшая мудрость, - говорит Ларошфуко, - заключается в знании ценности вещей". Но было бы ошибкой пытаться всегда прямо указывать на то, что скрыто за наивным моментом. Воля не мыслит, но она должна обратить внимание разума на познание. Она не может желать какого-то конкретного результата познания. Она может лишь пожелать, чтобы разум исследовал все без предубеждения.

Правильное использование этой доброй воли состоит в том, чтобы попытаться выяснить количество ума и глупости, которые можно считать само собой разумеющимися в собеседнике. Я уже показывал, что считать преступника глупее себя - большая ошибка, но не следует считать его умнее себя. Пока не удастся более точно узнать его природу, лучше всего считать его таким же умным, как и он сам. В этом случае придется ошибиться, но это редко бывает губительно. В противном случае в некоторых случаях можно случайно найти правильное решение, а во всех остальных совершить большую ошибку.

Интеллект в смысле мудрости - вот важное качество нашего собеседника. Свидетель помогает нам с его помощью, а обвиняемый с его помощью обманывает и ускользает от нас. Согласно Канту, человек мудр, если он обладает способностью к практическому суждению. По мнению Дёрнера, одни люди обладают особыми интуитивными способностями, другие - способностью к эмпирическим исследованиям, третьи - к спекулятивному синтезу. В первом случае их способности служат для того, чтобы ясно представить объект, остро наблюдать его, анализировать на элементы. Во втором - способность к синтезу, к открытию далеко идущих взаимосвязей. И снова мы слышим, что мудрая голова изобретает, острый ум обнаруживает, глубокий ум ищет. Первый объединяет, второй анализирует, третий основывает. Остроумие смешивает, острота проясняет, глубина освещает. Остроумие убеждает, острота наставляет, глубина убеждает.

В отдельных случаях человека полностью и внезапно понимают, возможно, в терминах следующей пословицы: "Есть два вида молчания: молчание глупца и молчание мудреца - оба умны". Кант где-то говорит, что остроумный человек свободен и дерзок, а рассудительный - рефлексивен и не желает делать выводы. В определенном направлении нам могут помочь и конкретные свидетельства. Так, когда, например, Геринг^[302] говорит: "Односторонность - мать виртуозности. Работа паука прекрасна, но паук не может делать ничего другого. Человек делает лук и стрелы, когда он не может поймать добычу в свою сеть, паук же голодает". Это полностью отличает механическую сообразительность от сознательной мудрости. Такой же поучительный характер носят и такие сальные сентенции, как: "Глупец никогда не делает того, что говорит, а мудрец никогда не говорит того, что делает". "Можно обмануть одного человека, но нельзя обмануть всех людей". "Глупость естественна, мудрость - продукт искусства". "Зависеть от случайностей - глупость, использовать случайности -

мудрость. " "Есть глупости, которые могут совершить только мудрые". "Мудрость отличается от глупости, как человек от обезьяны". "Глупцы говорят то, что думают мудрецы". "Понимание - это недостаток, а глупость - никогда" и т. д. Эти и другие бесчисленные высказывания значительно помогают нам в отдельных случаях, но не дают общей характеристики функции мудрости. Поэтому мы можем получить некое прагматическое представление о мудрости или неразумности того или иного действия из утверждения: "Быть мудрым - значит уметь жертвовать сиюминутной мелкой выгодой ради более поздней и значительной". Это утверждение кажется недостаточно емким, но при ближайшем рассмотрении оказывается подходящим для всех случаев. Мудрый человек живет по закону и жертвует мелким преимуществом сиюминутного чувственного удовольствия ради более значительного преимущества устойчивого здоровья. Он благоразумен и жертвует сиюминутными мелочными удовольствиями ради беззаботной старости. Он осторожен в своих спекуляциях и жертвует сиюминутными сомнительными, а значит, мелкими успехами ради более значительного последующего успеха определенного заработка. Он молчалив и жертвует мелким преимуществом казаться в данный момент хорошо осведомленным обо всех возможных делах ради большего преимущества не попасть в беду из-за этого. Он не совершает наказуемых поступков и жертвует преимуществами, которые можно получить на данный момент, ради более значительного преимущества - не быть наказанным. Анализ можно продолжить, и в каждом случае мы обнаружим, что нет такой мудрости, которую нельзя было бы объяснить подобным образом.

Использование нашего объяснительного предложения возможно во всех случаях, когда требуется определить реальное или кажущееся участие того или иного человека в преступлении. Если с помощью этого анализа можно определить степень мудрости человека, которой он может быть наделен, то впоследствии не составит труда проверить с его помощью вероятность его участия в преступлении, о котором идет речь.

Наконец, снова и снова наблюдаются случаи, когда очень глупые люди - идиоты и лунатики - либо из-за тревоги, ужаса, ранения в голову, либо незадолго до смерти на короткое время становятся умными. Можно предположить, что улучшение умственной деятельности в этих случаях возникает, когда дефект зависит от патологического доминирования тормозного центра, ненормально усиленная деятельность которого приводит к торможению других важных центров (острое, излечимое слабоумие, паранойя). Легкое, преходящее, фактическое повышение психической активности, возможно, объясняется тем, что церебральная анемия на ранних стадиях скорее возбуждает, чем притупляет. Теоретически это может быть связано, возможно, с молекулярными клеточными изменениями, которые участвуют в распаде мозга. Разница между эффектами этих двух причин вряд ли будет большой, но показания, зависящие от этого измененного характера психической деятельности, будут мало надежны. Галлюцинации, ложные воспоминания, меланхолические обвинения в адрес самого себя, в частности, также могут быть объяснены с точки зрения такого возбуждения. Нам, криминалистам, часто приходится иметь дело с людьми, находящимися в вышеуказанных состояниях, и, получая от них разумные ответы, мы никогда не должны отбрасывать их, а тщательно записывать и оценивать в свете экспертных рекомендаций.

К этому классу относится тот интересный феномен, что мы очень часто встречаем дураков, которые никогда не совершают глупостей. Неправда, что их просто неправильно оценивают и они только кажутся глупыми. Они действительно глупы, но в каждом случае их поведения им помогают определенные условия. Во-первых, они не настолько глупы, чтобы обманывать самих себя; следовательно, они обладают определенным представлением о собственной

слабости и не пытаются делать то, что для них слишком сложно. Затем они должны обладать определенной степенью удачи в своих начинаниях. Пословица гласит, что за дураком стоит тщеславие, и если эти дураки применяют свое тщеславие в подходящих ситуациях, они добиваются успеха. С другой стороны, они иногда не замечают опасностей и поэтому не подвержены мошенничеству, которое опасно даже для самых умных людей. "Глупец спотыкается о пропасть, в которую регулярно падает мудрец", - снова гласит пословица. И если рутину можно назвать суррогатом таланта, то следует предположить, что обычай и практика могут завести самого большого дурака так далеко, что во многих случаях помогут ему добиться успеха.

По мнению Эссера, дурак мыслит в терминах следующего предложения: "Вещи, которые похожи в нескольких пунктах, идентичны, а вещи, которые не похожи в нескольких пунктах, совершенно различны". Если это так, то глупец может потерпеть неудачу только тогда, когда он делает умозаключения такого рода; если же ни одно из важных событий в его жизни не связано с такими умозаключениями, то у него нет возможности проявить свою сущностную глупость. То же самое можно сказать и о его интересах. Ни один глупец не испытывает настоящего стремления к знаниям. Вместо этого у него есть любопытство, а его никогда нельзя с уверенностью отличить от знания. И вот, если дураку повезет, он вроде бы движется вперед, показывает себя обладателем интересов, и никто не доказывает, что это обладание - всего лишь идиотское любопытство. Глупец должен защищаться от одной вещи - действия. Глупость в действии - это сырость, а настоящая сырость всегда глупа и не может быть ошибочной.

И здесь снова напрашивается необычный вывод: мы, криминалисты, как и во всех других случаях, должны принимать человека не за того, кем он кажется чаще всего, а за того, кем он показывает себя в исключительных случаях. Самый плохой человек может совершить что-то абсолютно хорошее, самый большой лжец может сегодня сказать правду, а простак - поступить мудро. Нас не интересует человек как таковой; для нас важно его непосредственное самовыражение. Остальная часть его природы - это вопрос суждения.

Тема 2. ИЗОЛИРОВАННЫЕ ВЛИЯНИЯ.

Раздел 91. (а) Привычки.

Привычки могут иметь большое значение в уголовном праве. Прежде всего, мы должны знать, насколько мы сами подвержены влиянию привычек в нашем мышлении и действиях; затем, при оценке показаний свидетелей, важно знать, вел ли свидетель себя в соответствии со своими привычками и насколько. Ведь с помощью этого знания мы сможем увидеть вероятность многих вещей, которые в противном случае могли бы показаться невероятными. Наконец, мы можем правильно оценить многие оправдания, предлагаемые обвиняемым, рассматривая его привычки, особенно когда мы имеем дело с событиями, которые, как предполагается, произошли в состоянии одурманивания, абсолютного опьянения, рассеянности и т. д. [303] Юм, действительно, придал привычке максимальное значение; вся его система зависит от использования привычки в качестве принципа объяснения. Он показывает, что суть всех наших умозаключений относительно фактов связана с принципом причинности, и основой всех наших убеждений в причинности является опыт, а основой умозаключений из опыта - привычка. В самом деле, странно, как часто непонятное событие вдруг становится понятным, если выяснить, что его причиной может быть привычка. Даже все то, что мы называем модой, обычаем, предположением, в основе своей есть не что иное, как привычка, или объяснимо привычкой. Все новые моды в одежде, в обычаях и т. д.

вызывают неприязнь, пока человек не привыкнет к ним, а обычай и мораль должны подчиняться железному закону привычки. Что бы сказала моя бабушка о женщине, которую она могла бы увидеть счастливой, катающейся на велосипеде по улицам! Как перекрестится каждый житель Германии, увидев французов, принимающих морские ванны! И если бы мы не имели представления о бале среди четырехсот, что бы мы сказали, услышав, что вечером мужчины встречают полуголых женщин, энергично обнимают их, тянут кругом, и с отвратительным шумом проносятся по залу, пока не останавливаются, обливаясь потом, задыхаясь? Но поскольку мы привыкли к этому, нас это устраивает. Чтобы понять, какое влияние оказывает привычка на наши взгляды на этот предмет, просто закройте уши на каком-нибудь балу и понаблюдайте за танцорами. Как только вы перестанете слышать музыку, вам покажется, что вы попали в психушку. На самом деле, не обязательно выбирать такой действительно глупый случай. Гельмгольц предлагает посмотреть на человека, идущего вдалеке, через большой конец телескопа. Какие необыкновенные сгорбленности и раскачивания тела демонстрирует прохожий! Таких примеров можно привести сколько угодно, и если мы задаемся вопросом о допустимости тех или иных событий, то просто переносим вопрос о привычке в область поведения. Охота на безобидных животных, вивисекция, выполнение отбивающих спину трюков, балет и множество других вещей покажутся нам шокирующими, немыслимыми, отвратительными, если мы к ним не привыкли. Здесь необходимо задуматься о том, что мы, криминалисты, часто судим о ситуациях, которых не знаем. Когда крестьянин, подсобный рабочий или ремесленник совершает какой-либо поступок, мы лишь поверхностно знаем его природу и реальный статус. Мы, как правило, не знаем привычек преступника, и когда мы считаем какой-то его поступок самым предосудительным, - ссору, оскорбление, жестокое обращение с женой или детьми, - он отвечает нам с самым изумленным выражением лица. Он не привык ни к чему другому, и мы не научим его лучшему, наказывая его.

Подобные вопросы, однако, относятся ко всей человеческой природе и не касаются нас напрямую. Но если от нас непосредственно требуется правильно оценить свидетельство о привычке, они помогут нам в более справедливом толковании и сократят количество грубых противоречий. Это так, потому что многие утверждения покажутся вероятными, когда свидетель покажет, что описанная вещь была привычной. Между умением и привычкой нельзя провести четкую границу, и мы можем, пожалуй, с полным правом сказать, что умение возможно только там, где есть привычка, а привычка присутствует там, где достигнуто определенное количество умения. Навык, как правило, - это способность к быстрому привыканию. Но необходимо провести различие. Привычка делает действия легкими. Привыкание делает их необходимыми. Это наиболее очевидно в случаях телесного мастерства: верховая езда, плавание, катание на коньках, езда на велосипеде - все, в чем привычка и навык не могут быть разделены, и в отношении чего мы не можем понять, почему мы и другие нетренированные люди не можем сразу сделать то же самое. А когда мы можем это сделать, то делаем это не задумываясь, как будто в полусне. Такое действие не умелое, но привычное, то есть часть его определяется самим телом без особого руководства со стороны разума.

Нам кажется немыслимой способность охотника видеть столько животных, следов и т. д. Когда, например, мы однажды правильно поняли принцип работы довольно сложного кристалла, мы не можем понять, почему мы не сделали этого раньше. То же самое мы чувствуем по отношению к непонятному чертежу, новой дороге, какой-то телесной активности и т. д. Тот, кто не приобрел этой привычки, может потратить целый день на то, чтобы научиться одеваться и раздеваться. А как трудно просто ходить, что мы делаем бессознательно, подтверждает механик, который хочет сконструировать шагающую фигуру.

То, что все люди одинаково подвержены привычкам, не утверждается. Речь идет о предрасположенности, в смысле повторения прошлых идей или тенденций. Мы должны предположить, что склонность, проявляющаяся в идее А, делает возможными идеи а', а'', а'''. Привычки могут развиваться в соответствии с этими склонностями, но знания об условиях этого развития у нас пока нет. Тем не менее мы склонны предполагать, что знаменитый историк Х и знаменитая графиня Y не приобретут привычку пить или курить опиум, но в этом случае наше предположение вытекает из обстоятельств их жизни, а не из их личности. Следовательно, трудно с уверенностью сказать, что человек не способен приобрести ту или иную привычку. Поэтому очень важно, когда возникает вопрос, выяснить существование подразумеваемых привычек, если они утверждаются перед лицом явно противоречивых условий. Существует определенная презумпция правильности импликации, когда, например, практикующий врач утверждает, что он считал пульс в течение минуты без часов, или когда торговец точно оценивает вес товара с точностью до нескольких граммов и т. д. Но с таким же успехом можно проверить утверждение, поскольку без этой проверки возможность ошибки все равно велика.

Кто-то утверждает, например, что он отвлекся и не обратил внимания на слова двух близких ему людей. Вдруг он начал обращать внимание и обнаружил, что способен пересказать все их реплики. Или вот еще: музыкант, который почти полностью глух, говорит, что настолько привык к музыке, что, несмотря на свою глухоту, способен услышать малейший диссонанс в оркестре. И снова мы слышим о незначительных, трудно контролируемых привычках, которые случайно становятся значимыми в уголовном деле. Так, преступление, связанное с поджогом, наблюдал сосед поджигателя, который мог видеть происходящее через окно, только если бы далеко высунулса него. Когда его спросили, что он хочет увидеть в холодную зимнюю ночь, он ответил, что имеет привычку ежедневно плевать в окно перед сном. Другой человек, которого во сне застал врасплох вор, сильно ранил его большой кистью, "потому что она случайно оказалась у него в руке". Это произошло из-за его привычки не засыпать без щетки в руке. Если такие привычки являются доказанными фактами, они служат для объяснения необъяснимых в других случаях событий.

Однако установить их тем сложнее, что они встречаются в основном у одиноких людей - холостяков и старых девах, поэтому их подтверждение другими людьми встречается редко. С другой стороны, каждый из нас знает привычки свои или своих друзей, которым не поверили бы, когда о них говорили, и которые было бы очень трудно доказать, когда возникнет такая необходимость. Влияние привычки на безразличные вопросы можно продемонстрировать на многочисленных примерах. Можно привести цитату Канта о том, что если кому-нибудь случится послать своему врачу девять дукатов, то последний должен будет поверить, что посыльный украл десятый. Если вы подарите невесте самое красивое белье, но только одиннадцать кусков, она будет плакать. Дайте ей тринадцать кусков, и она непременно выбросит один из них. Если помнить об этих глубоко укоренившихся привычках, то можно с уверенностью сказать, что они оказывали определенное, определяющее и альтернативное влияние на тело и разум. Например, с незапамятных времен человечество принимало лекарства через определенные промежутки времени, например, каждый час, каждые два часа и т. д.; следовательно, порошок, заказанный каждые семьдесят семь минут, вызовет у нас полное удивление. Но на каком основании организм требует именно такого количества времени или веса? Или, опять же, наши лекции, частные или публичные, требуют столько-то и столько-то времени? Конечно, было бы неудобно, если бы профессора читали лекции только 52 минуты, но сколько трудностей должно было бы возникнуть, чтобы ум не привык именно к 60 минутам занятий! Это привыкание происходило долгое время, и теперь дети, как и народы, воспринимают новое в свете старого, так что старое, особенно если оно

закреплено языком, становится инструментом разума для управления новым.

Действительно, мы часто лингвистически привязываемся к старым вещам, хотя они уже давно вышли из употребления.

Существует характерное состояние ума, которое можно назвать преломлением одной идеи в присутствии другой идеи. Примером может служить привычка говорить: "Неподготовленный, как я..." перед началом речи. Оратор хочет сказать, что он не подготовился, но, поскольку он действительно подготовился, оба выражения выходят вместе. Это привычное совпадение реальной мысли имеет большое значение и часто дает возможность исправить сказанное по мысли. Этот процесс похож на тот, когда жест противоречит высказыванию. Мы часто слышим: "Я должен был взять это, потому что оно было прямо здесь". Это утверждение свидетельствует о краже по нужде и в то же время о краже по возможности. Или снова мы слышим: "Мы раньше не договаривались" - это утверждение отрицает договоренность и может указывать лишь на то, что из-за добавленного "раньше" договоренность не была *давней*. И снова мы слышим: "Когда мы упали на пол, я защищался и ударил его". Здесь утверждается, что речь идет о самообороне, а признается, что противник находился под говорящим. Такие преломления мысли происходят часто и очень важны, особенно в случае свидетелей, которые преувеличивают или не говорят всей правды. Однако их редко замечают, потому что они требуют точного наблюдения за каждым словом, а это требует времени, а наше время не располагает временем.

Раздел 92. (b) Наследственность.[304]

Как бы ни был важен вопрос наследственности для юристов с психологической точки зрения, его применение к юридическим нуждам невозможно. Это потребовало бы, с одной стороны, изучения всей литературы о ней, вместе с конкретными учениями Дарвина и его учеников, Ломброзо и его. Криминально-психологическое изучение ее еще не создано. Необоснованные, авантюрные и произвольные утверждения ломброзистов были опровергнуты, особенно благодаря усилиям немецких исследователей. Но и другие, такие как Дебьер в Лилле, Сернов в Москве, Тейн, Дриль, Маршан, также имели возможность опровергнуть итальянских позитивистов. В то же время проблема наследственности не умерла и не умрет. Это особенно наглядно проявляется в реплике Маршана по поводу обследований, которые он проводил вместе с М. Е. Кослоу в приюте для несовершеннолетних преступников, основанном Санкт-Петербургским антропологическим обществом. Между Баклом, который полностью отрицает наследственность, и последними современными доктринами существует ряд промежуточных взглядов, один из которых, возможно, является истинным. Существует огромная литература, которую должен изучить каждый криминалист.[305]

Тем не менее, эта литература ничего не может сказать нам о правомерности предпосылки о наследственности. Каждый образованный человек все еще верит доктринам Дарвина, а новые теории, которые пытаются эмансипироваться от него, делают это, лишь выталкивая их из большой парадной двери и просовывая через маленькую заднюю дверь. Но, по мнению Буа-Реймона, дарвинизм - это всего лишь принцип наследственного поддержания отличий ребенка от родителей. Всем известны настоящие наследственные характеры, и примеров тому множество. По Рибо, наследственным является самоубийство, по Деспину - клептомания, по Лукасу - бурная сексуальность, по Дарвину - рукописность и т. д. У наших личных знакомых наследуются черты лица, фигура, привычки, интеллектуальные свойства, особенно сообразительность, например, чувство пространства и времени, способность к

ориентации, интересы, болезни и т. д. Даже идеи имеют своих предков, как люди, и мы узнаем из изучения животных, как постепенно наследуются инстинкты, способности, даже приобретенные. И все же мы отказываемся верить во врожденного преступника! Но это противоречие только кажущееся.

Изучение работ Дарвина, Вейсмана, ДеВриса и т. д. неопровержимо показывает, что ни один авторитет не утверждает наследования сильных изменений, впервые проявляющихся у индивида. А что касается наследования приобретенных признаков, то некоторые авторитеты утверждают, что это невозможно.

До Дарвина старый закон вида требовал, чтобы определенные черты вида не изменялись в течение сколь угодно долгого периода. Дарвиновский принцип говорит о наследовании мельчайших вариаций, которые усиливаются в результате полового отбора и со временем превращаются в большие вариации. Никто не станет отрицать, что настоящий преступник отличается от большинства других людей. То, что это отличие велико и существенно, следует из того факта, что привычка, отдельная черта характера, несчастная склонность и т. д. не делают человека преступником. Если человек - вор, то нельзя утверждать, что в остальном он похож на порядочных людей, отличаясь лишь случайной склонностью к воровству. Мы знаем, что, кроме склонности к воровству, мы можем приписать ему нелюбовь к честному труду, недостаток нравственной силы, безразличие к законам чести, когда его ловят, отсутствие настоящей религии, - словом, склонность к воровству должна сочетаться с большим количеством весьма характерных качеств, чтобы сделать из человека вора. Одним словом, должна произойти полная и глубокая перемена во всей его природе. Такие большие изменения в человеке никогда не наследуются напрямую; наследуются лишь отдельные свойства, но они не делают из него преступника. Следовательно, сын преступника не обязательно должен быть преступником.

Это не означает, что в течение поколений характеры не могут усложняться до тех пор, пока не сформируется преступный тип, но это такая же редкость, как и развитие новых видов среди животных. Расы часто подвергаются отбору, а виды развиваются редко.

Раздел 93. (с) Предрасположенность.

Предрасположенность, предрассудки и предвосхищающее мнение - это, пожалуй, самые опасные враги криминалиста. Считается, что опасность от них невелика, поскольку в большинстве случаев предрасположенность контролирует только одного человека, а уголовным делом занимаются несколько, но это ничего не доказывает. Когда элегантный учитель верховой езды исполняет свои тончайшие трюки, он изящно снимает шляпу и кланяется публике, и только в этот момент публика замечает, что видела нечто выдающееся, и горячо аплодирует, но не потому, что поняла сложность исполнения, а потому, что наездник поклонился. Такое случается с нами, какой бы доброй ни была наша воля. У одного человека в руках дело, он его развивает, и если в нужный момент он говорит "Вуаля", остальные отвечают "О, да" и "Аминь". Возможно, им руководила какая-то предрасположенность, но теперь ее присутствие больше не ощущается. Таким образом, хотя наши предположения могут быть самыми прекрасными, мы все же должны признать, что убеждение на ложных основаниях, даже если оно возникло бессознательно, настолько пропитывает разум, что само по себе событие уже не может быть честно замечено. Отсутствие предрассудков ни в коем случае не означает здорового и энергичного ума. На это указывает способность отбросить предрассудки, как только будет доказана их несостоятельность. Доказать это непросто, поскольку, когда вещь признается предрассудком, она им уже не является. В другом месте [\[306\]](#) под заголовком

"Предвосхищение мнения" я указал на опасность, которой подвергается в связи с этим следственный судья, и попытался показать, как даже ложное представление о месте может привести к предрасположению в пользу определенного мнения; как сильно влияние первого свидетеля, поскольку мы легко позволяем себе поддаться самой ранней информации, а позже не успеваем убедить себя, что дело может быть не таким, каким его рисует наш самый ранний совет. Следовательно, ложная информация обязательно скрывает опасность, и всегда нужно постараться, чтобы понять, что преступление вымышленное, или что за преступлением может скрываться то, что называют случайностью. Обычный человек хорошо знает это, и после драки, после противоречивых показаний и т.д. обе стороны спешат заранее подложить информацию. Тот, кто выкладывает информацию первым, имеет преимущество. Его рассказ вызывает предубеждение в пользу его точки зрения, и требуется усилие, чтобы приучить себя к противоположной точке зрения. И впоследствии трудно поменять местами роли свидетеля и обвиняемого.

Но нам приходится иметь дело с предрасположенностью и в других людях, помимо нас самих: в свидетелях, обвиняемых, экспертах, присяжных, коллегах, подчиненных и т. д. Чем больше мы знаем, тем более новыми кажутся вещи. Однако там, где апперцептивная масса тверда и компактна, внутренняя реконструкция прекращается, а вместе с ней и способность к новому опыту, и, следовательно, мы получаем тех судей, которые ничему не могут научиться и ничего не забывают. Неопределенность апперцептивных масс приводит к равномерному движению апперцепции. Умы со спутанными идеологическими комплексами мало задевают конкретную характеристику представленного факта и находят везде только то, что имеют в виду.

Односторонность апперцепции часто содержит ошибку в концепции. В большинстве случаев эффективное влияние оказывает эгоизм, который склоняет людей предполагать в других свой собственный опыт, взгляды и принципы и строить в соответствии с ними систему предубеждений и предрассудков, чтобы применить ее к новому случаю. Особенно опасен схожий опыт, поскольку он приводит к твердому убеждению, что данный случай ничем не может отличаться от предыдущих. Если кто-то уже работал над такими предыдущими, похожими случаями, он склонен вести себя сейчас так же, как тогда. Его поведение в то время устанавливает стандарт для настоящего, и все, что отличается от него, он называет ложным, даже если сходство между двумя случаями только внешнее и кажущееся.

Для эгоизма характерно то, что он заставляет людей позволять подкупать себя, когда их встречают на полпути. Склонность и благосклонность большинства людей ничем не завоевать так легко и полностью, как настоящей или кажущейся преданностью и заинтересованностью. Если это делается очень ловко, мало кто может этому противостоять, и предрасположенность в их пользу становится полной. Многие ли свободны от предубеждений против уродливых, деформированных, рыжеволосых, заикающихся людей, а кто не имеет предубеждений в пользу красивых, симпатичных людей? Даже самый справедливый человек должен постараться так встретить своего ближнего, чтобы не иметь предубеждений ни за, ни против него из-за его природных данных.

Поведение и маленькие приятности почти так же важны. Предположим, криминалист усердно трудился все утро. Уже давно прошло то время, когда он по тем или иным причинам надеялся домой, и как раз в тот момент, когда он надевает шляпу на голову, появляется человек, который хочет выложить информацию о каком-то давнем явном лжесвидетельстве. Мужчина не обращал на это внимания годами, и вот он снова с этим в самый неподходящий момент. Он проделал долгий путь - его нельзя прогнать. Его дело, к тому же, кажется неправдоподобным, и человек изъясняется с трудом. Наконец, когда протокол составлен,

оказывается, что его не поняли правильно, более того, он добавил много неуместных вещей - словом, он до предела напрягает свое терпение. Хотелось бы мне знать криминалиста, который не испытывал бы сильного предубеждения против этого заявителя? Это было бы настолько естественно, что никто не стал бы обвинять человека в таком предубеждении. В то же время вполне уместно требовать, чтобы оно было только преходящим и чтобы впоследствии, когда чувства утихнут, все было сделано со скрупулезной добросовестностью, чтобы исправить то, чему в первый раз мог быть нанесен ущерб.

Нет ни необходимости, ни возможности обсуждать все конкретные формы предрасположенности. Существует безусловная необходимость просто провести тщательный поиск их наличия, если любой, даже самый отдаленный, признак указывает на их вероятность. В качестве примера крайнего предела возможных предрассудков можно привести имена. Смешно говорить, что человек может быть предубежден в пользу или против какого-либо лица по звуку его имени, но это правда. Кто будет отрицать, что склонялся к людям из-за того, что они носили любимое имя, и кто не слышал замечаний вроде: "Меня тошнит от самого имени этого человека". Я отчетливо помню два случая. В одном из них Патриц Севенпаундер и Эммеренция Хинтеркофлер были обвинены в мошенничестве, и моя первая мысль была о том, что такие почетные имена не могут принадлежать людям, виновным в мошенничестве. В противоположном случае Артур Филгрэ подписал показания о каких-то нападениях на него. Сначала я подумал, что вся жалоба была такой же ветреной, как и имя заявителя. Опять же, я знаю, что один человек не получил работу личного секретаря, которую он искал, потому что его имя, как было написано, было Килиан Краутль. "Как может быть порядочным человек, у которого такое глупое имя?" - сказал его потенциальный работодатель. А вот некий монах-августинец, который был любимцем в большом городе, отчасти был обязан своей популярностью ритмичному прозвищу Pater Peter Pumm.

Наши поэты прекрасно понимают, какое значение для нас, близоруких земных червей, имеет такая безразличная вещь, как имя, и лучшие из них очень осторожно подходят к выбору и составлению имен. Ничтожно малая часть их эффектов не зависит от удачного тона используемых ими имен. И не зря говорят, что Бисмарк не смог бы достичь своего положения, если бы его звали Майер.

Раздел 94. (d) Подражание и толпа.

Характер инстинкта подражания и его влияние на толпу давно изучались у животных, детей и даже людей и были признаны фундаментальной чертой интеллекта и главным условием всякого образования. Позже было замечено его влияние на толпу, и Наполеон сказал: "Коллективные преступления не затрагивают людей". Вебер говорил о моральной заразе, и давно известно, что самоубийство заразно. Баер в своей книге "Die Gefängnisse" приписывает тюремным самоубийствам "подражательную тенденцию". Примечателен тот факт, что самоубийцы часто вешаются на деревьях, которые уже использовались для этой цели. А в тюрьмах часто наблюдается, что после длительного перерыва внезапно появляется серия самоубийств.

Повторение преступлений, совершенных определенным образом, также частое явление, среди них - детоубийство. Если девушка задушила своего ребенка, это делают десять других; если девушка села на него, или задушила, прижав к груди, и т.д., это делают и другие". Тарде считает, что преступность в целом объясняется законами подражания. До сих пор неизвестно, где соприкасаются подражание и принципы статистики, и именно в отношении этого соприкосновения мы сталкиваемся с наибольшими трудностями. Когда несколько

человек совершают убийство одним и тем же способом, мы называем это подражанием, но когда определенные формы болезней или ран годами не замечались в больницах, а потом вдруг появляются в большом количестве, мы называем это дублированием. Больничные врачи знакомы с этим явлением и рассчитывают на появление второго случая какой-либо болезни, если случился только первый. Зачастую такие болезни происходят из одного и того же региона и сопровождаются одними и теми же необычными отклонениями, так что об имитации говорить не приходится. Как же отличить подражание от дублирования в отдельных случаях? Где их границы? Где они соприкасаются, где перекрывают друг друга? Где образуются группы?

Криминополитическая трактовка проблем подражания и его способности оправдывать поведение, являясь его главной основой, пока не имеет решения. Но проблемы имеют значительную симптоматическую и диагностическую ценность. По крайней мере, мы сможем найти единственную возможность объяснения характера или способа совершения преступления в происхождении стимула к тому или иному подражанию. Среди молодых людей, особенно женщин, будет существовать некий предвосхищающий образ, который служит планом, и это объяснит, по крайней мере, такие необъяснимые и лишние сопутствующие явления, как ненужная жестокость и разрушение. Знание этого предвосхищающего образа может дать даже ключ к разгадке преступника, поскольку может указать на характер человека, который мог бы воплотить его в жизнь и реализовать. Также в нашей области существует "дублирование дел".

Действия в больших толпах имеют замечательные особенности. Наиболее поучительны великие несчастья, в которых почти каждый несчастный ведет себя не только иррационально, но, если брать объективно, преступно по отношению к своим товарищам, поскольку жертвует ими ради собственной безопасности, не испытывая в этом реальной нужды. К этому классу относятся переправы через мосты отступающих войск, когда кавалерия глупо скачет вниз своих же товарищей, чтобы пробраться. Опять же, известны несчастные случаи, например, на помолвке Людовика XVI, когда в давке погибло 1200 человек, пожары на помолвке Наполеона, в венском Рингтеатре в 1881 году и пожар на пикнике-лодке "Генерал Слокум" в 1904 году. В каждом из этих случаев произошли ужасные сцены из-за бессмысленного поведения испуганных людей. Просто и справедливо сказал штирийский поэт: "Один человек - это человек, несколько человек - это люди, многие - это скот". В своей книге о подражании Тарде говорит: "В толпе самые спокойные люди совершают самые глупые поступки", а в 1892 году на конгрессе по криминальной антропологии: "Толпа никогда не бывает лобной и редко затылочной; она в основном спинная. В ней всегда есть что-то детское, грубое, вполне женское". Он, Гарнье и Дектерев на том же конгрессе показали, как часто толпа возбуждается до всех возможных эксцессов сумасшедшими и пьяницами. Ломброзо, Ласки и др. рассказывают о многих жестокостях, которые совершали восставшие толпы без всякой причины и рифмы.^[307] Только что изобретенная "душа толпы" едва ли отличается от шопенгауэровского макроантропоса, и наша важная задача - определить, сколько антропоса и сколько макроантропоса следует винить в любом преступлении.

Раздел 95. (е) Страсть и привязанность.

Страсть и привязанность вызывают в нашем собственном сознании и в сознании свидетелей значительную путаницу в наблюдениях, влияют или даже на виновность обвиняемого и служат для объяснения многих вещей в момент допроса. Сущность страсти или привязанности, ее определение и влияние, ее физическое и физиологическое объяснение, обсуждается в любой психологии. Об использовании этой дискуссии в целях адвоката

сказано мало, и, возможно, больше сказать об этом невозможно. Вещи, которые делаются со страстью, проявляют себя как таковые и не требуют особого изучения в этом отношении. Все, что мы должны сделать, - это выяснить, что могло бы произойти без страсти, и особенно уберечь себя от того, чтобы лично не быть побежденным страстью или привязанностью. Неоспоримо, что самые "темпераментные" из криминалистов - самые лучшие, ибо флегма и меланхолия не помогут в экспертизе. Живые и страстные судьи - самые эффективные, но и у них есть недостатки, которые можно отнести к достоинствам. Никто не станет отрицать, что трудно сохранять спокойствие при общении с наглым преступником-отказником или перед лицом какого-то очень жестокого, бесчеловечного или ужасного преступления. Но преодолеть эту трудность необходимо. Каждый из нас наверняка помнит постыдные воспоминания о том, как он, возможно, справедливо, поддался страсти. Конечно, темпераментный граф Гедеон Радей в короткое время избавил свое графство от многочисленных грабежей, немедленно повесив мэра города, в котором эти грабежи происходили, но в наше время такой темперамент недопустим. Нелишне вспомнить, в каком болезненном положении оказался один прекрасный председательствующий судья на процессе по делу об убийстве, который страстно набросился на подсудимого и вынужден был подчиниться действительно обоснованному выговору последнего.

Единственное средство избежать подобных трудностей - не начинать ссору. Как только произносится хоть одно слово, которое хоть как-то неуместно в вежливом обществе, все пропало. Слово - это катящийся снежный ком, и то, какой импульс он наберет, зависит от характера и воспитания судьи. Одиночные оскорбления встречаются нечасто, а одно неподобающее слово разрушает границы. Преступник знает это и часто пользуется своим знанием. Человек, "обругавший" другого, больше не опасен, он становится спокойным и добрым и инстинктивно чувствует необходимость возместить ущерб, который он нанес, "зайдя слишком далеко". Тогда он проявляет преувеличенное радушие и заботу, на которые рассчитывают многие преступники, и намеренно провоцирует эксперта, пока тот не наделает дел и не скажет то, о чем сожалеет.

Эмоции свидетелей, особенно тех, кто пострадал от преступления, и тех, кто видел нечто ужасное и отвратительное, и кто все еще склонен возбуждаться по этому поводу, представляют собой множество трудностей. Против безусловной достоверности показаний таких лиц опытные судьи принимают меры защиты. Представитель этого класса никогда не бывает спокоен; страсть, беспокойство, гнев, личная заинтересованность и т. д. либо предвосхищают, либо преувеличивают неприятности. Разумеется, речь идет не о тех случаях, когда рана сильно преувеличена или даже выдумана ради денег, а о тех, когда люди в состоянии эмоционального стресса часто говорят немыслимые вещи о своем враге, лишь бы его наказали. Однако это случается сравнительно редко, когда ущерб очень велик. Человек, потерявший глаз, отец изнасилованной дочери, жертва, обедневшая в результате поджога, часто ведет себя по отношению к преступнику очень спокойно. Он не выдвигает особых обвинений, не преувеличивает и не оскорбляет. Однако человек, чей фруктовый сад пострадал, может вести себя гораздо хуже.

Часто случается так, что пострадавший и обвиняемый действительно ненавидят друг друга. Не обязательно потому, что один разбил другому голову или ограбил его; часто мнимая причина, по которой они пришли в суд, является результатом давней и далеко идущей ненависти. То, что эта эмоция может зайти очень далеко, хорошо известно, поэтому искать ее необходимо, хотя и не всегда легко. Ненависть возможна между равными или людьми, которые являются равными в той или иной связи. Как правило, король не может ненавидеть своего мушкетера, но он будет ненавидеть его, когда они оба страстно влюблены в одну и ту

же девушку, ведь они - влюбленные пары. Точно так же высокородная дама вряд ли возненавидит свою служанку, но если она увидит роскошные волосы служанки и решит, что они лучше ее собственных, она возненавидит служанку, ибо в любви к волосам нет разницы в ранге.

У настоящей ненависти есть только три источника: боль, ревность или любовь. Либо объект ненависти причинил своему врагу огромную непоправимую боль или ревность, либо ненависть есть, была или станет любовью. Некоторые авторитеты считают, что существует еще один источник ненависти, который проявляется, когда мы причиняем кому-то вред. Это может проявляться как ненависть или страсть, похожая на ненависть, но в большинстве случаев это, скорее всего, будет чувство глубокого стыда и сожаления, которое имеет некоторые общие с ненавистью характеристики. Если это действительно ненависть, то это ненависть через боль. Ненависть трудно скрыть, и даже криминалисты с небольшим опытом будут замечать ее только в исключительных случаях. Несравненно труднее обнаружить зависть, которая менее снисходительна, чем ненависть, менее взрывоопасна, гораздо глубже и гораздо обширнее. Настоящая ненависть, как изысканная страсть, требует темперамента и при определенных обстоятельствах может вызвать сочувствие, но на безразличную зависть способен любой мерзавец. Пожалуй, ни одна другая страсть не ставит под угрозу и не губит столько жизней, не пресекает столько заслуг, не делает невозможным столько значимых дел, наконец, не судит так ложно о бесконечном количестве людей. А если вспомнить еще и о ее преувеличенных масштабах, и о том, как легко она скрывается, то ее опасный характер невозможно переоценить. Нам, юристам, она угрожает еще больше, потому что мы не так легко позволяем людям хвалиться перед нами; мы требуем, чтобы свидетели и т. д. чаще всего говорили с упреком, и мы не можем легко понять, завидуют ли они.

Как бы свободно один человек ни говорил против другого, мы можем предположить, что он говорит правду, или, в худшем случае, что у него ложное представление о деле или его плохо учили, но мы редко думаем, что все это продиктовано его завистью. Эта мысль приходит нам в голову, когда он должен похвалить другого человека. Тогда он проявляет осторожность, нерешительность, сужение кругозора, так что даже малоопытный человек может предположить зависть. И здесь проявляется тот факт, о котором много говорилось, что настоящая зависть требует определенного равенства. В качестве примера можно привести мелкого лавочника, который завидует своему более удачливому конкуренту, но не великого купца, чьи корабли ходят по всему миру. Чувство рядового к генералу, крестьянина к помещику - это не зависть, это желание быть похожим на него. Это гнев на то, что другому лучше, но поскольку в этой эмоции нет той действенной способности, которая требуется для зависти, мы не можем назвать ее завистью. Зависть становится завистью, когда против завистника предпринимается что-то в виде интриги, злой связи и т. д. Таким образом, простое *чувство* сразу же признается. Люди говорят: "Как я завидую его поездке, его великолепному здоровью, его шикарному автомобилю и т. д.". Они не говорят: "Я завистливо говорил о нем плохое или сделал то или иное против него". Однако именно в последней форме выражается действительная страсть зависти.

Способность завистников к ложному представлению делает их особенно опасными в зале суда. Если мы хотим что-то узнать о человеке, мы, естественно, расспрашиваем его коллег, родственников и т. д. Но именно среди них правит зависть. Если вы расспрашиваете людей без влияния, вы ничего от них не узнаете, поскольку они не понимают сути дела; если вы спрашиваете профессиональных людей, они говорят завистливо или эгоистично, и в этом заключается наша дилемма. Наше внимание к зависти может привлечь нерешительность

говорящего, его сдержанная манера отвечать. Это одинаково во всех классах, и это ценно, потому что может предостеречь нас от очень плохих недоразумений.

Как правило, ничего нельзя сказать о страсти как источнике преступлений. Можно предположить, что страсть проходит через три периода. Первый характеризуется общим или частичным повторением старых образов; во втором новая идея занимает свое доминирующее место отрицательно или положительно по отношению к старой, - страсть достигает кульминации; в третьем - насильственно нарушенное эмоциональное равновесие восстанавливается. Большинство эмоций сопровождается хорошо известными физическими явлениями. Некоторые из них тщательно изучены, например, такая важная с юридической точки зрения эмоция, как страх. При страхе дыхание неравномерно, вдох часто прерывается, серия коротких вдохов сменяется одним или несколькими глубокими, вдох короткий, выдох удлиненный, то один, то другой всхлип. Все эти явления являются лишь одним из следствий нарастания дыхательных изменений. Неравномерность последних вызывает кашель, затем нарушение речи, которое вызывается неравномерным действием челюстных мышц, а отчасти и ускорением дыхания. На стадии эхо-страха возникает зевота, а по мере развития эмоции можно заметить расширение зрачков. Именно это мы часто наблюдаем, когда отрицающий обвинение подсудимый оказывается в замешательстве перед доказательствами и т. д.

Самым замечательным и никак не объяснимым фактом является то, что эти явления не происходят у невинных людей. Можно было бы подумать, что страх быть невинно осужденным вызовет выражение ужаса, гнева и т. д., но он не вызывает выражения настоящего ужаса. У меня нет других, кроме эмпирических, доказательств этого факта, так что необходимо провести еще много наблюдений, прежде чем делать из них какие-либо новые выводы о виновности или невинности человека. Мы никогда не должны забывать, что в подобных обстоятельствах страсти и эмоции часто сменяются своими противоположностями в соответствии с правилами. Скупость превращается в расточительность, и наоборот, любовь - в ненависть. Многие люди становятся слишком безрассудными из-за отчаянного страха. Так может случиться, что ужас превратится в окаменевшее хладнокровие, и тогда не появится ни один из типичных признаков ужаса. Но он так же точно выдает себя своим ледяным безразличием, как и своими собственными чертами. Как страсти трансформируются в свои противоположности, так и они несут в себе значительную компанию подчиненных характеристик. Так, ужас или страх сопровождается беспорядочной дерзостью, чувственность - жестокостью. Последняя связь очень важна для нас, так как она часто устраняет трудности в объяснении преступлений. То, что жестокость и распушенность имеют один и тот же корень, давно известно. Сам экстаз авантюрной и страстной любви часто связан с определенной жестокой тенденцией. Женщины, как правило, более свирепы, чем мужчины.^[308] Утверждается, что влюбленная женщина постоянно желает своего мужчину. Если это так, то вышеприведенное утверждение вполне объяснимо. В каком-то смысле связь между сексуальной страстью и жестокостью связана с той ненасытностью, которая характерна для нескольких страстей. Лучшее всего она проявляется в страсти к собственности, особенно в тех, которые связаны с восприятием денег. Совершенно правильно говорить о всепоглощающей, дьявольской силе золота, о чувственном желании кувырнуться в золоте, о неотразимом звоне монет и т. д. И также правильно, что деньги оказывают на человека такое же определенное влияние, как кровь на хищных животных. Всем нам известны бесчисленные примеры вполне порядочных людей, которых один лишь вид крупной суммы денег подталкивал к тяжким преступлениям. Знание этой тенденции может в некоторых случаях привести к разгадке и даже к установлению личности преступника.

Раздел 96. (f) Честь.

Кант говорит, что честь мужчины состоит в том, что люди думают о нем, а женщины - в том, что люди говорят о ней. Другой авторитет считает, что честь и чувство чести - это продолжение чувства собственного достоинства в других и через других. Суть моей чести - это моя вера в то, что я существую для других, что мое поведение будет оценено и оценено не только мной, но и другими. Фальстаф называет честью нарисованную картину на похоронах. Наши авторы одновременно правы и неправы, ведь честь - это просто позиция, которую человек занимает по отношению к миру, так что даже о гаминах можно сказать, что у них есть честь. Нежелание видеть это может доставить нам, криминалистам, немало неприятностей. Один из худших людей, которых я когда-либо встречал в своей профессии, человек, виновный в самых мерзких преступлениях, настолько мерзкий, что довел своих почтенных родителей до самоубийства, по истечении своего последнего срока многолетнего тюремного заключения заявил буквально следующее: "Я не имею никаких юридических возражений против приговора. Однако я прошу отсрочки на три дня, чтобы я мог написать ряд прощальных писем, которые я не мог написать, будучи заключенным". Даже в сердце этого человека еще теплился свет того, что другие люди называют честью. Мы часто находим подобные вещи, которые можно использовать в своих интересах на экзамене. Конечно, не для того, чтобы получить признание, обвинить соучастников и т. д. Это может, самом деле, послужить интересам дела, но легко отождествить уступчивость с благородными наклонностями, и первое, конечно, не должно быть использовано, даже с самыми лучшими намерениями. Кроме того, среди людей низкого происхождения склонность к порядочности вряд ли продержится долго и вскоре уступит место тем наклонностям, которые привычны для дурных людей. Тогда они сожалеют о том, что допустили в свой лучший момент, и проклинаят тех, кто этим моментом воспользовался.

Часто забавно наблюдать за тем, как преступник ищет свою "честь". То, что приличествует вору, может оказаться неприличным для грабителя. Грабитель ненавидит, когда его отождествляют с карманником. Многие считают свою честь в этом смысле глубоко оскорбленной, особенно когда ему показывают, что он предает сообщника, или что он обманул своих товарищей при разделе добычи и т. д. Я помню одного вора, который был безутешен, потому что в газетах писали, что он по глупости упустил из виду крупную сумму денег при ограблении. Это говорит о том, что преступники имеют профессиональные амбиции и стремятся к профессиональной славе.

Раздел 97. (g) Суеверия.

Обсуждение суеверий см. в моем Handbuch für Untersuchungsrichter, etc. (английский перевод J. Adam, New York, 1907), а также в Archiv H. Gross's I, 306; III, 88; IV, 340; V, 290, 207; IX, 253; IV, 168; VI, 312; VII, 162; XII, 334.

Тема 3. ОШИБКИ.

(а) Ошибки чувств.

Раздел 98. (1) Общие соображения.

Поскольку ощущение является основой познания, процесс ощущения должен быть основой правильности юридической процедуры. Информация, которую мы получаем от наших органов чувств и на основе которой строим свои умозаключения, в целом может считаться надежной, так что мы не вправе подходить с преувеличенной осторожностью к вещам, которые, как мы полагаем, зависят от восприятия чувств. Тем не менее, это восприятие не

всегда бывает полностью верным, и знание о его ошибках должно помогать нам и даже заставлять удивляться тому, что мы не совершаем еще больших ошибок.

Психологическое исследование чувственного восприятия ведется со времен Гераклита. Большинство обнаруженных ошибок используется в различных целях, от спорта до науки. Они удивляют, привлекают и поддерживают внимание публики, поэтому стали знакомыми, но их влияние на другие явления и их последствия в повседневной жизни редко изучались. По двум причинам. Во-первых, потому что такие иллюзии кажутся незначительными, и об их далеко идущих последствиях редко задумываются, как, например, когда линия, нарисованная на бумаге, кажется длиннее или более наклонной, чем она есть на самом деле. Во-вторых, предполагается, что влияние сенсорных иллюзий не так легко изменить в практической жизни. Если иллюзия замечена, она тем самым становится безвредной и не может оказать никакого влияния. Если же она не замечается и впоследствии приводит к серьезным последствиям, их причину невозможно найти, потому что ее нельзя распознать как таковую и потому что было столько промежуточных шагов, что правильная ретродукция невозможна.

Это свидетельствует о редкости практического рассмотрения чувственного восприятия, но не оправдывает эту редкость. Конечно, существуют большие трудности в применении результатов ограниченных экспериментов к обширным условиям. Они возникают из-за предположения, что условия будут похожи на те, которые изучает ученый, и что ситуация, которая демонстрирует определенные явления в узких экспериментальных условиях, будет демонстрировать их и в широких. Но это не так, и именно по этой причине результаты современной психологии остаются практически непродуктивными. Это, конечно, не упрек дисциплине экспериментальной психологии и не нападение на ценность ее исследований. Ее узкие рамки были необходимы для того, чтобы открыть что-то определенное. Но как только это было обнаружено, условия могут быть расширены и достигнуто нечто практическое, особенно в вопросе иллюзии чувств. И эта возможность избавляет от второй причины не обращать внимания на эти иллюзии.

Свидетели, конечно, не знают, что страдают от иллюзий чувства; во всяком случае, мы редко слышим, чтобы они жаловались на это. И именно по этой причине криминалист должен искать их. Это требование сопряжено с большими трудностями, поскольку огромная литература по этому вопросу мало чем может нам помочь. Есть два пути к его выполнению. Во-первых, мы должны понять явление, как оно происходит в нашей работе, и, проследивая его, определить, могла ли иллюзия чувства вызвать аномальный или непонятный факт. Другой путь - теоретический, который в этом отношении следует назвать подготовительным. Он требует от нас освоения всего, что известно об иллюзии чувства, и особенно тех примеров ее скрытой природы, которые существуют. Большая часть подобного материала, однако, не имеет отношения к нашей цели, в частности все, что касается болезней и лежит в области медицины. Конечно, там, где природа болезни неясна или неизвестно само ее наличие, мы должны рассматривать этот случай так же, как и врач. Но прежде всего мы обязаны проконсультироваться с врачом.

Кроме того, что относится к врачу, есть материал, который касается других профессий, кроме нашей. Его следует отложить в сторону, хотя растущие знания могут потребовать от нас использовать даже его. Бесспорно, что мы делаем много наблюдений, в которых у нас создается абсолютное впечатление, что за некоторыми наблюдениями свидетелей и т. д. скрываются не относящиеся к нам вопросы сенсорной иллюзии, хотя мы не можем точно указать, что это такое. Единственное, что можно сделать в этом случае, - либо

продемонстрировать возможность их присутствия, либо дожидаться более поздней возможности проверить свидетеля на их наличие.

Классификация значительно облегчит нашу задачу. Самыми важными, на первый взгляд, являются деления на "нормальные" и "ненормальные". Но так как граница между ними неопределенна, следует учесть, что существует третий класс, который не может быть отнесен ни к одному из них. Это класс, в котором особая группа соматических состояний либо способствует, либо вызывает иллюзорные ощущения, например, переполненный желудок, прилив крови к голове, бессонная ночь, физическое или умственное перенапряжение. Эти состояния не являются ненормальными или болезненными, но, поскольку они не являются привычными, их нельзя назвать и нормальными. Если перегруженный желудок превратился в легкое несварение, прилив крови - в застой и т. д., то мы очень близки к болезни, но границу между тем и другим состоянием определить невозможно.

Другой вопрос, с какого предела начинаются иллюзии чувств, как их можно отличить от правильных восприятий. Возможность этого зависит от типичного строения органов чувств у человека. Самостоятельно невозможно определить, какое ощущение по своей сути правильное, а какое - иллюзия. Существует огромное количество иллюзий чувств, которыми страдают все люди в одинаковых условиях, так что суждение большинства не может быть нормативным. Контроль одного чувства другим также не может служить отличием иллюзорного восприятия от правильного. Во многих случаях вполне возможно проверить чувство зрения с помощью осязания или чувство слуха с помощью зрения, но это не всегда так. Проще всего сказать, что ощущение является правильным и подразумевает реальность, когда оно остается неизменным при различных обстоятельствах, в различных условиях, при соединении с другими органами чувств и при наблюдении разными людьми, с помощью различных инструментов. Оно иллюзорно, когда оно не является таким постоянным. Но и здесь трудно определить границы применения термина "иллюзия". То, что отдаленные предметы кажутся меньше, чем они есть на самом деле; то, что железнодорожные пути и две стороны улицы кажутся идущими друг за другом, по своей сути являются реальными иллюзиями чувства, но они не называются так - они называются законами перспективы, так что, казалось бы, мы должны добавить к понятию чувственного восприятия понятие редкости, или необычного вида.

Я нашел еще одно различие, которое считаю важным. Оно заключается в различии между реальными иллюзиями и теми ложными представлениями, в которых ошибка возникает как ложное умозаключение. В первом случае орган чувств действительно регистрируется неправильно, как, например, когда зрачок глаза нажимается сбоку, и все видится двояко. Но когда я вижу пейзаж через кусок красного стекла и считаю, что пейзаж действительно красный, ошибка заключается только в умозаключении, поскольку я не включил эффект стекла в свою заключительную концепцию. Так же и в случае, когда во время дождя мне кажется, что горы ближе, чем они есть на самом деле, или когда я считаю, что палка в воде действительно согнута, мои ощущения совершенно верны, но мои умозаключения ошибочны. В последнем случае даже фотография покажет, что палка в воде согнута.

Это различие в природе иллюзий особенно очевидно в тех феноменах ожидания, которые люди склонны ошибочно называть "иллюзиями чувства". Если в церкви кто-то услышит тусклый, слабый тон, он поверит, что орган начинает звучать, потому что это уместно предположить. В присутствии паровоза, который демонстрирует все признаки готовности к старту, вы можете легко создать иллюзию, что он уже едет. Как же в таких случаях чувство может ошибиться? Ухо действительно услышало шум, глаз действительно увидел поезд, и оба они зарегистрировали его правильно, но в их функции не входит квалификация

впечатления, которое они регистрируют, и если воображение затем делает ложный вывод, это нельзя назвать иллюзией ощущений.

Неправильность такой классификации становится еще более очевидной, когда можно дать какую-нибудь числовую, арифметическую демонстрацию наличия ошибочного умозаключения. Например, если я вижу в окно, как человек очень далеко расчищает участок топором, я, естественно, вижу, как топор падает, прежде чем слышу шум удара. Но может случиться так, что расстояние окажется достаточно большим, чтобы я услышал звук второго удара в тот момент, когда вижу нанесение третьего удара. Таким образом, я воспринимаю в один и тот же момент, несмотря на большое расстояние, и световые, и звуковые явления, как если бы я находился непосредственно на месте событий. Возможно, сначала я удивлюсь этим физическим аномалиям, а затем, если я ошибся в своих простых умозаключениях, расскажу кому-нибудь о замечательной "сенсорной иллюзии", которую я сегодня испытал, хотя никто никогда не предполагал, что меня можно обмануть подобным образом".

Шопенгауэр обращает внимание на тот знакомый факт, что при пробуждении после короткого сна все локализации, по-видимому, извращаются, и разум не знает, что находится впереди, что позади, что справа, а что слева. Назвать это сенсорной иллюзией было бы опять-таки неверно, поскольку разум не полностью проснулся и не достаточно сориентирован, чтобы четко осознавать свое состояние. Совсем другое дело, когда мы неадекватно оцениваем непривычное чувство-впечатление. Легкое прикосновение к непривычной части тела ощущается как тяжесть. После потери зуба мы ощущаем огромную пещеру во рту, а какое нелепое представление возникает у нас о том, что происходит, когда стоматолог сверлит дырку в зубе! Во всех этих случаях органы чувств получают новое впечатление, которое им еще не удалось правильно оценить, и, следовательно, дают ложное представление об объекте. Именно этому факту следует приписать все принципиально неверные суждения о новых впечатлениях, например, когда мы переходим из темноты на яркий свет и находим его очень резким; когда мы находим зимой теплый погреб, который летом считаем ледяным; когда мы полагаем, что находимся высоко в воздухе, когда в первый раз садимся на лошадь, и т. д. Фактическое наличие сенсорных иллюзий особенно важно для нас, потому что мы должны провести определенные тесты, чтобы определить, зависит ли свидетельство от них или нет, и очень важно знать, зависят ли иллюзии от разума человека или от его чувств. Мы можем доверять интеллекту человека, а не его чувствам, и наоборот, с самого начала.

Было бы излишним говорить о важности сенсорных иллюзий в определении предложения. Правильность приговора зависит от правильности переданных наблюдений, а понять природу иллюзий чувств и их частоту - значит понять их значение для наказания. Существует множество ошибок судей, основанных исключительно на незнании этого вопроса. Однажды человеку, утверждавшему, что, несмотря на абсолютную темноту, он узнал противника, ударившего его в глаз, поверили лишь потому, что предположили, будто удар был настолько сильным, что раненый увидел искры, по свету которых он смог узнать другого. И все же уже Аристотель знал, что такие искры только субъективны. Но то, что в такие вещи верили, является заметным предостережением.^[309]

Раздел 99. (2) *Оптические иллюзии.*

Изучение оптических иллюзий лучше всего начать с рассмотрения тех условий, которые вызывают необычные, лунатические образы. Они важны потому, что иллюзия узнаваема с точки зрения возможности различных интерпретаций любым наблюдателем, и потому, что любой человек может самостоятельно провести эксперимент с листком бумаги на предмет природы ложного оптического восприятия. Если мы докажем только то, что простейшие

условия часто приводят к грубым ошибкам, то многое будет сделано для закона, поскольку "неопровержимые доказательства" наших чувств будут нуждаться в подтверждении. Ничто не доказывается словами "я сам видел", ибо ошибка в одном пункте свидетельствует о равной возможности ошибок во всех остальных пунктах.

В целом можно сказать, что положение линий не может не влиять на оценку их размеров.[310] Перпендикулярные размеры принимаются за несколько большие, чем они есть на самом деле. Из двух скрещенных линий вертикальная кажется длиннее, хотя на самом деле она равна горизонтальной. Продолговатый предмет, лежащий на несколько более длинной стороне, принимается за квадрат; если положить его на более короткую сторону, он кажется еще более продолговатым, чем есть на самом деле. Если разделить квадрат на равные углы, то ближайшие к горизонтали будут больше, так что угол в тридцать градусов мы часто принимаем за сорок пять. Большое влияние здесь оказывает привычка. Вряд ли кто-то поверит, и уж точно не осознает, что в букве S верхняя кривая имеет явно меньший радиус, чем нижняя; но перевернутая S сразу же это показывает. К таким типам относятся и другие ложные оценки: наклоны, крыши и т. д. кажутся вдали настолько крутыми, что, как говорят, по ним невозможно передвигаться без особой помощи. Но тот, кто по ним передвигается, обнаруживает, что наклон вовсе не так уж велик. Поэтому всякий раз, когда объявляется, что подъем по наклонной плоскости невозможен, необходимо поинтересоваться, был ли автор заявления там сам, или он судил об этом на расстоянии.

Мелких мошенников недооценивают. Экснер[311] справедливо обращает внимание на то, что, обходя ротонду венского Пратера, он всегда достигал выхода гораздо раньше, чем ожидал. Это объясняется наличием небольших отклонений, на которых основаны многочисленные ложные оценки расстояния и тот любопытный факт, что люди, заблудившись ночью в лесу, обходят его по значительно меньшему кругу. Часто можно наблюдать, как люди, которые по той или иной причине - ограбление, жестокое обращение, разбойное нападение и т. д. - убежали в лес, чтобы спастись, оказываются на рассвете, несмотря на бегство, совсем рядом с местом преступления, так что в их честность при бегстве верится с трудом. Тем не менее она может быть вполне достоверной, даже если днем беглец может быть совсем не дома в лесу. Он просто недооценил отклонения, которые совершил, и поэтому считает, что двигался по очень ровной дуге. Если представить, что он идет вперед и покидает лес, то на самом деле он делает резкую дугу, причем всегда в одном и том же направлении, так что на самом деле его путь был круговым.

Некоторым подтверждением этой иллюзии служит тот факт, что левый глаз видит объекты слева слишком маленькими, а правый глаз недооценивает правую сторону объектов. Эта недооценка варьируется от 0,3 до 0,7%. Это величины, которые, естественно, могут иметь значение, и которые в темноте больше всего влияют на отклонения, рассматриваемые с внутренней стороны глаза - т.е. отклонения слева от левого глаза или справа от правого глаза.

Такая путаница становится наиболее неприятной, когда к ней добавляются другие оценки. Пока информант знает, что он только оценивает, опасность не слишком велика. Но, как правило, информант рассматривает свою концепцию не как оценку, а как определенное знание. Он не говорит: "Я оцениваю", он говорит: "Это так". Обер рассказывает, как астроном Фёрстер попросил нескольких образованных людей, врачей и т. д., оценить диаметр Луны. Оценки варьировались от 1' до 8' и более. Правильный диаметр составляет 1,5' на расстоянии 12'.

Хорошо известно, что немеблированная комната кажется гораздо меньше мебелированной, а лужайка, покрытая снегом, меньше густо заросшей. Мы регулярно удивляемся, когда обнаруживаем огромное новое строение на, казалось бы, небольшом участке, или когда участок разбивается на более мелкие участки под застройку. Когда они застроены досками, мы удивляемся количеству досок, которые можно уложить на поверхность. Иллюзии еще больше усиливаются, когда мы смотрим вверх. Мы меньше привыкли оценивать вертикали, чем горизонталы. Предмет на водостоке крыши кажется гораздо меньше, чем на таком же расстоянии на земле. Это легко заметить, если однажды спустить вниз фигуру, которая годами находилась на крыше дома. Даже если ее высота по горизонтали вдвое превышает высоту дома, фигура все равно кажется больше, чем раньше. О том, что эта иллюзия вызвана несовершенством практики, говорит тот факт, что дети совершают ошибки, которые взрослым кажутся немыслимыми. Гельмгольц рассказывает, как в детстве он просил мать достать ему маленьких кукол с галереи очень высокой башни. Я сам помню, как в пять лет предложил товарищам поддержать меня за лодыжки, чтобы я мог достать мяч со второго этажа дома вниз во двор. Я оценил высоту в одну двенадцатую от ее реальной величины. Определенные стандарты заниженных и завышенных оценок даются нам, когда рядом с оцениваемым объектом находится объект, размер которого нам известен. Причиной того, что деревья и здания приобретают такие идеальные размеры на так называемых героических пейзажах, является художественно уменьшенный масштаб. Я знаю, что немногие картины производили на меня такое дьявольское впечатление, как огромный пейзаж, что-то в стиле Клода Лоррена, занимающий полстены. На переднем плане изображен клерк, скачущий на лошади по поляне. Всадник и лошадь высотой в несколько дюймов, и из-за этого и без того огромный пейзаж становится пугающе большим. Я видел эту картину, будучи студентом, и даже сейчас могу описать все ее детали. Без миниатюрного клерка она не произвела бы особого эффекта.

В связи с этим не стоит забывать, что отношения величины окружающих нас вещей из-за перспективы настолько неопределенны, что мы уже не обращаем на них внимания. "Мне трудно, - говорит Липпс, [\[312\]](#), - поверить, что печь, стоящая в углу комнаты, не выглядит больше моей руки, когда я держу ее на расстоянии фута от глаз, или что луна не больше булавочной головки, на которую я смотрю чуть пристальнее..... Мы не должны забывать, что у нас есть привычка сравнивать. Я сравниваю руку и печь, и думаю о руке с точки зрения печи". Это потому, что мы знаем, насколько велики рука и печь, но очень часто мы сравниваем вещи, размеры которых нам неизвестны или которые мы не можем так легко определить, и тогда возникает множество необычных иллюзий.

В связи с приведенным случаем оценки диаметра Луны можно привести иллюзию Томаса Рида, который увидел, что Луна кажется большой, как тарелка, если смотреть на нее незамутненным глазом, но такой же большой, как доллар, если смотреть на нее через трубку. Эта ошибка подтверждает тот важный факт, что размер отверстия значительно влияет на оценку размера объектов, видимых через него. Наблюдения через замочные скважины не редко имеют важное значение в уголовных делах. Недооценки размеров поражают воображение.

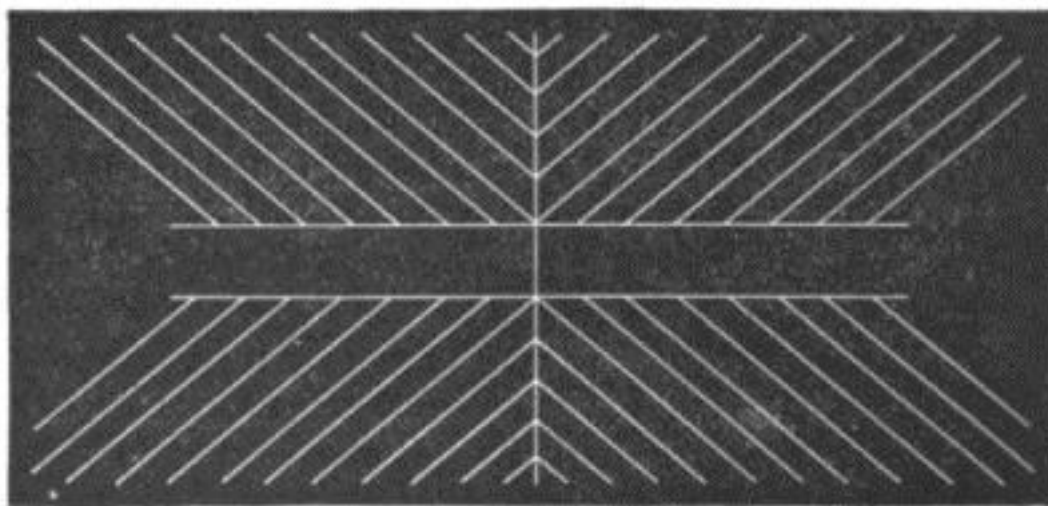

Рис. 1.

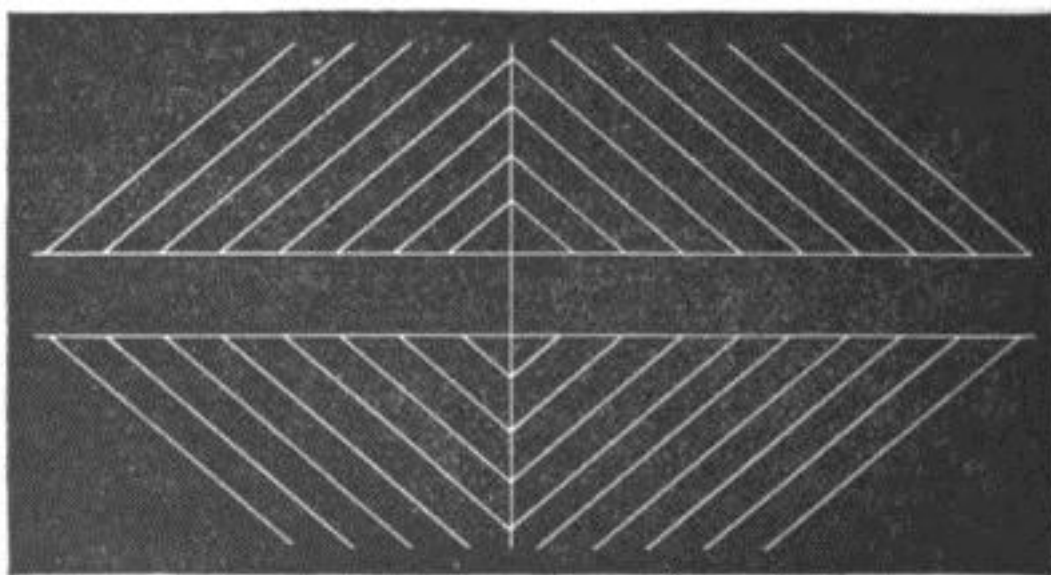

Рис. 2.

Аэральная перспектива оказывает большое влияние на определение этих явлений, особенно тех, которые происходят на открытом пространстве и на больших расстояниях. Это влияние можно распознать по различным видам удаленных объектов, по различным цветам далеких гор, по размеру луны на горизонте, а также по трудностям, которые аэральная перспектива предлагает художникам. Многие картины обязаны своим успехом или неудачей использованию аэрационной перспективы. Если ее влияние значительно в небольшом пространстве картины, то иллюзии в природе могут легко приобрести огромное значение, особенно когда крайности объединяются в наблюдениях за объектами в неизвестных регионах. Состояние воздуха, иногда туманного и непрозрачного, а в другое время особенно прозрачного, имеет огромное значение, и утверждения о расстоянии, размере, цвете и т. д. становятся совершенно ненадежными. Свидетелю, который несколько раз наблюдал неизвестную местность в туманную погоду и сделал свое важное наблюдение при очень ясном небе, не стоит доверять.

Объяснение многим сенсорным иллюзиям можно найти в так называемых иллюзорных линиях. Их много изучали, но Цёлнер[313] первым показал их характер. Так, действительно

параллельные линии кажутся непараллельными при сопоставлении наклонных или пересекающихся линий. На рисунках 1 и 2 обе горизонтальные линии на самом деле параллельны, что можно определить различными способами.

Те же линии, на которые смотрят прямо или назад, на [рис. 1](#) кажутся выпуклыми, на [рис. 2](#) - вогнутыми.

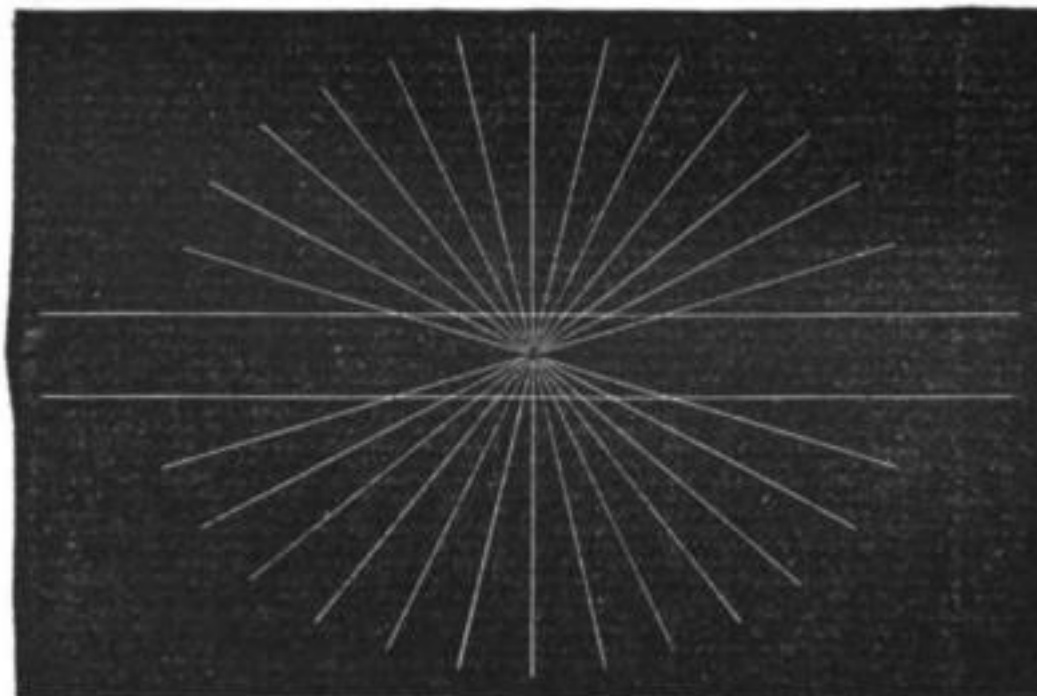

Рис. 3.

Еще более значительной является иллюзия на [рис. 3](#), на котором выпуклость очень очевидна. Длина и т.д. линий не имеет никакого значения для иллюзии.

С другой стороны, на [рис. 4](#) диагонали должны быть определено толще, чем параллельные горизонтальные линии, чтобы они не казались параллельными. То, что именно наклон разрушает видимость параллелей, показывает простой случай, приведенный на [рис. 5](#), где расстояние от А до В так же велико, как и от В до С, и при этом первая кажется определенно меньше второй.

Еще более обманчивым является [рис. 6](#), где первая линия с углом, наклоненным внутрь, кажется несравненно меньше второй с углом, наклоненным наружу.

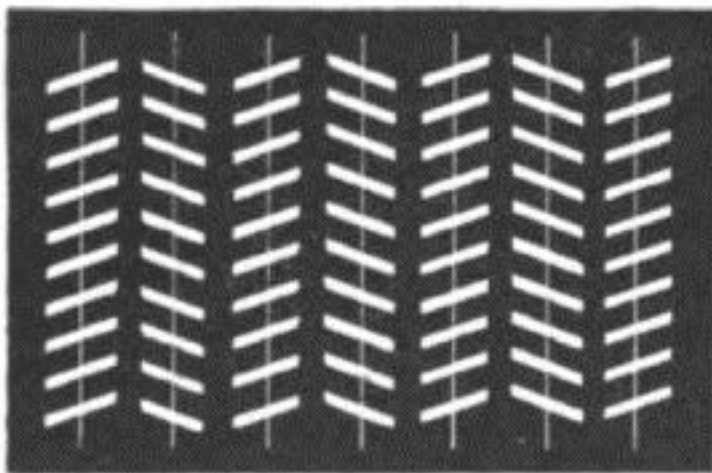

Рис. 4.

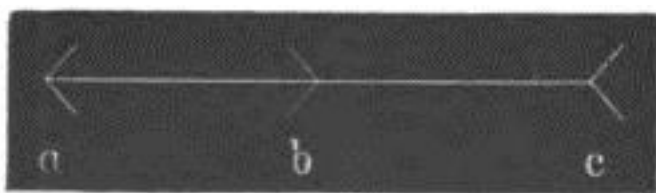

Рис. 5.

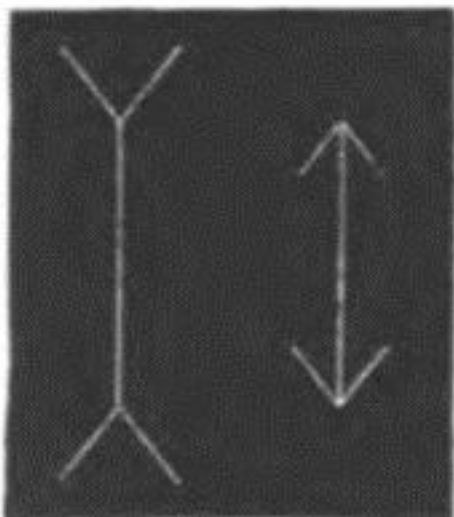

Рис. 6.

Все, кто описывал этот удивительный предмет, пытались объяснить его. Обладание таким объяснением могло бы поставить нас перед необходимостью объяснения большого количества практических трудностей. Но как бы ни были очевидны факты, мы все еще далеки от понимания того, *почему и как они происходят*. Мы можем считать, что явление, показанное на рис. 1 и 2, возникает, когда границы поля подходят прямо к улице с параллельными сторонами, в результате чего в месте встречи улица как бы изгибается внутрь. Вероятно, мы часто наблюдали это, не осознавая, и не придавали этому особого значения, во-первых, потому что это было неважно, а во-вторых, потому что мы думали, что улица действительно не прямая в этом месте.

Подобным образом мы могли наблюдать эффект углов, как показано на рис. 5 и 6, на улицах, где дома или фасады домов были построены угловыми. Тогда линия между углами казалась длиннее или короче, а поскольку у нас не было причин искать точное суждение, мы не

обращали внимания на ее состояние. Если бы от нас требовалось оценить длину, мы бы просто ошиблись. Вполне вероятно также, что мы могли предположить, что фактическая или супротивная линия на стороне фронтонов дома, закрытого углами фронтонов, является короткой, - но до сих пор знание этого предположения не имело практической ценности. Тем не менее, значение этих иллюзий не стоит недооценивать. Они означают прежде всего то, что нас действительно можно сильно обмануть, вплоть до того, что мы можем поклясться в размере простой вещи и при этом совершенно невинно ошибиться. Кроме того, эта возможность показывает, что уверенность наших суждений в соответствии с разумными стандартами неадекватна, и у нас нет способа определить, насколько велика эта неадекватность. Мы уже указывали, что нам известны только примеры, приведенные Зельнером, Дельбофом и другими. Вероятно, они были получены случайно, и подобные примеры не могут быть обнаружены эмпирическим или преднамеренным путем. Следовательно, можно предположить, что подобные иллюзии встречаются в большом количестве и даже в больших размерах. Например, известно, что Томпсон открыл свою знакомую "оптическую иллюзию круга" (шесть кругов, расположенных по кругу, еще один в середине. Каждый из них имеет изогнутые радиусы, которые поворачиваются по отдельности, если весь рисунок сам поворачивается по кругу) случайно, увидев геометрический орнамент, нарисованный учеником. Тот, кто занимается подобными оптическими иллюзиями, может увидеть весьма примечательные из них почти в каждом образце женской одежды, особенно перкаля, а также в видах ковров и мебели. И эти иллюзии слишком сложны, чтобы их описывать. Со временем будет обнаружена еще одна коллекция таких иллюзий, появится их объяснение, и тогда можно будет определить, как можно использовать наши знания об их существовании на практике.

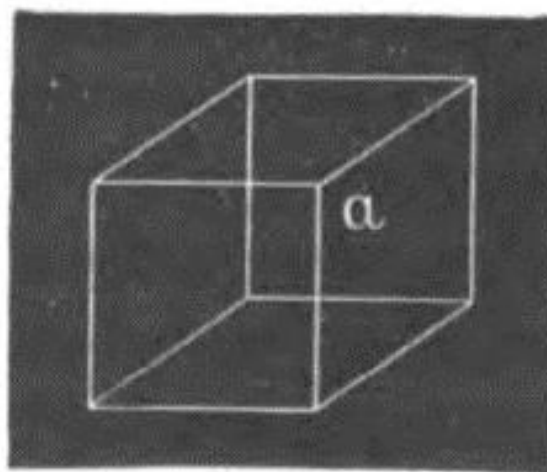
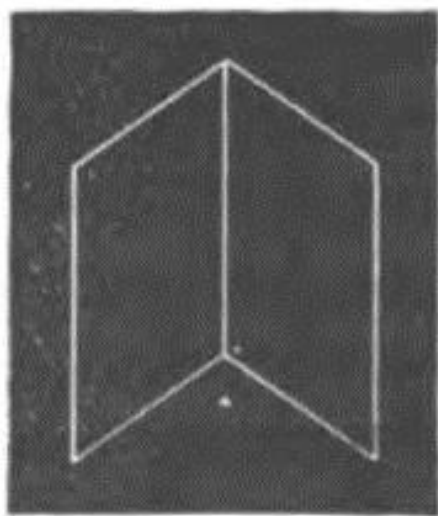

Рис. 7. Рис. 8.

Практическое применение проще всего найти в так называемой инверсии визуального объекта. На рис. 7 показан простейший случай - возможность видеть среднюю вертикальную линию либо глубже, либо выше остальных. В первом случае перед вами водосток, во втором - комната. Аналогичные отношения наблюдаются и в случае с кубом, в котором угол a может восприниматься как выпуклый или вогнутый в зависимости от того, вы его считаете за или перед фоном углов, из которых исходит a . Еще понятнее, когда в ромбоиде проведена линия XY . Тогда x или y можно рассматривать попеременно то как более близкие, то как более далекие, и тем самым приводить фигуру в различное положение. (Рис. 9.) Сделав это один раз, можно повторять по желанию.

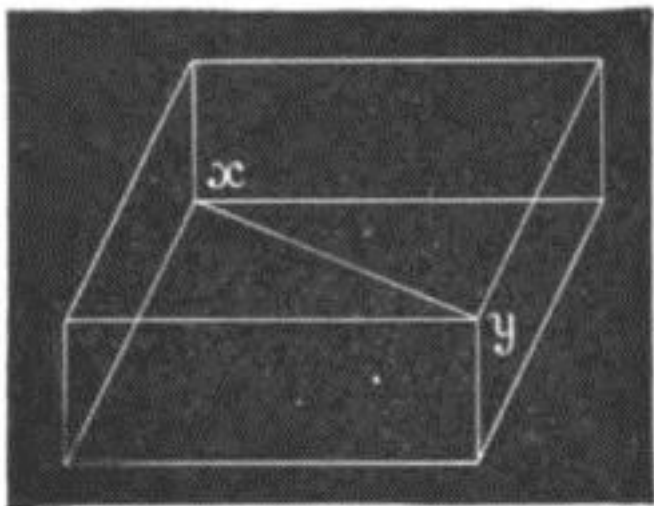

Рис. 9.

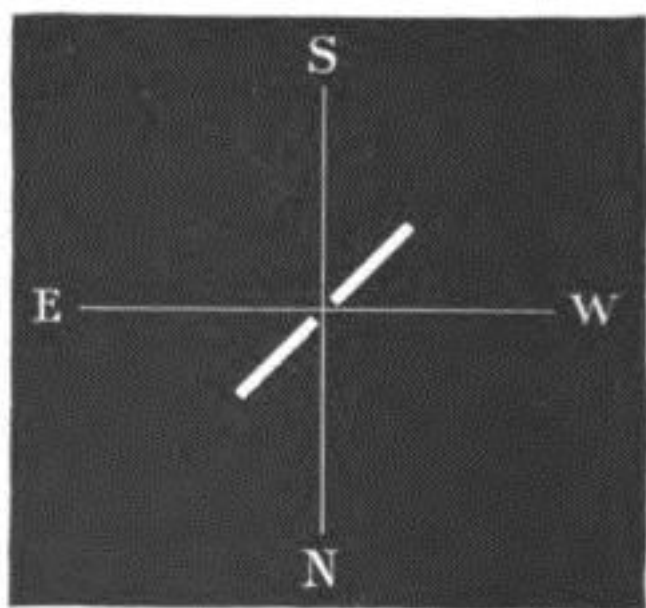

Рис. 10.

Существует множество практических примеров этих иллюзий. Однажды вечером Синстеден увидел силуэт ветряной мельницы на светящемся фоне. Руки, казалось, уходили то вправо, то влево - очевидно, потому, что он не различал корпуса мельницы и мог с равным успехом предположить, что видит ее спереди или сзади, причем в первом случае колеса уходили вправо, а в другом - влево. Аналогичный случай приводит Бернштейн. Если (рис. 10) крест из тонких линий обозначает перекладины флюгера, а толстые линии - сам флюгер, то в условиях освещения глаз, смотрящий с N, не сможет различить, направлен ли флюгер на NE или SW; нет никакого способа определить начальную точку движения. Все, что можно определенно сказать, это то, что флюгер лежит между NE и SW и что его угол находится на пересечении этих двух линий, но направление, в котором направлены его головки, невозможно определить даже на небольшом расстоянии. Обе формы этой иллюзии могут иметь место в уголовном процессе. Если однажды было получено определенное представление о какой-то форме порядка, от него не отказываются и не сомневаются в нем, а даже клянутся. Если, например, спросить, вправо или влево двигалось мельничное колесо, наблюдатель едва ли один раз из ста задумается о том, не было ли здесь оптической иллюзии. Он просто заверит

нас, что все было так, как он думает, что видел, а правильно ли он это видел, зависит только от удачи.

Ко всем этим иллюзиям можно добавить те, которые связаны с движением или проявляются при движении. Во время движения некоторых тел мы можем различить их форму только при определенных условиях. При увеличении скорости движения они кажутся короче в направлении движения, а при уменьшении - шире, чем обычно. Скоростной поезд с большим количеством вагонов кажется короче, когда движется прямо возле нас, а ряды марширующих людей - длиннее. Иллюзия наиболее сильна, когда мы смотрим через неподвижное небольшое отверстие. То же самое происходит, когда мы быстро проходим мимо тел, так как из-за этого они кажутся очень короткими, когда мы проходим мимо.

В таких случаях иллюзия ощущения не является адекватным объяснением; ее необходимо дополнить рассмотрением некоторых умозаключений, которые в большинстве случаев являются сравнительно сложными.^[314] Например, мы знаем, что объекты, неожиданно появляющиеся перед нами ночью, особенно в темные, пасмурные ночи, кажутся чрезвычайно увеличенными. Процесс здесь чрезвычайно сложный. Предположим, я вижу в пасмурную ночь неожиданно близко от себя лошадь, окружение которой из-за тумана кажется нечетким. Из опыта я знаю, что объекты, появляющиеся из нечеткого окружения, как правило, находятся на значительном расстоянии. Кроме того, я знаю, что значительно удаленные объекты кажутся гораздо меньше, и поэтому я должен предположить, что лошадь, которая, несмотря на воображаемое расстояние, кажется сохранившей свой естественный размер, на самом деле больше, чем она есть. Ход мыслей следующий: "Я вижу лошадь нечетко. Кажется, что она далеко. Несмотря на расстояние, она огромного размера. Какой же огромной она должна быть, когда окажется рядом со мной!" Конечно, эти умозаключения не являются ни медленными, ни осознанными. Они возникают в размышлениях с молниеносной быстротой и не имеют никакого значения для уверенности мгновенного суждения. Поэтому зачастую очень трудно обнаружить сам процесс и содержащуюся в нем ошибку.

Если же наблюдатель обнаруживает необъяснимую заминку в событии, которое он случайно заметил, он находит ее странной, потому что непонятной. Таким образом, создается то понятие странности, которое часто играет столь большую роль при допросе свидетелей. Поэтому, когда при других некомфортных условиях я вижу, как бежит лошадь, не слыша стука ее копыт, когда я вижу, как качаются деревья, не ощущая бури; когда я встречаю человека, у которого, несмотря на лунный свет, нет тени, я чувствую, что они очень странные, потому что чего-то не хватает их логическому развитию как событий. Теперь, с того момента, как вещь становится странной для человека, его восприятие перестает быть надежным, и сомнительно, что он знает, что он действительно пережил до того, как его мир стал для него странным. Добавьте к этому, что немногие люди не желают признаваться в том, что чувствовали себя не в своей тарелке, что, возможно, они даже не знают об этом,^[315] и вы получите сложную подмену сенсорных иллюзий и необычных ощущений, одно вызывает другое, другое усиливает одно, и так далее, пока все дело не превратится в нечто совершенно неузнаваемое. Так мы оказываемся перед лицом одной из необъяснимых ситуаций, в реальности которой нас уверяют самые надежные люди.

Для того чтобы подчеркнуть этот феномен, достаточно вспомнить несколько слегка аномальных случаев. Уже говорилось о том, что существует множество таких случаев, которые не являются болезнями, и, кроме того, существует множество больных случаев, которые не известны как таковые, по крайней мере, настолько, чтобы заставить судью вызвать врача. Это тем более вероятно, что часто встречаются, если можно так выразиться,

локализованные заболевания, которые не проявляют никаких экстраординарных симптомов, по крайней мере для неспециалистов, и, следовательно, не дают повода для обращения к специалистам. Если отбросить все реальные заболевания, связанные с оптическими иллюзиями, как не относящиеся к нам, то все равно останется достаточно примеров. Например, любой медицинский учебник расскажет вам, что морфинисты и жертвы кокаиновой зависимости имеют очень сильную склонность к оптическим иллюзиям и часто мучаются от них. Если болезнь достаточно запущена, таких субъектов врач распознает с одного взгляда. Но неспециалист не может сразу поставить такой диагноз. У него сложится впечатление, что он имеет дело с очень нервным больным, но не с тем, кто подвержен оптическим иллюзиям. Поэтому мы редко слышим от очевидца, что он знает таких людей, и уж тем более не слышим, что он сам является таковым. Очень известный окулист Химли был первым, кто сделал наблюдение, что при повышенной возбудимости сетчатки каждый цвет на тон выше. Светящийся черный цвет выглядит синим, синий - фиолетовым, фиолетовый - красным, красный - желтым. Оцепенение сетчатки инвертирует замену.

Dietz[316] рассказывает о цветовых иллюзиях, возникающих при незначительном несварении желудка; Foderè - об истериках, которые видят все в обратном порядке, а Норре[317] говорит: "Если порядок палочек и колбочек сетчатки несколько нарушен воспалительным прикосновением, равновесие зрения изменяется и происходят изменения размера, формы или вида". Естественно, криминалист не может заметить легкое несварение желудка, слабую истерику или воспаленный участок сетчатки при допросе свидетелей, однако ложные наблюдения, подобные описанным, могут оказать определенное влияние на решение по делу.

Если такие аномальные случаи отсутствуют, то причины оптических иллюзий имеют другую природу. Как правило, оптические иллюзии возникают, когда прерывается связь между сетчаткой, чувством движения и чувством осязания, или когда нам мешают свести изменения изображения на сетчатке к движению нашего тела или глаз. Это сведение происходит настолько бессознательно, что мы воспринимаем идею объекта и его состояния как единое целое. Опять же, несомненно, что движение тела кажется более быстрым, когда мы наблюдаем за ним неподвижным взглядом, чем когда мы следим за ним глазами. Разница может быть настолько существенной, что часто, когда многое зависит от определения скорости какого-либо действия в уголовном деле, стоит спросить, как на эту вещь смотрели.

Фехнер провел далеко идущее исследование старого знакомого факта, что вещи на земле кажутся бегущими, когда мы быстро проезжаем мимо них.[318] Этот факт можно сравнить с другим: когда с низкого моста смотришь прямо на быстро движущуюся воду, то кажется, что она вдруг стремительно плывет вверх по течению, хотя вода, казалось бы, не стоит на месте. Здесь действует какой-то неизвестный фактор, который может оказывать значительное влияние на многие другие явления без того, чтобы мы могли наблюдать их результаты. К этому классу можно добавить то необычное явление, что из поезда предметы легко кажутся слишком близкими и поэтому кажутся меньше, чем они есть на самом деле. Однако может оказаться, что верно и обратное - объекты кажутся меньше или, по крайней мере, короче, и что, поскольку мы привыкли связывать уменьшение размеров объектов с их расстоянием, мы считаем последнее ложным. Можно с уверенностью сказать, что всякий раз, когда мы сами быстро движемся, мы делаем ложные суждения о размере, расстоянии и даже цвете. Последнее может быть связано с тем, что во время быстрого перемещения цвета могут так скомпоноваться, что зеленый и красный становятся белыми, а синий и желтый - зелеными и т. д. Я полагаю, что все эти иллюзии усиливаются в связи с распространением

велосипедного спорта, поскольку многие наблюдения ведутся с быстро пролетающего колеса, а его движение значительно усиливает иллюзии". По поводу различий в движении Стрикер[319] говорит: "Если я лежу на спине и вижу, как птица летит в однообразно голубом небе, я узнаю движение, хотя у меня нет объекта, с которым можно было бы его сравнить. Это не может быть объяснено разнообразием точек на сетчатке, которые затронуты, поскольку, когда птица приостанавливается и я поворачиваю взгляд, я знаю, что она не движется". Последний аргумент неверен. Если птица сидит на ветке, я знаю, несмотря на все мои движения затылком, что она спокойна, но только потому, что я воспринимаю и наблюдаю неподвижность птицы. Если же я лежу на спине, как Стрикер, и вижу над собой птицу из разряда тех, что, так сказать, неподвижно плавают в воздухе по несколько минут подряд, и если при этом я поворачиваю голову, я не могу сказать, когда птица начинает двигаться. Здесь мы не имеем исключения из общего правила и всегда можем сказать, что речь идет о движении, оптически воспринимаемом, когда лучи, исходящие от какого-либо тела, постепенно касаются различных точек сетчатки. И поскольку это происходит как при нашем движении, так и при движении объекта, то получается, что мы не можем определить местоположение движения, не можем сказать, в нас оно или в объекте.

Конечно, возможность появления причудливых образов во время движения нам знакома. Если я спокойно сижу в лесу и вижу на некотором расстоянии камень, или кусок дерева, или небольшую кучку сухих листьев и т. д., то из-за какой-то иллюзии я могу принять его за свернувшегося ежа, и может случиться, что я настолько убежден в природе объекта, пока смотрю на него, что вижу, как еж вытягивает себя, выставляет лапы и делает другие движения. Помню, как однажды зимой комиссия, в которой я служил, из-за некоторой задержки не добралась до деревни неподалеку от столицы. Мы отправились расследовать дело об убийстве и обнаружили окоченевшее тело. В комнате топилась печь, и могильщик положил окоченевшее тело возле печи, чтобы оно оттаяло. Мы в это время осматривали место. Через некоторое время судья поручил мне посмотреть, в каком состоянии находится труп, и, к своему отвращению, я обнаружил, что он сидит возле печи, скорчившись. Он оттаял и развалился. Во время последующего вскрытия я отчетливо видел, как труп совершал всевозможные движения, и даже после раздела, во время диктовки протокола, моему воображению все еще казалось, что труп шевелит рукой или ногой.

Воображение также может вызывать изменения в цвете. Однажды я увидел на своем столе, стоявшем у окна, большую круглую каплю воды, в которой с левой стороны отражались стекла окна. (рис. 11). Все это дело находилось примерно в метре от моего глаза. Я неоднократно видел это во время работы, и наконец мне пришлось в голову поинтересоваться, как такая большая капля воды могла туда попасть. Я сидел за своим столом несколько часов, не двигаясь. Я должен был заметить ее, если она там упала. Намеренно воздерживаясь от того, чтобы подойти ближе, я начал безрезультатно размышлять, как она могла попасть туда. Через некоторое время я рассмотрел каплю воды и обнаружил, что она представляет собой чернильную кляксу, давно уже полностью высохшую и имеющую на левой стороне несколько зерен белого сигарного пепла. Я принял их за изображение окна и, следовательно, сразу же связал с ним идею блестящей, поднятой капли воды. Я совершенно не обратил внимания на глубокий черный цвет капли. На свидетельском месте я бы поклялся, что видел каплю воды, даже если бы знал, что улики в этом вопросе важны.

Рис. 11.

Во многих случаях можно управлять воображением, но только тогда, когда известно, что образы не могут быть такими, какими их видят. Всем известно, как полуприкрытый предмет на расстоянии или случайно сгруппированные тем или иным образом объекты принимаются бог знает за что. Так, однажды, глядя со своего стола на курительный столик, я увидел огромные портновские ножницы, наполовину прикрытые письмом. При нескольких повторных взглядах она осталась неизменной. Только когда я решительно подумал, что такой вещи не может быть в моей комнате, она исчезла. Несколько чешуек пепла, нижний круг спичечного сейфа, металлические обрезки двух сигарных коробок, наполовину прикрытые письмом и отраженные неясным светом, пробивающимся сквозь ветви дерева, - вот и все, из чего состояли портновские ножницы. Если бы в доме была такая вещь или если бы я верил, что в доме есть нечто подобное, я бы не стал искать дальше и поклялся бы, что видел эту вещь. Примечательно, что с того момента, как я понял суть явления, я не мог восстановить образ ножниц. Как часто подобные вещи могут иметь значение в уголовных процессах!

Так называемое пленение наших зрительных способностей играет немаловажную роль в различении правильного и иллюзорного видения. Для того чтобы видеть правильно, мы должны смотреть на объект прямо и полностью. Взгляд наискосок дает лишь приблизительное изображение и позволяет воображению свободно играть. Любой человек, заблудившийся в коричневом кабинете и представляющий глазами какую-то точку в комнате напротив, может легко принять муху, которую он смущенно видит косо, за большую птицу. Опять же, шрифт книги кажется определенно меньше, если взгляд фиксируется на острие грифельного карандаша, находящегося на определенном расстоянии перед или над книгой. И опять же, если встать так, чтобы под углом около 90 градусов от точки фиксации смотреть на белую дверь в темной стене, наблюдая за ее протяженностью в косвенном зрении, то она окажется гораздо выше, чем в прямом зрении.

Эти примеры показывают, как косвенное зрение может быть скорректировано более поздним правильным зрением, но такая коррекция происходит редко. Мы видим что-то косвенно; мы считаем это неинтересным и не смотрим на него прямо. Когда впоследствии это приобретает значение, возможно, становится предметом уголовного дела, мы думаем, что видели вещь такой, какая она есть, и часто клянемся, что "муха - большая птица".

Существует ряд случайностей, которые приводят к полной иллюзии. Предположим, что видение мухи, которую косвенно видели и приняли за большую птицу, происходит синхронно с криком какой-то хищной птицы. Я совмещаю эти два ощущения и убежден, что видел хищную птицу. Это может увеличиваться, настолько, что мы можем получить серию чувственных иллюзий. Я привожу пример театрального художника-декоратора, который может создать самые прекрасные образы с помощью нескольких, но очень характерных пятен. Он делает это, подчеркивая то, что кажется нам характерным, например, розовую беседку, таким образом, что на расстоянии и при освещении театра нам кажется, что мы действительно видим красивую розовую беседку. Если бы художник сцены мог дать определенные правила, он бы очень помог нам, юристам. Но у него их нет, он действует в

соответствии с опытом и не может исправить допущенные ошибки. Если розовая беседка не производит нужного впечатления, он не пытается ее улучшить, а делает новую. Из этого можно сделать вывод, что не все люди нуждаются в одинаковых характеристиках, чтобы идентифицировать вещь как таковую, так что если бы мы могли поставить розовую беседку на сцене саму по себе, только часть публики признала бы ее правильно нарисованной, другая же часть, вероятно, не узнала бы ее вовсе. Но если в какой-то вечер на сцене будет большое количество декораций, то коллективная публика сочтет беседку очень красивой. Это произойдет потому, что человеческие органы чувств при определенных обстоятельствах подвержены симпатической индукции. В случае с розовой беседкой можно предположить, что художник типично представил необходимые характеристики беседки для одной части зрителей, для другой - замка, для третьей - леса, а для четвертой - фона. Но как только индивид находит правильным один объект, его чувства уже симпатически индуктивны, т.е. увлечены правильностью всей коллекции, так что правильность переходит от одного объекта к общему числу. Этот психический процесс наиболее ярко проявляется в тех оптических иллюзиях, которые в последнее время часто демонстрируются публике (битва при Гравелотте, путешествие австрийского кронпринца в Египет и т.д.). Главная хитрость этих представлений заключается в том, что реальные предметы, такие как камни, колеса и т.д., выставляются на передний план таким образом, что они незаметно сливаются с нарисованной картиной. Чувство зрителя упирается в пластичные предметы, убеждается в их материальности и переносит идею этой пластичности на просто изображенное. Таким образом, все изображение оказывается трехмерным.

Украшения больших парков в начале прошлого века показывают, что не только освещение и возбужденное воображение вызывают подобные иллюзии. Вебер с восторгом рассказывает об аллее в Шветцинге, в конце которой находилась сильно освещенная вогнутая стена, разрисованная пейзажем с горами и водопадами. Все принимали обман за реальность, потому что глаз был пленен и правильно введен. Процедура художника должна была быть психологически верной и рассчитывать на слабость нашей наблюдательности и интеллекта. Экснер указывает на то простое обстоятельство, что мы не хотим видеть, что вещи при определенных условиях должны заканчиваться. Если провести прямую линию и закрыть ее конец листом бумаги, каждый удивится, что линия не становится длиннее, когда бумагу убирают.

Я не знаю ни одного случая в уголовном процессе, когда иллюзии такого рода могли бы иметь значение, но можно предположить, что такие иллюзии возникают в бесчисленных случаях. Это особенно легко заметить, когда мы сначала видим какую-то область или объект наспех, а затем наблюдаем его более точно. Мы поражаемся, насколько ложным было наше первое представление. Часть этой ложности может быть отнесена к недостаткам памяти, но они практически не играют роли, если время короткое и если мы можем вспомнить, что ложное представление появилось сразу же после того, как мы наблюдали ситуацию, о которой идет речь. Существенная причина ложных представлений кроется лишь в том, что наше первое поспешное представление было неверно индуктировано и, следовательно, привело к иллюзиям, подобным театральным. Так, можно принять дощатый забор, покрытый в некоторых местах зеленым мхом, за покрытую мхом скалу, а затем, руководствуясь этим, увидеть крутой обрыв. Определенные тени могут настолько увеличить размер маленького окна в трактире, что мы можем принять его за большое, как в гостиной. А если мы увидели только одно окно, нам кажется, что все они одинаковой формы, и мы убеждаемся, что трактир - это особняк. Или, опять же, мы видим сквозь лес полузакрытый далекий водоем, а в памяти всплывает, возможно, , но не обязательно, настоящая река. Или, возможно, мы видим церковный шпиль, а рядом с ним, возможно, крышу дома, возвышающуюся над

деревьями; тогда нам внушают, что мы увидели деревню, хотя на самом деле видны только церковь и дом.

Эти иллюзии, повторюсь, не имеют никакого значения, если в них сомневаются, ибо тогда устанавливается истина. Когда же в них не сомневаются и клянутся, они вносят величайшую путаницу в судебные процессы. Ссора в баре, взмах трости и красный платок на голове - этого достаточно, чтобы заставить людей свидетельствовать, что они видели большую драку с окровавленными головами. Грызущая крыса, случайно оставленное открытым на ночь окно и какой-нибудь небрежно брошенный и не сразу обнаруженный предмет - вот составляющие кражи со взломом. Человек, увидевший быстрый поезд, услышавший пронзительный свисток и увидевший большое облако, может считать себя свидетелем крушения. Все эти явления, кроме того, открывают нам вещи такими, какими мы привыкли их видеть. Повторяю и здесь, что фотографический аппарат, в той мере, в какой он не обладает преломляющей линзой, показывает вещи гораздо правдивее, чем наш глаз, который всегда корректируется нашей памятью. Если я позволю сфотографировать человека, сидящего на стуле, спереди, со скрещенными и вытянутыми ногами, то в результате получится нелепая картина, потому что ботинки кажутся огромными по сравнению с головой субъекта. Но фотография не виновата, так как, если держать объект в том же положении, а затем измерить кажущийся размер головы и сапог, мы получим точно такое же соотношение, как на фотографии. Мы знаем по опыту, насколько велика голова. И поэтому обычно видим все соотношения размеров в правильной пропорции. Но на фотографии мы не можем применить этот "естественный" стандарт, потому что он не дан в природе, и виним в этом фотоаппарат.

Если в уголовном деле мы имеем дело с описанием размера, и оно дается так, как известно из опыта, а не так, как оно выглядит на самом деле, то, если опыт нас обманул, наши показания тоже неверны, хотя мы и притворяемся, что давали показания на основе непосредственного чувственного восприятия.

Вопрос о послеобразах, вероятно, из-за их непродолжительности, не имеет криминалистического значения. Когда-то я полагал, что они могут оказывать значительное влияние на восприятие свидетелей, но мне не удалось обнаружить ни одного примера, в котором это влияние было бы ощутимым.

С другой стороны, важное значение имеет феномен иррадиации - появление темных тел, покрытых лучами света от соседних светил. Это явление хорошо известно, как и объяснения Гельмгольца и Плато. Но оно не находит достаточного применения. Достаточно положить белый квадрат на самую черную землю и в то же время такой же черный квадрат равного размера на белую землю, а затем поместить их под яркий свет, чтобы заметить, насколько больше кажется белый квадрат. То, что подобные явления часто происходят в природе, не требует объяснений. Всякий раз, когда мы имеем дело с вопросами размера, несомненно, необходимо учитывать цвет объекта и его окружение по отношению к фону и результирующему облучению.

Раздел 100. (3) Слуховые иллюзии.

С точки зрения криминалиста, слуховые иллюзии едва ли менее значимы, чем зрительные, тем более что неправильный слух встречается гораздо чаще, чем неправильное зрение. Это объясняется большей схожестью тонов друг с другом, а эта схожесть обусловлена тем, что звук имеет только одно измерение, в то время как зрение включает в себя не только три, но и цвет. Конечно, между грохотом пушек и шелестом крыльев больше различий, чем одно, но можно сказать, что самые разные явления тонов различаются лишь по степени. Кроме того, для сравнения мы можем использовать только класс слуховых образов, находящихся в одной

плоскости, например, человеческие голоса и т.д. Реальные акустические иллюзии тесно связаны со слуховыми заблуждениями, и различие между ними не может быть строго проведено. На заблуждение, как правило, может указывать практически любое внешнее условие, например, соотношение высоты тона, эхо, повторение, ложное совпадение звуковых волн и т.д. При таких обстоятельствах могут возникать настоящие иллюзии.

Изучение слуховых иллюзий особенно затрудняется редкостью их повторения, что не позволяет надежно исключить случайности и ошибки в наблюдении. Только два явления поддаются точному и достаточному изучению. В течение трех летних месяцев по длинной улице, на которой я живу, проезжал человек. Он продавал лед и объявлял о себе, крича: "Замороженный", с ударением на "фро". Это слово было отчетливо слышно, но если мужчина подъезжал к определенному месту на улице, то были слышны и слова "О, Боже". Если он ехал дальше, выражение становилось путаным и постепенно превращалось в правильное "Frozen". Я наблюдал за этим ежедневно и попросил сделать это нескольких других людей, не рассказывая им об иллюзии, но каждый слышал одно и то же, несмотря на явную разницу между "замерз" и "о, Боже".

Аналогичное наблюдение я сделал в велосипедной школе. Как известно, новички часто могут ездить самостоятельно, но им нужна помощь в установке и снятии велосипеда. Для этого они зовут учителя, восклицая: "Герр Майер". В некоторых местах этот звук отчетливо похож на "мама". Поначалу я был очень удивлен, услышав, как люди преклонного возраста весело кричат "мама". Позже я узнал, что это за слово на самом деле, и знакомые, которых я привлек к этому вопросу, подтвердили мое наблюдение. Такие вещи не безразличны, они показывают, что действительно очень разные звуки могут быть приняты друг за друга, что проверка непонимания может часто приводить к ложным результатам, поскольку только во время проверки иллюзии и аудитор, и говорящий точно находятся в том же положении, что и раньше. Наконец, все это показывает, что исправление некоторых ложных прослушиваний - дело очень трудное. И все же можно предположить, что эта работа по коррекции гораздо проще в отношении слуха, чем в отношении зрения. Если, например, утверждается, что где-то видели револьвер, и если известно, что увидеть его было невозможно, то определить, что же на самом деле представлял собой увиденный предмет, становится почти так же невозможно. Только в самых редких случаях это будет что-то совершенно похожее, например, пистолет; чаще всего это будет предмет, по которому невозможно сделать вывод, какими бы ни были комбинации. Напротив, если на слух установлено, что прослушивание было ложным, то работа по его установлению, хотя и трудная, не должна быть убыточной. Эта работа часто является обязательной для криминалиста, который получает протоколы, не прочитанные вслух, в которых допущены ошибки слуха и диктовки. Такие ошибки вызывают значительное беспокойство, и если дело важное, необходимо выяснить их источник и статус. Это почти всегда можно сделать. Конечно, странные, плохо слышимые имена собственные исправить нельзя, но другие вещи можно.

Что касается общего подхода к лечению слуховых иллюзий, то прежде всего необходимо рассмотреть их многочисленные и существенные различия. Во-первых, существуют разновидности хорошего слуха. То, что нормальные и ненормальные слышащие различаются по степени силы, хорошо известно. Существует также ряд особых состояний, вызывающих, например, так называемый гиперслух, который слышит острее, чем обычные люди. Конечно, такие утверждения, как те, что приводят в пример людей, которые слышат шум серы, натертой на полюсах кварцевых кристаллов, и т. д., неверны, но несомненно, что при небольшом внимании можно обнаружить удивительное количество людей, чей слух намного острее, чем у обычных людей. Кроме детей, в этом классе есть музыканты, молодые

девушки, а также очень нервные, возбудимые и болезненные люди. Музыканты, по сути, стали таковыми благодаря своему слуху; молодые девушки хорошо слышат во многом из-за своей тонкой организации и очень тонкой конструкции ушей; а нервные люди - из-за своей чувствительности к боли, возникающей при громких звуках. Многие различия в восприятии между свидетелями объясняются различиями в слухе, и реальность кажущейся невозможности слышать не должна отрицаться, а должна быть проверена при соответствующих условиях. Одним из таких условий является местоположение. Разница между тем, что слышно днем и ночью, в шумном городе или в тишине гор, хорошо знакома. Большое значение имеет влияние резонанса и высоты тона, эха и поглощения тонов, т. е. местоположение звука. Наконец, не следует забывать, что способность слышать у людей меняется в зависимости от погоды. Простуда снижает силу, и не мало людей подвержены влиянию температуры, атмосферного давления и т.д. Эти соображения показывают, насколько слуховые иллюзии могут быть важны даже при проверке их природы и существования. Прежде всего, они показывают, что в каждом тесте должен использоваться один и тот же объект сравнения при одних и тех же обстоятельствах. В противном случае неизбежно возникает путаница.

Наличие слуховых иллюзий при болезнях, лихорадке, истерии, нервозности, алкоголизме и его сопутствующих явлениях, психических расстройствах, гиперемии, заболеваниях уха и т. д. хорошо известно, но касается нас только как указание на необходимость немедленного обращения к врачу. Они имеют свои определенные характеристики и редко оставляют у неспециалиста сомнения в его обязанности в этом направлении. Большая трудность возникает при столкновении с болезнями или кажущимися заболеваниями, когда еще невозможно узнать об их существовании, или когда боль имеет такой характер, что обыватель не знает о ее наличии и, следовательно, не имеет оснований для обращения к врачу. Например, хорошо известно, что большое количество ушной серы в ушном проходе может вызывать всевозможные звоны и вздохи в ушах, а также настоящие галлюцинации. При этом человек с ненормальным количеством ушной серы может быть абсолютно здоров. Как в таком случае можно догадаться о необходимости обращения к врачу? Опять же, перфорация барабанной перепонки, особенно если она следует за катаром, может вызвать определенную слуховую иллюзию в отношении звука голосов, или иллюзия может быть вызвана раздражением кожи в ушном проходе, или анемией, или сильным пульсом сонной артерии и расширением кровеносных сосудов, как это происходит при алкоголизме. Многие люди становятся ненормально чувствительными к звукам в начале лихорадки. Женщины во время климакса слышат всевозможные голоса. Поскольку вскоре это прекращается, ненормальность и неправильность их слуха трудно установить. Роды тоже имеют значение. Старые и добросовестные акушерки утверждают, что слышали дыхание и плач нерожденных детей.

Примеры такого рода бесчисленны, и они учат тому, что при любом сомнительном утверждении об услышанном необходимо вызвать врача, чтобы он определил, слышал ли свидетель это в ненормальных, хотя и не больных условиях. Опять же, случайная или привычная общая возбудимость усиливает все звуки, и был ли свидетель в таком состоянии, может определить только врач-эксперт.

Иллюзии слуха, которым подвержены абсолютно нормальные люди, являются самыми сложными из всех. Их количество и частота встречаемости оцениваются по-разному. Врач не имеет к ним никакого отношения. Физику, акустику и физиологу нет дела до потребностей криминалиста в этом вопросе, а у нас самих редко есть время и возможность им заниматься. В результате наша информация очень мала, и никто не может сказать, сколько еще не

открыто. Один из моих друзей обратил мое внимание на то, что при подсчете ударов часов во время сна регулярно получается один лишний. Я проверил это наблюдение, и мой опыт подтвердил его. Если мы подумаем о том, как часто определение времени играет решающую роль в уголовном деле и как легко можно ошибиться на целый час, мы сможем получить некоторое представление о важности этой иллюзии. Объяснить ее сложно, и, возможно, это всего лишь один случай из целой серии неизвестных слуховых иллюзий, покоящихся на одной и той же основе. Другой и похожий феномен - "двойной удар молотка". Если попросить ассистента ударить молотком по столу, пока вы зажимаете пальцами оба уха, а затем открыть их через полсекунды или секунду после удара, вы снова услышите удар. А если быстро открывать и закрывать уши, то удар можно услышать несколько раз. Это объясняется тем, что в комнате происходит несколько отражений звука, которые воспринимаются только неутомимым ухом. Это объяснение неудовлетворительно, потому что эксперимент иногда удается и на открытом воздухе. Сам по себе этот вопрос кажется очень теоретическим и не имеющим практической ценности. Но подобное действие может происходить автоматически. Хорошо известно, что при глотании евстахиевы трубы на мгновение закрываются, особенно если это происходит в положении лежа. Теперь, если это происходит во время удара, выстрела и т.д., звук должен быть услышан дважды. Опять же, легко может случиться, что из-за шума человек проснется в полусонном состоянии и, испугавшись, проглотит собранную слюну; тогда этот случай, который сам по себе кажется неважным, может привести к очень важным показаниям. Такие случаи нередки.

Существенное влияние может оказать интенсивность уже услышанного звука. Некоторые экспериментаторы указывают на удивительный характер слегка интенсивного воздействия звука. Если держать часы на таком расстоянии от уха, чтобы слышать их отчетливо, но слабо, звук уменьшается, пока, наконец, его совсем не станет слышно, а через некоторое время он снова становится слышен, и т.д. Это может привести к тому, что вы будете слышать отчетливые звуки, состоящие из множества тонов, и не нужно строить иллюзий по поводу тиканья часов. Но это может происходить и с более сильными и отдаленными звуками, например, с журчанием ручья, грохотом поезда, стуком на далекой фабрике. На отдаленные звуки влияют отражения звука, воздушные волны и т.д., и в совершенно монотонном шуме может быть слышно все, что угодно. В этом можно легко убедиться, прислушавшись ночью к тихому журчанию далекого ручья. Учитывая диспозицию и предполагая, что существование ручья неизвестно, легко услышать в его монотонном журчании человеческие голоса, вздохи, крики и т.д.

Еще одно замечательное наблюдение показывает, что в темноте очень отчетливо слышны звуки при игре на тонких инструментах, таких как ротовые органы. Жужжание то приближается, то удаляется, то надвигается с разных сторон, и в конце концов возникает ощущение, что вся комната полна жужжащих и машущих крыльями насекомых. И так может продолжаться бесконечно. Существует множество причин для такого повторения монотонных звуков. Всем известны созвучия эоловой арфы, состоящие из одинаковых нот, и мелодии, которые, кажется, заключены в стук поезда по рельсам. Это становится особенно ясно, когда человек находится в полусонном состоянии. Если когда-нибудь мышление начинает вытесняться дремотой, ритмичный стук начинает доминировать в сознании. Затем ритм обретает соответствующую мелодию, которая становится все более интенсивной, и если человек внезапно просыпается, он удивляется, почему пропала ясно слышимая музыка. Точно так же часто утверждают, что вереница летящих диких лебедей издает приятные аккорды, хотя каждый лебедь способен произнести только один крик. Разница в расстоянии и изменения в воздухе вызывают аккорды.

Важное значение имеют трудности в различении интенсивности или слабости звука. От скрипача Василевского Фехнер узнал, что тот заметил, что мужской хор из четырехсот голосов звучит не громче, чем из двухсот. В то же время одни часы не слышны на большом расстоянии, а сто часов слышны. Не слышно, как ест одна саранча, но слышно, как едят 1000; следовательно, каждая из них должна издавать определенный звук.^[320] Ранние авторитеты уже указывали, как трудно различить количество колоколов, звонящих вместе. Даже музыканты часто принимают два или три за пять или шесть.

Определенная предрасположенность имеет значение в этом отношении. Оперировавший врач слышит негромкие стоны пациента после операции, не слыша его громких криков во время операции. Во время операции врач не должен слышать ничего, что могло бы помешать его работе, но низкий стон просто донесся до него. Спящая мать часто не слышит сильного шума, но сразу же просыпается, когда ее ребенок делает более глубокий вдох, чем обычно. Мельники и фабриканты, путешественники и т. д. не слышат стука своих различных привычных окружающих шумов, но воспринимают малейший зов, и каждый замечает значительный рокот мира, сумму всех отдаленных шумов, только в тишине ночи, которая его пропускает.

Иллюзии направления звука очень распространены. Говорят, что им подвержены даже животные; и все знают, как мало людей могут различить источник и направление уличной музыки, катящейся повозки или звона колокола. Даже когда долгая практика позволяет безошибочно определять направление, случайное событие, возможно, погода, особые звуки, другая группа людей на улице, может привести к серьезным ошибкам. Я пытался научиться определять со своего рабочего места, откуда доносится гудок конной повозки - сверху или снизу. Мне это удавалось настолько хорошо, что я не мог понять, как это трудно не уловить разницу, и все же я много раз терпел полную неудачу в суждениях. Причина этого мне неизвестна.

Все эти перечисленные обстоятельства должны показать, насколько неопределенны все акустические восприятия и как мало им можно доверять, если они не подвергаются тщательной проверке в аналогичных условиях, и если - что самое важное - они не изолированы. Здесь мы возвращаемся к старому принципу, что каждое наблюдение - это не доказательство, а средство доказательства, и что ему можно доверять только тогда, когда оно подтверждается многими параллельными действиями, которые действительно последовательны. То, что и после этого возможны ошибки, - правда, но "после этого" - это когда мы сделали все, что в человеческих силах.

Раздел 101. (4) *Иллюзии осязания.*

Высокое положение чувства осязания, делающее его в некоторых направлениях даже органом управления чувством зрения, хорошо известно, и историческая попытка Кондильяка вывести все чувства из этого одного все еще правдоподобна. Для того чтобы увидеть то, что видишь, точно, необходимо автоматически прибегнуть к помощи осязания, которое улавливает то, что пропустил глаз. Поэтому мы видим, что многие люди прикасаются к вещам, чье зрение не совсем надежно - люди в возрасте, дети, не имеющие опыта видения, необразованные люди, которые так и не научились видеть быстро и полно. Кроме того, некоторые вещи можно определить только на ощупь: тонкость бумаги, ткани и т. д., остроту или остроту инструментов, сырость предметов. Даже когда мы ласково поглаживаем собаку, мы делаем это отчасти потому, что хотим убедиться, что ее кожа такая же гладкая и тонкая, какой ее видит глаз; более того, мы хотим проверить зрительное впечатление осязанием.

Каким бы важным и надежным ни было чувство осязания, ему все же не стоит доверять, если оно является единственным инструментом восприятия. Мы никогда не должны полагаться на показания свидетеля, основанные исключительно на осязательном восприятии, а заявления раненого о времени, способе и т. д. ранения ненадежны, если он не видел того, что почувствовал. Мы знаем, что большинство ножевых и пулевых ранений, то есть самых опасных, в первую очередь ощущаются как не очень сильные удары. Удары по конечностям ощущаются не как таковые, а скорее как боль, а удары по голове регулярно оцениваются с точки зрения боли и ложно - с точки зрения их силы. Если они были достаточно сильными, чтобы вызвать потерю сознания, то говорят, что они были очень массивными, но если они не произвели такого эффекта, то самые честные свидетели будут описывать их как гораздо более сильные, чем они были на самом деле. Что касается расположения раны в спине, в боку, даже в верхней части руки, то раненый может дать лишь общие указания, и если он правильно указывает место ранения, то он узнал это позже, но не знал, когда оно произошло. По данным Гельмгольца, практически все абдоминальные ощущения приписываются передней брюшной стенке. Теперь такие вопросы приобретают значение, когда человек получил несколько ран в драке или нападении и хочет определенно сказать, что он получил рану А, когда появился Х, рану В, когда его ударил Y, и т. д. Такие утверждения почти все ложны, потому что жертва, скорее всего, отождествляет боль в момент получения раны с ее последующей болезненностью. Если, например, человек получил довольно длинную, но неглубокую ножевую рану и глубокий удар ножом в спину, то первая вызовет у него сильное жжение, а вторая - лишь ощущение сильного удара. Позже, при осмотре, порез заживает и больше не болит; опасный же удар, который мог попасть в легкое, вызывает боль и сильное затруднение дыхания, так что раненый приписывает нанесение удара болезненному ощущению от пореза, и наоборот.

Различные восприятия жертв при получении ранения поразительны, и я убедил одного полицейского хирурга, обладающего значительной образованностью и оригинальностью, собрать и интерпретировать огромную массу материала. Лучше всего это сделать путем составления таблиц, точного описания ран по их месту, величине, форме и значению, заявления потерпевшего о его ощущениях в момент получения раны, о последствиях заживления и в конце пояснительные замечания о причинах истинных или неправильных ощущений потерпевшего. Так как эта работа должна иметь только психологическое значение, то безразлично, правдив ли пострадавший или нет. Мы хотим знать, что люди говорят о своих ощущениях. Истинные и ложные будут различаться автоматически, настолько богат материал, а целью будет сравнение истинных субъективных ощущений с истинными субъективными поступками. Возможно, даже удастся сделать обобщения и абстрагироваться от некоторых правил.

Существует множество примеров того, что неконтролируемое осязание приводит к ложным восприятиям. Современная психофизика указывает на большую группу ложных восприятий, связанных с иллюзиями давления, ударов или других контактов с кожей. Наиболее известными и криминалистически важными являются эксперименты с открытыми компасами. При надавливании на менее чувствительные части тела, спину, бедро и т. д., они всегда ощущаются как единое целое, хотя находятся на значительном расстоянии друг от друга. Эксперименты Флурнуа снова показывают, как трудно оценивать весовые категории, которым не помогает зрительное восприятие их формы и внешнего вида. Пятьдесят человек оценивали вес десяти предметов различной формы, и только один обнаружил, что все они имеют одинаковый вес.

Точно так же простое осязание не может дать нам должного контроля над органами тела. Салли говорит, что в постели мы можем добровольно вообразить, что нога занимает положение, совершенно отличное от того, которое она имеет на самом деле. Позвольте мне привести несколько аналогичных примеров из моего "Руководства для следственных судей". Если мы возьмем горошину между большим и указательным пальцами, мы просто почувствуем горошину, хотя ее тактильный образ доходит до нас через два пальца, т. е. двойной. Если теперь мы перекрестим третий палец над четвертым и удержим горошину между кончиками этих двух пальцев, мы почувствуем ее как двойную, потому что пальцы не находятся в привычном положении и, следовательно, дают двойной результат. С одной точки зрения, это двойное ощущение правильно, но когда мы прикасаемся к горошине естественным образом, опыт помогает нам почувствовать только одну горошину. Другой пример - скрестить руки и повернуть их внутрь и вверх так, чтобы пальцы левой руки повернулись влево, а пальцы правой - вправо. Здесь локализация пальцев полностью теряется, и если второй человек указывает на один из пальцев, не прикасаясь к нему, и просит вас поднять его, вы регулярно поднимаете аналогичный палец другой руки. Это говорит о том, что тактильное чувство находится на не очень высокой стадии развития, так как нуждается, если ему не помогает длительный опыт, в помощи чувства зрения. Поэтому восприятие только через осязание имеет небольшое значение; умозаключения делаются на основе немногих и более грубых характерных впечатлений.

Это видно на примере одной игры, в которую мы играли в юности. Она заключалась в том, что мы протягивали под столом некоторые безобидные предметы - мягкий кусок теста, очищенную влажную картофелину, приклеенную к деревяшке, мокрую перчатку, наполненную песком, спирально разрезанную кожуру свеклы и т. д. Тот, кто брал в руки один из этих предметов, не видя его, думал, что держит какую-то гадость, и выбрасывал его. Его осязание могло представить только сырость, холод и движение, то есть самые грубые черты рептильной жизни, а воображение выстраивало их в рептилию и вызывало соответствующие действия. Какой бы глупой ни казалась эта игра, она криминалистически поучительна. Она показывает, какие невероятные иллюзии способно вызвать чувство осязания. К этой неадекватности тактильного воображения можно добавить и некую переносимость некоторых осязательных ощущений. Например, если рядом с моим сиденьем копошатся муравьи, мне сразу кажется, что они бегают под моей одеждой, а если я вижу рану или слышу ее описание, то часто чувствую боль в аналогичном месте на своем собственном теле. То, что это может привести к значительным иллюзиям у возбужденных свидетелей, очевидно.

Наконец, эту зависимость чувства осязания можно дополнить тем, что оно учитывается только относительно, и его значение меняется в зависимости от человека. Мы находим погреб теплым зимой и холодным летом, потому что ощущаем разницу только с внешним воздухом, а когда мы опускаем одну руку в горячую, а другую в холодную воду, а затем обе в теплую, то одна рука оказывается холодной, а другая теплой. Запись тактильных ощущений часто встречается в наших протоколах и требует постоянного учета ненадежности этого чувства.

Болезненные состояния, конечно, должны быть переданы врачу. Мне остается только отметить, что легкие отравления хлороформом, морфином, атропином, датурином снижают, а стрихнин повышает чувствительность органа осязания.

Раздел 102. (5) Иллюзии вкусовых ощущений.

Иллюзии вкуса имеют для нас значение только в тех случаях отравления, когда мы хотим получить помощь жертвы или желаем попробовать яд на вкус, чтобы определить его

природу. То, что в отношении вкуса и запаха особенно трудно достичь какого-либо единодушия, - старая история, и из этого следует, что еще труднее четко разобраться в возможных иллюзиях этих чувств. То, что болезни могут вызывать ошибочные вкусовые впечатления, хорошо известно. Но предшествующее отравление также может вызывать иллюзии. Так, наблюдения показывают, что отравление розовым сантонином (известное средство от глистов, к которому так ненормально чувствительны дети) вызывает длительный горький вкус; подкожное отравление морфином вызывает иллюзорные горькие и кислые вкусы. Перемежающиеся лихорадки, как правило, вызывают, когда нет приступов и пациент чувствует себя сравнительно хорошо, большое количество металлических, особенно медных привкусов. Если это так, то это может привести к необоснованным подозрениям в отравлении, поскольку явления перемежающейся лихорадки настолько разнообразны, что не все их можно идентифицировать.

Воображение имеет здесь существенное значение. Тейн где-то рассказывал о романисте, который так красочно описал отравление своей героини, что почувствовал вкус мышьяка и получил несварение желудка. Это вполне возможно, ведь, наверное, все уже поняли, какое огромное влияние оказывает ложное представление о природе пищи. Если соленое мясо принять за сладкое пирожное, вкус станет отвратительным, потому что воображаемый и действительный вкусы как бы смешаются. Особое влияние оказывает глаз, и приводимая и опровергаемая сотни раз история о том, что в темноте нельзя отличить красное вино от белого, курицу от гуся, , что гаснущая сигара не замечается и т. д., - правда. С закрытыми глазами можно съесть луковицу вместо яблока.

Предварительные вкусовые ощущения могут вызывать значительные вкусовые иллюзии. Поэтому, когда утверждается о вкусах, всегда необходимо вначале поинтересоваться, что было съедено или выпито до этого. Опытные хозяйки учитывают этот факт при сервировке стола и расстановке вин. Полные иллюзии вкуса значительно повышают ценность вин. В целом, не стоит забывать, что надежность чувства вкуса нельзя оценивать слишком низко. Особенно сильны иллюзии, когда вещь была попробована с заранее составленным представлением о ее вкусе.

Раздел 103. (6) Иллюзии обоняния.

У здоровых людей обонятельные иллюзии встречаются очень редко и поэтому не имеют большого значения. Они часто встречаются у душевнобольных, связаны в большинстве случаев с сексуальными состояниями и бывают настолько яркими, что судья вряд ли может сомневаться в необходимости обращения к врачу. Некоторые яды способствуют развращению обоняния. Стрихнин, например, делает его более тонким, морфий - более тусклым. Люди со слабыми легкими в большинстве случаев пытаются вывести затрудненное дыхание за пределы себя и считают, что они вдыхают отравленный воздух, угольный газ и т. д. Если учесть в этой связи подозрительность, которую часто проявляют многие люди, страдающие легочными заболеваниями, то можно объяснить многие беспочвенные обвинения в попытке убийства путем удушения ядовитым или недышащим газом. Если эта типичная иллюзия неизвестна судье, он может не найти причин для вызова врача, а затем и правосудия.

Наибольшее количество обонятельных иллюзий обусловлено воображением. Часто цитируемый случай Карпентера о чиновниках, которые чувствовали запах трупа, пока копали гроб, пока, наконец, не обнаружили, что гроб пуст, имеет много аналогов. Однажды я проводил экспертизу по делу о поджоге и, подъезжая к деревне, заметил характерный запах, который распространяют сгоревшие животные или люди. Когда мы узнали, что сгоревшая

ферма находится еще в часе езды от деревни, запах сразу же исчез. И снова, возвращаясь домой, мне показалось, что я услышал голос посетительницы и сразу почувствовал запах ее характерных духов, но в тот день ее не было.

Подобные иллюзии объясняются тем, что в воздухе присутствует множество запахов, что они не очень хорошо различаются и могут быть превращены с помощью воображения в тот, который, вероятно, будет наиболее очевидным.

К этому классу относятся истории о гиперсензитивах, которые думают, что способны почувствовать запах полюса магнита или химикатов, расплавленных в стакане. Можно предположить, что они делают это из лучших побуждений, но почувствовать запах через расплавленное стекло невозможно. Следовательно, нужно верить, что такие люди действительно где-то что-то учуяли и придали этому запаху то или иное конкретное место. Нечто подобное происходит, когда запах, который в иных случаях кажется приятным, вдруг становится отвратительным и невыносимым, когда его источник неизвестен. С каким бы удовольствием человек ни ел сардины в масле, он, скорее всего, отвернется, если закрыть глаза и поднести к носу открытую банку сардин. Многие нежные сорта сыра источают отвратительные запахи, пока неизвестно, что источником их является сыр. Запах, исходящий от рук после поедания крабов, невыносим; однако если помнить, что это запах крабов, он становится совсем не таким неприятным.

Большое влияние оказывают ассоциации. Долгое время мне не нравилось ходить на рынок, где продавались цветы, букеты, венки и т. д., потому что я чувствовал запах мертвых человеческих тел. В конце концов, я обнаружил, что запах был вызван тем, что я знал, что большинство этих цветов - те, которые кладут на гроб - пахнут во время погребения. Опять же, многие люди считают духи хорошими или плохими, поскольку им нравится или не нравится человек, который ими пользуется, а суждение о приятности или неприятности запаха в основном зависит от приятности или неприятности ассоциативных воспоминаний. Когда мой сын, который по природе вегетарианец и которого никогда нельзя было заставить есть мясо, стал врачом, я думала, что он никогда не сможет вынести запаха препарировочной комнаты. Однако его это ничуть не беспокоило, и он объяснил это тем, что: "Я не ем то, что так пахнет, и не представляю, как можно есть что-то из мясных лавок, где запах точно такой же, как в препарировальной комнате". Какой запах называть хорошим или плохим, экстатическим или отвратительным, - дело сугубо субъективное и никогда не должно быть основой для универсального суждения. Заявления свидетелей о восприятии запаха не имеют никакой ценности, если не подтверждены иным образом.

Раздел 104. (b) Галлюцинации и иллюзии.

Границы между иллюзиями чувств и собственно галлюцинациями и иллюзиями ни в коем случае не могут быть определены однозначно, поскольку любые явления одного могут быть применены к другому, и наоборот.^[321] С наибольшей уверенностью можно утверждать, что причина иллюзий ощущения кроется в природе органов чувств, в то время как галлюцинации и иллюзии обусловлены деятельностью мозга. Последние гораздо чаще попадают в сферу компетенции врача, чем иллюзии чувств, но в то же время многие из них приходится определять адвокату, поскольку они действительно возникают у нормальных людей или у тех, чья болезнь только начинается, так что врач еще не может до нее добраться. Тем не менее, всякий раз, когда адвокат оказывается лицом к лицу с предполагаемой иллюзией или галлюцинацией, он должен обязательно вызвать врача. Ибо, как редко обычная иллюзия чувств объяснима правилами логики или психологии, или даже с помощью других знаний или опыта, доступных любому образованному человеку, так часто в случаях

галлюцинаций и иллюзий происходят процессы, которые требуют, по крайней мере, физиологических знаний врача. Поэтому наша деятельность должна быть ограничена восприятием наличия галлюцинаций или иллюзий; остальное - дело психиатра. Как ни мала наша забота, она важна и трудна, так как, с одной стороны, мы не должны апеллировать к врачу по поводу каждой глупой фантазии или каждой лжи заключенного, а с другой стороны, мы берем на себя большую ответственность, если интерпретируем реальную галлюцинацию или иллюзию как истинное и реальное наблюдение. Поэтому приобретать знания о природе этих вещей не может быть достаточно строго рекомендовано.

Галлюцинация и иллюзия отличаются тем, что галлюцинация не подразумевает никакого внешнего объекта, в то время как в иллюзии объекты ошибочны и неверно истолкованы. Когда одна вещь принимается за другую, например, печь за человека, шелест ветра за человеческую песню, мы имеем иллюзию. Когда не воспринимается никакого объективного существования, например, когда видно, что человек вошел, слышен голос, ощущается прикосновение, хотя ничего не произошло, мы имеем дело с галлюцинацией. Иллюзия - это частичное, а галлюцинация - полное дополнение внешнего объекта. Между иллюзией и галлюцинацией нет правильного и определенного различия, так как присутствующее может быть настолько отдаленно связано с воспринимаемым, что является не более чем стимулом, и таким образом иллюзия может превратиться в настоящую галлюцинацию. Один авторитет называет иллюзией представление о реально существующем внешнем событии, которое воспринимается периферическими органами в виде идеи, не совпадающей с событием. Ошибка заключается не столько в дефектной деятельности органов чувств, сколько в том, что апперцептивная идея подменяется перцептивным представлением. При галлюцинации все внешние события отсутствуют, и, следовательно, увиденное обусловлено стимуляцией периферии. Некоторые специалисты считают, что галлюцинации вызываются спазмом чувствительного нерва. Другие считают, что иллюзии - это стимулированное извне восприятие, не соответствующее стимулу, а третьи полагают, что это в принципе нормально. Большинство людей время от времени подвержены иллюзиям; более того, никто не может быть всегда трезвым и разумным во всех своих представлениях и убеждениях. Светящийся центр нашего разумного восприятия окутан облачной полутьмой иллюзий.

Сюлли[322] стремится отличить сущностную природу иллюзии от той, которую характеризует обычный язык. Иллюзия, по его словам, часто используется для обозначения ошибок, которые не означают неистинных восприятий. Мы говорим, что иллюзией страдает человек, который слишком много о себе думает, или когда он рассказывает истории не так, как они происходят, из-за слабости памяти. Иллюзия - это любая форма заблуждения, которая подменяет собой любое прямое самоочевидное или интуитивное знание, будь то в виде чувственного восприятия или в любой другой форме.

В настоящее время причину галлюцинаций и иллюзий ищут в чрезмерном возбуждении спинномозговой системы. Как это возбуждение может быть очень разным по своей интенсивности и значимости, от кратковременного прилива крови до полного помешательства, так и галлюцинации и иллюзии могут быть незначительными или признаками очень серьезных психических расстройств. Когда мы ищем форму этих явлений, то обнаруживаем, что к ней относятся все те психические события, которые не были *намеренно* совершены или обмануты. Когда Брут видит призрак Сезара, Макбет - призрак Банко, Николас - своего сына, это явно галлюцинации или иллюзии того же рода, что и те, которые "действительно и реально" видели наши медсестры. Рассказы таких людей не имеют никакого значения для криминалиста, но если человек видел вошедшего вора, сбежавшего убийцу, окровавленный труп или другой подобный объект уголовного права, и

это галлюцинации, подобные классическим призракам, то мы, скорее всего, сильно обманемся. Хоппе[323] перечисляет галлюцинации внешне здоровых (?) людей. 1. Священник, уставший от умственного напряжения, увидел, как во время письма над его плечом показалась голова мальчика. Если он поворачивался к ней, она исчезала, если продолжал писать - появлялась вновь. 2. "Тщательно продуманному" человеку постоянно мерещился скелет. 3. Паскаль, получив сильный удар, увидел огненную бездну, в которую боялся упасть. 4. Человек, увидевший огромный пожар, долгое время после этого непрерывно видел пламя. 5. Многочисленные случаи, когда преступники, особенно убийцы, постоянно держали перед глазами свои жертвы. 6. Юстус Мёзер очень отчетливо видел известные цветы и геометрические фигуры. 7. Бонне знает "здорового" человека, который видел людей, птиц и т.д. с открытыми глазами. 8. Один человек получил рану в левое ухо и в течение нескольких недель после этого видел кошку. 9. Женщина восьмидесяти восьми лет часто видела все усыпанное цветами, в остальном она была вполне "здоровая".

Часть этих историй кажется в значительной степени выдуманной, часть относится к неоспоримым патологическим случаям, а некоторые из них подтверждаются в других местах. То, что убийцы, особенно женщины, убивающие детей, часто видят своих жертв, хорошо известно нам, криминалистам. И по этой причине привычка заключать заключенных в темную камеру на двадцать четыре часа в годовщину преступления должна быть отмечена как утонченная и глубоко средневековая жестокость. Я неоднократно слышал от людей, подвергавшихся таким пыткам, об ужасе их видений в такие дни мученичества. Рассказывают случаи, когда у заключенных, страдавших запорами, возникали всевозможные зрительные и слуховые галлюцинации и казалось, что они слышат, например, шорох соломы, всевозможные слова. То, что изоляция предрасполагает людей к подобным вещам, так же хорошо известно, как и то, что запор вызывает прилив крови к голове, а значит, и нервное возбуждение. Известные истории о грабителях, которые часто рассказывают нам заключенные, не всегда являются плодом злого вымысла. Вероятно, немалая часть из них является результатом галлюцинаций.

Хоппе рассказывает о большой группе галлюцинаций в состоянии бодрствования и полубодрствования и утверждает, что они есть у каждого и их можно отметить, если уделить этому внимание. Возможно, это преувеличение, но верно то, что здоровый человек, несколько не возбужденный и не напуганный, может слышать всевозможные вещи в потрескивании огня и т. д. и видеть всевозможные вещи, в дыму, в облаках и т. д. Особенно характерно движение портретов и статуй, особенно при тусклом свете и при неустойчивых эмоциональных состояниях. У меня есть рельеф Гибerti "Восстание плоти", на котором семь лемуров танцуют вокруг трупа и поют. Если ночью я погашу лампу в своем кабинете и луна упадет на работу, семь лемуров будут танцевать так же оживленно в течение того времени, которое потребуется моим глазам, чтобы перестроиться с лампового света на лунный. Нечто подобное я вижу на старом резном комодe. Резьба настолько тонкая, что при тусклом свете на ней видны крошечные головки и языки пламени по примеру изображений "бедных душ" в чистилище в католической церкви. При определенном освещении пламя мерцает, головы двигаются, а руки из огня поднимаются к парящим над головой облакам. Для этого не нужно никакого необычного волнения, просто усталое предчувствие вечера, когда глаза переходят от длительного однообразного чтения или письма к чему-то другому.[324] Это случалось со мной с самого раннего детства. Высокая температура тела может легко вызвать галлюцинации. Так, марширующих солдат заставляют стрелять по несуществующим животным и по видимому приближающимся врагам. Однообразная и утомительная умственная деятельность также является источником галлюцинаций. Фехнер рассказывает, что однажды, проведя длительный эксперимент с помощью секундомера, он весь вечер

после этого слышал его удары. Так же и при изучении длинных рядов фигур он видел их ночью в темноте так отчетливо, что мог их считать.

Существуют также иллюзии осязания, которые могут иметь криминалистическое значение. Движение воздуха может быть принято за приближение человека. Тугой воротничок или шарф могут вызвать ощущение удушья! Старики часто ощущают песочный привкус во время еды - когда об этом рассказывают, возникает мысль, что это может быть вызвано крупнодисперсным порошком мышьяка, но это может быть просто иллюзией.

Малейшее отклонение от нормы делает галлюцинации и иллюзии очень легкими. У людей, которым угрожает большая опасность, возникают всевозможные галлюцинации, особенно в отношении людей. В суде, когда свидетели, подвергшиеся нападению, утверждают, что видели людей, галлюцинации часто могут быть основой их показаний. Голод или потеря крови вызывают самые разнообразные галлюцинации. Менструация и геморрой могут быть причиной определенных периодических видений, а сильная боль может сопровождаться галлюцинациями, которые начинаются вместе с болью, становятся более отчетливыми по мере ее усиления и исчезают, когда она прекращается.

Может показаться, что и в этом вопросе результаты разрушительны, а показания свидетелей неправдивы и ненадежны. Я не утверждаю, что наша оценка этих утверждений должна быть проверена со всех возможных сторон, но я говорю, что многое из того, что мы считали истинным, зависит только от иллюзий в широком смысле этого слова и что наш долг прежде всего строго проверить все, что лежит в основе наших исследований.

Раздел 105. (с) Воображаемые идеи.

Иллюзии чувств, галлюцинации и собственно иллюзии, взятые как группа, отличаются от имажинативных представлений тем, что человек, обладающий ими, более или менее пассивен и подчиняется тому, из чего они возникают, тогда как в случае последних человек более активен и создает новые образы путем комбинации существующих или только воображаемых условий. Неважно, состоят ли они только из идеи или являются продуктом слова, рукописи, картины, скульптуры, музыки и т. д. Мы имеем дело только с их возникновением и результатами. Конечно, не существует резкой границы между воображаемыми идеями и чувственным восприятием и т. д. Многие явления трудно поддаются классификации, и даже язык неопределенен в своем использовании. Понятие "иллюзия" обозначает многие ложные идеалы, многие плоды бессвязной фантазии.

Деятельность воображения, взятая в обычном смысле, требует прежде всего анализа. По мнению Мейнонга^[325], существует два вида имажинативных образов - генеративный и конструктивный. Первый выставляет элементы, второй объединяет их. Таким образом: Я представляю себе какой-то знакомый дом, затем воспроизвожу идею огня (генеративный), теперь я объединяю эти два элемента и представляю дом в огне (конструктивный). Это включает в себя несколько условий.

Условия генерации не вызывают затруднений. Трудность заключается в конструктивном аспекте деятельности, поскольку мы можем представить себе поразительно мало. Мы не можем представить себя в четвертом измерении, и хотя нам всегда приходилось пользоваться такими величинами, мы все имеем представление о том, что величина A представляет собой, например, линию, A^2 , квадрат, A^3 , куб, но как только нам приходится говорить, какой образ представляет A^5 , A^6 и т. д., наш математический язык приходит в

упадок. Даже двенадцать человек, или зеленое пламя, увиденное через красное стекло, или двух людей, говорящих разные вещи, едва ли можно представить себе с какой-либо ясностью. У нас есть элементы, но мы не можем построить их соединения. Эта трудность возникает и при рассмотрении некоторых объектов. Допустим, мы смотрим на художественно завершеного ангела; нам всегда не дает покоя мысль, что его крылья слишком малы, чтобы он мог летать. Если ангел, построенный как человек, должен нестись на своих крыльях, то они должны быть настолько гигантскими, что их невозможно воспроизвести художнику. Действительно, человек, чуть более тертый, и интересующийся анатомией, при виде самой прекрасной статуи ангела будет беспокоиться о строении конечностей, крыльев и их отношении к скелету. Таким образом, в некоторых направлениях воображение слишком слабо, чтобы представить себе бесплотное существо в человеческом облике, парящее в воздухе. Кроме того, один авторитет отмечает, что мы чаще думаем о кентаврах, чем о людях со змеевидными телами, не потому, что кентавры более эстетичны, а потому, что лошади массивнее змей. Я не считаю это истинным объяснением, поскольку в противном случае нам пришлось бы представлять себе людей с клыкастыми телами, ведь мы видим столько же собак, сколько и лошадей, если не больше. Но факт верен, и объяснение может заключаться в том, что мы представляем себе кентавра из-за подходящего размера, подразумеваемой силы и потому, что от всадника до кентавра не так уж и далеко. Короче говоря, и здесь мы видим, что воображение предпочитает работать там, где меньше трудностей. Таким образом, вместе с легкостью воображения объекта уходит и его определенная возможность. Я знаю одного старого джентльмена в А и другого в Б, которые никогда не видели друг друга, но я легко могу представить их вместе, разговаривающими, играющими в карты и т. д., и только с трудом могу представить их ссорящимися или спорящими. В *возможности* всегда есть определенная легкость, и она присваивается воображением.

Важно, что когда другие помогают нам и мы находим в этом удовольствие, мы отвечаем на очень трудные требования воображения. В опере отклонение от реальности настолько сильно, что непривычному человеку оно кажется глупым. Но нам и не нужен непривычный человек. Достаточно представить себе самую обычную сцену в опере: пение признания в любви, ария признания, ария перед самоубийством, хор певцов с моралью об этом несчастье. Видели ли вы когда-нибудь в реальной жизни что-нибудь хотя бы отдаленно похожее? Но мы спокойно принимаем это и находим прекрасным и трогательным только потому, что другие исполняют это без труда на наших глазах, и мы готовы поверить, что это возможно.

Из всего вышесказанного следует следующее правило. Если мы считаем, что какое-то утверждение основано на воображении или почерпнуто из какого-то образного источника, мы всегда должны соединять его с наиболее близкими соседями, шаг за шагом выискивать его элементы и затем соединять их в максимально простой форме. Таким образом, мы можем, возможно, добраться до подлинного содержания материи. Конечно, это не обязательно должно привести к появлению другого воображаемого образа. И его неспособность сделать это была бы возражением, если бы соединение было концом работы и должно было использоваться само по себе. Но это не случай. Все, что требуется, - это извлечь определенную отправную точку из солянки неопределенностей и непонятностей. Когда конструкция создана, она должна быть сопоставлена со всем имеющимся под рукой материалом и проверена этим материалом. Если они совпадают, и только тогда, когда они совпадают, можно считать, что отправная точка была выбрана правильно. Но не сделать эту конструкцию - значит бесцельно шарить вокруг и бросить работу, еще не начав ее.

Возьмем самый простой пример такой ситуации. В кегельбане между двумя молодыми людьми, А и Б, завязалась оживленная ссора, в ходе которой А держал в руке шар и угрожал бросить его в голову Б. Б, испугавшись, убежал, А погнался за ним, через несколько шагов бросил шар в траву, поймал Б, а затем нанес ему легкий удар плоской стороной ладони по затылку. Б начал шататься, опустился на землю, потерял сознание и проявил все признаки разбитой головы (потеря сознания, рвота, расширение зрачков и т. д.). Все конкретные детали события единодушно подтверждены многими свидетелями, бесстрастными друзьями А и Б, и в том числе приходским священником. Симуляция полностью исключается, так как Б, простой крестьянский парень, конечно, не знал симптомов мозговой лихорадки и не мог надеяться на возмещение ущерба от абсолютно бедного А. Рассмотрим теперь ближайшие факты. Элементы дела таковы: Б видит в руке А тяжелый шар; А угрожает Б этим шаром и преследует его; Б чувствует удар по голове. Соединение этих элементов приводит к непобедимому предположению Б, что А ударил его мячом по голове. Следствием этого воображаемого чувства было развитие всех явлений, которые естественно последовали бы, если бы Б действительно получил удар по голове.

Было бы неправильно говорить, что такие случаи настолько редки, что не имеют практического значения. Мы просто не наблюдаем их по той причине, что многое принимаем за реальность, потому что это достоверно подтверждается. Более точное исследование показало бы, что многие вещи просто воображаемы. Значительная часть противоречий, с которыми мы сталкиваемся в наших случаях, объясняется тем, что один человек становится жертвой своих фантазий, а другой - нет. Об огромном количестве таких фантазий свидетельствует тот факт, что нигде нельзя найти пропасть или границу между самыми простыми фантазиями нормального человека и невозможными фантазиями сумасшедшего. Каждый человек часто представляет себе внешность отсутствующего друга, пейзаж, который он когда-то видел. Художник рисует даже черты отсутствующей модели; опытный шахматный мастер играет партии, не имея перед собой доски; полусонные люди видят приход отсутствующих; заблудившиеся в лесу ночью видят духов и призраков; очень нервные люди видят их дома, а сумасшедшие видят самые необычные и отвратительные вещи - все это фантазии, начиная с событий повседневной жизни и заканчивая видениями больного человечества. Где же граница, где пробел?

Здесь, как и во всех событиях повседневной жизни, естественное развитие крайне аномального из обычного является неопровержимым доказательством частоты этих событий.

Конечно, нельзя судить по себе. Тот, кто не верит в дьявола и никогда в детстве не имел о нем представления, никогда не увидит его как иллюзию. А тот, кто с самого начала обладает ограниченным, недоступным воображением, никогда не сможет понять другого человека, которого сопровождают существа его воображения. Мы наблюдаем это сотни раз. Мы знаем, что каждый видит разное в облаках, дыме, вершинах гор, чернильных кляксах, пятнах кофе и т. д.; что каждый видит это в зависимости от характера и интенсивности своего воображения, и что все, что кажется запутанным и непонятным, следует объяснять как обусловленное характером человека, выражающего или обладающего им.

Так и при изучении любого произведения искусства. Каждое из них - это изображение некоторого общего в конкретной форме. Конкретное понятно любому, кто знает достаточно, чтобы распознать его. Общность может открыть только тот, кто обладает подобным воображением, и поэтому каждый делает разные обобщения из одного и того же

произведения искусства. Такое разнообразие наблюдается и в научных вопросах. Я помню, как трое ученых пытались расшифровать иероглифы, когда эта отрасль археологии была еще очень молода. Один прочитал надпись как объявление войны кочевым племенем, другой - как приобретение царской невесты у иностранного короля, а третий - как отчет о луке, потребляемом евреями на принудительных работах. "Научные" взгляды вряд ли могли сами по себе внести такие необычные различия; только воображение могло побудить ученых двигаться в столь разных направлениях.

И как мало мы можем понять воображение других людей или судить о нем! Об этом свидетельствует тот факт, что мы уже не можем сказать, считают ли дети, оживляющие все в своем воображении, свои фантазии по-настоящему живыми. Несомненно, что дикарь, принимающий свой фетиш за живой, ребенок, наделяющий свою куклу жизнью, удивились бы, если бы фетиш и кукла сами по себе проявляли признаки жизненной силы, но действительно ли они принимают их за живые, взрослому неизвестно. И если мы не можем сочувственно воспринять взгляды и фантазии собственной юности, то тем более не можем воспринять взгляды и фантазии других людей. К этому факту следует добавить еще и то характерное обстоятельство, что необходимо принимать во внимание менее сильные воздействия. Сила воображения гораздо больше стимулируется мягкими, спокойными впечатлениями, чем сильными. Последние оглушают и тревожат душу, а первые приводят ее в самообладание. Игра идей гораздо сильнее возбуждается легким табачным дымом, чем огненным столбом дымящегося Везувия; журчание ручейка гораздо сильнее стимулирует, чем рев бушующего моря. Если бы все было наоборот, было бы гораздо проще наблюдать за эффектами у других людей. Мы видим, что действует большое впечатление, обращаем на него внимание, и тогда нам легко наблюдать его действие на других. Но чем меньше мы наблюдаем мелкие, незначительные явления, тем менее очевидным кажется их влияние на воображение других людей. Такие мелкие впечатления сотни раз проходят бесследно. Но однажды они находят родную душу, свою почву и начинают бродить. Но как и когда мы можем заметить это в других?

Мы редко можем сказать, работает ли у человека воображение или нет. Тем не менее существует бесчисленное множество историй о том, что делали знаменитые люди, когда их воображение работало. Наполеону приходилось резать вещи на куски. Ленау выскребал дыры в земле. Моцарт завязывал узлы и рвал скатерти и салфетки. Другие бегали, третьи курили, пили, свистели и т. д. Но не все люди обладают такими свойствами, и тогда мы, которые должны судить о влиянии воображения на свидетеля или преступника, конечно, не присутствуем при работе воображения. Получить какое-то представление об этом через свидетелей - слишком небезопасная задача. Бэйн однажды справедливо предложил держать конечности в покое как средство победить гнев. Таким образом, можно точно определить, был ли человек в определенный момент зол, выяснив, были ли в это время спокойны его руки и ноги, но для активности воображения таких показателей не существует.

Более того, большинство людей, в которых воображение работает весьма энергично, ничего об этом не знают. Дю Буа-Реймон где-то говорит: "В моей жизни было несколько хороших идей, и я наблюдал за собой, когда они у меня появлялись. Они приходили совершенно произвольно, без того, чтобы я когда-либо думал о них". В это я не верю. Его воображение, которое было настолько творческим, работало так легко и без усилий, что он не осознавал его активности, и более того, его фундаментальные идеи были настолько ясны, что все складывалось в строчки спонтанно, без последующего осознания этого. Эта "работа" воображения настолько непринужденна для удачливых натур, что становится обычным движением. Так, Гете рассказывает о воображаемом цветке, который распадался на

составные части, снова соединялся, снова распадался, снова соединялся в другую форму и т. д. Его рассказ раскрывает одну из причин ложных описаний восприятия. Восприятие правильно, когда оно сделано, затем воображение вызывает движение идей, и возникает вопрос, какая из двух активностей была более энергичной - перцептивная или имажинативная? Если та была интенсивнее, то память была верной; если другая, то воспоминания были ошибочными. Поэтому с точки зрения юриста важно изучить природу и интенсивность воображения свидетелей.^[326] Достаточно понаблюдать за влиянием движений воображения на сильные умы, чтобы ясно увидеть, какое влияние даже слабые размышления могут оказывать на обычных людей. Шопенгауэр находит, что главное удовольствие от каждого произведения искусства заключается в воображении; а Гете находит, что ни один человек не испытывает и не наслаждается ничем, не становясь продуктивным.

Наиболее поучительным является сборник идей воображения, составленный Хёфлером^[327] и собранный из опыта ученых, исследователей, художников и других важных персон. Для наших целей было бы лучше иметь ряд достоверных высказываний других людей, которые показали бы, как нормальные люди сбивались с пути благодаря своему воображению. Тогда мы могли бы узнать, на что способны воображаемые представления и как далеко простираются их границы". Салли обращает внимание на то, что персонажи Диккенса были для него реальными и что, когда роман был завершен, его действующие лица стали личными воспоминаниями. Возможно, все люди, обладающие воображением, склонны принимать свои фантазии за реальные события и лица. Если такое случается со свидетелем, какие неприятности он может нам доставить!

Один врач, доктор Хадекамп, рассказывал, что перед тем, как вскрыть вену, он видел, как течет кровь. Другой врач, доктор Шмайссер, подтверждает этот опыт. Такие случаи контролируются физически, поток крови не может быть виден до того, как нож будет извлечен. Однако как часто, по крайней мере хронологически, происходят подобные ошибки, когда такого контроля нет? Есть история о женщине, которая смогла так точно описать симптомы, вызванные проглоченной иглой, что врачи были обмануты и предприняли операции, которые лишь показали, что женщине все это просто привиделось. Похожий случай произошел с мужчиной, который считал, что проглотил свои вставные зубы. У него даже было серьезное ощущение удушья, которое тут же прошло, когда он обнаружил зубы под ночным столиком. Один известный окулист рассказал мне, что однажды он некоторое время лечил известного ученого, потому что тот так точно описал ослабление сетчатки, что врач, несмотря на свои объективные открытия, был обманут и понял свою ошибку только тогда, когда оказалось, что великого ученого, к счастью, разыграло его собственное воображение. Модсли рассказывает, как барон фон Свьетен однажды увидел разрывающийся гнилой труп собаки и в течение многих лет после этого видел то же самое всякий раз, когда приходил на то же место. Многие люди, Гете, Ньютон, Шелли, Уильям Блэк и другие, были способны полностью визуализировать образы прошлого. Фехнер рассказывает о человеке, который утверждал, что может добровольно вызывать на своей коже ощущение давления, жара и холода, но не пореза, укола или ушиба, потому что такие фантазии имели тенденцию сохраняться долгое время. Есть история о другом человеке, у которого три дня болел палец, потому что он видел, как его ребенок раздавил аналогичный палец.

Аберкромби рассказывает об очень возбудимом человеке, который верил в реальность удачи, предсказанной ему гадалкой, а некоторые авторитеты утверждают, что практически все, кто с нетерпением ждет друга, слышат его шаги в каждом звуке. Наблюдение Хоппе о

том, что *pruritus vulvæ* возбуждает у мнительных женщин иллюзию изнасилования, имеет большое значение, и мы, криминалисты, должны следить за этим в определенных случаях. Либер рассказывает о цветном проповеднике, который так ярко рисовал мучения в аду, что сам мог только плакать и хрюкать по несколько минут подряд. Мюллер рассказывает о даме, которой разрешалось нюхать из пустой бутылки и которая регулярно теряла сознание, когда ей говорили, что в бутылке находится веселящий газ. Женщины часто утверждают, что, собираясь сменить место жительства, они часто видят новое жилище во сне именно таким, каким оно оказывается впоследствии. Есть также история о человеке, ослепшем на четырнадцать лет, который, тем не менее, видел лица знакомых и был настолько обеспокоен этим, что знаменитый Грейф перерезал ему зрительный нерв и таким образом освободил его от воображения.

Тэн описывает великолепную сцену, в которой Бальзак однажды сказал мадам де Жирарден, что намерен подарить Сандо лошадь. Он не сделал этого, но так много говорил об этом, что часто спрашивал Сандо, как поживает лошадь. Тэн отмечает, что очевидно, что отправной точкой такой иллюзии является добровольная фикция. Человек, о котором идет речь, знает об этом в начале, но забывает в конце. Такие ложные воспоминания многочисленны среди варварских народов и среди сырых, нетренированных и детских умов. Они видят простой факт; чем больше они думают о нем, тем больше видят в нем; они увеличивают и украшают его окружающими обстоятельствами и, наконец, объединяют все детали в единое целое в памяти. После этого они не могут отличить истинное от ложного. Большинство легенд развивается именно таким образом. Один крестьянин уверял Тейна, что видел душу своей сестры в день ее смерти, хотя на самом деле это был свет бутылки с бренди в лучах заката.

В заключение я хочу привести уже упоминавшийся случай, который кажется мне показательным. Будучи студентом, я посетил во время каникул деревню, один из молодых крестьян которой впервые в жизни отправился в город. Он был моим товарищем по каникулам с самого раннего детства и был известен мне как абсолютно преданный истине человек. Вернувшись из поездки, он рассказал мне о чудесах города, кульминацией которых стал зверинец, который он посетил. Он очень хорошо описал увиденное, но также рассказал, что видел битву между анакондой и львом. Змея проглотила льва, а затем пришло множество мавров и убило змею. Как можно было сразу догадаться и как я убедился по возвращении, эту битву можно было увидеть только на рекламных плакатах, которые висят перед каждым зверинцем. Воображение мальчика было настолько возбуждено увиденным в тот день, что реальное и воображаемое основательно смешались. Как часто это случается с нашими свидетелями!

Если понятие воображения ограничить деятельностью представления, то к нему следует отнести предчувствия и предсказания, которые имеют влияние не только среди необразованных людей. Поскольку достоверные наблюдения, не собранные *a posteriori*, отсутствуют, о них нельзя сказать ничего точного. То, что существуют многочисленные утверждения и полунаучная литература по этому вопросу, общеизвестно. И несомненно, что предсказания, предчувствия и т.д. могут быть очень яркими и оказывать значительное соматическое влияние. Так, пророчество о приближении смерти, определенные угрозы или знание о том, что о смерти человека молятся, и т.д. могут оказывать смертоносное воздействие на возбужденных людей. Последнее суеверие особенно сильно влияет на человека. Молитва о смерти и т.д. является исконной. Исторически она прослеживается с двенадцатого века и используется по сей день. Двенадцать лет назад мне рассказали о случае, когда старушка была убита, потому что ее враг прочитал для нее заупокойную

молитву . Старушка просто умерла от испуга. В какой-то степени мы должны обращать внимание даже на такие, казалось бы, далекие вопросы.

(d) Недоразумения.

Раздел 106. (1) Вербальные недоразумения.[328]

Здесь также невозможно провести абсолютно четкую границу между акустическими иллюзиями и непониманием. Вербально мы можем сказать, что первые возникают, когда ошибка, по крайней мере, в своей основной характеристике, обусловлена слуховым механизмом. Второе подразумевается, когда происходит ошибка в понимании слова или предложения. В этом случае ухо сработало эффективно, но разум не знал, как обработать услышанное, и поэтому дополнил его чем-то другим, связанным с более или менее бессмысленной материей. Поэтому с иностранными словами так часто случаются недоразумения. Сравните пение школьников-иммигрантов: "My can't three teas of tea" с "My country 'tis of thee" или "Pas de lieu Rhone que nous" с "Paddle your own canoe".[329]

Вопрос о недоразумениях, их развитии и решении имеет большое юридическое значение, поскольку им подвержены не только свидетели, но и секретари и клерки. Если их не обнаружить, они приводят к опасным ошибкам, а их обнаружение вызывает большие трудности в поиске правильного решения.[330] Определение текстов требует не только усилий, но и психологических знаний, умения поставить себя на место того, кто совершил ошибку. Расспросить его часто бывает невозможно из-за расстояния, да и бесполезно, потому что он уже не знает, что сказал или хотел сказать. Если учесть, какой огромный труд приходится прилагать классическим филологам и т. д., чтобы определить правильную форму какого-нибудь неправильно написанного слова, то можно догадаться, насколько необходимо, чтобы текстовая форма протокола была абсолютно правильной. От неправильно написанного слога может зависеть невиновность или виновность человека. Теперь определить правильный и корректный характер текста, как правило, сложно, а в большинстве случаев и невозможно. То, что свидетель или секретарь неправильно поняли текст, не меняет сути работы. Ее важность остается неизменной, но в последнем случае судья, если он правильно запомнил услышанное, может избежать ошибки. Ошибки секретарей в любом случае можно свести к минимуму, если все протоколы читать сразу, и не секретарю, а самому судье, проводящему экспертизу. Если их читает составитель, он допускает те же ошибки, и только очень умный свидетель заметит их и обратит на них внимание. Если этого не происходит, ошибка остается.

Я привожу несколько ошибок, которые мне довелось наблюдать. Из протокола с подозреваемым: "Двенадцатого числа месяца я уехал из Мари-Томизиль" (вместо: "своего жилища"). Вместо "неважно" - "ее слона". Очень часто вписываются слова, которые диктатор произносит только между прочим; например, "заходите", "продолжайте", "торопитесь", "берегитесь" и т. д. Если такие слова вообще попадают в текст, трудно догадаться, как они туда попали. О том, как легко и часто люди заблуждаются, свидетельствует клятва, которую они дают. Не проходит и дня, чтобы хотя бы один свидетель не сказал какую-нибудь абсолютную глупость, повторяя ее.

Обнаружение таких ошибок и замена их на правильные возвращает нас к старому правилу, что простое изучение собственных дел не может нас ничему научить, поскольку поле зрения слишком узкое, материал слишком однородный, а стимул слишком легкий. Необходимо изучать другие дисциплины и искать примеры из повседневной жизни. Гете, в частности, может научить нас этому. В своей небольшой монографии "Hör-, Schreib- and Druckfehler" он впервые рассказывает о том, что при повторном чтении продиктованных писем обнаружил

любопытнейшие ошибки на слух, которые могли бы вызвать большие затруднения, если бы не были немедленно устранены. Единственное средство для устранения этих ошибок, говорит он, - "читать вслух, вникать в смысл и повторять непонятное слово до тех пор, пока в потоке речи не появится нужное. Никто не слышит всего, что знает, никто не осознает всего, что чувствует, не способен воображать или думать. Люди, которые никогда не ходили в школу, склонны переводить на немецкий все латинские и греческие выражения. То же самое происходит и со словами из иностранных языков, произношение которых неизвестно пишущему... а при диктовке случается, что слушающий ставит на место услышанного слова свою внутреннюю склонность, страсть, потребность и заменяет его именем какого-нибудь любимого человека или какой-нибудь желанной вкуснятиной". Лучшего средства для обнаружения ошибок, чем предложенное Гете, не найти, но протокол или что бы то ни было другое должно быть *прочитано*, иначе ничто не поможет. Многие ошибки, как отмечает Мюнстерберг, связаны с тем, что слово воспринимается лишь на мгновение, и легко ошибиться, прочитав увиденное слово, если незадолго до этого было услышано или увидено другое, похожее слово. Самые бессмысленные искажения текста встречаются часто, и кажется удивительным, как их можно не заметить. Андресен указывает, что причиной всех популярных объяснений является сознание языка, которое борется против того, чтобы любое имя было пустым звуком, и, более того, стремится придать каждому термину отдельный смысл и несомненную понятность. Человеческий разум действует здесь инстинктивно и наивно, без всякого размышления, и определяется чувством или случайностью. Затем он производит всевозможные преобразования иностранных слов.

Это согласуется с аналогичным наблюдением, что характер группы католических святых-покровителей зависит от их имен. Санта-Клара - это ясное зрение; святая Люси звучит как *lucida* и является святой для слепых; святой Мамертус - аналог *mamma*, женской груди, и является покровителем медсестер и кормящих женщин. Поучительные замены: Джек Спир - Шекспир, Апольда - Аполлон; Великая победа при Ле-Мане - Великая победа при Леманне; "гипсовое депо" - "плас де Репос".

Андресен предостерегает нас от того, чтобы заходить в анализе слишком далеко. Преувеличения даются легко, особенно когда мы хотим добраться до источника недопонимания из-за неразборчивости стиля. Наша задача состоит, прежде всего, в том, чтобы разобраться в правильности сказанного или написанного, иначе нам не на что будет ориентироваться. Только когда это становится невозможным, мы можем предположить наличие непонимания и искать его. Тогда процедура должна быть обязательно лингвистической и психологической и требует консультации экспертов в обеих областях. Некоторые поучительные недоразумения самого очевидного рода происходят, когда полуобразованные люди отказываются от своего диалекта, а образованные люди изменяют диалектические выражения и пытаются перевести их на высокий немецкий язык.

Часто бывает важно понять любопытный перенос значения, который получают иностранные слова, например, *commode*, *fidel*, *famos*. В переводе с немецкого *commode* означает податливый человек, а *fidel* - не верная душа, а веселая, ищущая удовольствий; *famos* - первоначально "знаменитый" - означает дорогой или приятный.

Не менее важно понимать, как изменяются имена. Так, я знаю человека, которого, как ни странно, звали Каммердинер, чей отец был итальянцем-эмигрантом по фамилии Комадина, и знаю двух стариков, братьев, живших в разных частях страны, одного из которых звали Йозеф Вальдхаузер, а другого Леопольд Бальтазар. В течение жизни одного поколения имя настолько изменилось, что невозможно сказать, какое из них правильное. Опять же, семья, носящая фамилию Теобальд, имеет французское происхождение и раньше действительно

называлась Дю Валь. В Штайермарке, который двести лет назад заполонили турки, есть много фамилий турецкого происхождения. Так, Хасенорль может происходить от Хасана Эри; Салата - от Саладина; Мюлленбок - от Муллея Бега; Сульман - от Солимана.

Раздел 107. (2) Другие недоразумения.

Количественный метод современной психофизики может привести к точному экспериментальному определению таких ложных концепций и заблуждений, как те, о которых говорилось выше, но он еще слишком молод, чтобы иметь какую-либо практическую ценность. Он порочен тем, что требует искусственных условий и что его результаты относятся к искусственным условиям. Вундт попытался упростить аппаратуру и привести эксперимент в связь с реальной жизнью. Но от психологической лаборатории до реальной жизни еще далеко. Что касается непонимания, то дело обстоит именно так. Большинство из них возникает, когда мы не слышим отчетливо, что говорит другой человек, и дополняем это своими собственными представлениями. Здесь недопонимание ни в коем случае не является лингвистическим, поскольку слова не имеют ложного смысла. Непонимание заключается в том, что мы не можем понять смысл услышанного и подменяем его неверной интерпретацией. Иногда мы можем вполне понять оратора, не слыша каждого слова, просто добавив эти интерпретации, но правильность добавлений всегда сомнительна, и не только характер и подготовка, но и сиюминутные условия и личное отношение вносят существенную разницу. Самое страшное в этом деле то, что никто, скорее всего, и не подозревает о том, что он сделал какие-то интерпретации. А ведь мы делаем это не только слушая, но и глядя. Я вижу на крыше вдалеке четыре белых шара, природа которых мне неизвестна. Приглядевшись, я замечаю, что один из шаров вытягивает голову и хвост, хлопает крыльями и т. д., и тут же думаю: "О, это четыре голубя". Возможно, это и правда четыре голубя, но какое у меня было основание для такого толкования и обобщения на основе действий одного голубя? В данном случае, несомненно, мне было бы трудно ошибиться, но есть множество случаев, которые не столь очевидны, и в которых интерпретация все же делается, и тогда недоразумение уже наготове. Однажды мы с женой со своих мест в вагоне наблюдали за трубочистом, который стоял на железнодорожной станции. Когда он наклонился в поисках потерянной монеты, моя очень близорукая жена воскликнула: "Посмотри, какая красивая ньюфаундлендская собака". Для близорукого человека это вполне мыслимая иллюзия, но на каком основании моя благоверная могла интерпретировать увиденное в суждение о том, что это ньюфаундлендская собака, да еще и красивая? Тейн иллюстрирует подобный процесс историей о ребенке, который спросил, почему его мать надела белое платье. Ему ответили, что мама собирается на вечеринку и для этого должна была надеть праздничную одежду. После этого, когда бы ребенок ни увидел кого-нибудь в праздничном наряде, зеленом, красном или любого другого цвета, он восклицал: "О, на тебе белое платье!" Мы, взрослые, поступаем точно так же. Как хорошо сказал Мейнонг, мы путаем идентичность с согласием. Если помнить об этом утверждении, оно уберет нас от множества ошибок и недоразумений.

О том, как часто и поспешно мы все выстраиваем, свидетельствует простая, но психологически важная игра. Спросите у любого человека, как выглядят четверка и шестерка на его часах, и пусть он нарисует их. Все спокойно нарисуют IV и VI, но если вы посмотрите на свои часы, то обнаружите, что четверка выглядит так, IIII, а шестерки нет. В связи с этим невольно возникает вопрос: "А что же мы видим, когда смотрим на часы, если не видим фигур?" И еще один вопрос: "Неужели мы во всем так красиво ошибаемся?"

Я утверждаю, что достоверно видно только то, что нарисовано. Мой отец попросил моего учителя рисования научить меня не рисовать, а наблюдать. И мой учитель, вместо того чтобы

давать мне копии, выполнил просьбу, дав мне сначала одно домино, потом два, потом три, одно на другое, потом спичечный коробок, книгу, подсвечник и т. д. И даже сегодня я точно знаю только те предметы в доме, которые я нарисовал. Однако часто мы требуем от наших свидетелей точных описаний вещей, которые они видели всего один раз, да и то наспех.

И даже если вещь видели часто, локальные и временные проблемы могут создать большие трудности. Что касается первого класса проблем, Экснер[331] приводит пример своего путешествия из Гмундена в Вену, когда из-за резкого поворота дороги он увидел все в Ламбахе в обратном направлении, хотя весь участок дороги был ему знаком.

Железнодорожные составы, общественные здания, реки, все примечательные места, казалось, лежали не на той стороне. Это особенно характерно, если въезд в город, особенно ночью, осуществляется через железнодорожный терминал, а локомотив прицеплен к задней части поезда. В повседневной жизни изменение объектов в зависимости от местоположения хорошо знакомо. Как по-другому выглядит пейзаж ночью или зимой, хотя днем или летом он наблюдался сотни раз. В дороге полезно часто оглядываться по сторонам, особенно на перекрестках, чтобы не забыть о пути назад. Даже исходная точка может оказывать тревожное воздействие на чувство места. Например, если вы много раз ездили на поезде из пункта А в пункт В, а однажды начинаете путешествие из пункта С, который находится за пунктом А, знакомый отрезок пути из пункта А в пункт В выглядит совсем иначе и может даже стать неузнаваемым. Оценка времени может оказать значительное влияние на такие и подобные локальные эффекты. При большинстве обстоятельств мы, как известно, склонны субъективно сокращать большие промежутки времени, и поэтому, когда событие требует больше времени, чем обычно, оно становится субъективно меньше, причем не только для всего события, но и для каждой его части. Таким образом, то, что раньше казалось растянутым на долгий срок, теперь оказывается сжатым в более короткий. Тогда все представляется слишком быстро и придает делу инородный аспект.

Аналогично обстоит дело и с разницей во времени. Uphues[332] приводит такой пример: "Если человек некоторое время не слышал звонка или чего-либо другого, а затем слышит его снова, вопрос о том, существовал ли объект в промежутке, не возникает. Он снова узнается, и этого достаточно". Конечно, для нас этого достаточно, но так ли это на самом деле, действительно ли были отмечены те же явления или только похожие, - другой вопрос, который редко задают. Если человек или колокол тот же самый, который мы теперь воспринимаем заново, то невольно напрашивается вывод, что они должны были сохраниться, но мы полностью исключаем промежуток времени и бессознательно полагаем, что рассматриваемый объект должен был находиться на месте в течение всего этого времени. Достаточно понаблюдать, как быстро свидетели опознают предметы, предъявленные для опознания: ножи, письма, кошельки и т. д. Принять опознание и сказать "да" - зачастую дело одного мгновения. Свидетель рассуждает, совершенно бессознательно, таким образом: "Я дал судье только один ключ (возможно, отличный от того, о котором идет речь), теперь вот снова ключ, следовательно, это должен быть тот, который я ему дал". То, что дело могло измениться, что произошла путаница, что, возможно, другие свидетели дали аналогичные сведения, совершенно не принимается во внимание. И здесь мы снова должны остерегаться путаницы между идентификацией и соглашением.

Наконец, мы должны учитывать усталость и другие условия возбуждения. Всем известно, как вещи, прочитанные поздно вечером, кажутся абсолютной бессмыслицей, а наутро становятся простыми и очевидными. Точно так же мы можем воспринимать вещь как такую-то и такую-то, будучи уставшими вечером, а утром увидеть, что наше представление было грубым заблуждением. Хоппе рассказывает об одном больничном интерне, который был

настолько возбужден и утомлен частыми звонками, что слышал тиканье своих часов как "О-док-тор". Свидетель, подвергшийся длительному и утомительному допросу, впадает в подобное состояние и к концу знает гораздо меньше, чем в начале. Наконец, он совершенно не понимает заданных ему вопросов. Ситуация становится еще хуже, когда подсудимый, подвергшийся такому допросу, из-за усталости и т. д. оказывается вовлеченным в знаменитые "противоречия". Если "убедительные противоречия" возникают в конце длительного допроса свидетеля или подсудимого, следует выяснить, как долго длился допрос. Если он занял много времени, то противоречия мало что значат.

То же самое явление усталости может привести даже к подозрению в халатности. Врачи, квалифицированные медсестры, нянечки, молодые матери и т. д., которые оказались виновными в "небрежном отношении" к инвалидам и детям, во многих случаях просто "не поняли" из-за сильной усталости. Именно по этой причине происходят многочисленные печальные случаи, когда за халатность наказывают машинистов, распределителей и т. д. Если человек такого класса из года в год работает двадцать три часа, затем отдыхает семь часов, потом снова работает двадцать три часа и т. д., его неизбежно настигает усталость и нервное расслабление, при котором сигналы, предупреждения, звонки и т. д. просто неправильно понимаются. Статистика показывает, что наибольшее количество несчастных случаев происходит в конце срока службы, то есть в момент наибольшей усталости. Но даже если бы это было не так, необходимо упомянуть о хронической усталости. Если после напряженного труда человек отдыхает всего семь часов, часть элементов усталости должна остаться. Они накапливаются со временем, в конце концов суммируются и оказывают свое влияние даже в начале службы. Социалисты справедливо жалуются на этот счет. Самые ответственные должности занимают хронически усталые люди, и когда природа требует свои права, мы наказываем беспомощных.

То же самое происходит с людьми, которые имеют много общего с деньгами - налоговыми, почтовыми, банковскими и казначейскими служащими, которые вынуждены неустанно заниматься монотонной работой - приемом и выдачей денег, легко устают. Люди с опытом в этой профессии уверяли меня, что они часто, когда устают, берут деньги, пересчитывают их, подписывают квитанцию, а затем возвращают деньги тому, кто их принес. К счастью, они осознают свою ошибку под удивленным взглядом получателя. Если же они ее не осознают, или получатель достаточно хитер, чтобы спокойно уйти с деньгами, если сумма велика и возместить ее нелегко, и если, кроме того, чиновник находится в дурном расположении своего начальства, у него мало шансов в судебном преследовании за растрату, которое скорее всего будет начато против него, чем нет.^[333] Любая привязанность, любой стимул, любая усталость могут сделать человека пассивным, а значит, менее способным к самозащите.

Известный берлинский психиатр рассказывает следующую историю: "Когда я был еще учеником в психушке, я всегда носил с собой ключи от камер. Однажды я пошел в оперу и занял место в партере. Между актами я вышел в коридор. Возвращаясь, я ошибся и увидел перед собой дверь с таким же замком, как и двери камер в приюте, сунул руку в карман, достал ключ, который подошел, и неожиданно оказался в ложе. Разве нельзя таким образом, чисто рефлекторно, превратиться в грабителя?" Конечно, мы вряд ли поверим известному взломщику, если он расскажет нам такую историю.

(е) *Ложь.*

Раздел 108. (1) 1. Общие соображения.

В определенном смысле большая часть работы криминалиста - это не что иное, как борьба с ложью. Он должен выявлять правду и бороться с ее противоположностью. С этой противоположностью он сталкивается на каждом шагу. Обвиняемый, часто полностью признавшийся, многие свидетели пытаются использовать его в своих интересах, и часто ему приходится бороться с самим собой, когда он видит, что работает в направлении, которое не может полностью оправдать. Полностью победить ложь, особенно в нашей работе, конечно, невозможно, а исчерпывающе описать ее природу - значит написать естественную историю человечества. Мы должны ограничиться рассмотрением определенного количества средств, больших и малых, которые облегчат нашу работу, предупредят нас о наличии обмана и не дадут ему сыграть свою роль. Я попытался собрать их формы в зависимости от намерений и добавлю здесь несколько слов.[\[334\]](#)

То, что под ложью понимается намеренное произнесение сознательной неправды с целью обмана, так же хорошо известно, как и разнообразие мнений относительно допустимости так называемой необходимой лжи, благочестивой, педагогической и общепринятой. Здесь мы должны встать на точку зрения абсолютного ригоризма и сказать вместе с Кантом:[\[335\]](#) "Ложь в ее простой форме есть преступление человека против его собственной природы и порок, который должен сделать человека неприличным в его собственных глазах". На самом деле мы не можем вспомнить ни одного случая, в котором мы нашли бы хоть какое-то основание для лжи. Ведь у нас, юристов, нет никаких педагогических обязанностей, мы не обязаны учить людей хорошим манерам, и ситуация, в которой мы можем спасти себя ложью, просто невыносима. Конечно, мы не станем говорить все, что знаем; более того, правильное молчание - признак хорошего криминалиста, но лгать не стоит. Новичок должен особенно усвоить, что "доброе намерение" послужить делу и так называемое оправдательное "стремление исполнить свой долг", которым иногда оправдывают маленькую ложь, не имеют абсолютно никакого значения. Случайное слово, будто сообщник признался; выражение, призванное дать понять, что вы знаете больше, чем знаете; извращение какого-то более раннего заявления свидетеля и тому подобные "допустимые уловки" не могут быть дешевле самых дешевых вещей. Их использование приводит только к собственному позору, а если они не срабатывают, то преимущество получает защита. Утраченные позиции уже не вернуть.[\[336\]](#)

Также нельзя лгать жестами и действиями больше, чем словами. Они, действительно, опасны, потому что движение руки, потянувшейся к колокольчику, внезапное вставание могут быть очень эффективными при определенных обстоятельствах. Они легко указывают на то, что судья знает о вопросе больше, чем на самом деле, или предполагают, что его информация выше и т. д. Они заставляют свидетеля или ответчика думать, что судья уже уверен в сути дела, что он принял решение о важных мерах и т. д. Сейчас такие движения не фиксируются, и если отрицание вины несерьезно, молодой криминалист легко позволяет ввести себя в заблуждение, стремясь к эффективности. Даже случайность может помочь. Когда я занимался судебной экспертизой, мне пришлось выслушать показания довольно слабоумного парня, которого подозревали в том, что он украл и спрятал крупную сумму денег. Парень твердо и ловко отрицал свою вину. Во время допроса вошел товарищ, который хотел сказать мне что-то официальное, а так как я был в разгаре диктовки, то он хотел дождаться конца приговора. Увидев две шпаги, только что принесенные с ученической дуэли, он взял одну из них в руку и осмотрел эфес, острие и лезвие. Подсудимый, едва

увидев это действие, испугался, поднял руки, побежал к осматрщику шпаг с криком: "Признаюсь, признаюсь! Я взял деньги и спрятал их в дупле гикори".

Это событие было довольно забавным. А вот другое привело, не скажу, что к самообвинению, но к значительному беспокойству с моей стороны. Один человек подозревался в убийстве двух своих маленьких детей. Поскольку тела не были найдены, я предпринял тщательный обыск его дома, печи, погреба, стоков и т. д. В последнем мы обнаружили большое количество внутренностей животных, по-видимому, кроликов. Поскольку на момент этой находки я не имел ни малейшего представления о том, где они находятся, я забрал их, а тем временем законсервировал в спирте. Большой стеклянный сосуд, в котором они находились, стоял на моем письменном столе, когда ко мне привели обвиняемого, чтобы он ответил на некоторые вопросы по поводу одной или двух обнаруженных нами подозрительных вещей. Он с тревогой посмотрел на стакан и вдруг сказал: "Раз уж вы все узнали, я должен признаться". Почти рефлексивно я спросил: "Где трупы?", и он тут же ответил, что спрятал их в окрестностях города, где они и были найдены. Очевидно, стакан с кишками навел его на мысль, что тела были найдены и частично сохранились здесь, и когда я спросил его, где они, он не заметил, насколько нелогичным был бы вопрос, если бы тела действительно были найдены. Все произошло случайно, но у меня осталось чувство, что признание не было получено должным образом; что я должен был подумать об эффекте стекла и предусмотреть его до того, как обвиняемый предстал передо мной.

В повседневной жизни такая открытая процедура, конечно, невозможна, и если бы обстоятельства принимались такими, какими они кажутся, мы бы часто ошибались. Всем известно, например, как мало счастливых браков. Но откуда мы это знаем? Только потому, что удача внимательного наблюдения всегда указывает на то, что отношения вовсе не так счастливы, как хотелось бы. А внешне? Видел ли кто-нибудь хотя бы в полуобразованных кругах уличную ссору между мужем и женой? Как хорошо они воспитаны в обществе, и как мало они показывают свое нерасположение друг к другу. И все это - ложь на словах и на деле, а когда нам приходится иметь дело с ней в уголовном деле, мы судим по чисто внешним признакам, которые наблюдаем мы и другие. Социальные причины, уважение к общественному мнению, которое часто приходится обманывать, чувство долга перед детьми нередко заставляют обманывать мир. Число удачных браков в основном преувеличено.^[337]

То же самое мы видим в отношении собственности, в отношении родителей и детей, в отношениях между начальниками и подчиненными, даже в состоянии здоровья, - поведение во всех этих случаях не раскрывает истинного положения вещей. Один за другим люди оказываются одураченными, пока, наконец, мир не поверит в то, что ему говорят, а суд не услышит убеждения, присягнувшие ему как абсолютная истина. Пожалуй, не будет лишним сказать, что нас гораздо больше обманывает видимость, чем слова. Общественное мнение меньше всего должно навязываться нам. И все же именно через общественное мнение мы узнаем внешние отношения людей, которые были до нас. Это называется *vox populi* и на самом деле является гнилью. Фразы "говорят", "все знают", "никто не сомневается", "большинство соседей согласны", и как бы еще ни обозначались эти семена нечестности и клеветы - все эти фразы должны исчезнуть из наших газет и процедур. Они обозначают только видимость - только то, что люди *хотели* видеть. Они не раскрывают реального и скрытого. Право слишком часто использует нормативную максиму: "Плохой мир говорит, а хороший верит". Он даже строит свои суждения таким образом.

Нередко произнесенная ложь должна быть подкреплена действиями. Хорошо известно, что мы кажемся веселыми, сердитыми или дружелюбными только тогда, когда возбуждаем эти

чувства определенными жестами, имитацией и физическим поведением. Гнев нелегко симулировать с помощью разжатого кулака, неподвижных ног и насупленных бровей. Эти жесты необходимы для появления настоящего гнева. И насколько реальным он становится, и насколько реальными становятся все остальные эмоции благодаря соответствующим жестам и действиям, мы уже знаем. Отсюда мы узнаем, что искренне утверждающий свою невиновность в конце концов начинает в нее немного или совсем не верить. А лживые свидетели еще чаще начинают считать свои утверждения правдой. Поскольку эти люди не проявляют обычных признаков лжи, их лечение чрезвычайно сложно.

Пожалуй, будет правильным обвинить наш век в особой склонности к той далеко идущей лжи, которая заставляет ее исполнителя поверить в собственное творение. Кифер[338] приводит примеры таких "самообманывающих лжецов". До отчаяния доводит тот факт, что эти люди настолько ловкие лжецы, что превращают свое дело в игру. Удача в том, что эта ложь, как и всякая ложь, выдает себя характерной интенсивностью, с которой она стремится принять видимость правды. Этот важный признак лжи не может быть слишком четко обозначен. Количество и интенсивность лжи должны свидетельствовать о том, что мы чаще не задумываемся о ее возможности, чем если бы ее не существовало вовсе. Давным-давно я прочитал простую на первый взгляд историю, которая часто помогала мне в моей криминалистической работе. Карл обедал со своими родителями и двумя двоюродными братьями, а после ужина сказал в школе: "Нас сегодня было четырнадцать человек за столом". "Как это возможно?" "Карл снова солгал". Как часто событие кажется необъяснимым, таинственным, загадочным. Но если вы подумаете, что здесь, возможно, "Карл снова солгал", вы можете быть направлены на более точное наблюдение и, следовательно, на обнаружение какого-то зазора, с помощью которого можно прояснить все дело.

Но часто противоречия еще проще объясняются тем, что они не являются противоречиями, и тем, что мы воспринимаем их как таковые из-за недостаточного понимания того, что было сказано, и незнания условий. Мы часто уделяем слишком много внимания лжи и противоречиям. Существует предубеждение, что обвиняемый на самом деле преступник, и это заставляет нас давать необоснованные объяснения маленьким случайным фактам, которые впоследствии приводят к очевидным противоречиям. Эта привычка очень стара.

Если мы поинтересуемся, когда ложь оказывает наименьшее влияние на человека, то обнаружим, что это происходит при эмоциональном стрессе, особенно во время гнева, радости, страха и на смертном одре.[339] Всем нам известны случаи, когда человек, разгневанный предательством сообщника, счастливый от приближающегося освобождения, напуганный вероятностью ареста и т. д., вдруг заявляет: "Сейчас я скажу правду". И это типичная форма, в которую облекается последующее признание. Как правило, решение рассказать правду длится недолго. Если эмоции проходят, о признании сожалеют, и много думают о том, чтобы отказаться от части признания. Если протоколы, касающиеся этого вопроса, очень длинные, это сожаление легко заметить к концу.

То, что в состоянии алкогольного опьянения лгать нелегко, хорошо известно.[340] То, что говорится на смертном одре, всегда, особенно если исповедующийся положительно религиозен, может быть принято за правду. Известно, что при таких обстоятельствах сознание даже психически расстроенных людей и идиотов становится необыкновенно ясным, и очень часто происходят удивительные озарения. Если же разум умирающего уже затуманен, то определить это никогда не бывает трудно, так как особенно такие признания отличаются большой простотой и ясностью немногих слов.

Раздел 109. (2) Патоформная ложь.

Как и во многих других формах человеческого самовыражения, в произнесении лжи существует стадия, когда нормальное состояние уже прошло, а больное еще не началось. Крайний предел, с одной стороны, - безобидный рассказчик, охотник, турист, студент, лейтенант, - все они немного хвастаются; с другой стороны - совершенно безумный паралитик, рассказывающий о своих миллионах и чудовищных достижениях. Характерная псевдологическая фантастика, ложь развитой истерии, когда люди пишут анонимные письма и отправляют послания себе, своим слугам, высокопоставленным чиновникам и священнослужителям, чтобы бросить на них подозрение, - все это болезнь. Характерная ложь эпилептиков, а возможно, и ложь людей, близких к идиотизму старости, смешивает пережитое, прочитанное и рассказанное и выдает это за опыт говорящего.[341]

И все же есть класс людей, которым нельзя показать, что они в каком-то смысле больны, и которые все равно лгут так, что не могут быть здоровы. Развитие такой лжи, вероятно, лучше всего объяснить постепенным привыканием. Люди, совершающие эту ложь, могут быть людьми талантливыми и, как говорит о себе Гете, иметь "желание фантазировать". Большинство из них - люди, не скажу, что жаждущие почестей, но все же настолько одаренные, что были бы рады сыграть какую-нибудь грандиозную роль и стремятся выдвинуть на первый план собственную личность. Если им это не удается в повседневной жизни, они пытаются убедить себя и других с помощью все более широких историй, что действительно занимают видное положение. У меня была и остается возможность достоверно изучить несколько хорошо развитых типов этих людей. Их объединяет не только то, что они лгут, но и общие темы. Они рассказывают о том, как важные персоны спрашивали их совета, искали их общества и оказывали им почести. Они говорят о своем огромном влиянии, стремятся оказать им покровительство и защиту, предполагают большую близость с высокопоставленными лицами, преувеличивают, когда говорят о своем имуществе, достижениях и работе, и в целом отрицают все события, в которых они оказываются в невыгодном положении. От обычных "рассказчиков" их отличает то, что они лгут, не задумываясь о том, что неправда сразу же или очень скоро будет раскрыта. Так, они скажут кому-то, что он должен благодарить их покровительство за то или иное, хотя сам человек знает, что дело обстоит совершенно иначе. Или, опять же, они рассказывают кому-то о своем достижении, а тот, оказывается, был тесно связан с этой конкретной работой и может правильно оценить свое отношение к ней. Опять же они обещают то, что, как знает аудитор, не могут выполнить, и хвастаются своим богатством, хотя по крайней мере один аудитор точно знает его размер. Если на их рассказы возражают, они дают какое-то необычайно неумелое объяснение, что опять же свидетельствует о патоформном характере их ума. Их ложь больше всего похожа на ложь беременных или лежащих женщин, а также на ту особую форму лжи, к которой обычно пристрастились проститутки и которую Карлье, Ломброзо, Ферреро приводят как типичную для них и как профессиональный знак идентификации. Я также подозреваю, что по сути патоформная ложь имеет какое-то отношение к сексу, возможно, к извращенности или импотенции, или преувеличенному сексуальному импульсу. И я считаю, что она встречается чаще, чем принято считать, хотя ее легко распознать даже на слабо развитых стадиях. Когда-то я считал, что патоформная ложь не имеет большого значения в нашей работе, потому что, с одной стороны, она наиболее полна и отчетлива, когда имеет дело с личностью говорящего, а с другой стороны, она настолько характерна, что ее должен безошибочно распознать каждый, кто имел с ней хоть малейший опыт. Но с тех пор я заметил, что патоформная ложь играет огромную роль в работе криминалиста и заслуживает самого пристального внимания.

ТЕМА IV. ИЗОЛИРОВАННЫЕ ОСОБЫЕ УСЛОВИЯ.

Раздел 110. (а) Сон и сновидения.

Если какое-либо явление встречается часто, то его частота должна иметь определенное отношение к его важности для криминалиста. Следовательно, сон и сновидения в любом случае должны иметь большое значение для нашей задачи. Поскольку мы редко слышим о них, мы недооцениваем их значение. Литература, посвященная им, сравнительно богата.^[342]

Врач должен быть привлечен не только тогда, когда мы имеем дело с состояниями сна и сновидений, которые в наименьшей степени являются болезненными, т. е. ненормально сильной сонливостью, хождением во сне, галлюцинаторными сновидениями и т. д., но и когда речь идет о физиологической стороне сна и сновидений, например, о необходимости сна, о влиянии бессонницы, о нормальной сонливости и т. д. Криминалист должен изучить и эти вопросы, чтобы знать, с какой ситуацией он столкнулся и когда ему следует обратиться за помощью к врачу. Незнание этого вопроса означает испортить дело неумелым допросом и пренебрежением к самым важным вещам. Как минимум, это существенно усложняет работу.

Но во многих случаях криминалисту приходится действовать в одиночку, поскольку в этих случаях нет ни болезни, ни физиологического состояния, которые можно было бы объяснить, а лишь простой факт повседневной жизни, с которым любой образованный обыватель должен разобраться самостоятельно. Предположим, например, что мы изучаем влияние сновидений на наши эмоции. Было показано, что часто человек может провести целый день под влиянием сновидения, что его отношение к нему радостное и веселое, как будто произошло что-то приятное, или же он встревожен, напуган, взволнован, как будто случилось что-то несчастливое. Причиной и источником этих установок часто является приятное или неприятное сновидение, причем иногда оно может действовать подсознательно и не запоминаться. Мы уже показали, что так называемые ошибки памяти в значительной степени объясняются сновидениями.^[343]

Этот эффект сновидения может иметь значение для женщин, возбудимых мужчин и особенно для детей. Есть дети, которые считают свои сны реальными переживаниями, женщины, не способные отличить сны от реальных переживаний, а дряхлые и пожилые люди не могут отличить сны от воспоминаний, потому что их память и способность различать ослабли.^[344]

Я знаю одного восьмилетнего ребенка, который после ужина отправился с мужчиной искать каштаны. Вечером она вернулась домой счастливая, но проснулась в слезах и призналась, что этот мужчина изнасиловал ее. Другой случай связан с крупной кражей со взломом, которая вызвала у ее жертв сильное волнение. На второй день после этого события десяти-двенадцатилетняя дочь жертвы с уверенностью утверждала, что узнала среди воров сына соседа. В обоих случаях против подозреваемых были предприняты серьезные юридические шаги, и в обоих случаях дети после долгих раздумий признали, что, возможно, все их жалобы им приснились.

Характерной особенностью таких случаев является то, что дети делают свои заявления не сразу, а по прошествии одной-двух ночей. Поэтому всякий раз, когда такое случается, необходимо как минимум заподозрить, что реальность и сон были перепутаны.

Аналогично, Тейн рассказывает, что Байярже однажды приснилось, что его назначили директором некоего журнала, и он поверил в это настолько определенно, что рассказал об

этом несколькими людям. Есть и знакомый нам сон Юлиуса Скалигера. Лейбниц пишет, что Скалигер восхвалял в стихах знаменитых людей Вероны. Во сне он увидел некоего Бругнолуса, который жаловался, что его забыли. Позже сын Скалигера Иосиф выяснил, что Бругнолус действительно существовал и отличился как грамматик и критик. Очевидно, Скалигер-старший когда-то знал его и совершенно забыл о нем. В этом случае сон был просто освежением памяти. Такой сон может иметь значение, но он ненадежен, и с ним следует обращаться осторожно.

Чтобы получить отправную точку относительно природы сна и сновидений того или иного человека, мы можем классифицировать их в соответствии со следующими положениями:^[345] 1. Яркость сновидений увеличивается с их частотой. 2. Чем легче сон, тем чаще снятся сны. 3. Женщины спят менее крепко, чем мужчины, и, следовательно, видят больше снов. 4. С возрастом сны становятся реже, а сон менее глубоким. 5. Кто спит мало, тому нужно меньше сна. 6. Женская потребность во сне выше. По поводу последнего пункта я могу добавить, что тот факт, что женщины лучше переносят уход за детьми или инвалидами, представляет собой лишь кажущееся противоречие этому пункту. Потребность во сне не уменьшается, но добрая воля и радость самопожертвования у женщины больше, чем у мужчины.

Необыкновенные вещи, которые люди совершают в полусне и во сне, Джессен приводит в многочисленных примерах. Большинство из них взяты из старой литературы, но вполне достоверны. Сравнение показывает, что такое сомнамбулическое поведение чаще всего встречается у более молодых, сильных, перенапряженных людей, которые, например, не спали две ночи подряд, а затем были пробуждены от глубокого сна. Примечательно, что при таких обстоятельствах они часто действуют разумно: врач выписывает правильный рецепт или начальник фабрики отдает правильные распоряжения, но ни тот, ни другой впоследствии ничего об этом не знают. С криминалистической точки зрения их значение заключается, с одной стороны, в том, что они могут быть расследованы на предмет их правильности, а с другой - в том, что они происходят с людьми, у которых не было причин для фальсификации. Если обвиняемый рассказывает о каком-то подобном опыте, у нас нет ни средств, ни возможностей провести точное исследование этого вопроса, и по этой причине мы склонны не верить ему. Более того, само его положение ставит под сомнение его заявления. Но это лишь повод для тщательного изучения подобных случаев у заслуживающих доверия людей.^[346] Все авторитеты сходятся во мнении, что действия во время сонливости^[347] происходят почти всегда в первом глубоком сне, нарушенном сновидениями, у переутомленных, сильных личностей.

Важным обстоятельством является феномен, упоминаемый Джессеном и другими, - способность некоторых людей спокойно засыпать, несмотря на сильное волнение. Так, Наполеон погрузился в глубокий сон в самый критический момент под Лейпцигом. Эту способность иногда приводят в качестве доказательства невиновности. Но она не является убедительной.

Нам еще предстоит упомянуть о своеобразных иллюзиях феномена движения, которые возникают непосредственно перед засыпанием. Панум рассказывает, как однажды он вдыхал эфир, а потом, лежа в постели, наблюдал, как картины на стене уходили все дальше и дальше назад, выдвигались и удалялись, снова и снова. Подобные вещи происходят и с сонными людьми. Так, проповеднику в церкви кажется, что он постепенно удаляется и возвращается. Криминалистическое значение таких иллюзий может заключаться в наблюдении за движениями засыпающих людей, например, за ворами, которые, казалось, приближались к кроватям свидетелей, хотя стояли неподвижно.

То, что на спящих людей можно воздействовать определенным образом, неоспоримо. Известны случаи, когда спящих людей можно было заставить поверить в любую историю; они видели ее во сне, а затем верили в нее. В этой связи можно привести историю офицера, который таким образом добился любви молодой девушки; сначала девушка проявляла к нему определенное отвращение, но после того как он во время сна в присутствии ее матери рассказал ей о своей любви и преданности, она со временем начала отвечать ему взаимностью. Факт, что некоторые из наших грабителей верят в подобные вещи и осуществляют их в большинстве случаев с помощью красного света, которому они приписывают гипнотическую силу. Они утверждают, что с помощью фонаря с красным стеклом они могут делать все, что угодно, в комнате, где находится спящий человек, и могут усилить его сон, позволив красному свету падать на его лицо и негромко разговаривать с ним. Любопытно, что это подтверждается обычаем наших горцев. Они накрывают фонарь красной тканью и подходят с ним к окну спящей девушки. Утверждают, что, когда красный свет падает на лицо девушки и ей тихонько предлагают подойти, она так и делает. Затем на пути девушки ставят заостренный камень, она наступает на него, он будит ее, и грубый розыгрыш завершается. Было бы интересно, по крайней мере, получить какую-нибудь научную информацию об этих приведенных эффектах красного света на спящих людей.

О. Мённигсхофф и Ф. Пизберген[348] пролили свет на глубину сна - почему, например, сегодня человек слышит что-то, а в другое время нет; почему один пробуждается, а другой нет; почему человек, по-видимому, глух к очень громкому шуму и т. д. Эти авторитеты установили, что кульминация сна приходится на третью четверть второго часа. Сон усиливается и становится глубже до второй четверти второго часа. Во второй и третьей четвертях этого часа интенсификация происходит быстро и значительно, а затем она так же быстро уменьшается, вплоть до второй четверти третьего часа. В этот момент сон становится все менее и менее глубоким до самого утра, во второй половине пятого часа. В этот момент интенсивность сна снова начинает нарастать, но в отличие от первого нарастания он очень легкий и длится долго. Таким образом, сон достигает своей кульминации в один час из пяти с половиной; от этой кульминационной точки он уменьшается, пока не достигнет общего уровня сна.

Раздел 111. (b) Интоксикация.

Помимо патологических состояний опьянения, особенно сильной непереносимости алкоголя,[349] которые являются предметом компетенции врача, существует большая группа признаков опьянения, которые настолько разнообразны, что требуют более точного, чем обычно, изучения их причин и следствий. Как правило, люди довольствуются тем, что определяют степень опьянения по ответам на несколько стереотипных вопросов: Шатался ли человек при ходьбе? Способен ли он бегать? Может ли он связно говорить? Знал ли он свое имя? Узнал ли он вас? Проявлял ли он большую силу? Утвердительного ответа на эти вопросы от двух свидетелей было достаточно, чтобы признать человека виновным.[350]

Как правило, такое убеждение оправдано, и уместно сказать, что если человек еще достаточно контролирует себя, чтобы делать все эти вещи, то его следует считать способным понимать разницу между добром и злом. Но это не всегда так. Я не говорю, что иррациональность в результате пьянства должна проявляться всегда, когда пьяница не в состоянии вспомнить, что произошло, пока он был пьян. Его неспособность не является определяющей, потому что обстоятельства, следующие за поступком, не имеют рефлекторного эффекта. Даже если после совершения поступка человек не осознает, что он сделал, все равно возможно, что он осознавал его природу во время совершения, и эта возможность является определяющим фактором. Но знание того, что совершается, само по

себе не делает виновного ответственным, ведь если пьяница бьет полицейского, он знает, что с кем-то борется; он не мог этого сделать, не зная этого, и оправдывает его тот факт, что, будучи пьяным, он не знал, что борется с полицейским, что, насколько он вообще способен судить, он считает себя противостоящим некоему незаконному врагу, от которого он должен защищаться.

Если на это возразить, что пьяница не несет ответственности, если он в пьяном виде делает то, чего не сделал бы в трезвом, то это опять-таки будет преувеличением. Почему, показывают многочисленные оскорбления, многочисленные раскрытия секретов, многочисленные новые знакомства в состоянии легкого опьянения. Их не было бы, если бы пьяница был трезв, и тем не менее никто не скажет, что они возникли в состоянии безответственности.

Следовательно, мы можем сказать, что опьянение оправдывает только те случаи, когда действие либо следует непосредственно и исключительно как рефлекторное выражение импульса, либо когда пьяный настолько запутался в природе своего объекта, что считает себя оправданным в своем поведении. Таким образом, юридические выражения (например, "полное опьянение" в австрийском уголовном праве и "бессознательное состояние" в немецком имперском уголовном своде законов) на практике будут сдвинуты на одну степень выше, чем предполагается обычным употреблением. Для полного опьянения или пьянства под потерей сознания обычно понимается то состояние, в котором человек лежит, скорчившись, на земле. Но в таком состоянии он ничего не может делать, и не способен совершить преступление. Отсюда следует, что в законе речь могла идти не об этом, а о состоянии, когда человек еще активен и способен совершать преступления с помощью своих конечностей, но совершенно не контролирует их.

Если сравнить бесчисленные истории, которые с устной достоверностью рассказывают о пьяницах, или те, что можно прочесть в ежедневных газетах, полицейских новостях и в юридических текстах, то мы обнаружим группы, в которых пьяница в ветреную ночь устраивается на снегу, раздевается, аккуратно складывает одежду рядом с собой и убегает при приближении полицейского, перелезает через забор и бежит так быстро, что его невозможно поймать. Такой человек, безусловно, не только владеет своими органами, но и сравнительно правильно использует их при раздевании, складывании одежды и бегстве. Если сейчас кто-нибудь пройдет мимо логова пьяницы, подумает, что в его доме находится грабитель, и ранит прохожего, кто поверит пьянице, когда он расскажет эту историю?

На улице можно часто наблюдать за арестами пьяниц, которые дерутся кулаками, ногами и зубами, и их часто приходится везти в полицейский участок на тачке. Если человек имел несчастье узнать полицейского в первом же его противостоянии и правильно назвать свое имя, мы говорим, что он "проявил явные признаки ответственности", и выносим ему приговор. Но в большинстве случаев это было всего лишь мгновенное озарение его зол (которое, возможно, было стимулировано к узнаванию полицейского и произнесению его имени довольно медвежьими замечаниями последнего), которое затем угасает так же быстро, как и возникло, и сменяется инстинктивной самозащитой. Тот, кто часто наблюдал, насколько бессмысленна борьба пьяницы с превосходящей силой трех, четырех или более человек и как он продолжает бороться, даже будучи полностью или окончательно побежденным, должен быть убежден, что такой человек больше не несет ответственности.

Точно так же мы никогда не должны забывать, что выполнение какого-то очень привычного действия ни в коем случае не является доказательством ответственности. Особенно когда какое-то действие имеет очень тонкие границы, и актер знает, что неверная хватка приведет

к сомнительным последствиям, привычное движение будет сделано инстинктивно. Солдат будет исправно нести службу, кучер доедет до дома, распряжет и присмотрит за лошадьми, даже машинист паровоза выполнит свою сложную задачу без передышки, но потом все равно упадет и проспит. Теперь, если во время выполнения этой привычной деятельности что-то неожиданно вмешивается, особенно какое-то противодействие, какой-то лишний приказ, поправка или что-то подобное, опьяневший актер полностью выбивается из колеи и не может ни вернуться в нее, ни правильно противостоять этому препятствию. Поэтому он действует против него рефлекторно, а в большинстве случаев и взрывообразно.

Можно понять, что такой пьяница действует бессознательно; выбитый из колеи каким-то внезапным замечанием, он не в состоянии завершить то, что пытается сделать, и это развивает отчаянное выражение эмоций, за которое он, конечно же, не несет ответственности. Бесчисленное количество народных афоризмов свидетельствует о том, что лучше не мешать пьянице, никогда не помогать ему, потому что он лучше всего может позаботиться о себе сам. Теоретически общество, кажется, знает это очень хорошо, но на практике ни одна жена не применяет эту теорию, когда ее пьяный муж возвращается домой; на практике полицейский смотрит за пьяницей, на практике крестьянин и хозяин ссорятся с пьяным слугой и учеником, - а потом все удивляются, когда внезапно начальство ранят, калечат и оказывают иное сопротивление.

Лучшим доказательством того, что пьяница движется по определенному, но вполне определенному сценарию, является пример, приведенный Комбом^[351], о носильщике, который, будучи пьяным, неправильно сдал пакет. Позже он не мог вспомнить, куда он его принес, но, случайно напившись снова, он взял пакет и принес его по назначению. Этот процесс показывает, что "in vino veritas" зависит не только от речи, но и от действия, и что этот выход на поверхность того, что действительно думается, является причиной стольких оскорблений, предлагаемых в состоянии опьянения. Подобные явления лучше всего изучать в начале наркоза, когда все условия опьянения складываются в гораздо более короткий промежуток времени и поэтому проявляются гораздо отчетливее. О том, как непроизвольно прорываются в таких условиях сокровенные мысли, свидетельствует случай, произошедший в хирургической клинике. Старый крестьянин должен был подвергнуться неопасной, но редкой операции. Знаменитый хирург университета ставил диагноз одному студенту за другим и спрашивал, какую операцию он будет делать. Крестьянин совершенно ничего не понял и, находясь в полуобморочном состоянии, непроизвольно воскликнул: "Старый осел спрашивает одного бездельника за другим, что ему делать. Никто ничего не знает, и все же меня собираются оперировать. ". То, о чем думают, выражается так же непроизвольно во время опьянения, и таким образом совершаются оскорбления и т. д.

Во что никогда не верят, но что может быть правдой, так это защита заключенного, что опьянение заставило его совершить кражу. Я знаю одного талантливого, доброго и очень благородного молодого человека, который в состоянии легкого опьянения крадет все, что попадает ему в руки. Его опьянение настолько легкое, что он может с полным мастерством снимать портсигары, карманные носовые платки и, что хуже всего, защелки с замков своих товарищей. В то же время он еще достаточно пьян, чтобы на следующий день с большим трудом вспомнить, кто был владельцем этих вещей. А теперь представьте, что вор рассказал бы такую историю в суде!

Я привожу цитату из превосходного рассказа Хоффбауэра,^[352] о развитии опьянения: "Сначала употребление спиртного усиливает ощущение физического здоровья или

увеличивает это здоровье. Похоже, что оно оказывает пропорционально сходное воздействие на силы разума. Идеи движутся легко, выражения становятся более плавными и адекватными. Состояние и эмоциональный настрой таковы, что вполне можно всегда желать добра себе и своим друзьям. До этого момента опьянения не видно. Поток идей только усиливается и становится более интенсивным. В голову приходят прекрасные, подходящие мысли, но приходится прилагать усилия, чтобы сдержать их неравномерный поток. Это состояние проявляется в усилиях, которые необходимо приложить, чтобы продолжить любой довольно запутанный рассказ. Идеи текут слишком быстро, чтобы их можно было легко упорядочить в соответствии с требованиями сюжета. В этот момент уже ощущается начало опьянения. В процессе его развития поток идей становится все сильнее, органы чувств теряют свою обычную остроту, а по мере их отказа усиливается воображение. Язык пьющего становится, по крайней мере в отдельных выражениях и оборотах речи, более объемным и поэтичным, а также более громким, чем это естественно. Первое свидетельствует об усилении воображения, а второе - о притуплении чувств, которое становится все более очевидным по мере развития опьянения. Пьющий говорит громче, потому что слышит свои слова менее отчетливо, чем раньше, и оценивает слух слушателей по своему собственному, хотя в этом есть и доля живости и более быстрого потока идей, вызванных опьянением. Вскоре притупление чувств становится еще более очевидным. Например, видно, что человек, который настолько пьян, что сбивает с толку хорошо знакомых собутыльников, пусть даже на минуту, думает, что мягко ставит свой бокал на стол, хотя он и падает на пол. А ведь есть еще и другие формы физической беспомощности. По его речи можно судить, что связь между его идеями значительно ослабла: хотя они по-прежнему очень яркие, но теперь они похожи на светящиеся искры, которые то появляются, то исчезают. Такая яркость идей или их стремительный поток придают желаниям опьяневшего неуправляемую интенсивность, которую разум уже не может контролировать. Он следует им мгновенно, если какая-нибудь случайность не отводит его в сторону. Его физическая беспомощность становится очевидной в заикании, шатающейся походке и т. д., пока, наконец, он не впадает в глубокий сон, в котором начинается физическое и интеллектуальное восстановление.

"Если разделить состояние опьянения на периоды, то получится следующее: В первом периоде опьянения представления имеют лишь чрезвычайную степень живости. Господство рассудка над действиями не совсем подавлено, так что пьяный вполне сознает свои внешние отношения и отдает себе отчет в том, что происходит внутри и вокруг него. Но бурный поток идей мешает тщательному обдумыванию и приводит к повышенной возбудимости, особенно к тем эмоциональным проявлениям, которые характеризуются более бурным потоком. Это связано с известным психологическим законом, согласно которому одно эмоциональное состояние переходит в другое, поскольку оно больше похоже на другое по тону. Гнев и веселье, таким образом, все чаще проявляются у необразованных людей, которые не привыкли ограничивать свои эмоциональные проявления, ориентируясь на формы мира моды. Без этого контроля любая стимуляция усиливает эмоцию, поскольку любое естественное выражение добавляет ей яркости. Раздражительность, взятая сама по себе, на этом этапе менее доминирующая, поскольку пьющий в то же время доволен собой, а самоудовлетворение делает раздражительность переносимой. Усилить и распространить эту раздражительность может только какое-нибудь случайное обстоятельство. Такие обстоятельства усиливают живость пьяницы и приводят к вспышке веселья, близкого к уморительному, затем к словесной ссоре, которая еще не обязательно должна быть настоящей ссорой и может вестись в дружеской обстановке. По-видимому, в большинстве случаев раздражительность вызывается тем, что самодовольство пьяницы быстро исчезает или что ему мешают делать то, в чем он тщеславен. Пока опьянение не переходит эту стадию, его последствия и вспышки страстей можно подавить. Здесь пьющий еще сохраняет

самообладание и не теряет контроль над собой, если только не будет постепенно возбуждаться.

"В следующий период опьянения пьяница все еще сохраняет свои чувства, хотя в целом они значительно слабее, чем обычно, и он находится в некотором замешательстве. Память и понимание полностью покинули его. Поэтому он действует так, как будто настоящий момент является единственным, а мысль о последствиях своих действий не оказывает на него никакого влияния, потому что он больше не видит связи между ними. А поскольку все его прошлое исчезло из его сознания, он не может рассматривать более отдаленные обстоятельства. Поэтому он действует так, как мог бы действовать, если бы воспоминания об обстоятельствах и представления о последствиях своих действий не управляли его поведением и не заставляли бы его управлять собой. Малейшее волнение может пробудить все его сильнейшие страсти, которые затем уносят его прочь. Опять же, малейшее оправдание может отвратить его от задуманного. В таком состоянии он гораздо опаснее для себя и окружающих, потому что им движет не только непреодолимая сила его страстей, но и потому, что он редко осознает, что делает, и должен считаться чистым глупцом".

"В последний период пьяница настолько теряет рассудок, что уже не имеет представления о внешнем окружении".

Что касается конкретных условий, то можно считать, что количество выпитого безразлично. Помимо того, что мы ничего не знаем о количестве принятого человеком алкоголя, когда слышим только о стольких-то и стольких-то литрах вина или стольких-то и стольких-то бренди, влияние количества индивидуально, и никакого общего правила выработать невозможно. На самом деле, есть молодые и сильные мужчины, которые могут стать совершенно глупыми от полстакана вина, особенно когда они злы, напуганы или возбуждены, а есть немощные старики, которые могут вынести невероятные количества. Короче говоря, вопрос о количестве совершенно глуп. Внешний вид и телосложение человека дают так же мало оснований для выводов, как и количество. Знание того, как человек обычно относится к употреблению алкоголя, является более надежным ориентиром. Эленбах утверждает, что вино всегда оказывает одинаковое влияние на одного и того же человека; один всегда становится более разговорчивым, другой - более молчаливым, третий - более грустным, четвертый - более веселым. До определенного предела это верно, но всегда остается вопрос, каков этот предел, поскольку многие люди проходят через различные эмоциональные состояния на разных этапах. Часто бывает, что человек на первой стадии, который хочет "обнять весь мир и всех расцеловать", может изменить свое настроение и стать опасным. Таким образом, любой, кто несколько раз видел его на первой стадии, может ошибиться, полагая, что он не может ее пройти. В этом направлении объяснения должны быть очень осторожными, чтобы они не оказались ложными и обманчивыми.

Важно также знать, как человек пьет. Известно, что небольшое количество вина может опьянить, если его пропитать хлебом, который неоднократно окунают в вино. Вино, выпитое в погребке, действует с такой же силой, если во время питья человек смеется, веселится, злится, или если он принимает большое количество напитков, или если они принимаются натошак. О различных эффектах алкоголя, а также о его воздействии на одного и того же человека в разных условиях см. в "Beitrage zur Experimentellen Psychologie" Мюнстерберга, Heft IV.

Влияние алкоголя на память примечательно тем, что часто случается так, что многие люди теряют память только в отношении одной очень узкой сферы. Многие способны вспомнить

все, кроме своего имени, другие - все, кроме места жительства, третьи - все, кроме факта замужества, четвертые - всех людей, кроме своих друзей (хотя они знают всех полицейских), а последние заблуждаются относительно своей собственной личности. Этим вещам, как и многим другим, верят, когда их рассказывает друг, но ни в коем случае не верят, когда обвиняемый рассказывает их в зале суда.

Раздел 112. (с) Суггестия.

Проблемы гипноза и внушения слишком стары, чтобы можно было ограничиться упоминанием нескольких книг, и слишком новы, чтобы можно было интерпретировать огромную литературу. В своем "Руководстве для экзаменационных судей" я уже указывал на связь этого предмета с уголовным правом и на правильное отношение к нему криминалистов. Здесь мы должны иметь в виду только проблему характерного внушения; влияние судьи на свидетелей, свидетелей друг на друга, условий на свидетелей. И это влияние не через убеждение, воображение, цитирование, а через те до сих пор необъяснимые отдаленные эффекты, которые лучше всего сравнить с "определением". Суггестия так же широко распространена, как и язык. Мы получаем внушения через рассказы друзей, через примеры незнакомцев, через наше физическое состояние, через нашу пищу, через наш маленький и большой опыт. Самые простые наши действия могут быть обусловлены внушением, а весь мир может казаться подвластным внушению одного человека. Как говорит Эмерсон, природа выполняет задачу, создавая гения для ее выполнения; если вы последуете за гением, то увидите, что волнует весь мир.

Такое многократное использование слова "внушение" разрушило его первоначальный замысел. Это сделало его эквивалентным термину "наводящий вопрос". Старые криминалисты имели представление об истине и жестко ограничивали постановку наводящих вопросов. В то же время Миттермайер знал, что допрашиваемый часто не может избежать их и что многие вопросы должны предполагать ответы. Например, если человек хочет узнать, сделал ли А определенное заявление в ходе долгого разговора, он должен спросить, хорошо это или плохо: "Сказал ли А, что...?".

Отношение Миттермайера к этой проблеме показывает, что он уже двадцать пять лет назад убедился в том, что наводящие вопросы такого рода являются самыми безобидными и что трудность на самом деле заключается в том, что свидетели, эксперты и судьи подвержены, особенно в крупных и важных делах, влиянию общественного мнения, газет, собственного опыта и, наконец, собственных капризов, и поэтому дают показания и выносят решения, руководствуясь не столько истиной, сколько этими влияниями.

Эта трудность стала очевидной после процесса по делу об убийстве Берхтольда в Мюнхене, на котором прекрасные психиатры Шренк-Нотцинг и Грашей были вынуждены отвечать и избегать вопросов о свидетелях, находящихся под влиянием внушения.^[353] Развитие этого процесса показало нам огромное влияние внушения на свидетелей, и опять же, насколько противоречивы мнения относительно определения его ценности - должен ли это делать врач или судья; и, наконец, как мало мы знаем о внушении вообще. Все приписывается внушению. Несмотря на огромную литературу, у нас все еще слишком мало материала, слишком мало наблюдений и никаких научно обоснованных выводов. Как бы ни было заманчиво изучить влияние внушения на нашу криминалистическую работу, лучше подождать и уделить свое внимание главным образом наблюдению, изучению и сбору материала.^[354]

ПРИЛОЖЕНИЕ А.

Библиография, включающая тексты, более доступные английскому читателю.

Эбботт, А. Краткое руководство по судебному разбирательству уголовных дел. Нью-Йорк, 1889. 2-е изд., Рочестер, 1902.

Эбботт, Б. В. Судья и присяжные. Нью-Йорк, 1880.

Antonini, G. Studi di psicopatologia forense. 1901.

Archer, T. The Pauper, the Thief and the Convict; Sketches of Names, Haunts and Habits. Лондон, 1865.

Arnold, G. F. Psychology applied to Legal Evidence and other Constructions of Law. Нью-Йорк и Калькутта, 1906.

Aschaffenburg, G. Das Verbrechen und seine Bekämpfung; Kriminalpsychologie für Mediziner, Juristen und Soziologen; ein Beitrag zur Reform der Strafgesetzgebung. Heidelberg, 1903; 2d ed., 1906.

Aschaffenburg, G., Schultze, E., and Wallenberg. Handbuch der gerichtlichen Psychiatrie. Берлин, 1901.

Battaglia. La dinamica del delitto. Napoli, 1886.

Бек, Т. Р. и Дж. Б. Элементы медицинской юриспруденции. 5th ed. Филадельфия, 1835. 7-е изд., 1838. 10-е изд., 1850. 11-е изд., 1860. 12-е изд., 1863.

Беггс, Т. Степень и причины развращенности несовершеннолетних. Лондон, 1849.

Bell, J. S. The Use and Abuse of Expert Testimony. Филадельфия, 1879.

Beneke, H. F. Gefängnisstudien mit besonderer Berücksichtigung der Seelsorge im Untersuchungsgefängnis. Hamburg, 1903.

Best, W. M. Law of Evidence. 1-е изд., Лондон, 1849. 2-е изд., 1855. 3-е изд., 1860. 4-е изд., 1866. 5-е изд., Рассел, 1870. 6-е изд., Рассел, 1875. 7-е изд., Лели, 1882. 8-е изд., Лели, 1893.

Бевилл, Р. Убийство и грабеж. Лондон, 1799.

Бидвелл, Г. Ковать свои собственные цепи; история Джорджа Бидвелла. 1891.

Billiod, E. Wie Man stiehlt und mordet. Лейпциг, 1906.

Blacket, J. Social Diseases and Suggested Remedies. Стоквелл, 1905.

Блэшфилд, Д. К. Инструкции для присяжных, гражданские и уголовные. Сент-Пол, 1902.

Бун, А. Б. Рост преступности и его причины. Бостон, 1872.

Брэгг, Дж. (ред. Ардилл, Г. Е.). Исповедь вора. Sydney, N. S. W., 189-.

Bresler. Greisenalter und Kriminalität. Галле, 1907.

Браун. Темная сторона суда присяжных. Лондон, 1859.

Browne, H. C. B. Medical Jurisprudence of Insanity. 2d ed., San Francisco, 1875.

Бьюкенен, У. Несовершеннолетние правонарушители. Замечания о причинах и состоянии преступности среди несовершеннолетних в метрополии; с советами по предотвращению ее роста. Лондон, 1867.

Buchnet. Связь безумия с преступностью. Нью-Йорк, 1884.

Бакхэм, Т. Р. Безумие в его медико-юридическом аспекте. Филадельфия, 1883.

Bucknill, J. C. Criminal Lunacy. Фил., 1856.

Bucknill, J. C. and Tuke, D. H. Psychological Medicine. 3-е изд., Лондон, 1874.

Burrill, A. M. Circumstantial Evidence. Нью-Йорк, 1868.

Кэмпбелл, Дж. Опыт работы медицинского работника в английской каторжной службе. Лондон, 1884.

Chapple, W. A. The Fertility of the Unfit. Мельбурн и Лондон, 1903.

Chitty, J. Practical Treatise on the Criminal Law. 2d Eng. ed., 4 vols., London, 1826.

-- Практический трактат по медицинской юриспруденции. Лондон, 1834; Филадельфия, 1886. (Опубликована только часть I.)

Кристиан. Преступность медицинского законодательства. 1907.

Кристисон, Дж. С. Преступление и преступники. Чикаго, 1897.

Christison, J. S. The Confessions of Ivins. Чикаго, 1906.

Christison, R. Poisons. 2d ed., Edinburgh, 1832; 1st Amer. from 4th Eng. ed., Philadelphia, 1845.

Clark, C. An Analysis of Criminal Liability. Лондон, 1880.

Clark. Наследственность и преступность у преступников-эпилептиков. Браунн, 1880.

Коул, У. Р. Уголовное информирование и Quo Warranto. Лондон, 1843.

Комсток, А. В. Пьянство в оправдание убийства. Фил., 1890. (В сборнике Джонсона "Эссе на юридические темы").

Carr, W. W. Insanity in Criminal Cases. Фила., 1890.

Crocq. L'hypnotisme et le crime. Bruxelles, 1894.

Delbrueck, A. Die pathologische Lüge und die psychisch abnormen Schwindler. Stuttgart, 1891.

Delman, G. Der Verbrecher. Ein psychologisches Problem. Leipzig und Wien, 1896.

Despine. Psychologic naturelle. Essai sur les facultés intellectuelles et morales dans leur état normal et dans leur manifestations anormales chez les aliénés et chez les criminels. 3 тома, Париж, 1868.

Dobbins, E. S. Errors; chains forged and broken. 1883.

Draehms, A. The Criminal; his personnel and environment; a scientific study. Нью-Йорк, 1900.

Dugdale, R. L. The Jukes. Исследование преступности, нищеты, болезней и наследственности. 1-е изд., Нью-Йорк, 1877; 5-е изд., 1895.

Ellis, H. The Criminal. 1-е изд., Лондон и Нью-Йорк, 1890; 2-е изд., 1901; 3-е изд., 1907 г.

-- Криминальная социология.

Elwell, J. J. Malpractice and Medical Evidence. 4-е изд., Нью-Йорк, 1881.

Evans, D. M. Facts, Failures, and Frauds; revelations, financial, mercantile, criminal. Лондон, 1859.

Flynt, J. A. The World of Graft. New York, 1901 г.

-- Записки странствующего полицейского. Бостон, 1900 г.

-- Tramping with Tramps. 1903.

-- пер. с нем. немецкий, автор дю Буа-Раймон. Берлин, 1904 г.

-- Хищные силы.

-- Моя жизнь. Нью-Йорк, 1908.

Fourguet. Les faux témoins; Essai de psychologie criminelle. Châlon-sur-Saône, 1901.

Grasserie, R. de la. De la classification des actes criminels. Paris, 1902 г.

-- De la criminologie des collectives. Париж, 1903.

Грейвс, В. В. Закон для ловцов преступников. 1906.

Грин, С. М. Преступность; ее природа, причины, лечение и предупреждение. Филадельфия, 1889.

Гринвуд, Дж. Заключение на скамье подсудимых; мой четырехлетний ежедневный опыт работы в лондонских полицейских судах. Лондон, 1902.

Gross, H. Die Ehrenfolge bei strafgerichtlichen Verurtheilungen. Graz, 1875 г.

-- Handbuch für Untersuchungsrichter als System der Kriminalistik. (перевод с английского Адама Дж. и Дж. К., с. т. Уголовный розыск. Calcutta, New York, 1907.)

-- Enzyklopädie der Kriminalistik, 1st ed., Leipzig, 1901; 2d ed., 1904.

-- Zurechnung und strafrechtliche Verantwortlichkeit in positiver Beleuchtung. Berlin, 1903.

Холл, К. Р. Некодифицированные преступления. Олбани, 1890.

Харрис, Г. Е. Трактат по праву идентификации. Олбани, 1892.

Хилл, Ф. Преступность: ее количество, причины и способы устранения. Лондон, 1853.

Хиршл, А. Дж. Юридическая гигиена. Давенпорт, 1890.

Hoppe, H. Alkohol und Kriminalität in allen ihren Beziehungen. Wiesbaden, 1906.

Hoppe, J. Die Zurechnungsfähigkeit und die Kriminal-Anthropologie. 1903.

Horsley, J. W. Jottings from Jail. 1887.

-- Prisons and Prisoners. New York, 1899.

Хрдличка, А. Антропологическое исследование тысячи белых и цветных детей обоих полов, воспитанников Нью-Йоркского приюта для несовершеннолетних. Нью-Йорк и Олбани.

Джой, Х. Х. Доказательства соучастников. Дублин, 1836 г.; Филадельфия, 1844 г.

-- Допустимость признаний. Отвод присяжных в уголовных делах Дублин, 1842; Филадельфия, 1843.

Келлор, Ф. А. Экспериментальная социология. Описательная и аналитическая. Делинквенты. Нью-Йорк, Лондон, 1901.

Керр, Н. Опьянение или наркомания; ее этиология, патология, лечение и юриспруденция. 3-е изд., Лондон, 1894.

Kovalevsky, P. La psychologic criminelle. Paris, 1903.

Krafft-Ebing, R. Lehrbuch der gerichtlichen Psychopathologie. 1-е изд., Штутгарт, 1875; 2-е изд., 1881; 3-е изд., 1892 (1899?).

-- Grundzüge der Criminalpsychologie auf Grundlage der deutschen und österreichischen Strafgesetzgebung; für Juristen. 2d ed., Stuttgart, 1882.

Kubella, H. G. Naturgeschichte des Verbrechers: Grundzüge der kriminalen Anthropologie und Kriminalpsychologie; für Gerichtsärzte, Psychiater, Juristen und Verwaltungsbeamte. Stuttgart, 1893.

Ломброзо, Ч., и Феррепо, Дж. тр. English, ed., Morrison, s. t. The Female Offender. New York, 1895.

Макдональд, А. Криминология. 2d ed., New York, 1893 г.

-- Abnormal Man, being essays on education and crime and related subjects. Washington, 1893.

(Опубликован как Циркуляр информации Бюро образования № 2, 1893.)

-- Статистика преступлений, самоубийств, безумия и других форм ненормальности, а также криминологические исследования, с библиографией. Вашингтон, 1903; переиздано в 1908 году.

(Опубликован как U. S. Sen. Doc. No. 12, 58th Cong., Spec. sess.)

-- Человек и аномальный человек, включая исследование детей. Wash., 1903.

(Опубликован как U. S. Senate Doc. No. 187, 58th Cong., 3d sess.)

-- Преступность и реформация среди несовершеннолетних, включая стигматы вырождения. Вашингтон, 1908.

(Опубликован как U. S. Senate Doc. No. 532, 60th Cong., 1st sess.)

Мэйхью, Х. Преступная жизнь. Лондон, 1860.

Мередит, миссис. Книга о преступниках. Лондон, 1881.

Миллер, Д. Р. Преступные классы; причины и лечение. Дейтон, 1903.

Миллс. Задержанное и аберрантное развитие и извилины в мозгу параноиков, преступников, идиотов, негров. Филадельфия, 1889.

Миттермайер, К. Дж. А. Трактат на немецком языке; перев. Английский, по Gushing s. t. Effect of Drunkenness on Criminal Responsibility. Эдинбург, 1841.

Moore, C. C. A Treatise on Facts, or the Weight and Value of Evidence. 2 vols., Northport, N. Y., 1908.

Мотет. Les faux témoignages des enfants devant la justice. Paris, 1887.

Мюнстерберг, Х. На трибуне свидетеля; Эссе о психологии и преступлении. New York, 1908.

Negri, ed C. La delinquenza in Italia dal 1890 al 1905. Roma.

Nicolay. Les enfants mal élèves. Paris, 1890.

Noellner, F. Criminal-psychologische Denkwürdigkeiten. Stuttgart, 1858.

Parigot, J. Moral Insanity in relation to Criminal Acts. N. Y., 1861.

Parmelee, M. The Principles of Anthropology and Sociology in Relations to Criminal Procedure. Нью-Йорк, 1908.

Plowden, A. C. Grain or Chaff? Автобиография полицейского судьи. Лондон, 1903.

Rhoades, M. C. The Case Study of Delinquent Boys in the Juvenile Court of Chicago. Чикаго, 1907.

Roscoe, H. Law of Evidence in Criminal Cases. 2d ed., London, 1840; 9th ed., 1878; 11th ed., by Smith and Kennedy, 1890; 12th ed., by Keep, 1898.

-- США: 2-е изд., 1840; 4-е изд., 1852; 6-е изд., 1866; 7-е изд., автор Шарсвуд, Филадельфия, 1874; 8-е изд., автор Шарсвуд и Вэйланд, 2 тома, Филадельфия, 1888.

Russell, C. E. B., and Rigby, L. M. The Making of the Criminal. London, New York, 1906.

Ryan, W. B. Infanticide; its law, prevalence, prevention, and history. Лондон, 1862.

Rylands, L. G. Crime, Its Causes and Remedy. Лондон, 1889.

Соин, К. Д. Преступники. Бостон, 1890.

Seager, C. Magistrate's Manual. Торонто, 1901.

Sommer, R. Kriminalpsychologie und strafrechtliche Psychopathologie auf naturwissenschaftlicher Grundlage. Leipzig, 1904.

Спунер, Л. Эссе о суде присяжных. Бостон, 1852.

Стивен, Герберт. Заключение под присягой, настоящее и будущее. Лондон, 1898.

Стивенс, Дж. Г. Обвиняемые правонарушения и краткие обвинительные приговоры. Торонто, 1880.

Стоул, Дж. Причина и лечение преступлений; с трактатом о смертной казни. Филадельфия, 1880.

Страхан, С. А. К. Инстинктивная преступность. Лондон, 1891.

-- Самоубийство и безумие. 1893.

Tarde, G. La criminalité comparée. 1-е изд., Париж, 1886; 5-е изд., 1902 г.

-- L'opinion et la foule. Paris, 1901 г.

-- L'homme souterrain. Paris, 19-.

Томпсон. Физиология преступности. 1870.

Томпсон, С. Д., и Мерриам, Э. Г. Организация, содержание и поведение присяжных. Сент-Луис, 1882.

Tourenco, E. État mental des incendiaires. Париж, 1906 г.

Train, A. C. The Prisoner at the Bar; sidelights on the administration of Criminal Justice. New York, 1906; 2d ed., N. Y., 1908.

Valette, P. De l'érostratisme, ou, Vanité criminelle. Лион, 1908.

Wassermann, R. Beruf, Konfession und Verbrechen. München, 1907.

Weingart, A. Kriminaltaktik. Ein Handbuch für das Untersuchen von Verbrechen. Leipzig, 1904.

Вей, Х. Криминальная антропология. Elmira, 1890.

Уитон, Э. Р. Тюремные молитвы. Табор, штат Иа., 1906.

Whiteway, A. R. Recent Object-Lessons in Penal Science. 1-я серия, Лондон, 1898; 2-я серия, 1900; 3-я серия, 1902.

Wigmore, J. H. A Treatise on the System of Evidence in Trials at Common Law, 5 vols., Boston, 1904-1907.

Wilmanns. Zur Psychopathologie des Landstreichers. Лейпциг, 1906.

Уилсон, Г. Р. Клинические исследования в области порока и безумия. Бостон.

Winslow, R. Youthful Eccentricity a Precursor of Crime. N. Y., 1895.

Woods, C. H. Woman in Prison. 1869.

Woods, L. Essay on Native Depravity. 1885.

Вулдридж, К. Р. Прививочники Америки, кто они и как они работают. Чикаго, 1906.

Wulffen, E. Handbuch für den exekutiven Polizei- und Kriminalbeamten, für Geschworene und Schöffen, sowie für Strafansaltsbeamte. Dresden, 1905 г.

-- Psychologie des Verbrechers. 2 тома, Гросс-Лихтерфельде-Ост, 1908 (в "Энциклопедии современной криминальной статистики" Лангеншайдта).

СЕРИАЛЫ

(о. р.) Указывает на то, что журнал прекратил издание.

* Указывает на то, что журнал продолжает выходить с указанной даты.

СОЕДИНЕННЫЕ ШТАТЫ АМЕРИКИ.

(о.р.) Журнал уголовного права. Джерси-Сити, тома. I-XVIII, 1890-1896.

Медико-юридический журнал, изд. Белл, К. Нью-Йорк, 1884 г.*.

(о.р.) Психологический и медико-юридический журнал. Нью-Йорк, 1874-1875.

АВСТРИЯ.

Archiv für Kriminal-Antropologie und Kriminalistik. ed. Gross, H. Graz, Leipzig, 1899.*

ФРАНЦИЯ.

Archives d'anthropologie criminelle, de criminologie, et de psychologie normale et pathologique (под названием, до т. 8, Archives de l'anthropologie criminelle et des sciences penales).

Основано Лаккасань, Гарпо и др.; ред. Дюбюиссон. Париж, Лион, 1886 г.*.

ГЕРМАНИЯ.

Abhandlungen des kriminalistischen Seminars an der Universität Berlin. ed. Liszt, F. von. Berlin, 1888 * (нерегулярное издание; новая серия, том V, 1908).

Allgemeine deutsche Criminalzeitung. ed. Roskoschny. Лейпциг, 18-.

Blätter für gerichtliche Anthropologie, etc. См. "*Blätter*" Фридрейха.

Juristisch-psychiatrische Grenzfragen. ed. Finger, A., Hoche, A., and Bresler, J. Halle, 1905 * (нерегулярно; т. VI, 1908).

Monatsschrift für Kriminalpsychologie und Strafrechtsreform. ed., Aschaffenburg, Kloss, von Lilienthal, and von Liszt. Heidelberg, 1904.*

Zeitschrift für angewandte Psychologie und psychologische Sammelforschung (продолжение Beiträge zur Psychologie der Aussage). ed. Stern, L. W., and Lipmann. O. Leipzig, 1907.*

(о.р.) Zeitschrift für Criminal-Anthropologie, Gefängniswissenschaft und Prostitutionswesen. ed. Wenge, W. 1 vol., Berlin, 1897.

ИТАЛИЯ

Archivio di psichiatria, scienze penale, ed. antropologia criminale (прежнее название: Archivio di psichiatria, neuropathologia, antropologia criminale, e medicina legale). Дир. Ломброзо Ч., Гарофало Б. Р. и Ферри Э.; ред. Анденино. Турин, 1880 г.*.

ЮЖНАЯ АМЕРИКА

Archivos de criminologia, medicina legal y psiquiatria. ed. Ramos e Ingegnieros, J. Buenos Aires, 1902.*

Criminologia moderna. ed. Gori, P. Buenos Aires, 1899.*

ПРИЛОЖЕНИЕ В.

Работы по психологии, представляющие общий интерес.

Энджелл, Джеймс Р. Психология. New York. H. Holt & Co. 1904.

Болдуин, Дж. М. Справочник по психологии. New York, 1891.

Белл, сэр Чарльз. The Hand-Its Mechanism and Vital Endowments. Philadelphia, 1835.

Binet, A. Le fatigue intellectuelle. Paris, 1898.

Bourdon, B. L'expression des émotions et des tendances dan le langage. Paris, 1892.

Чемберлен, Александр Фрэнсис. The Child: a study in the evolution of man. Лондон, 1907.

Cowles, E. The Mental Symptoms of Fatigue. Нью-Йорк, 1893.

Дьюи, Джон. Психология. 3-е изд. Нью-Йорк.

Эббингауз, Г. Психология. Элементарный учебник (перевод Макса Мейера). Бостон, 1908.

Freud, S. Zur psychopathologie des alltagslebens, etc. 2^aaufl., Berlin, 1907.

-- Die Traumdeutung.

Холл, Г. Стэнли. Молодежь; ее воспитательный режим и гигиена. New York, 1907.

James, W. The Principles of Psychology. 2 vols. New York, 1890.

Janet, Pierre. L'automatisme psychologique. Paris, 1889 г.

-- The Major Symptoms of Hysteria. N. Y., 1907.

Jastrow, J. The Subconscious.

Jones, E. E. The Influence of Bodily Posture on Mental Activities. N. Y., 1907.

Джадд, К. Х. Психология. N. Y., 1907.

Кинг, Ирвинг. Психология развития ребенка. Chicago, 1904. 2d ed.

MacDonald, A. Abnormal Man. Вашингтон, 1893 (Информационный циркуляр Бюро образования Соединенных Штатов, 1893, № 4).

Манасеина, Мария. Сон, его физиология, патология, гигиена и психология. Лондон, 1908.

Marsh, H. D. The Diurnal Course of Efficiency. N. Y., 1906.

Mercier, Charles A. Psychology, normal and morbid. London, 1901.

Moore, C. C. A treatise on facts or the weight and value of Evidence. 2 vols. Northport, 1908.

Моссо, А. Усталость. (Перевод Маргарет Драммонд и У. Б. Драммонд.) N. Y. and London, 1906.

Норсворти, Наоми. Психология умственно отсталых детей. N. Y., 1906.

Оффнер, Макс. Das Gedächtnis, etc. Berlin, 1909.

Paulhan, F. La fonction de la memoire et le souvenirs affectif. Paris, 1904.

Pillsbury, W. B. Attention. New York, 1908.

Ribot, T. The Psychology of the Emotions. Лондон, 1897.

Скотт, В. Д. Психология публичных выступлений. Фил., 1907.

Sidis, B. The Psychology of Suggestion. N. Y., 1898.

Sighele, Scipio. La foule criminelle: essai de psychologie collective. Paris, 1901.

Stout, G. F. Manual of Psychology. Лондон, 1907.

Tarde, G. L'opinion et la foule. 2d éd. Paris, 1904.

Titchener, E. B. Lectures on the Elementary Psychology of Feeling and Attention. N. Y., 1908.

-- A Text-book of Psychology. N. Y., 1909. (Новое изд. с дополнениями.)

Уэллс, Фредерик Л. Лингвистические лакуны. With especial reference to the perception of linguistic sounds. N. Y., 1906.

ССЫЛКИ:

[1] W. Volkmann v. Volkmar: Lehrbuch der Psychologic (2 vols.). Cöthen 1875.

[2] J. Metzger: "Gerichtlich-medizinische Abhandlungen". Кёнигсберг 1803.

[3] Эрнст Плейнер: Questiones medicinae forensis, перевод с немецкого Хедериха. Лейпциг 1820.

[4] J. C. Hoffbauer: Die Psychologic in ihren Hauptanwendungen auf die Rechtspflege. Halle 1823.

[5] G. A. Grohmann: Ideen zu einer physiognomischen Anthropologie. Leipzig 1791.

[6] Johann Heinroth: Grundzüge der Kriminalpsychologie. Berlin 1833.

[7] Schaumann: Ideen zu einer Kriminalpsychologie. Галле 1792.

[8] Münch: Über den Einfluss der Kriminalpsychologie auf ein System der Kriminal-Rechts. Nürnberg 1790.

[9] Eckartshausen: Über die Notwendigkeit psychologischer Kenntnisse bei Beurteilung von Verbrechern. München, 1791.

[10] J. Fries: Handbuch der psychologischer Anthropologie. Jena, 1820.

[11] E. Regnault: Das gerichtliche Urteil der Ärzte über psychologische Zustände. Cöln, 1830.

[12] J. B. Friedreich: System der gerichtlichen Psychologie. Регенсбург, 1832.

[13] Wilbrand: Gerichtliche Psychologie. 1858.

[14] Kraus: Die Psychologie des Verbrechens. Tübingen, 1884.

[15] v. Krafft-Ebing: Die zweifelhaften Geisteszustände. Erlangen 1873.

[16] Maudsley: Physiology and Pathology of the Mind.

[17] v. Holtzendorff-статьи в "Rechtslexikon".

[18] Lombroso: L'uomo delinquente, etc.

[19] Ашаффенбург: Статьи в "Zeitschrift f. d. gesamten Strafrechtswissenschaften", особенно в XX, 201.

[20] Dr. P. Näcke: Über Kriminal Psychologie, в вышеупомянутом Zeitschrift, том XVII. Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe. Вена, Лейпсиг, 1884. Моральное безумие: Ärztliche Sachverständigen-Zeitung, 1895; Neurologisches Zentralblatt, Nos. 11 и 16. 1896.

[21] Kurella: Naturgeschichte des Verbrechers. Stuttgart 1893.

[22] Блейлер: Der geborene Verbrecher. München 1896.

[23] Dallemagne: Kriminalanthropologie. Paris 1896.

[24] Marro: I caratteri dei delinquenti. Турин 1887. I carcerati. Турин 1885.

[25] Havelock Ellis: The Criminal. Лондон 1890.

[26] A. Baer: Der Verbrecher Leipzig 1893.

[27] Koch: Die Frage nach dem geborenen Verbrecher. Ravensberg 1894.

[28] Maschka: Handbuch der Gerichtlichen Medizin (vol. IV). Тюбинген 1883.

[29] Thomson: Psychologie der Verbrecher.

[30] Ferri: Gerichtl. Psychologie. Mailand 1893.

[31] Bonfigli: Die Natugeschichte des Verbrechers. Mailand 1892.

[32] Corre: Les Criminels. Paris 1889.

[33] P. Jessen: Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie. Berlin 1855.

[34] R. Gneist: Aphorismen zur Reform des Rechtsstudiums. Berlin 1887.

[35] A. Menger: in Archiv für soziale Gesetzgebung v. Braun II.

[36] A. Stölzel: Schulung für die Zivilistische Praxis. 2d Ed. Berlin 1896.

[37] S. Goldschmidt: Rechtsstudium und Prüfungsordnung. Stuttgart 1887.

[38] A. v. Brinz: Über Universalität. Rectorsrede 1876.

[39] M. Guggenheim: Die Lehre vom aprioristischen Wissen. Berlin 1885.

[40] Cp. H. Gross's Archiv VI, 328 и VIII, 84.

[41] R. v. Ihering: Scherz und Ernst in der Jurisprudenz. Leipzig 1885.

[42] Warnkönig: Versuch einer Begründung des Rechtes. Бонн 1819.

[43] H. Spitzer: Über das Verhältnis der Philosophie zu den organischen Naturwissenschaften. Leipzig 1883.

[44] Cp. Gross's Archiv VIII 89.

[45] A. v. Öttingen: Moralstatistik. Эрланген 1882.

[46] Erdmann: Über die Dummheit. 1886.

[47] Ebbinghaus: Über das Gedächtniss. Leipzig 1885.

[48] Дж. С. Милль: Система логики.

[49] Ср. Löwenstimm, in H. Gross's Archiv, VII, 191.

[50] Патологические состояния, если они вообще отчетливы, легко распознаются, но между патологическими и нормальными состояниями существует очень широкая и полностью занятая граница. (Ср. O. Gross: Die Affektlage der Ablehnung. Monatschrift für Psychiatrie u. Neurologie, 1902, XII, 359.)

[51] Fröbel: Die Menschenerziehung. Keilhau 1826.

[52] K. Lange: Über Apperzeption. Plauen 1889.

[53] Diehl in H. Gross's Archiv, XI, 240.

[54] Carus: Psychologie. Leipzig 1823.

[55] M. Lazarus: Das Leben der Seele. Berlin 1856.

[56] Lotze: Der Instinkt. Kleine Schriften. Leipzig 1885.

[57] Ср. Lohsing: "Исповедь" в Gross's Archiv, IV, 23, и Hausner: ibid. XIII, 267.

[58] Ср. необыкновенное признание жены "каннибала" Братуши. Последний признался в том, что задушил свою двенадцатилетнюю дочь, сжег и по частям съел ее. Он сказал, что его жена была его сообщницей. Женщина сначала все отрицала, но после исповеди рассказала судье ту же историю, что и ее муж. Оказалось, что священник отказал ей в отпущении грехов, пока она не "исповедует правду". Но и она, и ее муж признались во лжи. Ребенок был жив. Исповедь отца была вызвана патологией, а матери - ее желанием получить отпущение грехов.

[59] C. J. A. Mittermaier: Die Lehre vom Beweise im deutschen Strafprosess, Darmstadt 1834.

[60] По называет такие признания чистыми извращениями.

[61] Ср. Elsenhaus: Wesen u. Entstehung des Gewissens. Leipzig 1894.

[62] Ср. выше, случай с "каннибалом" Братушей.

[63] Мы не должны упускать из виду те случаи, когда ложные признания являются результатом болезни, ярких снов и токсикации, особенно отравления угольным газом. Люди, отравленные таким образом, но спасенные от смерти, часто утверждают, что были виновны в убийстве (Hofman. Gerichtliche Medizin, p. 676).

[64] v. Volkmar: Lehrbuch der Psychologie. Cöthen 1875.

[65] K. Haselbrunner: Die Lehre von der Aufmerksamkeit. Vienna. 1901.

[66] E. Wiersma and K. Marbe: Untersuchungen über die sogenannten Aufmerksamkeitsschwankungen. Ztsch. f. Psych. XXVI, 168 (1901).

[67] Слотеп: The Fluctuations of Attention. Am. Jour. of Psych. XII, 313 (1901).

- [68] H. L. Helmholtz: Über die Wechselwirkungen der Naturkräfte. Königsberg 1854.
- [69] A. Lehmann: Die körperliche Äusserungen psychologischer Zustände. Leipzig Pt. I, 1899. Pt. II, 1901.
- [70] H. Bergson: Le Rire. Paris 1900.
- [71] Г. Спенсер: Essays, Scientific, etc. 2-я серия.
- [72] Чарльз Белл: Анатомия и философия выражения. Лондон, 1806 и 1847.
- [73] J. B. Friedreich: System der Gericht. Psych.
- [74] Cp. Näcke в Gross's Archiv, I, 200, и IX, 253.
- [75] Ч. Дарвин: The Expression of the Emotions.
- [76] S. Stricker: Studien über die Bewegungsvorstellungen. Вена 1882.
- [77] E. Claparède: L'obsession de la rougeur. Arch. de Psych. de la Suisse Romande, 1902, I, 307.
- [78] Хенле: Über das Erröten. Breslau 1882.
- [79] Th. Waits: Anthropologie der Naturvölker (Pt. I). Leipzig 1859.
- [80] Th. Мейнерт: Психиатрия. Вена 1884.
- [81] L. Meyer: Über künstliches Erröten. Westphals. Archiv, IV.
- [82] Th. G. von Hippel: Lebenläufe nach aufsteigender Linie. Ed. v Oettingen. Leipzig 1880.
- [83] G. Struve: Das Seelenleben oder die Naturgeschichte des Menschen. Berlin 1869.
- [84] La Roche-Foucauld: Maximes et Refléxions Morales.
- [85] Grundbegriffe der ethischen Wissenschaft. Leipzig 1844.
- [86] Menschenkunde oder philosophische Anthropologie. Лейпциг 1831. Ch. Starke.
- [87] Etwas zur Charakterisierung der Juden. 1793.
- [88] A. Kraus: Die Psychologie des Verbrechens. Tübingen 1884.
- [89] V. Gyurkovechky: Pathologie und Therapie der männlichen Impotenz. Вена, Лейпциг 1889.
- [90] Cp. Näcke в Archiv H. Gross, I, 200; IX, 153.
- [91] Cp. Bernhardi в Архиве Г. Гросса, V, p. 40.
- [92] Revue de deux Mondes, Jan. 1, 1872.
- [93] v. Volkmar: Lehrbuch der Psychologie. Cöthen 1875.
- [94] A. Bain: The Emotions and the Will. 1875.
- [95] Les Timides et la Timidité. Париж 1901.
- [96] K. von Reichenbach: Der sensitive Mensch. Cotta 1854.
- [97] c.f. H. Bergson: Le Rire. Paris 1900.

[98] Mitchell: Über die Mitleidenschaft der Geschlechtsteile mit dem Kopfe. Вена 1804.

[99] Blumröder: Über das Irresein. Лейпциг 1836.

[100] J. B. Friedreich: Gerichtliche Psychologie. Регенсбург 1832.

[101] Cp. Näcke. Gross's Archiv, XV. 114.

[102] Schrenck-Notzing: Ztschrft. f. Hypnotismus, VII, 121; VIII, 40, 275; IX, 98.

[103] Lotze: Medizinische Psychologie. Leipzig 1852.

[104] Берсе в Архиве Гросса, I, 93.

[105] E. Schultse. Zeitschrift für Philosophie u. Pädagogie, VI, 1.

[106] L. Landois: Lehrbuch der Physiologie des Menschen. Vienna 1892.

[107] Cp. H. Gross's Archiv, II, 140; III, 350; VII, 155; VIII, 198.

[108] J. K. Lavater: Physiognomische Fragmente zur Beförderung des Menschenkenntniss und Menschenliebe. Leipzig 1775.

[109] F. J. Gall: Introduction au Cours du Physiologie du Cerveau. Paris 1808. Recherches sur la système nerveux. Paris 1809.

[110] B. v. Cotta: Geschichte u. Wesen der Phrenologie. Dresden 1838.

[111] R. R. Noel: Die materielle Grundlage des Seelenbens. Leipzig 1874.

[112] S. Schack: Physiognomische Studien. Jena 1890.

[113] Дарвин: Expression of the Emotions in Men and Animals.

[114] Th. Piderit: Wissenschaftliches System der Mimik und Physiognomik. Detmold 1867.

[115] Carus: Symbolik der Menschlichen Gestalt. Leipsig 1858.

[116] К. Белл: Anatomy and Philosophy of Expression. Лондон 1847.

[117] Ле Брюн: Conférences sur l'Expression. 1820.

Reich: Die Gestalt des Menschen und deren Beziehung zum Seelenleben. Heidelberg 1878.

P. Mantegazza. Physiognomik u. Mimik. Leipzig 1890.

Duchenne: Mechanismus des Menschlichen Physiognomie. 1862.

Skraup: Katechismus der Mimik. Leipzig 1892.

H. Magnus: Die Sprache der Augen.

Gessmann: Katechismus der Gesichtslesekunst. Berlin 1896.

A. Schebest: Rede u. Geberde. Leipzig 1861.

Engel: Ideen zu einer Mimik. Berlin 1785.

G. Schneider: Die tierische Wille. 1880.

K. Michel: Die Geberdensprache. Köln 1886.

Wundt: Grundzüge, etc. Leipzig 1894.

C. Lange: Über Gemütsbewegungen. 1887.

Giraudet: Mimique, Physiognomie et Gestes. Paris 1895.

A. Mosso: Die Furcht. 1889.

D. A. Baer: Der Verbrecher. Leipzig 1893.

Wiener: Die geistige Welt.

Lotze. Medizinische Psychologie.

Th. Waits. Anthropologie der Naturvölker. Leipzig 1877.

Lelut: Physiologie de la Pensée.

Монро: Замечания о здравомыслии.

C. F. Heusinger: Grundriss der physiologischen u. psychologischen Anthropologie. Eisenach 1829.

Herbart: Psychologische Untersuchung. Göttingen 1839.

Comte: Systeme de Philosophie Positive. Paris 1824.

T. Meynert: Mechanik der Physiognomik. 1888.

F. Golts: Über Moderne Phrenologie. Deutsche Rundschau Nov.-Dec. 1885.

H. Hughes: Die Mimik des Menschen auf Grund voluntarischer Psychologie Frankfurt a. M. 1900.

A. Borée: Physiognom. Studien. Stuttgart 1899.

[118] Психиатрия. Вена 1884.

[119] J. Müller: Handbuch der Physiologie des Menschen. 1840.

[120] L. P. Gratiolet: De la Physiognomie et des Mouvements d'Expression. Paris 1865.

[121] Тейлор: Ранняя история человечества.

[122] Дж. Рид: The Muscular Sense. Журнал психических наук, XLVII, 510. 1901.

[123] Wagner's Handwörterbuch, III, i.

[124] К. Белл: The Human Hand. London 1865.

K. G. Carus: Über Grund u. Bedeutung der verschiedenen Hand. Stuttgart 1864.

D'Arpentigny: La Chirognomie. Paris 1843.

Аллен: Manual of Cheirosophy. Лондон 1885.

Gessmann: Die Männerhand, Die Frauenhand, Die Kinderhand. Berlin 1892, 1893, 1894.

Liersch: Die linke Hand. Berlin 1893.

J. Landsberg: Die Wahrsagekunst aus der Menschlichen Gestalt. Berlin 1895.

- [125] W. Esser: Psychologie. Münster 1854.
- [126] F. Hillebrand: Zur Lehre der Hypothesenbildung.
- [127] C. J. A. Mittermaier: Die Lehre vom Beweis im deutschen Strafprozess. Darmstadt 1834.
- [128] J. Schiel: Die Methode der Induktiven Forschung. Braunschweig 1865.
- [129] Max Mayer: Der Kausalzusammenhang zwischen Handlung und Erfolg in Strafrecht. 1899.
von Rohland: Die Kausallehre im Strafrecht. Leipzig 1903.
H. Gross's Archiv, XV, 191.
- [130] Ср. S. Stricker: Studien über die Assoziation der Vorstellungen. Вена 1883.
- [131] Meinong: Humestudien. Vienna 1882.
- [132] Das Wahrnehmungsproblem von Standpunkte des Physikers, Physiologen und Philosophen. Лейпциг 1892.
- [133] C. Bernard: Introduction à l'Etude de la Médecine Experimentale. Париж 1871.
- [134] Schopenhauer: Die beiden Grundprobleme der Ethik.
- [135] Ср. "Трактат о человеческой природе" Юма.
- [136] Масарик: Скепсис Дэвида Юма. Вена 1884.
- [137] Liebman: Zur Analysis der Wirklichkeit. Страсбург 1888.
- [138] Öttingen: Die Moralstatistik. Erlangen 1882.
- [139] Джеймс Салли: "Die Illusionen" в томе 62 журнала Internation. Wissenschaft. Bibliothek. Leipzig 1884.
- [140] Th. Lipps: Grundtatsachen des Seelenlebens. Бонн 1883.
- [141] Руководство для экзаменационных судей.
- [142] Б. Петрониевич: Der Satz vom Grunde. Leipzig 1898.
- [143] Разумеется, под "доказательством", как и под "уверенностью", мы понимаем только максимально возможную степень вероятности.
- [144] Локк: Эссе о человеческом понимании.
- [145] Лаплас: Essay Philosophique sur les Probabilités. Париж, 1840.
- [146] Венн: Логика случайности.
- [147] Филос. Versuch über die Wahrscheinlichkeiten. Вюрсбург 1883.
- [148] Über die Wahrscheinlichkeit. Leipzig 1875.
- [149] J. v. Kries: Über die Wahrscheinlichkeit u. Möglichkeit u. ihre Bedeutung in Strafrecht. Zeitschrift f. d. ges. St. R. W. Vol. IX, 1889.
- [150] Виндельбанд: Die Lehren vom Zufall. Berlin 1870.

- [151] Cp. S. Freud: Psychopathologie des Alltagsleben.
- [152] C. J. A. Mittermaier: Die Lehre vom Beweise.
- [153] Cp. H. Gross, Korrigierte Vorstellungen, в Archiv, X, 109.
- [154] S. Exner: Entwurf zu einer physiologischen Erklärung der psychischen Erscheinungen. Leipzig 1894.
- [155] Studien über die Assoziation der Vorstellungen. Вена 1883.
- [156] von Hartmann: Philosophie des Unbewussten. Берлин 1869.
- [157] Cp. Gross's Archiv, I, 93; II, 140; III, 250; VII, 155.
- [158] H. Aubert: Physiologie der Netzhaut. Breslau 1865.
- [159] Дэвид Юм: Enquiry, p. 33 (Open Court Ed.).
- [160] H. Münsterberg: Beiträge zur experimentellen Psychologie, III. Freiburg.
- [161] Cf. O. Gross: Soziale Hemmungsvorstellungen. H. Gross's Archiv: VII, 123.
- [162] Здесь пропущен один абзац. Переводчик.
- [163] О. Гросс: Zur Phyllognese der Ethik. H. Gross's Archiv, IX, 100.
- [164] Cp. B. Földes: Einige Ergebnisse der neueren Kriminalstatistik. Zeitschrift f. d. ges. Strafrechts-Wissenschaft, XI. 1891.
- [165] Näcke: Moralische Werte. Archiv, IX, 213.
- [166] Дж. Гурнхилл: The Morals of Suicide. London 1900.
- [167] Näcke in Archiv VI, 325; XIV, 366.
- [168] K. Gutberlet: Die Willensfreiheit u. ihre Gegner. Fulda 1893.
- [169] Die sieben Welträtsel. Leipzig 1882.
- [170] Генри Модсли: Физиология и патология разума.
- [171] Джексон: Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie, Berlin 1855.
- [172] Общее рассмотрение восприятия см. в James, Principles of Psychology. Энджелл, Психология.
- [173] Meinong: Über die Bedeutung der Weberschen Gesetzes. Гамбург и Лейпциг, 1896.
- [174] T. Pesch: Das Weltphänomen.
- [175] H. Helmholtz: Die Tatsachen der Wahrnehmung. Braunschweig 1878.
- [176] E. L. Fischer: Theorie der Gesichtswahrnehmung. Майнц 1891.
- [177] Cp. Archiv, XVI, 371.
- [178] Vincent: Traité de Médecine légale de Légrand du Saule.

- [179] W. Heinrich: Übersicht der Methoden bei Untersuchung der Farbenwahrnehmungen. Krakau 1900.
- [180] Physiologie der Netzhaut. Breslau 1865.
- [181] J. O. Quantz: The Influence of the Color of Surfaces on our Estimation of their Magnitudes. Am. Journal of Psychology VII, 95.
- [182] Люди в преклонном возрасте, похоже, не способны слышать пронзительные тона. Мой друг сообщает, что так было с композитором Робертом Франсом.
- [183] В. Вундт: Grundzüge.
- [184] A. Strindberg: Zur Physiologie des Geschmacks. Wiener Rundschau, 1900. p. 338 ff.
- [185] Ч. Ломброзо и Дж. Ферреро. Женщина-преступница.
- [186] E. H. Weber: Die Lehre vom Tastainn u. Gemeingefühl. Braunschweig 1851.
- [187] Студенты, являющиеся членами студенческих обществ, отличающихся особыми цветами.
- [188] K. Vierordt: Der Zeitsinn nach Versuchen. Тюбинген 1868.
- [189] Первый абзац, с. 78-79, в переводе опущен.
- [190] E. L. Fischer: Theorie der Gesichtswahrnehmung. Mainz 1891.
- [191] Здесь опущено одно предложение.
- [192] E. Benneke: Pragmatische Psychologie.
- [193] Cp. H. Gross's Archiv, XV, 125.
- [194] Cp. Borst u. Claparède: Sur divers Caractères du Temoignage. Archives des Sciences Phys. et Nat. XVII. Diehl: Zum Studium der Merkfähigkeit. Beitr. zur Psych. der Aussage, II, 1903.
- [195] Gericht. Medizin. Vienna 1898. p. 447.
- [196] J. M. Cattell: Über die Zeit der Erkennung u. Benennung von Schrift etc. (in Wundt's: Philosophischen Studien II, 1883).
- [197] Cp. Виндельбанд: "Präludien".
- [198] H. Gross: Korregierte Vorstellungen. В "Архиве Г. Гросса" X, 109.
- [199] C. de Lagrave: L'Autosuggestion Naturelle. Rev. d'Hypnot. 1889, XIV, 257.
- [200] Несколько предложений здесь опущены.
- [201] Cp. E. Storch: Über des räumliche Sehen, in Ztschrft. v. Ebbinghaus u. Nagel XXIX, 22.
- [202] S. Stricker: Studien über die Bewegungsvorstellungen. Tübingen 1868.
- [203] Cp. Näcke в Gross's Archiv VII, 340.
- [204] L. Geiger: Der Ursprung der Sprache. Stuttgart 1869.
- [205] W. Ostwald: Die Überwindung des wissenschaftlichen Materialismus.

- [206] A. Höfler: Psychologie. Вена 1897.
- [207] Фолькмар: Психология. Cöthen 1875.
- [208] Th. Lipps: Der Begriff des Unbewussten in der Psychologie. München 1896.
- [209] Ср. Симпозиум о подсознании. Журнал аномальной психологии.
- [210] Ср. Архив Г. Гросса, II, 140.
- [211] H. Münsterberg: Beiträge I-IV. Freiburg 1882-1892.
- [212] A. Mayer and J. Orth: Zur qualitativen Untersuchung der Assoziation. Ztschrft. f. Psychol. u. Physiol. der Sinnesorgane, XXVI, 1, 1901.
- [213] H. Münsterberg: Beiträge II, IV.
- H. Ebbinghaus: Über das Gedächtnis. Leipzig 1885.
- J. M. Cattell: Mind, Vols. 11-15. (Статьи.)
- J. Бурдон: Влияние возраста на непосредственную память. Revue Philosophique, Vol. 38.
- Kräpelin: Über Erinnerungstäuschungen. Archiv. f. Psychiatrie, XVII, 3.
- Lasson: Das Gedächtnis. Berlin 1884.
- Diehl: Zum Studium der Merkfähigkeit. Beitr. s. Psychol. d. Aussage, II. 1903.
- [214] E. Hering: Über das Gedächtnis, etc. Vienna 1876.
- [215] Ср. V. Hensen: Über das Gedächtnis, etc. Киль 1877.
- [216] Этика. Bk. III, Prop. II, Scholium.
- [217] G. K. Uphues: Über die Erinnerung. Leipzig 1889.
- [218] H. Dörner: Das menschliche Erkennen. Berlin 1877.
- [219] О. Кюльпе: Grundriss der Psychologie. Leipzig 1893.
- [220] v. Kries: Beiträge zur Lehre vom Augenmass. Hamburg 1892.
- [221] Ср. Schneikert в "Архиве Г. Гросса", XIII, 193.
- [222] Jost: Über Gedächtnisbildung.
- [223] Ср. S. Freud: Psychopathologie des Alltagsleben.
- [224] Du Potet: Journal du Magnetisme, V. 245.
- [225] F. Kemsies: Gedächtnis Untersuchungen an Schülern. Ztsch. f. pädago. Psych. III, 171 (1901).
- [226] T. E. Bolton: The Growth of Memory in School Children. Am. Jour. Psych. IV.
- [227] L. Bazerque: Essai de Psychopathologie sur l'Amnesie Hystérique et Epiléptique. Toulouse 1901.
- [228] Ср. H. Gross's Archiv. I, 337.

- [229] J. Hubert: Das Verhalten des Gedächtnisses nach Kopfverletzungen. Basel, 1901.
- [230] Cp. H. Gross's Archiv. XV, 123.
- [231] W. Sander: Über Erinnerungstäuschungen, Vol. IV of Archiv für Psychiatrie u. Nervenkrankheiten.
- [232] Sommer: Zur Analyse der Erinnerungstäuschungen. Beiträge zur Psych. d. Aussage, 1. 1903.
- [233] Джеймс Салли: Illusions. Лондон.
- [234] H. Gross's Archiv I, 261, 335.
- [235] E. Hering: Über das Gedächtnis, etc. Вена 1876.
- [236] M. W. Drobisch: Die moralische Statistik. Leipzig 1867.
- [237] Neues Archiv des Kriminal-Rechts. Vol. 14.
- [238] H. Münsterberg: Die Willeshandlung и различные главы о воле в психологиях Джеймса, Титченера и др.
- [239] A. Lehman: Die Hauptgesetze des menschlichen Gefühlsleben. Leipzig 1892.
- [240] Cp. Дарвин: Descent of Man.
- Якоб Гримм: Über den Ursprung der Sprache.
- E. Renan: De l'Origine du Language, etc., etc.
- [241] Ursprung u. Entwicklung der Sprache. Stuttgart, 1869.
- [242] E. Regnault: La Langage par Gestes. La Nature XXVI, 315.
- [243] Параграф опущен.
- [244] Параграф опущен.
- [245] Der Ursprung der Sprache. Stuttgart 1869.
- [246] Cp. Zeitschrift für Völkeranthropologie. Vol. XIX. 1889. "Wie denkt das Volk über die Sprache?".
- [247] Об аномальном см: Verbrechen und Wahnsinn beim Weibe Leipzig 1894.
- [248] H. Marion: Psychologie de la Femme. Paris 1900.
- [249] Романтическая любовь и личная красота. X. Финк. Лондон 1887.
- [250] Словарь христианских древностей.
- [251] Bilder altgriechischer Sitte.
- [252] Die Lehre vom Beweise. Darmstadt.
- [253] E. Reich: Das Leben des Menschens als Individuum. Berlin 1881.
- L. von Stern: Die Frau auf dem Gebiete etc. Stuttgart 1876.
- A. Corre: La Mère et l'Enfant dans les Races Humaines. Paris 1882.

A. v. Schweiger-Lerchenfeld: Das Frauenleben auf der Erde. Vienna 1881.

J. Michelet. La Femme.

Rykèr: Das weibliches Verbrechertum. Брюссель 1898.

C. Renoos: Psychologie Comparée de l'Homme et de la Femme. Biblio. de la Nouv. Encyclopaedie. Paris 1898.

Möbius: Der Physiologische Schwachsinn des Weibes.

[254] J. B. Friedreich: System der gerichtlich. Psychol. Regensburg 1852.

[255] Icard: La Femme dans la Periode Menstruelle. Paris 1890.

[256] Cp. Nessel в Archiv H. Gross. IV, 343.

[257] Cp. Krafft-Ebing: Psychosis Menstrualis. Stuttgart 1902.

[258] Чувствительный человек.

[259] Ч. Ломброзо и Дж. Ферреро. Женщина-преступница.

[260] La Folie devant les Tribunaux. Paris 1864.

Трактат о легальной медицине. Paris 1873.

[261] Les Voleuses des Grands Magazins. Archives d'Anthropologie Criminelle XVI, 1, 341 (1901).

[262] A. Schwob: Les Psychoses Menstruelles au Point du Vue Medico-legal. Lyon, 1895.

[263] Neumann: Einfluss der Schwangerschaft. Siebold's Journal f. Geburtshilfe. Vol. II.

Hoffbauer: Die Gelüste der Schwangeren. Archiv f. Kriminalrecht. Том I. 1817.

[264] Archivio di Psichiatria. 1892. Том XIII.

[265] A. Kraus: Die Psychologie des Verbrechens. Tübingen 1884.

[266] Lehrbuch des Anthropologie. Leipzig 1822.

[267] Cp. Archiv H. Gross. VI, 334.

[268] Mantegazza: Fisiologia del piacere.

[269] Несколько предложений здесь опущены.

[270] Chronique des Tribunaux, vol II. Bruxelles 1835.

[271] Cp. Lombroso and Ferrero, The Female Offender: Tr. by Morrison. N. Y. 1895.

[272] Loco cit.

[273] Fisiologia del dolore. Firenze 1880.

[274] Bogumil Goltz: Zur Charakteristik u. Naturgeschichte der Frauen. Berlin 1863.

[275] Sergi: Archivio di Psicologia. 1892. Том XIII.

[276] Cp. Archiv. H. Gross. I, 306; III, 88; V, 207; V, 290.

- [277] Виганд: Die Geburt des Menschen. Berlin 1830. Klein: Über Irrtum bei Kindesmord, Harles Jahrbuch, Vol. 3. Burdach: Gerichtsärztliche Arbeiten. Stuttgart, 1839.
- [278] Parerga и Paralipomena.
- [279] Введение в изучение социологии.
- [280] Menschenkunde. Лейпциг, 1831.
- [281] Трейси: The Psychology of Childhood. Boston 1894.
- M. W. Shinn: Notes on the Development of a Child. Berkeley 1894.
- L. Ferriani: Minoretti delinquenti. Milano 1895.
- J. М. Болдуин: Психическое развитие ребенка и др. New York 1895.
- Aussage der Wirklichkeit bei Schulkindern. Beitrage z. Psych. d. Aussage. II. 1903.
- Plüschke: Zeugenaussage der Schüler: in *Rechtsschutz* 1902.
- Oppenheim: The Development of the Child. New York 1890.
- [282] Löbisch: Entwicklungsgeschichte der Seele des Kindes. Вена 1851.
- [283] Le Développement de la Mémoire Visuelle chez les Enfants. Rev. Gen. des Science, V. 5.
- [284] W. Preyer: Die Seele des Kindes: Leipzig 1890.
- [285] "Irritation et Folie."
- [286] Des Causes Morales et Physiques des Maladies Mentales. Paris 1826.
- [287] System der Gerichtlichen Psychologie. Regensburg 1852.
- [288] Die Psychologie des Verbrechens. Тюбинген 1884.
- [289] Женщина-преступница.
- [290] H. Gross: Lehrbuch für den Ausforschungsdienst der Gendarmerie.
- [291] Ср. архив Г. Гросса XIV, 83.
- [292] Marie Borst: Recherches experimentales sur l'éducation et la fidelité du temoignage. Archives de Psychologie. Женева. Том III. № 11.
- [293] T. Lipps: Die Grundtatsachen des Seelenlebens. Bonn 1883.
- [294] R. H. Lotze: Medizinische Psychologie. Leipzig 1882.
- [295] Handbuch der physiologischen Optik. Лейпциг 1865.
- [296] G. Tarde: La Philosophie Pénale. Лион 1890. La Criminalité Comparée 1886. Les Lois de l'Imitation. 1890. Psych. Économique, 1902.
- [297] Kosmodicee. Лейпциг и Вена, 1897.
- [298] A. Wagner: Statistisch-anthropologische Untersuchung. Hamburg 1864.
- [299] Die Lehre vom Beweise. Darmstadt 1843.

[300] Cp. H. Gross's Archiv, II, 140; III, 350; VII, 155.

[301] Cp. H. Gross's Archiv, VII, 160.

[302] Über das Gedächtnis etc. Вена 1876.

[303] H. Gross's Archiv. II, 140; III, 350; VII, 155; XIII, 161; XIV, 189.

[304] Бенедикт: Наследственность. Мед. Times, 1902, XXX, 289.

Ричардсон: Теории наследственности. Nature, 1902, LXVI, 630.

Petruskewisch: Gedanken zur Vererbung. Freiburg 1904.

[305] Гальтон: Наследственный гений. 2d Ed. London 1892.

Martinak: Einige Ansichten über Vererbung moralischer Eigenschaften. Transactions, Viennese Philological Society. Leipzig 1893.

Haacke: Gestaltung u. Vererbung. Leipzig 1893.

Tarde: Les Lois de l'imitation. Paris 1904. И т.д., и т.п.

[306] Руководство.

[307] Cp. Friedmann: Die Wahnsinn im Völkerleben. Wiesbaden 1901.

Sighele: La folla delinquente. Studio di psicologia Collettiva 2d Ed. Torino 1895. I delitti della folla studiati seconde la psicologia, il diritto la giurisprudenza. Torino 1902.

[308] A. Eulenberg: Sexuale Neuropathie. Leipzig 1895.

[309] О литературе см. Edmund Parish: Über Trugwahrnehmung. Leipzig 1894.

A. Cramer: Gerichtliche Psychiatrie. Jena 1897.

Th. Lipps: Ästhetische Eindrücke u. optische. Täuschung.

J. Sully: Illusions, London, 1888.

[310] Cp. Lotze: Medizinische Psychologie. Leipzig 1852.

[311] Cp. Entwurf, etc.

[312] Die Grundtatsachen des Seelenlebens. Bonn 1883.

[313] Poggendorf's Annalen der Physik, Vol. 110, p. 500; 114, 587; 117, 477.

[314] В. Ларден: Оптическая иллюзия. Nature LXIII, 372 (1901).

[315] H. Gross: Lehrbuch für den Ausforschungsdienst der Gendarmerie.

[316] О том, что такое синестезии. Magazin für Seelenkunde VIII.

[317] Erklärung der Sinnestäuschungen. Würzburg 1888.

[318] Elemente der Psychophysik. Leipzig 1889.

[319] Studien über die Sprachvorstellung. Вена 1880.

- [320] Макс Мейер: Zur Theorie der Geräuschempfindungen. Leipzig 1902.
- [321] C. Wernicke: Über Halluzinationen, Ratlosigkeit, Desorientierung etc. Monatschrift f. Psychiatrie u. Neurologie, IX, 1 (1901).
- [322] Джеймс Салли. Иллюзии.
- [323] J. J. Hoppe. Erklärungen des Sinnestauschungen.
- [324] Cp. A. Mosso: Die Ermüdung. Leipzig 1892.
- [325] Phantasie u. Phantasienvorstellung. Zeitschrift f. Philosophie u. philosophische Kritik. Vol. 95.
- [326] Cp. Witasek: Zeitschrift f. Psychologie. Vol. XII. "Über Willkürliche Vorstellungsverbindung."
- [327] Psychologie. Wien u. Prag. 1897.
- [328] Многие пропуски были вызваны тем, что не удалось найти английских эквивалентов для немецких примеров. [Переводчик.]
- [329] Cp. S. Freud: Psychopathologie des Alltagsleben.
- [330] Цитируется Джеймсом, Психология, курс Бюфера.
- [331] S. Exner: Entwurf, etc.
- [332] Die Wahrnehmung und Empfindung. Leipzig 1888.
- [333] Cp. Lohsing в H. Gross's Archiv VII, 331.
- [334] См. мое руководство "Когда свидетель не желает говорить правду".
- [335] Кант: "Über ein vermeintliches Recht, aus Menschenliebe zu lügen".
- [336] Здесь пропущено предложение. (Переводчик.)
- [337] A. Moll: Die konträre Sexualempfindung. Berlin 1893.
- [338] E. Kiefer: Die Lüge u. der Irrtum vor Gericht. Beiblatt der "Magdeburgischen Zeitung", Nos. 17, 18, 19. 1895.
- [339] Cp. "Руководство", "Die Aussage Sterbender".
- [340] Cp. Näcke: Zeugenaussage in Alkohol. Gross's Archiv. XIII, 177 и H. Gross, I 337.
- [341] Delbrück: Die pathologische Lüge, etc. Stuttgart 1891. "Руководство", "Das pathoforme Lügen".
- [342] Cp. S. Freud: Traumdeutung. Leipzig 1900 (для полной библиографии).
- B. Sidis: An Experimental Study of Sleep: Journal of Abnormal Psychology. 1909.
- [343] Модсли. Физиология и патология разума.
- [344] Cp. Альтманн в Архиве Г. Гросса. I, 261.
- [345] F. Heerwagen: Statistische Untersuchung über Träume und Schlaf. Wundt's Philosophische Studien V, 1889.

- [346] P. Jessen: Versuch einer wissenschaftlichen Begründung der Psychologie. Berlin 1885.
- [347] Cp. Archiv Г. Гросса. XIII 161, XIV 189.
- [348] Zeitschrift f. Biologie, Neue Folge, Band I.
- [349] Cp. H. Gross's Archiv. XIII, 177.
- [350] H. Gross's Archiv. II, 107.
- [351] Andrew Combe: Observations on Mental Derangement. Edinburgh 1841.
- [352] J. C. Hoffbauer: Die Psychologie in ihren Hauptanwendungen auf die Rechtspflege. Halle 1823.
- [353] Schrenck-Notzing: Über Suggestion u. Erinnerungsfälschung im Berchthold-Prozess. Leipzig 1897.
- [354] M. Dessoir: Bibliographic des modernen Hypnotismus. Berlin 1890.
- W. Hirsch: Die Menschliche Verantwortlichkeit u. die moderne Suggestionstheorie. Berlin 1806.
- L. Drucker: Die Suggestion u. Ihre forense Bedeutung. Vienna 1893.
- A. Cramer: Gerichtliche Psychiatrie. Jena 1897.
- Berillon: Les faux témoignages suggérés. Rev. de l'hypnot. VI, 203.
- C. de Lagrave: L'autosuggestion naturelle. Rev. de l'hypnot. XIV, 257.
- B. Sidis: The Psychology of Suggestion.

Типографские ошибки исправлены транскриптором электронного текста:

phenomonon=> феномен {стр. 137}

psychology have nothing to do=> психологии нечего делать {pg 179}

stick appears bents=> палка кажется согнутой {pg 190}

внимание предвзято=> внимание предвзято {pg 192}

мужчины могут воспринимать огромное=> мужчины могут воспринимать огромное {pg 192}

On the one side=> с одной стороны {pg 233}

без знания=> без знания {pg 278}

Entwicklung der Sprache=> Entwicklung der Sprache {pg 288}

и из этого он может вывести=> и только из этого он может вывести {pg 320}

идеи скуки=> идеи скуки {pg 324}

согласно Стендалю => согласно Стендалю {pg 342}

психологические исследования=> психологические исследования {pg 394}

внимание к знакомому факту=> внимание к знакомому факту {pg 426}

equilibrium of vision=> равновесие зрения {pg 436}

старый знакомый=> старый знакомый {pg 437}

неадекватное понимание=> неадекватное понимание {pg 478}

Bergquist, 192.=> Bergqvist, 192. {pg 203}

Claparede, 49, 50, 227.=> Claparède, 49, 50, 227. {pg 504}

Герстакер, 53.=> Gerstäcker, 53. {pg 506}

Monnnigshoff, 484.=> Мённогсхофф, 484.=> Mönnigshoff, 484. {pg 509}

Störch, 236.=> Шторх, 236. {pg 512}

Варкёниг, 10.=> Warnkönig, 10. {pg 513}

Винклеманн, 102.=> Винкельманн, 102. {pg 513}
